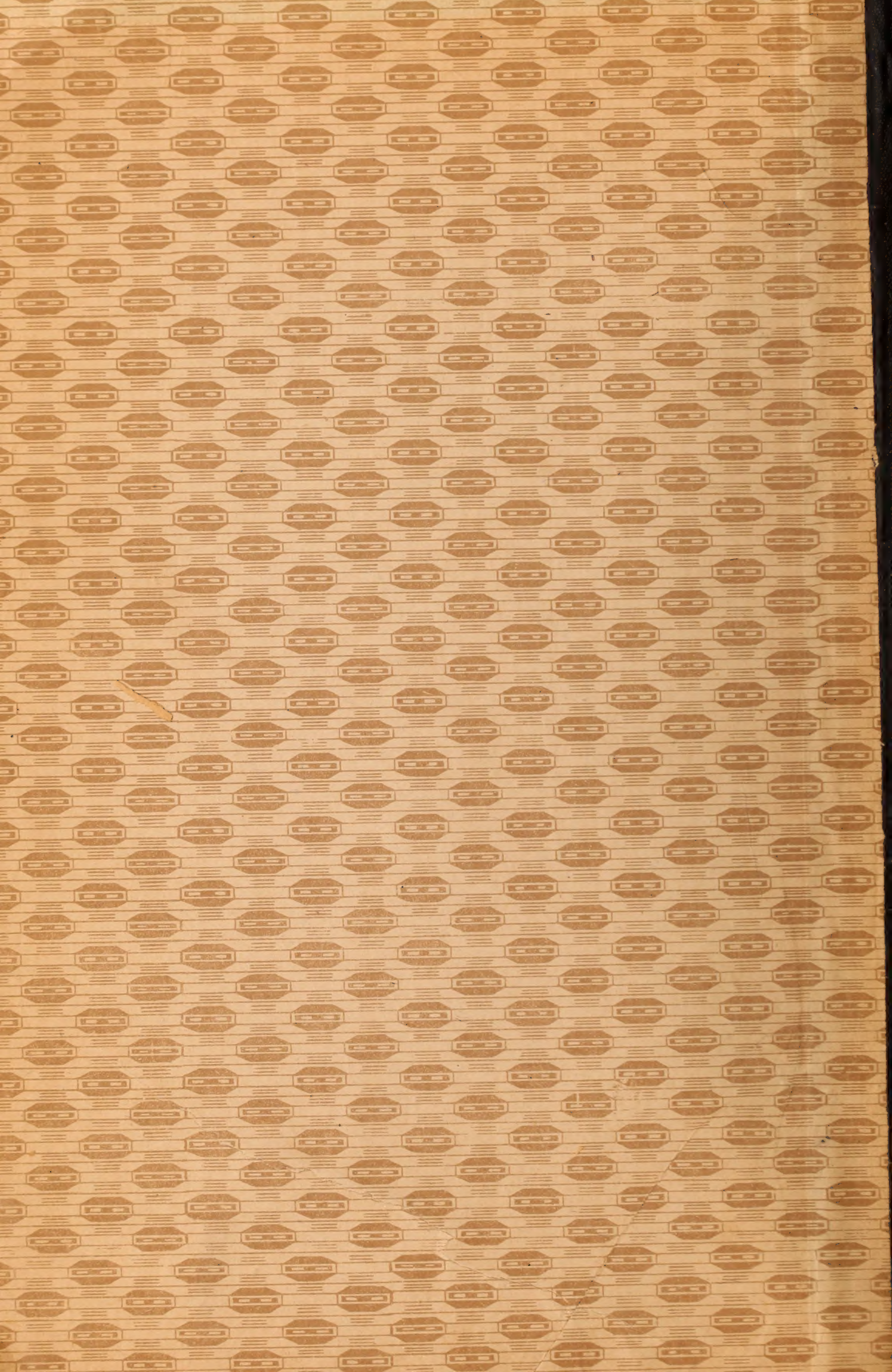

П. Н. ПОЛЕВОЙ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Томъ третій.

Polevoĭ, Petr Nikolaevich

П. Н. Полевой.

Istoriia russkoĭ slovesnosti

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО

НАШИХЪ ДНЕЙ.

t. 3

[ch. 1]

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1900.

 Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Дозволено цензурою. СПБ. 30 декабря 1900 г.

Періодъ Пушкина и Гоголя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пушкинъ, какъ представитель современной ему литературной эпохи. — Положеніе, занимаемое Пушкинымъ въ нашей поэзіи. — Разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ сложился характеръ поэзіи Пушкина.—Условія, вліявшія на развитіе поэтическаго дара въ Пушкинѣ. — Пушкинъ, какъ поэтъ національный. — Его слава въ потомствѣ.

Немного болѣе полувѣка прошло съ кончины Пушкина, и его имя уже вполнѣ сознательно повторяется милліонами устъ, повторяется съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, съ глубокой прочувствованной признательностью. И что въ немъ, что въ этомъ имени? Оно уже не напоминаетъ намъ живого человѣка, не возобновляетъ въ нашей памяти образа поэта и писателя, принадлежавшаго извѣстной эпохѣ, не напоминаетъ того энергическаго дѣятеля, который скорбѣлъ и радовался, вмѣстѣ съ другими своими современниками, который любилъ и ненавидѣлъ, какъ человѣкъ, который боролся и страдалъ, и палъ безвременной жертвой безпощадной молвы. Это имя обратилось въ нѣчто неуловимое и — въ то-же время — осязательно-ясное для всѣхъ. Мы говоримъ: *Пушкинъ* — и въ сознаніи нашемъ является представленіе о чемъ-то высоко-изящномъ, прекрасномъ и по сущности своей, и по формѣ. И подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ не личность, даже не произведенія поэта, а нѣчто вполнѣ отвлеченное, — великаго творца и добраго генія русской поэзіи, обле-

ченнаго въ свѣтлую ризу славы и благоговѣйнаго преклоненія многихъ поколѣній. И мы твердо убѣждены въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ живыя черты личности поэта будутъ стираться и сглаживаться, тѣмъ болѣе дорогимъ, тѣмъ болѣе обаятельнымъ, тѣмъ болѣе близкимъ будетъ представляться каждому изъ насъ имя Пушкина, произведенія котораго еще надолго останутся гордостью и славою русскаго народа. Отъ этого отвлеченнаго, туманнаго и общаго представленія о Пушкинѣ намъ даже очень не легко перейти къ далекому прошлому, не легко себѣ представить Пушкина, какъ дитя того вѣка, въ который онъ жилъ, къ которому принадлежалъ и плотью, и духомъ, который и воплотилъ въ своей поэзіи. Трудно представить себѣ тотъ послѣдовательный путь развитія, по которому слѣдовалъ, возрастая, геній Пушкина: вообразить себѣ нашего поэта ребенкомъ, неповоротливымъ и лѣнивымъ, потомъ отрокомъ, страстно привязавшимся къ чтенію, и юношей-лицеистомъ, испытывавшимъ свои силы въ легкомъ поэтическомъ творчествѣ. Намъ представляется теперь, что Пушкинъ вовсе и не проходилъ всѣ эти обычныя стадіи развитія, а такъ и родился Пушкинымъ—вдохновеннымъ творцомъ прославившихъ его произведеній. Самое педантическое нанизываніе біографическихъ фактовъ нисколько не помогаетъ сближенію нашего идеальнаго представленія о Пушкинѣ съ реальнымъ и живымъ образомъ нашего поэта. Попытки такого нанизыванія и подбора разнородныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ мемуаровъ, воспоминаній, офиціальныхъ бумагъ и личной переписки поэта—были уже сдѣланы неоднократно и представляютъ собою довольно грубую и аляповатую мозаику, въ которой не хватаетъ главнаго: живой, художественной связи между составными частями. Пушкинъ—геніальный поэтъ совершенно скрывается изъ глазъ нашихъ, потому что его загораживаютъ Пушкинымъ - повѣсой, Пушкинымъ - вздыхателемъ и поклонникомъ женской красоты, Пушкинымъ - игрокомъ, Пушкинымъ - чиновникомъ, Пушкинымъ - общественнымъ дѣятелемъ, Пушкинымъ-аристократомъ и свѣтскимъ человѣкомъ. Анекдотическія мелочи, отдѣльные эпизоды, отрывки переписки, сопоставленные для пущей ясности въ хронологическую связь—все это только путаетъ насъ и затемняетъ въ нашемъ сознаніи общее представленіе о Пушкинѣ. А между тѣмъ, это общее представленіе необходимо для разумнаго пониманія нашего великаго поэта, для сознательнаго усвоенія красотъ и прелестей его поэзіи.

Пушкинъ и его время.

Прежде всего любопытно взглянуть на Пушкина, какъ на представителя современной ему литературной эпохи; любопытно опредѣлить, въ какой степени эта эпоха наложила на него свою печать и отразилась въ его произведеніяхъ? Приступая къ рѣшенію этого вопроса, мы представляемъ себѣ, что въ Пушкинѣ

намъ такъ же легко будетъ намѣтить и указать отразившіяся на немъ черты его вѣка, какъ въ Державинѣ и Фонвизинѣ, какъ въ Ломоносовѣ и Херасковѣ. Но, въ дѣйствительности, это наше предположеніе не оправдывается... Тотъ вѣкъ, въ который Пушкинъ выросталъ и развивался, въ который созрѣвалъ его дивный даръ, былъ вѣкомъ переходнымъ отъ мягкаго либерализма и распущенности въ нашихъ общественныхъ правахъ къ суровому милитаризму и сухой формалистикѣ; отъ пристрастія къ образованію, отличавшемуся скорѣе внѣшнимъ блескомъ, нежели внутреннею содержательностью, отъ грубаго матерьялизма къ мечтательной настроенности и туманнымъ мистическимъ теоріямъ. Каждый изъ выдающихся писателей Александровскаго времени отразилъ на себѣ, въ большей или меньшей степени, эти различныя вѣянія близкаго прошлаго и переживаемаго настоящаго; и выразилъ ихъ такъ или иначе въ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ даже не трудно отличить опредѣленныя наслоенія и нарастанія новыхъ идей на старую основу, въ чемъ и выражается, собственно говоря, вліяніе переживаемой писателемъ эпохи. Въ этомъ смыслѣ и Карамзинъ, и Жуковскій, и Батюшковъ, и любой изъ современныхъ имъ писателей—дѣти своего вѣка, такъ какъ каждый изъ нихъ заплатилъ дань преобладавшимъ въ его время литературнымъ направленіямъ, каждый изъ нихъ, только пройдя черезъ эти направленія, достигъ возможности сказать новое, свое слово въ литературѣ. Отмѣтимъ и еще одну важную черту: всѣ эти выдающіеся литературные дѣятели первой четверти нынѣшняго вѣка носили на себѣ отпечатокъ той школы, которую они прошли, и совершенно ясно выразили это въ своихъ произведеніяхъ. И самъ Карамзинъ, человѣкъ необычайной воли и энергіи, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ усиленной работы надъ историческимъ матерьяломъ и надъ изученіемъ нашего прошлаго, все-же не могъ въ своемъ геніальномъ трудѣ отдѣлаться отъ вліянія пройденной имъ литературной школы. Читая и Карамзина, и Жуковскаго, и даже Батюшкова (и въ стихахъ, и въ прозѣ), мы слышимъ въ настоящее время что-то чуждое, давнее, отжившее и отцвѣтшее уже много-много лѣтъ назадъ; мы понимаемъ, что двѣ трети вѣка отдѣляютъ насъ отъ этихъ писателей, мы цѣнимъ ихъ по достоинству за ихъ заслуги, оказанныя русской литературѣ, но мы не можемъ ни наслаждаться ими, ни сочувствовать имъ [1]... А Пушкинъ, со смерти котораго прошло уже 63 года? Онъ все еще свѣжъ, все еще близокъ и понятенъ намъ, какъ бы охраняемый какимъ-то дивнымъ литературнымъ нетлѣніемъ, онъ все еще

[1] За очень немногими исключеніями. Настолько же неувядаемымъ, какъ Пушкинъ, оказывается изъ его современниковъ только одинъ (весьма загадочный для насъ) Грибоѣдовъ въ своей *одной* комедіи.

способенъ восхищать и увлекать современное намъ молодое поколѣніе, какъ восхищалъ и увлекалъ его отцовъ и дѣдовъ! И если мы дадимъ прочесть произведенія Пушкина какому-нибудь наивному человѣку, не имѣющему понятія о нашемъ литературномъ прошломъ, онъ даже едва-ли повѣритъ тому, что эти произведенія принадлежатъ перу человѣка, который родился сто лѣтъ тому назадъ.

Прадѣдъ Пушкина, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. По фотографіи съ современнаго портрета.

Но какъ же это произошло? Какую же школу прошелъ этотъ необычайно-живой и живучій поэтъ? О, эта школа — увы! — не отличалась никакими особыми достоинствами. По его собственному признанію, и его, какъ и большинство его современниковъ, „учили понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“. Притомъ, и выросталъ онъ въ кругу людей, которые въ особенное достоинство себѣ ставили то, что ихъ звали „русскими французами“, которые весь обширный досугъ своей праздной барской жизни посвящали исключительно на измышленіе каламбуровъ и кропаніе французскихъ мадригаловъ... И первые дѣтскіе стихи Пушкина были написаны по-французски; первые отроческіе литературные замыслы (la Toliade) вращались около сюжетовъ французскихъ и подражаній французскимъ классикамъ на ихъ родномъ языкѣ. Первымъ чтеніемъ Пушкина-ребенка были опять-таки французскіе классики и легкая, вѣтреная поэзія, преобладавшая въ парижскихъ салонахъ XVII и XVIII вѣка,—и это чтеніе воспринималось ребен-

комъ 9—10 лѣтъ, среди кружка людей, проводившихъ жизнь въ обществѣ Репетиловыхъ и Фамусовыхъ—беззаботно, разсѣянно и праздно, перепархивая, какъ мотыльки, съ именитнаго обѣда на балъ, а съ бала въ клубъ на карточный вечеръ. Все это общество жило даровымъ трудомъ, не задаваясь заботами о завтрашнемъ днѣ и воспѣвая на всѣ лады поэтическую лѣнь, шумные пиры или восторги, посвященные Музамъ и крылатому богу любви...

Дѣдъ Пушкина, Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. По фотографіи съ современнаго портрета.

Послѣ такой подготовки наступили годы лицейскаго ученія, тоже не слишкомъ обильные плодами науки, преподававшейся по программамъ, плохо между собой согласованнымъ, да и при посредствѣ преподавателей, которые едва-ли были способны (за весьма малыми исключеніями) внушить своимъ ученикамъ любовь къ наукѣ и уваженіе къ своей личности... А между тѣмъ какъ трудно даже и представить себѣ, что „нашъ Пушкинъ" могъ явиться въ русской литературѣ въ такое время, когда среднее образованіе едва только зарождалось на Руси — гимназіи начинали еще только возникать въ губернскихъ городахъ, а университеты, кромѣ Дерптскаго и Московскаго, существовали еще только на бумагѣ.

И что же? Какъ же вліяютъ на Пушкина всѣ эти, далеко непривлекательныя, условія его воспитанія? Не губятъ-ли они его

таланта? Не препятствуютъ ли его развитію? О, нѣтъ!—нисколько... Напротивъ того, уже въ одномъ изъ среднихъ классовъ Лицея Пушкинъ плѣняетъ старика-Державина звучностью и гладкостью своихъ строфъ; а въ старшихъ классахъ Лицея онъ—уже извѣстность, уже видный членъ литературныхъ салоновъ и „Арзамаса"! Отъ него уже ждутъ чего-то крупнаго, большого, замѣчательнаго! И дѣйствительно, по рукамъ ходятъ, кромѣ массы всякаго рода лирики, вышедшей изъ-подъ его пера, первыя главы его „Руслана и Людмилы"—поэмы, поражающей всѣхъ своею прихотливою оригинальностью. Оригинальность эта была настолько велика и настолько рѣзко выдѣлялась и бросалась каждому въ глаза, что люди стараго литературнаго закала видѣли въ ней одно неприличіе и безсмыслицу, а старшіе изъ молодого поколѣнія поэтовъ не знали, что̀ сказать объ этой игривой и граціозной поэмѣ, близкой по сюжету къ лубочной сказкѣ о Еруcланѣ Лазаревичѣ... Даже такіе корифеи современной русской литературы, какъ Жуковскій и Батюшковъ, становились втупикъ при рѣшеніи вопроса объ этомъ новомъ родѣ поэзіи... Они безпристрастно признавали это явленіе новымъ, небывалымъ у насъ въ литературѣ, признавали его произведеніемъ большого, сильнаго таланта, но не могли прійти ни къ какому опредѣленному выводу относительно достоинствъ новой поэмы...

Изъ этихъ данныхъ съ достаточною ясностью опредѣляется для насъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой степени Пушкинъ можетъ быть представителемъ современной ему литературной эпохи? Пройдя очень слабую и поверхностную школу, менѣе всего способную правильно развить его поэтическій даръ, возникнувъ на общественной почвѣ, почти ничего не имѣвшей общаго съ народностью—Пушкинъ уже 19-лѣтнимъ юношей является не однимъ изъ представителей современной ему литературы, а *новаторомъ*, основателемъ и главою новой романтической школы, которая ничѣмъ не была связана съ подражательнымъ и переводнымъ романтизмомъ Жуковскаго и почерпала существеннѣйшія стороны свои изъ русской народной жизни и ея преданій...

Ранняя извѣстность.

Необычайный поэтическій талантъ, которымъ былъ свыше надѣленъ Пушкинъ, сразу доставилъ ему такое положеніе въ нашей литературѣ, какого не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ-поэтовъ. Передъ 20—22-хъ-лѣтнимъ юношей преклонилась, съ первыхъ же его шаговъ на литературномъ поприщѣ, вся читающая и просвѣщенная Россія, безусловно и безспорно признавая за нимъ пальму первенства надъ всѣми поэтами настоящаго и прошлаго времени. Въ кружкѣ писателей, близкихъ къ Пушкину и безкорыстно преданныхъ ему, правда, еще слышались голоса, заявлявшіе о томъ, что ему еще необхо-

дима школа и внутренняя, усиленная работа надъ собою [1]), но отвѣтомъ на эти добрыя пожеланія являлись новыя и новыя произведенія поэта, изумлявшія всѣхъ блескомъ и неистощимымъ запасомъ его дарованія, и всѣ голоса наконецъ смолкли, выжидая...

Опасенія друзей были, впрочемъ, весьма основательны и болѣе, чѣмъ понятны; но эти опасенія исходили, главнымъ образомъ, изъ того, что они ставили въ слишкомъ тѣсную зависимость поэтическій даръ Пушкина отъ его темперамента, не предполагая въ немъ достаточной силы характера, чтобы этотъ темпераментъ обуздать и съ нимъ справиться. По счастью, они ошиблись... Пылкая, опрометчивая, безразсудная юность поэта протекала среди безжизненной пустоты свѣтской петербургской жизни, въ которой не было никакихъ серьезныхъ интересовъ; среди общества, въ которомъ, съ одной стороны, преобладала суровая аракчеевщина, съ другой — быстро распространялось религіозное ханжество и лицемѣріе, прикрывавшееся пристрастіемъ къ мистицизму и пьетизму. Молодыя, незатраченныя силы, при африканскомъ темпераментѣ Пушкина, искали себѣ исхода, и — увы! — находили его въ пристрастіи къ картамъ, къ кутежамъ и попойкамъ, къ шалостямъ и повѣсничеству всякаго рода. Все это прикрывалось тѣмъ дешевымъ либерализмомъ, который удовлетворялся злою насмѣшкою и рѣзкой эпиграммой и, пренебрегая всякою осторожностью, тѣшился острымъ словомъ. Шалости окончились ссылкою на югъ, гдѣ общественная среда была далеко хуже петербургской и московской, но гдѣ въ обществѣ (хотя и до крайности распущенномъ) все-же чуялись нѣкоторыя свѣжія вѣянья, въ виду возникавшей борьбы за независимость Греціи...

Пушкинъ на Югѣ.

Эти вѣянья и пестрота яркихъ красокъ Юга подѣйствовали возбуждающимъ образомъ на нашего поэта, который создалъ здѣсь цѣлый рядъ своихъ прелестныхъ поэмъ и, подъ непосредственнымъ вліяніемъ разочарованій Байрона, обдумалъ свой (въ началѣ довольно туманный) типъ Евгенія Онѣгина. Но этотъ же Югъ, столь благопріятный для поэтическаго вдохновенія, оказывалъ, съ другой стороны, самое вредное вліяніе на Пушкина, потворствуя развитію въ немъ именно тѣхъ сторонъ, которыя были ему присущи по его темпераменту и такъ много вредили ему въ жизни. Пушкинъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на ту пеструю толпу людей, которая его окружала; онъ не видѣлъ

---

[1]) Разумѣемъ извѣстныя сомнѣнія, выраженныя въ письмѣ Батюшкова къ А. И. Тургеневу. «Сверчокъ» (Арзамасское прозвище Пушкина) что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ»... и т. д.

около себя никого дорогого и близкаго — никого, кто по своимъ достоинствамъ и талантамъ могъ-бы хотя сколько-нибудь къ нему приблизиться... Друзья его были далеко, на сѣверѣ; а здѣсь онъ видѣлъ около себя или слѣпыхъ, безличныхъ поклонниковъ, или людей, не придававшихъ никакого значенія его дивному дару. И тѣхъ, и другихъ онъ одинаково презиралъ; и на тѣхъ, и на другихъ одинаково изощрялъ свое язвительное остроуміе, безразсудно ставя на карту свою жизнь и свое будущее.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта. По современному портрету.

Пушкинъ въ деревнѣ.

Особеннымъ счастьемъ для поэта, особенной милостью благосклонной къ нему судьбы, слѣдуетъ считать ту непріязнь, которую Пушкинъ возбудилъ къ себѣ во всесильномъ начальникѣ края, недовольномъ рѣзко-выражавшеюся независимостью поэта, поставленнаго въ подчиненныя, служебныя отношенія къ „полумилорду“. Послѣдствіемъ этихъ непріязненныхъ и натянутыхъ отношеній, совпавшихъ со многими другими непріятными и опасными для Пушкина случайностями, была вторичная ссылка поэта, на этотъ разъ (по счастью для него!) въ деревенскую глушь, въ которой онъ вынужденъ былъ провести два года [1]).

Этой глуши и суждено было послужить для поэта тѣмъ „Геттингеномъ“, котораго такъ желалъ для него Батюшковъ.

---

[1]) Съ 9-го августа 1824 года по начало сентября 1826 года, когда онъ былъ такъ внезапно вызванъ въ Москву.

Намъ кажется, что біографы Пушкина недостаточно оцѣниваютъ значеніе этого двухлѣтняго періода въ жизни Пушкина, между тѣмъ, какъ именно къ этому періоду и относится крутой нравственный поворотъ въ сознаніи поэта, совпавшій съ полнымъ расцвѣтомъ его таланта, съ полнымъ развитіемъ его духовныхъ силъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что именно деревенская жизнь благотворно повліяла на Пушкина,—повліяла успокоительнымъ, отрезвляющимъ образомъ, заставила его одуматься и, наконецъ, взглянуть серьезно на свой даръ и на свое высокое назначеніе. Вглядимся внимательнѣе въ эту жизнь.

Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта.
По современному портрету.

Деревенская глушь, даже и въ настоящее время, при полной свободѣ народнаго труда, обладаетъ такими особенностями быта и такими условіями жизни, которыя сильно вліяютъ на человѣка, избалованнаго городскою обстановкою. Горожанинъ, вынужденный жить въ этихъ условіяхъ, видитъ себя въ необходимости примириться съ ними, потому что никакое усиліе его единоличной воли не можетъ ихъ измѣнить или пересоздать. Избалованный общественною жизнью города, его шумомъ и движеніемъ, онъ видитъ себя въ полномъ одиночествѣ, и долженъ волей-неволей привыкать къ этому уединенію, которое вынуждаетъ насъ вдумываться въ наше прошлое и сознательно относиться къ настоящему. Мало того, деревенская глушь оказываетъ на насъ и еще въ одномъ смыслѣ благотворное вліяніе. Она приводитъ насъ къ необходимости строже относиться къ нашимъ поступкамъ, потому что эти поступки постоянно оказываются извѣстными огромному множеству людей и ни одинъ изъ нашихъ шаговъ не ускользаетъ отъ пытливаго ихъ наблюденія и вниманія. Какой бы образъ жизни ни велъ горожанинъ, какъ бы ни разбрасывался, какъ бы

ни расточалъ свои силы и средства, — онъ все же останется затеряннымъ въ толпѣ — однимъ изъ тѣхъ, которымъ „имя легіонъ“ — и ни отъ кого не услышитъ ни суда, ни порицанія. Въ деревнѣ, напротивъ того, каждый мѣстный житель, кто бы онъ ни былъ: дворянинъ или попъ, крестьянинъ или купецъ — всѣ представляютъ собою тѣсно сплоченную массу, въ которой каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать и порицать поступки того или другого изъ мѣстныхъ жителей и дѣятелей. И этотъ судъ, этотъ vox populi — достигаетъ своей цѣли: доходитъ до насъ, Богъ вѣсть какими путями, и неумолчно звучитъ въ ушахъ нашихъ, стѣсняя нашъ произволъ и укрощая наши порывы.

Гнетъ обычая. Въ городской жизни есть свои законы общественные, свои моды и предразсудки, которыхъ приходится держаться всѣмъ живущимъ въ свѣтѣ; но отъ этихъ законовъ можно и отступать, и видоизмѣнять ихъ, и даже дѣйствовать наперекоръ имъ. Не то въ деревнѣ: здѣсь на все и про все свой, искони идущій, вѣками установленный обычай — и никому не подъ силу его измѣнить или отмѣнить; приходится поневолѣ идти съ другими вровень и плыть по теченію... И вотъ, именно этими-то условіями деревенской жизни и объясняется то благотворное вліяніе, которо деревня оказала на „своенравный геній“ нашего поэта. Пріѣхавъ въ деревню при самыхъ печальныхъ и тягостныхъ условіяхъ [1]), Пушкинъ вскорѣ остался тамъ одинъ-одинёшенекъ среди тишины стараго барскаго дома и условій того крѣпостного быта, который въ то время тяготѣлъ всею своею удручающею силою на нашемъ крестьянствѣ. Онъ возмущался вначалѣ своею неволею и тѣми стѣснительными условіями полицейскаго и духовнаго надзора, въ которыя онъ былъ поставленъ, онъ тяготился ими до того, что готовъ былъ по-александровски разрубить этотъ Гордіевъ узелъ и даже „проклиналъ“ свою родину [2])... Но у него же за стѣною жужжали веретна и стучали ткацкіе станки крѣпостной дворни; а около него вся жизнь псковской глуши (какъ и всей обширной Россіи) созидалась и текла своимъ путемъ на основѣ того же крѣпостного труда, которому терпѣливо подчинялись милліоны русскихъ людей, безропотно снося свое тяжкое бремя, признавая въ немъ свыше-ниспосланное испытаніе, не

[1]) Напомнимъ, вмѣсто всякихъ біографическихъ комментаріевъ, извѣстный стихъ Пушкина:

... «И былъ печаленъ мой пріѣздъ
Въ далекій сѣверный уѣздъ».

[2]) Мы разумѣемъ планы Пушкина о бѣгствѣ за границу и всѣмъ извѣстное мѣсто въ письмѣ поэта къ его другу Вяземскому: «въ IV пѣснѣ Онѣгина — я изобразилъ свою жизнь. Когда-нибудь прочтешь ее, и спросишь: гдѣ-же мой поэтъ?.. Услышишь въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ, и никогда въ проклятую Русь не вернется»...

дерзая залетать мечтою за предѣлы неказистой дѣйствительности... И Пушкинъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, не способенъ былъ отнестись къ этимъ милліонамъ подневольныхъ тружениковъ, какъ отнесся бы къ нимъ какой-нибудь польскій панъ, объяснявшій покорность крестьянина его животностью, его неспособностью къ духовной дѣятельности... Нѣтъ! Чуткая душа поэта признавала свое близкое, тѣсное сродство съ этою меньшею братіею, признавала и ея даровитость, и высокія качества ума и души, дарованныя Богомъ русскому человѣку. Онъ не величается своимъ происхожденіемъ:—онъ даже клянетъ свое „французское" воспитаніе, препятствующее сближенію съ народомъ и пониманію духовныхъ потребностей массы. Онъ съ наслажденіемъ изучаетъ памятники народной словесности и самъ собираетъ ихъ, и пополняетъ свой поэтическій языкъ свѣжимъ запасомъ словъ изъ живой народной рѣчи—и, пользуясь народной почвой, создаетъ новый русскій романтизмъ, широко почерпая для него матерьялы изъ области народныхъ преданій, повѣрій, пѣсенъ и сказокъ.

Увлекаясь народнымъ творчествомъ, Пушкинъ впервые начинаетъ серьезно всматриваться въ жизнь и бытъ народа, и невольно ощущаетъ на себѣ вліяніе окружающей его среды. Онъ видитъ, какъ все, живущее около него, упорно трудится, въ потѣ лица добывая себѣ насущный хлѣбъ, не унывая, сохраняя бодрый духъ въ здоровомъ тѣлѣ,—и онъ такъ же отдается весь своему труду, онъ тоже предается ему всѣми силами своей страстной души, сдерживая свои порывы, обрѣзая крылья своей необузданной фантазіи, и, по его собственному признанію, впервые находитъ въ трудѣ высокое наслажденіе. Дѣйствительно, во всей жизни Пушкина едва-ли найдется еще два года, въ которые бы онъ такъ же отдавался труду и такъ же много работалъ надъ собою, какъ въ эти два года своего обязательнаго пребыванія въ деревнѣ. Этимъ двумъ годамъ труда и уединенія, вдали отъ всѣхъ тревогъ, суетъ и увлеченій городской общественной жизни, Пушкинъ былъ обязанъ такимъ подъемомъ своего поэтическаго духа, такимъ накопленіемъ своей творческой энергіи, что самъ себѣ дивился, и всю жизнь съ признательностью обращался мысленно къ тому уголку, „гдѣ онъ отшельникомъ провелъ два года незамѣтныхъ..."

Народное творчество.

Деревенская глушь повліяла въ значительной степени и на характеръ, и на весь нравственный обликъ нашего поэта. Здѣсь впервые онъ созрѣлъ и остепенился... Бурный, кипучій потокъ вошелъ въ берега и устоялся въ нихъ. Поэтъ, повидимому, впервые задумался надъ насущнѣйшими вопросами жизни: вполнѣ владѣя своими силами, онъ сознавалъ важность своего назначенія и намѣтилъ себѣ цѣль въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прими-

рился со своей долей, подавилъ свою природную строптивость, и, махнувъ рукою на мрачные байроновскіе идеалы, рѣшился вступить на путь примиренія съ дѣйствительностью, не волновать себя неосуществимыми мечтами и быть отнынѣ однимъ изъ мирныхъ гражданъ земли русской.

Бытовыя условія.

Нельзя отрицать того, что пребываніе въ деревенской глуши и еще въ одномъ важномъ смыслѣ повліяло на развитіе и направленіе поэтическаго дара Пушкина. Русская деревня и русская деревенская природа могутъ только издали манить и прельщать своими идиллическими сторонами. Деревнею увлекается и украшаетъ деревню своей фантазіей только случайный гость, посѣщающій ее на время, не вступающій въ прямыя, непосредственныя отношенія съ мѣстной природой и населеніемъ. Напротивъ того, человѣкъ, вынужденный постоянно жить въ деревнѣ, испытывать на себѣ всякія стихійныя невзгоды, бороться съ некультурною природою и съ неподвижнымъ застоемъ народной массы,—не можетъ чувствовать расположенія ни къ какой идеализаціи окружающихъ его условій жизни. Онъ видитъ около себя удручающую нужду, слѣдитъ невольно и вблизи за всѣми фазисами тяжкой, неустанной борьбы за существованіе, происходящей при самыхъ невѣроятныхъ бытовыхъ условіяхъ, не облегченной никакими удобствами и подспорьями цивилизаціи. Всѣ мечты и надежды, всѣ чаянія и упованія массы, окружающей постояннаго деревенскаго жителя, не идутъ далѣе умѣреннаго вознагражденія за труды, потраченные на борьбу съ природою,—далѣе возможности быть сытымъ и хоть на самый краткій срокъ свободнымъ отъ вѣчныхъ заботъ о существованіи.

Василій Львовичъ Пушкинъ, дядя поэта, извѣстный стихотворецъ.

Среди такой бытовой обстановки, невольно и сильно вліявшей на чуткую душу поэта, у него, естественно, должно было явиться желаніе—оглянуться на свою прошлую поэтическую дѣятельность, провѣрить ея идеалы, согласовать ихъ съ дѣйствительностью. Байронизмъ и навѣянные имъ туманные, мрачные,

неопредѣленные по характеру образы, не принадлежащіе по главнымъ чертамъ своего типа никакой опредѣленной національности—о, эти герои, воспѣтые въ первыхъ поэмахъ Пушкина, теперь должны были ему показаться неестественными и странными. Онъ чувствовалъ подъ ногами твердую почву родины, впервые уразумѣлъ свою тѣсную связь съ нею и захотѣлъ творить образы, близкіе къ ней, заимствованные изъ живой дѣйствительности и вѣрные ей въ своемъ неприкрашенномъ реализмѣ. Изъ этого новаго направленія въ поэзіи Пушкина и родились его лучшія созданія: типъ Татьяны въ Онѣгинѣ и вся окружающая ее картина деревенской жизни, съ живыми, типическими лицами, взятыми прямо изъ дѣйствительности и начертанными рукою великаго мастера. И этотъ великій мастеръ видимо растетъ и, какъ сказочный богатырь, крѣпнетъ, отъ прикосновенія къ родной почвѣ: онъ удовлетворенъ вполнѣ своею чудною поэмою, онъ сознаетъ, что вѣрно и рельефно передалъ окружающую его дѣйствительность, что создалъ нѣчто небывалое, невиданное въ русской поэзіи, и рѣшается даже испробовать силы свои на задачѣ гораздо болѣе трудной — на живомъ воспроизведеніи отдаленнаго историческаго прошлаго.

Пушкинъ ребенокъ (въ 9-ти-лѣтнемъ возрастѣ), съ извѣстной гравюры.

Въ этомъ обращеніи къ историческому прошлому своей родины мы видимъ также, въ значительной степени, вліяніе деревенской глуши. Бытовыя условія и вся обстановка жизни нашей глухой, захолустной деревни и теперь еще невольно переносятъ насъ къ отдаленному прошлому, въ глубь вѣковъ, къ тѣмъ вре- **Обращеніе къ прошлому.**

менамъ, когда и вся историческая русская жизнь текла почти въ въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ донынѣ течетъ жизнь нашей деревни. Каждый разумный и безпристрастный наблюдатель, не задающійся никакими предвзятыми воззрѣніями и готовыми теоріями, и теперь еще видитъ въ нашей деревнѣ много такого, что въ значительной степени уясняетъ ему многія страницы нашей исторіи и даетъ ключъ къ разгадкѣ многихъ темныхъ сторонъ нашей древне-русской жизни. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ такая связь нашей деревни съ до-петровскою Русью была еще осязательнѣе. Можетъ-быть, что она даже болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ощущалась въ псковской сторонѣ, гдѣ еще и донынѣ такъ много сохранилось остатковъ старины и въ памятникахъ, и въ народѣ, и гдѣ еще существуютъ такіе архаическіе города, какъ Торопецъ. Принимая это въ соображеніе, мы понимаемъ отчасти то крайнее одушевленіе, тотъ горячій порывъ, который охватилъ Пушкина при чтеніи „Исторіи государства Россійскаго", среди деревенской глуши, съ которою онъ успѣлъ свыкнуться, которую успѣлъ полюбить и ревностно изучалъ въ памятникахъ народнаго творчества. Еще не далѣе, какъ лѣтъ за семь до этого времени, когда классическій трудъ Карамзина только-что явился въ свѣтъ,— юный, вѣтреный и еще не испытанный жизнью поэтъ встрѣтилъ его небрежной и колкой эпиграммой. Теперь, въ томъ уединеніи, гдѣ онъ

«Познавъ и тихій трудъ, и жажду размышленій».

Пушкинъ съ восторгомъ вчитывался въ „Исторію" Карамзина, находилъ въ этомъ чтеніи величайшее наслажденіе и полное удовлетвореніе своему пытливому уму, своему гибкому и проницательному генію. Великій нашъ историкъ вдохновилъ великаго поэта и приковалъ его вниманіе къ богатой характерами и яркими образами эпохѣ Смутнаго времени, а въ ней остановилъ его вниманіе на загадочномъ характерѣ Бориса Годунова. Онъ принялся за работу, и работа закипѣла; его не затрудняла ни совершенно новая для него форма поэтическаго творчества, ни языкъ, ни бытовая обстановка, ни характеры выводимыхъ имъ на сцену героевъ, ни рѣзкая противоположность двухъ національностей — польской и русской. По его собственному признанію, онъ „работалъ, какъ никогда не работывалъ прежде, даже изобрѣтая новые пріемы, новые способы работы"; несмотря на свою обычную и чрезвычайную скромность, онъ съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства писалъ друзьямъ: „я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить"... И то, что онъ творилъ, было до такой степени невиданно и ново, до такой степени непохоже на все, что было кѣмъ-либо и когда-либо создано у насъ въ литературѣ, что творецъ „Евгенія Онѣгина" и

„Бориса Годунова“ былъ всѣми безпрекословно признанъ главою новой школы русскихъ писателей и первымъ между русскими поэтами. Пушкинъ не даромъ писалъ о „Борисѣ Годуновѣ“, что это произведеніе „доставило ему все, чѣмъ писателю насладиться дозволено“...

Оторванный отъ деревенской почвы и возвращенный свѣтской жизни, авторъ „Бориса Годунова“ надолго разстался съ вдохновеніемъ. Почти въ теченіе двухъ лѣтъ онъ переживалъ странное положеніе человѣка, который относится съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ къ шуму, блеску и развлеченіямъ большого свѣта—и въ то же время увлекается имъ: называетъ свою жизнь „гадкою прозою“, и чувствуетъ себя не въ силахъ отъ нея отстать. Божій даръ гаснетъ „среди хладнаго свѣта, наносящаго поэту неотразимыя обиды“, крылья стремительнаго вдохновенія опускаются, и оно еще *только три раза въ жизни* [1]) возвращается къ поэту съ тою же силою, съ какою непрерывно проявлялось въ Михайловскомъ, въ теченіе 1824—25 гг. Возвращеніе къ суетѣ.

Одинъ изъ современниковъ Пушкина, въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени, когда поэтъ вновь явился въ средѣ московскаго общества, даетъ намъ очень увлекательную картину будто бы наступившаго тогда расцвѣта нашей литературы. „Всякій день, — пишетъ онъ, — слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ—съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; „Горе отъ ума“ Грибоѣдова только-что начинало распространяться; Пушкинъ прочелъ „Пророка“ и познакомилъ насъ съ „Борисомъ“ и продолженіемъ „Онѣгина“... А тамъ еще Дельвигъ съ „Сѣверными цвѣтами“, Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ „Иліадой“, Раичъ съ „Тассомъ“ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ (профессоръ) съ философскими статьями... Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ“...

Картина блестящая, и лицъ въ ней много; но набросана она безвкусно, безтактно и неправдоподобно. Въ сопоставленіи всѣхъ этихъ лицъ нѣтъ ни критическаго смысла, ни живой связи, потому что, въ сущности, не было и не могло быть никакого соотношенія между этими литературными дѣятелями трехъ разныхъ поколѣній. Главнымъ выдающимся событіемъ этой эпохи было только пребываніе въ Москвѣ Пушкина, который и тогда уже

[1]) Мы разумѣемъ осень 1828 г.—когда написана была—въ одинъ мѣсяцъ!—«Полтава» и законченъ «Евгеній Онѣгинъ»; и затѣмъ осени 1830 — 1833 гг., проведенныя поэтомъ въ Болдинѣ.

былъ (несмотря на всю свою авторскую скромность) выше всѣхъ русскихъ поэтовъ и настоящаго, и прошлаго вѣка, и быстро шелъ къ тому, чтобы въ ближайшемъ будущемъ пріобрѣсти значеніе поэта „всероссійскаго“. Рядомъ съ нимъ не могъ быть поставленъ никто—ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни имъ самимъ усердно выставляемые друзья его—Баратынскій, Дельвигъ и Языковъ,—потому что онъ представлялъ собою явленіе исключительное, феноменъ, какихъ немного можно указать и во всей европейской литературѣ. Дѣйствительно, по силѣ, плодовитости и разнообразію своего поэтическаго дара, Пушкинъ мало имѣлъ соперниковъ въ литературѣ Запада Европы, и сравненіе его произведеній, въ ихъ общемъ составѣ, съ произведеніями всемірно-извѣстныхъ поэтовъ, такихъ, какъ Шиллеръ, Гёте, Байронъ, не оставляетъ большихъ преимуществъ на ихъ сторонѣ. Главнымъ достоинствомъ, главною цѣнностью (если можно такъ выразиться) въ поэтической сокровищницѣ Пушкина является то, что дивный даръ его съ одинаковою силою вдохновенія находитъ себѣ выраженіе во всѣхъ главныхъ формахъ поэтическаго творчества — въ эпосѣ, въ лирикѣ и въ драмѣ. И едва ли найдется даже и въ данное время такой глубокомысленный и тонко-проницательный критикъ, который, принимая въ соображеніе всѣ условія русской жизни и русской образованности въ вѣкъ Пушкина, рѣшился бы сказать: въ которомъ изъ трехъ поэтическихъ родовъ Пушкинъ проявился сильнѣе и ярче? Что̀ въ пушкинской поэзіи лучше и выше: эпосъ, лирика или драма? Въ которомъ изъ этихъ родовъ Пушкинъ не является величайшимъ мастеромъ, достигнувшимъ высокой степени совершенства? Для всѣхъ насъ, воспитанныхъ и выросшихъ на поэзіи Пушкина, рѣшеніе подобнаго вопроса представляется невозможнымъ, и на нашъ взглядъ Пушкинъ въ совершенно одинаковой степени блещетъ умомъ и силою поэтическаго дарованія въ „Пророкѣ“, въ „Борисѣ Годуновѣ“ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“... А между тѣмъ, такого равновѣсія та-

Пушкинъ-лицеистъ. Съ портрета, принадлежавшаго Е. А. Энгельгардту.

ланта во всѣхъ формахъ проявленія поэтическаго творчества мы не можемъ указать ни въ одномъ изъ современныхъ Пушкину европейскихъ классиковъ: изъ нихъ, быть-можетъ, только одинъ Гёте подходитъ къ нему по достоинствамъ своимъ въ этомъ смыслѣ, т. е. по силѣ и разнообразію своего дарованія, хотя и далеко уступаетъ Пушкину въ одной изъ весьма важныхъ сторонъ поэтическаго творчества.

Зданіе бывшаго Царскосельскаго Лицея — одинъ изъ флигелей дворца.

Эта важная сторона: общедоступность и наивная простота всего, что̀ поэтъ творитъ и что̀ должно быть для всѣхъ одинаково понятнымъ, одинаково внятно говорить сердцу каждаго... Вотъ этою-то простотою и доступностью массѣ и отличаются въ высокой степени всѣ произведенія Пушкина, одинаково понятныя и ребенку, и юношѣ, и человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, уже искусившемуся въ житейскомъ опытѣ... Пушкина читаютъ и въ народной школѣ, Пушкина поютъ въ народѣ [1]), Пушкина разбираютъ на университетской каѳедрѣ, Пушкина даютъ на сценѣ—и вездѣ, и всѣмъ онъ приноситъ то, что̀ изъ него можетъ добыть пытливый умъ и чуткое къ прекрасному чувство изящнаго, которымъ люди одарены далеко не въ одинаковой степени. И эта общедоступность Пушкина вовсе не стоитъ въ связи и зависимости отъ содержанія его поэзіи, иногда затрогивающей весьма живыя и тонкія струны человѣческаго сердца, иногда касающейся весьма важныхъ нравственныхъ вопросовъ... Эта общедоступность есть прямое слѣдствіе того удивительно-гармоническаго соотвѣтствія внутрен- Поэзія Пушкина

[1]) Намъ привелось слышать балладу «Утопленникъ» въ самомъ незатѣйливомъ исполненіи одного псковского крестьянина, между прочими народными пѣснями.

наго содержанія внѣшней формѣ, которое составляетъ одно изъ важныхъ достоинствъ пушкинской поэзіи. Мысли, выраженныя въ ней, всегда являются вполнѣ законченными и ясными, и всегда находятъ въ душѣ поэта вполнѣ законченное и вполнѣ гармоническое выраженіе въ той изящной внѣшней формѣ, которую только Пушкинъ умѣетъ подыскать для своихъ произведеній.

Необычайная даровитость, можно даже сказать, геніальность Пушкина выражается ярко и осязательно въ томъ, что онъ съ удивительною легкостью и безъ малѣйшаго усилія переходитъ отъ одного созданнаго имъ образа къ другому, почти противоположному: отъ „Бориса Годунова“ къ „Графу Нулину“, отъ „Полтавы“ къ „Скупому Рыцарю“, отъ „Моцарта и Сальери“ и „Донъ-Жуана“ къ „Русалкѣ“... Недаромъ одинъ изъ его пріятелей мѣтко охарактеризовалъ это свойство поэта, сказавъ: „Пушкинъ—Протей!..“ Онъ, дѣйствительно, съ дивнымъ и неуловимымъ умѣніемъ непрерывно мѣняетъ строй своей лиры, и является передъ нами то страстнымъ испанцемъ, то хвастливымъ ляхомъ, то благочестивымъ лѣтописцемъ - инокомъ, то безумно - влюбленнымъ юношей—и каждому изъ нихъ умѣетъ придать черты, свойственныя его характеру, прирожденной имъ національности и настроенія переживаемаго ими момента. И для всѣхъ этихъ образовъ, для всѣхъ настроеній и положеній Пушкинъ — первый изъ русскихъ поэтовъ — сумѣлъ подыскать и подходящій языкъ, и превосходно - выработанныя внѣшнія формы, безукоризненныя по чистотѣ и совершенству внѣшнему.

Совершенство языка его поэзіи.

Мы говоримъ „сумѣлъ подыскать“—и прямо готовы сознаться въ томъ, что беремъ первое попавшееся подъ руку выраженіе... Собственно говоря, не „сумѣлъ подыскать“, а сумѣлъ выработать тяжкимъ и упорнымъ трудомъ и постоянной работой надъ стихомъ и надъ поэтическимъ языкомъ своимъ, въ которомъ онъ не могъ терпѣть никакихъ несовершенствъ и недостатковъ. Его тетради служатъ живымъ и неоцѣненнымъ памятникомъ этой усиленной и изумительной работы, при посредствѣ которой онъ искалъ и находилъ, наконецъ, ту форму выраженія мысли въ стихѣ и словѣ, которую могъ допустить его высокоразвитый художественный вкусъ и слухъ. И только путемъ этой необычайной работы, при своей природной геніальности, Пушкинъ могъ добиться тѣхъ изумительныхъ результатовъ, которыхъ онъ достигъ въ поэзіи, опередивъ всѣхъ бывшихъ до него и современныхъ ему поэтовъ, по крайней мѣрѣ, на полвѣка. Въ какой степени велико было его превосходство надъ всѣми его собратьями по перу, это не трудно видѣть изъ того, что, даже и въ самыхъ слабыхъ сторонахъ своего творчества, Пушкинъ явился чуть-ли не образцовымъ представителемъ каждаго литературнаго рода, прокладывалъ

новые пути, вызывалъ всѣхъ на новую отрасль литературной дѣятельности. Такъ было съ его повѣстями, въ сущности составляющими его Ахиллесову пяту, и все же далеко лучшими, нежели вся современная Пушкину беллетристика; такъ было и съ „Исторіей Пугачевскаго бунта", которая ничего не прибавила къ лаврамъ Пушкина, но все же явилась едва ли не лучшею изъ историческихъ монографій своего времени и навела автора на мысль о „Капитанской дочкѣ", безспорно лучшемъ изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній Пушкинскаго времени. По этимъ легкимъ пробамъ его пера, по этимъ слабымъ проблескамъ его творческаго дара, мы можемъ судить объ относительномъ достоинствѣ и значеніи его лучшихъ произведеній по отношенію къ общей массѣ всѣхъ литературныхъ произведеній его эпохи.

Величіе Пушкина.

Поразительная сила таланта и совершенно исключительная геніальность Пушкина дали ему возможность прославиться въ самой ранней юности, а въ зрѣломъ возрастѣ доставили ему недосягаемо-высокое, выдающееся положеніе въ нашей литературѣ, — такое, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ-поэтовъ. Всѣ признавали превосходство его поэтическаго дара, всѣ читали его произведенія съ восторгомъ, переписывали и заучивали ихъ наизусть, всѣ преклонялись передъ нимъ, какъ передъ свѣтиломъ; но далеко не всѣ были въ состояніи проникнуться духомъ его поэзіи, оцѣнить ея достоинства, уразумѣть ея красоты... Такъ широко шагнулъ впередъ нашъ великій поэтъ, и такъ поразительно новы были пути, которые онъ открывалъ поэтическому творчеству, сближая его съ жизнью и дѣйствительностью, низводя изъ заоблачныхъ высотъ на землю, разсѣивая и разгоняя тотъ туманъ, которымъ его предшественники старались окутать поэтическіе образы, и небрежно попирая ложныя теоріи, созданныя вѣками фальши и заблужденій... Оцѣнка, близкая къ справедливой и безпристрастной, явилась уже только по смерти Пушкина и составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ нашего знаменитаго критика, Бѣлинскаго, который былъ первымъ истолкователемъ Пушкина. Вслѣдъ за нимъ многіе брались за разборъ произведеній Пушкина въ связи съ его личной жизнью, которую изслѣдовали и изучали во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ, — явилась цѣлая литература о Пушкинѣ и его произведеніяхъ, полная всякихъ сужденій (и правильныхъ, и превратныхъ), то до крайнихъ границъ возможности возвеличивавшая его достоинства — и какъ поэта, и какъ человѣка, — то отрицавшая значеніе нашего поэта и низводившая его до положенія простого стихотворца [1]). И все же, когда для него наступила исторія, его слава

[1]) Главный укоръ, который дѣлали Пушкину его противники, заключался въ томъ, что онъ былъ исключительно поэтомъ личныхъ впечатлѣній и нигдѣ не коснулся въ про-

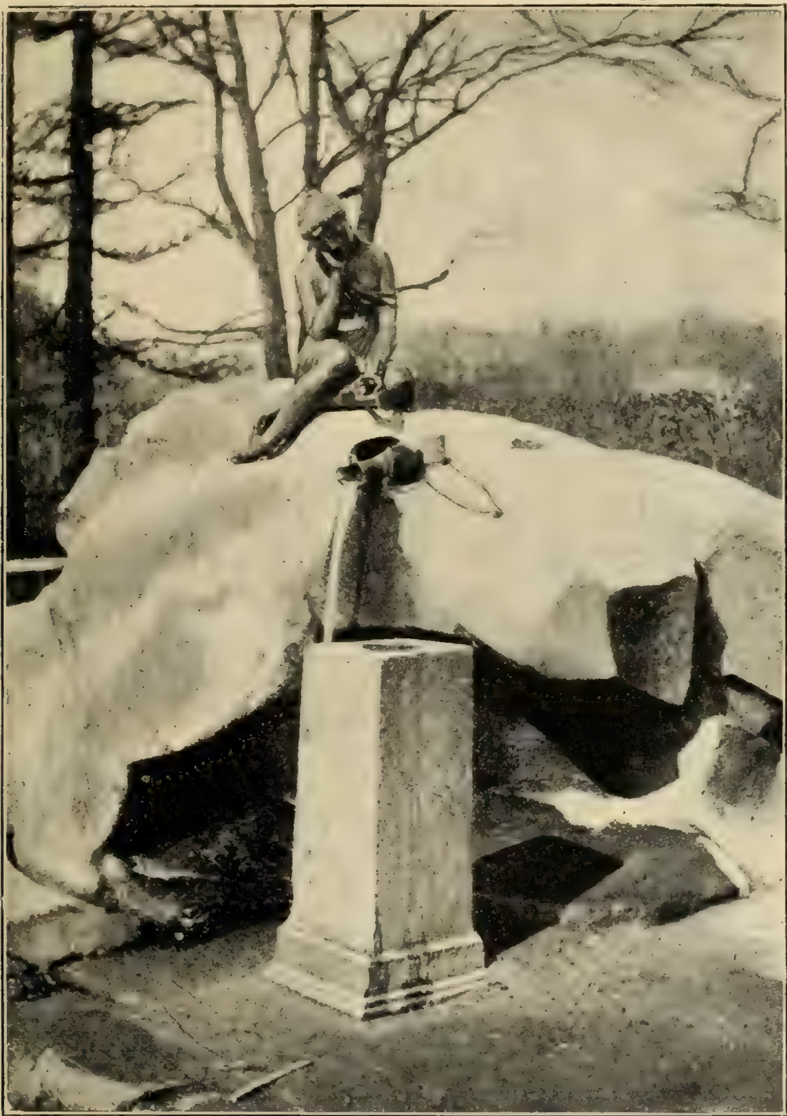
стала расти и расти, и полвѣка спустя, когда его произведенія стали общимъ достояніемъ всѣхъ русскихъ людей, его стали читать и изучать еще ревностнѣе, чѣмъ при жизни, когда онъ находился въ апогеѣ своей славы. Шумныя празднества по поводу открытія ему памятника въ Москвѣ показали въ полномъ блескѣ то значеніе, какое придавали ему лучшіе представители русской мысли, лучшіе дѣятели науки и литературы. Все, что говорилось и читалось во время этихъ памятныхъ празднествъ, было единымъ, общимъ, непрерывнымъ гимномъ прославленія нашему великому поэту, было искреннимъ и вдохновеннымъ взрывомъ восторга, вызваннаго чествованіемъ его памяти. Съ тѣхъ поръ минуло еще почти двадцатилѣтіе,—періодъ, достаточный для того, чтобы покрыть мракомъ забвенія многія и многія, громко

Рекреаціонная зала бывшаго Царскосельскаго Лицея (по современной литографіи).

изведеніяхъ своихъ такъ-называемой «міровой скорби». Дѣйствительно, мы знаемъ въ его произведеніяхъ только одно стихотвореніе («Румяный критикъ мой...»), въ которомъ выразились сѣтованія на житейскія невзгоды. Но, что же изъ того? По самой натурѣ своей Пушкинъ былъ поэтомъ того вдохновенія, которое бываетъ результатомъ подъема духовнаго; онъ неспособенъ былъ къ нытью и хныканью, и предпочиталъ молчаніе этому угнетенному, минорному настроенію, которое не было свойственно его музѣ и которое онъ не считалъ достойнымъ поэзіи? Можетъ ли это быть ему поставлено въ вину?

прославляемыя имена,—и что же мы видимъ? Значеніе и слава Пушкина какъ будто еще болѣе возросли въ соотвѣтствіи съ общимъ ростомъ всей Россіи; число поклонниковъ и почитателей Пушкина распространилось по всему обширному лицу земли Русской, и не одна русская литература и русская интеллигенція праздновала столѣтіе, минувшее со дня рожденія великаго поэта,

Разбитая кружка. Извѣстная группа Царскосельскаго парка, воспѣтая Пушкинымъ.

а вся громадная грамотная Россія, и весь народъ несъ свою посильную лепту на многія и многія добрыя дѣла и добрыя начинанія, достойныя памяти поэта, всѣмъ одинаково дорогого, и такъ широко и далеко прославившаго русскій народъ и Русскую землю.

Въ такомъ народномъ празднествѣ нельзя не видѣть доказа-

тельства великихъ нравственныхъ и умственныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Россіею во второй половинѣ истекающаго вѣка,—нельзя не видѣть въ немъ залога будущаго, еще большаго возрастанія и распространенія славы Пушкина, который, по мѣрѣ сближенія съ нами Европы, долженъ будетъ со временемъ изъ поэта всероссійскаго обратиться въ поэта обще-европейскаго, и со славою вступить въ кругъ тѣхъ избранниковъ, которыми справедливо гордится исторія европейскаго просвѣщенія

Подпись Пушкина.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пушкинъ. — Біографическія подробности.—Предки и родительскій кровъ. — Годы ученія.—Кружокъ Лицея.—Первыя попытки писать стихи и первыя юношескія стихотворенія.—Встрѣча поэтовъ двухъ поколѣній.—Первое знакомство съ жизнью.—Арзамасскія шалости.—Первая поэма и первая извѣстность въ обществѣ.

Пушкинъ, въ числѣ нашихъ поэтовъ, принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которые очень дорожили своими семейными преданіями и стариною своего рода. „Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе“ — говорилъ и писалъ Пушкинъ; и въ оправданіе этой мысли, бывшей его кореннымъ убѣжденіемъ, собралъ все, что могъ, изъ семейныхъ преданій въ своихъ „Запискахъ“—и той же излюбленной тэмѣ посвятилъ извѣстное стихотвореніе „Моя родословная...“ Помнится, И. С. Аксаковъ, въ своей рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ 1880 г., въ Москвѣ, старался довольно ловко и деликатно объяснить это пристрастіе поэта къ его семейнымъ преданіямъ; но, въ сущности, эта кичливая родовитость, которая побуждала поэта даже нѣсколько преувеличивать [1]) значеніе дѣяній его предковъ, была лишь нѣкоторою слабостью Пушкина, конечно, весьма простительною и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, даже весьма естественною.

„Знавались Пушкины съ царями... Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ“—говоритъ Пушкинъ въ стихотворной „Родословной“. Однакоже, по прямой линіи, нашъ поэтъ происходитъ вовсе не отъ тѣхъ Пушкиныхъ-бояръ, которые подписались подъ грамотою объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова и подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества... Онъ происходитъ изъ менѣе знаменитаго и менѣе знатнаго рода Пушкиныхъ, а именно—отъ „стольника“ Петра Пушкина, который состоялъ на службѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ „противъ турскаго султана и хана крымскаго“, за что и былъ (наравнѣ со многими другими) награжденъ жалованною грамотой и помѣстьями, при царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ. Родъ Пушкиныхъ.

Отъ этого „стольника“ Петра Пушкина три поколѣнія отдѣляли нашего поэта. Сергѣй Львовичъ Пушкинъ — отецъ поэта, былъ правнукомъ стольника, а самъ поэтъ—праправнукомъ. Ни одинъ изъ этихъ ближайшихъ предковъ А. С. Пушкина ника-

---

[1]) Такъ Пушкинъ утверждаетъ, что Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ былъ сыномъ какого-то африканскаго владѣтельнаго князя; а онъ, въ сущности, былъ простымъ негритенкомъ-невольникомъ, купленнымъ на базарѣ въ Константинополѣ.

кими подвигами личной храбрости не отличался; но зато дѣдъ и прадѣдъ поэта прославились проявленіями самодурства и дикаго произвола, рѣдкими даже и въ провинціальной жизни XVIII вѣка.

Предки поэта.

Не лучше были предки Пушкина и со стороны его матери, изъ рода Ганнибаловъ, происходившихъ отъ знаменитаго „Арапа

А. С. Пушкинъ, по набреску Вернэ.

Петра Великаго"—Абрама Петровича Ганнибала, прославленнаго повѣстью Пушкина.

Этому Ганнибалу Пушкинъ приходился, по матери, правнукомъ, и, будучи юношей, еще имѣлъ возможность лично знать своихъ дядей, которые уже и въ ту пору представлялись ему какими-то курьезными остатками далекой старины. Одинъ изъ нихъ былъ дѣйствительный герой (Иванъ Абрамовичъ), отличившійся блестящими военными подвигами противъ турокъ на югѣ Россіи и подъ Наварином; при этомъ онъ былъ и добрымъ, хорошимъ человѣкомъ. Но самъ родоначальникъ Ганнибаловъ и сынъ его,

Осипъ (дѣдъ Пушкина, со стороны матери), — были люди очень непріятные въ общежитіи, бѣшеные въ ревности, порывистые и неудержимые въ проявленіяхъ своей необузданной страстности, въ которой рѣзко высказывался ихъ африканскій темпераментъ. Воспѣтая Пушкинымъ бабка его [1]), жена Осипа Абрамовича Ганнибала, провела полжизни въ мучительной борьбѣ съ мужемъ, отстаивая свои права на существованіе и на материнскую привязанность къ единственной своей дочери (матери поэта).

Этотъ бѣглый взглядъ, брошенный нами на предковъ Пушкина, долженъ до извѣстной степени уяснить намъ нѣкоторыя родовыя черты, проявившіяся и въ нравственномъ обликѣ нашего поэта. Пылкость фантазіи, необузданная страстность, быстрые переходы отъ одного настроенія къ другому, избытокъ вспыльчиваго задора, несдерживаемый разсудкомъ—все это черты родовыя, унаслѣдованныя отъ предковъ со стороны отца и матери. Менѣе всего унаслѣдовалъ онъ характеръ и внѣшность своего отца, Сергѣя Львовича Пушкина.

Энгельгардтъ, директоръ Царскосельскаго Лицея.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василіемъ Львовичемъ (уже извѣстнымъ намъ легкимъ и забавнымъ стихотворцемъ), были оба типическими представителями современнаго русскаго барства въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Суровый отецъ ихъ оставилъ имъ весьма небольшое по ихъ потребностямъ состояніе. Воспитаніе ограничивалось умѣньемъ танцовать и держать себя въ обществѣ; а образованіе—превосходнымъ знаніемъ французскаго языка и той легкой французской литературы, которою изобиловалъ XVII и XVIII вѣкъ. Благодаря такому воспитанію, Сергѣй Львовичъ явился образцомъ того крайне непривлекательнаго типа *русскихъ французовъ*, который въ то время былъ моднымъ типомъ въ образованныхъ слояхъ нашего столичнаго общества. С. Л. Пушкинъ.

Этотъ модный типъ нравился всѣмъ и открывалъ молодежи

[1]) Марья Алексѣевна Ганнибалъ (урожденная тоже Пушкина) была покинута мужемъ, который отъ живой жены женился на другой. Много лѣтъ сряду она вела съ нимъ тяжбу, чтобы добиться какихъ-нибудь средствъ къ существованію и взять отъ него дочь свою, Надежду Осиповну—впослѣдствіи бывшую матерью А. С. Пушкина.

дорогу и къ служебной карьерѣ, и къ выгодной женитьбѣ. Такъ, напримѣръ, и Сергѣю Львовичу удалось жениться на красавицѣ Надеждѣ Осиповнѣ Ганнибалъ именно только благодаря его блестящей внѣшности и тому, что онъ понравился роднымъ невѣсты своею „образованностью". Женился онъ въ 1796 году и вскорѣ

А. С. Пушкинъ. Снимокъ съ оригинала Кипренскаго.

послѣ того вышелъ въ отставку изъ гвардіи и поселился въ Москвѣ на житье.

Это былъ человѣкъ необычайно безпечный, неспособный ни къ какой работѣ, ни къ какому усидчивому труду, ни къ какимъ серьезнымъ занятіямъ. Легкимъ мотылькомъ онъ постоянно порхалъ по гостямъ или принималъ гостей у себя, и былъ исключительно созданъ для шумной, веселой и праздничной свѣтской суеты, для свѣтскихъ удовольствій и развлеченій. Обладая (бла-

годаря женитьбѣ) весьма изряднымъ состояніемъ, онъ ни на минуту не позаботился объ устройствѣ его, никогда не задумался надъ средствами къ жизни и надъ соотвѣтствіемъ между доходами и расходами. Это былъ эпикуреецъ въ самомъ полномъ, самомъ обширномъ и самомъ непріятномъ значеніи этого слова: эпикуреецъ-эгоистъ. Не тревожа себя помыслами о будущемъ и объ устройствѣ судьбы своего семейства, онъ стремился постоянно только къ одной цѣли: какъ бы повеселѣе, попріятнѣе прожить жизнь, не омрачая въ ней ни одного дня никакими заботами о существо-

А. С. Пушкинъ. По гравюрѣ съ того же портрета, исполненной Уткинымъ.

ваніи. Не задаваясь никакими серьезными интересами и цѣлями, онъ постоянно чуждался всякой работы и сторонился отъ всякихъ обязанностей. Обладая неистощимымъ запасомъ веселости и прекраснымъ здоровьемъ, Сергѣй Львовичъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Василіемъ Львовичемъ, отдавалъ все свое время вѣчному празднику столичной жизни и питалъ врожденное отвращеніе ко всему, что могло нарушить его спокойствіе. Обширный кругъ родни и знакомыхъ, въ которомъ постоянно вращался Сергѣй Львовичъ, всюду являясь душою общества, поглощалъ всецѣло обширный досугъ этого московскаго сибарита, и онъ конечно являлся непремѣннымъ членомъ всѣхъ собраній, раутовъ,

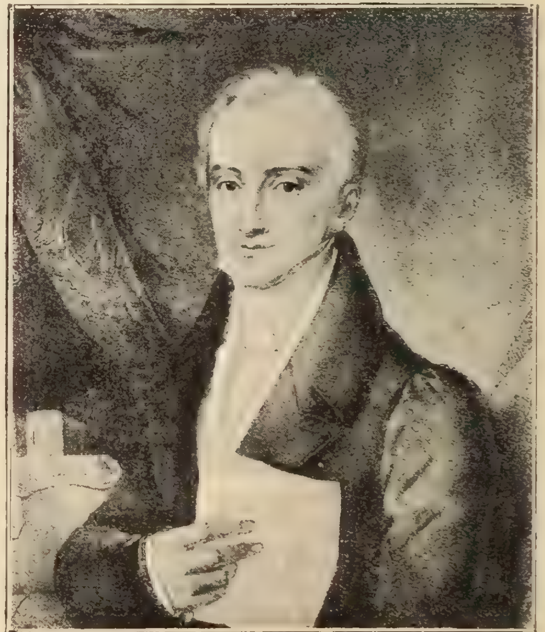

Графъ Милорадовичъ.

баловъ и банкетовъ, и всѣхъ домашнихъ спектаклей и другихъ семейныхъ и родственныхъ празднествъ, которыми изобиловала жизнь тогдашняго московскаго барства. При этихъ пріятныхъ свѣтскихъ качествахъ, Сергѣй Львовичъ былъ человѣкомъ далеко не безталаннымъ; одаренный обширною памятью, онъ постоянно могъ блеснуть своимъ близкимъ знакомствомъ съ самыми модными французскими авторами и особенно кичился умѣньемъ очень ловко писать французскіе стихи, придумывать шарады и изощрять остроуміе въ замысловатыхъ каламбурахъ, которыми приводилъ въ восторгъ все лучшее московское общество.

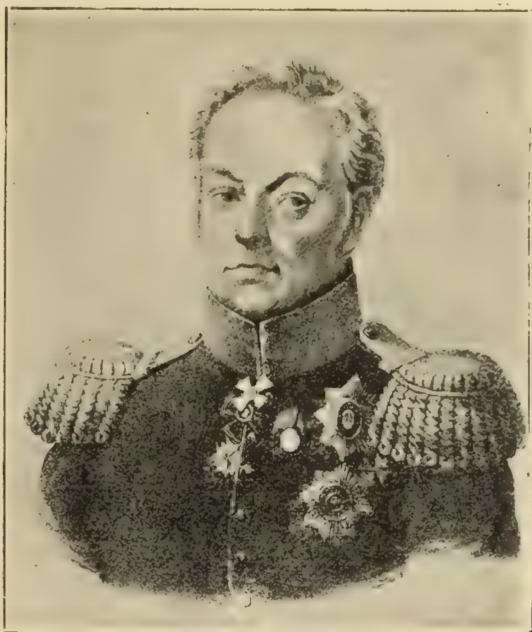
Н. О. Пушкина.

Надежда Осиповна, мать А. С. Пушкина, была замѣчательной красавицей, хотя и съ оттѣнкомъ мулатки въ чертахъ лица и, въ особенности, въ его колоритѣ. Отъ нея и наслѣдовалъ Пушкинъ и смуглоту лица, и курчавые волосы, и крупныя губы — но никогда красивъ не былъ, а ребенкомъ былъ даже и очень дуренъ. Надежда Осиповна не менѣе своего мужа была предана удовольствіямъ свѣтской жизни, любила общество и веселое препровожденіе времени, и нимало не чувствовала расположенія къ домашней жизни и къ кропотливому воспитательному труду, требующему самоотверженія и терпѣливаго снисхожденія. Подвижная и

Графъ Каподистрія.

вспыльчивая, она была способна скорѣе внести безпорядокъ и путаницу въ домашнія дѣла, чѣмъ разобраться въ нихъ и подчинить ихъ извѣстному строю и порядку. Нетерпѣливая и вспыльчивая, она немного вносила радости въ свои отношенія къ дѣтямъ, о воспитаніи которыхъ имѣла понятія довольно своеобразныя. Да, впрочемъ, ей и некогда было заниматься воспитаніемъ дѣтей: ее привлекали выѣзды и удовольствія свѣтской жизни, а потому всѣ скучныя обязанности хозяйственныя и семейныя она очень охотно предоставляла на руки постороннихъ людей и своей достойной матери, Марьи Алексѣевны, которая играетъ видную роль въ воспитаніи Пушкина въ первые годы его дѣтства.

Генералъ И. Н. Инзовъ.

Съ рожденіемъ [1]) Александра Сергѣевича, у Марьи Алексѣевны явилась новая и не легкая забота. Ребенокъ росъ некрасивый, неповоротливый и хмурый. Онъ туго поддавался той муштровкѣ и выправкѣ, которую Надежда Осиповна разумѣла подъ названіемъ воспитанія, и это навлекало на него несправедливыя вспышки матери, отъ которыхъ Марья Алексѣевна и старалась его избавить. Сохранилось преданіе, которое гласитъ, что Пушкинъ-ребенокъ нерѣдко убѣгалъ въ комнату своей милой и дорогой бабушки и, спасаясь отъ надоѣдавшихъ ему гувернеровъ и гувернантокъ, залѣзалъ въ корзинку около бабушкина рабочаго стола: онъ зналъ, что тамъ ужъ никто не посмѣетъ его тронуть. Преданіе это подтверждается тѣми прекрасными и прочувствованными строками, которыя поэтъ посвятилъ своей бабушкѣ, хотя былъ скупъ на изліянія чувствъ:

«Въ младенчествѣ моемъ она меня любила...» и т. д.

[1]) Пушкинъ родился 26 мая 1879 г., въ Москвѣ, въ домѣ Скворцова, на углу Нѣмецкой улицы и Лефортовскаго переулка. Домъ этотъ теперь уже не существуетъ. Самый участокъ владѣнія Скворцова раздѣленъ между тремя владѣльцами. День рожденія поэта подтверждается его собственнымъ свидѣтельствомъ. Онъ даже неоднократно упоминалъ при жизни, что родился въ Вознесенье, и что этотъ праздникъ имѣлъ большое значеніе въ его жизни... Однакоже, въ метрической книгѣ московской Богоявленской церкви, что̀ на Елоховѣ, днемъ рожденія поэта указано 27 мая. Мы не знаемъ выхода изъ этого страннаго противорѣчія.

Извѣстно также, что Марья Алексѣевна научила поэта грамотѣ и, вѣроятно, надолго сумѣла привязать къ себѣ сердце юноши, который и впослѣдствіи, подрастая, любилъ съ ней бесѣдовать, потому что отъ нея слышалъ разсказы о своихъ ближайшихъ предкахъ и о тѣхъ горяхъ и страданіяхъ, какія ей пришлось перенести въ своемъ несчастномъ супружествѣ.

Няня поэта.

Біографы Пушкина старались напрасно преувеличить значеніе другого лица, близко стоявшаго къ Пушкину въ его бѣдствіи—значеніе его извѣстной няни Арины Родіоновны. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что она была одной изъ представительницъ того типа старинныхъ крѣпостныхъ нянь, который теперь уже давно исчезъ, и что она съ полнымъ самоотверженіемъ исполняла возложенныя на нее обязанности, тѣмъ болѣе, что введена была въ семью Пушкиныхъ Марьей Алексѣевной [1]). Но мы ужъ никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ біографомъ Пушкина, который говоритъ, будто бы онъ уже въ дѣтствѣ и изъ устъ няни знакомился съ поэтическими созданіями народной фантазіи. Замѣтимъ, что этому предположенію прямо противорѣчитъ собственное заявленіе Пушкина [2]); но если бы даже и его не было, то едва ли можно было бы предположить, чтобы въ домѣ родителей Пушкина, гдѣ все строилось по французскому образцу, простая русская няня могла бы имѣть большое значеніе и услаждать своего питомца „поэтическими созданіями народной фантазіи", т. е. сказками? Другое дѣло—позднѣйшія отношенія Пушкина къ нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, какъ къ товарищу его ссылки, въ годы обязательнаго житья въ деревнѣ. Тутъ Арина Родіоновна была, дѣйствительно, находкою для Пушкина, то ограждая его отъ житейскихъ заботъ, то сообщая ему драгоцѣнныя данныя о народной жизни, то вскрывая передъ нимъ сокровищницу народныхъ сказаній. Признательный ей, именно за этотъ періодъ жизни, ея питомецъ и посвятилъ ей нѣсколько прекрасныхъ строкъ въ своемъ поэтическомъ воспоминаніи о годахъ, проведенныхъ въ Михайловскомъ.

Несомнѣннымъ для насъ остается тотъ фактъ, что единственными представительницами русскаго элемента въ воспитаніи Пушкина, въ дѣтствѣ, были—Марья Алексѣевна и Арина Родіоновна. Всѣ остальныя, окружавшія его или близко соприкасавшіяся съ нимъ лица, были, преимущественно, иностраннаго происхожденія. Онъ прошелъ черезъ руки цѣлаго ряда француженокъ и фран-

---

[1]) Она была крѣпостною Марьи Алексѣевны по ея имѣнію Кобрино, присужденному ей отъ мужа.

[2]) «По вечерамъ слушаю сказки, — такъ пишетъ Пушкинъ изъ деревни, во время ссылки, — и тѣмъ пополняю недостатки своего проклятаго французскаго воспитанія». Изъ этого ясно, что сказки для него—новость, что онъ не слыхалъ ихъ въ дѣтствѣ.

цузовъ, которые, конечно, оправдываютъ вполнѣ извѣстный отзывъ о нихъ Грибоѣдова:

«Числомъ поболѣе, цѣною подешевле...»

Любопытно, что даже и русскому языку обучалъ Пушкина какой-то Шиллеръ. Не мудрено, что въ результатѣ такого ученія получилось желаніе писать не по-русски, а по-французски, и первые стихи нашего великаго поэта, написанные въ дѣтствѣ, были стихи французскіе.

Результатомъ ученія, производившагося безпорядочно и неумѣло, явилось то, чего и слѣдовало ожидать: Пушкинъ-дитя совершенно охладѣлъ къ ученію и не ощущалъ ни малѣйшей охоты продолжать его, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ученіе ему преподавалось... Но зато, овладѣвъ вполнѣ грамотой и основательно ознакомившись съ языкомъ французскимъ, 8—9-ти-лѣтній мальчикъ ухватился за чтеніе и проявилъ къ нему такую охоту, такую страсть, что сталъ, буквально, поглощать книгу за книгой. Къ сожалѣнію, и тутъ ребенокъ не нашелъ себѣ въ родительскомъ домѣ ни одного разумнаго руководителя, и чтеніе его было такъ же безпорядочно и не приноровлено къ его возрасту, какъ и ученіе не было согласовано съ его способностями и расположеніемъ ума. Матерьялъ для чтенія онъ почерпалъ въ библіотекѣ отца, биткомъ набитой произведеніями „легкой“ французской поэзіи и беллетристики конца XVII и XVIII вв., которая скорѣе способна была раздражить и испортить воображеніе юноши, нежели доставить полезную и назидательную пищу его уму и сердцу. Никто не воздерживалъ юнаго Пушкина отъ этого вреднаго и растлѣвающаго чтенія, а отецъ и дядя даже стали его удостоивать бо̀льшаго вниманія, когда увидѣли, что онъ такъ быстро усвоиваетъ себѣ прочитанное и такъ хорошо запоминаетъ „перлы созданія“ ихъ любимыхъ французскихъ поэтовъ. Не въ пору и не въ мѣру начитанному Пушкину дозволено было присутствовать въ кабинетѣ отца въ то время, когда къ нему собирался кружокъ его знакомыхъ, среди которыхъ было много современныхъ поэтовъ и писателей, и десятилѣтнему ребенку, въ эту нѣжную пору его развитія вращавшемуся среди взрослыхъ и зрѣлыхъ людей, конечно, привелось и видѣть, и слышать много такого, что должно было оставить довольно печальный слѣдъ въ его душѣ. Біографы Пушкина стараются убѣдить насъ въ томъ, что это раннее допущеніе его въ кружокъ пріятелей и знакомыхъ, собиравшихся въ кабинетѣ его отца и дяди, — могло, будто бы, имѣть и свои хорошія стороны... „Прислушиваясь къ толкамъ и спорамъ людей литературнаго міра, онъ съ раннихъ лѣтъ научился любить искусство и произносить съ уваженіемъ слово „поэтъ“. Мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы это утвержденіе могло

Начало ученья.

быть основательно и справедливо: въ домѣ Сергѣя Львовича слово „поэтъ“ могло произноситься съ уваженіемъ только въ примѣненіи къ поэтамъ французскимъ; а какъ отецъ нашего поэта и

Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ, въ Одессѣ, въ 1823 году.

вся его семья относилась къ русской поэзіи—это всего легче видѣть изъ позднѣйшихъ отношеній Сергѣя Львовича къ его сыну, даже и въ то время, когда онъ уже прославился и занялъ въ русской литературѣ положеніе первенствующее.

Однимъ словомъ, обстановка, окружавшая юнаго Пушкина въ родительскомъ домѣ, была въ такой степени незавидна въ смыслѣ воспитательномъ, что оставленіе имъ родительскаго крова и поступленіе въ учебное заведеніе было для него и удачею, и счастьемъ. Особеннымъ счастьемъ было то, что Пушкинъ не попалъ въ очень модный (въ то время) С.-Петербургскій іезуитскій коллегіумъ, а въ число воспитанниковъ только-что учрежденнаго тогда Царскосельскаго Лицея. Родители, совершенно равнодушные къ Александру Сергѣевичу, готовы были отдать его куда угодно, лишь бы избавить себя отъ излишнихъ заботъ о дальнѣйшемъ воспитаніи и образованіи ребенка, котораго они не любили, и который, до того времени, не доставлялъ имъ никакого удовольствія. А. И. Тургеневъ, близкій къ семьѣ Пушкиныхъ и, въ частности, къ Василію Львовичу, способствовалъ своими хлопотами и ходатайствами принятію Пушкина въ Лицей, который, видимо, предназначался къ тому, чтобы занять самое выдающееся мѣсто въ средѣ нашихъ воспитательныхъ заведеній. Нужно ли добавлять, что Пушкинъ покидалъ безъ всякаго сожалѣнія тотъ родительскій кровъ, подъ которымъ онъ постоянно росъ нелюбимымъ, заброшеннымъ ребенкомъ, и изъ котораго, по вѣрному замѣчанію одного изъ его будущихъ воспитателей, „уносилъ юношеское сердце, непробужденное ни къ какой нѣжности, и воображеніе, испорченное знаніемъ наизусть всѣхъ эротическихъ произведеній французской литературы—достойнымъ пріобрѣтеніемъ пер-

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьи грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы, бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты
И я забыл твой голос нежный
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Автографъ А. С. Пушкина (въ уменьшенномъ видѣ).

воначальнаго воспитанія". Ему, вѣроятно, была чувствительна только разлука съ любимою сестрою, съ которой дружба и переписка продолжались у него до послѣднихъ мѣсяцевъ жизни [1]).

Пушкинъ въ Лицеѣ.

12 августа 1811 года двѣнадцатилѣтній Пушкинъ выдержалъ вступительный экзаменъ въ Лицей, въ числѣ тѣхъ 38 воспитанниковъ, изъ которыхъ первоначально должно было состоять это заведеніе, образцовое, какъ по первоначальному плану, такъ и по замыслу—давать въ стѣнахъ его воспитаніе и образованіе юношеству, „особливо предназначенному къ важнымъ частямъ службы Государственной".

Важною, отличительною чертою Лицея, какъ воспитательнаго заведенія, было именно то, что въ основу лицейскаго воспитанія полагалось разумное уваженіе къ личности и внимательное отношеніе къ личнымъ свойствамъ каждаго воспитанника, которому, вслѣдствіе этого, давалась достаточная свобода развитія и оказывалось значительное довѣріе. Это выражалось, напримѣръ, въ томъ, что у каждаго воспитанника была своя комната, что никто не слѣдилъ за ними внѣ стѣнъ заведенія, въ той обширной части Царскосельскаго сада, который былъ предоставленъ для ихъ игръ и прогулокъ, такъ какъ самый Лицей помѣщался въ одномъ изъ флигелей Царскосельскаго дворца, соединенномъ перекинутою черезъ улицу аркою съ дворцовою церковью. Тѣ же разумныя начала были положены въ основу лицейскаго преподаванія, которое задавалось, главнымъ образомъ, цѣлями общеобразовательными, не стѣсняя свободнаго развитія воспитанниковъ никакими педантическими рамками, никакою излишнею требовательностью въ мелочахъ и подробностяхъ [2]).

Несмотря на то, что въ Лицей были приглашены лучшіе преподаватели того времени, которые умѣли завлечь воспитанниковъ къ занятіямъ, въ Пушкинѣ, и на лицейской скамьѣ, не пробудилась охота къ ученію. Читалъ онъ попрежнему жадно и безъ разбору, но къ пополненію своего образованія ни малѣйшаго рвенія не выказывалъ. Но, благодаря той широкой свободѣ, которой пользовались воспитанники Лицея—и каждый въ отдѣльно-

[1]) Достойно вниманія и то обстоятельство, что первымъ, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, было «Посланіе къ сестрѣ» — о которой, слѣдовательно, поэтъ прежде всѣхъ вспомнилъ въ разлукѣ съ нею.

[2]) Это представляется для насъ вполнѣ яснымъ изъ лицейскихъ отчетовъ за 1812 г. Въ нихъ мы читаемъ: «Главнымъ занятіемъ въ первое полугодіе были иностранные языки; преподаваніе же наукъ: Закона Божія, логики, нравственности, исторіи, географіи и математики, ограничивалось только главными началами». Во второмъ полугодіи чтеніе образцовъ изъ лучшихъ писателей не ограничивалось только грамматическими объясненіями, но сопровождаемо было «нѣкоторыми логическими и легкими эстетическими замѣчаніями, дабы вкусъ воспитанниковъ еще вѣрнѣе руководствуемъ былъ къ простому, естественному и изящному слову».

сти, и во взаимныхъ отношеніяхъ между собою—Пушкинъ здѣсь развернулся и сталъ выказывать тотъ даръ, которымъ онъ надѣленъ былъ свыше. Этому фазису развитія въ значительной степени способствовалъ тотъ кружокъ, который нашъ юный поэтъ встрѣтилъ въ Лицеѣ, съ которымъ сошелся быстро и не порывалъ дружественныхъ связей до самой своей кончины.

Въ составъ этого кружка входили: Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Горчаковъ, Матюшкинъ, Пущинъ, Корсаковъ, Данзасъ и Масловъ— и главною заслугою этого кружка было именно то, что онъ ослабилъ французское вліяніе домашней среды, вынудилъ его отъ французскихъ стиховъ перейти къ русскимъ и серьезно заняться обработкою своего стиха и слога.

Литература въ Лицеѣ.

Мы уже неоднократно упоминали выше о томъ быстромъ возрастаніи и развитіи вкуса къ литературѣ, которое явилось отличительною, характеристическою чертою Александровскаго времени, въ особенности въ средѣ учащейся молодежи. То же видимъ и въ Лицеѣ съ первыхъ лѣтъ его существованія. Здѣсь литература была въ средѣ воспитанниковъ не только любимымъ занятіемъ, но и развлеченіемъ, и даже забавою. Лицеисты издавали нѣсколько рукописныхъ журналовъ, подъ разными заглавіями: „Лицейскій Мудрецъ“, „Для удовольствія и пользы“, „Неопытное перо“ и т. п. Въ этихъ журналахъ всѣ лицеисты принимали участіе по мѣрѣ силъ и способностей, и здѣсь-то нашли себѣ мѣсто первые поэтическіе опыты Пушкина, доставившіе ему сначала извѣстность въ товарищескомъ кругу, а потомъ ободрившіе его и къ выступленію на настоящее литературное поприще. Само собою разумѣется, что этотъ первый періодъ литературной дѣятельности Пушкина, когда онъ былъ еще стихотворцемъ, а не поэтомъ, былъ періодомъ чисто-подражательнымъ. Началъ онъ съ подражанія французскимъ лирикамъ, а потомъ перешелъ къ подражанію лучшимъ русскимъ поэтамъ—Державину, Жуковскому и, наконецъ, Батюшкову. Но и въ этихъ подражаніяхъ проявлялись уже несомнѣнные проблески крупнаго и оригинальнаго таланта.

Державинъ и Пушкинъ.

Въ іюнѣ 1814 г. явились первыя пять стихотвореній лицеиста-Пушкина въ „Вѣстникѣ Европы“ (въ то время издававшемся подъ редакціею В. В. Измайлова); затѣмъ стихотворенія того же юнаго автора стали помѣщать и въ другихъ журналахъ—и вездѣ ихъ весьма охотно принимали... И вотъ, мало-по-малу, та поэтическая извѣстность, которою Пушкинъ уже пользовался въ стѣнахъ Лицея, между своими товарищами, стала переходить и въ общество. Распространенію извѣстности Пушкина не мало способствовало и еще одно обстоятельство, случившееся годъ спустя, послѣ напечатанія первыхъ стихотвореній

Пушкина. Мы разумѣемъ извѣстный эпизодъ на лицейскомъ экзаменѣ, такъ прекрасно описанный Пушкинымъ въ его „Запискахъ"... На этомъ экзаменѣ (1815 г.) сошлись два поколѣнія русскихъ поэтовъ: одно—въ лицѣ Державина, пріѣхавшаго на экзаменъ; другое—въ лицѣ юноши-Пушкина, читавшаго передъ пѣвцомъ Фелицы свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ". Въ нихъ-то юный поэтъ, обращаясь къ своему маститому предшественнику, призывалъ его къ новымъ вдохновеннымъ пѣснямъ и восклицалъ:

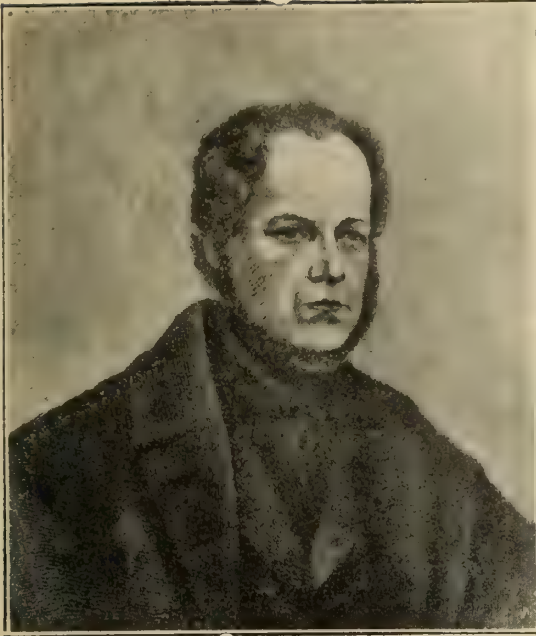
В. Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина.

О, Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй,
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой.
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

„Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи; онъ меня требовалъ — хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли..." Такъ пишетъ Пушкинъ въ своихъ „Запискахъ", вспоминая объ этомъ знаменательномъ днѣ своей юности... Не забылъ о впечатлѣніяхъ этого дня и старецъ-Державинъ, говорившій потомъ С. Т. Аксакову: „мое время прошло... Скоро явится свѣту второй Державинъ—это Пушкинъ, который уже въ Лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей".

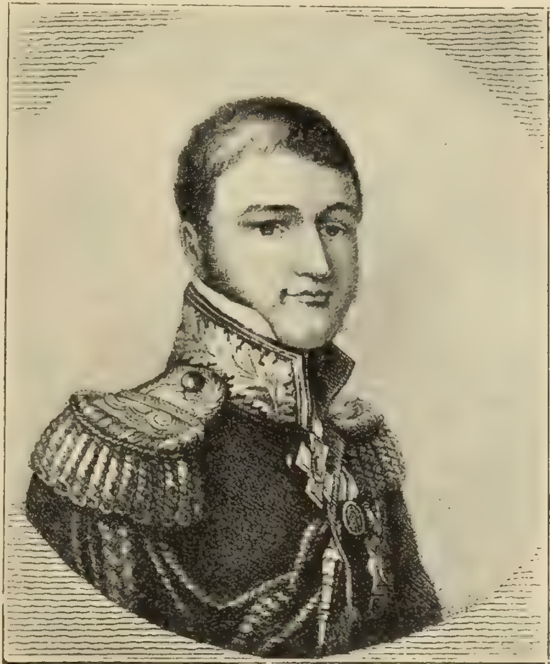
Извѣстность Пушкина.

Мы не придаемъ этому факту того рѣшающаго, выдающагося значенія, которое старались въ немъ видѣть нѣкоторые біографы Пушкина, увѣряя, будто бы именно съ этого дня „онъ становится признаннымъ поэтомъ среди авторитетнѣйшихъ людей литературнаго міра". И Карамзинъ, и Жуковскій, которыхъ разумѣютъ подъ этими „авторитетнѣйшими людьми", давно знали о талантѣ Пушкина и слѣдили за его успѣхами. Сохранилось преданіе, что Жуковскій даже отдавалъ на судъ лицеиста-Пушкина свои стихотворенія, болѣе довѣряя его поэтическому чутью и вѣрному

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, родной братъ поэта.

слуху, нежели своему собственному вкусу [1]). Батюшковъ тоже долженъ былъ уже въ это время знать Пушкина, какъ поэта, по его печатнымъ (уже во многихъ журналахъ) стихотвореніямъ, и годъ спустя привѣтствовалъ его, какъ давно знакомаго, въ „Арзамасѣ", тѣмъ болѣе, что Пушкинъ не скрывалъ своего пристрастія къ поэзіи Батюшкова и обо многихъ лучшихъ произведеніяхъ своихъ говорилъ: „люблю ихъ, они отзываютъ стихами Батюшкова" [2]). И Карамзинъ, и Дмитріевъ, и Жуковскій, и Батюшковъ знали давно о талантѣ Пушкина и боязливо слѣдили за его быстрымъ развитіемъ, справедливо опасаясь того, что талантъ не спасетъ геніальнаго юношу отъ гибели, къ которой могъ привести его слишкомъ пламенный темпераментъ, раннее развитіе и отсутствіе твердой, руководящей руки... Позже всѣхъ о талантѣ Пушкина догадались его родной отецъ и мать, да и то потому, что Василій Львовичъ сообщилъ имъ отзывы „авторитетнѣйшихъ людей" и добавилъ отъ себя, что „Александровы стихи не пахнутъ латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго".

Князь М. С. Воронцовъ.

[1]) Говорятъ, будто Жуковскій старался исправить тотъ стихъ, который не могъ быть сразу усвоенъ Пушкинымъ и ускользалъ отъ его необычайной памяти.

[2]) Такъ говорилъ онъ на критику о своемъ стихотвореніи «Муза» («Въ младенчествѣ она меня любила...»).

Выпускъ изъ Лицея.

Но вотъ, наконецъ, двери Лицея открылись передъ юнымъ Пушкинымъ. 10 іюня 1817 г. онъ былъ выпущенъ изъ Лицея 19-мъ ученикомъ (по второму разряду) и несмотря на это очень радушно принятъ во всѣхъ литературныхъ кружкахъ: у Оленина, у Карамзина, у А. И. Тургенева, гдѣ сошелся съ Гнѣдичемъ, съ княземъ П. А. Вяземскимъ, съ Ѳ. Н. Глинкой, съ Раевскимъ. Жуковскій ввелъ его въ „Арзамасъ", гдѣ онъ явился младшимъ, но едва ли не самымъ замѣтнымъ членомъ. Въ 1818 году мы уже видимъ его читающимъ, въ арзамасскихъ собраніяхъ и на вечерахъ у Жуковскаго, первыя пѣсни своей первой поэмы „Русланъ и Людмила", въ которыхъ всѣмъ чуялось нѣчто новое и невиданное въ нашей литературѣ. Всѣхъ, слышавшихъ чтеніе этой поэмы, не столько поражали ея дѣйствительныя поэтическія достоинства, сколько необычайная игривость и легкость, съ которою Пушкинъ относился къ изложенію сюжета своего, къ развитію его подробностей и эпизодовъ, причемъ выражалъ полнѣйшее пренебреженіе ко всякимъ традиціямъ литературнымъ, ко всѣмъ теоретическимъ умствованіямъ и стѣсненіямъ... Это было, въ полномъ смыслѣ слова, твореніе свободнаго художника, который, полагаясь на свой геній и на силу таланта, творилъ какъ бы шутя, безпрестанно уклоняясь отъ нити своего разсказа, перемѣшивая страшное съ забавнымъ и откладывая окончаніе серьезной сцены для того, чтобы вставить въ главу поэмы веселую пародію на одно изъ произведеній современной литературы.

Поэма писалась довольно быстро, и къ началу 1818 г. была уже почти окончена, хотя люди, близко знавшіе Пушкина, никакъ не могли себѣ представить: когда онъ успѣваетъ писать и гдѣ беретъ время, чтобы писать такъ много! Въ этихъ сомнѣніяхъ не было ничего удивительнаго, потому что юноша-Пушкинъ велъ жизнь безпорядочную, разсѣянную и въ высшей степени разгульную. Отдавая общественной жизни и ея удовольствіямъ все свое время, поэтъ не придавалъ ему никакой цѣны, какъ не придавалъ цѣны и деньгамъ, и силамъ своимъ, и своему изумительному таланту, который онъ разбрасывалъ по мелочамъ, тратя его на эпиграммы и пародіи, на застольныя пѣсни и шутливыя стихотворенія нецензурнаго содержанія. И все это перемежалось кутежами съ гвардейской молодежью, гомерическими попойками и такими проявленіями молодой шаловливой дури, о которой въ настоящее время никто не можетъ составить себѣ никакого понятія, потому что при измѣнившихся условіяхъ жизни и полицейскихъ порядковъ было бы невозможно осуществить даже и десятую долю тѣхъ нарушеній общественной тишины и элементарныхъ приличій, какія въ то время дозволяли себѣ молодые повѣсы...

Заботы о Пушкинѣ.

А. И. Тургеневъ, близкій къ семьѣ Пушкиныхъ и, какъ мы видѣли, способствовавшій поступленію Пушкина въ Лицей, былъ серьезно озабоченъ тѣмъ образомъ жизни, который избранъ былъ юнымъ поэтомъ. Подобно Батюшкову, онъ опасался за то, что изъ Пушкина ничего не выйдетъ, если не удастся его взять въ строгія руки, и возлагалъ надежды только на то, что литературная извѣстность, которую первая поэма, выйдя въ свѣтъ, должна была принести Пушкину — отрезвитъ его отъ чада его увлеченій и излишествъ и заставитъ серьезнѣе взглянуть на свое назначеніе... [1])

Отрывокъ изъ черновыхъ тетрадей Пушкина.

[1]) А. И. писалъ П. А. Вяземскому (отъ 25 февраля 1818 г.): «Племянникъ Василія Львовича почти кончилъ свою поэму, и я на-дняхъ два раза слушалъ ее,— пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, лично для него. Увидя себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ...» Въ этомъ письмѣ любопытна не только послѣдняя фраза, но и то, что Пушкинъ здѣсь извѣстенъ еще не какъ самостоятельная личность, а только какъ «племянникъ Василія Львовича».

Но эти надежды и расчеты оказались — увы! — совершенно суетными. Пушкинъ оказывался совершенно неисправимымъ, и положительно не обращалъ вниманія ни на какіе дружескіе совѣты и увѣщанія. Ему казались докучными и надоѣдливыми заботы о немъ друзей и старшихъ собратій по литературѣ, которымъ яснѣе представлялись тѣ опасности, какимъ юноша подвергался... Онъ поссорился изъ-за этихъ заботъ съ Карамзинымъ и долгое время на него негодовалъ и дулся, и на время даже перешелъ на сторону людей, непріязненно относившихся къ исторіографу: онъ избѣгалъ даже и общества Жуковскаго, несмотря на ту нѣжную привязанность, которую постоянно выказывалъ къ добродушному „балладнику“; избѣгалъ и кружка Олениныхъ, гдѣ живымъ укоромъ на его глазахъ являлись маститые литераторы, или труженики, въ родѣ Гнѣдича—гдѣ постоянно всѣ интересы сосредоточены были около серьезныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ искусства и литературы... Онъ шутилъ и игралъ жизнью, онъ предавался съ ненасытною алчностью тѣмъ „играмъ Вакха и Киприды“, о которыхъ съ такою горечью вспоминаетъ потомъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ; и шутя, и рѣзвясь, какъ ребенокъ, не сдерживая ни въ чемъ своей богато-одаренной натуры, не щадя ничего кругомъ и все одинаково бичуя своей ѣдкой и рѣзкой эпиграммой,—Пушкинъ, вдругъ, съ ужасомъ увидѣлъ себя на краю пропасти... И онъ погибъ-бы непремѣнно, если бы дѣйствительно „Музы не спасли своего любимца“.

Развалины дома, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ.

Свидѣтельство.

№ 21

Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Александръ Пушкинъ, въ теченіи шестилѣтняго курса обучался въ семъ заведеніи и оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ и Священной Исторіи, въ Логикѣ и Нравственной Философіи, въ Правѣ Естественномъ Частномъ и Публичномъ, въ Россійскомъ Гражданскомъ и Уголовномъ Правѣ хорошіе; въ Латинской Словесности, въ Государственной Экономіи и Финансахъ весьма хорошіе; въ Россійской и Французской Словесности также въ Фехтованьѣ превосходные; сверхъ того занимался Исторіею, Географіею, Статистикою, Математикою и Нѣмецкимъ языкомъ. Во увѣреніе чего и дано ему отъ Конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея сіе свидѣтельство съ приложеніемъ печати. Царское село Іюня 9 дня 1817 года.

Директоръ Лицея Егоръ Энгельгардтъ

У сего свидѣтельства Императорскаго Царскосельскаго Лицея печать. № 63.

Конференцъ Секретарь Профессоръ Александръ Куницынъ

Лицейское свидѣтельство Пушкина. Заимствовано изъ книги: «Пушкинъ. Документы Государственнаго и Спб. Главнаго архивовъ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пушкинъ.—Первый періодъ литературной дѣятельности. — Первая ссылка. — Пребываніе на Югѣ. — Воспоминаніе Кавказа и Крыма. — Усиленная творческая дѣятельность. — Кишиневъ и Одесса. — Новыя поэмы. — Лирика и отголоски встрѣчъ на Югѣ. — Новыя невзгоды и новая ссылка.

Шутя и смѣясь и, видимо не придавая никакого серьезнаго значенія своей поэтической дѣятельности, Пушкинъ закончилъ свою первую граціозную поэму, отъ успѣха которой А. И. Тургеневъ ожидалъ такого благотворнаго воздѣйствія на взбалмошнаго юношу-поэта. Закончилъ ее роскошной картиной торжественнаго возвращенія Руслана въ Кіевъ и пробужденіемъ Людмилы, погруженной въ сонъ силою чаръ... Порокъ пристыженъ и приниженъ; добродѣтель торжествуетъ: всюду радость и восторги, и ликованія. Но прежде, чѣмъ дойти до этой заключительной картины, онъ какъ бы шутитъ со своею поэмой, то густо и широкою кистью наляпывая краски на свое полотно, то нѣжно набрасывая на немъ отдѣльные этюды, отдѣльные эпизоды, отдѣльныя фигурки и сценки, полныя жизни и неподдѣльной веселости. Мѣстами, шаловливый поэтъ, съ удивительною смѣлостью и легкостью, бросаетъ свой разсказъ, порывая его нить на самомъ интересномъ мѣстѣ, и отъ эпическаго сюжета съ его сказочной обстановкой, переходитъ къ общимъ размышленіямъ о значеніи поэта и его произведеній, къ теоретическимъ спорамъ о литературныхъ вопросахъ, даже къ пародіямъ на модныя литературныя произведенія... И потомъ опять течетъ разсказъ какъ ни въ чемъ не бывало, и опять онъ овладѣваетъ всѣмъ вниманіемъ читателя и увлекаетъ его новизною и неожиданностью сценъ и образовъ, и дивнымъ, обаятельнымъ волшебствомъ поэтическаго дарованія... И вотъ, наконецъ, эта удивительная поэма (особенно удивительная для перваго большого произведенія) закончена и отдана въ печать... и почти забыта самимъ поэтомъ, закружившимся въ вихрѣ развлеченій и увлеченій столичной жизни, среди той молодежи, которая, не имѣя никакихъ серьезныхъ заботъ, исключительно предавалась шумному веселью, картамъ и кутежамъ...

Среди этихъ молодыхъ повѣсъ Пушкинъ былъ душою всякаго кружка, въ который онъ заглядывалъ, который онъ оживлялъ своимъ вдохновеніемъ, своими удивительными экспромтами, своею колкою и злою насмѣшливостью, своими дивными, „крылатыми" словами... Само собою разумѣется, что каждый его стихъ, каждое его слово, каждая острота или замѣчаніе тотчасъ подхватывались всѣми, повторялись на всѣ лады и разносились немедленно въ обществѣ, съ непремѣннымъ добавленіемъ и подтвержденіемъ, что „это Пушкинъ сказалъ". А между тѣмъ не

слѣдуетъ забывать, что въ молодыхъ кружкахъ современнаго столичнаго общества (особенно петербургскаго) сильно развито было недовольство современными условіями русской жизни. Эти условія, дѣйствительно весьма непривлекательныя, вызывали горячія порицанія и осужденія среди молодежи, въ особенности той, которая выносила на себѣ всѣ тягости борьбы съ Наполеономъ и, проведя нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ въ Европѣ, была поражена громадною разницею, которая невольно бросалась въ глаза, при сравненіи европейской общественной жизни съ нашею... Молодежи казалось, что все безнарядье русской жизни было бы весьма легко устранить простымъ измѣненіемъ формъ государственнаго строя: стоило только замѣнить неограниченную власть конституціонною формою правленія и все общество тотчасъ пересоздалось бы и переродилось бы на новомъ основаніи. Извѣстно, что этотъ легковѣсный и ошибочный взглядъ, какъ бы отрицавшій все наше историческое прошлое и вѣками сложившіяся традиціи, многимъ кружилъ головы; сторонники этого воззрѣнія, въ разныхъ концахъ Россіи, образовали тайныя политическія общества съ цѣлью произвести при удобномъ случаѣ государственный переворотъ, и затѣмъ приняли участіе въ печальномъ декабрьскомъ событіи 1825 г.

Вліяніе кружка.

Къ этимъ кружкамъ, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ условіяхъ, принадлежали не все одни только убѣжденные сторонники опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній, не все люди, готовые собой самоотверженно пожертвовать для истиннаго или мнимаго блага родины. Въ составъ кружковъ входили и къ нимъ близко соприкасались многіе ничего общаго съ политикой не имѣвшіе и не собиравшіеся имѣть, но весьма охотно участвовавшіе въ спорахъ объ отвлеченныхъ вопросахъ и еще болѣе охотно отрицавшіе и порицавшіе весь существующій порядокъ вещей.— Крайній либерализмъ съ нѣкоторою наклонностью въ атеизму, какъ прямой противоположности лицемѣрнаго пьетизма — были общераспространенною модою въ этихъ молодыхъ кружкахъ 20-хъ годовъ, и Пушкинъ — увы! — платилъ щедрую дань и либерализму, и атеизму въ этомъ юношескомъ періодѣ своей поэтической дѣятельности... Злыя и рѣзкія эпиграммы на высокопоставленныхъ лицъ и на всемогущаго временщика Аракчеева, дерзкія и задорныя выходки въ стихахъ, направленныя къ осужденію или осмѣянію всѣми чтимыхъ священныхъ лицъ и предметовъ — вотъ на что, въ этотъ періодъ жизни, юный поэтъ очень часто растрачивалъ свой дивный поэтическій даръ, щедрой рукою разсыпая блестки своего остроумія и довольствуясь дешевою славою злого и находчиваго сатирика и либерала. Благодаря той громкой извѣстности, которою уже и въ это время пользовался

Пушкинъ, его эпиграммы, его сатиры и пародіи, его остроты и даже слова, сказанныя кстати и во-время, повторялись всѣми и разносились по городу въ тысячѣ пересказовъ и повтореній, въ тысячѣ списковъ, и наконецъ должны были обратить на себя вниманіе властей. За вѣтренымъ и черезчуръ неосторожнымъ поэтомъ стали слѣдить и присматривать — донесли куда слѣдовало, и навлекли на него гнѣвъ государя, который приказалъ С.-Петербургскому генералъ-губернатору Милорадовичу, призвать къ себѣ поэта и допросить его подробно по взводимымъ на него обвиненіямъ. Пушкинъ явился къ отвѣту, а въ то же время на квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ, окончившійся полною неудачею: рукописей не было найдено, такъ какъ вѣрный дядька Пушкина успѣлъ ихъ сжечь. Но поэтъ поразилъ добродушнаго Милорадовича своею честною искренностью; онъ предложилъ на память написать ему все то, что служило ему прямою уликою и обвиненіемъ: — сѣлъ и написалъ цѣлую тетрадь. Милорадовичъ передалъ эту тетрадь государю, но въ то же время ходатайствовалъ за благороднаго юношу, прося извинить ему его неосторожныя выходки. — Однакоже, грозу, скопившуюся надъ головой поэта, не легко было отъ него отклонить и отвести... Государь былъ сильно прогнѣванъ и очень сурово настроенъ противъ Пушкина: юношѣ-поэту грозила ссылка въ Сибирь или въ Соловки. Но дружныя и единодушныя ходатайства Карамзина, Жуковскаго, Оленина и Энгельгардта (директора Царскосельскаго лицея) спасли поэта отъ предназначенной ему тяжелой кары. Сибирь и Соловки замѣнены были немедленною высылкою поэта на Югъ Россіи; а исключеніе изъ службы — переводомъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края [1]). Высылка произведена была очень быстро; видъ на проѣздъ, и прогоны были выданы Пушкину 4-го мая 1820 года, а 6-го (въ самое Вознесеніе) Пушкинъ уже былъ на пути къ Югу... Двое товарищей — Дельвигъ и Яковлевъ — провожали его до Царскаго Села.

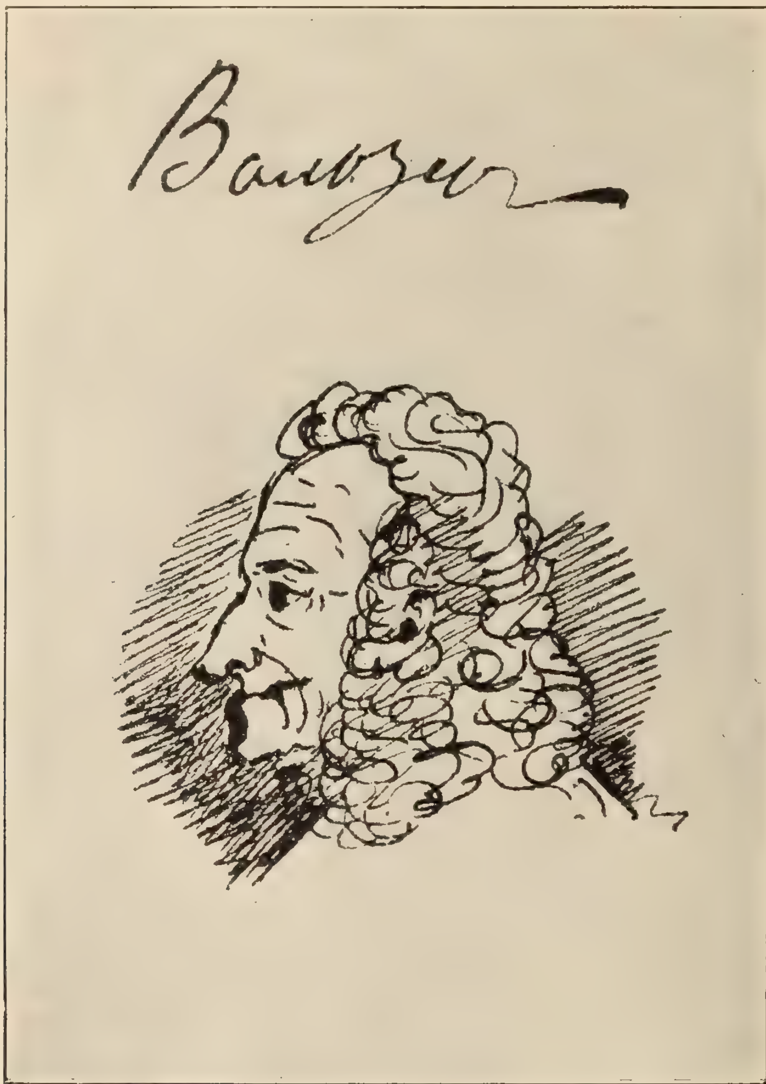
Первая ссылка.

Пушкинъ, такъ быстро и неожиданно оторванный отъ той среды, въ которой онъ жилъ и вращался постоянно, былъ вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, перенесенъ

---

[1]) Есть основаніе думать, что на государя въ благопріятномъ для Пушкина смыслѣ подѣйствовала именно бесѣда съ Энгельгардтомъ, къ которому онъ обратился съ разспросами о Пушкинѣ. Энгельгардтъ отвѣчалъ государю: «Воля Вашего Императорскаго Величества! Но Вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развитъ необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе Ваше, Государь, лучше вразумитъ его». Чрезвычайно поучительно то, что этотъ горячій отзывъ о Пушкинѣ исходилъ изъ устъ педагога, котораго Пушкинъ не любилъ и, во время пребыванія въ Лицеѣ, постоянно избѣгалъ.

въ совсѣмъ иныя условія жизни, въ иную среду, въ иную сферу дѣятельности. Такой толчокъ, отвлекавшій поэта въ сторону отъ его увлеченій и излишествъ и ставившій его въ новую обстановку, богатую красками и разнообразными впечатлѣніями, былъ до нѣкоторой степени полезенъ Пушкину. Но именно—только до

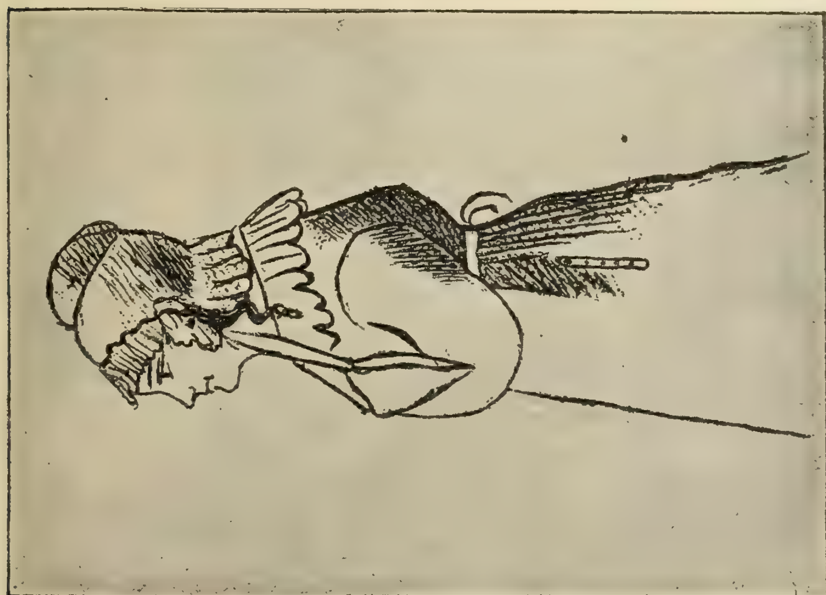
Рисунки и наброски Пушкина въ его черновыхъ тетрадяхъ.

нѣкоторой степени, потому что кипучая, юношеская натура Пушкина еще не успѣла остыть, не успѣла уходиться, и должна была привести его къ новымъ бѣдамъ и къ новымъ испытаніямъ.

Ближайшею цѣлью путешествія былъ городъ Екатеринославъ, служившій резиденціею генералу Инзову, начальнику всѣхъ колонистовъ Южнаго края. Пушкинъ явился къ своему новому на-

чальнику съ рекомендательнымъ письмомъ отъ своего бывшаго начальника, графа Каподистріи, который отнесся къ невзгодѣ юноши-поэта удивительно мягко и гуманно. Рекомендуя Пушкина

Рисунки и наброски Пушкина въ его черновыхъ тетрадяхъ.

Инзову, графъ пишетъ о немъ, какъ отецъ о сынѣ, стараясь съ выгодной стороны выставить достоинства Пушкина и по возможности извинить его легкомысленный проступокъ.

Письмо гр. Каподистріи.

„Исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства,— такъ пишетъ графъ о Пушкинѣ, — онъ оставилъ родительскій

домъ, не испытывая сожалѣній. Лишенный сыновней привязанности, онъ имѣлъ лишь одно чувство—страстное желаніе независимости... Рано проявилъ онъ геніальность; необыкновенные успѣхи его въ Лицеѣ были быстры. Его умъ вызывалъ удивленіе; но характеръ, повидимому, ускользнулъ отъ взора наставниковъ... Нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ молодой человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій. Нѣсколько поэтическихъ пьесъ, въ особенности же „Ода на вольность", обратили на Пушкина вниманіе правительства. При величайшей красотѣ концепціи и слога, — это послѣднее произведеніе запечатлѣно опасными принципами..."

Генералъ Инзовъ.

По счастью для Пушкина, тотъ добрый старецъ-генералъ, которому суждено было явиться опекуномъ юнаго поэта, сумѣлъ понять прекрасныя и благородныя побужденія, которыя руководили графомъ Каподистрія въ его рекомендательномъ письмѣ. Инзовъ, дѣйствительно, отнесся къ Пушкину искренно и просто, радушно пріютилъ его въ своемъ домѣ, сочувственно отнесся къ его стѣсненному матерьяльному положенію и заботливо оберегалъ его отъ всякихъ излишествъ и увлеченій, отъ послѣдствій его вспыльчивости и страстныхъ порывовъ... Онъ умѣлъ его и пожурить, и приласкать, и утѣшить — въ пору и во́-время; умѣлъ даже и строгость показать и назначить взысканіе, въ видѣ домашняго ареста, не оскорбляя болѣзненно-развитаго самолюбія Пушкина, который привыкъ видѣть въ добромъ старикѣ-начальникѣ заботливаго дядьку и пѣстуна, и привязался къ нему всей душой.

Съ этимъ переселеніемъ на Югъ для Пушкина начались „годы странствованій", составляющіе весьма важный періодъ развитія въ жизни каждаго юноши; тѣмъ болѣе были они важны для поэта, какъ годы обновленія впечатлѣній и пополненія поэтическихъ образовъ новымъ и свѣжимъ запасомъ... Неосторожное купанье въ Днѣпрѣ, въ первыя же недѣли по пріѣздѣ Пушкина въ Екатеринославъ, отозвалось горячкою, которая очень изнурила поэта и послужила достаточнымъ предлогомъ къ отправкѣ Пушкина въ Крымъ и на Кавказъ для пользованія минеральными водами... Добрый Инзовъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе на эту поѣздку, и Пушкинъ отправился въ путь, вмѣстѣ съ милою семьею генерала Раевскаго, въ которой сыновья были его давнишними друзьями, а одна изъ дочерей—первымъ серьезнымъ увлеченіемъ нашего поэта.

Поѣздка на Кавказъ.

Живыя и яркія впечатлѣнія кавказской природы и быта воинственныхъ кавказскихъ горцевъ, а затѣмъ пріятныя воспоминанія, связанныя съ пребываніемъ среди чарующей природы

южнаго берега Крыма—все это благотворно повліяло на скорбную душу поэта и отозвалось на его произведеніяхъ. И дѣйствительно, только въ этотъ періодъ лира Пушкина впервые зазвучала иными звуками, въ его душѣ проснулись и заговорили иныя, и ему самому еще невѣдомыя струны...

«Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья...»

такъ говорилъ самъ Пушкинъ о себѣ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній, написанныхъ на Югѣ Россіи, какъ бы самъ сознаваясь въ томъ, что ему давно было пора обновить окружавшія его на Сѣверѣ впечатлѣнія и условія жизни... Объ этихъ условіяхъ онъ не жалѣетъ; онъ даже радъ, что отъ нихъ избавился и смѣнилъ ихъ на иныя, лучшія, въ которыхъ не дремлетъ его „своенравный геній". Такъ въ посланіи къ Чадаеву онъ говоритъ еще разъ:

«Оставивъ шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти подорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну
Для сердца новую вкушаю тишину...»

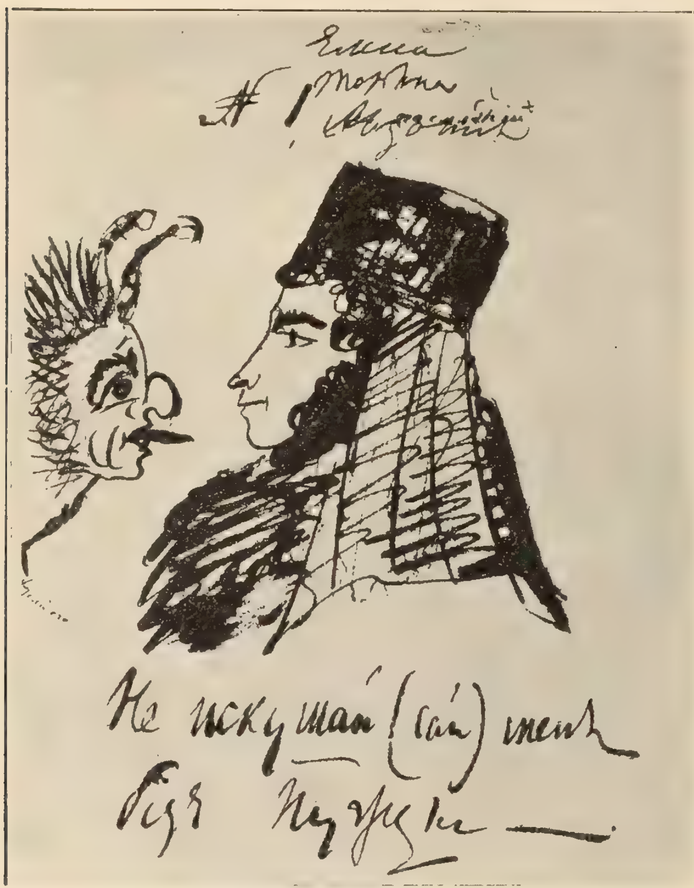
Эта новая для сердца „тишина" была очень важнымъ элементомъ для дальнѣйшаго развитія таланта Пушкина—такимъ же, какъ и то вынужденное уединеніе, въ которомъ онъ очутился на Югѣ, вдали отъ друзей и близкихъ къ нему людей.

Въ этомъ уединеніи были отчасти свои непріятныя стороны и неудобства; однакоже, многими своими сторонами оно даже возвышало душу поэта:—недаромъ онъ сравнивалъ себя съ другимъ изгнанникомъ-поэтомъ, который нѣкогда принесъ на эти же отдаленные берега „отеческихъ боговъ" и свой бренный прахъ. Тѣнь Овидія, сосланнаго Августомъ на край цивилизованнаго міра, носится въ воображеніи Пушкина, и передъ нимъ рисуются поэтическія картины жизни роскошнаго гражданина, который осужденъ жить въ „отчизнѣ варваровъ—безвѣстенъ и одинъ". Онъ даже съ нѣкоторою гордостью сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ Овидія, и говоритъ о себѣ:

«...Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья...»

Два изгнанника.

Мы знаемъ, на какую высоту изящной простоты и поэтическаго вдохновенія тотъ же образъ Овидія вознесенъ Пушкинымъ въ пересказѣ преданія объ Овидіи, вложенномъ позднѣе въ уста стараго Цыгана („Межъ нами есть одно преданье“...). Сближая свою судьбу съ судьбою Овидія, Пушкинъ за это время вспоминалъ нерѣдко и другого „самовольнаго изгнанника, и свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольнаго“ — вспоминалъ сумрачнаго Байрона, вліянію котораго онъ въ значительной степени подчинялся за это время (особенно въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ), хотя по натурѣ своей и по своему поэтическому темпераменту, онъ ничего не имѣлъ общаго съ Байрономъ [1]). Но даже и самая возможность подобнаго сближенія съ двумя весьма извѣстными поэтами уже указываетъ намъ на близкое наступленіе періода поэтической зрѣлости Пушкина, который какъ бы видитъ передъ собою опредѣленную, намѣченную цѣль, и пытается къ ней направить свои невѣрные шаги, хотя его африканскій темпераментъ все еще держитъ его подъ гнетомъ увлеченій и совершенно ложныхъ взглядовъ на жизнь и на междулюдскія отношенія, и все еще въ значительной степени мѣшаетъ выступить на свой ему предназначенный путь.

Рисунки и наброски Пушкина въ его черновыхъ тетрадяхъ.

Не вдаваясь въ подробное описаніе пребыванія Пушкина на

[1]) Можетъ-быть, потому именно вліяніе Байрона на Пушкина и было такъ кратковременно:—оно отразилось только на «Кавказскомъ плѣнникѣ», «Цыганахъ», «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» и на начальныхъ главахъ «Евгенія Онѣгина».

Югѣ Россіи, отмѣтимъ въ немъ только тѣ важнѣйшіе пункты, которые обозначались въ поэтической дѣятельности Пушкина опредѣленными произведеніями, поставленными въ непосредственную связь съ впечатлѣніями южной природы и тѣхъ или другихъ эпизодовъ жизни поэта на Югѣ, въ новыхъ и незнакомыхъ ему условіяхъ.

Пушкинъ, какъ мы уже упоминали выше, съ семьею Раевскаго, знаменитаго героя Отечественной войны, отправился на

Пушкинъ въ Крыму.

Рисунки и наброски Пушкина въ его черновыхъ тетрадяхъ (къ повѣсти «Гробовщикъ»).

Кавказъ черезъ землю войска Донского; а вернулся съ Кавказа черезъ Тамань и Керчь, послѣ чего объѣхалъ южный берегъ Крыма и особенно долго останавливался въ Гурзуфѣ. „Въ Юрзуфѣ — такъ пишетъ Пушкинъ Дельвигу, — жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго Лаццарони. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря, и заслушивался цѣлые часы... Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество“. Историческое прошлое Крыма—развалины татарской и генуэзской старины — очень мало его интересовали; но Георгіевскій монастырь и „баснословныя развалины храма Діаны“ оставили въ поэтѣ сильное впечатлѣніе... „Миѳологическія преданія — такъ пишетъ о себѣ самъ Пушкинъ, — счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня риѳмы...“

Между этими „риѳмами“, посѣтившими поэта, видимъ уже такіе перлы, какъ „Погасло дневное свѣтило“, „Рѣдѣетъ облаковъ

летучая гряда", „Нереида", „Фонтанъ Бахчисарайскаго дворца"—все пьесы, удивительно живо передающія впечатлѣніе южной природы и Тавриды. Вскорѣ по возвращеніи изъ Крыма, Пушкинъ переѣхалъ на житье въ Кишиневъ (вслѣдъ за своимъ начальникомъ, генераломъ И. Н. Инзовымъ) и весь конецъ 1820 и начало 1821 года провелъ въ переѣздахъ изъ Кишинева въ Кіевскую губернію, гдѣ находилось имѣніе Раевскихъ, Каменка. Здѣсь, среди дружественной поэту семьи, была дописана (въ февралѣ 1821 г.) поэма „*Кавказскій плѣнникъ*", даже и посвященная одному изъ Раевскихъ. О ней самъ Пушкинъ пишетъ Дельвигу, извѣщая объ окончаніи новой поэмы: „ты ею не будешь доволенъ и будешь правъ..." Судя по этому заявленію, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что и самъ Пушкинъ не вполнѣ былъ ею доволенъ, потому что, вѣроятно, чувствовалъ безсодержательность этого очень красиваго и граціознаго произведенія, чрезвычайно богатаго картинами кавказской природы и быта воинственныхъ горцевъ, но бѣднаго характерами дѣйствующихъ лицъ и дѣйствіемъ. И въ характерѣ героя поэмы, и въ самомъ противоположеніи условій цивилизованной среды условіямъ дикой горной свободы—слышится вліяніе Байрона.

Герои Пушкина.

Въ описаніи характера „Плѣнника", какъ и во многихъ первыхъ произведеніяхъ молодыхъ авторовъ, чувствуется всѣмъ имъ общая черта: авторъ, видимо, не можетъ не внести въ характеръ своего героя многія черты своей личности, не можетъ отдѣлаться отъ вліянія личнаго элемента...

«Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ, безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье?
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—невѣрный сонъ.
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,

И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы...»

Въ этихъ строкахъ слышатся для каждаго біографическія черты, облеченныя въ довольно прозрачный туманъ байроновскаго сумрака и разочарованія.

Въ помянутомъ выше письмѣ Пушкина къ его другу Дельвигу, нашъ поэтъ, говоря о второй своей поэмѣ, въ то же время упоминаетъ: „у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы...“ Эти поэмы, бродившія въ головѣ Пушкина, вскорѣ и вышли на свѣтъ Божій. То были: „*Бахчисарайскій фонтанъ*“ и „*Братья разбойники*“. Первая изъ нихъ была очевидно навѣяна поѣздкою по Крыму и даже заканчивается прелестнымъ воспоминаніемъ о посѣщеніи ханскаго дворца въ Бахчисараѣ; вторая вызвана была впечатлѣніемъ, которое произвелъ на Пушкина на его же глазахъ совершившійся побѣгъ арестантовъ изъ кишиневскаго острога, и, слѣдовательно, относится къ тому времени, которое Пушкинъ провелъ въ этомъ (въ то время) полуазіатскомъ городѣ. Какъ въ той, такъ и въ другой изъ этихъ поэмъ мы еще видимъ только пробы пера большого художника, который быстро схватываетъ и живо, прекрасно передаетъ впечатлѣніе и образы, безпрестанно зарождающіеся въ его пламенномъ воображеніи, настроенномъ на Байроновскій ладъ; но мы еще не видимъ творчества самостоятельнаго, не видимъ собственныхъ наблюденій и выводовъ изъ личнаго жизненнаго опыта, не видимъ той тѣсной связи съ дѣйствительностью, той осязательной и рельефной реальности, которая составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ позднѣйшей Пушкинской поэзіи. Всѣ герои этихъ первыхъ (въ особенности написанныхъ на Югѣ) поэмъ и всѣ героини ихъ—безцвѣтны, не характерны и не имѣютъ никакой почвы подъ ногами: и „Плѣнникъ“, и влюбленная въ него „дѣва горъ“, и „Гирей“ съ его гаремными затворницами, и даже „разбойникъ“ въ „Братьяхъ разбойникахъ“—все это ловко, красиво, художественно намѣченные наброски, тѣни какихъ-то характеровъ, какихъ-то личностей: но ни одинъ изъ этихъ образовъ не носитъ на себѣ живого отпечатка національности, живого мѣстнаго колорита... Это образы общіе, туманные, удобопримѣняемые къ каждой почвѣ, къ любымъ условіямъ быта и жизни... Нѣсколько болѣе характерною является четвертая поэма Пушкина — „Цыгане“, тѣсно связанная съ пребываніемъ поэта въ Кишиневѣ.

Пушкинъ въ Кишиневѣ.

Это пребываніе въ Кишиневѣ носило на себѣ какой-то особенный, оригинальный отпечатокъ. Общество кишиневское представляло собою очень пеструю смѣсь самыхъ разнородныхъ національныхъ элементовъ. Вполнѣ русскими были только администрація и войско; остальная масса населенія состояла изъ румынъ,

Современная иллюстрація къ поэмѣ Пушкина «Кавказскій Плѣнникъ».

болгаръ, евреевъ, грековъ, поляковъ и того неопредѣленнаго типа смѣси, который составляетъ одинъ изъ элементовъ южно-русскаго населенія и до настоящаго времени. Близость Турціи, долго тяготѣвшей надъ Бессарабіей, сказывалась во всемъ; нравы общественные были непривлекательны; распущенность во всѣхъ отношеніяхъ преобладала большая; пахло азіатчиной... Пушкинъ не могъ, однако, долго выдерживать ту обстановку, которая его здѣсь окружала, и отпрашивался у своего добраго начальника въ Одессу, чтобы „вырваться изъ Азіи“ и „подышать Европой“, какъ онъ выражался въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Эти письма и лирика его, за время пребыванія въ Кишиневѣ, согласно рисуютъ намъ текущій періодъ жизни поэта, какъ рядъ увлеченій, страстныхъ порывовъ, юношескихъ проказъ и шалостей и чисто - русскаго, подчасъ ужъ слишкомъ задорнаго удальства, которое добрый И. Н. Инзовъ обуздывалъ домашними арестами. Сердечная жизнь поэта выразилась за это время въ страстныхъ и нѣжныхъ элегіяхъ: „Гречанкѣ“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...“, „Ненастный день потухъ...“, „Ночь“. Впечатлѣнія мѣстныя нашли себѣ выраженіе въ извѣстномъ ро-

Современная иллюстрація къ поэмѣ Пушкина «Бахчисарайскій фонтанъ».

манерѣ: „*Черная шаль*“ и въ воспоминаніяхъ объ Овидіи (въ посланіи къ Баратынскому изъ Бессарабіи), и одинокими, единичными въ своемъ родѣ произведеніями являются только два: „*Демонъ*“ и „*Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*“ — обѣ пьесы, представляющіяся намъ вылившимися какъ бы не изъ-подъ Пушкинскаго пера. Біографы Пушкина хотятъ видѣть въ „злобномъ геніи“ характеристику одного изъ людей, близкихъ къ Пушкину и глубоко преданныхъ тѣмъ идеямъ, которыя все время сводили молодежь въ разнаго рода тайные кружки, „союзы благоденствія“ и т. п. Его рѣзкій и желчный взглядъ на жизнь вообще и въ особенности на увлеченіе молодости, которымъ такъ рьяно предавался Пушкинъ, должны были будто бы тяжко и непріятно отзываться на душѣ поэта, открытой для „всего человѣческаго“ и наводить на него „внезапную тоску“, о которой онъ говоритъ въ стихотвореніи „Демонъ“.

Князь А. И. Одоевскій, другъ юности Пушкина.

Пѣснь объ Олегѣ.

Страннымъ диссонансомъ въ общемъ строѣ произведеній Пушкина за этотъ періодъ звучитъ его „*Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*“, представляющая собою какой-то скачокъ въ сторону, какое-то нежданное уклоненіе поэтическаго вдохновенія въ такую область, которая нисколько и ни съ которой стороны не согласовалась съ условіями жизни поэта въ его кишиневскій періодъ. Трудно себѣ уяснить, какими побужденіями вызвана эта пьеса? Это какъ будто намѣренная проба пера, намѣренный поворотъ въ сторону такого поэтическаго рода, который не пересталъ еще быть моднымъ въ началѣ 20-хъ годовъ, хотя главный „балладникъ“ въ это время уже „опочилъ“ отъ своихъ поэтическихъ дѣлъ и всецѣло предался своимъ высокимъ педагогическимъ задачамъ. Но, видимо, этотъ родъ баллладъ на историческую тэму совсѣмъ не подходилъ еще къ настроенію юнаго поэта, котораго его „своенравный геній“ увлекаетъ совсѣмъ въ другую сторону: баллада вышла красивою, торжественною и холодною — почти скучною... Даже такая пьеса, какъ „Наполеонъ“, навѣянная несомнѣнно Бай-

рономъ, представляется намъ болѣе естественнымъ проявленіемъ вдохновенія со стороны Пушкина (за этотъ періодъ), нежели его „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ". Наполеонъ, своею крупною личностью, тяготѣлъ въ свое время надъ умами всѣхъ поэтовъ Европы, которые или боготворили его, или ненавидѣли — и всѣ, весьма естественно, должны были опять вспомнить о немъ въ годину его кончины... У поэта даже вполнѣ искренно могли вырваться изъ души такія строфы, какъ:

«Чудесный жребій совершился;
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
. . . .
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь...
Хвала! Ты русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ...» [1])

Но какъ могъ прійти Пушкинъ къ обработкѣ извѣстнаго лѣтописнаго сказанія о смерти Олега—и притомъ еще въ такое время, когда мы достовѣрно знаемъ, что Пушкина (по его собственному признанію) не привлекало ничто историческое и онъ оставался равнодушнымъ къ нашему прошлому? Это представляется до сихъ поръ неразъяснимою загадкою!..

Поэма „Цыгане".

Зато, несомнѣнно, въ тѣснѣйшей связи съ пребываніемъ Пушкина въ Кишиневѣ, съ его переѣздами по Бессарабской степи, стоитъ его поэма „Цыгане", полная впечатлѣній степной природы и знакомства съ жизнью цыганскихъ таборовъ. Изъ свидѣтельствъ вполнѣ достовѣрныхъ, мы знаемъ, что отлучки Пушкина изъ Кишинева (весьма частыя) бывали иногда связаны съ эпизодами чрезвычайно оригинальными, вполнѣ поэтическими; такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ 1822 году, на пути къ Измаилу, Пушкинъ присталъ однажды къ цыганскому табору и нѣсколько времени провелъ среди „сыновъ степи", перекочевывая вмѣстѣ съ ними съ мѣста на мѣсто. Можетъ-быть, результатомъ

[1]) Въ письмѣ своемъ къ А. И. Тургеневу (декабря 1823 г.) Пушкинъ называетъ эту оду «не хорошею»; «самыми сильными» въ ней строфами называлъ приведенныя нами здѣсь, добавляя, что «это мой послѣдній либеральный бредъ»...

такого странствованія и явилась поэма „Цыганы“, со своимъ мрачнымъ героемъ „Алеко“, съ вѣтреною „Земфирою“ и старымъ цыганомъ—ея отцомъ, скорѣе напоминающимъ библейскаго патріарха, нежели цыгана-кочевника. Въ этой поэмѣ, среди превосходныхъ, классическихъ картинъ кочевой жизни, среди прелестныхъ вставныхъ эпизодовъ (въ родѣ преданія объ Овидіи или сравненія беззаботнаго житья цыганъ съ жизнью птички Божіей), самая фабула поэмы все же остается и слабою, и блѣдною, и неопредѣленною, и основная идея—та же, что и въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“. Противоположеніе жизни „дѣтей степи“—жизни цивилизованной, гражданственной и городской. Алеко бросилъ городъ, махнулъ рукою на цивилизацію и ушелъ въ степь, къ цыганамъ. Земфира спрашиваетъ его: не жалѣетъ ли онъ о томъ, что покинулъ? Въ отвѣтѣ Алеко выражена вся его немудреная философія:

«О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ?
Тамъ люди въ кучкахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ и цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ...»

Эти слова и вся эта тирада могли бы быть смѣло вложены въ уста любого изъ разочарованныхъ байроновскихъ героевъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не считаетъ нужнымъ пріурочить своего героя къ какому бы-то ни было опредѣленному національному типу. Старикъ-цыганъ говоритъ ему: „ты любишь насъ, хотя рожденъ среди богатаго народа“,—какого? неизвѣстно. Самъ авторъ даетъ намъ объ Алеко весьма туманное представленіе, почти такое же, какъ и о его прошломъ:

«Подобно птичкѣ, беззаботно,
И онъ, *изгнанникъ перелетный*,
Гнѣзда надежнаго не зналъ,
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночная сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,

И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда;
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою,
И въ вёдро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой...»

Въ другомъ мѣстѣ поэмы Алеко называетъ себя „изгнанникомъ добровольнымъ", что еще болѣе сближаетъ его съ „Кавказскимъ плѣнникомъ" и остальными неопредѣленными и туманными героями байроновскаго типа... Только одна Земфира еще хоть сколько-нибудь напоминаетъ собою цыганку, хотя, конечно, въ очень прикрашенномъ видѣ, освѣщенномъ лучами поэтическаго увлеченія.

Новые планы. Но въ головѣ поэта, въ ту пору, когда онъ дописывалъ „Цыганъ", уже носились иные образы, болѣе близкіе къ русской дѣйствительности, болѣе сродные тому кругу, въ которомъ онъ воспитывался и выросъ, съ которымъ на время разстался, но все же тяготѣлъ къ нему всею душою... И въ этихъ новыхъ образахъ, однакоже, Байронъ игралъ не послѣднюю роль: новый герой, которому Пушкинъ собирался посвятить одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, вначалѣ былъ тоже задуманъ не такимъ, какимъ онъ явился въ послѣдующемъ развитіи поэмы. Объ „Онѣгинѣ" самъ Пушкинъ говорилъ, что онъ представляется ему „Москвичемъ въ Гарольдовскомъ [1]) плащѣ"... Но чѣмъ болѣе разрасталась эта поэма, тѣмъ болѣе вносилось въ нее жизни и художественной истины, и гарольдовскій плащъ приходился уже не по плечу герою пушкинской поэмы и, въ полномъ, законченномъ видѣ, новая поэма Пушкина явилась однимъ изъ правдивѣйшихъ и совершеннѣйшихъ произведеній русской словесности.

Первыя строфы новой поэмы написаны были въ Бессарабіи, но усердно и ревностно Пушкинъ засѣлъ за поэму только уже тогда, когда переселился въ Одессу (въ іюлѣ 1823 г.), куда онъ былъ переведенъ на службу при новомъ начальникѣ края, графѣ М. С. Воронцовѣ, смѣнившемъ И. Н. Инзова [2]). Отсюда написалъ онъ друзьямъ своимъ на Сѣверъ: „теперь пишу новую

[1]) При этомъ онъ имѣлъ въ виду извѣстную мечтательную поэму Байрона — «Чайльдъ-Гарольдъ».

[2]) Этотъ переводъ на службу въ Одессу состоялся по особому ходатайству А. И. Тургенева.

В стран‍ѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ ~~[illegible]~~ [изгнанный]
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я — какъ былъ и прежде
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою.
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья —
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обрекла
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ,
И смѣлую пѣвицу славы

Автографъ Пушкина. Посланіе и письмо къ Н. И. Тургеневу. Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

Отъ звонкихъ узъ освободилъ —
твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца —
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья —
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны —
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ;
И поучительной лозой
Грозитъ лишь хилымъ — сумасбродамъ —

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминанія, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша, во всемъ что касается до меня. Платье сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу прекрасно; И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета, и переплетъ дѣтски утѣшаютъ

чувствительно благодарю почтенного Р.; этот цветок
сладкое для меня доказательство его любезной бла-
госклонности.— Не скоро увижу вас; готовит
обстоятельство(?) [illegible] длинной, долгою разлукой!
молю Бога и Казанскую Богоматерь, чтоб возвра-
тился я к вам, вашей молодости, воспоминавшим
и еще (свой) под мой; то, которую недавно [illegible],
обратился Кавказским пленником. Вы ожидали
многого, как видно из письма вашего — надобно
малое, очень малое. С вершины заоблачных(?)
безмерного(?). Потому видел я только в образах
ледяных главы Казбека и Эльбруса — Сегодня
мой поход дошли две [illegible]
берегах шумного Терека, на границе Грузии
в шумных ущельях Кавказа — я [illegible]
[illegible] в однообразных равнинах, где
[illegible] два месяца — Где возвы-
шаются(?), в дальнем расстоянии [illegible]
горы, открыл(?) [illegible] Кавказа; — по вы-
[illegible] не более 700 [illegible] — [illegible].
[illegible] [illegible] — [illegible]
[illegible] что только будет угодно—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня
не забыли — обнимаю друзей — съ нетерпѣнiемъ
ожидаю 9 тома Русской Исторiи — что
дѣлаетъ Н. М.? здоровы-ли они, Жена и дѣти?
Это почтенное семейство вѣрно недостаетъ
-моему предку. — Дельвигу пишу въ нынѣшнемъ
письмѣ — Vale

Пушкинъ

1821 марта 24.
Кишиневъ

поэму, въ которой заработываюсь до-нельзя...“ ¹). Эта поэма и была „Евгеній Онѣгинъ“; ею-то онъ и занялся вскорѣ по переѣздѣ

Изъ черновыхъ тетрадей Пушкина.
Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

¹) Нѣсколько иначе пишетъ онъ о той же поэмѣ А. И. Тургеневу (декабря 1823 г.): «на досугѣ пишу новую поэму «Евгеній Онѣгинъ», гдѣ захлебываюсь желчью».

своемъ въ Одессу, которой всѣ условія жизни тогда еще придавали физіономію вполнѣ европейскаго города, и это, по словамъ Пушкина, „обновило ему душу“ [1]). Онъ сознается также, что послѣ Кишиневскаго житья, ему приходится заново привыкать „къ европейскому образу жизни“. Но это именно заставило его съ большимъ усердіемъ приняться за свой новый поэтическій трудъ, который, по особенному для него счастью, ему не пришлось продолжать въ Одессѣ. Только первая глава „Евгенія Онѣгина“, начатая еще весною въ Бессарабіи, была здѣсь окончена въ октябрѣ; а мѣсяцевъ семь спустя, надъ головою поэта скопилась новая гроза.

Новая невзгода.

Копилась она медленно и только совершенно случайно осложнилась нѣкоторыми весьма неблагопріятными для поэта случайностями. Дѣло было въ томъ, что Пушкинъ, съ перваго появленія своего въ Одессѣ, не понравился своему новому начальнику, графу М. С. Воронцову. Этотъ вельможа, пользовавшійся большою довѣренностью государя, вовсе не походилъ на добродушнаго старика И. Н. Инзова. Корректный и точный во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ, онъ требовалъ и отъ Пушкина настоящей службы, со всѣми канцелярскими мелочами и офиціальностью. Пушкинъ возмутился и закипѣлъ негодованіемъ, потому что справедливо смотрѣлъ на свою службу, какъ на приличное прикрытіе ссылки. Ему стали давать служебныя порученія, исполнимыя и существующія только на бумагѣ... Онъ обидѣлся и отвѣчалъ колкостями, ясно указывавшими на то, что онъ не считаетъ повиновеніе для себя обязательнымъ. Между начальникомъ и подчиненнымъ, пользовавшимся уже всероссійской извѣстностью, установились сухія и натянутыя отношенія, которыя привели къ почти открытому разрыву послѣ того, какъ Пушкинъ написалъ свою извѣстную злую эпиграмму: „Полу милордъ, полу невѣжда“ — и эпиграмма стала ходить по рукамъ. Осторожный и корректный графъ-начальникъ поспѣшилъ принять мѣры къ тому, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ неудобнаго подчиненнаго. Онъ отплатилъ за эпиграмму весьма пространнымъ письмомъ къ управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графу Нессельроде (отъ 23 марта 1824 г.) и въ этомъ письмѣ, высказавъ свое полнѣйшее пренебреженіе къ поэтическому таланту Пушкина, въ то же время прикинулся чуть-ли не доброжелателемъ его: онъ будто бы для собственной пользы Пушкина хлопочетъ объ удаленіи его съ Юга Россіи; другими словами—о новой ссылкѣ. Глубокимъ лицемѣріемъ

[1]) Нѣсколько иначе говоритъ о томъ же Пушкинъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу: «Надобно, подобно мнѣ, провести 3 года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобы почувствовать цѣну и невольнаго европейскаго воздуха».

утонченнаго свѣтскаго человѣка звучатъ строки этого письма, въ которомъ графъ говоритъ: „...Собственный интересъ молодого человѣка, *не лишеннаго дарованій* (sic!), и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляютъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина—честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній и имѣетъ уже множество льстецовъ, хвалящихъ его произведенія: это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ замѣчательный писатель, въ то время, какъ онъ *только слабый подражатель писателя (лорда Байрона), въ пользу котораго можно сказать очень мало.* Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли бы хорошее вліяніе на талантъ, въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали бы изъ него современемъ замѣчательнаго писателя. Удаленіе его отсюда,—такъ заканчиваетъ графъ:—будетъ лучшая услуга для него...“

По чрезвычайно странному совпаденію случайностей, въ которомъ нельзя не видѣть руку судьбы, это письмо попало въ руки государя одновременно съ выпискою изъ письма Пушкина къ одному изъ его пріятелей, перехваченнаго полиціей. Въ двухъ-трехъ строкахъ этой выписки заключался весьма легкомысленный отзывъ Пушкина о нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросахъ... Полиція московская, которой поручено было просматривать всѣ письма поэта, докопалась до этого отзыва и представила его по назначенію. Государь, еще не примирившійся и съ прежними проступками неугомоннаго юноши-поэта, приказалъ немедленно уволить его со службы (8 іюня 1824 года), и мѣстомъ для безвыѣзднаго жительства Пушкина назначить имѣніе его матери, въ Псковской губ. Сверхъ того, рѣшено было подчинить его, на мѣстѣ новаго жительства, надзору мѣстнаго духовенства и гражданскихъ властей. Издержки путешествія Пушкина до Пскова приняты были на казенный счетъ; и вотъ, 30 іюня 1824 г., Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Одессы на Сѣверъ, обязавшись подпискою—слѣдовать до мѣста своего назначенія по опредѣленному маршруту [1]).

Вторая ссылка.

По странному совпаденію обстоятельствъ, Воронцовъ, въ своемъ письмѣ къ Нессельроде, выставлялъ Пушкина „слабымъ подражателемъ“ Байрона именно въ то время, когда талантъ Пушкина достигалъ своей полной зрѣлости и совершенно готовъ былъ освободиться изъ-подъ вліянія великаго англійскаго поэта, которое—кстати сказать—тяготѣло не на одномъ Пушкинѣ, а на

[1]) Маршрутъ былъ данъ такой: Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ, и Витебскъ. Нигдѣ не дозволено было останавливаться на пути. Самъ Воронцовъ исключилъ изъ маршрута Пушкина Кіевъ.

№ 218

5

Нижеподписавшийся Симъ обязы-
ваться поданному отъ Г-на
Одесскаго Градоначальника Маршруту
безъ замедленія отправиться изъ
Одессы къ мѣсту назначенія въ
Губернскій Городъ Псковъ, не оста-
навливаясь нигдѣ на пути по
своему произволу; а по прибытіи
въ Псковъ явиться лично къ
Г-ну Гражданскому Губернатору.
Одесса 29. июл 1824.

Колежской секретарь Александръ
Пушкинъ

Подписка, отобранная у Пушкина, при его отъѣздѣ изъ Одессы на Сѣверъ.
Изъ книги „Пушкинскія бумаги“.

цѣломъ поколѣніи европейскихъ поэтовъ. Именно около этого времени Пушкинъ писалъ свое прекрасное стихотвореніе „Къ Морю"—послѣднее писанное на Югѣ—и въ немъ, прощаясь съ моремъ, посвящалъ нѣсколько строкъ недавно почившему собрату, говоря:

«Другой отъ насъ умчался геній.
Другой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ! [1])
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неудержимъ».

Это почтительное и восторженное обращеніе къ тѣни великаго поэта было, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы послѣднею данью признательности великому учителю, вдохновителю перваго періода поэтической дѣятельности Пушкина.

Кипарисъ Пушкина, въ Гурзуфѣ, на Южномъ берегу Крыма.

[1]) Здѣсь поэтъ намекаетъ на превосходное стихотвореніе Байрона «Къ Океану».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Печальный пріѣздъ въ деревню.—Постепенное успокоеніе.—Благопріятныя условія деревенской жизни. — Усиленная творческая дѣятельность. — Увлеченіе народностью. — Изученіе народнаго языка, народной поэзіи и русскаго прошлаго. — Полная зрѣлость таланта.

Въ первой главѣ, посвященной Пушкину, мы подробно указали на то важное значеніе, которое имѣетъ въ его жизни двухлѣтній періодъ безвыѣзднаго пребыванія поэта въ его Псковской деревнѣ. Мы указали на тѣ стороны деревенскаго быта, которыя неизбѣжно должны были оказать благотворное вліяніе на литературную дѣятельность Пушкина, потому именно, что въ значительной степени способствовали умиротворенію его тревожнаго духа, обузданію его бурнаго и пламеннаго темперамента. Въ виду всего, уже вышеизложеннаго, мы вовсе не будемъ касаться тѣхъ сторонъ деревенской жизни, которыя вліяли на Пушкина, и коснемся лишь слегка біографическихъ фактовъ этого знаменательнаго двухлѣтія; главнымъ же образомъ остановимся на разборѣ поэтическихъ произведеній этого періода, посвященныхъ лирикѣ, эпосу и драмѣ, въ которой (кстати сказать) Пушкинъ еще впервые испытывалъ свои силы.

Пребываніе въ деревнѣ.

Мы недаромъ назвали это двухлѣтіе знаменательнымъ: въ теченіе его Пушкинъ написалъ почти треть всего, что было имъ когда-либо написано, и эта треть заключаетъ въ себѣ едва-ли не лучшіе перлы его поэтическаго творчества. И эти перлы были уже плодомъ не легкаго, юношескаго вдохновенія, а плодомъ усиленнаго труда, серьезнаго изученія условій русской жизни и нашего отдаленнаго историческаго прошлаго — плодомъ близкаго и непосредственнаго сближенія съ русскою народною почвою, къ которой постоянно и уже издавна тяготѣло его сердце. Но воспитаніе, съ постояннымъ преобладаніемъ французскаго элемента, но свѣтская разсѣянная жизнь, полная увлеченій и волненій, отвлекали поэта въ сторону идеаловъ моднаго на Западѣ направленія, и въ значительной степени воздерживали его отъ той полной свободы творчества, отъ того реальнаго, живого воплощенія русской жизни въ поэтическіе образы, къ которому, по самой природѣ своей, онъ былъ призванъ и былъ въ высокой степени способенъ. Недаромъ Пушкинъ замѣчалъ неестественность и отчужденность своего творчества, не имѣвшаго живой связи съ русскою жизнью и дѣйствительностью; онъ это ясно высказалъ (въ 1821 году) въ своемъ стихотворномъ письмѣ къ Дельвигу:

«... Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ *не Русью пахнетъ*...
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ...»

Именно этотъ укоръ, укоръ справедливый и, вѣроятно, глубоко уязвлявшій нашего поэта,—былъ имъ сознательно снятъ со всѣхъ его произведеній, писанныхъ послѣ возвращенія съ Юга „въ далекій сѣверный уѣздъ", гдѣ ему суждено было прожить безвыѣздно „два года незамѣтныхъ"...

Кромѣ этого перехода изъ области идеальнаго поэтическаго творчества къ реальному, мы должны отмѣтить еще и другую немаловажную перемѣну въ нравственномъ обликѣ Пушкина-поэта: изгнаніе, которымъ, конечно, Пушкинъ не прочь былъ порисоваться въ первый періодъ (въ ссылкѣ на Югъ), то сближая себя съ Овидіемъ, то съ Байрономъ — совсѣмъ отодвигается на задній планъ и перестаетъ возбуждать желчь поэта. Въ посланіи къ Языкову, написанномъ еще въ началѣ пребыванія поэта въ деревнѣ, въ 1824 г., онъ еще разъ — и, кажется, въ послѣдній — говоритъ о себѣ, какъ объ опальномъ изгнанникѣ, и клянетъ свою судьбу:

«Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье:
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь?
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньи,
Влачу томительные дни...»

Но уже годъ спустя, въ 1825 году, въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи по поводу лицейской годовщины („Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ"), Пушкинъ гораздо спокойнѣе говоритъ о своемъ положеніи. Онъ желаетъ, чтобы когда-нибудь, послѣдній изъ его лицейскихъ товарищей, пережившій всѣхъ остальныхъ, провелъ день годовщины Лицея такъ же спокойно, какъ онъ его проводитъ въ своемъ уединеньи:

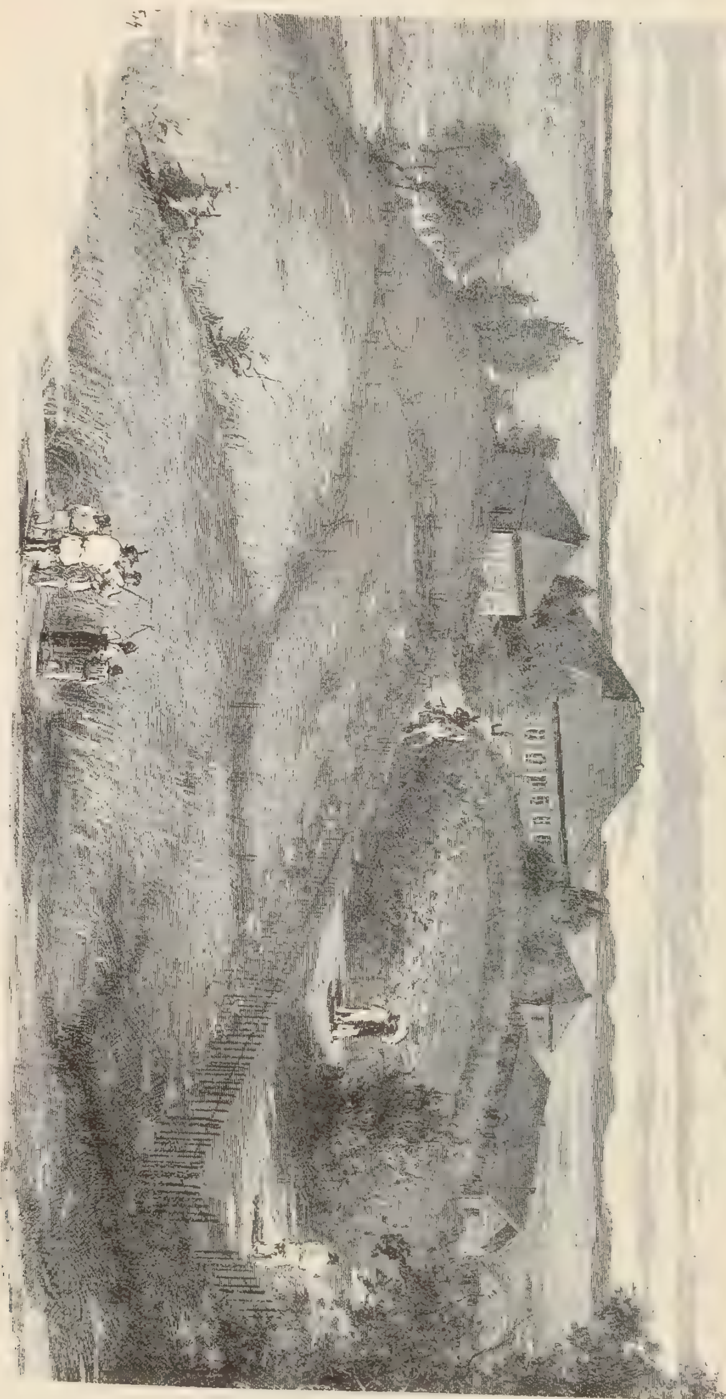
«Пускай же онъ съ отрадой, хоть печальной,
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ...»

Такому благотворному успокоенію способствовало многое; но вначалѣ, когда Пушкинъ только вернулся съ Юга въ псковскую деревню, все какъ бы нарочно складывалось такъ, чтобы увеличить его раздраженіе и довести его до полнаго отчаянія.

Семейная распря.

Мы уже знакомы съ семейной обстановкой Пушкина. Мы знаемъ, что родители его, исключительно преданные пустой и суетной общественной жизни, менѣе всего способны были войти въ интересы своего сына-поэта, который пользовался уже громкой славой во всей Россіи. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ для удовлетворенія своихъ прихотей, и Сергѣй Львовичъ, и Надежда Осиповна—ни мало не заботились о томъ, чтобы обезпечить ма-

теріяльное положеніе сына, который постоянно наполняетъ свои письма къ брату и друзьямъ жалобами на скýпость родителей и невниманіе къ его вопіющимъ нуждамъ. Сынъ писалъ къ отцу,

Домъ Пушкина въ с. Михайловскомъ. По старой литографіи изъ альбома Псковскихъ видовъ.

просилъ денегъ на житье: а отецъ, не упоминая о деньгахъ, отдѣлывался отъ сына любезностями... А между тѣмъ, житье на Югѣ (особенно въ Одессѣ) обходилось поэту очень дорого. Зара-

Второе посланіе къ цензору

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ.
Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ.
Недавно тяжкою цензурой угнетёнъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимой совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербёжъ;
Но извини меня: мнѣ было невтерпёжъ.
Теперь въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишенки разбирая
(: а благо мнѣ читать теперь большой досугъ!)
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила и мыслей образъ новый;
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души и смѣлостью ума!
Какъ изумилась поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ по милости чудесной
Завѣтныя слова: божественной, небесной;
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа Христа.
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило?
И нрава твоего кичливость усмирило?

Автографъ Пушкина: «Второе посланіе къ цензору». Хранится въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова.

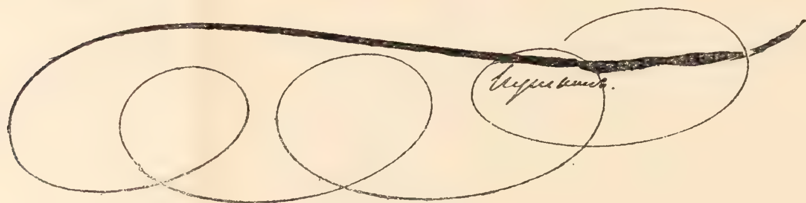
Твои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты смолоду много;
Но подразнить тебя, я перемѣной сею,
Пріятно изумить, сердиться не посмѣю;
Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
Но мнишь ль исправитель вашъ? Кто? — вѣдомо кому
Сей важной новостью обязана Россія.
Обдумавъ наконецъ намѣренье благія,
Министра честнаго намъ добрый Царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ:
Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ средь вельможъ онъ Русскихъ Музъ любилъ,
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, — соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней сберегъ онъ лавръ единой
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда Святый Отецъ
Омара до Али принявъ за образецъ
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ Музъ, спасая Бантыша
И помогалъ ему Магницкій благородный,

Мужъ честный въ правилахъ, умомъ превосходный
И благородный мой Кавелинъ — дурачекъ,
Крестьянинъ Голицо, Магницкого дьячекъ.
И вотъ за всю грѣхи, въ чьи некосыя руки
Вы были вверены печальныя науки,
Цензура, вотъ кому подвластна ты была.

Но полно! мрачныхъ дней минувшая година протекла
И ярко ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но, самъ незнаю какъ, ты видно устоялъ
И такъ я съ новыми приятелей поздравилъ
И между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставилъ:

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ отъ тебя,
Чтобъ все законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной
Не загражда пути заставой своевольной

И если ты въ плодахъ досужнаго пера
порою не найдешь великаго добра,
когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата
Приаповъ, олтарей и жрецовъ сопостата;
то славы автору желавъ отъ души,
Махни, мой другъ рукой, и смѣло подпиши

ботокъ его былъ еще очень не великъ [1]); онъ входилъ въ долги, и это его мучило... Почтенный родитель былъ очень доволенъ, когда сына Александра перевели съ Юга на Сѣверъ, на обязательное житье въ деревню; это житье должно было обойтись ему дешево; но за то поводы, вызвавшіе эту новую ссылку въ деревню,

А. С. Пушкинъ, по оригиналу Тропинина.

глубоко возмутили легкомысленныхъ родителей поэта. Они никакъ не могли себѣ представить, чтобы ихъ сынъ находился въ положеніи опальнаго, высылаемаго изъ столицъ на житье въ деревню, и состоялъ-бы на дурномъ счету у властей... Въ тотъ вѣкъ безусловнаго преклоненія предъ высшей властью, сынъ-поэтъ,

[1]) Такъ, за свою поэму «Кавказскій плѣнникъ» онъ получилъ всего 500 р. и одинъ печатный экземпляръ поэмы.

высылаемый изъ Одессы за вольнодумство и неуваженіе властей, показался родителямъ Пушкина извергомъ, чудовищемъ... Они вообразили себѣ, что съ такимъ человѣкомъ слѣдуетъ всѣмъ, даже и имъ, прекратить всякія сношенія... На бѣду Александра Сергѣевича, усердное не по разуму мѣстное начальство вздумало предложить отцу его принять на себя ближайшій надзоръ за поведеніемъ сына и отвѣтственность за его поступки. И Сергѣй Львовичъ не только имѣлъ неосторожность принять на себя исполненіе этого щекотливаго порученія, но даже задумалъ его исполнять съ предосудительнымъ и хлопотливымъ усердіемъ. Онъ сталъ слѣдить за сыномъ-поэтомъ, извѣстнымъ всей Россіи, какъ за вѣтренымъ мальчикомъ, распечатывалъ и читалъ его письма, воспрещалъ сестрѣ и брату входить съ нимъ въ близкія сношенія[1]) и т. п.

Само собою разумѣется, что сынъ былъ возмущенъ способомъ дѣйствій отца и всѣми силами старался отстоять свои человѣческія права; тогда слабодушный отецъ дошелъ до дикихъ крайностей—рѣшился даже обвинить сына въ такихъ проступкахъ, какихъ тотъ никогда не совершалъ. Въ положеніи несчастнаго поэта такія отношенія къ отцу могли привести къ неожиданнымъ и весьма тягостнымъ послѣдствіямъ. Пушкинъ рѣшился, однакоже, во что бы то ни стало, избавиться отъ гнета непрошенной отцовской опеки, и обратился къ Жуковскому съ мольбами о помощи... Въ отчаяньи писалъ онъ благодушному поэту-собрату: „спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ". И только благодаря вмѣшательству Жуковскаго, тягостное положеніе опальнаго поэта въ Михайловскомъ измѣнилось къ лучшему... Сергѣй Львовичъ рѣшился махнуть рукой на „чудовище" и уѣхать въ Москву, удовольствовавшись тѣмъ, что на время прекратилъ всякія сношенія съ сыномъ (съ октября 1824 г.)...

Надзоръ за поэтомъ перешелъ снова къ Опочецкому предводителю дворянства, да сверхъ того, для назиданія его въ истинахъ религіозныхъ и для нравственнаго руководствованія, назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря—добродушный монахъ, который не слишкомъ докучалъ поэту своими посѣщеніями и бесѣдами.

Посѣщенія друзей.

Но мало-по-малу, тягостныя впечатлѣнія первыхъ мѣсяцевъ поселенія въ Михайловскомъ изгладились и смѣнились новыми, болѣе пріятными, болѣе веселыми... Сначала его утѣшали посѣщенія товарищей по Лицею (Горчаковъ, Дельвигъ и Пущинъ), въ особенности посѣщеніе Дельвига, съ которымъ онъ былъ отъ ранней юности связанъ тѣснѣйшими узами дружбы и котораго

[1]) «Съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ-извергомъ». Не слѣдуетъ забывать что Сергѣй Львовичъ принадлежалъ къ тому кружку русскихъ французовъ, которые не только переписывались по-французски, но даже и бранились по-французски.

въ своихъ посланіяхъ величалъ „своимъ Парнасскимъ братомъ“. Объ этомъ свиданіи Пушкинъ съ удивительною теплотою вспоминаетъ въ своемъ первомъ обращеніи къ товарищамъ (19 октября 1825 г.):

«Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, вѣщунъ Парнасскихъ дѣвъ!
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенной,
О, Дельвигъ мой! Твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ».

Одновременно съ этими дружескими посѣщеніями, ближайшіе сосѣди Пушкина, жившіе въ Тригорскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго, сошлись съ нимъ такъ близко и дружно, что Пушкинъ находилъ истинное наслажденіе въ обществѣ П. А. Осиповой, ея милыхъ дочерей и сына. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ сношеній съ Тригорскимъ, были настолько сильны, ярки и увлекательны, что всѣ нашли себѣ откликъ въ поэтическомъ творчествѣ Пушкина въ этотъ періодъ—и какой откликъ! „*Признаніе*“ („Я васъ люблю, хоть и бѣшусь“), „*Желаніе славы*“, „*Сожженное письмо*“, „*Я помню чудное мгновенье*“, посланіе къ Вульфу, къ П. А. Осиповой, къ Языкову — все это произведенія, вызванныя тѣсною связью съ милымъ Тригорскимъ, къ которому Пушкинъ, до самой своей кончины, не переставалъ возвращаться въ признательныхъ воспоминаніяхъ. Не даромъ говорилъ онъ: Сосѣди Пушкина.

«Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ густыхъ,
Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильный».

Эти пріятныя живыя впечатлѣнія, въ связи съ другими неизбѣжными условіями деревенской жизни (о нихъ мы говорили уже выше), въ значительной степени способствовали тому, что Пушкинъ примирился со своею участью, отвлекся отъ мрачныхъ мыслей и обратился со страстью къ своему поэтическому труду, сознавъ всю важность его значенія и весь смыслъ своего высокаго призванія. Онъ вполнѣ сознательно высказалъ, что „служитель музъ не терпитъ суеты“, что „прекрасное должно быть величаво“—и призналъ значеніе уединенья, способствующаго служенію

Музъ... И онъ спокойно принялся за свой трудъ и предался ему всею душою...

Уединеніе—особенно зимою—бывало настолько полнымъ, что и скука могла бы легко забраться въ укромный домикъ поэта, если бы онъ не былъ живымъ, отзывчивымъ и чуткимъ ко всѣмъ призывамъ жизни, ко всѣмъ ея проявленіямъ... Открытою для всѣхъ впечатлѣній душою воспринималъ онъ вѣявшій вокругъ него духъ народной жизни и умѣлъ въ ней найти и открыть такія стороны, которыхъ многіе не замѣчали вовсе — можетъ-быть, даже и не предвидѣли возможности самаго ихъ существованія въ средѣ простого сѣраго люда. Пушкинъ наблюдалъ народъ вблизи, прислушивался къ его языку, присматривался къ обычаю, записывалъ пѣсню, сказку, пословицу, заносилъ въ свою записную книжку отдѣльные термины, отдѣльныя выраженія, поражавшіе его своею оригинальностью — и запоминалъ ихъ надолго, усваивая себѣ, какъ драгоцѣнное достояніе народное, какъ плодъ народнаго творчества.

Изученіе народности.

Едва ли возможно вѣрить сохранившимся на мѣстѣ (въ Опочецкомъ уѣздѣ) разсказамъ о томъ, будто Пушкинъ въ русскомъ платьѣ самъ ходилъ по базарамъ и толкался въ толпѣ народной, ради собиранія памятниковъ народнаго творчества... Это не похоже на Пушкина, который все же былъ, прежде всего, баринъ и заботился о поддержаніи своего достоинства; да и помимо этого, такой способъ собиранія памятниковъ, чисто-внѣшній и вполнѣ непригодный, едва ли могъ бы быть примѣнимъ въ то время, а въ особенности въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находился Пушкинъ, высланный на безвыѣздное житье въ деревню. Каждому живому человѣку, живущему въ деревнѣ, не трудно собрать большой запасъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и отдѣльныхъ выраженій народной рѣчи, вовсе не шатаясь по базарамъ, не переодѣваясь въ платье, не смѣшиваясь съ народною толпою. Сидя дома и не сходя съ мѣста, онъ узнавалъ со словъ своей няни народныя сказки; а няня, близко знакомая съ народнымъ бытомъ, заставляла дѣвушекъ пѣть ему пѣсни, или даже и сама пѣла ему пѣсни, или приводила къ нему людей, обладавшихъ большимъ запасомъ пѣсенъ... И Пушкинъ записывалъ и ловилъ на-лету каждое крылатое слово, которое срывалось съ устъ у бывалой старушки. И даже нѣтъ ни малѣйшей надобности представлять себѣ эту прославленную няню поэта, Арину Родіоновну, какою-то необыкновенною личностью, чѣмъ-то выходящимъ изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ — какою-то идеальною русскою женщиною, какою-то живою хранительницею сокровищъ народнаго творчества... Старушка была (по современнымъ свѣдѣніямъ) самою обыкновенною, типической русскою нянею, какія важивались въ

Автографъ Пушкина. Письмо Татьяны къ Онѣгину.
Изъ записной книжки Пушкина; хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

былое время въ каждой дворянской семьѣ и вырабатывались именно изъ условій крѣпостного быта[1]). По свѣдѣніямъ сосѣдей Пушкина по Тригорскому, это была старушка весьма почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца, но не избавленная отъ многихъ недостатковъ, обычныхъ въ народномъ быту. Арина Родіоновна, конечно, была посредницею въ ознакомленіи Пушкина съ произведеніями народной поэзіи, но, вѣроятно, она была не единственною, а только одною изъ многихъ окружавшихъ Пушкина лицъ, способныхъ сблизить его съ тѣмъ міромъ, который такъ нежданно открылся его наблюденію и такъ естественно привелъ его въ восторгъ своею оригинальностью и свѣжестью. Вѣроятно изъ этого общаго источника, а не изъ однихъ устъ Арины Родіоновны, собрана была та объемистая тетрадь пѣсенъ Псковской губерніи, которую около 1830 года Пушкинъ доставилъ нашему ревностному собирателю народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскому. Изученіе народности, какъ извѣстно, и послужило впослѣдствіи богатою почвою, на которой возросли превосходныя, высоко-поэтическія созданія Пушкина, отчасти сдѣлавшіяся извѣстными только послѣ смерти поэта, который не успѣлъ ихъ закончить и отдѣлать при жизни, или же не считалъ ихъ достаточно совершенными, при той чрезвычайной строгости, съ какою онъ постоянно относился къ своимъ произведеніямъ.

То же изученіе народности было важно еще и въ другомъ смыслѣ: оно привело Пушкина къ изученію русской старины и отдаленнаго прошлаго Россіи. Къ воспроизведенію этого прошлаго онъ готовился тщательно и инымъ путемъ—путемъ совершенствованія своего довольно-поверхностнаго образованія вообще, и, въ частности, путемъ изученія такого великаго мастера въ воспроизведеніи историческаго прошлаго, какъ Шекспиръ...

Труды въ уединеніи.

И дѣйствительно, двухлѣтіе, проведенное безвыѣздно въ Михайловскомъ, замѣчательное по чрезвычайной плодовитости поэтическаго творчества Пушкина, не только по количеству, но также и по качеству написаннаго имъ, не менѣе замѣчательно и въ другомъ смыслѣ: едва ли когда-нибудь до этого и послѣ этого времени Пушкинъ такъ много трудился и постоянно работалъ надъ своимъ самообразованіемъ, какъ въ эти два года, не упуская при этомъ ни одного удобнаго случая, чтобы слѣдить за всѣми новѣйшими явленіями въ области иностранной и русской литературы. Страстное желаніе пріобрѣтать свѣдѣнія и расширять кругъ своего яснаго, точнаго пониманія отвлеченныхъ вопросовъ и теорій литературныхъ—побуждали Пушкина къ тщательному собиранію книгъ, къ пополненію своей библіотеки, довольно значитель-

---

[1]) Этотъ типъ, какъ извѣстно, и отжилъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостного права.

ной даже и въ то время, когда онъ еще жилъ на Югѣ, и успѣлъ вполнѣ овладѣть двумя новѣйшими языками: англійскимъ и итальянскимъ. Уединеніе деревенской жизни еще болѣе развило въ немъ жажду къ разностороннему чтенію, къ которому со страстью предавался онъ въ Михайловскомъ, испещряя поля книгъ бѣглыми замѣтками и наполняя тетради свои множествомъ выписокъ, свидѣтельствующихъ не только о его обширной разнообразной начитанности, но еще и о томъ, что онъ непремѣнно искалъ возможности каждый вопросъ разобрать самостоятельно. Болѣе всего занимали Пушкина около этого времени вопросы литературные, и главный изъ нихъ, служившій темою нескончаемой журнальной полемики и частныхъ споровъ между литераторами различныхъ партій,—вопросъ о значеніи романтизма и его отношенія къ классицизму. Этотъ вопросъ, такъ долго всѣхъ занимавшій и затруднявшій настоятельностью своего разрѣшенія, долго не находилъ себѣ почвы, на которой это разрѣшеніе могло-бы произойти наиболѣе вѣрно и правильно. Вначалѣ онъ сводился къ мелочамъ, къ внѣшней формѣ выраженій мысли въ словѣ, къ тому или другому выбору сюжетовъ, характеровъ или образовъ; все, заимствованное изъ преданій классическаго міра, представлялось уже связаннымъ съ классицизмомъ, а все, почерпнутое изъ преданій средневѣковыхъ и народныхъ—относили къ романтикѣ. Спорили о частностяхъ, о мелочныхъ формахъ, о способѣ обработки или изложенія, и рѣшительно не касались сущности различія между тѣмъ и другимъ направленіемъ, заключавшейся въ понятіи о свободѣ творчества, не стѣсняемаго узкими рамками теорій и реторическими измышленіями. Пушкинъ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ сочувствовавшій романтизму, во время Михайловскаго періода своей литературной дѣятельности перечитавъ все, что могъ, о романтизмѣ, избралъ себѣ лучшій путь къ изученію его сущности: принялся за подробное и близкое изученіе Шекспира, и увлекся имъ въ такой степени, что мнѣнія отвлеченныя, теоретическіе вопросы не стали больше его интересовать. Дивный и мощный духъ великаго англійскаго поэта на время овладѣлъ всѣмъ существомъ Пушкина и далъ ему ключъ къ разрѣшенію задачи, которая всѣхъ спутывала и сбивала съ толку...[1]) И это близкое знакомство съ Шекспиромъ, о которомъ онъ съ восторгомъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, несомнѣнно привело его и къ другому важному результату—къ желанію подражать Шекспиру въ реальной обработкѣ нашего историческаго прошлаго, въ которомъ онъ теперь уже предви-

[1]) Чрезвычайно любопытно то, что знакомство съ такимъ реальнымъ геніемъ, какъ Шекспиръ, окончательно освободило Пушкина изъ-подъ власти идеалиста—Байрона.

дѣлъ картины и образы, вполнѣ достойные поэтическаго воспроизведенія.

Борисъ Годуновъ.

Такимъ путемъ Пушкинъ дошелъ въ 1825 г. до любимѣйшаго изъ своихъ произведеній, до „Бориса Годунова", который въ первоначальномъ своемъ наброскѣ, даже и по длинному и подробному своему заглавію, напоминалъ Шекспировскія пьесы. Заглавіе это было очень характерно и исполнено глубокаго смысла; вотъ оно: „*Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, въ городищѣ Ворончѣ...*" [1]) На этой Шекспировской основѣ Пушкинъ воздвигъ зданіе стройное и прекрасное, отчасти руководясь Карамзинымъ, отчасти почерпая краски изъ источниковъ, съ которыми опять-таки сводилъ и знакомилъ его Карамзинъ...[2]) И едва ли можетъ быть поставлено въ вину Пушкину, что типъ его Бориса есть цѣликомъ заимствованный изъ Карамзина характеръ, хотя и нѣсколько смягченный, нѣсколько облагороженный и сближенный съ дѣйствительностью геніемъ Пушкина... Характеръ этотъ и у Карамзина высокопоэтическій, хотя, можетъ-быть, и не совсѣмъ вѣрно понятый и угаданный. Пушкинъ имѣлъ такое же право брать этотъ характеръ для драматической обработки у Карамзина, какъ и самъ Шекспиръ бралъ характеры своихъ Генриховъ и Ричардовъ изъ популярныхъ изложеній англійской хроники. Не было ни малѣйшей необходимости пересоздавать этотъ характеръ или вообще пересоздавать самую основу драмы въ томъ новомъ видѣ, въ какомъ она, напримѣръ, должна представляться въ настоящее время намъ, на основаніи новыхъ данныхъ и тщательной обработки источниковъ... Само собою разумѣется, что этого и требовать отъ Пушкина невозможно, и о „Борисѣ" Пушкина надо судить въ томъ видѣ, въ какомъ вдохновенный поэтъ создалъ его на Карамзинской основѣ. Онъ—надо отдать ему справедливость—съ изумительнымъ умѣньемъ, съ тонкимъ изяществомъ и необычайнымъ тактомъ сумѣлъ очеловѣчить, оживить рѣзко и крупно написанную исторію и фигуру Бориса. Борисъ явился у него не образцомъ для нравоученія, не отвлеченнымъ подтвержденіемъ обыденной морали, гласящей намъ, что добро награждается, а зло на-

[1]) Лѣто 7333—1825 годъ. Самый терминъ «комедія» вполнѣ соотвѣтствуетъ Шекспировскому comedy, т. е. такому сценическому представленію, которое могло заключать въ себѣ всѣ элементы драмы.

[2]) Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ молодыхъ ученыхъ нашихъ, которые утверждаютъ, что Борисъ Годуновъ основанъ на самомъ обстоятельномъ изученіи первыхъ источниковъ. Спрашивается: откуда же могъ бы взяться этотъ первый источникъ въ Михайловской библіотекѣ поэта, гдѣ по Русской Исторіи было всего 5 — 6 книгъ. Первоисточникомъ служили, конечно, драгоцѣнныя «примѣчанія» къ исторіи Государства Россійскаго.

казывается: — онъ явился обыкновеннымъ смертнымъ, надѣленнымъ свыше богатою натурою, твердою волею, но слабымъ предъ соблазномъ власти... Въ этомъ все несчастіе его жизни, въ этомъ все проклятіе, тяготѣющее на немъ, лишающее его радости и утѣхъ въ жизни... И такимъ проводитъ его Пушкинъ чрезъ всю свою драму, отъ начала до конца... Ему смѣло противополагаетъ Пушкинъ другого честолюбца, въ лицѣ Григорія Отрепьева, и этого тоже рисуетъ живыми, яркими чертами. Многое въ очертаніи этого характера дѣйствительно заимствовано изъ первоисточниковъ (какіе были доступны Пушкину), но многое создано на той же основѣ неисчерпаемо - богатою фантазіею поэта, и создано такъ правдиво, что кажется цѣликомъ заимствованнымъ со страницъ какой-нибудь хроники.

Н. И. Тургеневъ.

Мнѣніе Пушкина о Борисѣ Годуновѣ.

Осенью 1825 года трагедія была и начата, и окончена. Пушкинъ, вообще строгій къ себѣ и часто недовольный своими произведеніями, на этотъ разъ былъ своею трагедіею совершенно доволенъ. Въ шутливомъ тонѣ выражаетъ онъ это Вяземскому: „Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіей, въ ней же первая персона—Борисъ Годуновъ. Трагедія моя окончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ и билъ въ ладони, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да... Юродивый мой — малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна. Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ.. “ Немного спустя о томъ же своемъ произведеніи онъ писалъ вполнѣ серьезно: „какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: „c'est une oeuvre de bonne foi!“ Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта—плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что много употреблено было усилія; наконецъ—одобреніе малаго числа избранныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу“.

Пріемы творчества.

Чрезвычайно важно то, что самъ Пушкинъ сообщилъ намъ о своемъ произведеніи во многихъ письмахъ. Оказывается, что онъ писалъ эту трагедію такъ быстро, какъ еще ничего не писалъ до того времени. „Пишу и вмѣстѣ думаю, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ...—Большая часть сценъ требовали только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее. Это способъ работать для меня совершенно новъ". И онъ заканчиваетъ это письмо словами, характеризующими весь Михайловскій періодъ дѣятельности Пушкина и особенно знаменательными въ его устахъ: „я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить"... Эти слова звучатъ сознаніемъ дѣйствительной силы, и тѣмъ болѣе цѣнны для насъ, что Пушкинъ, гордый по природѣ своей, былъ чрезвычайно скроменъ въ отзывахъ о своемъ талантѣ и взыскателенъ ко всему, что творилъ... Полная зрѣлость таланта сказывалась у Пушкина и въ дивной плодовитости, которой, конечно, много способствовало строгое уединеніе его замкнутой деревенской жизни

Одновременно съ такимъ произведеніемъ, какъ „Борисъ Годуновъ", въ душѣ поэта зрѣли и прежде начатыя поэмы, и чудныя лирическія пьесы, богатыя внутреннимъ содержаніемъ, изумительныя по достоинствамъ и блеску внѣшней формы. Такъ, въ деревнѣ Пушкинъ продолжалъ писать своего „Евгенія Онѣгина" и довелъ его до VII пѣсни. Но, прежде чѣмъ мы скажемъ о тѣхъ главахъ поэмы, которыя были написаны Пушкинымъ въ Михайловскомъ, мы должны будемъ вернуться къ ея началу, и напомнить читателямъ, что три пѣсни ея были уже написаны на Югѣ, и даже напечатаны и успѣли возбудить живѣйшій интересъ въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что третья пѣснь закончилась на такомъ интересномъ мѣстѣ, какъ свиданіе Евгенія съ Татьяною; въ аллеѣ, гдѣ Татьяна, истомленная ожиданіемъ,

«. . . . . вздохнула
И встала со скамьи своей.
Пошла; но только повернула
Въ аллею—прямо передъ ней,
Блистая взорами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни;
И, какъ огнемъ обожжена,
Остановилася она;
Но слѣдствія нежданной встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я...»

Такъ закончилъ лукавый поэтъ и на много лѣтъ отложилъ обѣщанное продолженіе своей любимой поэмы, которая въ общей

сложности писалась (урывками, частями) въ теченіе цѣлыхъ девяти лѣтъ.

Выше мы уже говорили, что эта поэма была первымъ, вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ Пушкина, какъ по замыслу, такъ и по формѣ. Здѣсь героемъ ея явился одинъ изъ модныхъ въ то время разочарованныхъ людей, свѣтскій молодой человѣкъ, богатый и избалованный жизнью; но по первой главѣ, заключающей въ себѣ очеркъ жизни Евгенія и прекрасную картину свѣтской жизни вообще, еще трудно было судить о томъ, что думаетъ Пушкинъ сдѣлать изъ своего героя? Типъ свѣтскаго человѣка, изображеннаго имъ, вообще довольно безцвѣтенъ и такъ много заключаетъ въ себѣ чуждыхъ элементовъ, что его было бы трудно поставить въ тѣсную связь съ русскою почвою. Самъ Пушкинъ, повидимому, не совсѣмъ былъ еще твердъ въ своемъ планѣ — не вполнѣ его опредѣлилъ и выработалъ для себя. Характеристика Евгенія Онѣгина.

«Покамѣстъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго;
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ...
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье,
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань.»

Выступленіе Пушкина на путь самостоятельнаго творчества выражается, между прочимъ, въ томъ, что его герой (хотя въ началѣ поэмы онъ, можетъ-быть, еще не вполнѣ выяснился для него самого) является уже не отвлеченной личностью, а живымъ человѣкомъ. Вотъ почему Пушкинъ въ одной изъ строфъ поэмы, предупреждая укоръ, сдѣланный ему уже неоднократно, заявляетъ читателю, что онъ, лично, ничего не имѣетъ общаго съ героемъ своей поэмы:

«Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно

Автографъ Пушкина. Страничка изъ рукописи «Анджело».—На послѣдней строкѣ видны слѣды карандаша: она была зачеркнута императоромъ Николаемъ I. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Автографъ Пушкина.— Рисунокъ его. Хранится въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова.

Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?»

И это заявленіе поэта имѣетъ свое историческое значеніе: — всѣ его герои до Евгенія Онѣгина — неопредѣленные и туманные, не принадлежавшіе никакой положительной почвѣ, носили въ себѣ несомнѣнно частицу его собственнаго существа, его собственнаго характера—были даже и поставлены имъ въ такое положеніе, которое, болѣе или менѣе, напоминало его собственное положеніе изгнанника. Только Евгеній Онѣгинъ отдѣлился отъ этихъ героевъ и явился цѣльнымъ, объективно-возсозданнымъ типомъ, но типомъ совершенно противоположнымъ самому автору поэмы. Во второй и третьей главѣ своей поэмы (которую, впрочемъ, Пушкинъ называлъ „романомъ въ стихахъ") поэтическій геній Пушкина создалъ нѣчто совсѣмъ небывалое въ русской поэзіи: онъ заставилъ Музу спуститься съ туманной выси на землю и ввелъ ее въ простую, будничную обстановку русскаго деревенскаго захолустья... И въ этой простой обстановкѣ сумѣлъ найти элементы для поэтическаго творчества, сумѣлъ создать тотъ прелестный типъ *Татьяны*, который совершенно вѣренъ русской дѣйствительности и одинъ заключаетъ въ себѣ всѣ лучшія черты русской женщины, выросшей вдали отъ фальшивыхъ и мишурныхъ условій столичной жизни. „Татьяна" Пушкина явилась вовсе непохожей на всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя до того времени выводились героинями въ произведеніяхъ нашихъ писателей; она явилась не героиней, не идеаломъ, не образцомъ совершенства и добродѣтелей—а самой обыкновенной, милой и симпатичной смертной, одною изъ тѣхъ, съ кѣмъ мы безпрестанно сталкиваемся въ жизни и мимо кого мы очень часто проходимъ почти равнодушно. И сколько жизненной правды въ той обстановкѣ, въ которую Пушкинъ поставилъ свою Татьяну; какая прелесть и сила красокъ въ описаніи всѣхъ подробностей бытовой обстановки той семьи, въ которой выростаетъ Татьяна—и сколько поэтическаго и мощнаго дерзновенія въ этой неприкрашенной картинѣ русской жизни, которую впервые Пушкинъ рѣшился выставить на показъ, не затрудняясь тѣмъ, что она озадачитъ критику, и не будучи увѣренъ въ томъ, что она понравится публикѣ. Но чувство правды, но вѣра въ свои силы и разумѣніе дѣйствительности, но стремленіе сблизить во что бы-то ни стало поэзію съ жизнію—вотъ что вдохновляло Пушкина, когда онъ писалъ эти изумительныя главы „Онѣгина" и въ нихъ совершенно сознательно произносилъ новое слово, избиралъ и указывалъ русской поэзіи новое направленіе, новый путь, по которому еще никто не дерзалъ въ то время идти даже и въ западно-европейской литературѣ.

Общій характеръ поэмы.

Чрезвычайно оригинальными и новыми въ своемъ родѣ были и самые пріемы изложенія поэмы, въ которой фабула — очень простая и немногосложная — являлась постоянно и тѣснѣйшимъ образомъ связанною съ размышленіями и воззрѣніями на жизнь самого автора, который свободно откладываетъ въ сторону главную нить своего разсказа, чтобы побесѣдовать съ читателемъ и высказать свое мнѣніе о томъ или другомъ существенномъ вопросѣ жизни—и затѣмъ вновь принимается за прерванный разсказъ. Въ этомъ именно смыслѣ онъ очень вѣрно характеризуетъ свое произведеніе въ посвященіи (П. А. Плетневу).

«Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ, -
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ...»

Такимъ образомъ, рядомъ, въ одномъ и томъ же произведеніи являлся прелестный, изящный и полный жизни „романъ въ стихахъ", заимствованный изъ русской дѣйствительности, и цѣлая исповѣдь наболѣвшей души поэта, цѣлый комментарій „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ",—комментарій гораздо болѣе цѣнный, чѣмъ самое произведеніе поэта, потому что онъ подробно знакомитъ насъ съ внутреннею жизнью поэта, съ его понятіями, убѣжденіями и воззрѣніями на отношеніе къ людямъ и обществу. Этотъ поэтическій комментарій безпрестанно врывался въ самое содержаніе поэмы, то въ видѣ легкаго, игриваго воспоминанія о минувшемъ (въ первой главѣ: Волшебный край—и все воспоминаніе о театрѣ или далѣе всѣ строфы: XXIX—XXXV, посвященныя баламъ и ножкамъ), то въ видѣ спокойнаго и строгаго размышленія (во второй главѣ: XXXVIII—„Увы, на жизненныхъ браздахъ, мгновенной жатвой, поколѣнья") или въ третьей главѣ (строфа XI—XIV, въ которой заключались превосходныя сравненія прежнихъ идеаловъ литературы съ новѣйшими: „Свой слогъ на важный ладъ настроя..."), то въ видѣ бѣглыхъ набросковъ и наблюденій надъ общественными типами и нравами (III, строфа XXII по XXIX: „Я зналъ красавицъ недоступныхъ" и весь дальнѣйшій отрывокъ о женщинахъ; или въ IV, строфа XIX и XX, гдѣ въ двухъ словахъ Пушкинъ опредѣляетъ значеніе дружбы и родства), то въ видѣ желчно-ироническихъ выходокъ, въ которыхъ поэтъ изливаетъ свое негодованіе противъ различныхъ явленій жизни или набрасываетъ общую картину современнаго ему общества. Таково знаменитое заключеніе

шестой главы, въ которой поэтъ прощается со своею молодостью и, обращаясь къ молодому вдохновенію, говоритъ:

А. И. Тургеневъ.

«Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И, наконецъ, окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ, и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ;
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ, —
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.»

Сила творчества Пушкина.

Нельзя упустить изъ виду, что въ одной изъ предшествующихъ строфъ поэтъ говоритъ совершенно сознательно, что „полдень мой насталъ“ — и прощается съ юностью. Это въ поэтической формѣ то же самое, что онъ писалъ къ другу въ письмѣ о зрѣлости своего таланта... Зрѣлость эта, дѣйствительно, выражалась иногда въ формѣ поразительныхъ проявленій его могучаго поэтическаго дара. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ, Пушкинъ описываетъ, какъ былъ написанъ „Графъ Нулинъ“ и говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ концѣ 1825 г., въ деревнѣ, я перечитывалъ Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, и подумалъ: что, если бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть (т. е. „Графъ Нулинъ“)“.

Въ два утра повѣсть, въ которой около 400 стиховъ! Зрѣлость таланта видна и въ лирикѣ, которая, въ теченіе этого двухлѣтія, пополнилась въ запасѣ Пушкина многими первоклассными пьесами. Кромѣ такихъ стихотвореній, какъ *„Буря мглою небо кроетъ“*, какъ *„Зимняя дорога“*, какъ *„19 октября“* — навѣянныхъ

Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ. 1) что оно писано изъ К. Б. 2) что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3) что ты собираешь въ изданіе свои стихотворенія, 4) (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому. Могу быть извинительно пристрастно сближать меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный долженъ я конечно печалиться о смерти Государя но какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I. въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ вражда съ нѣмецкимъ барономъ, напоминаютъ Генриха V. — Къ тому-жъ онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ-то лучше, словомъ я надѣюсь отъ него много хорошаго. — Какъ бы ло

-рошо

Автографъ Пушкина. Письмо къ Катенину, отъ 4 декабря (1825 г.). Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

было мнѣ величайшимъ удѣломъ. и быть сви-
дѣтелемъ [struck] и участникомъ твоего
торжества! участникомъ ибо
твой успѣхъ немножко и мнѣ принадлежитъ;
[illegible]; но вспомнишь-ли обо
мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право со-
вѣстно что тебѣ такъ много нагово-
рилъ о моихъ [illegible]. Это
годится для публики, но тебѣ, на-
дѣюсь я, представлю что нибудь
болѣе достойное твоего внима-
нія — Отпиши мнѣ подробнѣе и
скорѣе; [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible],
и поздравляю его [illegible] [illegible]
[illegible]. [illegible] — [illegible]
[illegible] [illegible]. Прощай, милый
и почтенный — вспомни мнѣ во
время первыхъ представленій [illegible]
[illegible].

Д. [illegible]

Святогорскій монастырь, игумену котораго былъ порученъ духовный надзоръ надъ Пушкинымъ.

деревенскимъ уединеніемъ, мы видимъ въ лирикѣ Пушкина нѣсколько такихъ произведеній, которыя одни, сами по себѣ, могли составить славу поэта. Мы разумѣемъ такія стихотворенія, какъ элегія: „*Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*“, какъ „*Желаніе*

славы", какъ посланіе къ А. П. Кернъ („*Я помню чудное мгновенье*"), какъ „*Подражаніе Корану*" — изумительныя по гибкости и разнообразію внѣшней формы, и, наконецъ, какъ „*Пророкъ*", написанное въ Михайловскомъ, незадолго до внезапнаго окончанія ссылки...

Взглядъ на поэзію.

Послѣднее стихотвореніе особенно важно по сравненію съ другимъ — „*Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ*", потому что въ обоихъ высказывается взглядъ Пушкина на положеніе поэта въ обществѣ и въ народѣ. Устами поэта Пушкинъ восклицаетъ:

«Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ-ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?»

Онъ клянетъ свой талантъ, отрицаетъ всѣ свои идеалы, въ отчаяніи хочетъ даже совсѣмъ отказаться отъ поэзіи и отъ жизни въ свѣтѣ... На вопросъ книгопродавца:

«Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?»

Поэтъ отвѣчаетъ: „свободу"! Но хитрый книгопродавецъ ловитъ его на этомъ неосторожномъ словѣ и съ достаточною ясностью доказываетъ ему, что нѣтъ свободы безъ денегъ, и этимъ путемъ выманиваетъ у него согласіе на продажу рукописи.

Какъ бы въ отвѣтъ на это стихотвореніе, нѣсколько позднѣе является другое, превосходное стихотвореніе „Пророкъ" (1826 г.), въ которомъ Пушкинъ какъ бы вскрываетъ передъ нами свой идеалъ поэта — провозвѣстника истины, который покорно и смиренно исполняетъ завѣтъ Всевышняго:

«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Позднѣе встрѣчаемся мы съ новыми воззрѣніями Пушкина на поэта и его назначеніе; увидимъ, какъ онъ самъ, постепенно, отдаляется и, наконецъ, совсѣмъ откажется отъ этой дѣятельной роли поэта-проповѣдника, какъ онъ будетъ разочаровываться и въ жизни, и

въ своихъ силахъ, и мало-по-малу поддаваться соблазну унынія. Но въ началѣ 1826 г. стихотвореніе „Пророкъ" явилось какъ-бы еще однимъ осязательнымъ доказательствомъ полной зрѣлости таланта и сознаніемъ того, что силы его развились вполнѣ и только ищутъ такой задачи, къ которой можно было бы ихъ примѣнить... А уныніе въ эту пору было постоянно настолько далеко отъ души поэта, что доброе и вполнѣ здравое настроеніе его духа выразилось даже такимъ стихотвореніемъ:

«Если жизнь тебя обманетъ
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ:
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.»

Такимъ образомъ, духъ и настроеніе, конечно, стоятъ въ зависимости отъ тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя не переставали волновать поэта въ концѣ 1825 года. Онъ ждалъ, что ходатайство его друзей повліяетъ, наконецъ, на перемѣну его участи, измѣнитъ странное положеніе опальнаго при той всероссійской извѣстности, какою онъ давно уже пользовался. Онъ даже писалъ въ концѣ 1825 г., въ посланіи къ П. А. Осиповой—своей милой сосѣдкѣ:

«Быть-можетъ, ужъ не долго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ, въ тишинѣ,
Душой безпечной предаваться...»

Его напугали и возмутили декабрьскія событія въ Петербургѣ, при восшествіи на престолъ императора Николая I. Но все же бодрость духа, нажитая въ деревнѣ, взяла верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, и онъ возобновилъ свои прямыя и косвенныя ходатайства предъ правительствомъ о дозволеніи ему вернуться на житье въ столицы... Но дозволеніе это пришло не скоро. Прошла зима и весна 1826 года, наступило лѣто, въ теченіе котораго особенно оживилось сосѣднее Тригорское, потому что туда съѣхалась вся семья П. А. Осиповой и въ гости къ ея сыну пріѣхалъ поэтъ Языковъ—въ ту пору юноша и студентъ дерптскаго университета. Поэты быстро сошлись; проводили вмѣстѣ все время, обмѣнивались посланіями, которыя имъ внушала дружба, и весьма согласно воспѣвали Тригорское и его радушныхъ обитательницъ... Въ первыхъ числахъ сентября Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву, и помчался туда съ фельдъегеремъ, который

Вызовъ въ Москву.

былъ за нимъ присланъ въ Михайловское. Такой внезапный отъѣздъ долженъ былъ напугать и смутить всѣхъ близкихъ къ Пушкину лицъ, и онъ счелъ нужнымъ написать съ дороги къ П. А. Осиповой успокоительное письмо, которое заканчивалось словами: „Ѣду прямо въ Москву, гдѣ надѣюсь быть 8-го числа сего мѣсяца, и лишь только буду свободенъ, возвращусь, какъ можно скорѣе, въ Тригорское, къ которому отнынѣ и всегда привязано мое сердце...“

А. Н. Вульфъ,
пріятель и сосѣдъ Пушкина по Тригорскому.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возвращеніе къ столичной жизни.—Новыя впечатлѣнія и непріятныя стороны новаго положенія.—Ослабленіе поэтической дѣятельности.—Лирика 1826—1827 гг.—Тяжкое душевное настроеніе и его выраженія въ лирикѣ 1828 г.—Поворотъ къ прозѣ.—Новый приливъ въ поэтической дѣятельности.—Поэма „Полтава".—Опять тревожное состояніе духа и поѣздка въ Эрзерумъ.

Давнишнее желаніе Пушкина сбылось. 8-го сентября 1826 г. онъ, тотчасъ по прибытіи въ Москву, былъ представленъ государю, на котораго произвелъ очень хорошее впечатлѣніе своею смѣлою прямотою и чрезвычайною искренностью. Государь обласкалъ его, ободрилъ къ дальнѣйшей дѣятельности и сказалъ, что „онъ самъ берется быть цензоромъ всѣхъ его сочиненій". Пушкину было разрѣшено поселиться въ Москвѣ (а подъ конецъ зимы—и жить въ Петербургѣ), и онъ съ наслажденіемъ предался всѣмъ удовольствіямъ и развлеченіямъ столичной жизни, которыя получили для него новую прелесть послѣ двухлѣтняго строгаго затворничества въ деревнѣ и почти шестилѣтней разлуки со всѣми своими друзьями и знакомыми, со всѣми литературными и журнальными кружками. Авторское самолюбіе его было удовлетворено вполнѣ: его встрѣчали всюду съ восторгомъ, наперерывъ спѣшили съ нимъ знакомиться, носили его на рукахъ, къ каждому слову его, къ каждой строкѣ его сочиненій относились съ благоговѣніемъ—не знали, чѣмъ угодить, чѣмъ услужить ему. Пушкинъ—этотъ любимый и величайшій изъ русскихъ поэтовъ—такъ долго бывшій въ опалѣ и теперь взысканный милостью новаго, молодого царя! О! этотъ Пушкинъ явился для всѣхъ кумиромъ, передъ которымъ преклонялись и раболѣпствовали, восторгались и въ изобиліи расточали лесть самаго изысканнаго свойства. Эти ѳиміамы, на первыхъ порахъ, должны были, конечно, отуманить голову поэта; на время должны были даже возвысить его духъ, придать ему новую бодрость и поддержать въ немъ вѣру въ его значеніе, въ то высокое призваніе, которому онъ долженъ посвятить свою жизнь, свою дѣятельность. Но восхваленія, восторги и лесть, во всѣхъ видахъ расточаемые предъ Пушкинымъ, наконецъ, должны были ему прискучить; а между тѣмъ, изъ-за этого тумана славы и общаго поклоненія, стала мало-по-малу выдвигаться на первый планъ весьма неказистая дѣйствительность — весьма печальныя условія его новаго положенія въ обществѣ. На первыхъ порахъ, по освобожденіи его изъ ссылки, Пушкинъ вообразилъ себѣ, что великодушный порывъ, побудившій императора Николая I вызвать его изъ деревни, и ласковый пріемъ, который императоръ ему оказалъ, дали ему право разсчитывать на нѣкоторое болѣе или менѣе независимое положеніе. „Я самъ буду

твоимъ цензоромъ", сказалъ государь, и Пушкинъ заключилъ изъ этихъ словъ, что уже ничья иная цензура не будетъ касаться его произведеній. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, порывистый и горячій поэтъ, вѣроятно, и написалъ свои „стансы": „*Въ надеждѣ славы и добра*" (первое стихотвореніе, по возвращеніи въ столицу), въ которыхъ совершенно искренно выразилъ свою признательность царю и тѣ упованія, какія должно было на него возлагать въ будущемъ. Это стихотвореніе, многими непонятое, а многими и намѣренно истолкованное не въ пользу Пушкина (послѣ всѣмъ извѣстныхъ отношеній его къ кружку декабристовъ), въ значительной степени поколебало значеніе Пушкина въ обществѣ и въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ. Онъ почти вынужденъ былъ выступить съ другими „стансами" („*Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю хвалу свободную слагаю*"), въ которыхъ какъ бы старается оправдать свой способъ дѣйствій.

Тягостный контроль. Но въ то же самое время онъ долженъ былъ признать, что эти отношенія оказываются очень стѣснительными и непривлекательными во многихъ смыслахъ. Пушкинъ увидѣлъ себя въ положеніи полной, почти служебной, зависимости: за каждымъ шагомъ его слѣдили, письма его прочитывались, каждое дѣйствіе его подчинено было тягостному контролю, почти опекѣ графа А. X. Бенкендорфа [1]), котораго государю угодно было избрать *посредникомъ* въ своихъ сношеніяхъ съ поэтомъ. А этотъ посредникъ понималъ свою роль чисто-формальнымъ, канцелярскимъ образомъ: такъ, онъ требовалъ, чтобы каждое, даже „мелкое произведеніе блистательнаго пера" Пушкина пересылалось ему до представленія государю, чтобы поэтъ никому не сообщалъ въ рукописи и даже самъ не читалъ въ обществѣ свои новыя произведенія прежде, нежели они получатъ Высочайшую санкцію и будутъ разрѣшены для печати... Такія стѣснительныя условія должны были, конечно, коробить Пушкина — даже отвращать его отъ поэтической дѣятельности. Но къ нимъ прибавилось еще и другое неудобство обязательныхъ отношеній: высшее начальство нашло возможность давать Пушкину, отъ времени до времени, литературныя порученія, къ выполненію которыхъ онъ вовсе не былъ приготовленъ, да и едва-ли даже способенъ... Такъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, въ 1826 году, Пушкинъ, по порученію высшаго начальства, принимается за составленіе какого-то разсужденія „о воспитаніи юношества". Разсужденіе, конечно, вышло слабымъ, а главное — не соотвѣтствующимъ ожиданіямъ высшаго начальства, которое поэтому и выразило Пушкину свое неудоволь-

---

[1]) Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ въ 1826 году былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, шефомъ жандармовъ, командующимъ главною квартирою и начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

ствіе, походившее на выговоръ. И вотъ, Пушкину — гордому и независимому Пушкину — пришлось почти извиняться неопытностью въ сужденіи о предметѣ, который „дотолѣ не занималъ его мыслей, и просить позволенія заняться чѣмъ-либо болѣе ему близкимъ и извѣстнымъ"...

Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ очень важный въ біографическомъ отношеніи, потому что именно путемъ подобныхъ фактовъ, вызванныхъ новымъ положеніемъ поэта, онъ и былъ доведенъ въ самомъ скоромъ времени до недовольства и разлада съ самимъ собою, а потомъ даже и до горькаго разочарованія, до сомнѣнія въ своихъ силахъ и значеніи. Только зная эти факты, мы можемъ уяснить себѣ, какимъ образомъ отъ благонамѣренныхъ (и притомъ совершенно-искреннихъ) „становъ" Пушкинъ, два мѣсяца спустя [1]), переходитъ къ тому глубоко-прочувствованному воспоминанію о Пущинѣ, которое онъ направляетъ къ нему изъ Пскова: Недовольство положеніемъ.

«Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье
Да голосъ мой души твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучомъ лицейскихъ ясныхъ дней.»

Повторяемъ: только зная вышеприведенные факты, можно понять и тонъ писемъ Пушкина къ П. А. Осиповой въ первый же годъ его освобожденія отъ безвыѣзднаго пребыванія въ деревнѣ и тотчасъ послѣ посѣщенія Петербурга, въ который ему только-что разрѣшенъ былъ въѣздъ.

„Что мнѣ сказать вамъ — пишетъ Пушкинъ, — о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ пребываніи въ Спб.? Пошлости и глупости нашихъ обѣихъ столицъ одно и то же, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензіи быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на выборъ, я бы выбралъ Тригорское, почти такъ же, какъ армянинъ, который на вопросъ, хочетъ-ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ".

Тѣмъ же недовольствомъ собою, тѣмъ же тревожнымъ состояніемъ поэта слѣдуетъ объяснить и крайнюю скудость его вдохновенія въ слѣдующемъ 1827 году [2]), который онъ весь про-

---

[1]) Это воспоминаніе о Пущинѣ помѣчено «13 декабря 1826 г. Псковъ».

[2]) Дѣйствительно, за весь 1827 годъ, было написано Пушкинымъ не болѣе полутора десятка стихотвореній, считая даже мелочи и эпиграммы.

велъ въ переѣздахъ изъ столицы въ столицу, и изъ столицъ въ деревню. Въ числѣ стихотвореній этого, столь скуднаго года, только одно („Поэтъ“) выдѣлилось по своему замѣчательному содержанію, по своему прямому и непосредственному отношенію къ современнымъ условіямъ жизни Пушкина:

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ
Въ широкошумныя дубровы.»

Нащокинъ, пріятель Пушкина.

Въ этомъ стихотвореніи, отчасти напоминающемъ „Пророка“, поэтъ какъ бы старается самъ себя утѣшить и объяснить себѣ самому, почему онъ такъ любилъ уединеніе, всегда благопріятствующее его вдохновенію... Онъ какъ будто хочетъ сказать, что не насталъ его часъ— сказать свое вѣское вдохновенное слово; и, когда этотъ часъ настанетъ, онъ не преклонится ни передъ какими земными кумирами.

Въ другомъ стихотвореніи („*Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая*“) онъ сравниваетъ себя съ гондольеромъ, который

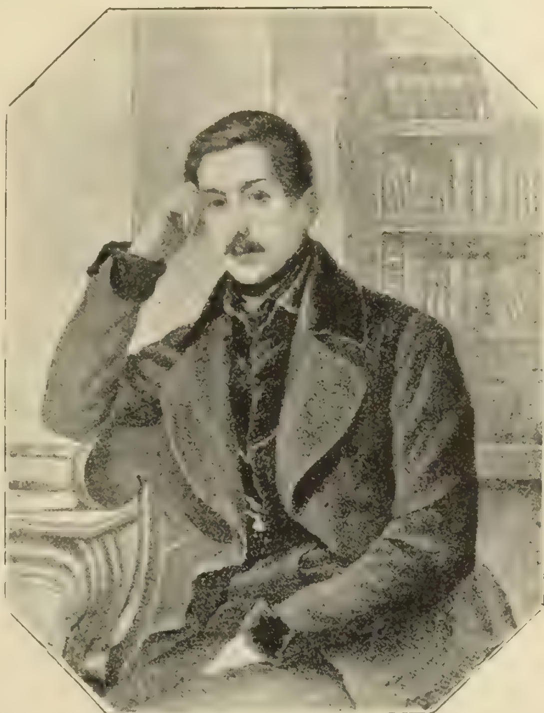
«......не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.»

И затѣмъ. подкрѣпляетъ свое сравненіе обращеніемъ къ себѣ самому:

«На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.»

И еще въ одномъ стихотвореніи („*Три ключа*“) Пушкинъ повторяетъ ту же мысль, то же воззрѣніе на поэзію, которое уже было высказано имъ въ пьесѣ „Книгопродавецъ и поэтъ“:

«Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный —
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — *холодный ключъ забвенья* —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.»

С. Д. Полторацкій, пріятель Пушкина.

И лицейская годовщина опять наводитъ его на воспоминаніе о тѣхъ друзьяхъ, которые „далече унесены своею злобною судьбиной“, и онъ шлетъ имъ свой сердечный дружескій привѣтъ:

«Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!»

Наступившій вскорѣ послѣ того 1828 годъ не принесъ облегченія скорбной душѣ поэта; онъ, хотя и болѣе успѣлъ написать, нежели въ предшествующемъ году, хотя его дивный даръ и проявился въ теченіе этого года чрезвычайно ярко въ новой исторической поэмѣ „Полтава“; однакоже, все написанное имъ было мрачно, было безотрадно и свидѣтельствовало о самомъ тяжкомъ настроеніи духа поэта. Настроеніе это выражалось у Пушкина тревожнымъ стремленіемъ къ перемѣнѣ мѣстъ, къ скитаньямъ, странствованьямъ и переѣздамъ изъ города въ городъ. Въ концѣ зимы этого года открылась турецкая кампанія, и Пушкинъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы ему было разрѣшено отправиться въ

Новыя неудачи и невзгоды.

дѣйствующую армію, думая этимъ развѣять свои мрачныя мысли и набраться новыхъ впечатлѣній... На его ходатайство ему было отказано. Онъ сталъ проситься за границу — и получилъ новый отказъ, который огорчилъ его до глубины души. Между тѣмъ, поднялось дѣло объ одномъ изъ его молодыхъ стихотвореній, въ которомъ будто бы нашли намеки на декабрьскую смуту. Напрасно поэтъ оправдывался и утверждалъ, что это стихотвореніе заимствовано имъ отъ А. Шенье и относится къ революціи конца прошлаго вѣка... Ему повѣрили только отчасти, и притомъ все же рѣшили подвергнуть поэта „секретному надзору полиціи". Этотъ надзоръ, конечно, былъ менѣе всего „секретнымъ" и тяготилъ поэта своею надоѣдливою формалистикой и привязкою къ мелочамъ. Недаромъ пишетъ онъ къ П. А. Осиповой о своемъ петербургскомъ житьѣ:

„Это житье довольно пошло, и я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды: я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, несмотря на скверную прозу моего настоящаго существованія".

Мрачные образы поэзіи.

При такомъ настроеніи, и поэзія Пушкина не являетъ намъ свѣтлыхъ образовъ: вся лирика его за этотъ несчастный годъ словно подернута дымкою траура... Всюду сквозитъ уныніе, отчаяніе, озлобленіе, недовольство собою и окружающимъ. То онъ выражаетъ опасеніе передъ наступающею бѣдою („Предчувствіе") и восклицаетъ:

«Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?»

То онъ съ отвращеніемъ отворачивается отъ Петербурга, въ которомъ видѣлъ только „скуку, холодъ и гранитъ"; то отъ этихъ желчныхъ изліяній переходитъ къ мрачному отчаянію и начинаетъ клясть жизнь и всѣ ея блага...

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,

Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.»

Трудно себѣ представить большее отчаянье, большую силу скорби и внутренняго душевнаго страданія, вызвавшаго такой страшный, раздирающій вопль изъ души поэта. Но этотъ вопль не случайное, не единичное явленіе его внутренней жизни въ этотъ злосчастный годъ: это одно изъ многихъ, одно изъ цѣлаго ряда подобныхъ, вызываемыхъ, очевидно, невыносимыми, непосильными страданіями. Въ какой степени это страданіе было постояннымъ и непрерывнымъ, видно отчасти изъ помѣтокъ чиселъ подъ стихотвореніями. Такъ, напр., „Даръ напрасный, даръ случайный" — помѣчено 26 мая 1828 г., а 19 мая помѣчена пьеса „Воспоминанія"—живо передающая намъ тоску, которая томитъ поэта, удрученнаго всякими невзгодами, тоску невыносимую, безысходную и еще болѣе разжигаемую какими-то тяготѣющими на душѣ его воспоминаніями. Приводимъ здѣсь это превосходное стихотвореніе цѣликомъ:

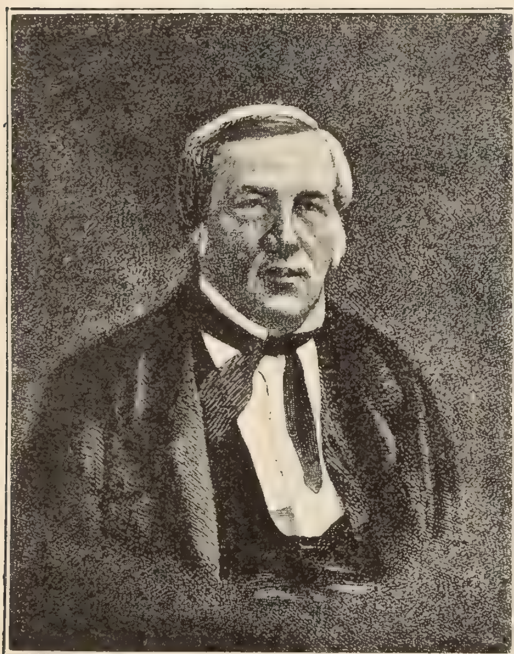
«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ—дневныхъ трудовъ награда;
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.»

Этими строками заканчивалось стихотвореніе въ печати, вѣроятно, по волѣ автора; но въ его черновыхъ тетрадяхъ у него оказалось продолженіе (въ 16 строкъ), зачеркнутое Пушкинымъ— и нимало не уступающее по достоинству напечатанной части стихотворенія. Вотъ это продолженіе:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ.
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.» [1])

Эти 16 строкъ, очевидно, не были напечатаны поэтомъ при жизни потому, что заключаютъ въ себѣ слишкомъ прозрачные біографическіе намеки; а Пушкинъ не любилъ допускать подобные намеки въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Но и помимо всѣхъ подобныхъ отношеній къ обстоятельствамъ жизни поэта, помимо всякихъ воспоминаній объ „утраченныхъ годахъ“, общее сумрачное, тягостное настроеніе поэта высказывается въ тонѣ, которымъ отличаются всѣ пропроизведенія Пушкина за 1828 годъ. Это цѣлый рядъ темныхъ пятенъ на его свѣтлой, игривой и веселой лирикѣ предшествующихъ лѣтъ; цѣлый рядъ образовъ и впечатлѣній, которые могли быть вызваны только воображеніемъ, болѣзненно-настроеннымъ на все ужасное, на все безотрадное, на все потрясающее. То ему мерещится лихой опричникъ, который на борзомъ конѣ мчится на свиданіе черезъ площадь, „полную вчерашней казни“... Въ груди „кромѣшника“ горитъ желаніе, онъ погоняетъ коня, онъ готовъ промчаться между столбовъ, гдѣ на дубовой перекладинѣ качается трупъ висѣльника...

С. И. Соболевскій, пріятель Пушкина.

«Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется

[1]) Эта пьеса имѣетъ особенное значеніе для біографа Пушкина: въ ней впервые является мысль о смерти, впослѣдствіи чаще и чаще встрѣчающаяся въ стихотвореніяхъ Пушкина.

Назадъ. Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы-ли здѣсь вчера скакали,
Не мы-ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!.. И конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ.»

Пушкинъ, по гравюрѣ Райта.

То вдругъ въ воображеніи поэта возникаетъ страшная народная легенда объ утопленникѣ, которому мужикъ отказалъ въ послѣднемъ пристанищѣ, оттолкнувъ его весломъ отъ своего берега къ чужому. Подъ волшебнымъ перомъ великаго художника разомъ развертывается потрясающая картина... Бурная ночь... Утопленникъ стучится подъ окномъ... Мужикъ „лѣнивою рукою“ приподнимаетъ окно и съ ужасомъ видитъ передъ собою страшнаго гостя:

«Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.»

Въ холодномъ ужасѣ отскакиваетъ мужикъ отъ окна и трясется отъ страха всю ночь напролетъ, прислушиваясь къ грозному стуку „подъ окномъ и у воротъ“. Но этого мало; этой страшной картины еще недостаточно для мрачно-настроеннаго поэта. Онъ добавляетъ въ заключеніе баллады:

«Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.»

Поэма «Полтава» Кажется, подъ впечатлѣніемъ того же настроенія задумана и написана Пушкинымъ и его поэма „Полтава", о которой онъ самъ говоритъ въ письмахъ, что она состоитъ изъ ряда мрачныхъ картинъ, на которыхъ ему самому тяжело останавливаться. „Какой отвратительный предметъ", говоритъ онъ о Мазепѣ. „Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты. Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, наброшенная на всѣ эти стороны—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней—далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все".

Такимъ образомъ поэтъ самъ даетъ намъ ключъ къ пониманію его произведенія: мрачный трагическій оттѣнокъ сюжета какъ разъ подходилъ къ его собственному душевному настроенію—и онъ взялся за него подъ этимъ настроеніемъ, хотя вообще и не былъ расположенъ къ подобнаго рода сюжетамъ. Въ поясненіяхъ поэта очень любопытно это (нѣсколько гиперболическое) упоминаніе о томъ, что поэма была написана „въ нѣсколько дней". Дѣйствительно, поэма была написана необычайно быстро, въ сильномъ порывѣ вдохновенія, которое какъ-то внезапно и бурно налетѣло на него. Противъ всѣхъ своихъ обычаевъ, въ началѣ осени 1828 года онъ вдругъ покидаетъ деревню, является въ Петербургъ и принимается писать здѣсь свою „Полтаву", которую и заканчиваетъ въ теченіе одного октября мѣсяца, не выѣзжая изъ города [1]).

Кажется, что именно этотъ обильнѣйшій приливъ вдохновенія, вынудившій поэта на время вполнѣ отдаться опредѣленному труду, значительно помогъ измѣненію его настроенія къ лучшему. Едва кончивъ поэму, онъ уже спѣшитъ покинуть Петербургъ и очутиться вновь въ кругу своихъ друзей (Вульфовъ и П. А. Осиповой), которые на этотъ разъ жили въ Тверской губерніи, въ своемъ имѣніи „Маленники". Здѣсь онъ опять на время повеселѣлъ и прояснѣлъ; отсюда онъ пишетъ къ друзьямъ шутливыя письма; но одинъ изъ его первыхъ біографовъ напрасно ду-

[1]) Изъ помѣтокъ надъ отдѣльными пѣснями, въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина, узнаемъ, что первая пѣснь окончена 3 октября, вторая—9, третья—16 октября.

маетъ, что „душевная тревога покинула поэта, едва только онъ вырвался изъ душной столичной атмосферы. Въ Малинникахъ мы находимъ его въ спокойномъ и легкомъ состояніи духа. Онъ принимается за работу. Въ самый день пріѣзда въ деревню пишетъ посвященіе поэмы“ и т. д. Но біографъ кажется упускаетъ изъ вида, что это посвященіе не звучитъ весельемъ, а скорѣе отзывается элегическою грустью; онъ проходитъ молчаніемъ тотъ важный фактъ, что 9 ноября, т. е. черезъ 10 дней послѣ пріѣзда, Пушкинымъ написано одно изъ наиболѣе безотрадныхъ его произведеній — „*Анчаръ*“, на которомъ Тургеневъ основалъ одинъ изъ самыхъ грустныхъ своихъ разсказовъ; что едва ли не въ Маленникахъ же написано стихотвореніе „Чернь“, тоже не утѣшительное ни въ какомъ смыслѣ и свидѣтельствующее о настроеніи мрачномъ и желчномъ. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи отмѣтимъ только послѣднія четыре строки, которыя на нашъ взглядъ имѣютъ также немаловажное біографическое значеніе; въ нихъ, обрисовывая назначеніе поэта, Пушкинъ говоритъ:

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.»

Не касаясь того воззрѣнія на значеніе поэта, которое выражено въ этихъ строкахъ (къ нему еще вернемся впослѣдствіи), отмѣтимъ только, что въ этомъ стихотвореніи впервые является упоминаніе о *молитвѣ,* какъ упоминаніе о *смерти* въ другомъ произведеніи того же 1829 года.

Неудачное сватовство

По возвращеніи въ столицу изъ деревни, Пушкинъ захандрилъ, и, можетъ быть спасаясь отъ хандры, а можетъ быть и поддавшись новому увлеченію, начинаетъ часто ѣздить въ Москву. Здѣсь встрѣтилъ онъ молодую красавицу, только-что начавшую выѣзжать въ свѣтъ, *Наталью Николаевну Гончарову,* происходившую изъ дворянскаго рода, нѣкогда богатаго, но въ значительной степени захудалаго и раззореннаго. Прискучивъ долгою холостою жизнью, Пушкинъ около этого времени сталъ впервые чувствовать потребность въ семейномъ счастіи и въ своемъ домашнемъ углу; молодая красавица Гончарова ему очень полюбилась, и онъ попытался посвататься, хотя и видѣлъ совершенно ясно, что она ему не пара, да и съ ея семьей у него не было ничего общаго. На сватовство его отвѣчали почти отказомъ, зная, что онъ небогатъ и относясь очень недовѣрчиво къ его бурному прошлому, полному порывовъ и всякаго рода увлеченій. Эта неудача такъ огорчила Пушкина, что онъ рѣшился уѣхать изъ Москвы на Кавказъ, гдѣ въ то время велась война съ Турціей. Онъ на-

дѣялся, что перемѣна мѣстъ, что сильныя впечатлѣнія войны, на которую ему уже давно хотѣлось взглянуть вблизи,—все это отвлечетъ его отъ мрачныхъ думъ и заглушитъ его тоску и горечь испытанной неудачи, болѣзненно отозвавшейся на его самолюбіи. Онъ такъ быстро рѣшился на это путешествіе, что даже не запасся никакимъ разрѣшеніемъ начальства, никому не сказалъ и не объявилъ о своемъ намѣреніи, и помчался въ дальній путь.

Усадьба Вульфовъ, Тригорское, по сосѣдству съ Михайловскимъ.

Пушкинъ на Кавказѣ.

Не станемъ вдаваться въ біографическія подробности путешествія Пушкина на Кавказъ и въ Закавказье, къ границамъ Персіи, гдѣ ему, наконецъ, удалось вблизи увидѣть весь ужасъ „грозы военной“ и набраться многихъ новыхъ для него впечатлѣній; обратимъ вниманіе только на результаты этой поѣздки, на тѣ произведенія, въ которыхъ впечатлѣнія поэта выразились... Это—прежде всего — легкіе наброски, въ родѣ такихъ пѣсенъ, какъ „*Донъ*“, „*Калмычки*“, „*Делибашъ*“, „*Былъ и я среди донцовъ*“, напоминающіе намъ путевыя записки, бѣгло заносимыя въ записную книгу путешественниковъ. Изъ этихъ легкихъ набросковъ отмѣтимъ только одинъ (*„Монастырь на Казбекѣ“*), въ которомъ заключается еще намекъ на пробуждающееся въ сердцѣ поэта религіозное чувство. Въ то время, когда онъ смотритъ на монастырь, „чуть видимый надъ горами“, ему приходитъ въ голову

что тамъ, вѣроятно, жизнь должна протекать тихо и мирно—въ этомъ пристанищѣ, далекомъ отъ мірскихъ суетъ.

За этими бѣглыми замѣтками въ лирикѣ поэта, за этотъ періодъ, идутъ чудныя картины Кавказа („*Обвалъ*", „*Кавказъ*"), который еще разъ навѣялъ вдохновеніе на душу поэта [1]). Въ общемъ впечатлѣніи этихъ пьесъ мы видимъ поэта въ настроеніи спокойномъ, уравновѣшенномъ; нигдѣ не высказывается волненія или тревоги за будущее: ни изъ чего не видно, чтобы онъ страдалъ или даже носилъ въ душѣ тягостное воспоминаніе о понесенной неудачѣ, которая, видимо, была болѣе чувствительна для его самолюбія, нежели для болѣе нѣжныхъ сторонъ его души. О такомъ же уравновѣшенномъ состояніи духа свидѣтельствуютъ и записки, веденныя поэтомъ во время путешествія и лишь гораздо позднѣе изданныя въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года*".

Современная иллюстрація къ «Домику въ Коломнѣ».

Вѣроятно во время долгаго переѣзда съ Юга на Сѣверъ написаны имъ „*Дорожныя жалобы*", въ которыхъ высказывается чувство недовольства на слишкомъ продолжительныя скитанія по бѣлу свѣту, высказывается желаніе, наконецъ, найти себѣ свой уголъ—осѣсть на мѣстѣ.

Но путешествіе, однакожъ, оказало свое благотворное дѣйствіе на Пушкина: онъ не выказываетъ такой особенно мрачной

[1]) Невполнѣ понятнымъ остается въ лирикѣ этого періода только стихотвореніе «Олеговъ щитъ».

настроенности: проѣздомъ чрезъ Москву бываетъ въ свѣтѣ, ухаживаетъ и любезничаетъ, и пишетъ въ альбомы стихи, весьма лестные для московскихъ красавицъ: по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ „Литературной газетѣ“ Дельвига, пишетъ два-три прелестные привѣта русской зимѣ (*„Зима!“ „Что дѣлать намъ въ деревнѣ?“ „Зимнее утро“*); и только въ декабрѣ начинаетъ опять поддаваться элегическимъ сожалѣніямъ о минувшемъ, мучиться сознаніемъ о напрасно потраченныхъ годахъ и „сердечныхъ сокровищахъ“, расточенныхъ „за недоступныя мечты“... Онъ сравниваетъ себя (*„Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“*) съ блуднымъ сыномъ:

«Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!»

Отрадное и благотворное впечатлѣніе производитъ на него только прогулка по Царскосельскому саду, напоминающая дни юности, „семью друзей“ и „пріютъ благословенный“... Затѣмъ опять начинается исканіе выхода изъ тяжкаго, ложнаго положенія, исканіе возможности какъ бы то ни было, во что-бы-то ни стало — освободиться отъ противной и несносной опеки, которой подчинены были всѣ его дѣйствія, какъ дѣйствія несовершеннолѣтняго юноши. Онъ просится за границу, проситъ разрѣшить ему поѣздку въ Китай для сопровожденія отправлявшейся туда нашей миссіи... и во всемъ встрѣчаетъ отказъ. Суровое время военной дисциплины, внесенной во всѣ проявленія русской жизни, не допускаетъ такихъ поэтическихъ вольностей и не входитъ въ соглашенія съ душевнымъ настроеніемъ поэта... Памятью всѣхъ этихъ треволненій, всѣхъ этихъ исканій выхода остается любопытный поэтическій „отрывокъ“, въ которомъ поэтъ связываетъ свои стремленія вдаль съ воспоминаніемъ о „гордой дѣвѣ“...

«Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ль стѣнъ недвижнаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ и т. д.
....Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?..»

Въ головѣ поэта, повидимому, окончательно сложился за это время планъ женитьбы, какъ единственно возможный выходъ

изъ того ложнаго общественнаго положенія, какое онъ занималъ въ послѣдніе годы... Съ женитьбой невольно соединялась мысль объ упроченіи своего положенія, о поворотѣ въ сторону чего-то положительнаго, опредѣленно-яснаго, какого-нибудь окончательнаго устройства судьбы своей — окончательнаго отрѣшенія отъ положенія блуждающей кометы, въ которомъ онъ себя видѣлъ... Но все это—колебанія, сомнѣнія и блужданія въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго опять и еще разъ настраиваютъ лиру Пушкина на грустный тонъ, и онъ заканчиваетъ годъ своими прелестными „Стансами" („*Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*"), гдѣ вновь возвращается къ настойчиво преслѣдующей его мысли о смерти, и говоритъ о ней уже равнодушно и спокойно, какъ о естественномъ исходѣ жизни, выражая желаніе „почивать поближе къ милому предѣлу".

«И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять»...

Стихотвореніе это было написано 26 декабря 1829 года, а въ началѣ января Пушкинъ уѣхалъ въ Москву и возобновилъ свое сватовство въ домѣ Гончаровыхъ. На этотъ разъ исходъ былъ благопріятенъ, и въ маѣ мѣсяцѣ 1830 г. Пушкинъ былъ объявленъ женихомъ Н. Н. Гончаровой; но ихъ свадьба по разнымъ обстоятельствамъ (преимущественно по неудовлетворительности матерьяльныхъ средствъ жениха и невѣсты) отложена была сначала на нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ почти на годъ. **Женитьба Пушкина.**

Вѣсть о той важной перемѣнѣ жизни, которая наступала для Пушкина, быстро разнеслась по Москвѣ. Одинъ изъ почитателей Пушкина обратился къ нему по поводу слуховъ о его женитьбѣ съ очень благодушнымъ и сочувственнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

«Олимпа дѣвы встрепенулись,
Сердца ихъ въ горести сомкнулись
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
Поэтъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты,
И дѣвѣ сердце покорилъ.
Не будетъ больше вдохновеній,
Не будетъ умственныхъ пареній,
Прошли свободные часы.»

Пушкинъ отвѣчалъ поэту прелестнымъ стихотвореніемъ: „*О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье*" и т. д., благодарилъ за сочувствіе и доброжелательство, и добавлялъ не безъ горечи:

«Къ доброжелательству досель я не привыкъ
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—

Н. Н. Гончарова—невѣста Пушкина.

Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ-ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
«Тѣмъ лучше!—говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
«И намъ ихъ передастъ!» Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно».

Еще неудачи. Горечь этихъ строкъ, обращенная поэтомъ къ большинству пу-

блики, была, конечно, большою несправедливостью, и вызывалась отчасти тѣмъ охлажденіемъ, которое въ нѣкоторой части общества проявилось по отношенію къ Пушкину послѣ того, какъ онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и ему дозволено было жить въ столицахъ. Пушкинъ понималъ и сознавалъ всю безотрадную неловкость своего неопредѣленнаго положенія, понималъ, что оно должно было возбуждать въ обществѣ несправедливые, но все же крайне невыгодные для него слухи, и все же не видѣлъ никакого выхода изъ этого положенія. Отсюда и происходило недовольство по отношенію къ публикѣ, даже пренебреженіе, которое поэтъ старался при каждомъ удобномъ случаѣ высказывать въ своихъ стихотвореніяхъ... На женитьбу онъ, видимо, смотрѣлъ какъ на такой исходъ, который тѣмъ или другимъ путемъ могъ измѣнить его положеніе къ лучшему — по крайней мѣрѣ хоть избавить его отъ надзора... Онъ даже и сдѣлалъ шагъ въ этомъ направленіи, прося Бенкендорфа доложить государю о своемъ намѣреніи жениться. При этомъ Пушкинъ весьма прозрачно намекалъ на то, что онъ хотѣлъ бы быть избавленъ отъ надзора. „Мать невѣсты—такъ пишетъ онъ—страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастье быть подъ гнѣвомъ Государя...“ Но, въ результатѣ этого почти ходатайства получилось неожиданное и весьма неумѣстное разъясненіе. Государь поручилъ Бенкендорфу увѣрить Пушкина, что онъ „находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ Его Величества; что онъ довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя, способнаго оберечь его своими совѣтами отъ неосторожностей и непріятностей, и вообще руководить имъ

Н. Н. Пушкина (урожденная Гончарова).
По акварельному портрету, хранящемуся у А. А. Пушкина, старшаго сына поэта.

только къ его пользѣ...“ Можно себѣ представить, какъ подобный отвѣтъ долженъ былъ подѣйствовать на Пушкина, и въ какой степени способствовалъ онъ его успокоенію!

Однакоже, рѣшеніе выступить на иную, новую дорогу было твердо принято Пушкинымъ, и онъ, видимо, старался настроить себя въ этомъ направленіи: такъ, онъ, въ самомъ началѣ года, отвѣчаетъ Филарету звучными стихами на его передѣлку стихотворенія.

«Даръ напрасный, даръ случайный...»

Такъ, немного спустя, онъ пишетъ стихотвореніе „Мадонна“, въ которомъ говоритъ, что онъ уже давно хотѣлъ украсить свою обитель одною картиною: изображеніемъ Пречистой съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. „И вотъ теперь“ — такъ заканчиваетъ онъ—

«Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ».

Намекъ тутъ такъ ясенъ, что не требуется и разъясненій. Тотъ же намекъ на предстоящую перемѣну жизни слышится и въ другой современной пьесѣ: „Цыгане“, которая заканчивается строфами:

«Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ:
Вы уйдете. но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.
Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.»

Такъ онъ старался себя увѣрить, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы себя настроить на этотъ ладъ, чтобы найти себѣ какой-нибудь новый путь и выйти на него.

Осень въ Болдинѣ.

Можетъ-быть это настроеніе подѣйствовало возбуждающимъ образомъ и на его творческую дѣятельность, а можетъ-быть сильному возбужденію этой дѣятельности способствовало и то строгое, выдержанное уединеніе, на которое Пушкинъ былъ осенью 1830 г. осужденъ въ Болдинѣ [1]). Но во всякомъ случаѣ порывъ вдохновенія, который охватилъ Пушкина наканунѣ его „возрожденія къ блаженству“, по силѣ и плодотворности своей, можемъ сравнить

[1]) Болдино, родовое имѣніе Пушкиныхъ, было отдано С. Л. Пушкинымъ А. С. Пушкину, когда онъ былъ объявленъ женихомъ Н. Н. Гончаровой. Пушкинъ тотчасъ уѣхалъ въ Болдино, совершенно разстроенное и разоренное имѣніе, чтобы хоть какъ-нибудь его привести въ порядокъ и извлечь изъ него выгоды. Здѣсь онъ былъ задержанъ карантинами, установленными по поводу холеры, и безвыѣздно прожилъ въ Болдинѣ до конца ноября.

только съ его двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Михайловскомъ. Вотъ что самъ онъ пишетъ объ этомъ періодѣ:

„Скажу тебѣ за тайну, — пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей: — что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (въ Москву): двѣ послѣднія главы „Онѣгина", совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами („*Домикъ въ Коломнѣ*"); нѣсколько драматическихъ сценъ: „*Скупой Рыцарь*", „*Моцартъ и Сальери*", „*Пиръ во время чумы*" и „*Донъ-Жуанъ*". Сверхъ того, я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою (весьма секретное) — пять повѣстей [1]).

Мы не остановимся здѣсь на крупныхъ произведеніяхъ, упоминаемыхъ Пушкинымъ въ этомъ замѣчательномъ письмѣ: они давно уже и съ разныхъ сторонъ оцѣнены и объяснены нашей критикой. Не станемъ здѣсь говорить о прозѣ Пушкина, предпочитая отдѣльно поговорить обо всемъ, что было Пушкинымъ написано въ прозѣ. Мы обратимъ вниманіе, главнымъ образомъ, на его лирику за этотъ 1830 годъ и въ ней укажемъ на проявленіе того, все болѣе и болѣе возрастающаго внутренняго разлада, съ которымъ онъ напрасно старался примирить свои дѣйствія и свое положеніе, напрасно пытался согласовать свои планы на будущее. Разладъ этотъ выражается, съ одной стороны, въ недовольствѣ настоящимъ, съ другой — въ невольномъ влеченіи къ прошлому: къ его идеаламъ, къ его привязанностямъ, къ его увлеченіямъ — и все это противополагается суровой необходимости отказаться отъ этого прошлаго для того, чтобы проложить себѣ новый путь въ грядущемъ, которое „сулитъ мнѣ трудъ и горе". Одна надежда остается на любовь, которая, „*быть-можетъ,* озаритъ его печальный закатъ своею прощальною улыбкою". Но эта надежда шаткая, невѣрная, тѣмъ болѣе невѣрная, что въ сердцѣ еще не закрылись язвы какой-то давней-давней любви, о которой воспоминанія проходятъ черезъ всю жизнь поэта. Этимъ воспоминаніямъ, болѣзненнымъ и сладостнымъ, посвящены въ болдинскомъ уединеніи два стихотворенія: „*Разставанье*" и тѣсно связанное съ нимъ другое — „*Для береговъ отчизны дальней*". Приводимъ здѣсь цѣликомъ первое изъ нихъ, менѣе извѣстное и полное неизъяснимой прелести образовъ, навѣянныхъ искреннею грустью:

«Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.
Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,

[1]) Поэтъ упоминаетъ здѣсь о «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Автографъ Пушкина. Подписка, выданная имъ въ удостовѣреніе того, что онъ не принадлежалъ ни къ масонскимъ ложамъ, ни къ тайнымъ обществамъ.

Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.»

Въ послѣдній разъ прощаясь съ милой тѣнью, поэтъ шлетъ ей послѣдній и скорбный стонъ своей души... Но самымъ полнымъ, самымъ яркимъ изображеніемъ внутренняго состоянія поэта является его поистинѣ безсмертное стихотвореніе: „*Безумныхъ* Исповѣдь души.

Домъ № 12, гдѣ жилъ и умеръ Пушкинъ (по Мойкѣ, близъ Конюшеннаго моста).

лѣтъ угасшее веселье" — и мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ оправдательныхъ документовъ нашего великаго поэта передъ потомствомъ, которое далеко не всегда относилось къ нему справедливо и безпристрастно:

«Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но, какъ вино печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья;

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.»

Это цѣлая исповѣдь души поэта, исповѣдь болѣзненно-выстраданная, полная искренности и страшной глубокой правды, невольно вынуждающая насъ преклониться передъ страдальцемъ-поэтомъ, который, обладая, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, высшими и лучшими качествами души, не обладалъ только однимъ необходимымъ условіемъ для счастья: силою воли и характера, достаточными для того, чтобы завоевать себѣ независимое положеніе въ обществѣ.

Поэтъ и публика.

Если самъ Пушкинъ не былъ доволенъ собою и никакъ не могъ установить въ себѣ внутреннее равновѣсіе, то онъ, конечно, долженъ былъ быть еще менѣе доволенъ своими отношеніями къ друзьямъ, и этихъ друзей къ себѣ. Онъ недоволенъ былъ критикой, недоволенъ и публикой, и всѣхъ, не принадлежавшихъ къ тѣсному кружку его друзей, онъ начиналъ относить подъ одно общее и крайне неопредѣленное наименованіе толпы, даже черни. Выдѣляя, такимъ образомъ, себя и свой небольшой кружокъ изъ всего остальнаго русскаго общества, Пушкинъ мало-по-малу сталъ приходить къ очень странному воззрѣнію на поэта, какъ на царя („*Поэтъ, не дорожи любовію народной*“), не подлежащаго никакому суду, т. е. отрицалъ всякую критику и ея права на оцѣнку достоинства его произведеній.

«*Ты—царь: живи одинъ.* Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуй плодъ твоихъ любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. *Ты самъ—свой высшій судъ,*
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ...» и т. д.

Ставя поэта въ такое исключительное положеніе, Пушкинъ, въ опредѣленіи его значенія, иногда доходилъ до чрезмѣрныхъ крайностей и не могъ ни въ комъ найти себѣ сочувственный отзывъ. Въ новомъ стихотвореніи „Герой“ онъ вложилъ въ уста поэту даже и такую рѣчь:

«*Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,*
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.»

Не удивительно, если подобный гиперболизмъ, допускаемый

Пушкинымъ, не нравился ни публикѣ, ни критикѣ и возбуждалъ только весьма естественныя обвиненія въ *аристократизмѣ*, взводимыя на Пушкина не безъ основанія. Пушкинъ отвѣчалъ на это обвиненіе очень ѣдкимъ и желчнымъ стихотвореніемъ „Моя родословная", которое лишь еще болѣе возбудило и подтвердило прежніе толки своимъ высокомѣрнымъ тономъ. Но желчныя выходки ничему не помогали, и не умиротворяли самого поэта. Онъ не могъ отрѣшиться отъ своего недовольства самимъ собою, не могъ разстаться съ воспоминаніями о далекомъ прошломъ, о друзьяхъ своей юности, старался даже увѣрить себя въ томъ, что онъ еще не порвалъ своей нравственной связи съ ними, что онъ еще все тотъ же, что и былъ... Подъ такимъ именно впечатлѣніемъ и создано было имъ прелестное стихотвореніе „*Аріонъ*" („Насъ было много на челнѣ"), въ которомъ поэтъ говоритъ о себѣ, какъ о единственномъ пловцѣ, уцѣлѣвшемъ отъ крушенія.

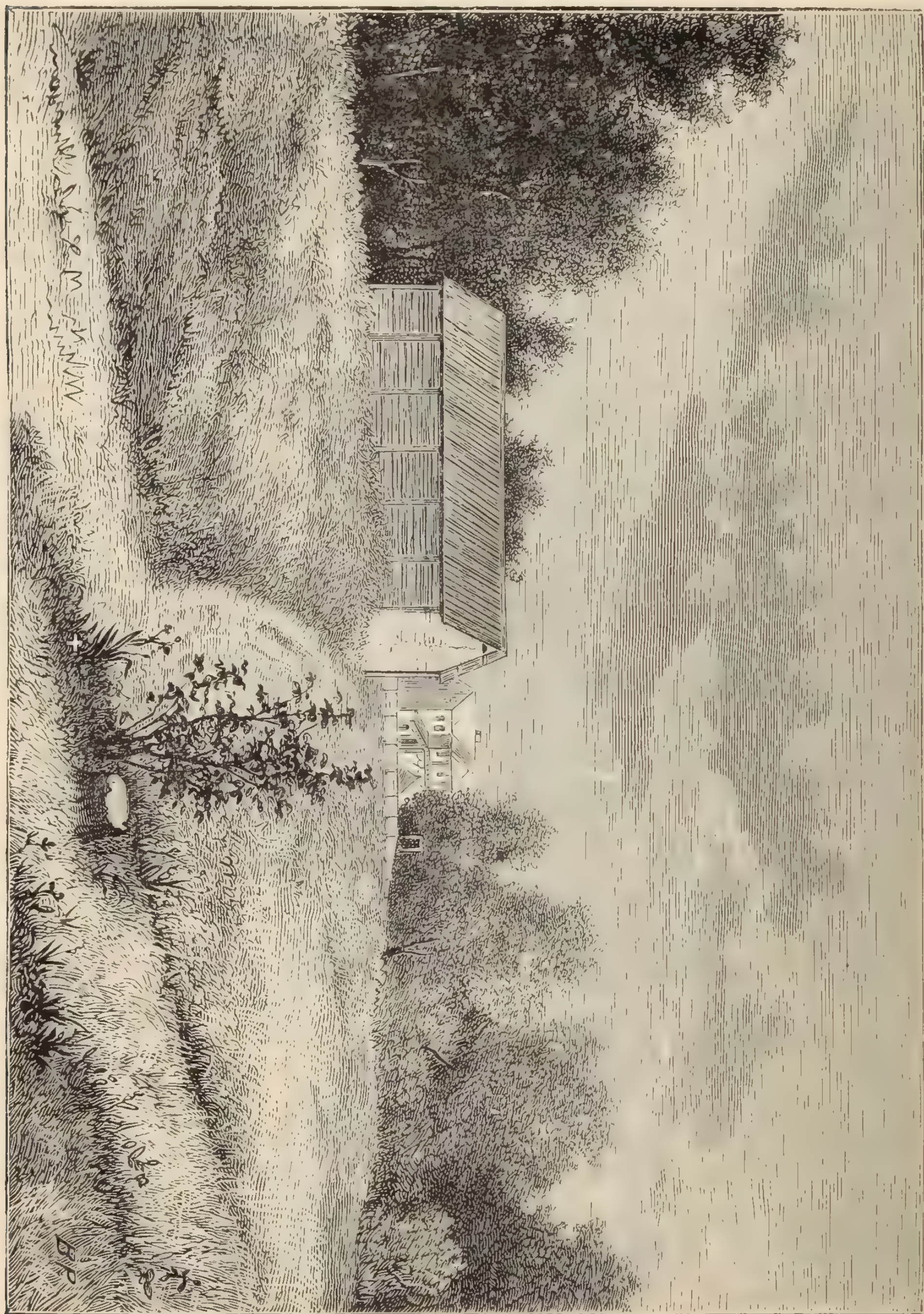
«Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою...»

Но это самообольщеніе не всегда было возможно, и потому поэту чаще приходилось возмущаться, нежели утѣшать себя иллюзіями... несбыточными надеждами. Тогда онъ вооружался своимъ язвительнымъ и страшнымъ стихомъ и обрушался на своихъ враговъ съ такими гнѣвными укорами, которые слишкомъ явно обнаруживаютъ передъ нами тяжкій сумракъ его наболѣвшей души. Онъ взываетъ къ „Музѣ пламенной сатиры", онъ молитъ ее „вручить ему Ювеналовъ бичъ", онъ готовитъ своимъ противникамъ „язву эпиграммъ", восклицая:

«Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда;
А если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.»

Но эти громы ничему не помогали, никого не страшили—да и самому поэту не приносили удовлетворенія. Онъ видѣлъ, и не могъ не видѣть, что его свѣтлый и прекрасный образъ поэта-любимца, поэта-избранника, тускнѣетъ; не могъ не чувствовать

охлажденія къ нему, которое болѣе и болѣе явно начинало проглядывать въ публикѣ—и все же упорствовалъ, и не хотѣлъ сойти съ того пути, который, рано или поздно, долженъ былъ

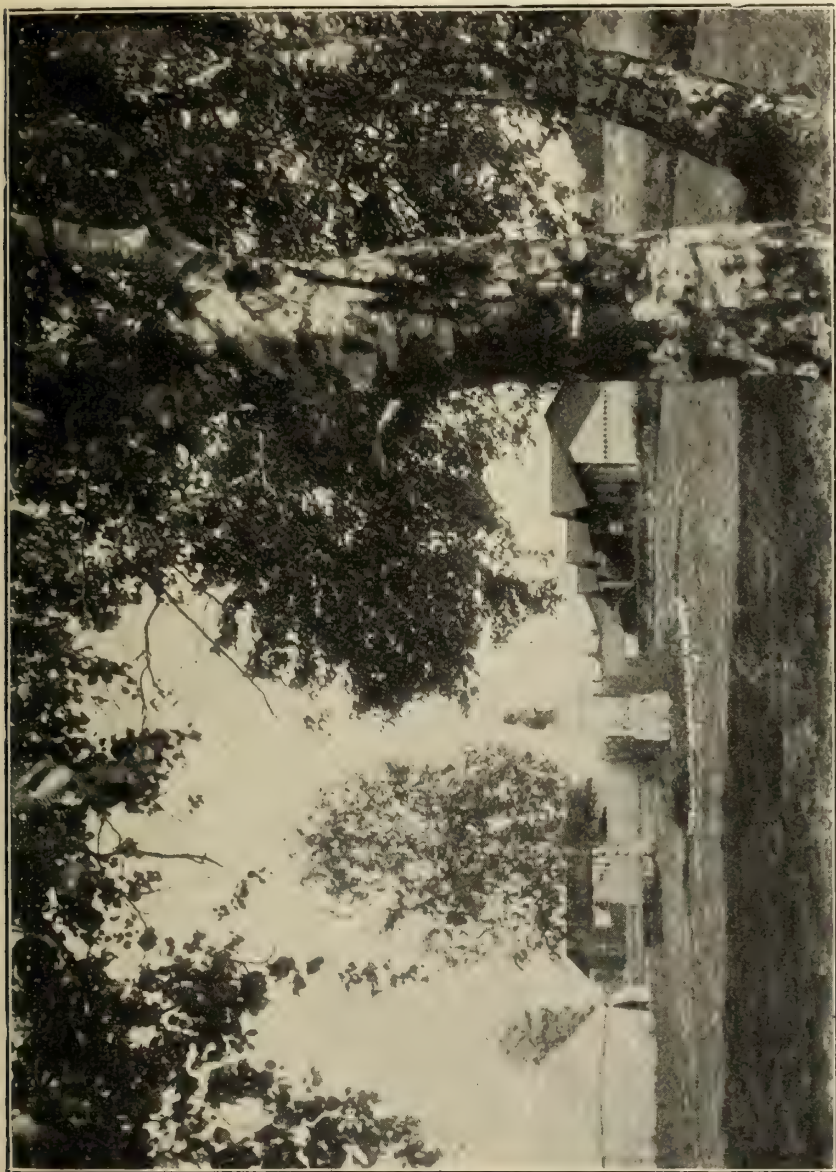

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1880 г. Съ натуры рис. Рейнгардтъ.

привести его къ окончательному разладу съ самимъ собою и къ трагическому концу...

Но къ тому же самому періоду, который такъ переполненъ

желчными выходками поэта противъ его дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ, относятся и превосходнѣйшіе плоды его поэтическаго творчества. Въ числѣ ихъ отмѣтимъ, конечно, *„Бѣсы“*—эту удивительную, причудливую и игривую фантазію на тэму русской вьюги, и укажемъ въ особенности на пьесу *„Осень“* („Октябрь

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1899 г. По фотографіи съ натуры.

ужъ наступилъ“), гдѣ Пушкинъ, съ неподражаемымъ изяществомъ и вкусомъ, набрасываетъ намъ картины разныхъ временъ года и въ особенности картину русской осени, которую онъ такъ любилъ и вполнѣ справедливо почиталъ лучшимъ временемъ для своего вдохновенія. Онъ даже вполнѣ осязательно и съ нѣкоторой подробнсстью намѣчаетъ намъ тотъ путь, на которомъ

возникаютъ въ душѣ его поэтическія побужденія и облекаются въ живые образы подъ вліяніемъ и впечатлѣніемъ осенняго уединенія. Проведя все утро въ движеніи, среди бодрящаго холода, онъ подъ вечеръ охотно садился къ камельку, въ которомъ:

«Огонь опять горитъ - то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ,—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!.. Матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.»

Рядомъ съ этимъ превосходнымъ стихотвореніемъ, нельзя не отмѣтить другой замѣчательной пьесы — „*Капризъ*“, которая является у Пушкина единственною въ своемъ родѣ, по жесткой реальности и такому сближенію съ дѣйствительностью, какія онъ не любилъ допускать въ свое творчество, всегда стоявшее на извѣстной высотѣ. Въ этой пьесѣ вѣетъ духомъ Некрасова, и если бы его имя было выставлено подъ этою пьесою, вмѣсто имени Пушкина, то такая замѣна едва ли могла-бы кого-нибудь удивить.

Окончаніе Е. Онѣгина.

Но этотъ родъ не могъ нравиться Пушкину: онъ не удовлетворялъ потребностямъ его тонко-развитаго изящнаго вкуса... Изъ вышеприведеннаго письма Пушкина мы уже знаемъ, что къ 1830 году, именно къ осени этого года, былъ законченъ его давній, его любимый и многолѣтній трудъ—„Евгеній Онѣгинъ“,— обратившійся какъ-бы въ неизмѣннаго товарища и спутника его вдохновенія въ теченіе многихъ лѣтъ его жизни. Такъ называетъ его и самъ Пушкинъ въ одной изъ заключительныхъ строфъ „Евгенія Онѣгина“. Эти послѣднія двѣ пѣсни, прекрасно заканчивающія одно изъ главныхъ и капитальнѣйшихъ произведеній Пушкина, ничуть не уступаютъ въ достоинствѣ всѣмъ остальнымъ, но въ нихъ звучитъ какое-то грустное разочарованіе, слышится какой-то прощальный привѣтъ Музѣ, вдохновлявшей

его въ дни молодости — прощаніе съ молодостью. Въ началѣ VIII главы поэтъ даже приводитъ намъ на память всѣ свои долголѣтнія скитанія съ Музой, начиная съ той ранней поры юности, „когда въ садахъ Лицея онъ безмятежно расцвѣталъ“, и до той поры, когда онъ началъ съ грустью думать:

«... что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,

Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

Пригласительный билетъ на похороны Пушкина.

Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Одинъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.—
Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже «Демономъ» моимъ...»

Что въ этихъ строфахъ звучатъ живыя струны тяжкаго вну-

тренняго настроенія самого поэта—это едва ли возможно отрицать. Не менѣе живымъ отголоскомъ его личной жизни является и прощаніе его съ любимымъ героемъ и, въ особенности, заключительная строфа его романа:

«Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рокъ отъялъ!

Пушкинъ въ гробу. По рисунку Бореля, гравировалъ Іерике.

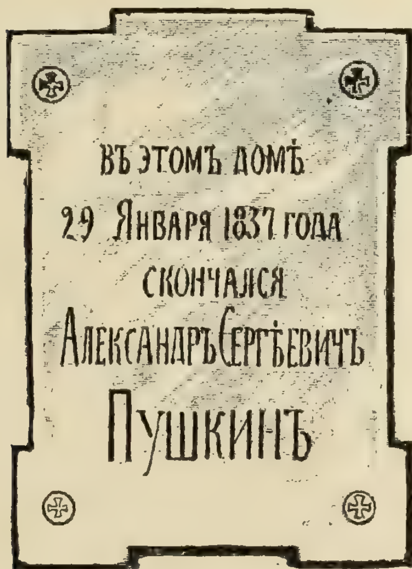
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала, полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ».

Тяжкій разладъ. Но къ этимъ „блаженнымъ“ —увы!—онъ никакъ не могъ причислить самого себя, потому что ни въ чемъ не находилъ себѣ успокоенія и никакъ не могъ разстаться съ „праздникомъ жизни“, который его и отталкивалъ, и привлекалъ; не могъ примириться и съ толпою, которую такъ громилъ и презиралъ въ стихахъ и которой потворствовалъ, у которой заискивалъ на дѣлѣ и въ

дѣйствительности [1]). Онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ идеаловъ своей молодости, не могъ забыть о своихъ связяхъ съ опредѣленнымъ кружкомъ людей, съ которыми онъ, несомнѣнно, „раздѣлялъ и общія мнѣнія, и страсти", и въ то же время не чувствовалъ въ себѣ силъ избрать новый путь, стать въ положеніе независимое и самостоятельное, и тѣмъ самымъ вернуть къ себѣ то сочувствіе всего общества и ту завидную, не меркнувшую славу, которая такъ окрыляла его въ дни опалы...

Но прошлое не возвращалось, не воскресало вновь... Настоястоящее было уныло... „Грядущее"—по собственнымъ словамъ поэта—„сулило трудъ и горе"... И самое исканіе новыхъ связей, новой опоры въ людяхъ, оканчивалось лишь тяжкими разочарованіями, подъ впечатлѣніемъ которыхъ и написаны поэтомъ приводимыя здѣсь скорбныя строки:

«Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной,—
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ...»

Памятная доска, поставленная на домѣ № 12, по Мойкѣ.

[1]) Мы повторяемъ здѣсь слова одного изъ наиболѣе серьезныхъ и наиболѣе безпристрастныхъ біографовъ Пушкина — Анненкова. Онъ высказывается въ этомъ смыслѣ по поводу «Скупого Рыцаря» Пушкина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Начало 1831 года. — Тяжелая утрата. — Приготовленіе къ женитьбѣ и женитьба поэта.—Житье въ Царскомъ Селѣ и совмѣстная поэтическая дѣятельность Пушкина и Жуковскаго.—Ослабленіе творческой дѣятельности Пушкина въ послѣдніе годы жизни. — Поворотъ къ прозѣ и къ изученію историческихъ матерьяловъ. — Журнальная дѣятельность Пушкина.—Послѣдніе дни его жизни.

Приготовленія къ новой жизни и переходъ къ „блаженству“ совершались очень медленно и сопряжены были съ такими непріятностями, недоразумѣніями и столкновеніями Пушкина съ роднею его невѣсты, что все это сильно его расхолаживало и заставляло его крѣпко задумываться относительно будущаго. Довольно грустными размышленіями на эту тэму полны всѣ письма Пушкина къ друзьямъ за это время; такъ, въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ: „мнѣ за тридцать лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ, обыкновенно, люди женятся. Я поступаю какъ люди и, вѣроятно, не буду въ этомъ раскаиваться. Къ тому же женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность моя является не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью“.

„Участь моя рѣшена — пишетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ, — женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ... Я удваиваю жизнь и спѣшу думать: „мы“. Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастіи: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?“ [1]).

Эти же размышленія и соображенія, очень мало сулившія счастья въ будущемъ для молодого супружества, находили себѣ подобные же отголоски и въ лирикѣ Пушкина, въ которой онъ не прикрашиваетъ себѣ наступающій періодъ жизни, и прямо говоритъ, что

«Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море»,

и только условно высказываетъ, и то въ видѣ весьма туманнаго упованія,—

«И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной».

Кончина Дельвига. Среди хлопотъ о свадьбѣ, Пушкина застала вѣсть о кончинѣ Дельвига, умершаго въ Петербургѣ, въ январѣ 1831 года.

[1]) Въ другомъ письмѣ къ пріятелю онъ пишетъ: «счастья мнѣ не было (счастье достижимо только для тѣхъ, кто идетъ обыденнымъ путемъ)».

„Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось; — пишетъ Пушкинъ Плещееву, — грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ: я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій: но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду: около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли“...

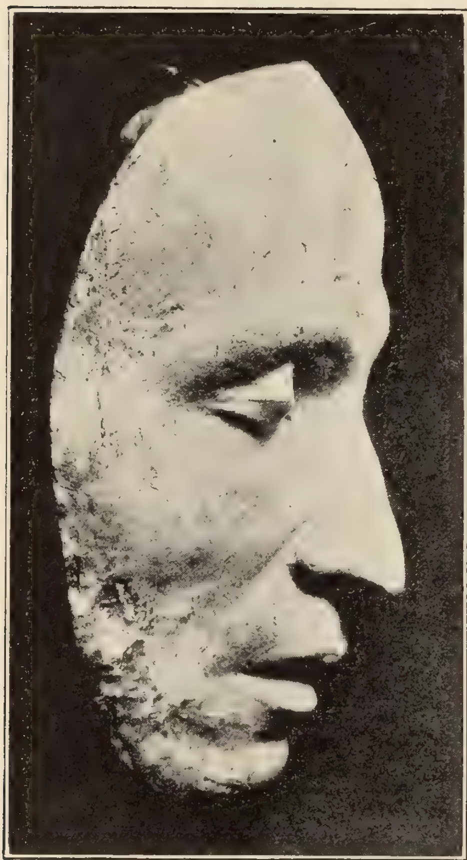
Свадьба Пушкина.

Наконецъ, 18 февраля 1831 г. Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Натальей Николаевной Гончаровой, провелъ первые медовые мѣсяцы въ Москвѣ и затѣмъ перебрался на дачу въ Царское Село, обычную резиденцію Двора (въ то время) и того литературнаго кружка пріятелей, который собирался тамъ и въ Павловскѣ, около вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны. Въ этомъ кружкѣ живѣйшее участіе принимали и видную роль играли: Жуковскій, князь Вяземскій, графъ Віельгорскій, А. И. Тургеневъ—все люди близкіе къ Пушкину и вполнѣ готовые ему содѣйствовать во всѣхъ его новыхъ начинаніяхъ. Повидимому, это важное условіе имѣлось въ виду у Пушкина, который и самую дачу въ Царскомъ Селѣ нанялъ не безъ цѣли. Ему, видимо, хотѣлось быть поближе ко Двору, потому что на этомъ приближеніи къ придворнымъ сферамъ онъ основывалъ свои виды на ближайшее будущее. Онъ стремился быть „на виду“ у государя, и ждалъ отъ него милостей, которыя должны были бы устроить и прочно установить его на новомъ пути. По совѣту друзей Пушкинъ сначала рѣшается хлопотать о поступленіи на службу и о повышеніи себя въ чинахъ (по выслугѣ), а затѣмъ проситъ о дозволеніи ему заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ, обѣщая при этомъ исполнить свое давнишнее желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Петра III. Въ прошеніи этомъ вскользь и между прочимъ упомянуто довольно прозрачно и о томъ, что Пушкинъ добивался этихъ занятій, соотвѣтствующихъ его склонностямъ, „не смѣя и не желая взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина“.

Этотъ слишкомъ ясный намекъ былъ оставленъ безъ вниманія, но оба другія ходатайства Пушкина удовлетворены немедленно: ему открытъ былъ доступъ въ архивы, и онъ опредѣленъ на службу въ Иностранную Коллегію, причемъ, по особой Высочайшей милости, ему назначено 5000 р. ассигнаціями жалованья.

Но когда Пушкинъ, ободренный этими первыми успѣхами на новомъ поприщѣ, задумалъ хлопотать объ изданіи политической газеты, то на его прошеніе по этому предмету не послѣдовало никакого отвѣта, хотя онъ и постарался мотивировать свое намѣреніе болѣе, чѣмъ благонамѣреннымъ образомъ. „Съ радостію

взялся бы за редакцію политическаго и литературнаго журнала", пишетъ Пушкинъ въ своемъ прошеніи, и при этомъ обѣщаетъ около своей газеты собрать: „соединить и приблизить къ правительству писателей съ дарованіями, людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію..." Само собою разумѣется, что подобная мотивировка въ ту пору не могла понравиться и не понравилась, потому что въ то время никто и не думалъ еще о возможности появленія политической газеты въ Россіи, и потому не признавалось нужнымъ группировать около администраціи писателей съ дарованіями и людей полезныхъ. Существованіе либерализма не признавалось возможнымъ въ Россіи, а потому и всякія мѣропріятія консерватизма почитались излишними.

Маска, снятая съ Пушкина. (Въ профиль).

Житейская путаница.

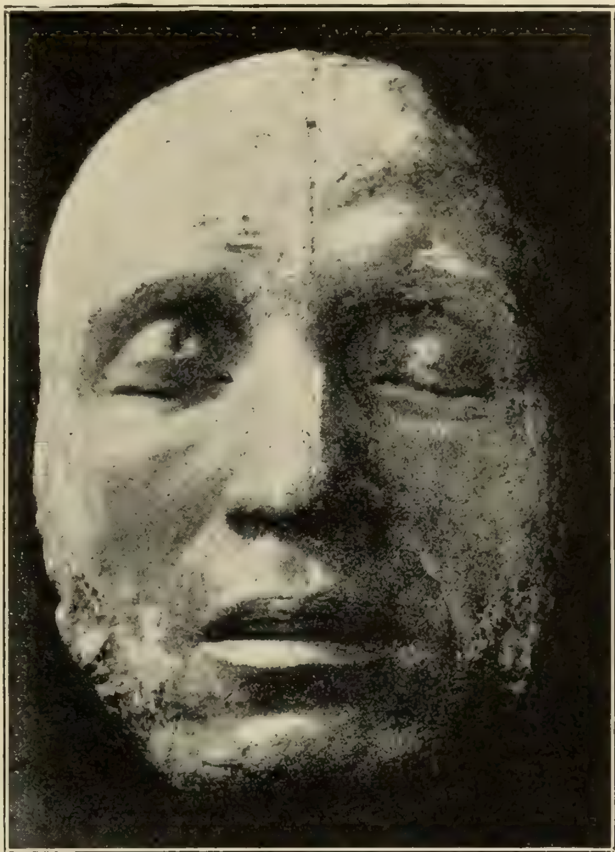
Есть основаніе думать, что Пушкинъ вполнѣ искренно поддался обаянію того кружка, въ который вступилъ, и что онъ отождествилъ въ своемъ сознаніи консерватизмъ съ патріотизмомъ, какъ это часто бывало въ началѣ 30-хъ годовъ, когда всякое слово, всякая идея, неподходившая подъ опредѣленный, допускаемый общественными приличіями шаблонъ, признавались уже свободомысліемъ, свободоязычіемъ... Вскорѣ вылились изъ-подъ пера его и весьма громкія прославленія русской военной мощи, въ видѣ двухъ его стихотвореній: „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина", которыя были имъ напечатаны вмѣстѣ съ „Русской славой" Жуковскаго, подъ однимъ общимъ заглавіемъ, и изданы въ свѣтъ на казенный счетъ отдѣльною брошюрою [1]).

Пушкинъ и Лелевель.

Оба стихотворенія представляли собой произведенія блестящія, красивыя и настроенныя на торжественный ладъ; но едва ли возможно сказать утвердительно, что ихъ патріотическое настрое-

[1]) На взятіе Варшавы—три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина.

ніе было вполнѣ искреннимъ, какъ это пытались доказать многіе поклонники Пушкина. Не слѣдуетъ забывать, что самое появленіе этихъ произведеній въ свѣтъ было вызвано почти необходимостью оправдаться отъ нежданныхъ навѣтовъ, вліяніе которыхъ могло быть очень опаснымъ поэту въ то время. Извѣстно, что одинъ изъ вожаковъ возстанія, Лелевель, произнесъ въ возмутившейся Варшавѣ рѣчь, въ которой указалъ на то, что ихъ усилія на пользу возстановленія польской независимости должны встрѣтить себѣ сочувствіе и въ Россіи, ссылаясь, между прочимъ, и на Пушкина, какъ на „пѣвца свободы“ по преимуществу и какъ на человѣка, расположеннаго къ полякамъ, сочувствующаго ихъ движенію. Отвѣтомъ на эту рѣчь и были вышеупомянутыя два стихотворенія Пушкина, которыя очень понравились государю своимъ воинственнымъ настроеніемъ и преувеличенными восхваленіями русской мощи, тогда еще дѣйствительно обольщавшей Европу издали и не возбуждавшей ни въ комъ никакихъ сомнѣній. Но плохо вязался общій характеръ этихъ двухъ казовыхъ произведеній Пушкина съ общимъ характеромъ лирики поэта, который постоянно, въ теченіе всей жизни, въ стихахъ и въ прозѣ, твердилъ: „свобода — мой кумиръ“.

Маска, снятая съ Пушкина.

Пушкинъ и Жуковскій.

Въ то же лѣто, Пушкинъ, постоянно видаясь съ Жуковскимъ, съ которымъ дружба его за это время еще болѣе окрѣпла, вступилъ съ нимъ даже въ нѣкотораго рода поэтическое состязаніе: оба поэта одновременно принялись за обработку русскихъ сказочныхъ сюжетовъ, въ которыхъ Пушкинъ еще разъ выказалъ большое совершенство въ выборѣ внѣшней формы и въ чрезвы-

чайной простотѣ изложенія фабулы [1]). Но зато лирика Пушкина—эта непрерывная хроника его сердечной и душевной жизни—оказалась очень бѣдною въ 1831 году. Кромѣ упомянутыхъ нами произведеній, въ записи лирики этого года видимъ только еще одну лицейскую годовщину (19 октября 1831 г.): „*Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей*", и еще одно: „*Эхо*", въ которомъ поэтъ уподобляется отголоску всѣхъ звуковъ, всѣхъ движеній происходящей кругомъ его жизни. Но въ обоихъ этихъ стихотвореніяхъ слышится грустная нота: сравнивая поэта съ отзывчивымъ эхомъ, которое на все откликается съ одинаковой готовностью, онъ добавляетъ:

«Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!..»

Мрачныя мысли.

Въ другомъ, вспоминая утраты, понесенныя товарищескимъ кружкомъ за истекшій годъ, Пушкинъ говоритъ:

«И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній...»

Эта мысль о смерти приходитъ на память поэту въ то время, когда онъ, повидимому, былъ вполнѣ счастливъ: переживалъ медовые мѣсяцы, осыпанъ милостями государя—о, эта мысль о смерти очень характерна въ своемъ родѣ и заслуживаетъ полнаго вниманія біографа!

Съ осени того же года Пушкинъ, поселившись окончательно въ Петербургѣ, долженъ былъ ввести свою жену въ заколдованный кругъ большого свѣта и подчиниться всѣмъ условіямъ и требованіямъ свѣтской жизни. Вмѣстѣ съ этимъ начались для него и нескончаемыя непріятности и хлопоты, неизбѣжно сопряженныя съ тѣмъ постояннымъ, хроническимъ недочетомъ въ денежныхъ средствахъ, который вызывался слишкомъ значительнымъ преобладаніемъ расходовъ надъ доходами, слишкомъ большою и непосильною роскошью обязательныхъ выѣздовъ въ свѣтъ съ молодою женою-красавицею.

Исканіе дѣла.

Рядомъ съ заботами о пополненіи своихъ матеріальныхъ средствъ, Пушкина около этого времени одолѣвали еще и другія заботы: онъ ревностно искалъ себѣ дѣла по сердцу и по способ-

[1]) Жуковскій сочинялъ тогда свои сказки: «О царѣ Берендеѣ» и «О спящей Царевнѣ», не имѣвшія успѣха; а Пушкинъ изложилъ одну изъ сказокъ своей няни: «Сказку о царѣ Салтанѣ», которою всѣхъ привелъ въ восторгъ.

постямъ, и не находилъ его потому, что архивныя изысканія были ему, конечно, не по плечу; онъ приступалъ къ нимъ, какъ дилетантъ, не имѣя никакой научной подготовки, и мертвыя хартіи архивовъ не вскрывали передъ нимъ своихъ тайнъ, какъ передъ ученымъ изслѣдователемъ. Пушкинъ, видимо, бросался изъ стороны въ сторону, хватаясь то за то, то за другое, пытался создать что-то такое, для него самого весьма неопредѣленное и невыясненное, что-то для всѣхъ *полезное* и серьезное—и ничего не могъ сдѣлать въ этомъ направленіи. Всѣ архивы были ему открыты, его не стѣсняли въ выборѣ матеріаловъ... А дѣло не клеилось, и онъ все искалъ и искалъ какого-нибудь выхода, все искалъ того, что могло бы его задѣть за живое и заставить работать,—и не находилъ. Мысль объ исторіи Петра Великаго онъ оставилъ, понявъ, что такая задача была бы ему не по силамъ, и все искалъ задачи менѣе крупной, которой бы могъ предаться съ интересомъ. Въ этихъ поискахъ онъ обращался всюду, даже въ Вольтеровскую библіотеку, хранившуюся въ Эрмитажѣ, на разборъ которой онъ получилъ особое разрѣшеніе (въ февралѣ 1832 г.). Наконецъ—и то уже совершенно случайно—онъ напалъ на такую тэму, которая привлекла его вниманіе своею пестротой и дикою своеобразностью: онъ занялся попавшимися ему подъ руку бумагами о Пугачевскомъ бунтѣ, сталъ собирать по этому вопросу все, что могъ (подлинное дѣло о Пугачевѣ осталось ему недоступнымъ и было распечатано лѣтъ 30 спустя, послѣ смерти Пушкина), и мало-по-малу создалъ то изслѣдованіе, которое впослѣдствіи издалъ подъ заглавіемъ: „Исторія Пугачевскаго бунта". Впрочемъ, гораздо важнѣе этой исторіи было, конечно, то, что онъ, при занятіяхъ ею, попутно наткнулся на другую тэму,—на фабулу своей повѣсти: „Капитанская дочка".

Но въ то время, когда Пушкинъ старался по возможности погрузиться въ изученіе и разборъ архивнаго матерьяла, старался изломать свою художественную натуру, и втиснуть ее въ узкія рамки дѣятельности кабинетнаго ученаго или сухого собирателя фактовъ, извлекаемыхъ изъ архивнаго матерьяла, его Муза, покинутая имъ, оказывалась безплодною и безмолвною... Въ 1832 году его лирика ограничилась едва ли десяткомъ стихотвореній весьма относительнаго достоинства, бѣдныхъ и по формѣ, и по содержанію. Это—„Родригъ", нѣсколько альбомныхъ набросковъ, нѣсколько мелочей въ видѣ „подражанія древнимъ" — и начало какой-то стихотворной повѣсти въ 3—4 десятка стиховъ. И только. Муза молчитъ.

Почти настолько же безплоднымъ въ отношеніи поэтическаго творчества было и начало 1833 года, также посвященное архивнымъ работамъ надъ матерьялами по исторіи Пугачевскаго бунта,

которая все болѣе и болѣе запутывала всякія узы около Пушкина, все болѣе и болѣе отягощала его долгами и тяжкою обузою свѣтскихъ связей, обязательныхъ отношеній и обязательной, дорого-стоившей свѣтской фальши. Пушкинъ, видимо, старался, насколько хватало силъ, преодолѣть свою натуру — изъ свободнаго, разбрасывающагося во всѣ стороны, отзывчиваго на всѣ вопросы жизни поэта, онъ настолько выработалъ положительнаго семьянина, добросовѣстнаго работника, общественнаго дѣятеля, способнаго посвятить себя даже и такимъ обязанностямъ, въ полезность которыхъ едва ли онъ могъ вѣрить. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что послѣ избранія своего въ члены Россійской Академіи (въ іюнѣ 1832 г.), Пушкинъ весьма исправно посѣщалъ субботнія засѣданія этого почтеннаго учрежденія, хотя, конечно, не могъ извлечь для себя особой существенной пользы изъ такого исправнаго исполненія обязанностей академика.

Тяжкій гнетъ.

Въ какой степени Пушкину удалось измѣнить свои воззрѣнія на житейскія отношенія и на самое свое назначеніе — видно изъ того прошенія, которое онъ подалъ по начальству [1]), собираясь совершить поѣздку на Востокъ Россіи, въ Казанскую губернію и Оренбургскій край, какъ главное мѣсто дѣйствія Пугачевщины, тогда еще полное преданій о страшномъ времени этого мятежа. Въ прошеніи этомъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ — такъ пишетъ Пушкинъ въ своемъ прошеніи, — занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. *Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія*, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, *имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную*. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствій происходятъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить сіи губерніи“.

Больно становится за нашего великаго поэта, когда читаешь этотъ документъ, по духу напоминающій Кантемира и Ломоносова, а по тому приниженному тону, по тому „рабьему“ языку, которымъ прошеніе написано—подходящій подъ общій уровень произведеній современной канцелярщины.

Прошеніе было принято. Поѣздка поэту разрѣшена и, вѣ-

---

[1]) Т. е. черезъ Бенкендофа государю, безъ разрѣшенія котораго Пушкинъ не дерзалъ ничего предпринять.

роятно, выданы Пушкину надлежащія средства на совершеніе ея. И только тогда, когда ему удалось, хотя на время, покинуть душный Петербургъ и стѣснительную обстановку свѣтской жизни,

Рисунокъ Э. Жукозской съ маски Пушкина.

Пушкинъ вновь почувствовалъ себя способнымъ и готовымъ къ творческой дѣятельности.

Мы не станемъ слѣдить за Пушкинымъ въ его очень быстромъ объѣздѣ мѣстностей, нѣкогда захваченныхъ Пугачевщиной, не станемъ упоминать о любопытныхъ эпизодахъ и встрѣ-

чахъ [1]) его во время этой поѣздки, такъ какъ подробныя біографическія данныя не входятъ въ кругъ нашей задачи [2]).

Приливъ вдохновенія.

Гораздо важнѣе для насъ—отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что Пушкинъ всѣми силами спѣшилъ окончить поскорѣе свою поѣздку (представлявшую для него важный, литературный и научный интересъ), и спѣшилъ потому, что чувствовалъ уже закипавшій въ душѣ его жаръ поэтическаго вдохновенія и опасался утратить благопріятныя для вдохновенія минуты уединеннаго отдыха въ Болдинѣ, которое намѣчено было въ концѣ его поѣздки, какъ важнѣйшій пунктъ его на обратномъ маршрутѣ. Онъ видимо радовался этому, давно уже не навѣщавшему его, вдохновенію, какъ дорогому гостю, и писалъ съ дороги въ Петербургъ:

„Риѳмы и стихи не даютъ мнѣ покоя въ кибиткѣ. Что же будетъ, когда очутюсь дома и въ постели?“

И дѣйствительно, тотчасъ по пріѣздѣ въ Болдино, Пушкинъ съ наслажденіемъ предался своей поэтической дѣятельности и въ теченіе одного октября мѣсяца онъ заканчиваетъ свой историческій романъ „*Капитанская дочка*“, пишетъ „*Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ*“, создаетъ своего „*Мѣднаго всадника*“ и „*Родословную моего героя*“ — представляющую также обломокъ той же поэмы. Сверхъ того онъ приводитъ въ порядокъ свою „*Исторію Пугачевскаго бунта*“—и съ этими готовыми сокровищами возвращается въ Петербургъ, освѣженный и отдохнувшій отъ тягостей столичной жизни.

Однакоже эта жизнь такъ быстро захватываетъ его въ свои когти, такъ быстро истощаетъ и запасы созданныхъ имъ матеріальныхъ средствъ, и запасы энергіи, что уже къ концу года его лирика опять даетъ намъ живое свидѣтельство его тревожнаго состоянія духа въ лирической пьесѣ: „*Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума*“ [3])...

---

[1]) Напримѣръ, его встрѣчу (въ Оренбургскомъ краѣ) съ 75-лѣтнею казачкой, у которой воспоминанія о Пугачевщинѣ были еще совершенно свѣжи въ памяти.

[2]) Какъ во время этой поѣздки, такъ и во время остальныхъ, довольно частыхъ отлучекъ своихъ въ Москву и деревню, поэтъ велъ частую и обстоятельную переписку съ женою, долго хранившуюся у одной изъ дочерей Пушкина и напечатанную впослѣдствіи, при посредствѣ И. С. Тургенева, въ «Вѣстникѣ Европы». Эта переписка прекрасно дополняетъ намъ его переписку съ друзьями, и съ такихъ именно сторонъ, о которыхъ въ письмахъ къ друзьямъ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминанія; они важны, какъ памятникъ его отношеній къ женѣ и семьѣ, и изъ нихъ Пушкинъ рисуется передъ нами прекраснымъ мужемъ и семьяниномъ, и горячо-любящимъ человѣкомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это памятникъ драгоцѣнный и въ другомъ смыслѣ: онъ выясняетъ намъ положеніе семьи Пушкина въ свѣтскомъ обществѣ и, въ значительной степени, даетъ уразумѣть тѣ тайные поводы и пружины, которые руководили поэтомъ въ настойчивомъ стремленіи—во что бы то ни стало покончить расчеты съ жизнью.

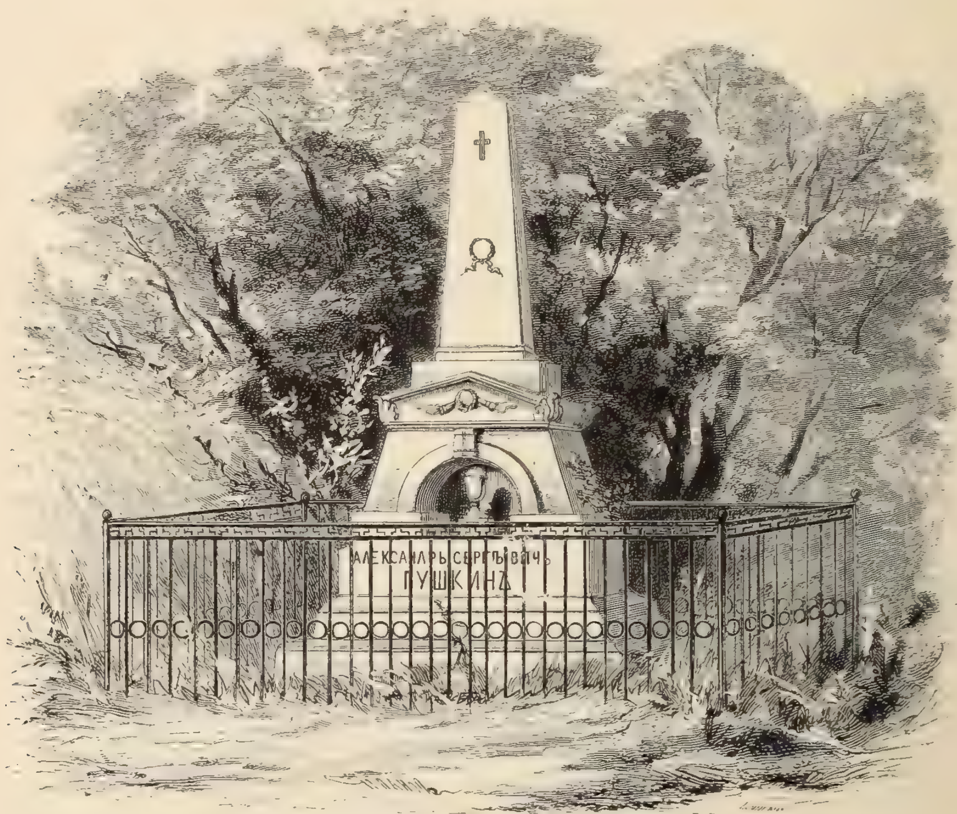
[3]) Лирика этого (1833) года вообще не богата произведеніями: намъ извѣстны только переводы изъ Мицкевича, «*Гусаръ*», «*Странникъ*» (изъ Буньяка) и только что помянутая нами пьеса. Еще болѣе бѣдна содержаніемъ лирика 1834 года.

1833 годъ закончился для поэта Высочайшею милостью: — он былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Императорскаго Величества, и эта милость окончательно спутала всѣ его расчеты и отношенія. Съ одной стороны Пушкинъ былъ уже слишкомъ зрѣлъ для этой придворной должности, въ которой сверстниками его были большей частью очень молодые люди; съ другой стороны, камеръ-юнкерство обязывало его пріѣздомъ ко Двору по праздникамъ и высокоторжественнымъ днямъ и вводило его въ цѣлый рядъ непроизводительныхъ расходовъ въ то время, когда его матерьяльное положеніе было крайне затруднительно. Въ довершеніе всего, эта Высочайшая милость болѣе, чѣмъ что-либо иное, подала поводъ въ обществѣ къ слухамъ и сплетнямъ, неблагопріятнымъ для Пушкина, какъ мужа и семьянина. Царскія милости.

Начало слѣдующаго 1834 года ознаменовалось для Пушкина другою чрезвычайною царскою милостію: зная матерьяльное положеніе Пушкина, государь выдаетъ ему, въ видѣ временной ссуды, 20.000 рублей на напечатаніе его „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Обѣ эти милости, послѣдовавшія одна за другой въ самомъ непродолжительномъ времени, выказываютъ намъ весьма ясно то расположеніе, которое императоръ Николай I постоянно питалъ къ Пушкину, съ той минуты, когда онъ принялъ его подъ свое покровительство. Но это расположеніе очень часто выражалось въ такихъ формахъ, которыя для Пушкина были хуже всякой немилости. Всего тяжелѣе была для него та опека, которую государь, видимо, считалъ своею нравственною обязанностью по отношенію къ поэту, способному впадать въ разнаго рода увлеченія и заблужденія.

Опека эта, съ одной стороны, выражалась въ постоянномъ подчиненіи всѣхъ дѣйствій Пушкина мелочному и придирчивому надзору Бенкендорфа, который докучалъ поэту, какъ назойливая муха, и нерѣдко доводилъ его до бѣшенства своимъ формализмомъ; съ другой стороны, несносная опека выражалась и въ томъ, что государь старался воздерживать Пушкина отъ всякихъ литературныхъ предпріятій, къ которымъ Пушкинъ былъ особенно расположенъ въ послѣдніе годы жизни. Вслѣдствіе всего этого, отношенія Пушкина къ государю и государя къ Пушкину все болѣе и болѣе пріобрѣтали какой-то двойственный характеръ. Государь заботился о благѣ своего подданнаго, какъ онъ самъ разумѣлъ это благо, и этими заботами своими только стѣснялъ его дѣйствія и лишалъ его свободы, которая была ему дороже всего въ жизни; съ другой стороны, и Пушкинъ, возмущенный надзоромъ за всѣми его дѣйствіями, за его сношеніями, за его перепиской, рвался изъ того заколдованнаго круга, въ который Тяжкая опека.

онъ случайно попалъ, и въ то же время не чувствовалъ себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно, потому что его связывало по рукамъ и ногамъ чувство признательности къ государю, осыпавшему его благодѣяніями... Положеніе было, поистинѣ, трагическое: Пушкинъ выходилъ изъ себя, возмущался тѣми оскорбленіями и уколами самолюбія, которыя ему безпрестанно приходи-

Памятникъ надъ могилою Пушкина, въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ.

лось переживать, и чувствовалъ себя въ положеніи Прометея, прикованнаго къ скалѣ... Онъ то поддавался порывамъ бѣшенства, то старался утѣшить себя злой ироніей... „Свинство почты такъ меня охолодило,—пишетъ Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ,—что я пера въ руки взять былъ не въ силахъ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство... Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше... Будь осторожна; вѣроятно, и твои письма распечатываются: этого требуетъ государственная безопасность". Постоянныя колебанія и переходы отъ одного настроенія къ другому совершенно лишали нашего поэта всякой возможности самообладанія... Онъ начиналъ теряться и недоумѣвать—что ему дѣ-

лать? за что приняться? какой путь избрать для того, чтобы прожить остатокъ дней въ мирѣ съ самимъ собою и людьми? А между тѣмъ все складывалось въ одну какую-то прискорбнѣйшую пута-

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ (на Страстномъ бульварѣ). Статуя работы Опекушина.

ницу и неурядицу. Личныя дѣла поэта были въ самомъ дурномъ положеніи: жизнь не по средствамъ вовлекла его въ неоплатные долги, изъ которыхъ онъ никакъ не могъ выпутаться, какъ ни

напрягать всѣ усилія, чтобы устроить дѣла и пополнить пробѣлъ въ доходахъ литературною и издательскою дѣятельностью. Горькія жалобы на стѣснительность его положенія слышатся безпрестанно въ письмахъ поэта. Въ одномъ изъ его писемъ читаемъ: „Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу"... Въ другомъ повторяются почти тѣ же жалобы: „Г(осударь) обѣщалъ мнѣ газету, а самъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ С.-Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способа жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ"...

Новыя бѣды и униженія.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій отецъ поэта сдалъ ему на руки управленіе всѣми своими, въ конецъ разоренными, имѣніями; Пушкину приходилось, кромѣ своихъ разоренныхъ дѣлъ, заниматься еще дѣлами своихъ родителей, спасать послѣднія крохи родового состоянія для брата и сестры, и за все это со всѣхъ сторонъ получалъ однѣ непріятности, тревоги и укоры. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи поэту было не до выѣздовъ въ свѣтъ и не до выполненія обязанностей своей придворной службы. Онъ сидѣлъ дома, не являлся и ко Двору, и за такое небрежное исполненіе служебныхъ обязанностей получилъ нѣсколько послѣдовательныхъ выговоровъ. Совокупность всѣхъ этихъ невыносимыхъ для поэта условій жизни привела его, наконецъ, къ тому, что въ послѣдніе мѣсяцы того же года, въ которые онъ былъ возведенъ въ камеръ-юнкеры, Пушкинъ уже рѣшился подать въ отставку... Рѣшился, и подалъ. Отставка его была принята съ понятнымъ неудовольствіемъ, и Бенкендорфъ далъ ему понять, что, вмѣстѣ съ выходомъ въ отставку, ему будетъ воспрещенъ и доступъ въ архивы, разрѣшенный только лицамъ „служащимъ и заслужившимъ довѣріе"...

Этого удара Пушкинъ не ожидалъ... Къ архивной работѣ онъ сталъ уже привыкать, возлагалъ на нее надежды, думалъ извлечь оттуда матерьялы для своихъ будущихъ трудовъ историческихъ, которые должны были его обезпечить матерьяльно и успокоить нравственно. И вдругъ—такая угроза. А тутъ еще въ дѣло вступились всякіе пріятели и доброжелатели, стали совѣтовать, уговаривать—и окончательно сбили Пушкина съ толку... Онъ упалъ духомъ и увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ тому же Бенкендорфу съ униженною просьбою о возвращеніи ему прошенія объ отставкѣ и объ оставленіи его на службѣ, попрежнему. Можно себѣ представить, чего стóила поэту вся эта тягостная передряга.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, наступившій 1835 годъ не могъ принести поэту ни успокоенія, ни облегченія; а при томъ по-

стоянно-тревожномъ и взволнованномъ состояніи духа, въ которомъ онъ почти непрерывно находился, его Муза должна была молчать и не могла насылать на него свои вдохновенія... Онъ не писалъ ничего, потому что „не писалось". И можно ли было думать о чемъ-нибудь возвышающемъ душу среди того нескончаемаго хаоса займовъ, отсрочекъ и перерсрочекъ, среди постояннаго исканія денегъ, столь необходимыхъ для поддержанія жизни, которая была не по карману для Пушкина, и которую измѣнить на иной ладъ онъ былъ не въ силахъ... Долго бился и боролся съ своею злобною судьбиной несчастный поэтъ—и, наконецъ, не выдержалъ борьбы, изнемогъ. Онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ тому же ненавистному для него Бенкендорфу съ письмомъ, въ которомъ излагалъ ему совершенно откровенно весь ужасъ своего положенія [1]), и просилъ его ходатайства предъ государемъ объ оказаніи ему помощи въ видѣ ссуды довольно крупной суммы на уплату долговъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и промедленій государь разрѣшилъ ему выдачу двухъ третей просимой суммы на уплату долговъ и даже снизошелъ на просьбу Пушкина, который выразилъ желаніе, чтобы на покрытіе этой суммы шло въ полномъ составѣ получаемое имъ жалованье. Но такая временная помощь, конечно, не могла улучшить его отчаяннаго положенія: уплатились одни долги, но стали нарастать другіе и еще скорѣе стали на нихъ нарастать проценты... Мракъ безвыходнаго, безпомощнаго положенія передъ наступающею гибелью и разореніемъ сталъ одолѣвать поэта, сталъ окутывать его со всѣхъ сторонъ... Притомъ же и новая, весьма существенная милость государя возбуждала зависть и вызывала въ обществѣ толки и клеветы, тягостно отзывавшіяся въ душѣ поэта. Ему казалось даже, что всѣ измѣнились въ отношеніяхъ къ нему, что даже и правительство стало смотрѣть на него иначе, чѣмъ прежде. Онъ сталъ страшно обидчивъ, кичливъ, желченъ: въ каждомъ словѣ видѣлъ онъ намѣреніе оскорбить его и задѣть за живое... И, поддаваясь этому настроенію, онъ готовъ былъ всѣхъ вызвать на бой — вступить въ борьбу съ цѣлымъ обществомъ, которое представлялось ему „гадкою лужей грязи" [2]). Такимъ именно ужаснымъ душевнымъ настроеніемъ отзываетъ одно изъ его писемъ къ женѣ, писанное изъ деревни, гдѣ онъ задумалъ еще разъ провести любимое свое время года—осень. Въ этомъ письмѣ, горько жалуясь на свою судьбу, Пушкинъ писалъ между прочимъ:

[1]) Пушкинъ писалъ ему: «У меня 60.000 р. долгу, изъ которыхъ 30.000 составляютъ долги чести...»

[2]) Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ П. А. Осиповой (около 1836 г.) Пушкинъ пишетъ: «Повѣрьте мнѣ: жизнь, какая она ни есть, пріятная привычка, а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ—это гадкая лужа грязи. Мнѣ мило только Тригорское».

....Я не долженъ быть вступать въ службу, и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ; зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога..."

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Бюстъ работы Ж. А. Полонской.

Въ довершеніе горя и сокрушеній поэта, онъ съ ужасомъ убѣждался въ томъ, что Муза отвернулась отъ него и вдохновеніе его покинуло. Онъ жилъ въ своемъ Михайловскомъ — жилъ цѣлую осень — и не написалъ ничего, и ничего не прибавилъ къ своему творческому запасу. Грустное настроеніе поэта выразилось только въ прелестной элегіи: „*Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли*",— вѣроятно написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ послѣдняго свиданія поэта съ его любимымъ уголкомъ [1]), которому онъ былъ такъ много обязанъ. Но не такой осени ожидалъ поэтъ — не такой скудной поэтической жатвы. Видно было (да вѣроятно стало понятно и ему самому), что изможенной душѣ его уже не найти себѣ мѣста для отдыха, кромѣ той могильной сѣни, которая для всѣхъ мірскихъ тревогъ служитъ тихимъ пристанищемъ...

Вѣроятно вслѣдствіе этого сознанія, Пушкинъ сталъ все чаще и чаще обращаться мыслью къ концу всего земного, къ

[1]) Кромѣ этой элегіи, къ 1835 г. относятся еще лишь весьма немногія стихотворенія съ датами: «*Полководецъ*», «*Предъ гробницею святой*», «*Тучи*», «*Пиръ Петра Великаго*» и подражаніе Горацію.

смерти, какъ избавительницѣ отъ всѣхъ страданій и невзгодъ, претерпѣваемыхъ нами въ жизни. Эта мысль о близкой кончинѣ, о предстоящемъ расчетѣ съ жизнью, неотвязчиво начинаетъ пре-

Памятникъ Пушкину на Пушкинской улицѣ, въ С.-Петербургѣ.

слѣдовать поэта съ конца 1835 года и даже побуждаетъ его сдѣлать нѣкоторыя распоряженія на случай кончины [1]).

[1]) Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Михайловское Пушкинъ сдѣлалъ вкладъ въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ 3-хъ верстахъ отъ Михайловскаго) и откупилъ себѣ мѣсто подъ могилу, рядомъ съ могилою матери.

Разрѣшеніе журнала.

1835 годъ заканчивается для поэта давно желаннымъ разрѣшеніемъ издавать журналъ, въ видѣ ежемѣсячныхъ книжекъ. Пушкинъ очень обрадованъ былъ этой удачей и усердно принялся за приготовленіе къ изданію своего „Современника", въ которомъ предполагалъ помѣстить нѣкоторыя изъ своихъ критическихъ статей, и отнынѣ помѣщать всѣ свои будущія произведенія. Онъ могъ разсчитывать на успѣхъ своего óргана, въ особенности послѣ того, какъ популярнѣйшій изъ журналовъ того времени—„Московскій Телеграфъ" Полевого—былъ запрещенъ въ 1834 году. Однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ и побужденій къ изданію „Современника" послужило чрезвычайное пренебреженіе, съ которымъ Пушкинъ относился (еще съ конца 20-хъ годовъ) къ нашей журнальной критикѣ. Взглядъ его въ этомъ отношеніи оказывался очень отсталымъ... По справедливому заключенію одного изъ своихъ біографовъ, „онъ сохранилъ долѣе многихъ своихъ товарищей основныя убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ; къ новому назначенію журнала—при которомъ уже мало придавалось значенія мнѣнію кружка, а мнѣніе личное играло очень важную роль — Пушкинъ не могъ привыкнуть во всю свою жизнь. Съ первыхъ же признаковъ появленія этого новаго значенія журнала въ нашей журналистикѣ, Пушкинъ началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ дѣльнаго и существеннаго его противниками, и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго, избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики". Въ этомъ именно смыслѣ Пушкинъ собирался отвести въ „Современникѣ" видное мѣсто критикѣ. Но всѣ заботы Пушкина о журналѣ, всѣ приготовленія его къ изданію журнала въ свѣтъ закончились ничѣмъ, такъ какъ ему пришлось лишь очень недолго быть редакторомъ „Современника". Въ мартѣ 1836 г. одобренъ былъ цензурою первый нумеръ журнала „Современникъ", а въ концѣ января слѣдующаго года Пушкина уже не стало.. Да и изъ тѣхъ нумеровъ журнала, которые были изданы при жизни его, большая часть была подготовлена къ выпуску въ свѣтъ пріятелями Пушкина, такъ какъ начало года онъ провелъ въ разъѣздахъ и хлопотахъ по устройству дѣлъ своихъ, а остальную часть года—былъ въ такомъ тревожномъ состояніи духа, которое не давало ему никакой возможности заниматься литературной и журнальной дѣятельностью [1]).

---

[1]) Тревожное состояніе духа происходило отъ тѣхъ свѣтскихъ сплетенъ, которыя совершенно несправедливо пятнали честь жены Пушкина и въ цѣломъ рядѣ анонимныхъ писемъ взводили на нее такія подозрѣнія, которыми приводили въ бѣшенство несчастнаго поэта и вынудили его къ дуэли съ барономъ Дантесомъ-Гекереномъ, хотя онъ былъ

Этотъ страшный, мучительный, послѣдній годъ жизни поэта отразился и въ его лирикѣ глубоко прочувствованными, высоко-художественными строфами, которыя превосходно заканчиваютъ его поэтическую дѣятельность дивными словами и звуками, напоминающими намъ величавые заключительные аккорды, которыми часто заканчиваются крупныя, выдающіяся произведенія классической музыки.

Преобладающими тэмами этой предсмертной лирики Пушкина являются—мысль о близкомъ концѣ жизни, какъ объ избавленіи отъ тяжелаго ярма существованія, религіозные порывы души, пытающейся оторваться отъ всего земного и подняться на извѣстную высоту нравственную, горькія оглядки на прошлое, полное безплодныхъ трудовъ и усилій, напрасно потраченныхъ на недостижимыя стремленія. Пушкинъ прощается съ жизнью, Пушкинъ, видимо, жаждетъ смерти и готовится къ ней постоянно, стараясь подавить въ себѣ всѣ страсти, отдалить отъ себя все суетное и грѣховное—все, отвлекающее его отъ религіознаго одушевленія, которое чаще и чаще начинаетъ его увлекать „во области заочны"... Тэмы пушкинской лирики.

Иногда усилія его въ этой трудной борьбѣ съ самимъ собою оказываются безплодными, и приводятъ его только къ величавымъ по силѣ и рельефности поэтическимъ образамъ. Грѣшный, падшій, слабый смертный изнемогаетъ,—а грѣхъ, торжествующій и грозный, въ видѣ рыкающаго, безпощаднаго льва устремляется во слѣдъ ему, готовый растерзать и поглотить безпомощнаго.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ:
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая (лапой) пыль и гриву потрясая
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій...»

Но иногда онъ успѣваетъ подавить въ себѣ все плотское и достигаетъ возможности молиться и съ наслажденіемъ повторять слова молитвы, которыя всѣхъ чаще „ему приходятъ на уста" и „падшаго свѣжатъ невѣдомою силой". Въ этомъ настроеніи онъ и создаетъ свое поразительное переложеніе молитвы: „Господи, Владыко живота моего..."

Любимою прогулкою поэта является прогулка на кладбище, гдѣ онъ бродитъ между тѣсными рядами могилъ и, вспоминая о той могилѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ на деревенскомъ кладбищѣ, еще разъ пользуется случаемъ, чтобы противоположить просторъ и естественную простоту деревни стѣсненіямъ и фальшивой обстановкѣ городской жизни...

убѣжденъ въ полной невиновности своей жены. Такъ требовали свѣтскія приличія, такъ требовало, быть-можетъ, и то тяжелое пресыщеніе жизнью, то ужасное taedium vitae, которымъ уже давно страдалъ поэтъ.

«Но какъ же любо мнѣ,
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ.
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ.
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя..».

К. К. Данзасъ—товарищъ и секундантъ Пушкина.

Идеалы Пушкина.

Идеаломъ Пушкина, утомленнаго, измученнаго жизнью, является теперь даже не общественная свобода, не гражданское право, ограничивающее произволъ и обезпечивающее каждому его независимое положеніе, а только личная свобода и независимость.

«Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все-ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отвѣта не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественной природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!..»

Но этотъ черезчуръ эгоистическій идеалъ счастія является у Пушкина скорѣе результатомъ мрачнаго настроенія, скорѣе горькой проніей, нежели дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, нежели правильнымъ выводомъ изъ жизни... Инымъ представляется идеалъ счастія поэта въ его послѣднія минуты, когда онъ, спокойно и твердо прощаясь съ жизнью, говоритъ:

«Пора, мой другъ, пора. Покоя сердце проситъ.
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ

Частицу бытія,—а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ».

Послѣднею яркою вспышкою мощной творческой силы нашего безсмертнаго поэта является его стихотвореніе: „Памятникъ", въ которомъ онъ такъ прекрасно и такъ вѣрно очертилъ свое собственное значеніе въ глазахъ своего народа:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ».

И даже послѣдняя замѣчательная строфа этого стихотворенія исполнена величавымъ успокоеніемъ и примиреніемъ съ жизнью и ея невзгодами...

Докторъ В. И. Даль, присутствовавшій при смерти Пушкина.

Въ ноябрѣ 1836 года Пушкинъ издалъ четвертую и послѣднюю книжку „Современника" за этотъ годъ, а три мѣсяца спустя его уже не было въ живыхъ. 27 января 1837 года состоялась дуэль Пушкина съ барономъ Гекереномъ-Дантесомъ. Пушкинъ былъ раненъ смертельно, привезенъ домой своимъ товарищемъ-секундантомъ, полковникомъ Данзасомъ, и черезъ два дня послѣ того (29 января въ 2³/₄ часа пополудни) поэта не стало. Онъ скончался, геройски перенося ужасныя мученія; скончался окруженный близкими и друзьями, утѣшенный милостивыми словами государя, который искренно былъ опечаленъ смертью поэта и успокоивалъ его тѣмъ, что на себя принимаетъ заботы о его женѣ и семьѣ. Послѣднія минуты его жизни описаны Жуковскимъ въ извѣстномъ письмѣ къ отцу поэта. Жуковскому же было поручено, тотчасъ послѣ смерти Пушкина, опечатать его кабинетъ и заняться тщательнымъ разборомъ оставшихся послѣ него бумагъ. Тѣло Пушкина стояло въ его квартирѣ

два дня: затѣмъ, въ ночь съ 30 на 31 января гробъ поэта перенесенъ былъ въ Придворную Конюшенную церковь, гдѣ утромъ 1 февраля и происходило отпѣваніе, а въ ночь, по распоряженію властей, опасавшихся большого наплыва публики на проводы поэта, гробъ былъ вывезенъ изъ города и отправленъ, по волѣ поэта, въ псковскую губ., въ сосѣдній съ с. Михайловскимъ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ онъ, еще за годъ до смерти, приготовилъ себѣ могилу. По волѣ государя, тѣло, до мѣста назначенія, долженъ былъ сопровождать А. И. Тургеневъ—тотъ самый другъ семьи Пушкиныхъ, который нѣкогда опредѣлилъ юношу Пушкина въ Лицей. Надъ могилой поэта, вскорѣ послѣ его смерти, воздвигнутъ былъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, уцѣлѣвшій на ней и донынѣ.

Виньетка двадцатыхъ годовъ XIX вѣка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пушкинъ, какъ повѣствователь и беллетристъ, какъ наблюдатель дѣйствительности и цѣнитель чужихъ произведеній. — Воззрѣнія Пушкина на литературу прошлаго вѣка. — Пушкинъ, какъ представитель извѣстной партіи и какъ критикъ. — Журнальная дѣятельность Пушкина.

Пушкинъ неоднократно, въ теченіе своей жизни,—какъ въ письмахъ къ пріятелямъ, такъ и въ бесѣдахъ съ ними,—выражалъ свое нерасположеніе къ прозѣ и къ прозаическому изложенію мыслей. Онъ даже откровенно сознавался, что къ прозѣ вынудила его матерьяльная необезпеченность.

Проза Пушкина.

У прозы—въ этомъ смыслѣ—была, дѣйствительно, своя выгодная и удобная сторона: тягостныя тревоги жизни и внутренній разладъ, нерѣдко ощущаемые поэтомъ въ послѣднія 8—10 лѣтъ его жизни, ослабляли его поэтическое вдохновеніе, и тогда онъ принимался за прозу, стараясь поддержать и хотя до извѣстной степени удовлетворить своей потребности въ умственной работѣ. Онъ дѣлалъ это съ видимой неохотой, насилуя себя, дѣйствуя въ ущербъ своему поэтическому дарованію и сознавая, что онъ ничего не можетъ прибавить къ своей славѣ прозаическими произведеніями... Чрезвычайно любопытно, въ этомъ именно смыслѣ, наблюденіе надъ различными видами прозы, оставшейся намъ отъ Пушкина: проза его повѣстей, его журнальныхъ статей, его офиціальныхъ бумагъ и его писемъ—совершенно различны и даже мало имѣютъ между собою общаго. Проза писемъ Пушкина—легкая, игривая, живая, блестящая остроуміемъ, добродушнымъ юморомъ и оригинальностью языка и способомъ выраженій; переходя отъ писемъ къ его повѣстямъ и разсказамъ, мы уже почти не узнаемъ Пушкина. Та свобода выраженія, та легкость и прелесть языка, которыми отличается чудный и всегда благозвучный стихъ Пушкина, какъ будто совсѣмъ исчезаютъ; проза повѣстей и разсказовъ его суха, бѣдна образами и оживленіемъ; мысль, очевидно стѣсненная способомъ выраженій, облекается авторомъ въ форму отдѣльныхъ предложеній, не связанныхъ между собою тѣснымъ сплетеніемъ періодическаго теченія рѣчи, котораго авторъ, видимо, избѣгаетъ и какъ будто даже опасается... Способъ изложенія вліяетъ и на форму всего произведенія, которое суживается и стѣсняется, и укладывается наконецъ въ тѣсныя рамки небольшого разсказа, хотя фабула его настолько занимательна, что его не трудно было бы обратить и въ разсказъ болѣе обширный, болѣе содержательный. Все сказанное нами легко подтверждается при чтеніи такъ-называемыхъ повѣстей Бѣлкина („*Выстрѣлъ*“, „*Мятель*“, „*Гробовщикъ*“, „*Станціонный смотритель*“ и въ особенности—„*Барышня-крестьянка*“), относящихся къ

1830 году. Читая эти произведенія, видимъ, что авторъ ихъ еще стѣсняется въ ихъ построеніи, затрудняется въ связи фактовъ и явленій, въ развитіи интриги. Привыкнувъ къ поэтической краткости изложенія, къ быстротѣ въ развитіи того или другого сюжета, къ скачкамъ и даже пропускамъ, дозволяемымъ поэтической вольностью, онъ и въ прозѣ боится быть расплывчатымъ и многословнымъ и старается быть только точнымъ и строго-послѣдовательнымъ въ развитіи своего сюжета. Чрезвычайно любопытнымъ оказывается, напримѣръ, и то, что въ „повѣстяхъ Бѣлкина" мы почти не видимъ описаній природы, которыми такъ богата поэзія Пушкина и которыя въ ней достигаютъ такой высокой степени совершенства. Авторъ, являющійся въ своихъ произведеніяхъ впервые на судъ публики, въ этой новой прозаической формѣ изложенія, очевидно, до такой степени ею связанъ, что напоминаетъ собою неопытнаго въ общественныхъ сношеніяхъ молодого человѣка, явившагося впервые въ незнакомое ему общество. Сравнивая, напримѣръ, такія легкія произведенія Пушкина, какъ „*Графъ Нулинъ*" и „*Домикъ въ Коломнѣ*", съ такими его повѣстями, какъ „Станціонный смотритель" и „Барышня-крестьянка", мы можемъ только удивляться той неумѣлости и неловкости (даже угловатости, если можно такъ выразиться) въ обработкѣ этихъ двухъ послѣднихъ сюжетовъ, представляющихъ для опытнаго беллетриста-разсказчика такъ много выгодныхъ сторонъ. Пушкинъ, видимо, это понимаетъ и чувствуетъ, потому что продолжаетъ работать надъ своей прозой, надъ обработкой болѣе крупныхъ, болѣе сложныхъ сюжетовъ въ этой формѣ. „Дубровскій", явившійся два года спустя послѣ „повѣстей Бѣлкина", представляетъ собою уже гораздо искуснѣе обработанное произведеніе, нежели предшествовавшіе ему первые беллетристическіе опыты, хотя и въ этомъ романѣ связь между отдѣльными явленіями, между отдѣльными фазами въ развитіи дѣйствія еще довольно слаба и мѣстами даже искусственна [1]. Весьма любопытною чертою языка и слога всѣхъ вышеупомянутыхъ беллетристическихъ произведеній Пушкина является какая-то особенная „книжность" этого слога, приправленнаго такими оборотами и выраженіями, которыя вовсе не попадаются въ изумительно-легкихъ и гармоническихъ строфахъ поэзіи Пушкина. Васъ поражаютъ эти „сіи и оные", которые странно рѣжутъ слухъ въ прозѣ повѣстей Бѣлкина и въ Дубровскомъ, и весь строй, и оборотъ

[1]) Напримѣръ, въ концѣ VII главы: «Прежде, нежели приступить къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми или о коихъ мы слегка только упоминали въ началѣ нашей повѣсти». Или, въ началѣ VIII главы: «Читатель, вѣроятно, уже догадался, что дочь Кириллы Петровича, о которой мы сказали только еще нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти» и т. п.

фразы мѣстами не чисто-русскій [1]), мѣстами весьма тяжелый отъ излишняго желанія внести надлежащую связь и ясность въ изложеніе.

Есть основаніе думать, что Пушкинъ сознавалъ недостатки

Черновые наброски Пушкина изъ его записныхъ книжекъ. Хранятся въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова.

своей прозы и усиленно работалъ надъ исправленіемъ ихъ, потому что „Капитанская дочка", написанная въ 1833 г., и въ осо-

[1]) Напримѣръ, въ VII главѣ «Дубровскаго»: «Маша не обратила никакого вниманія на молодого француза. Воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастероваго, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною».

бенности „*Пиковая дама*“, написанная въ 1834 году, свидѣтельствуютъ о значительныхъ успѣхахъ нашего поэта въ прозаическомъ изложеніи и въ самой постройкѣ своихъ прозаическихъ произведеній. На слогѣ и языкѣ, и даже на всемъ изложеніи „Капитанской дочки“ отразились долгія и усидчивыя занятія надъ историческимъ матерьяломъ по поводу написанія „Исторіи Пугачевскаго бунта“. При сравненіи этой исторіи съ повѣстью, которая была ею вызвана, нельзя не признаться, что всѣ преимущества изложенія, языка и слога остаются на сторонѣ повѣсти. Еще болѣе выработанною, какъ беллетристическое произведеніе, является „Пиковая дама“ Пушкина, которая всѣмъ чрезвычайно понравилась и возбудила общее вниманіе. Самъ Пушкинъ говорилъ объ этомъ съ удовольствіемъ въ своемъ дневникѣ; и есть основаніе думать, что успѣхъ двухъ его послѣднихъ повѣстей увлекъ его и къ дальнѣйшимъ планамъ беллетристическихъ произведеній... Плановъ этихъ, и притомъ довольно сложныхъ, довольно разнообразныхъ, много осталось въ бумагахъ Пушкина [1]). Извѣстно даже, что и тѣ два сюжета,—„Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“,—которые были уступлены Пушкинымъ Гоголю, предназначались также къ обработкѣ въ будущемъ и лежали въ портфелѣ нашего поэта.

Въ этихъ отрывкахъ неоконченныхъ произведеній и въ планахъ произведеній только-что задуманныхъ, Пушкинъ предполагалъ придать своимъ произведеніямъ формы изложенія, модныя въ то время: одни должны были явиться въ формѣ живыхъ разсказовъ, будто бы слышанныхъ въ обществѣ, другія—въ видѣ ряда писемъ, авторами которыхъ являлись бы главныя дѣйствующія лица произведеній и т. д.

Особенно слабою по выразительности и ясности оказывается проза журнальныхъ статей Пушкина, офиціальныхъ докладовъ его и тѣхъ программъ, которыя онъ представилъ на усмотрѣніе правительства въ ту пору, когда задумывалъ изданіе газеты и журнала. Во всѣхъ этихъ писаніяхъ поэта нѣтъ почти вовсе слѣда его обычной оригинальности: его слогъ, его языкъ, его обороты и способъ выраженія напоминаютъ въ нихъ мѣстами прозу Жуковскаго, мѣстами даже прозу юношескихъ произведеній Карамзина [2]).

---

[1]) Мы разумѣемъ: «Рославлевъ», «Египетскія ночи», «Отрывки изъ романа въ письмахъ», «Русскій Пеламъ», «Начало романа» (Записки М.) и т. д.

[2]) Напримѣръ, заключеніе записки «о народномъ воспитаніи». «Чувствуя недостаточность сихъ, наскоро набросанныхъ замѣчаній о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе, я бы самъ отъ себя никогда не осмѣлился представить ихъ разсмотрѣнію правительства. Одно желаніе: усердіемъ и непремѣнною искренностью оправдать Высочайшія милости, мною не заслуженныя,—побудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе» и т. д.

Проза и поэзія.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина мы видимъ его постоянно тонкимъ наблюдателемъ жизненныхъ явленій и характеровъ, хорошо изучившимъ сердце человѣческое, способнымъ слѣдовать за всѣми, даже и чуть примѣтными и въ высокой степени нѣжными движеніями и побужденіями человѣческаго сердца. Разительнымъ доказательствомъ такой тонкости пониманія и наблюдательности поэта могутъ служить созданные имъ типы и характеры, и, въ особенности, дивный—и по замыслу, и по выполненію—типъ „Татьяны“, въ которомъ неподражаемая женская грація такъ изящно и правдиво связана съ простотою и естественностью „цвѣтка, возросшаго въ глуши“. Странно сказать, что въ повѣстяхъ своихъ Пушкинъ представляется намъ гораздо менѣе наблюдательнымъ и какъ бы болѣе равнодушнымъ въ изображеніи выводимыхъ имъ характеровъ. Онъ не вдается въ подробности, въ которыхъ бы эти характеры могли ясно выразиться, не выясняетъ ихъ дѣйствій, не даетъ ключа къ разумѣнію руководящихъ имъ побужденій. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что многіе характеры повѣстей Пушкина напоминаютъ намъ характеры его первыхъ поэмъ. Таковъ Сильвіо въ „Выстрѣлѣ“, Бурминъ въ „Метели“ и Алексѣй Берестовъ въ „Барышнѣ-крестьянкѣ“... Это скорѣе тѣни, легкіе наброски и очерки характеровъ, нежели дѣйствительные характеры, нежели живые люди. Мы не можемъ не видѣть въ нихъ самыхъ обыденныхъ героевъ беллетристическихъ произведеній, коими изобилуютъ современные Пушкину повѣсти и романы,—и тѣмъ болѣе удивляемся безцвѣтности и безжизненности этихъ дѣйствующихъ лицъ Пушкинской повѣсти, что его поэтическія произведенія зрѣлаго періода полны превосходно, рельефно и живо созданныхъ типовъ и характеровъ. Пушкинъ, повидимому, думаетъ, что въ повѣсти была бы излишнею детальная обработка характеровъ: онъ по нимъ скользитъ, набрасываетъ ихъ какъ бы мимоходомъ и болѣе всего заботится о томъ, чтобы дѣйствіе повѣсти его не замедлялось никакими уклоненіями и поскорѣе пришло къ вожделѣнному концу. И еще одна странность, еще одна черта рѣзкаго различія между Пушкинымъ - прозаикомъ и Пушкинымъ - поэтомъ. Въ поэзіи своей Пушкинъ является удивительно-реальнымъ; любитъ все существенное и дѣйствительное; создаетъ образы поразительные по своей пластичности и осязательности;—въ своей беллетристикѣ онъ мало сближается съ живою дѣйствительностью, онъ не пишетъ своею сочною кистью, онъ какъ бы опасается сказать и выразить слишкомъ многое—онъ, видимо, стѣсняется какими-то приличіями, какими-то обязательными и весьма опредѣленными границами прозаическаго изложенія, которое онъ предполагаетъ неимѣющимъ ничего общаго съ свободою поэтическаго творчества и изложенія.

Лѣтопись с. Горохина. И только однажды онъ рѣшился отступить отъ этой странной и, очевидно, предвзятой теоріи, затѣявъ написать нѣчто очень реальное и, можно сказать, цѣликомъ выхваченное изъ жизни и дѣй-

Императоръ Николай I.

ствительности. Это—цѣлая лѣтопись, и, надо сказать правду, довольно скорбная лѣтопись народной жизни, какъ она протекала въ тягостныхъ условіяхъ крѣпостного быта, подъ гнетущей опекой барства и его ставленниковъ: управляющихъ, приказчиковъ, бурмистровъ и т. д. Мы разумѣемъ „*Лѣтопись села Горохина*“, написанную одновременно съ „Повѣстями Бѣлкина“, въ тотъ знаменитый осенній періодъ 1830 года, о плодовитости котораго мы уже гово-

(К—у, П—ину и Г—ву.)

15 февраля 1822.

Вчера былъ день разлуки шумной
Вчера былъ Вакха буйной пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При блескѣ чашъ, при звукахъ лиръ

Такъ! Музы васъ благословили
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы други, отличили
Почетной чашею меня.

66.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою пленяла насъ.

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась
Что жажду ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ скифскую ~~[illegible]~~ мою
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкій край.

Я пилъ — и думою сердечной
Во дни минувшие леталъ:
И горе рѣзви скоротечной
И сны любви воспоминалъ;

Автографъ Пушкина. Изъ собранія рукописей Императорской Публичной Библіотеки
(Окончаніе на слѣдующей страницѣ).

ріли выше. Къ сожалѣнію, это произведеніе Пушкина не окончено и въ самомъ текстѣ его существуютъ пропуски, которые едва ли когда-либо возможно будетъ пополнить... Въ рукописяхъ Пушкина, однакоже, сохранилась программа „*Исторіи села Горохина*", изъ которой видно, что Пушкинъ хотѣлъ вложить въ уста Бѣлкина разсказъ о жизни и хозяйствѣ своего прадѣда, дѣда и отца: однакоже отказался отъ этого плана по причинамъ довольно понятнымъ... Трудно было согласовать ту горькую, вопіющую правду о бытѣ нашей деревни, которою полна „Исторія села Горохина", съ „возраженіями на книгу Радищева, которыя, быть-можетъ, Пушкинъ уже предвидѣлъ въ близкомъ будущемъ, какъ неизбѣжную необходимость. А, можетъ-быть, ему и самому жутко стало отъ такого ужъ черезчуръ реальнаго изображенія неказистой русской дѣйствительности, которую онъ—увы!—тщетно пытался прикрасить и представить лучшею, нежели она была на самомъ дѣлѣ, чтобы хоть сколько-нибудь примириться съ своимъ новымъ полуофиціальнымъ положеніемъ. Поэтому же, вѣроятно, неоконченная Пушкинымъ „Исторія села Горохина" осталась и ненапечатанною до конца его жизни, и явилась впервые въ свѣтъ только уже въ посмертныхъ изданіяхъ его сочиненій. Но какъ бы то ни было, а этотъ, (вѣроятно) самимъ Пушкинымъ отвергнутый, отрывокъ неоконченнаго произведенія лучше и яснѣе всей остальной пушкинской прозы свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какія громадныя силы таились въ душѣ великаго поэта, невызываемыя имъ къ жизни, заглушаемыя ея „мышьей бѣготней" и тѣми разсчетами и отношеніями, въ какихъ приходилось жить и дѣйствовать Пушкину.

Пушкинъ критикъ.

Очень строгій къ себѣ, какъ поэтъ и писатель, Пушкинъ несомнѣнно обладалъ вѣрнымъ критическимъ чутьемъ и по-

стоянно развивалъ свой критическій тактъ обширнымъ и разнообразнымъ чтеніемъ и изученіемъ иностранныхъ образовъ. По отношенію къ нашему литературному прошлому онъ высказывалъ неоднократно сужденія до такой степени вѣрныя, что они невольно поражаютъ насъ своею оригинальностью въ человѣкѣ, жившемъ среди общества, еще вполнѣ находившагося подъ вліяніемъ мерзляковскихъ преувеличенныхъ похвалъ и отзывовъ о любомъ писателѣ прошлаго вѣка. Пушкинъ свободно развѣнчиваетъ нашихъ „великихъ“ и „величайшихъ“ поэтовъ XVIII вѣка, и съ высоты „Россійскаго Парнаса“ и „Геликона“ низводитъ ихъ на тѣ мѣста, которыя имъ, дѣйствительно, и надлежало занимать въ общемъ ходѣ нашей литературы... Самъ Бѣлинскій едва-ли дѣйствовалъ въ этомъ направленіи смѣлѣе и правдивѣе, нежели Пушкинъ. Но мы, конечно, имѣемъ въ виду не офиціальную, не открытую печатную дѣятельность Пушкина-критика, а тѣ отзывы, которыми переполнена его переписка съ кружкомъ друзей. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы мы здѣсь привели ихъ цѣликомъ. Такъ, воспользовавшись однимъ изъ очерковъ по нашей словесности, Пушкинъ пишетъ автору очерка, А. А. Бестужеву, почти его же словами: „у насъ есть критика и нѣтъ литературы“...

Пушкинъ о Державинѣ и Ломоносовѣ.

...„Гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ не достаетъ. Отселѣ репутаціи Ломоносова (уважаю въ немъ все-таки человѣка, но, конечно, не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ эго главная заслуга) и Хераскова; и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова.—Кумиръ Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ; „Ода къ Фелицѣ“ стоитъ на ряду съ „Вельможей“; „ода „Богъ“ — съ одой „На смерть Мещерскаго“, ода къ Зубову—недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своей славой; Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ—также [1]). Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое *Крыловъ* — Крыловъ, который столько выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж.-Б. Руссо.—Что же ты называешь критикой?“

Въ частности о Державинѣ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ рѣзко, но удивительно вѣрно, утверждая, что „этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова), онъ не имѣлъ понятія ни

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается о Дмитріевѣ еще опредѣленнѣе:
— «Что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго».

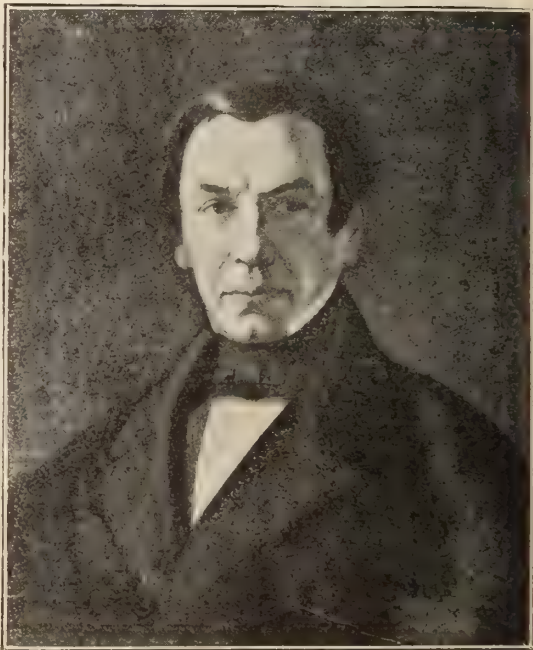
о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихотворенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ: *мысли, картины и движенія истинно-поэтическія;* читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей-Богу, его геній думалъ по-татарски—а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ, переведенный, изумитъ Европу, а мы, изъ гордости народной, не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно будетъ сохранить одъ семь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова? — жаль, что поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ"...

М. Т. Каченовскій,
профессоръ и издатель «Вѣстника Европы».

Пушкинъ о Жуковскомъ.

Большою тонкостью и вѣрностью пониманія истиннаго значенія Жуковскаго отличается и слѣдующій мимолетный отзывъ о значеніи этого поэта въ нашей литературѣ. Возражая А. А. Бестужеву на мнѣніе о Жуковскомъ, выраженное во „Взглядѣ", Пушкинъ пишетъ: „...не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубы прорѣзались? Что ни говори—

М. П. Погодинъ (въ молодости), издатель «Московскаго Сборника».

Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности, къ тому же переводный стихъ его останется навсегда образцовымъ".

Особенно характернымъ, по безпристрастію и вѣрности оцѣнки характеровъ и положеній, является отзывъ Пушкина о „Горе отъ ума" Грибоѣдова (въ письмѣ къ А. А. Бестужеву). „Драматическаго писателя — пишетъ Пушкинъ, — должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдственно, не Пушкинъ и Грибоѣдовъ.

Пушкинскій музей при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ въ С.-Петербургѣ.

осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его: характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно... Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но между Чацкимъ и Скалозубомъ онъ могъ быть очень забавенъ. Les propos de bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій—всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно-комическаго генія. — Теперь вопросъ: въ комедіи „Горе отъ ума"—кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатириче-

скими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно; но кому говоритъ онъ все это? Фамусову, Скалозубу, на балѣ московскимъ бабушкамъ, Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобными. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобы онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось сконфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину — прелестна — и какъ натуральна. Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля!.. О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову — можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался; эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту".

Пушкинъ о друзьяхъ.

Но такъ можно было говорить именно только съ „истинными талантами", да и то въ частныхъ письмахъ къ пріятелямъ... Пушкинъ сознавалъ это, и въ качествѣ оффиціальнаго критика и рецензента являлся неузнаваемымъ... Выступая въ журналахъ съ печатными отзывами о чужихъ произведеніяхъ, Пушкинъ весьма легко подчинялся различнымъ стороннимъ вліяніямъ и всевозможнымъ соображеніямъ, въ сущности неимѣвшимъ ничего общаго съ критикою, которая вслѣдствіе этого, подчасъ, становилась далеко не безпристрастною. Въ этихъ рецензіяхъ и критическихъ отзывахъ первое мѣсто по литературному достоинству и значенію занимали друзья Пушкина,—тотъ тѣсный кружокъ поэтовъ и литераторовъ, съ которымъ онъ сближался еще со школьной скамьи или вообще въ ранней юности, и съ которыми поддержалъ свои тѣсныя связи почти до кончины... То были: Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, князь Вяземскій и очень немногіе другіе писатели, принадлежавшіе къ избранному обществу, въ которомъ всего охотнѣе вращался Пушкинъ. Въ его отношеніяхъ къ этому кружку было что-то странное, даже не вполнѣ объяснимое: — нѣчто въ родѣ обожанія, поклоненія какого-то... Все, что выходило изъ-подъ пера этихъ избранниковъ, было въ глазахъ Пушкина превосходнымъ, превосходящимъ всякія границы похвалъ, несравнимымъ ни съ чѣмъ, даже и съ его собственными произведеніями, которыя онъ, не обинуясь, ставилъ ниже произведеній

Языкова и Баратынскаго, и даже Дельвига [1]). За этими избранными стояли люди, близкіе къ этому кружку, люди, случайно къ нему примкнувшіе (напр. Катенинъ, а впослѣдствіи Погодинъ), люди, державшіе въ литературѣ сторону того кружка, съ которымъ Пушкинъ пытался осуществить завѣтную мысль объ изданіи критическаго журнала, который бы подчинилъ критику вліянію извѣстнаго, строго-опредѣленнаго, избраннаго кружка литераторовъ. Внѣ этихъ отношеній стояли всѣ остальные представители русской литературы (кромѣ уже признанныхъ знаменитостей,— Жуковскаго и Крылова) и современной русской журналистики, къ которымъ примѣнялся совсѣмъ иной критическій масштабъ.

Мечты о критикѣ.

Мечта о какой-то „истинной критикѣ“ была любимою мечтою Пушкина, почти съ самаго начала 20-хъ годовъ; но въ чемъ должна была заключаться эта „истинная критика“ — самъ Пушкинъ, кажется, не имѣлъ достаточно яснаго и опредѣленнаго представленія; по крайней мѣрѣ, не трудно доказать, что онъ не держался въ этомъ вопросѣ никакой опредѣленной теоріи, и, въ разное время жизни, высказывалъ по тѣмъ же самымъ литературнымъ вопросамъ различные (иногда даже противоположные) взгляды. Чрезвычайно любопытно, что самъ Пушкинъ говорилъ въ письмѣ къ пріятелю: „Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ...“ И постоянно грѣшилъ противъ этого мудраго правила въ своихъ критическихъ статьяхъ! Еще въ „Литературной газетѣ“ Дельвига онъ возстаетъ противъ „личностей въ критикѣ“, старается даже установить нѣчто въ родѣ основныхъ правилъ для „журнальной критики и полемики“—и никакъ не можетъ отрѣшиться отъ личныхъ отношеній въ своихъ критическихъ воззрѣніяхъ на авторовъ и ихъ произведенія. Эти личныя отношенія чаще всего выражаются преувеличеньемъ достоинствъ и значенія друзей-писателей, которымъ Пушкинъ приписываетъ такія качества и способности, какихъ они вовсе не имѣютъ. Такъ напр., одно время ему представлялся П. А. Катенинъ (писатель весьма посредственный и поэтъ очень плохой) идеаломъ критика, и онъ совершенно искренно писалъ ему: „Голосъ истинной критики [2])

[1]) Такъ въ извѣстной статьѣ о Дельвигѣ, написанной тотчасъ по кончинѣ поэта, Пушкинъ говорилъ: «Никто не обратилъ тогда (въ лицеѣ) вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта... Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо».—Такъ говорилъ онъ о своихъ собственныхъ стихахъ, желая возвысить значеніе и достоинство стиховъ своего покойнаго друга!

[2]) Любопытно, что тотъ же самый Пушкинъ, который мечтаетъ объ «истинной критикѣ», рѣшается писать къ тому же Катенину: «Будущій альманахъ (затѣваемый Катенинымъ) радуетъ меня несказанно, *если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ*».

необходимъ ему у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика".

Самымъ рѣзкимъ и явнымъ доказательствомъ того пристрастія, съ которымъ Пушкинъ относился къ своимъ друзьямъ, будетъ, конечно, всегда служить его разборъ „Мареы Посадницы"—

Ель Пушкина въ саду, въ усадьбѣ Тригорское.

драмы Погодина, которую онъ, въ письмѣ къ почтенному ученому, возводитъ на степень явленія, достойнаго занять видное мѣсто въ европейской литературѣ и даже приравниваетъ, не обинуясь, къ драматическимъ произведеніямъ Шекспира. „Мареа—такъ пишетъ Пушкинъ Погодину—имѣетъ европейское, высокое достоинство. Я разберу ее, какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, против-

ныхъ духу его усѣченій, сокращеній—тьма. Но знаете ли, и это не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу,

Милостивый Государь,

Сергѣй Семеновичъ,

Князь Дондуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было Вашей скромности назвать подражаніемъ. Стихи мои послужили Вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца Васъ благодарить за вниманіе мнѣ оказанное, и за силу и полноту мнѣній великодушно мнѣ присвоенныхъ Вами.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

21 октября
С. П. Б.
1831.

Письмо Пушкина къ министру народнаго просвѣщенія, графу С. С. Уварову.

чѣмъ чопорная наша правильность... Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? А посадникъ? А князь Шуйскій? А князья удѣльные? Я вамъ говорю, что *это все достоинства Шекспировскаго*".

Много вредила Пушкину въ его критической дѣятельности быстрая измѣнчивость его мнѣній и воззрѣній, вполнѣ объяснимая его пылкимъ темпераментомъ. Эта измѣнчивость рѣзче всего выразилась въ его отношеніяхъ къ Радищеву [1]) и къ издателю „Московскаго Телеграфа“ Н. А. Полевому [2]), котораго онъ, въ половинѣ 30-хъ годовъ (въ эпоху запрещеній „Телеграфа“) рѣшался обвинять даже въ якобинизмѣ! Нужно-ли добавить ко всему этому, что когда Пушкинъ, послѣ долгихъ усилій и хлопотъ, добился, наконецъ, возможности имѣть свой собственный органъ „Современникъ“—критическій отдѣлъ явился въ немъ однимъ изъ самыхъ слабыхъ, можетъ-быть, даже и потому, что самъ Пушкинъ охладѣлъ къ критикѣ и разочаровался въ ея значеніи.

Въ заключеніе этой главы, ради полноты характеристики Пушкина, какъ литератора и журналиста, необходимо упомянуть и еще объ одной особенности его типа.

Увлеченія родовитостью.

Извѣстно, что одною изъ слабостей нашего великаго поэта было его чрезмѣрное пристрастіе къ старинѣ его рода, его гордость заслугами предковъ и постоянное тяготѣніе къ родовитой знати. Любопытно, что эта слабость къ извѣстнаго рода аристократизму въ значительной степени вліяла и на литературныя воззрѣнія Пушкина и нерѣдко побуждала его приходить къ выводамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ нашею литературною дѣйствительностью. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву Пушкинъ пишетъ: „ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе)? Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc.“ [3]). Почти то же самое встрѣчаемъ и въ другомъ письмѣ Пушкина, гдѣ онъ высказываетъ совершенно невѣрный взглядъ на прошлое нашей литературы, утверждая, будто бы „у насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ автор-

---

[1]) По поводу «Взгляда» онъ пишетъ Бестужеву въ 1823 г.: «Какъ можно въ статьѣ о Русской Словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно», и затѣмъ, въ 30-хъ годахъ, пишетъ извѣстный разборъ «Путешествія» Радищева...

[2]) Въ началѣ изданія «Телеграфа» Пушкинъ былъ очень доволенъ журналомъ и прямо писалъ: «Я «Телеграфомъ» очень доволенъ — и мышлю или мыслю поддержать его...» А затѣмъ, вступивъ въ литературную полемику съ Н. А. Полевымъ, рѣшался утверждать: «ученость, дѣятельность и умъ (sic!) чужды Полевого».

[3]) Любопытное противорѣчіе этому встрѣчаемъ въ его письмахъ, вызванныхъ извѣстнымъ стремленіемъ покинуть службу на Югѣ: «я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоютъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного— независимости»...

скимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными"... и т. п.

Болѣе и болѣе замыкаясь въ тѣсномъ кружкѣ литераторовъ именитыхъ и титулованныхъ, постоянно отрѣшаясь отъ признанныхъ потребностей литературы и журналистики, Пушкинъ, недовольный настоящимъ положеніемъ литературы, а можетъ быть еще болѣе недовольный отношеніемъ къ нему современной литературы и современнаго русскаго общества, подъ конецъ своей жизни, высказывался очень рѣзко въ своихъ письмахъ къ друзьямъ:

„Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ"...

Нужно ли говорить, что этотъ взглядъ былъ не болѣе, какъ выраженіемъ того раздраженія, которое овладѣло всѣмъ существомъ поэта въ послѣдніе годы жизни? Литература русская съ той самой поры, когда русскіе авторы стали предаваться ей сознательно, какъ серьезному дѣлу, всегда представлялась имъ „поприщемъ благороднымъ", но отнюдь не „аристократическимъ": на него съ одинаковымъ правомъ выступалъ и крестьянинъ Ломоносовъ, и кутейникъ Тредіаковскій, и кичливый дворянинъ Сумароковъ, и разночинецъ Хемницеръ... И всѣхъ равняла, всѣхъ облагораживала ихъ дѣятельность, а никакъ не ихъ родовитость и спѣсь, опиравшаяся на пыльные столбцы родословныхъ таблицъ.

Оттискъ перстня-талисмана на письмѣ Пушкина къ Катенину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Понятіе Пушкина о поэзіи и значеніи поэта въ обществѣ.—Судьба Пушкинской поэзіи въ потомствѣ.—Отношенія русскаго общества къ Пушкину подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній.

Великій поэтъ нашъ, озарившій свѣтомъ своей поэзіи все наше столѣтіе, оставившій намъ такъ много прекрасныхъ, неподражаемыхъ произведеній своей Музы, въ числѣ ихъ завѣщалъ намъ нѣсколько такихъ перловъ, въ которыхъ съ достаточною ясностью опредѣлилъ или, по крайней мѣрѣ, старался опредѣлить значеніе поэта въ обществѣ. Само собою разумѣется, что и его воззрѣнія на этотъ предметъ, въ теченіе жизни, неоднократно мѣнялись, и что, въ разныя эпохи своей жизни, онъ представлялъ себѣ назначеніе поэта и его отношенія къ обществу не вполнѣ одинаково; однакоже, нѣкоторыя стороны этого взгляда оставались неизмѣнными, и неизмѣнно нашли себѣ выраженіе во всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ поэтъ касается внутренней, духовной стороны своей дѣятельности.

Поэтъ и поэзія. Эта внутренняя, духовная сторона дѣятельности поэта никогда не представлялась ему чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, строго-сложившимся въ какую-нибудь правильно-выведенную формулу; представленіе о поэзіи собственно являлось у Пушкина довольно туманнымъ [1]), но зато представленіе о поэтѣ, о его значеніи въ обществѣ и вообще о его назначеніи—было въ Пушкинѣ постояннымъ и опредѣленнымъ, и до конца жизни оставалось неизмѣннымъ. Памятникомъ этихъ воззрѣній Пушкина остался цѣлый рядъ стихотвореній, которыя многократно обращали на себя вниманіе критики въ разныя эпохи XIX столѣтія и, сообразно господствовавшимъ въ той или другой эпохѣ вѣяніямъ, подвергались иногда порицаніямъ и навлекали на нашего поэта несправедливыя нареканія и осужденія. Рядъ этихъ знаменательныхъ стихотвореній начинается съ 1824 г. (т. е. именно съ той эпохи, когда Пушкинъ уже вполнѣ сознательно относился къ своему творчеству) извѣстнымъ „разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ", въ которомъ Пушкинъ какъ бы подводитъ итоги всему предшествующему періоду своей поэтической дѣятельности, перебирая всѣ темы, которымъ онъ въ разное время посвящалъ свое вдохновеніе. Сначала вспоминаетъ онъ эпоху юношескаго, безотчетнаго творчества, когда

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ:

«Цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого)».—А въ другомъ письмѣ къ Вяземскому, говоря о его стихахъ, замѣчаетъ: «твои стихи слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата».

Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Не ужь-ли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ у насъ Пушкина?.. Къ этой мысли нельзя привыкнуть!

29 Янв., 2 ч. 45 м. пополудни.

Единственная статья о смерти Пушкина, явившаяся въ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду», по недосмотру цензуры.

«Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались»...

Тогда вдохновлялся онъ природой и ея живыми впечатлѣніями и не любилъ дѣлиться „съ толпою пламеннымъ восторгомъ“:

И Музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ.

Затѣмъ наступила „буря жизни шумной“; поэтъ началъ искать „вниманья красоты“; наступилъ и для него періодъ увлеченій, когда онъ сталъ находить себѣ живой отголосокъ въ сердцѣ женщины:

«Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои»...

Но наступилъ и періодъ разочарованій; поэтъ, вспоминая о своихъ увлеченіяхъ, восклицаетъ:

«Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?...»

Прямымъ послѣдствіемъ этихъ разочарованій было то, что поэтъ рѣшился посвятить свои восторги болѣе возвышенной и чистой тэмѣ: онъ находилъ возможнымъ только „свободѣ“ посвящать свои вдохновенія, и воспѣвать только одну „свободу“... Извѣстно, чѣмъ заканчивается стихотвореніе: книгопродавецъ убѣждаетъ поэта въ томъ, что „въ сей вѣкъ желѣзный безъ денегъ и свободы нѣтъ“ — и поэтъ продаетъ ему рукопись своей новой поэмы.

Ближайшимъ къ этому первому изъ занимающихъ насъ стихотвореній является дивное по силѣ вдохновенія стихотвореніе „Пророкъ“, проникнутое глубокимъ сознаніемъ высоты и величавости того значенія, которое выпадаетъ на долю поэта въ обществѣ. Изумительные образы этого поэтическаго произведенія, въ которомъ Пушкинъ возвышаетъ поэта до прямого общенія съ божествомъ и возводитъ вдохновеніе на степень „божественнаго глагола“, заканчивается въ послѣднихъ строкахъ указаніемъ свыше,

которое направляетъ всю дѣятельность поэта къ опредѣленной и осязательной цѣли:

«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!..»

Тѣ же образы носились, очевидно, въ душѣ поэта, когда въ слѣдующемъ году онъ писалъ свое стихотвореніе „Поэтъ". Въ этомъ произведеніи онъ чрезвычайно образно представляетъ намъ рѣзкое различіе, существующее между спокойнымъ настроеніемъ души поэта, когда

«Молчитъ его святая лира
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ...»

Но вотъ наступаетъ „мигъ вожделѣнный"—мигъ вдохновенія, которое и здѣсь представляется поэту „божественнымъ глаголомъ"—и онъ весь какъ бы перерождается:

«Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...» [1])

И вотъ, въ поэтѣ, охваченномъ волною вдохновенія, совершается дивная перемѣна:

«Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...»

Въ этомъ стихотвореніи, удивительно-объективномъ, поэтъ, опредѣливъ разницу двухъ противоположныхъ настроеній души поэта, указываетъ на уединеніе, какъ на одинъ изъ необходимыхъ элементовъ, при которомъ вдохновеніе можетъ особенно успѣшно побуждать поэта къ творчеству... Мы еще видимъ тутъ Пушкина спокойно относящимся къ обществу, еще не проявляющимъ въ своей поэзіи того презрѣнія къ толпѣ, къ „черни", которымъ дышатъ остальныя однородныя произведенія послѣдующихъ годовъ его дѣятельности... Онъ еще не во враждѣ съ обществомъ; онъ проникнутъ искреннею, глубокою вѣрою въ свое призваніе, въ значеніе поэта, какъ провозвѣстника истины, какъ проповѣдника „божественнаго глагола", онъ признается, что поэту, для вдохновеннаго творчества, необходимо удаленіе отъ суетныхъ „заботъ міра"—но и только...

Но уже въ томъ же (1827) году онъ создаетъ небольшое, граціозное произведеніе („Три ключа"), въ которомъ звучитъ очень грустная нота наступающаго разочарованія въ своихъ поэтическихъ идеалахъ... Тутъ ужъ „Кастальскій ключъ" поэтическаго вдохновенія *только поитъ* „изгнанниковъ мірской степи", но не

---

[1]) Такъ и припоминается изъ «Пророка»—
«Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы...»

утоляетъ ихъ „сердечнаго жара“, и оказывается, что полное утоленіе имъ приноситъ только одинъ „холодный ключъ забвенья“... Невольно вспоминается горькій и злобный стихъ, значительно ранѣе вылившійся изъ-подъ пера поэта, въ которомъ онъ также „забвеніе“ предпочиталъ „терніямъ славы“... [1])

Но чѣмъ далѣе слѣдимъ мы за поэтическою дѣятельностью Пушкина, тѣмъ болѣе бросается намъ въ глаза тотъ нравственный разладъ, который мало-по-малу внѣдряется въ душѣ поэта,

Школа въ память Пушкина въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ.

видимо сбивая его съ прежняго пути, затемняя его идеалъ и спутывая его воззрѣнія на себя и на свою дѣятельность. Изъ-подъ пера Пушкина, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ вѣяній, выходитъ очень странная, неясная и трудно-объяснимая пьеса „Чернь“, въ которой поэтъ съ величайшимъ ожесточеніемъ касается вопроса о поэзіи и нравственныхъ цѣляхъ поэзіи... Онъ забываетъ свое прежнее воззрѣніе на поэта, какъ на избранника, которому свыше внушено: „глаголомъ жечь сердца людей“... и представляетъ поэта „сыномъ небесъ“, далекимъ отъ всѣхъ житейскихъ заботъ, презирающимъ эти заботы—жрецомъ чистаго искусства, который ничего не хочетъ имѣть общаго съ „безсмысленнымъ народомъ, поденщикомъ, рабомъ нужды“,—увы!—такъ прочно приковывающей

[1]) «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» 1824 г.

его къ землѣ... Даже на сознаніе народа въ своей нравственной испорченности, даже на требованіе съ его стороны назиданій и нравственныхъ уроковъ, на жажду живого слова, которое могло бы „исправить сердце собратій“, Пушкинъ находитъ возможнымъ отвѣтить:

«Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!»

Тимковскій—извѣстный ученый—цензоръ произведеній Пушкина.

И эту сильную, жестокую тираду заключаетъ очень темнымъ, очень отвлеченнымъ (и даже мало понятнымъ) опредѣленіемъ назначенія поэтовъ:

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...»

Такое опредѣленіе является почти прямымъ противорѣчіемъ тому, которое по всему духу и характеру своей возвышенной настроенности представляетъ намъ прекрасное стихотвореніе „Пророкъ“ — въ своемъ крайнемъ и прямомъ выводѣ. Тамъ именно поэтъ—этотъ избранникъ Божій, вдохновленный и просвѣтленный самимъ Богомъ — вступаетъ въ самую среду „житейскаго волненія“, идетъ, не уклоняясь, на борьбу со всѣми „мірскими злобами“, готовый „жечь сердца людей своимъ глаголомъ“—готовый къ дѣятельной роли провозвѣстника истины и энергичнаго проповѣдника новыхъ идей. Здѣсь же поэтъ низводится до роли какого-то жреца Музъ и поощряемой ими поэзіи, чуждающагося жизни и ея треволненій, и ограничивающаго свою дѣятельность „сладкими звуками и молит-

вами“, для которыхъ онъ будто бы „рожденъ“. Что-то странное, не живое, не Пушкинское слышится намъ въ этихъ заключительныхъ словахъ „Черни“, словахъ, которыя звучатъ намъ какимъ-то неестественнымъ, эгоистическимъ самоотреченіемъ, какимъ-то узкимъ ограниченіемъ предѣловъ поэтической дѣятельности — почти отрицаніемъ связи поэтическаго вдохновенія съ жизнью и дѣйствительностью.

Прошло еще два-три года... Внутренній міръ поэта не просвѣтлялся; разладъ его внутренней жизни съ дѣйствительностью все рѣзче и рѣзче выяснялся передъ нимъ и все болѣзненнѣе щемилъ его сердце. Разладъ этотъ и въ поэтической дѣятельности поэта сказывался такими произведеніями, которыя, очевидно, не могли приносить ему ни радости, ни удовлетворенія его творческому самосознанію, потому что противорѣчили всему его прошлому, всему нравственному строю его существа, всѣмъ традиціямъ его духовной жизни, роста и развитія отъ самой ранней юности. Поэтъ смутно сознавалъ это, терзался этимъ, но все же старался объяснить охлажденіе къ себѣ публики не рѣзкимъ поворотомъ своимъ на новый путь, а дряпностью и негодностью той „черни“, той и холодной, и безсмысленной толпы, которая будто бы не умѣла оцѣнить художника. Это воззрѣніе на „толпу“, все болѣе и болѣе укоренявшееся въ Пушкинѣ, выразилось очень грустными и тягостными строками въ извѣстномъ „Отвѣтѣ анониму“, который мы уже приводили выше.

П. А. Плетневъ—пріятель Пушкина и издатель его первыхъ произведеній.

Въ тѣсной, непосредственной связи съ этимъ стихотвореніемъ, въ томъ же (1830) году явилось и прекрасное стихотвореніе „Поэту“—послѣднее въ ряду посвященныхъ разработкѣ общей

тэмы „значенія поэта“. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ, потому что считаемъ его однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній послѣдняго періода дѣятельности Пушкина, значительно характеризующимъ послѣдній фазисъ въ развитіи его поэтическаго міросозерцанія:

«Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты—царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой вышній судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты самъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа тебя бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.»

Въ общемъ, это произведеніе представляетъ мало утѣшительнаго со стороны того исключительнаго, одинокаго положенія, которое поэтъ самъ себѣ отводитъ въ общественной средѣ. Мы не можемъ представить себѣ, чтобы человѣкъ могъ себя считать хоть сколько-нибудь счастливымъ, „живя одинъ“ и презрительно относясь къ окружающимъ... Но все же общій духъ этого стихотворенія—тотъ бодрый и возвышенный духъ, который составляетъ отличительную черту всѣхъ лучшихъ произведеній Пушкина и который нашелъ себѣ послѣднее выраженіе въ его „Памятникѣ“. Самое представленіе поэта „царемъ“ того духовнаго міра идей и образовъ, среди котораго онъ постоянно живетъ, ничего уже не имѣетъ общаго съ туманнымъ опредѣленіемъ поэта, какъ „пѣвца, рожденнаго для сладкихъ звуковъ и молитвъ“, и потому уже совершенно чуждаго и ненужнаго толпѣ. Свободное творчество, при строгомъ и взыскательномъ отношеніи къ „плодамъ любимыхъ думъ“, и самостоятельное положеніе среди общества—вотъ назначеніе поэта.

И это настроеніе, вызвавшее только-что приведенныя нами чудныя строки, въ послѣдніе годы жизни не разъ овладѣвало поэтомъ, который рвался на свободу изъ тѣсно-замкнутаго заколдованнаго круга отношеній, приличій, условій, ослаблявшихъ силы мощнаго духа, отнимавшихъ энергію и подавлявшихъ самоувѣренность.

Но усилія разбивались о тысячи преградъ, которыя самъ поэтъ себѣ ставилъ на пути, энергія притуплялась и тягостное внутреннее сознаніе своего безсилія въ борьбѣ ненужной и безпо-

мощной приводило его къ исканію исхода, конца какого бы то ни было... Конца, во что бы то ни стало, потому что жизнь становилась невыносимою, и не сама по себѣ, не по условіямъ своимъ, а по личной неспособности поэта ни вполнѣ подчиниться имъ, ни вполнѣ отъ нихъ избавиться и освободиться изъ-подъ ихъ гнета. Онъ самъ на себѣ испытывалъ весь ужасъ истины, нѣкогда высказанной имъ въ письмѣ къ пріятелю, которому онъ писалъ: „презирать судъ людей не трудно, презирать судъ собственный—невозможно".

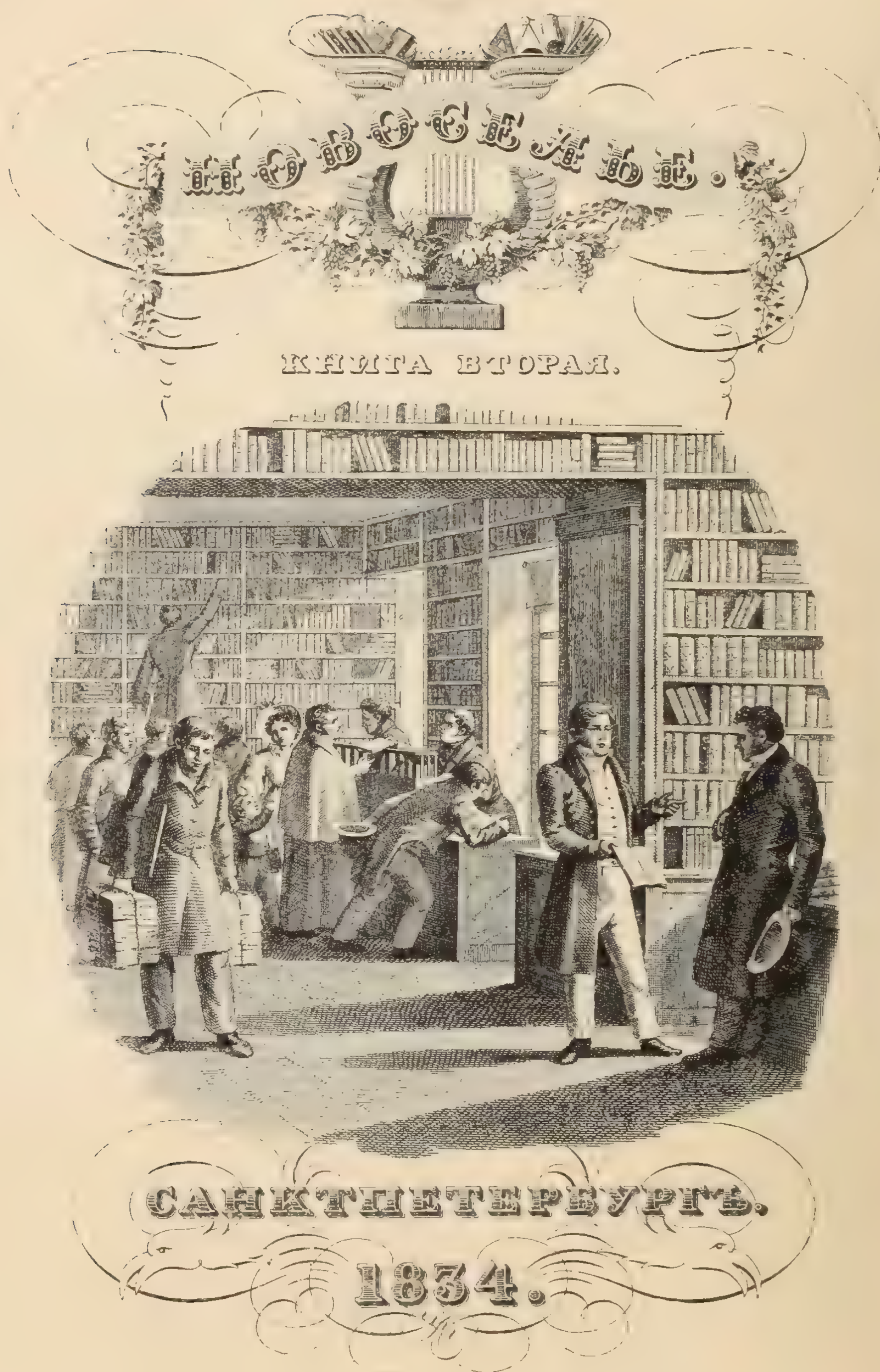
Изданія сочиненій Пушкина.

Произведенія Пушкина, если мы примемъ въ соображеніе первые печатные опыты его (явившіеся въ журналахъ въ 1814—1815 гг.), уже въ теченіе 85 лѣтъ составляютъ одно изъ лучшихъ достояній русскаго читателя. Но очень многимъ изъ русскихъ читателей даже и въ голову не придетъ, что у печатаннаго текста пушкинскихъ произведеній есть своя исторія и даже очень любопытная и поучительная въ томъ смыслѣ, что на ней наглядно отразились пережитыя за этотъ періодъ русскимъ обществомъ историческія эпохи и постепенный ростъ нашего общественнаго самосознанія. Мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что наши отцы и дѣды *не знали Пушкина* (въ его произведеніяхъ) такимъ, какимъ мы его знаемъ, и не могли имѣть полнаго представленія о силѣ и значеніи его дарованія, какое мы имѣемъ въ настоящее время. Въ подтвержденіе высказанной нами увѣренности, припомнимъ, что современники Пушкина не дождались, при жизни его, *полнаго собранія* сочиненій поэта и послѣ смерти его получили лишь весьма неполное. Не мѣшаетъ также припомнить и то, что бо̀льшая часть произведеній поэта (въ особенности крупныхъ) была напечатана въ нашихъ столичныхъ центрахъ въ его отсутствіе и безъ его личнаго участія въ самомъ процессѣ печатанія, что̀ въ значительной степени способствовало искаженію текста не только такъ-называемыми „прискорбными опечатками", но даже и прямыми безсмыслицами, вслѣдствіе того, что рукописи Пушкина были невѣрно или небрежно прочтены то вѣтреными, то недостаточно серьезными и недостаточно внимательными издателями. Всѣ письма Пушкина съ Юга Россіи и изъ деревни—переполнены укорами его брату, Льву Сергѣевичу, В. К. Кюхельбекеру и другимъ друзьямъ, принимавшимъ на себя заботы по изданію въ свѣтъ его произведеній. Въ какой степени справедливы и вполнѣ заслужены были эти укоры, видно изъ того, что извѣстный стихъ Пушкина:

«Гдѣ веселье председатель...»

могъ быть напечатанъ:

«Гдѣ веселье *засѣдатель...*»

Титульный листъ второй книги «Новоселья», изображающій книжный магазинъ Смирдина. На первомъ планѣ, направо, Пушкинъ и князь Вяземскій.

а въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ попадались даже и такіе промахи, какъ напримѣръ: „зимой“, вм. „домой“; „важнѣй“, вм. „нѣжнѣй“; „зимнія“ вм. „дымныя“... и т. п.

Посмертное изданіе Пушкина.

Ничуть не лучше этихъ изданій отдѣльныхъ произведеній поэта было и *первое полное собраніе его сочиненій*, *первое посмертное*, надъ которымъ такъ усердно трудились друзья поэта, подъ руководствомъ Жуковскаго, по Высочайшей волѣ поставленнаго во главѣ этого дѣла, сопряженнаго съ благотворительною цѣлью [1]). Несмотря на то, что въ распоряженіи Жуковскаго были всѣ рукописи Пушкина, онъ какъ-то ужъ черезчуръ осторожно, почти трусливо, отнесся къ выполненію возложенной на него обязанности, и потому воспользовался далеко не всѣмъ матеріаломъ рукописей: не напечаталъ изъ нихъ даже и того, что, конечно, могло бы быть напечатано и при тогдашнихъ весьма строгихъ требованіяхъ цензуры. Мало того, изданіе, роскошно обставленное со стороны внѣшней, не избѣжало весьма грубыхъ опечатокъ и ошибокъ въ передачѣ пушкинскаго текста. Изданіе это вскорѣ разошлось и уже въ концѣ 40-хъ годовъ стало библіографическою рѣдкостью. Слѣдующее изданіе, сдѣланное по рукописямъ поэта П. В. Анненковымъ, въ значительной степени превосходило первое посмертное по многимъ достоинствамъ своимъ. Просвѣщенный издатель отнесся къ выполненію своей задачи въ высшей степени добросовѣстно, и хотя не могъ (по условіямъ времени) дать *полнаго* изданія сочиненій Пушкина, однакоже многое объяснилъ и освѣтилъ своей критикой и собралъ въ изданіи своемъ все, что, по его мнѣнію, могло способствовать пониманію произведеній нашего великаго поэта. Такъ, напримѣръ, онъ первый занялся серьезно собираніемъ матеріаловъ для біографіи Пушкина и ознакомилъ почитателей его памяти съ такимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, какъ переписка Пушкина. Объемъ извѣстныхъ публикѣ произведеній поэта значительно расширился въ анненковскомъ изданіи, текстъ отдѣльныхъ произведеній также улучшился; многія строки, въ прежнихъ изданіяхъ наполнявшіяся точками, были замѣщены текстомъ, который значительно сократилъ область неизвѣстнаго въ поэзіи Пушкина. Но вскорѣ собраніе сочиненій Пушкина сдѣлалось частною собственностью издателя-гостинодворца, который пріобрѣлъ его за безцѣнокъ (за 30.000 р.), до конца авторскаго права, и надолго задержалъ разработку текста Пушкина, которая, при повтореніи изданій, поручалась издателемъ-собственникомъ то одному, то другому лицу; сообразно съ личностью, завѣдывавшею печатаніемъ, изданіе то нѣсколько улучшалось, то прямо искажалось различными, большею частью неудачными поправками и

[1]) По волѣ императора Николая I это изданіе было напечатано на казенный счетъ, и весь доходъ его назначенъ въ пользу семьи поэта.

варьянтами [1]). Только уже къ концу пятидесятилѣтія со смерти поэта, съ которымъ кончались всѣ личныя права на произведенія Пушкина и они становились общимъ достояніемъ всего русскаго общества—только къ этому сроку „полныя“ собранія сочиненій Пушкина начали становиться *почти полными*, и явилась возможность серьезной обработки ихъ текста, потому что и рукописи поэта, принесенныя его наслѣдниками въ даръ Московскому Румянцевскому Музею, стали доступны для всѣхъ, желающихъ ими заняться. Съ другой стороны, измѣнившіяся условія нашей общественной жизни дали возможность устранить и еще одно препятствіе къ возстановленію правильности пушкинскаго текста: мы разумѣемъ тотъ тяжкій цензурный гнетъ николаевскаго времени, который такъ страшно возмущалъ поэта, потому что онъ видѣлъ, какъ текстъ его произведеній страдалъ отъ цензурныхъ измѣненій и сокращеній.

Искаженія цензурныя.

Особенно должно было возмущать Пушкина именно то въ этихъ измѣненіяхъ и сокращеніяхъ, что они были большею частью совершенно произвольны, даже прихотливы: иногда было даже трудно объяснить себѣ, что побуждало цензора портить текстъ стихотвореній Пушкина? До такой степени цензурныя помарки были мелочно-придирчивы и просто причудливы; до такой степени онѣ противорѣчили общему смыслу остального текста, а иногда даже и совершенно измѣняли основной его смыслъ! Не говоря уже о такихъ цензурныхъ замѣнахъ, какъ „порочный дворъ цирцей“ вмѣсто „порочный дворъ царей“, приведемъ для примѣра цензурнаго произвола извѣстный стихъ изъ „Кавказскаго плѣнника“, въ которомъ цензурѣ почему-то вздумалось измѣнить слово „ночей“ на слово „дней“, можетъ-быть, изъ уваженія къ какимъ-то мнимымъ приличіямъ.

У Пушкина было такъ:

«Не много радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала».

Цензура измѣнила такъ:

«Не много радостныхъ *ей дней*
Судьба на долю *ниспослала*».

Выходила невозможная какофонія, которую Пушкинъ никакъ не могъ допустить, которая приводила его въ отчаяніе [2]).

[1]) Извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ, принявъ на себя изданіе сочиненій Пушкина, оказалъ серьезную услугу, значительно улучшивъ текстъ произведеній поэта, который былъ сильно испорченъ другимъ библіографомъ, Г. Н. Геннади, редактировавшимъ изданіе 1859 г. По поводу этого изданія одинъ изъ старыхъ пріятелей Пушкина разразился эпиграммой:

«Нашъ Пушкинъ жертвой палъ двухъ адовыхъ исчадій:
Дантесъ его убилъ и издавалъ Геннадій».

[2]) По этому поводу онъ пишетъ къ одному изъ своихъ друзей: «Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: «ей дней», въ концѣ стиха: «Ночей, ночей», — ради Христа, ночей судьба на долю ей послала... ибо

Не мѣшаетъ для характеристики цензурныхъ измѣненій припомнить и тотъ любопытный фактъ, что только въ послѣднее время, предпослѣдняя строка въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина „Памятникъ“, стала печататься такъ, какъ она сохранилась въ рукописи поэта:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ».

А еще очень недавно, эти строфы печатались въ слѣдующей цензурной передѣлкѣ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ [1])».

Академическое изданіе.

Только къ 80-мъ годамъ — наканунѣ перваго Пушкинскаго празднества—явилась возможность устранить, по отношенію къ произведеніямъ Пушкина, всякія цензурныя стѣсненія и дать изданіе ихъ почти полное, т. е. съ очень немногими пробѣлами и пропусками. Ко дню празднованія, когда разомъ было выпущено въ свѣтъ такое количество всевозможныхъ изданій Пушкина, сдѣлана была Литературнымъ Фондомъ попытка издать Пушкина въ возможно полномъ и возможно исправномъ видѣ— попытка невполнѣ удавшаяся, потому что лицо, редактировавшее его изданіе, какъ оказалось впослѣдствіи, болѣе руководилось въ своей работѣ предшествующими изданіями и мало (въ рѣдкихъ случаяхъ) прибѣгало къ провѣркѣ текста по рукописямъ, т. е. по тетрадямъ Пушкина. Однакоже, изданіе Фонда все же явилось наиболѣе полнымъ изъ всѣхъ до того времени напечатанныхъ изданій. Гораздо далѣе продвинуто дѣло изученія и полнаго исправленія пушкинскихъ текстовъ въ обширномъ и монументальномъ изданіи сочиненій нашего поэта, придпринятомъ Академіей Наукъ наканунѣ годовщины столѣтія со дня рожденія Пушкина. Это изданіе, редакція котораго была поручена вице-президенту Академіи, Л. Н. Майкову, обѣщала (судя по первому тому) очень близко подойти къ идеалу всѣхъ подобныхъ классическихъ изданій авторовъ, предпринимаемыхъ на Западѣ по поводу юбилейныхъ торжествъ. Но кончина Л. Н. Майкова надолго отодвинула продолженіе этого прекраснаго и полезнаго труда.

днемъ она съ нимъ не видалась,—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры?..»

[1]) Кажется, въ этомъ измѣненномъ видѣ, эта строфа начертана и на пьедесталѣ памятника Пушкину въ Петербургѣ?

Судьба сочиненій Пушкина.

Эта. кратко-изложенная исторія пушкинскаго текста отчасти указываетъ намъ на то, что даже и ознакомленіе съ произведеніями и съ поэтическою дѣятельностью Пушкина во всемъ ея объемѣ и значеніи — не сразу далось русскому обществу. Личность поэта — нравственная физіономія его — долгое время не уяснялась вполнѣ его читателямъ, и оставалась со многихъ сторонъ нѣсколько туманною, не вполнѣ понятною. Мы ужъ видѣли выше, какъ этому мѣшали, съ одной стороны, условія цензурныя, вообще неблагопріятныя и вполнѣ зависѣвшія отъ произвола цензора; съ другой — неполнота и неисправность самого текста изданій Пушкина, переполненныхъ искаженіями и пропусками. Притомъ же, несмотря на громкую славу, которою пользовался Пушкинъ при жизни, произведенія его были все же доступны, сравнительно, лишь очень небольшому кружку людей образованныхъ, просвѣщенныхъ и близко стоявшихъ къ литературѣ. Распространяться въ массѣ общества произведенія Пушкина стали на много десятковъ лѣтъ позже смерти поэта: въ семидесятыхъ годахъ, когда уже стали замирать и забываться личныя отношенія поэта къ его современникамъ... Въ противоположность многимъ другимъ литературнымъ славамъ, которыя вначалѣ вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ и возносятъ того или другого литературнаго дѣятеля на недосягаемую высоту, а потомъ тускнѣютъ и меркнутъ съ поразительною быстотою — слава Пушкина, просвѣтленная и доведенная до очевидной ясности здравою и основательною критикою Бѣлинскаго — съ теченіемъ времени возрастала и крѣпла въ русскомъ обществѣ, и распространялась по лицу русской земли, по мѣрѣ того, какъ распространялось по ней просвѣщеніе. Когда у насъ созрѣли и опредѣлились въ литературѣ партіи, вступившія между собою въ открытую борьбу по многимъ вопросамъ чисто-литературнымъ и другимъ, которые только прикрывались литературою — оцѣнка Пуш-

П. В. Анненковъ—біографъ Пушкина.

Юрод. плачетъ

Взяли мою копеечку; обижаютъ Николку!

Народъ

Царь, Царь идетъ.

(Царь выходитъ изъ собора. Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

Юрод.

Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ.

Царь

Подать ему милостыню. О чемъ онъ плачетъ?

Юрод.

Николку маленькіе дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

Бояре

Поди прочь, дуракъ! Схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка. (Уходитъ)

Юрод. ему вслѣдъ

Нельзя Не надо молиться за Царя Ирода — Богородица ~~[illegible]~~ не велитъ.

Автографъ Пушкина. Страница изъ рукописнаго экземпляра «Бориса Годунова», хранящагося въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Примѣчаніе. Поправки карандашомъ сдѣланы рукою Жуковскаго.

кина, какъ поэта и какъ общественнаго дѣятеля, сдѣлалась предметомъ нескончаемыхъ споровъ между представителями противоположныхъ партій. Поэзія Пушкина являлась мѣриломъ изящества, образцомъ литературнаго вкуса и выраженіемъ высшихъ стремленій духа, къ какимъ способенъ русскій человѣкъ. Всѣ одинаково относились къ поэзіи Пушкина, восхищаясь и умиляясь ею, находя прелесть ея непререкаемой и не отрицая ея обаянія, хотя и смотрѣли на нее съ разныхъ, иногда даже противоположныхъ, точекъ зрѣнія и разбирали на основаніи различныхъ, несхожихъ между собою, философскихъ теорій. Но затѣмъ наступилъ и у насъ періодъ „бурь и борьбы“ — эпоха шестидесятыхъ годовъ—въ теченіе которой вопросы житейской практики, насущнѣйшіе вопросы русской общественной жизни поглотили все вниманіе русскаго общества и отодвинули всякіе литературные вопросы на задній планъ. Отличительной чертой этого періода въ жизни общества было то сомнительное и даже больше того—полупрезрительное отношеніе къ традиціямъ прошлаго, къ авторитетамъ, къ кумирамъ и идеаламъ предшествовавшаго поколѣнія, которое горячо и рьяно проводили въ жизнь новые люди, новые дѣятели, наводнившіе русскую литературу. Подвергая все прошлое, все пережитое русскимъ обществомъ до 60-хъ годовъ, сплошной и безпощадной критикѣ, эти новые люди не могли, конечно, не коснуться и поэзіи, въ которой все также хотѣли перемѣрять на свой аршинъ, все переоцѣнить... Философскія теоріи, требованія искусства и законы эстетики—все это было отвергнуто и пренебрежено, и мѣриломъ достоинствъ поэзіи явилось ея отношеніе къ житейской прозѣ, ея связь съ дѣйствительными нуждами общества, ея полезность и пригодность для насущныхъ потребностей жизни. На мѣсто серьезной критики Бѣлинскаго явилась талантливая, все высмѣивающая, но ни съ какой логикой не согласная критика Д. И. Писарева, который занятія поэзіей приравнивалъ къ занятію ремесломъ и пришелъ къ тому, весьма прямолинейному выводу, что „сапоги тачать полезнѣе, нежели писать стихи“... Выходило такъ, что хорошій сапожникъ оказывался гораздо болѣе полезнымъ членомъ общества, нежели даже такой поэтъ,

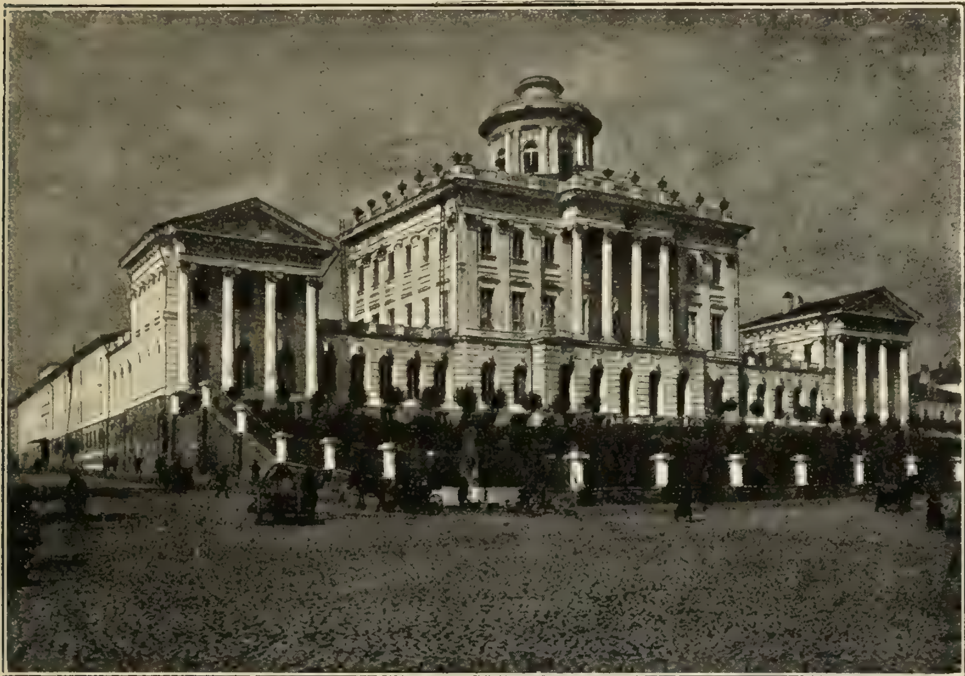
П. А. Ефремовъ—извѣстный библіографъ, много потрудившійся надъ текстомъ Пушкина.

какъ Пушкинъ. Надо признаться, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что, несмотря на всю неправильность постройки и послѣдовательности выводовъ въ статьяхъ Писарева о Пушкинѣ, статьи эти нравились публикѣ и, въ чаду общихъ увлеченій того періода, способствовали въ значительной степени охлажденію публики, въ частности, къ поэтической дѣятельности Пушкина, въ общемъ— къ поэзіи вообще. Но этотъ періодъ увлеченій продолжался недолго: горькій опытъ дѣйствительности, основанный на исторической необходимости и напоминавшій русскому обществу о законѣ постепенности въ развитіи общества, заставилъ всѣхъ отрезвиться. Миновали увлеченія, прошелъ чадъ данной минуты — и опять наступила пора спокойнаго и справедливаго отношенія къ прошлому и его явленіямъ. Многіе вновь вернулись къ серьезному изученію величайшаго изъ русскихъ поэтовъ — и всѣ попрежнему стали имъ восхищаться и зачитываться, и находить въ немъ все новыя и новыя прелести... Истиннымъ торжествомъ нашего поэта были московскія празднества по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ — празднества, на которыя отовсюду съѣхались въ нашу древнюю столицу представители русской интеллигенціи и литературы—и голосъ этихъ избранниковъ земли Русской слился въ одинъ общій хвалебный гимнъ Пушкину.

Другимъ новымъ торжествомъ нашего поэта было наступленіе 50-ти лѣтія со дня кончины Пушкина, окончательно освободившее его сочиненія отъ стѣсненій права авторской собственности. Къ этому дню, въ разныхъ концахъ Россіи, вышли въ свѣтъ первыя удешевленныя изданія Пушкина, раскупавшіяся нарасхватъ, и произведенія Пушкина еще впервые получили широкое распространеніе и проникли во всю массу грамотныхъ русскихъ людей—въ народныя читальни и библіотеки сельскихъ школъ... Съ того времени всего минуло 12 лѣтъ до наступленія недавно-пережитыхъ Россіею „*Пушкинскихъ дней*"—100-лѣтняго юбилея со дня рожденія нашего поэта. То единодушное настроеніе почтительнаго преклоненія передъ памятью Пушкина, которое охватило, въ виду этого юбилея, не одни только интеллигентные и причастные къ литературѣ кружки, а всю грамотную Россію—настроеніе, выразившееся въ общемъ одушевленіи и въ крупныхъ пожертвованіяхъ на памятникъ Пушкину и на разныя благотворительныя учрежденія въ честь и память его—представляется однимъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій русской общественной жизни конца истекающаго вѣка. Это общее одушевленіе, эти торжественныя чествованія памяти Пушкина въ день его 100-лѣтняго юбилея—пока-

зали всѣмъ, въ какой степени былъ правъ нашъ поэтъ, писавшій нѣкогда:

„Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны: и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи, одинъ за другимъ старѣютъ и уступаютъ мѣсто другому поколѣнію—одна поэзія остается на своемъ неподвижно и не теряетъ своей младости".

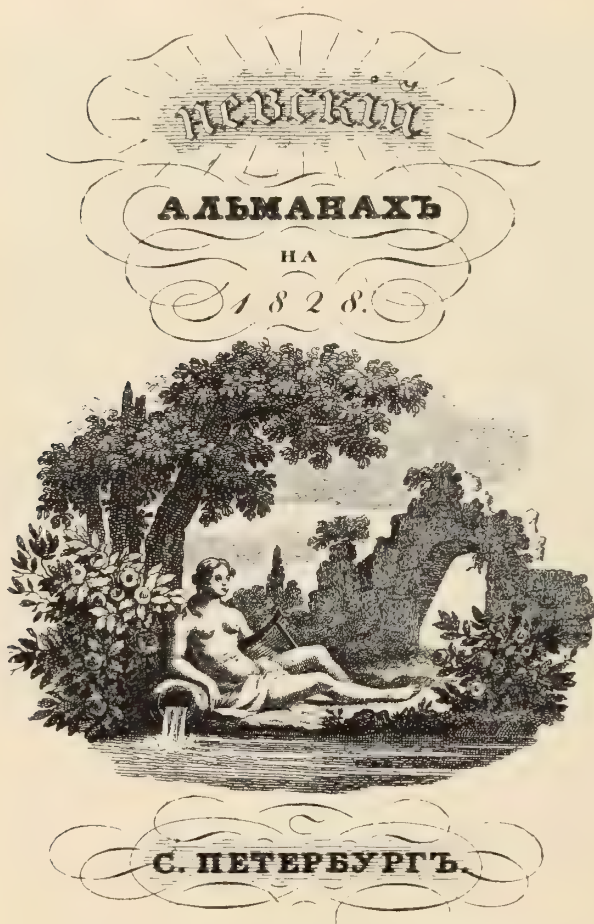

Румянцевскій музей въ Москвѣ, въ которомъ хранятся всѣ рукописи сочиненій Пушкина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Кружокъ Пушкина.—Лицейскіе товарищи.—Позднѣйшія связи.—Эпосъ и лирика въ Пушкинскомъ кружкѣ.—Альманахи и журналистика.—Послѣдователи и подражатели пушкинской поэзіи.

Крупныя силы литературныя никогда не проявляются въ обществѣ одинокими: онѣ всегда собираютъ около себя другія, меньшія силы, которыя какъ бы притягиваются этою крупною силою, развиваются подъ ея вліяніемъ, заимствуются отъ нея во многомъ и составляютъ тѣсный кружокъ, одухотворяемый и вдохновляемый творчествомъ и жизненностью собравшей его силы. Такъ было и съ Пушкинымъ. Еще на лицейской скамьѣ онъ уже собралъ около себя кружокъ юношей, главнымъ интересомъ котораго были занятія словесностью, риѳмы и поэзія. Нѣсколько позднѣе онъ явился душою болѣе обширнаго кружка *арзамасцевъ*, и, несмотря на скромное названіе „Сверчка“, сталъ въ этомъ кружкѣ на равную ногу съ поэтами и писателями, уже пользовавшимися установившеюся литературною извѣстностью. Еще позднѣе, едва вступивъ въ жизнь, онъ сталъ центромъ, около котораго собирались всѣ свѣжія, молодыя и дѣятельныя литературныя силы, составляя какъ бы почетную свиту великаго поэта... Окруженный ею, Пушкинъ видѣлъ себя постоянно въ обществѣ людей дорогихъ и близкихъ,—людей, высоко цѣнившихъ каждымъ малѣйшимъ проблескомъ его великаго дара,—и

Титульная виньетка «Невскаго альманаха».

притомъ людей, постоянно заимствовавшихъ отъ него и свѣтъ, и тепло, и блескъ своихъ меньшихъ дарованій, отражавшихся въ ихъ произведеніяхъ. Въ этотъ кружокъ, еще съ лицейской скамьи, вошли—баронъ А. А. Дельвигъ, ближайшій и закадычный другъ Пушкина, В. А. Кюхельбекеръ—товарищи Пушкина, сверстники и ровесники; позднѣе къ нему примкнули: князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и Петръ Александровичъ Плетневъ, которые были значительно старше Пушкина; еще позднѣе пристали къ тому же кружку поэты: Н. М. Языковъ и Е. А. Баратынскій, которые были оба немного моложе Пушкина. Оба эти поэта, развившіе свои дарованія подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Пушкинской музы, были—если можно такъ выразиться — любимыми дѣтищами Пушкина-поэта, который ихъ поощрялъ, имъ покровительствовалъ въ литературѣ, употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы обратить вниманіе публики на ихъ произведенія—даже баловалъ ихъ, ставя, напримѣръ, многія произведенія Баратынскаго и Языкова выше своихъ собственныхъ. Такое дружелюбное и даже нѣсколько пристрастное отношеніе Пушкина къ друзьямъ-писателямъ, конечно, не могло заставить и критику отнестись къ нимъ въ такой же степени горячо и снисходительно, и она давно уже опредѣлила ихъ настоящее мѣсто въ нашей литературѣ—почетное, но скромное положеніе поэтовъ второстепенныхъ, вызванныхъ къ жизни могучимъ дарованіемъ Пушкина, который многихъ увлекъ вослѣдъ за собою на поприще поэтической дѣятельности, — многихъ ослѣпилъ блескомъ своей славы.

Титульная виньетка альманаха «Подснѣжникъ».

О каждомъ изъ этихъ дѣятелей пушкинскаго кружка мы скажемъ особо и укажемъ болѣе или менѣе подробно на то, что въ области ихъ творчества заслуживаетъ вниманія... [1]).

[1]) Изъ нихъ о князѣ П. А. Вяземскомъ мы уже упоминали выше, какъ о стихотворцѣ, и еще будемъ говорить, какъ о критикѣ. О Плетневѣ также рѣчь будетъ дальше: въ настоящей главѣ займемся преимущественно поэтами.

Альманахи. Прежде всего отмѣтимъ, что дѣятели Пушкинскаго кружка, въ тѣсной связи съ нѣкоторыми изъ декабристовъ (Бестужевымъ и Рылѣевымъ), принимавшихъ дѣятельное участіе въ литературѣ, способствовали появленію въ ней особаго вида сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *альманаховъ*. Эти альманахи, составлявшіеся очень умѣло и осмысленно изъ стиховъ и прозы, были прекрасно приспособлены для легкаго чтенія, и сильно привлекали публику своимъ занимательнымъ содержаніемъ и красивою внѣшностью [1]). Составители альманаховъ, люди умные и талантливые, умѣли очень искусно приспособить эти небольшіе сборники изящной литературы къ вкусамъ и пониманію большинства читающей публики, которая тяготилась слишкомъ серьезными и скучными книжками существовавшихъ въ то время журналовъ и искала болѣе доступнаго чтенія. Такимъ образомъ, альманахи имѣли въ свое время значеніе переходнаго, посредствующаго звена между первоначальнымъ типомъ нашихъ журналовъ, въ родѣ „Вѣстника Европы“ и „Сына Отечества“, и типомъ новымъ, народившимся въ концѣ 20-хъ годовъ.

Періодъ альманаховъ — если можно такъ выразиться—начался съ того, что въ 1822 году явился въ Петербургѣ альманахъ *„Полярная Звѣзда“, карманная книжка для любительницъ и любителей Русской Словесности*, изданная Бестужевымъ и Рылѣевымъ, при содѣйствіи и участіи лучшихъ литературныхъ силъ того времени. Издателемъ этого альманаха былъ извѣстный и весьма почтенный книгопродавецъ И. С. Слёнинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ средѣ современныхъ литераторовъ за свое чрезвычайное безкорыстіе и серьезныя услуги, оказанныя имъ русской литературѣ роскошными и изящными изданіями многихъ русскихъ классиковъ.

Успѣхъ „Полярной Звѣзды“ былъ чрезвычайный: въ теченіе трехъ недѣль альманахъ разошелся въ количествѣ 1,500 экземпляровъ. Само-собою разумѣется, что такой успѣхъ многихъ соблазнилъ и вызвалъ къ подражанію. Въ 1823 г., въ Москвѣ явился альманахъ Раича *„Новыя Аониды“*; а въ слѣдующемъ, 1824 году, въ Москвѣ же, *„Мнемозина“* князя Одоевскаго. Въ томъ же году, въ Петербургѣ явилось уже три альманаха разомъ: вмѣстѣ съ третьею книжкою *„Полярной Звѣзды“*, вышелъ *„Майскій Листокъ“, весенній подарокъ для любителей и любительницъ отечественной поэзіи*, изданный Бестужевымъ-Рюминымъ, и альманахъ Дельвига *„Сѣверные Цвѣты“* [2]). Начиная съ 1825 г. количество альма-

[1]) Всѣ они были небольшого формата, изящно отпечатаны на хорошей бумагѣ и украшены гравюрами и виньетками работы лучшихъ художниковъ и граверовъ.

[2]) Поводомъ къ началу изданія «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» послужило слѣдующее обстоятельство. Издателемъ «Полярной Звѣзды» былъ Сленинъ; но когда надо было приступить

наховъ и сборниковъ возрастаетъ уже въ такой степени, что подробное перечисленіе ихъ считаемъ здѣсь неумѣстнымъ, а разборъ ихъ содержанія безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени составленіе альманаховъ обратилось въ своего рода литературный промыселъ, и въ литературныхъ кружкахъ даже выработался справедливо осмѣянный Пушкинымъ типъ *альманашника* [1]), подъ которымъ подразумѣвался человѣкъ, ловко умѣющій загребать жаръ чужими руками. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ будетъ здѣсь нѣсколько подробнѣе ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ и общимъ характеромъ такого альманаха, какъ „*Сѣверные Цвѣты*" Дельвига, такъ какъ это былъ лучшій и наиболѣе типическій изъ всѣхъ современныхъ альманаховъ, въ теченіе многихъ лѣтъ вполнѣ удовлетворявшій вкусу публики, и потому пользовавшійся отъ перваго и до послѣдняго года одинаковымъ успѣхомъ.

Въ этомъ альманахѣ Дельвига (первая книжка его вышла въ началѣ января 1824 г.) съ самаго начала принимали участіе всѣ литературныя знаменитости и извѣстности того времени: Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ и Баратынскій явились здѣсь рядомъ съ Воейковымъ, Востоковымъ, княземъ Вяземскимъ, Ѳ. Глинкой, Гнѣдичемъ, Измайловымъ, Ободовскимъ, Плетневымъ и многими другими, менѣе извѣстными писателями. Большою заслугою Дельвига было то умѣнье и тотъ тактъ, съ которыми онъ поддерживалъ свои связи и отношенія во многихъ, совершенно противоположныхъ литературныхъ кружкахъ, относившихся къ нему съ одинаковымъ благодушіемъ.

Благодаря этому такту и необычайно спокойному и ровному характеру, Дельвигъ сумѣлъ, мало-по-малу, собрать около себя довольно-обширный литературный кружокъ, къ которому впослѣдствіи примкнули и Веневитиновъ, и Подолинскій, и Гоголь. Вращаясь въ такомъ кружкѣ, Дельвигъ постоянно имѣлъ возможность добывать безъ малѣйшаго затрудненія обильный литературный матерьялъ [2]), и это давало ему возможность поддерживать

къ изданію второй книжки, составители «*Полярной Звѣзды*» нашли болѣе для себя выгоднымъ принять на себя всѣ издержки по изданію альманаха. Тогда Сленинъ, зная связи Дельвига въ средѣ литераторовъ, предложилъ ему составить альманахъ въ родѣ «Полярной Звѣзды», и вызвался быть его издателемъ. Дельвигъ согласился, и издавалъ этотъ альманахъ отъ 1824 по 1832 г.

[1]) Три сцены подъ заглавіемъ «*Альманашникъ*» не были напечатаны при жизни Пушкина, а явились впервые въ свѣтъ въ изданіи Анненкова.

[2]) Обиліе матерьяла, скопившагося въ рукахъ Дельвига, было настолько велико, что онъ даже дѣлился этимъ матерьяломъ съ другими издателями альманаховъ (напр., съ альманахомъ «Царское Село» барона Розена и съ «Денницею» Максимовича), а иногда, въ концѣ года, издавалъ этотъ оставшійся отъ альманаха матерьялъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ. Такъ излишекъ статей, оставшійся отъ V книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», послужилъ матерьяломъ для изданія въ свѣтъ новаго альманаха «Подснѣжникъ».

Д. В. Веневитиновъ.

въ публикѣ интересъ къ своему альманаху, который издавался непрерывно въ теченіе семи лѣтъ (отъ 1824 по 1833 гг.). Нетрудно объяснить себѣ тотъ успѣхъ, которымъ „Сѣверные Цвѣты" постоянно пользовались, когда мы знакомимся съ содержаніемъ этого альманаха и просматриваемъ наиболѣе замѣчательныя изъ помѣщавшихся въ немъ произведеній.

Успѣхъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" внушилъ друзьямъ Дельвига мысль о томъ, что этотъ безпечный и благодушный поэтъ будетъ въ состояніи такъ же легко справиться и съ болѣе трудною задачею—съ предпріятіемъ журнальнымъ. Мысль о подобномъ предпріятіи уже давно носилась въ пушкинскомъ кружкѣ [1]), для котораго великимъ соблазномъ былъ успѣхъ „*Московскаго Телеграфа*" и то вліяніе и значеніе, которымъ онъ начиналъ пользоваться въ обществѣ.

Лит. газета Дельвига.

Мысль о „собственномъ" органѣ стала зрѣть и крѣпнуть въ пушкинскомъ кружкѣ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ князь Вяземскій вышелъ изъ редакціи „*Московскаго Телеграфа*", а Пушкинъ порвалъ свои сношенія съ издателемъ этого журнала Н. А. Полевымъ, послѣ его рѣзкихъ, критическихъ статей противъ „Исторіи Государства Россійскаго". Рѣшено было издавать *свой* журналъ, существенною цѣлью котораго было-бы „сообщеніе читателямъ справедливыхъ и безпристрастныхъ сужденій о словесности Русской". Ни Пушкину, ни его друзьямъ, повидимому, и въ голову не приходило, что подобная программа была слишкомъ узка и одностороння, а потому и не могла быть привлекательна для публики, и не сулила успѣха будущему журналу. И вотъ, въ 1829 году, Дельвигъ, ободряемый Пушкинымъ и княземъ Вяземскимъ, обѣщавшими ему поддержку и содѣйствіе, задумалъ приняться за изданіе „*Литературной Газеты*". Газета, однакоже,

[1]) Пушкинъ и до конца жизни не покидалъ мысли объ основаніи самостоятельнаго журнала. Наконецъ онъ добился того, что ему было разрѣшено издавать «Современникъ». Но, послѣ выхода первой его книжки, Бѣлинскій уже замѣтилъ въ «Молвѣ»; «*Современникъ* есть *журналъ свѣтскій*... Это вторая или третья попытка (такая же неудачная, какъ и прежнія) какой-то аристократической партіи, которая силится основать для себя складочное мѣсто для своихъ мнѣній».

не имѣла успѣха, несмотря на участіе въ ней первостепенныхъ литературныхъ силъ. Къ тому же и Дельвигу не долго пришлось вести это дѣло: въ концѣ 1830 года онъ заболѣлъ и вынужденъ былъ устраниться отъ всякой журнальной и литературной дѣятельности—и скончался 14 января 1831 г.

Въ тотъ самый 1829 г., когда Дельвигъ принялся за изданіе „*Литературной Газеты*", онъ издалъ „первое полное собраніе" своихъ стихотвореній; недаромъ біографъ Дельвига назвалъ этотъ годъ „дѣятельнѣйшимъ годомъ его жизни". Такое утвержденіе біографа можетъ быть принято только въ условномъ смыслѣ: не слѣдуетъ забывать, что Дельвигъ, по самой натурѣ своей, выше всего на свѣтѣ цѣнилъ неподвижность и спокойствіе. По матерьяльному положенію своему, онъ, сойдя со школьной скамейки, вынужденъ былъ поступить на службу [1]), но никакою службою никогда не занимался и не заботился ни о какой служебной карьерѣ.

По природѣ своей, нѣжный, воспріимчивый и чуткій ко всему прекрасному, онъ чувствовалъ сильное влеченіе къ занятію словесностью, но его пламенное и быстрое воображеніе (о которомъ Пушкинъ говорилъ съ восторгомъ), удовлетворяло его своими мимолетными образами и картинами — и онъ не спѣшилъ предавать ихъ ни бумагѣ, ни тисненію... Можно сказать, что онъ занимался литературой *для себя*, на досугѣ, наслаждаясь ею, какъ истинный эпикуреецъ, и нимало не заботясь о литературной славѣ...

Титульный листъ къ Альманаху «Сѣверные Цвѣты», на 1826 годъ.

При такихъ природныхъ задат-

[1]) Между прочимъ, лѣтъ пять подъ-рядъ онъ прослужилъ въ Публичной Библіотекѣ подъ начальствомъ Ивана Андреевича Крылова, такого же эпикурейца, какъ онъ самъ.

кахъ, Дельвигъ, конечно, не могъ отличаться плодовитостью въ своей литературной дѣятельности. Онъ написалъ очень немногое, напечаталъ еще гораздо менѣе, чѣмъ написалъ. Первымъ печатнымъ стихотвореніемъ Дельвига было: „Ода на взятіе Парижа“ („Вѣстн. Европы“ 1814 г.).

По выходѣ изъ Лицея, Дельвигъ помѣщалъ свои стихотворенія въ *„Трудахъ Общ. Любителей Росс. Словесности“*, въ *„Благонамѣренномъ“* Измайлова и въ альманахахъ. Собранныя во-едино, въ „полномъ собраніи“, всѣ произведенія Дельвига составили лишь небольшую книжечку лирическихъ пьесъ, посланій, и идиллій.

Веневитиновъ въ гробу, по современному рисунку.

Гораздо бо́льшею силою и оригинальностью поэтическаго дарованія обладали другіе два поэта: Языковъ и Баратынскій, дружные съ Дельвигомъ и Пушкинымъ и составлявшіе тотъ поэтическій союзъ, который былъ основою Пушкинскаго кружка.

Н. М. Языковъ. *Николай Михайловичъ Языковъ* (род. 1803 г., ум. 1846 г.) [1]) примкнулъ къ этому кружку довольно поздно: онъ познакомился и подружился съ Пушкинымъ въ то лѣто 1826 года, которое онъ провелъ въ Тригорскомъ, по сосѣдству съ Михайловскимъ, почти

[1]) Н. М. Языковъ былъ сынъ богатаго симбирскаго помѣщика. Воспитаніе получилъ въ Институтѣ горныхъ инженеровъ, а потомъ былъ нѣкоторое время въ Инженерномъ училищѣ и, наконецъ, поступилъ въ Дерптскій университетъ. Вездѣ онъ былъ изъ числа малоуспѣшныхъ учениковъ, и изъ университета, по собственному его выраженію, вышелъ «студентомъ безпатентнымъ».

въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нашимъ великимъ поэтомъ. Это знаменитое лѣто, воспѣтое и Языковымъ, и Пушкинымъ, запечатлѣлось навсегда въ памяти Языкова, какъ лучшее воспоминаніе всей его жизни. Недаромъ писалъ онъ впослѣдствіи: „Я вопрошалъ совѣсть мою и внималъ ея отвѣтамъ, и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго, красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!"

Еще въ 1822 году, будучи 19-ти-лѣтнимъ юношей, Языковъ сталъ помѣщать много первыхъ своихъ стихотворныхъ опытовъ въ „*Новостяхъ Литературы*" и въ „*Соревнователь Просвѣщенія*". Очень быстро успѣлъ онъ обратить на свои произведенія общее вниманіе бойкостью и смѣлою новизною своего поэтическаго языка и замѣчательно легкимъ складомъ своего стиха, въ которомъ ярко и пластично передавалъ весьма нехитрыя, весьма обыденныя впечатлѣнія своей юности — воспѣваніе Харитъ, пиршествъ и дружбы. Всѣ заговорили о немъ, какъ о второмъ Пушкинѣ, и самъ Пушкинъ, еще съ 1824 года, пожелалъ познакомиться съ Языковымъ, котораго зналъ тогда только по первымъ его произведеніямъ, отмѣченнымъ печатью несомнѣннаго дарованья. Познакомившись и подружившись съ нимъ, нашъ поэтъ всѣми силами поощрялъ своего молодого собрата и не на шутку восхищался его поэтическими начинаніями. Но ожиданія не сбылись: поэтическій даръ Языкова въ теченіе многихъ лѣтъ не двигался впередъ и не развивался, и угасъ вскорѣ, подобно многимъ другимъ блестящимъ русскимъ дарованіямъ. Слишкомъ широкая русская натура юнаго поэта увлекала его къ веселью и разгулу, и вскорѣ за слишкомъ бурно-проведенную юность пришлось расплачиваться безвременно наступившею болѣзненностью и тяжкимъ недугомъ. Веселыя застольныя пѣсни и гимны торжествующей дружбы и любви замѣнились въ лирикѣ Языкова сѣтованьями на судьбу, на невзгоды жизни, на необходимость скитанія по чужбинѣ для лѣченія и поддержки быстро-падавшихъ силъ. Памятникомъ этихъ скитаній за границей остался цѣлый рядъ превосходно-набросанныхъ картинъ природы въ стихотвореніяхъ: „*Маякъ*", „*Гастуна*", „*Морское купанье*", „*Корабль*", „*Море*", и въ цѣломъ рядѣ элегій, написанныхъ въ Швейцаріи и Италіи и напечатанныхъ въ „*Денницѣ*" Максимовича, въ „*Сѣверныхъ Цвѣтахъ*" Дельвига, въ „*Московскомъ Наблюдателѣ*" и въ „*Москвитянинѣ*" Погодина. Неподдѣльною, глубокою грустью звучатъ строки одного изъ его послѣднихъ стихотвореній, написанныхъ за границей, гдѣ онъ тщетно искалъ исцѣленія своему упорному недугу:

«Богъ вѣсть, не втунѣ-ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!

А. А. Дельвигъ.

Мой черный день не разгулялся:
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ...» (1841 г.)

Послѣдніе три года его жизни отмѣчены поворотомъ его лирики къ религіозному настроенію — къ такимъ тэмамъ, какъ „*Самсонъ*", „*Землетрясеніе*", „*Подражаніе псалму*" („Блаженъ, кто мудрости высокой послушенъ сердцемъ и умомъ"...) [1]).

Поэзія Языкова нравилась современникамъ поэта; его стихотворенія, при жизни его, выдержали три изданія (въ 1833, 1844 и 1845 гг.). Бѣдная содержаніемъ и довольно однообразная въ выборѣ тэмъ, вдохновлявшихъ поэта, она, очевидно, привлекала своею внѣшностью — богатствомъ и роскошью внѣшней формы стиха и красотою языка, которымъ онъ съ поразительною смѣлостью умѣлъ пользоваться для поэтическаго выраженія мысли. Гоголь недаромъ сказалъ о немъ, что онъ „владѣетъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью"... Съ этимъ отзывомъ отчасти соглашается и Бѣлинскій, который также ставитъ въ главное достоинство Языкову его поэтическій языкъ, говоря:

„Смѣлыя, по ихъ оригинальности, стихотворенія Языкова имѣ-

Титульный листъ къ альманаху «Сѣверные Цвѣты» на 1827 г.

[1]) Н. М. Языковъ скончался въ концѣ декабря 1846 г.; онъ похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

ли на общественное мнѣніе полезное вліяніе: они дали возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать, слѣдственно каждому дана возможность быть самимъ собою въ своихъ сочиненіяхъ. Это и было задачею всей романтической эпохи нашей литературы, задачею, которую она счастливо разрѣшила..."

Н. М. Языковъ, въ молодости.

Почти ту же мысль, но короче и сильнѣе, выразилъ одинъ изъ современниковъ Языкова, сказавъ о немъ, что онъ былъ преимущественно *„поэтомъ выраженія..."*

Титульный листъ альманаха «Сѣверные Цвѣты» на 1828 годъ.

Попытки перехода отъ мелкихъ лирическихъ пьесъ къ болѣе крупнымъ эпическимъ произведеніямъ оказывались неудачными у Языкова, и изъ нихъ болѣе или менѣе законченною осталась только одна: написанная въ драматической формѣ сказка „Жаръ-Птица". Болѣе склонности къ эпическому складу высказалъ третій членъ поэтическаго союза — *Баратынскій*, кромѣ лирики, написавшій три крупныхъ эпическихъ произведенія.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій (род. 1800 г., ум. 1844 г.) [1]) позна- Е. А. Баратынскій.

[1]) Е. А. Баратынскій родился въ помѣстьѣ своего отца—въ с. *Вяжлѣ*, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ. Подготовленный дома и въ пансіонѣ, онъ потомъ поступилъ въ Пажескій корпусъ.

знакомился съ лицейскимъ кружкомъ Пушкина въ тотъ печальный періодъ своей юности, когда ему приходилось начинать службу рядовымъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ [1]). Съ Дельвигомъ ему даже пришлось жить вмѣстѣ, и они вскорѣ вступили въ самую тѣсную дружбу. Черезъ Дельвига познакомился онъ и съ Пушкинымъ, и съ Жуковскимъ, и съ Плетневымъ, и всегда вспоминалъ съ благодарностью о томъ, что добрый Дельвигъ заставилъ его забыть *„о суровой судьбѣ“* и *„ввелъ его въ семейство добрыхъ Музъ“*. Дѣйствительно, Дельвигъ, безъ вѣдома самого Баратынскаго, напечаталъ его первые стихотворные опыты (въ 1819 году, въ журналахъ *„Благонамѣренный“* и „Сынъ Отечества“) и этимъ поощрилъ его къ дальнѣйшимъ занятіямъ поэзіею.

И лирическія, и эпическія произведенія Е. А. Баратынскаго, отчасти подъ вліяніемъ грустныхъ обстоятельствъ его молодости, отчасти подъ впечатлѣніемъ переживаемой русскимъ обществомъ тягостной эпохи, носятъ на себѣ одинъ общій колоритъ какой-то тихой, затаенной грусти. Вчитываясь въ эти произведенія, мы видимъ, что въ нихъ отразился и байронизмъ, преобладавшій въ ту пору во всей европейской поэзіи — отразилась несомнѣнно и фантастическая романтика, внесенная къ намъ Жуковскимъ. Творчество Баратынскаго, насколько оно выразилось въ его произведеніяхъ между 1821—1830 гг., остановилось и какъ бы застыло на той степени „русскаго байронизма“, какую мы можемъ наблюдать въ первыхъ эпическихъ опытахъ Пушкина („Кавказскомъ плѣнникѣ“, „Цыганахъ“, „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“). Герои эпическихъ произведеній Баратынскаго — нѣсколько туманные, мечтательные, разочарованные и скучающіе среди стѣснительныхъ условій общественной жизни — очень напоминаютъ намъ героевъ Пушкина въ первой, кишиневско-одесской порѣ развитія его таланта. Подъ ладъ этой нѣсколько туманной и унылой поэтической настроенности подошла и та суровая и непривѣтная финляндская природа, среди которой поэту пришлось провести періодъ 1820 — 1825 гг.: [2]) — она дополнила и оттѣнила своимъ особымъ колоритомъ то первое эпическое произведеніе, которое было написано Баратынскимъ въ Финляндіи. Это произведеніе была его поэма *„Эда“* (написанная въ 1825 — 1826 гг.), въ которой героинею явилась финляндка Эда, граціозное и милое су-

[1]) Попавъ въ корпусѣ въ дурной товарищескій кружокъ, онъ былъ замѣшанъ въ его шалости и исключенъ изъ корпуса «съ запрещеніемъ поступать въ какую бы то ни было службу, кромѣ военной—и то не иначе, какъ рядовымъ».

[2]) Въ 1820 году Баратынскій былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и переведенъ на службу въ Финляндію, въ захолустье Кюмельскихъ и Роченсальмскихъ укрѣпленій. Только въ 1825 году онъ былъ, наконецъ, произведенъ въ офицеры, вышелъ въ отставку и и поселился въ Москвѣ.

щество, въ общемъ напоминающее „Бѣдную Лизу“ Карамзина“ [1]). Пушкинъ, восхищавшійся наивною прелестью этой поэмы, возмутился тѣми критическими отзывами, которыми она была встрѣчена въ русской журналистикѣ, и отозвался на нихъ извѣстной эпиграммой:

«Твоя чухоночка—ей-ей!—
Гречанокъ Байрона милѣй.
Твой стихъ блистаетъ, какъ червонецъ,
А твой Зоилъ—прямой чухонецъ!»

Черезъ годъ послѣ переселенія изъ Финляндіи въ Москву, Баратынскій женился и былъ очень счастливъ въ супружествѣ. Вполнѣ обезпеченный, довольный своей судьбою и семейнымъ очагомъ, онъ предался своей семейной и домашней жизни, и очень охотно посвящалъ свои досуги литературѣ. Занимаясь ею съ любовью, онъ усердно поддерживалъ старыя связи съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Плетневымъ и Жуковскимъ, но вскорѣ сошелся и съ кружкомъ „Московскаго Телеграфа“, и съ другими московскими литераторами: И. Кирѣевскимъ, Языковымъ, Хомяковымъ. Здѣсь-то, — по его собственному выраженію,—„переживая тихій сонъ полнаго счастья“ — онъ написалъ и тщательно отдѣлалъ еще двѣ поэмы: „*Балъ*“ (1827 г.) и „*Цыганка*“ (1830 г.). Послѣ этихъ поэмъ онъ уже не возвращался болѣе къ эпосу и довольствовался лирикой, хотя и писалъ довольно много, и 1835-й годъ даже былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ въ его поэтической дѣятельности. Въ этомъ же году онъ издалъ второе, дополненное изданіе своихъ стихотвореній, а пять лѣтъ спустя, собралъ все, что было имъ написано послѣ 1835 года, и издалъ въ видѣ особаго сборника, подъ однимъ общимъ заглавіемъ „Сумерки“.

Этотъ послѣдній сборникъ былъ имъ изданъ незадолго до его отъѣзда за границу, куда онъ ужъ давно сбирался, особенно мечтая о путешествіи по Италіи. Зиму 1843 и 1844 гг. онъ провелъ вмѣстѣ съ женою своею въ Парижѣ, въ кружкѣ современныхъ знаменитостей французской литературы (Виньи. Сентъ-Бёва, братьевъ Тьери, Нодье, Мэримэ, Ламартина, Гизо) и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ А. И. Тургеневымъ (безвыѣздно жившимъ въ Парижѣ). Весною 1844 года Баратынскій отправился черезъ Марсель моремъ въ Неаполь, и это первое морское путешествіе произвело на поэта глубокое впечатлѣніе, которое и вылилось у него въ прекрасномъ стихотвореніи „Пироскафъ“.

Къ сожалѣнію, это стихотвореніе было однимъ изъ самыхъ послѣднихъ произведеній Баратынскаго. Едва только оно успѣло

[1]) «Бѣдную Лизу» поэма Баратынскаго напоминаетъ и самою фабулою свою, очень незамысловатою.

Милый другъ Николай Михайловичъ, поздравь меня,
Богъ далъ вчера дочь Елисавету. Прошу
тебя и любезнѣйшую Авдотью Яковлевну
полюбить ее и рекомендуйте ее вашей
дѣвушкѣ въ подруги. Жена моя вамъ
свидѣтельствуетъ почтеніе. Она счастливо родила
и здоровье ея хорошо до сихъ поръ.
Прощай душа моя, будь здоровъ и люби
искренно тебя любящаго

4го Мая
1830

Дельвигъ

Автографъ Дельвига. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Примѣчаніе. Письмо это писано къ извѣстному поэту, Н. М. Языкову.

явиться на страницахъ „*Современника*“ (этотъ журналъ издавался въ то время уже Плетневымъ), какъ въ Россію донеслась скорбная вѣсть о томъ, что Баратынскій угасъ въ Италіи. Онъ скончался въ Неаполѣ, скоропостижно, въ самый Петровъ день (1844 г.)[1]. Стремясь съ дальняго Сѣвера въ страну классическихъ памятниковъ, въ страну дивныхъ красотъ неувядающей природы, поэтъ

Е. А. Баратынскій въ юности.

и не помышлялъ о томъ, что ему придется умереть „подъ небомъ Торквата“.

Рядомъ съ вышеприведенными поэтами - современниками и ближайшими друзьями Пушкина: Дельвигомъ, Баратынскимъ и Языковымъ, мы должны упомянуть имя юноши-поэта, который прошелъ легкою, едва-примѣтною тѣнью въ нашей Словесности 20-хъ годовъ, но оставилъ по себѣ яркій слѣдъ въ своихъ немногихъ произведеніяхъ и самыхъ строгихъ критиковъ побудилъ

[1]) Тѣло его было привезено въ Россію и погребено на кладбище Александро-Невской лавры, рядомъ съ могилами Крылова и Гнѣдича.

высказать убѣжденіе въ томъ, что онъ унесъ съ собою въ безвременную могилу большія надежды. Этотъ поэтъ былъ Д. В. Веневитиновъ.

Д. В. Веневитиновъ.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ (род. 1805 года, ум. 1827 года), родился въ Москвѣ и большую часть своей кратковременной жизни провелъ въ нашей древней столицѣ, которую любилъ всею душою. Онъ происходилъ отъ довольно стараго дворянскаго рода, стоявшаго въ нѣкоторой связи съ Запорожьемъ и владѣвшаго богатыми помѣстьями въ Воронежской губерніи. Съ самаго ранняго дѣтства поставленный въ самыя счастливыя условія домашней и семейной жизни, онъ получилъ образцовое воспитаніе и не одно блестящее свѣтское образованіе, а весьма солидное—такое, которое должно было служить ему серьезной подготовкой къ литературной и научной дѣятельности въ будущемъ. Рано овладѣвъ знаніемъ классическихъ языковъ, онъ, можетъ-быть, потому именно и не увлекался даже въ юности блѣдными подражаніями французскихъ поэтовъ римскимъ классикамъ. Очень рано имъ ужъ были переведены отрывки изъ Софокла и Эсхила, а Горацій сталъ его любимцемъ чуть не съ 14-ти лѣтняго возраста [1]). Замѣтимъ кстати, что важнымъ дополненіемъ его воспитанія было знакомство съ искусствами: живописью и музыкой, которое служило какъ бы естественнымъ звеномъ развитія въ юношѣ его чутья къ изящному вообще и къ поэзіи въ частности. Стихи началъ писать Веневитиновъ почти такъ же рано, какъ и Пушкинъ, но, по природѣ своей и по самому своему развитію, онъ не увлекался однимъ только стихотворствомъ, и чувствовалъ почти въ одинаковой степени влеченіе къ поэзіи и къ наукѣ. Послѣднее проявилось въ немъ съ особенною силою въ то время, когда онъ (1822—1824 гг.) поступилъ вольно-слушателемъ въ Московскій университетъ, гдѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ профессора М. Г. Павлова, принялся со страстью за изученіе философіи [2]).

Увлекшись модною въ то время философіею Шеллинга, Веневитиновъ усвоилъ весьма скоро его воззрѣнія на искусство и впослѣдствіи примѣнилъ ихъ не безъ успѣха въ своихъ критическихъ по этому предмету статьяхъ, кстати сказать, заслуживающихъ серьезнаго вниманія и до сихъ поръ не утратившихъ значенія въ исторіи нашей критики.

Окончивъ слушанье университетскихъ лекцій, Веневитиновъ (ему тогда еще не было 20-ти лѣтъ), не увлекся, подобно мно-

---

[1]) Отъ того же возраста дошли до насъ переводы отдѣльныхъ отрывковъ изъ Виргиліевыхъ «Георгикъ», сдѣланные Веневитиновымъ.

[2]) Мы знаемъ, что онъ уже очень рано успѣлъ ознакомиться съ сочиненіями Платона, которымъ наслаждался и восхищался вполнѣ сознательно.

гимъ изъ сверстниковъ, удовольствіями и развлеченіями разсѣянной свѣтской жизни, для пользованія которой обладалъ полною возможностью:—его болѣе привлекали тихія радости уютнаго кабинета, обставленнаго его любимыми книгами, въ числѣ которыхъ выдающееся мѣсто занимали нѣмецкіе классики. Поступивъ на службу въ Архивъ Иностранной Коллегіи въ Москвѣ, Веневитиновъ вскорѣ окружилъ себя молодыми людьми, раздѣлявшими его серьезныя воззрѣнія на жизнь, его стремленіе къ занятіямъ наукою и поэзіей. Настроеніе, преобладавшее въ душѣ поэта въ это время, выразилось достаточно рельефно въ его стихотвореніи *Жертвоприношеніе*, которое мы и приводимъ здѣсь:

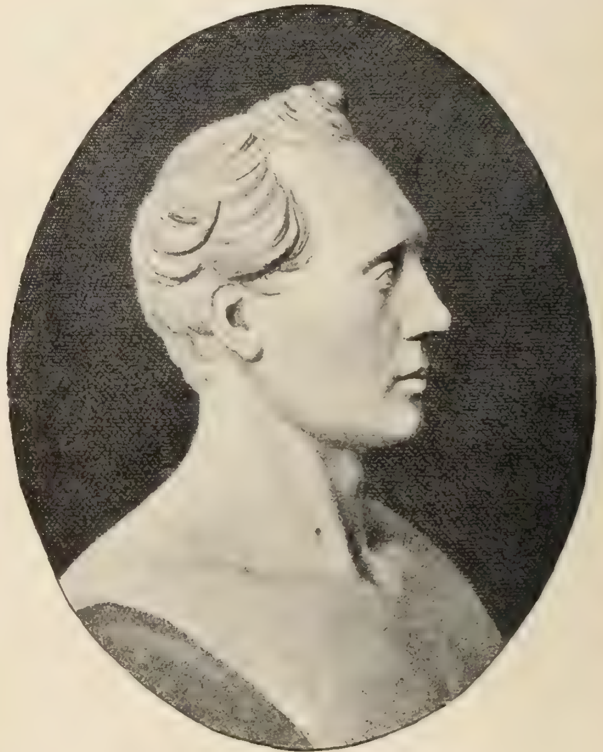
«О жизнь, коварная Сирена!
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!
Ты изъ цвѣтовъ блестящихъ вьешь
Оковы гибельнаго плѣна.
Ты кубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;
Да въ кубкѣ счастья—лишь измѣна.
И въ пѣсняхъ радости—все ложь.
Не мучь напраснымъ искушеньемъ
Груди истерзанной моей
И не лови моихъ очей
Какимъ-то свѣтлымъ привидѣньемъ.
Тебѣ мои скупыя длани
Не принесутъ покорной дани,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь въ сердце поселить
Минутный огнь, раздоръ мгновенный,
Ланиты блѣдностью покрыть,
Отнять покой, безпечность, радость
И осѣнить печалью младость;—
Но не отнимешь ты, повѣрь,
Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! Ихъ спасетъ мой добрый геній,
И не мои они теперь.
Я посвящаю ихъ отнынѣ
Навѣкъ поэзіи святой
И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини.»

Серьезный и вдумчивый юноша, одинаково самостоятельный и независимый, какъ въ своихъ взглядахъ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, привлекалъ къ себѣ невольно живыя и серьезныя силы—и вскорѣ домъ Веневитинова въ Москвѣ обратился въ центръ кружка, который оставилъ довольно замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей словесности. Къ этому кружку принадлежали

Е. А. Баратынскій, въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

И. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ, Н. С. Мальцевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, и братъ А. С. Хомякова, Ѳ. С. Хомяковъ, связанный еще съ дѣтства узами неразрывной дружбы съ Д. В. Веневитиновымъ. Позднѣе къ этому кружку, уже проявлявшему въ себѣ нѣкоторыя основы нарождавшагося тогда славянофильства, примкнулъ и М. П. Погодинъ. Но главнымъ интересомъ кружка, за это время, были еще вопросы литературные и философскіе, въ особенности въ соприкосновеніи съ критикой. Мало-по-малу здѣсь зародилась и стала развиваться идея такого журнала „съ чисто-русскимъ направленіемъ“, который могъ бы вполнѣ удовлетворить духовнымъ и умственнымъ потребностямъ образованнаго общества. Члены Веневитинскаго кружка и самъ Веневитиновъ, на еженедѣльныхъ собраніяхъ своихъ, читали свои статьи и поэтическія произведенія, которыя подготовлялись по каталогу, какъ запасъ матерьяла для будущаго органа. Между прочимъ, тутъ же прочитана была статья Веневитинова, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“ [1]), и эта статья послужила какъ бы основною

Бюстъ Е. А. Баратынскаго, на его надгробномъ памятникѣ.

[1]) Тамъ же были прочтены и другія статьи Веневитинова: „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень, вечеръ и ночь“, „Илагонъ и Апопаторъ“.

Получилъ я любезный
сочивъ Дива Онѣгина
времѧ Дивъ, какъ мил
огорченъ безпрестан
Подолинскій! Конечно въ
Про Онѣгина что я гов
прелесть! Какой слогъ
точной и свободной! Д
Рафаель, писалъ и не
Кистью живописца ич
Что касается до сти

600 экземпляровъ ~~[illegible]~~. на
большой Милліонной, въ домѣ Гри-
Эбелингъ. Между нами особыя
условія и отношенія остальныя
не отнимаютъ располагать по вашему
усмотрѣнію. Для отсылки такого
количества экземпляровъ разумѣется
нужны деньги, которыхъ быть
вы теперь не имѣете готовыхъ
и потому я пишу къ моему
тестю что-бъ онъ доставилъ
вамъ 100 р. Я вамъ безъ того
много долженъ. Позвольте васъ
увѣрить что если не окупится
изданіе, я все равно буду исправ-
нымъ должникомъ. При выпускѣ
изданія сдѣлайте одолженіе доставить
моему тестю 12 экз. въ томъ числѣ

1. на александрійской бумагѣ. Это
для раздачи моимъ московскимъ
роднымъ. Изъ [illegible] Николаю
Алексѣевичу прошу доставить по
экземпляру: К. Вяземскому, Дми-
тріеву, Погодину, попросите
вашего братца принять одинъ
мой на память мою [illegible].
а вашъ [illegible] экземпляръ
удостойте поставить въ вашей
библіотекѣ между Батюшковымъ
и В. Л. Пушкинымъ. [illegible]
[illegible] стихотворцами [illegible]
[illegible]. Тогда и я буду знать
съ стихотворцами. [illegible]
[illegible] это во имя Господа
Бога. Прощайте, обнимаю
васъ отъ всей души. Е. Боратынскій

P.S.

P. S. Это экземпляры книгъ я думаю
по почтѣ отправить будетъ черезъ
чуръ дорого, не лучше ли то
какой нибудь оказiей?

Милостивому Государю
Николаю Алексѣевичу
Полевому.

Въ Большой Мещанской за Су-
харевой башней въ домѣ Поля.

Въ Москвѣ.

программою для народившагося вскорѣ послѣ того (въ томъ же кружкѣ) „Московскаго Вѣстника“, къ которому, какъ мы видѣли выше, такъ сочувственно относился и Пушкинъ, тоже познакомившійся съ Веневитиновымъ во время своего пребыванія въ Москвѣ, въ 1826 г., и охотно посѣщавшій собраніе его кружка.

Но Веневитинову не пришлось быть исполнителемъ того замысла, который зародился въ его кружкѣ. Въ 1826 году онъ получилъ видное мѣсто въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и потому вынужденъ былъ покинуть Москву и переселиться въ Петербургъ, котораго не долюбливалъ. „Московскій Вѣстникъ“ сталъ выходить въ Москвѣ уже въ его отсутствіи, хотя онъ и изъ Петербурга не переставалъ принимать живѣйшее участіе въ этомъ журналѣ, народившемся отчасти по его начертанію. Въ Петербургѣ Веневитиновъ близко сошелся съ Дельвигомъ и вошелъ въ составъ его кружка. Онъ былъ, казалось, въ полномъ расцвѣтѣ молодости (ему еще не было 22 лѣтъ) и силъ умственныхъ и нравственныхъ. Замыслы его простирались широко, поэтическій даръ развивался замѣтно и выражался уже въ произведеніяхъ сильныхъ и звучныхъ, какъ мы можемъ видѣть изъ весьма извѣстнаго его стихотворенія:

Ю. Нелединскій-Мелецкій—извѣстный поэтъ.

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ, какъ океанъ безбрежный...
Найду-ли я утесъ надежный,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль, вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что̀ любить, что̀ пѣть?
«Открой глаза на всю природу»,—
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ,—

«Но дай имъ выборъ и свободу,
Твой часъ еще не наступалъ;
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда жъ минуты умиленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ —
Смирится гордое желанье
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья».

Въ головѣ юнаго поэта (какъ мы можемъ видѣть изъ его переписки) роились планы будущихъ произведеній; онъ пробовалъ свои силы и въ прозѣ, и въ стихахъ; онъ вызывалъ къ себѣ общее сочувствіе и въ полномъ смыслѣ слова „обѣщалъ многое въ будущемъ“, когда случайная неосторожность привела его на край гибели: онъ простудился, заболѣлъ тифозной горячкой и скончался въ Петербургѣ 15 марта 1827 года [1]).

Послѣднее произведеніе его, написанное незадолго до смерти, было плодомъ истиннаго и возвышеннаго вдохновенія:

«Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ».

Веневитиновъ оставилъ намъ по себѣ очень немногое, но это немногое, несомнѣнно, цѣнно и полно значенія... Въ небольшомъ запасѣ своихъ стихотвореній онъ всюду является не только поэтомъ, но и серьезнымъ мыслителемъ; мыслью проникнутъ у него каждый стихъ и по всему характеру его стихотвореній видно, что онъ не способенъ былъ къ „поэзіи звуковъ“, а видѣлъ въ ней полное и гармоническое сочетаніе слова съ мыслью. Не маловажною заслугою Веневитинова было и то, что онъ, первый изъ русскихъ критиковъ, въ немногихъ опытахъ своей критики, явился представителемъ новаго направленія въ критикѣ, которую сталъ основывать не на отжившихъ, старыхъ теоріяхъ, а на

---

[1]) Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву и предано землѣ въ Симоновомъ монастырѣ. Старецъ-поэтъ И. И. Дмитріевъ почтилъ юношу-поэта прочувствованной эпитафіей.

лено-излагаемыхъ и сознательно-воспринятыхъ новѣйшихъ философскихъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ именно смыслѣ были особенно важны его: „Разборъ разсужденія Мерзлякова — *о началѣ и духѣ древней трагедіи*“ и „Разборъ статьи о Евгеніѣ Онѣгинѣ“, помѣщенной въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (за 1826 г.). Это едва ли не первыя, правильно построенныя и правильно обоснованныя русскія критики...

Позади этихъ ближайшихъ къ Пушкину и наиболѣе видныхъ, наиболѣе талантливыхъ современниковъ-поэтовъ его кружка,

Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ. Одинъ изъ литературныхъ центровъ Москвы въ 30-е годы.

въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, стоятъ двое поэтовъ-подражателей Пушкина, въ свое время получившихъ довольно громкую извѣстность, теперь давно уже забытыхъ... Мы имѣемъ въ виду *Козлова* и *Подолинскаго*.

Иванъ Ивановичъ Козловъ (род. 1784 г., ум. 1840 г.) воспитался и выросъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Карамзина и Жуковскаго, какъ главныхъ корифеевъ нашей литературы конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ особенности, поддавшись вліянію Жуковскаго и увлекаемый успѣхомъ „милаго балладника“, Козловъ въ молодости очень много переводилъ съ англійскаго, французскаго и итальянскаго. Еще будучи очень молодымъ человѣкомъ (29 лѣтъ), этотъ поэтъ подвергся тяжкому недугу, который при- Ив. Ив. Козловъ.

ковалъ его къ мѣсту (параличъ въ ногахъ), а впослѣдствіи и окончательно его обездолилъ, лишивъ зрѣнія. Въ этомъ несчастномъ положеніи молодой поэтъ, обратившійся въ невольнаго отшельника, написалъ лучшія свои произведенія, въ числѣ которыхъ двѣ поэмы доставили ему широкую извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Первою изъ этихъ поэмъ была поэма „*Чернецъ*“, исполненная нѣжныхъ чувствъ и восторженныхъ описаній Приднѣпровья (вышла въ свѣтъ въ 1825 г.)[1]); три года спустя поэтъ выступилъ съ новою поэмою: „*Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая*“ — и въ этой поэмѣ приблизительно-вѣрно передалъ глубоко трагическую исторію этой несчастной и великодушной женщины, насколько она извѣстна намъ по ея уцѣлѣвшимъ до нашего времени запискамъ. Поэма эта вышла въ свѣтъ въ 1828 г. и тоже была переведена чуть ли не на всѣ европейскіе языки. За этою поэмою, которая понравилась публикѣ не менѣе „Чернеца“, послѣдовали: въ томъ же году — собраніе стихотвореній, въ слѣдующемъ — переводъ Крымскихъ сонетовъ Мицкевича (1829) и въ 1830—повѣсть: „*Безумная*“. Но силы и здоровье несчастнаго поэта слабѣли все болѣе и болѣе, и, десять лѣтъ спустя, онъ умеръ въ бѣдности и въ полномъ забвеніи въ С.-Петербургѣ [2]).

И. И. Козловъ.

А. И. Подолинскій.

Андрей Ивановичъ Подолинскій (род. въ Кіевѣ 1806 г., ум. 1886 г.) былъ гораздо моложе Козлова, но принялся за авторство очень рано и потому наиболѣе видный періодъ его поэтической дѣятельности почти совпалъ съ періодомъ дѣятельности Козлова. Окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ сталъ по-

[1]) Въ томъ же году явилось *второе* изданіе, а 3-е—въ 1827; поэма «Чернецъ» была тогда же переведена на всѣ языки свѣта.

[2]) Второе изданіе «Собранія стихотвореній Козлова» вышло въ 2-хъ ч. въ 1833 г.; третье изданіе—въ 1840 г.; четвертое, Смирдинское, изданіе—въ 1855 г.

мѣщать свои стихотворенія въ журналахъ, а въ 1827 году высту-пилъ съ фантастическою поэмою „Дѣва и Пери“, во вкусѣ тѣхъ, которыя были введены въ моду Томасомъ Муромъ и его нѣмец-кими подражателями. За этою поэмою послѣдовала повѣсть въ стихахъ „Борскій“ (1829 г.), поэма „Нищій“ (1830 г.) и, наконецъ, „Смерть Пери“ (1837 г.). Въ томъ же году Подолинскій издалъ въ свѣтъ „Повѣсти и мелкія стихотворенія“—и замолкъ надолго, почти на цѣлое двадцатилѣтіе, поселившись въ деревенской глуши (онъ былъ достаточнымъ помѣщикомъ Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ.). Только уже военные громы нашей борьбы съ Европой и геройская защита Севастополя пробудили вновь его вдохновеніе въ половинѣ 50-хъ годовъ, и онъ напомнилъ о себѣ нѣсколькими патріотическими стихотвореніями. Послѣднимъ про-изведеніемъ Подолинскаго, его лебединою пѣснью, было то стихо-твореніе, которое онъ прислалъ на празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета („Изъ стороны родной, но дальней...“) въ 1869 г. Онъ скончался въ глубокой старости, на 80-мъ году отъ рожденія...

Н. М. Языковъ,
въ послѣдніе годы жизни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Полевой и Надеждинъ.—Первыя проявленія разумной и самостоятельной критики литературныхъ произведеній.—«Московскій Телеграфъ» и его значеніе.—Литературные кружки 30-хъ годовъ.—«Телескопъ» Надеждина.—Вліяніе журналистики 30-хъ годовъ на поступательное движеніе литературы.

Мы видѣли выше первыя попытки критическаго отношенія къ явленіямъ текущей литературы — видѣли первые скромные, почти робкіе шаги критики. Видѣли также, въ какое шаткое, щекотливое положеніе ставилъ себя критикъ, дерзавшій произносить даже и благопріятный, но не восторженный отзывъ о томъ или другомъ произведеніи. Этого положенія избѣгали всѣ, зная, что самолюбіе авторское не удовлетворяется ничѣмъ, кромѣ безусловнаго преклоненія. Припомнимъ, что и Карамзинъ, попытавшись въ первомъ изъ своихъ журналовъ ввести критическій отдѣлъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, принявшись за изданіе „Вѣстника Европы", рѣшительно отказался отъ критики и даже заявилъ, что „*не считаетъ ее истинною потребностью нашей литературы* (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. *Хорошая критика есть роскошь литературы*, а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что-нибудь къ общему мнѣнію, нежели заняться его оцѣнкою..."

Зарожденіе ритики

Все это говорилось въ то время, когда „оцѣнка" была возможна и не затруднительна—говорилось во время господства ложно-классическаго направленія и при полномъ преобладаніи теоріи, допускавшей вполнѣ опредѣленныя правила, по которымъ должно было дѣйствовать поэтическое вдохновеніе. При такой постановкѣ дѣла критика была очень легка: достоинства произведенія литературнаго опредѣлялись строгимъ соблюденіемъ правилъ теоріи, а недостатки его являлись въ видѣ отступленій отъ правилъ, преподаваемыхъ теоріею. Гораздо болѣе затруднительною оказалась критика тогда, когда ложно-классическое направленіе стало выходить изъ моды и всѣ перестали вѣрить въ три единства и въ правильное построеніе отдѣльныхъ частей оды. Прежнія, прочныя основы критики рухнули, а новыя не выяснялись, не устанавливались прочно и незыблемо. А между тѣмъ, съ началомъ нынѣшняго вѣка, народились новыя литературныя направленія, а въ связи съ ними новыя воззрѣнія на предѣлы возможнаго въ литературномъ изложеніи, на достоинства и недостатки литературнаго произведенія—явился даже новый слогъ, новые способы выраженія мысли въ литературной формѣ. Сначала подъ вліяніемъ сентиментализма, а потомъ подъ вліяніемъ романтизма, взгляды такъ измѣнились и перепутались, что въ нихъ, наконецъ,

не могли уже разобраться даже и присяжные знатоки теоріи словесности. Разительнымъ примѣромъ такой неопредѣленности во взглядахъ даже и на самые существенные вопросы теоріи словесности можетъ для насъ служить то, что современники-очевидцы разсказываютъ намъ о Мерзляковѣ. Этотъ почтенный поэтъ и ученый, въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, возставалъ противъ романтизма, уже начинавшаго преобладать въ нашей литературѣ, и въ то же время плакалъ отъ восторга, читая „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина... „Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ—и безмолвствовалъ“,— такъ поясняетъ намъ это одинъ изъ современныхъ слушателей Мерзлякова. Но „безмолвствовать“ было уже невозможно. Сторонники старой классической школы приходили въ ужасъ отъ новшествъ романтической школы, и, съ Россійской Академіей во главѣ, метали громы противъ новаго направленія нашей поэзіи, которое широкою волною вливалось къ намъ съ Запада. Сторонники романтизма не оставались въ долгу у своихъ противниковъ, и подъ знаменемъ шутливаго и шумно-веселаго „Арзамаса“ открыли противъ нихъ ожесточенную кампанію, то издѣваясь надъ изувѣрствомъ и чудачествомъ своихъ предшественниковъ въ литературѣ, то безпощадно осмѣивая ихъ ложныя теоріи и устарѣлые литературные предразсудки. Завязалась словесная распря, пересыпаемая взаимными укорами и осужденіями, и современные журналы охотно удѣляли ей мѣсто на своихъ страницахъ; но эта распря не приводила ни къ какому результату, и критика литературная не нарождалась еще, какъ самостоятельная и вполнѣ опредѣленная отрасль литературы.

Собственно говоря, и народиться ей было трудно, потому, ни для кого еще не были достаточно ясны основы разумной, безпристрастной и правильной критики. Чего требовать отъ произведенія поэтическаго, что въ немъ хвалить, и что порицать?—всѣ эти вопросы были для большинства темными и неясными. Критика являлась дѣломъ чисто-личнымъ или партійнымъ: классики бранили романтиковъ, романтики издѣвались надъ классиками, и никому изъ нихъ въ голову не приходило, что, оставаясь самымъ рьянымъ сторонникомъ классицизма, можно было признавать достоинство и оцѣнивать безпристрастно красоты романтическаго произведенія—и наоборотъ; что все дѣло сводилось къ оцѣнкѣ самого произведенія, помимо всякаго (положительнаго или отрицательнаго) отношенія къ личности автора или къ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ по направленію литературному. Даже для лучшихъ представителей нашей литературы 20-хъ годовъ особенно-важною стороною критики являлся ея тонъ, а не самая сущность тѣхъ замѣчаній и указаній, которыя критикъ спосо-

МОСКОВСКІЙ

ТЕЛЕГРАФЪ.

1825.

Титульный листъ журнала «Московскій Телеграфъ». (На первомъ планѣ изображеніе прежняго оптическаго телеграфа).

бенъ былъ высказать по поводу того или другого литературнаго явленія. Такое отношеніе къ критикѣ особенно рѣзко высказалось въ кружкѣ Пушкина, члены котораго (съ самимъ Пушкинымъ во главѣ) никакъ не могли отрѣшиться отъ убѣжденія, что не всѣ, а только „избранные“ имѣютъ право произносить приговоръ надъ дѣятельностью автора и обсуждать его произведенія.

Н. А. Полевой (въ послѣдніе годы жизни).

Но журналы Пушкинскаго кружка (сначала „*Московскій Вѣстникъ*“, а потомъ „*Литературная Газета*“) успѣха не имѣли: критика ихъ не привлекала къ себѣ ничьего вниманія, и публика оставалась къ нимъ равнодушна, несмотря на участіе въ нихъ лучшихъ литературныхъ силъ. И первая литературная критика, заслуживающая вниманія, серьезная по замыслу и смѣлая по выполненію, явилась вовсе не оттуда, откуда бы можно было ее ожидать... Представителемъ этой критики выступилъ человѣкъ, ни съ какой

стороны не принадлежавшій къ какимъ бы то ни было литературнымъ кружкамъ—человѣкъ *новый* (homo novus) въ полномъ смыслѣ этого слова... То былъ *Николай Алексѣевичъ Полевой*—писатель молодой, талантливый и разнообразный, но, по самой природѣ своей, преимущественно журналистъ и критикъ.

Біографія этого замѣчательнаго человѣка заслуживаетъ вниманія по различнымъ своимъ частностямъ и по своей оригинальности:—она, дѣйствительно, не походила на біографію остальныхъ нашихъ писателей, въ то время жившихъ и дѣйствовавшихъ на литературномъ поприщѣ. Ни происхожденіемъ, ни матерьяльнымъ положеніемъ и связями, ни воспитаніемъ въ одномъ изъ лучшихъ, привилегированныхъ заведеній Н. А. Полевой похвалиться не могъ; но зато онъ выступалъ на литературное поприще съ такою подготовкою, какой не имѣли современные ему литераторы: онъ уже отъ ранняго дѣтства жилъ дѣйствительною, практическою жизнью простого русскаго человѣка, много ѣздилъ по Россіи и Сибири, много видѣлъ, много испыталъ—онъ зналъ и Россію, и русскій народъ не съ одной казовой, офиціальной стороны, не смотрѣлъ на нее глазами опытнаго управляющаго или бойкаго старосты; онъ былъ дѣйствительно близокъ къ народному быту и дѣйствительно свѣдущъ въ нравахъ, обычаяхъ, понятіяхъ и воззрѣніяхъ народа.

Н. А. Полевой.

Н. А. Полевой (род. 1796 г., ум. 1846 г.) принадлежалъ по происхожденію къ одному изъ развѣтвленій обширнаго рода курскихъ мѣщанъ, Полевыхъ [1]). Ближайшіе предки его не безъ успѣха занимались различными отраслями торговли и отличались смѣлою предпріимчивостью и страстью къ дальнимъ странствованьямъ [2]). Отецъ будущаго писателя и журналиста, Алексѣй Евсевьевичъ Полевой, не уступалъ своимъ предкамъ въ подвижности и живости, и потому, въ ранней молодости, покинувъ родину свою, Курскъ, уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ и занялся торговыми предпріятіями и впослѣдствіи былъ однимъ изъ учредителей знаменитой Шелиховской сѣверо-американской торговой компаніи. Тамъ онъ женился на молодой дѣвушкѣ, происходившей изъ рода Голикова, прославившагося своими обширными трудами по собиранію матерьяловъ для исторіи Великаго Преобразователя Россіи;

---

[1]) Всѣ курскіе Полевые несомнѣнно выходцы изъ слободы *Полевой* (нынѣ станція Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор.)—нѣкогда заселенной полевыми стрѣльцами. Полевыхъ было въ Курскѣ такъ много, что у каждаго ихъ рода было прежде свое прозваніе, по имени родоначальника или по мѣсту жительства въ городѣ. Тотъ родъ Полевыхъ, изъ котораго происходилъ Н. А. Полевой, носилъ прозваніе *Осиповъ*—отъ одного изъ предковъ.

[2]) Одинъ изъ ближайшихъ родичей Н. А. Полевого, по отцу, погибъ на Алеутскихъ островахъ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ предпринимателей торга морскими котиками.

тамъ и родился у него старшій сынъ, Николай (въ Иркутскѣ), которому предназначена была въ будущемъ видная роль въ русской литературѣ и журналистикѣ.

Отецъ Н. А. Полевого былъ человѣкъ умный и обладавшій обширною и разнообразною начитанностью, конечно, непослѣдовательною и совершенно безсистемною. Сыну передалъ онъ свою чрезвычайную страсть къ чтенію, но никакого правильнаго образованія не могъ ему дать. Юный Полевой учился урывками, мимоходомъ, никѣмъ не поддерживаемый въ своей страсти къ ученію, никѣмъ не направляемый въ своей ненасытной любознательности. Никакой школы, даже и самой элементарной, ему не удалось пройти, и даже домашнему, весьма немудреному ученію мѣшали нѣкоторыя условія его семейной обстановки. Его отецъ, страстный начетчикъ, сторонникъ просвѣщенія и его благъ, былъ человѣкъ непослѣдовательный и горячій, неспособный понять необходимость правильной подготовки для молодого человѣка. Онъ даже не могъ опредѣлить себѣ ту цѣль, къ которой ему бы слѣдовало готовить и направлять своего талантливаго сына, обладавшаго необычайною памятью и большою живостью воображенія; ему нравилось увлеченіе сына чтеніемъ, нравилось даже и то, что онъ съ дѣтскаго возраста сталъ выказывать наклонность къ авторству, но ему хотѣлось непремѣнно направить сына на ту практическую дѣятельность, которая привела его только къ неудачамъ и разоренію... И вотъ онъ, очень часто, въ минуты житейскихъ невзгодъ и тяжкихъ разочарованій, вдругъ принимался рвать и бросать въ огонь книги и тетрадки сына, и требовать, чтобы тотъ ни о чемъ не думалъ и ничѣмъ не смѣлъ заниматься, кромѣ купеческихъ книгъ, расчетовъ и дѣлъ. Въ результатѣ такой непослѣдовательности домашняго воспитанія, по свидѣтельству самого Н. А. Полевого, получилось слѣдующее. Онъ пишетъ въ своей автобіографіи: „Если надобно выразить умственное образованіе мое до 1811 года (когда ему было 15 лѣтъ), то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей „Вѣстника Европы“ до хронологическихъ чиселъ и Библіи, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы; но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить...“

Только уже на 18-мъ году юноша спохватился и созналъ всю недостаточность того запаса знаній, какимъ онъ обладалъ. Онъ самъ постарался внести хотя нѣкоторую систему въ пріобрѣтаемыя имъ свѣдѣнія, отбросилъ легкое чтеніе, занялся грамматикой и сталъ пользоваться первымъ попавшимся знакомствомъ или случаемъ, чтобы хоть сколько-нибудь научиться иностраннымъ языкамъ, а позднѣе и древнимъ... Самообразованіе.

Милостивый Государь

Павелъ Петровичъ

Вчерашній день, изъ 87 № Московскихъ Вѣдомостей, вся Москва узнала о рожденіи, или лучше сказать, зачатіи Телеграфа. Спѣшу препроводить къ Вамъ билетъ и покорнѣйше прошу напечатать прилагаемое объявленіе въ Отечественныхъ Записках — моего же будущаго сына полюбить, ибо онъ право будетъ малой недурной — и смирной будетъ знать только младенческую мудрость и почитать жить мирно со всѣми добрыми людьми.

Очень любопытно было мнѣ знать, какъ Вы доѣхали и всѣхъ ли здоровыхъ нашли Вашихъ домашнихъ.

Здѣсь по отъѣздѣ Вашемъ произошло много любопытнаго и новаго: [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Автографъ Н. А. Полевого. Письмо къ П. П. Свиньину, издателю «Отечественныхъ Записокъ».

(Окончаніе на слѣдующей страницѣ).

а вчерашній день [illegible] до [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] запилъ и [illegible] [illegible].

Погода — здѣсь [illegible] осенняя — и дороги во всѣ[illegible] [illegible].

Не оставьте увѣдомленіемъ о себѣ, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ. [illegible] [illegible] — [illegible] съ телеграфомъ, за неимѣніемъ [illegible] и Вашихъ [illegible], которыя обѣщали Вы [illegible] до [illegible] Александра Семеновича, теперь же никогда.

Съ почтеніемъ есмь и буду

Вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Полевой.

29 окт. 1824 г.

Москва.

„Мнѣ надобно было пересоздать всѣ мои идеи, — пишетъ Н. А. Полевой въ своей автобіографіи: — весь запасъ читаннаго мною съ дѣтства. Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія... Я не писалъ уже ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя самыя тяжелыя работы: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ; выписалъ всѣ глаголы изъ Геймова словаря, переспрягалъ каждый отдѣльно и составилъ новыя таблицы русскихъ спряженій [1]). Силы мои казались мнѣ неистощимыми: все было

---

[1]) «Въ 1822 г.,—замѣчаетъ тотъ же Н. А. Полевой:—почтенный П. П. Свиньинъ представилъ эти таблицы русскихъ спряженій въ Россійскую Академію, и мнѣ выдана была за нихъ въ награду большая серебряная медаль». Не забудемъ, что составитель этихъ таблицъ самъ сталъ заниматься русской грамматикой не ранѣе, какъ на 18-мъ году.

такъ легко, такъ подручно, и впереди все такъ свѣтилось и блестѣло…"

Не слѣдуетъ забывать, что молодой человѣкъ, носившійся съ этими мечтами и предположеніями, не былъ свободнымъ и обезпеченнымъ; что онъ могъ предаваться чтенію и своимъ любимымъ занятіямъ только урывками, только въ тѣ немногіе часы дня и ночи, которые ему удавалось удѣлить отъ своего трудового дня, который онъ проводилъ въ конторѣ богатаго курскаго купца [1]) за торговыми книгами и счетами. И мало того, что онъ, не теряя ни минуты изъ этихъ дорогихъ для него часовъ, учился самъ неутомимо и страстно, онъ успѣвалъ еще дѣлиться своими новыми, недавно пріобрѣтенными свѣдѣніями со своимъ единственнымъ другомъ, роднымъ братомъ Ксенофонтомъ, который впослѣдствіи былъ ему неизмѣннымъ помощникомъ въ его литературной и журнальной дѣятельности. Отъ этихъ приготовительныхъ работъ и трудовъ весьма естественнымъ былъ переходъ къ первымъ попыткамъ выступить на литературное поприще въ печати; и вотъ, съ 1817 г. Н. А. Полевой сталъ посылать свои статейки въ журналы („Русскій Вѣстникъ" и „Вѣстникъ Европы"), и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что его статейки охотно принимаются редакціями и печатаются почти безъ измѣненій. Статьи эти обратили на себя вниманіе мѣстныхъ властей: губернатора и весьма извѣстнаго въ нашей ученой литературѣ епископа (впослѣдствіи митрополита) Евгенія [2]) (Болховитинова), которые старались поощрить молодого купчика къ литературной дѣятельности—и это въ значительной степени благотворно повліяло на его домашнюю, семейную обстановку. Весь 1819 годъ Н. А. Полевой, покинувъ службу въ конторѣ богатаго купца, занимался уже исключительно отцовскими дѣлами и „могъ не скрывать своихъ ученыхъ занятій". Въ февралѣ 1820 г. онъ навсегда покинулъ Курскъ.

Цѣлью его путешествія на этотъ разъ была Москва, которая привлекала юношу своимъ значеніемъ сильнаго, быстро развивавшагося литературнаго центра. Предлогомъ для переселенія въ Москву были дѣла отца, который собирался на послѣднія свои средства открыть въ Москвѣ водочный заводъ. Готовясь и самъ къ переѣзду въ столицу со всею семьею, отецъ послалъ впередъ старшаго хлопотать объ открытіи и устройствѣ будущаго завода; а этому старшему мерещились книги, литературныя и журнальныя

[1]) Дѣла отца Н. А. Полевого были въ это время въ такой степени разстроены, что Н. А. вынужденъ былъ поступить на службу къ одному изъ богатыхъ курскихъ купцовъ и заниматься его дѣлами у него въ конторѣ.

[2]) Н. А. Полевой сталъ извѣстенъ преосвященному «послѣ того, какъ прочиталъ свое стихотвореніе на собраніи библейскаго общества (6 августа 1819 г.) и оно было осыпано похвалами всего собранія».

связи, лекціи университета и рядъ трудовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ...

Московскіе кружки.

Прежде всего онъ попытался примкнуть къ кружку „Вѣстника Европы", издаваемаго Каченовскимъ, которому онъ былъ извѣстенъ въ качествѣ провинціальнаго корреспондента. Но отъ этого кружка вѣяло чѣмъ-то отжившимъ и отсталымъ; въ немъ упорно держались завѣты блаженной памяти псевдо-классицизма; на молодого и рьянаго начинающаго писателя смотрѣли тамъ свысока, и Полевой очень скоро убѣдился въ томъ, что ему нечего дѣлать съ этими литераторами стараго закала... Стараясь проникнуть всюду, гдѣ въ основу бесѣды вносилась серьезная мысль въ связи съ разработкою общихъ литературныхъ вопросовъ, Полевой стучался во всѣ двери, заглядывалъ во всѣ кружки. Случайно сошелся онъ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, котораго поразилъ оригинальнымъ складомъ своего ума и необычайною жизненностью и свѣжестью своихъ взглядовъ. Вѣроятно черезъ Вяземскаго сблизился онъ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, познакомился и съ Веневитиновымъ, и съ Кирѣевскимъ, съ Андросовымъ и другими приверженцами новѣйшихъ философскихъ ученій и преимущественно философіи Шеллинга, въ то время входившей въ моду въ литературныхъ кружкахъ Москвы. Идеи этого нѣмецкаго философа увлекли Полевого, овладѣли на время всѣмъ его существомъ: онъ весь погрузился въ чтеніе сочиненій Шеллинга, въ изученіе книгъ, написанныхъ въ духѣ его идей или проникнутыхъ ими... Стараясь усвоить себѣ эти идеи, онъ цѣлые вечера проводилъ въ обсужденіяхъ и спорахъ по тому или другому философскому вопросу и пытался непремѣнно найти имъ такое разрѣшеніе, которое бы соотвѣтствовало выводамъ Шеллинга. Позднѣе онъ пристрастился къ философіи Кузена, какъ болѣе доступной его пониманію и въ значительной степени упрощавшей идеи германской философіи. Не слѣдуетъ забывать, что огромное большинство общества незнакомо было ни съ какими философскими системами и воззрѣніями и нуждалось именно въ такихъ истолкователяхъ философской премудрости, какимъ былъ Полевой—живой, впечатлительный, увлекающійся и увлекающій; съ другой стороны, и философія Кузена, проводимая Н. А. Полевымъ въ его литературной дѣятельности, примѣняемая имъ къ разъясненію вопросовъ литературы и критики, подходила вполнѣ подъ уровень развитія и понятій большинства, для котораго она могла служить естественнымъ переходомъ къ знакомству съ болѣе глубокими и болѣе смѣлыми системами германской философіи.

Сотрудничество въ журналахъ.

Въ 1822 году скончался отецъ Николая Алексѣевича, и онъ могъ вполнѣ предаться своей непреодолимой склонности

къ литературѣ и наукѣ. Нѣкоторое время онъ продолжалъ, и даже довольно усердно, участвовать въ журналахъ; статейки его появлялись то тутъ, то тамъ; въ особенности его участіе въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (журналѣ, который съ 1822 г. издавалъ Ѳ. Б. Булгаринъ) обратило на него общее вниманіе. Въ немъ всѣ журналисты стали заискивать, какъ въ полезномъ сотрудникѣ... [1]) Но Полевому не по нутру была эта работа, стѣсненная узкими рамками и обязательными отношеніями; въ головѣ его уже роились планы будущихъ смѣлыхъ и широко - задуманныхъ литературныхъ предпріятій.

Кс. А. Полевой,
помощникъ Н. А. по изданію «Московскаго Телеграфа».

Ради осуществленія этихъ будущихъ предпріятій, Полевой сходился съ разными московскими литературными кружками и всюду являлся съ настойчивымъ предложеніемъ затѣять сообща учено-литературный журналъ, планъ котораго давно уже сложился въ довольно стройное цѣлое въ его головѣ. Такъ сначала у него были объ этомъ толки съ Филимоновымъ (авторомъ поэмы „Дурацкій Колпакъ“ и беллетристомъ), который хотѣлъ привлечь къ журналу и своего друга Вердеревскаго; но ихъ общія совѣщанія по этому поводу не привели ни къ чему: они не сошлись ни въ планѣ, ни въ направленіи журнала. Почти такъ же неудачно было и сближеніе Полевого съ

[1]) Въ представленіи попечителя московскаго учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія, по поводу заявленнаго Н. А. Полевымъ желанія издавать «Московскій Телеграфъ», Полевой въ этомъ представленіи названъ сотрудникомъ журналовъ: «*Вѣстника Европы*», «*Сына Отечества*», «*Сѣвернаго Архива*», «*Русскаго Вѣстника*», «*Благонамѣреннаго*» и «*Трудовъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности*».

кружкомъ Веневитинова, членами котораго были, между прочимъ, и Раичъ (переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима"), и Шевыревъ, и Погодинъ [1]): и здѣсь его планъ журнала кружку не понравился, и Полевой долженъ былъ отстраниться. Наконецъ, долгія исканія привели его къ желанной цѣли: онъ познакомился съ княземъ П. А. Вяземскимъ, и тотъ сталъ явно склоняться къ затѣѣ горячаго и энергичнаго молодого человѣка.

Вопросъ былъ рѣшенъ въ кабинетѣ Вяземскаго, въ общей бесѣдѣ между нимъ, Полевымъ и графомъ Михаиломъ Вьельгорскимъ, который очень сочувственно отнесся къ предположеніямъ и планамъ Полевого. Планъ „М Телеграфа".

Журналъ рѣшено было издавать, съ начала 1825 года, по программѣ не обширной, но живой и опредѣленной. Въ книжки его должны были входить четыре отдѣла статей: I. *Науки и искусства*. а) Исторія и археологія; б) Географія и статистика; в) Эстетика. Изящныя искусства. II. *Словесность*. (Проза во всѣхъ родахъ. Переводы изъ классическихъ писателей. Стихотворенія). III. *Библіографія и критика*. IV. *Извѣстія и Смѣсь*. Этому журналу литературы, критики, наукъ и художествъ, рѣшено было дать совершенно новое, по тому времени, названіе „*Московскаго Телеграфа*". Будущій журналистъ такъ объясняетъ это названіе въ своемъ проэктѣ журнала, поданномъ въ министерство народнаго просвѣщенія:

„Избирая названіе „*Московскаго Телеграфа*", издатель желаетъ означить симъ названіемъ, что вниманіе его главнѣйше будетъ обращено на слѣдующее:

1. Сообщеніе отечественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи, географіи, статистики и словесности, которыя бы иностранцамъ показывали благословенное отечество наше въ истинномъ его видѣ.

2. Сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, или что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ касательно наукъ, искусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ народовъ.

Вслѣдствіе сего „*Телеграфъ*" [2]) будетъ *передавать взаимно* изящное и полезное".

Въ той же запискѣ, Н. А. Полевой въ слѣдующихъ выраженіяхъ пояснялъ цѣль и направленіе своего будущаго журнала:

„Сколь же пріятно сердцу русскому, обозрѣвая отечество,

---

[1]) Впослѣдствіи, этотъ кружокъ предпринялъ свой журналъ «*Московскій Вѣстникъ*», неимѣвшій успѣха.

[2]) Когда журналъ вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1825 г., на заглавномъ листѣ его красовалось изображеніе башни прежняго оптическаго телеграфа.

видѣть умножающуюся повсюду ревность къ ученымъ занятіямъ, къ упражненіямъ умственнымъ, утверждающимъ въ насъ вѣру въ Бога, любовь къ отечеству, вѣрность къ избранному Богомъ монарху нашему, ибо главнѣйшее основаніе просвѣщенія есть вѣра, добродѣтель и тщательное исполненіе обязанностей человѣка и гражданина: человѣкъ просвѣщенный есть человѣкъ добродѣтельный.

„Столь же и лестно для каждаго русскаго участвовать въ семъ великомъ дѣлѣ посильными своими способностями.

„Сими одушевляясь чувствами, нижеподписавшійся осмѣливается предположить, съ будущаго 1825 г., изданіе новаго повременнаго сочиненія...“

Разрѣшеніе журнала.

Никакихъ связей, никакого заступничества у молодого литератора въ Петербургѣ не было. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не особенно разсчитывалъ и надѣялся получить разрѣшеніе на свое ходатайство, а потому и не прилагалъ особаго старанія ни къ подбору сотрудниковъ, ни къ заготовкѣ матерьяла... И вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное: гораздо ранѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ московскомъ цензурномъ комитетѣ было получено разрѣшеніе на имя „московскаго 2-й гильдіи купца Николая Полевого — издавать журналъ по представленной имъ программѣ“.

Такой неожиданный и быстрый исходъ журнальной затѣи Полевого объясняется очень просто тѣмъ, что тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ, былъ пріятно пораженъ, узнавъ, что во главѣ новаго журнальнаго предпріятія явился настоящій русскій человѣкъ, вышедшій прямо изъ массы народа. Къ тому же онъ былъ знакомъ съ именемъ молодого, начинающаго литератора, какъ президентъ Россійской Академіи, незадолго передъ тѣмъ наградившей Н. А. Полевого большою серебряною медалью за его изслѣдованіе о спряженіи русскаго глагола. Въ пользу разрѣшенія журнала высказался въ Государственномъ Совѣтѣ и другой патріотъ, Н. С. Мордвиновъ. И дѣло было рѣшено однимъ почеркомъ пера.

Но теперь даже и представить себѣ невозможно, какимъ важнымъ событіемъ было въ ту пору разрѣшеніе новаго журнала въ такомъ центрѣ, какъ Москва, постоянно относившаяся такъ чутко и горячо ко всякимъ литературнымъ интересамъ. Общество сразу раздѣлилось на два лагеря: большинство литературныхъ кружковъ отнеслось къ новому предпріятію неблагосклонно. Журналисты досадовали на потерю полезнаго и талантливаго сотрудника; старые литераторы смотрѣли съ недовѣріемъ на журналъ, подъ знаменемъ котораго должна была, конечно, собраться литературная молодежь; многіе, даже и весьма почтенные люди

не могли примириться съ мыслью, что издавать журналъ и даже критиковать въ немъ заслуженныхъ литераторовъ будетъ какой-то молодой купчикъ-самоучка, такъ смѣло выступающій въ литературѣ со своими новыми идеями и взглядами. Но большинство массы общества отнеслось весьма сочувственно къ журналу Полевого, отъ котораго, съ первой же книжки, повѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ, широко-задуманнымъ...

„Для изображенія совершеннаго журнала, — такъ говорилъ въ этой книжкѣ новый журналистъ:—вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы“ [1]). Цѣлью журнала, очевидно для всѣхъ, являлось возвышеніе умственнаго уровня массы, почему издатель „Московскаго Телеграфа“ на первомъ планѣ ставилъ въ своемъ журналѣ энциклопедичность и безпристрастную, строгую, эстетическую критику. По его словамъ, такая „критика — пробный камень дарованій и добросовѣстности журналиста. Позволительна шутка надъ глупостью, но невыносимы личныя придирки и зависть къ таланту, пытающаяся *avec respect enfoncer le poignard*. Хорошій актеръ негодуетъ на хлопанье райка; горе журналисту, если онъ нравится литературной черни...“

Князь Вяземскій, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ много о своей преобладающей роли въ изданіи „*Телеграфа*“ за первые годы его существованія. Онъ говоритъ: „я закабалилъ себя „*Телеграфу*“. Журнальная дѣятельность была по мнѣ; все подстрекало, подбивало меня; я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами: журнальный сыщикъ все ловилъ на лету...“ Братъ Н. А. Полевого и ближайшій его помощникъ по изданію журнала, Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой, въ своихъ любопытныхъ „Запискахъ“ о жизни Н. А. Полевого, тоже говорилъ, что князь П. А. Вяземскій былъ воодушевителемъ журнала... Но изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы именно ему „Московскій Телеграфъ“ былъ обязанъ своимъ быстрымъ и безпримѣрнымъ успѣхомъ [2]). Успѣхъ этотъ основывался именно на томъ, что душою дѣла былъ человѣкъ, близко стоявшій къ среднимъ

Полевой и Вяземскій.

[1]) По весьма мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ писателей, со времени «Телеграфа» журналы стали преобладать въ нашей литературѣ, и только такія явленія, какъ поэма Пушкина или повѣсть Гоголя, могли обратить на себя всеобщее вниманіе и заставить, хотя на время, журналу предпочесть книгу.

[2]) Князь П. А. Вяземскій—и до «Телеграфа», и послѣ своего разрыва съ нимъ—принималъ живѣйшее участіе въ поддержкѣ нѣсколькихъ журналовъ, и ни одному изъ нихъ не могъ придать того значенія, которое такъ быстро завоевалъ себѣ въ обществѣ «*Телеграфъ*».

слоямъ современнаго русскаго общества и потому именно вполнѣ ясно понимавшій потребности главной массы своихъ читателей. Эта масса только-что начинала выступать на поприще умственнаго движенія въ Россіи; и Полевой былъ ея представителемъ; онъ и самъ живо и непосредственно интересовался всѣмъ, что могло интересовать массу; онъ горячо принималъ къ сердцу ея умственныя потребности, на самомъ себѣ испытавъ, какъ трудно даются человѣку знанія и развитіе въ провинціальной глуши, гдѣ книги вообще были еще и рѣдки, и мало доступны, а средства къ школьному образованію болѣе чѣмъ скудны. Онъ отлично сознавалъ, что для этой массы современные журналы, переполненные мелочной и придирчивой полемикой, были не интересны и не нужны этой массѣ, которая жаждала отъ журнала новыхъ знаній, новыхъ идей, ясно изложенныхъ и примѣненныхъ къ разрѣшенію всевозможныхъ вопросовъ нравственныхъ и эстетическихъ. И Полевой сумѣлъ все это соединить и дать въ своемъ журналѣ, интересъ котораго возрасталъ съ каждою книжкою... Въ короткое время

Карикатура Тимма на Н. А. Полевого.

онъ привлекъ къ своему журналу талантливыхъ и усердныхъ сотрудниковъ. Ближайшее участіе въ завѣдываніи имъ принялъ его братъ, Ксенофонтъ Полевой. Статьи по естественнымъ наукамъ доставлялъ, еще молодой въ ту пору ученый, М. Я. Максимовичъ. А. И. Красовскій занимался переводами ученыхъ статей; князь В. Ѳ. Одоевскій помѣщалъ въ „Телеграфѣ“ музыкальныя статьи и историческіе очерки. Князь Вяземскій слѣдилъ за важнѣйшими явленіями въ иностранныхъ литературахъ, полемизировалъ и иронизировалъ; онъ даже и Пушкина привлекъ на время къ этому демократическому литературному предпріятію, и его заставилъ внести въ „Телеграфъ“ свою скромную лепту въ видѣ 2—3 мелкихъ стихотвореній. Но главная работа все же, конечно, лежала на самомъ издателѣ, который самъ за всѣмъ слѣдилъ, находилъ время все перечитывать, извлекалъ, переводилъ, составлялъ, излагалъ—писалъ неутомимо. Благодаря его неистощимой жизненности и любви къ

дѣлу, ни одно замѣчательное и новое явленіе въ современной жизни, наукѣ и литературѣ не проходило незамѣченнымъ — не пропадало безслѣдно, и возводилось къ общему, освѣщалось новѣйшими философскими воззрѣніями. Такъ напр., „Телеграфъ" ознакомилъ русскую публику съ новой еще (въ то время) наукою политической экономіи, въ цѣломъ рядѣ статей излагая мысли Адама Смита, Шторха, Сэ и другихъ экономистовъ. Въ томъ же журналѣ русская публика впервые ознакомилась съ трудомъ Ал. Гумбольдта, со взглядами Риттера по землевѣдѣнію. Однимъ словомъ, Полевой не даромъ говорилъ: „встрѣчаясь съ журналистомъ, не спрашиваютъ—*что вы знаете?* но—*нѣтъ ли чего-нибудь новаго?*" И дѣйствительно, отъ каждой строки его журнала вѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ и жизненнымъ.

Н. А. Полевой (по наброску Тимма).

Успѣхъ журнала

Успѣхъ журнала, — который съ каждою книжкою становился все интереснѣе и все больше и больше привлекалъ къ себѣ вниманіе—былъ, по тому времени, поразительный... Первыя книжки его печатались сначала только въ 700 экземплярахъ; потомъ количество подписчиковъ возросло до 1000, и впослѣдствіи дошло до 2000 — цифры, по тому времени, очень большой, которой не достигало, до „Московскаго Телеграфа", ни одно періодическое изданіе — даже и *Вѣстникъ Европы* Карамзина. Само собою разумѣется, что подобный успѣхъ долженъ былъ возбудить зависть во многихъ и многихъ побудить къ враждѣ противъ новаго органа и противъ того „выскочки и самоучки", который дерзалъ выступать со своими взглядами и понятіями, не затрудняясь никакими установившимися авторитетами. Враговъ у Полевого явилось много, и болѣе всего этихъ враговъ создавала ему та свобода слова и свобода мнѣній, которую онъ проявлялъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Между тѣмъ, именно эти-то статьи и соста-

вляли главное украшеніе и главную суть всего журнала; о нихъ нельзя было не сказать, что это была *первая русская критика*— въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—первая попытка отнестись къ русской литературѣ, какъ къ полнѣйшему выраженію духовной жизни народа, первая попытка подвести правильные итоги тому, что уже было сдѣлано.

Н. А. Полевой, какъ критикъ.

Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія эта критика должна была бы намъ представиться нѣсколько односторонней, потому что Полевой ко всѣмъ явленіямъ жизни и литературы относился какъ страстный романтикъ; но тогда романтизмъ былъ главною, руководящею идеею въ современной критикѣ, главнымъ „ключомъ разумѣнія“ при объясненіи всѣхъ литературныхъ и поэтическихъ произведеній. Для того, чтобы яснѣе выставить на видъ и выразить основныя идеи романтизма [1], который въ ту пору представлялся послѣдней стадіей развитія въ области человѣческаго творчества, Полевой рѣшился обозрѣть все, что до первой четверти нынѣшняго вѣка было внесено въ русскую литературу, и взглянуть на все это съ точки зрѣнія современной критики. Результатъ получился неожиданный и всѣхъ изумившій: оказалось, что русская литература далеко не такъ богата дарованіями и не такъ переполнена классическими произведеніями, какъ то привыкли думать и авторитетно утверждать многіе присяжные знатоки русской словесности и слѣпые поклонники величія и славы Россіи. Молодой и рьяный критикъ усердно принялся за разборъ архивовъ русской словесности, и, строго взвѣшивая достоинства литературныхъ произведеній, пришелъ къ тому убѣжденію, что многіе изъ нашихъ писателей прошлаго вѣка не по заслугамъ были превознесены громкими титулами россійскихъ Вольтеровъ, Расиновъ и Лафонтеновъ. Онъ первый дерзнулъ заговорить о томъ, что нельзя ставить Кантемира, Сумарокова, Хемницера и Озерова на равную степень съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ. Путемъ сравненія и разбора литературныхъ матерьяловъ, накопившихся у насъ въ теченіе столѣтія, протекшаго со временъ Петровской реформы, Полевой рѣшился доказывать, что у насъ на Руси было только два истинныхъ (мы бы сказали въ настоящее время: непосредственныхъ) поэта: Державинъ и Пушкинъ.

„Въ душахъ всѣхъ другихъ поэтовъ русскихъ, — говоритъ Полевой: — поэзія только отсвѣчивалась — не свѣтила самобытно, не наполняла собою, не сжигала, такъ сказать, всего бытія ихъ.

[1]) Основныя идеи романтизма заключались, главнымъ образомъ, въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) истинный поэтъ весь предается своему вдохновенію и слушается только его голоса; 2) и въ самой своей внѣшней жизни истинный поэтъ долженъ быть самобытенъ и независимъ отъ всѣхъ условій общественнаго быта; 3) истинная поэзія должна быть національна.

Оттого направленія ихъ были либо слишкомъ частны, односторонни, либо слишкомъ отвлеченны и разнообразны. Сила души, устремленная на многое вдругъ, не соединенная въ одну точку, разливалась на все окружающее ихъ, и черезъ то развлекала, разрушала *собственно поэтическое* стремленіе. Такъ Ломоносовъ былъ поэтъ въ жизни, невѣроятной и романтической, но собственно поэзія была только слабою стихіею обширнаго міра души его. Онъ былъ столь же *ученый* человѣкъ, сколько стихотворецъ. У Крылова, Дмитріева, Фонвизина поэзія была вдохновеніемъ ума, скорѣе чѣмъ непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ. У Жуковскаго она навѣяна уныніемъ души и удивительною переимчивостью чужихъ впечатлѣній. Грусть души Жуковскаго и происшедшее отъ того стремленіе за предѣлы міра, къ чему-то неразгаданному, тайному—отзываются въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновился противоположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были, какъ-будто, выраженіемъ желанія забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполненныя мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею огнемъ поэтическаго восторга. Кантемиръ и Хемницеръ,—одинъ, какъ вельможа, смѣло шутя, другой, робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ, какъ поэзія разроднилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно, невольно выливающимся изъ души, при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжниныхъ, которые не писали бы, если бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но разсмотрите и всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ: Козлова, Баратынскаго, Языкова, Богдановича, Озерова, князя Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ, одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи. Не таковы Державинъ и Пушкинъ, у которыхъ поэзія—необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ...“

Такъ говорилъ и разбиралъ онъ, не стѣсняясь никакими отношеніями и связями, ни у кого не заискивая, никому не стараясь угодить или поблажить. Каждаго изъ поэтовъ Полевой разбиралъ постоянно съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія искренности и непосредственности поэтическаго вдохновенія, съ точки зрѣнія независимости отношенія поэта къ жизни, и, наконецъ—съ точки зрѣнія народности. Многія изъ его критическихъ статей, напр. „Жуковскій и его сочиненія“, „Борисъ Годуновъ“, сочиненіе Александра Пушкина, „Ломоносовъ“, „Кантемиръ“, „Хемницеръ“, „Торквато Тассо“ Кукольника и др.—представляли

собою образцовые разборы поэтическихъ произведеній и поражали современниковъ новизною, смѣлостью и правильностью сужденій въ оцѣнкѣ творчества нашихъ писателей, старыхъ и новыхъ. Можно сказать положительно, что критика Полевого послужила прочнымъ основаніемъ критикѣ 40-хъ годовъ, которая всецѣло обязана ему своимъ пышнымъ расцвѣтомъ и быстрымъ развитіемъ: это признавалъ откровенно и Бѣлинскій.

Значеніе критики Полевого.

Но именно эта критика, столь замѣчательная по своему времени, должна была на многихъ производить такое впечатлѣніе,

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Н. А. Полевой, въ С.-Петербургѣ, у Аларчина моста.

что они сразу становились непримиримыми врагами автора подобной критики. Освѣщенныя этой критикой всѣ литературныя посредственности сразу теряли всякое значеніе и утрачивали репутацію, которою до того времени пользовались наравнѣ съ болѣе талантливыми писателями. Непріязненно должны были смотрѣть на эту критику даже и тѣ изъ нашихъ писателей, къ которымъ она относилась съ уваженіемъ, хотя и не признавала за ними первенствующаго значенія. Не слѣдуетъ забывать, что большинство такихъ писателей было избаловано ѳиміамами предшествовавшихъ „Телеграфу“ журналовъ; что многіе изъ нихъ, какъ напр. Дмитріевъ и Жуковскій, занимали высокое общественное положеніе, а Баратынскій и Языковъ могли гордиться дружбою и близостью къ Пушкину, который восхищался ихъ поэзіей, и, по какой-то вычурной скромности, ставилъ ее выше своего творчества... И вдругъ, какой-то купчикъ-самоучка, какой-то homo novus

литературы дерзаетъ, не стѣсняясь, говорить о ихъ произведеніяхъ и даже опредѣлять ихъ мѣсто въ литературѣ! Отсюда, конечно, вражда и ненависть со стороны старыхъ журналовъ, недовольство въ литературныхъ кружкахъ, шипѣніе и навѣты отовсюду, даже оттуда, откуда ихъ менѣе всего можно было бы ожидать. Со всѣхъ сторонъ посыпалась на „Телеграфъ" журнальная брань, насмѣшки,

Могила Н. А. Полевого на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

эпиграммы! Ожесточеніе доходило до крайностей, иногда возмутительныхъ, иногда просто смѣшныхъ. Каждая описка и опечатка, каждый ничтожнѣйшій промахъ—ставились Полевому въ страшную, непростительную вину, высмѣивались, преувеличивались... Его обвиняли въ верхоглядствѣ, въ невѣжествѣ, въ грубости воззрѣній на литературу, въ безвкусіи и безтактности. Когда, въ 1828 году, князь П. А. Вяземскій порвалъ свою тѣсную связь съ Н. А. Полевымъ изъ-за его разбора „Исторіи Государства Россійскаго", отъ Полевого съ негодованіемъ отвернулся и весь

Пушкинскій кружокъ и, въ пику ему, рѣшился, создать новый органъ: „Литературную Газету“ барона Дельвига, въ которую Пушкинъ внесъ обильную дань лучшихъ перловъ своей поэзіи... Но всѣ эти крики, порицанія, ругательства и издѣвательства, всѣ обвиненія, сыпавшіяся отовсюду на Полевого, котораго укоряли даже его скромнымъ происхожденіемъ изъ небогатаго купеческаго рода, даже его невольными дѣловыми отношеніями къ отцовскому водочному заводу—вся эта буря, поднятая противъ молодого и энергичнаго журналиста, нисколько ему не вредила и не могла подорвать его положительнаго успѣха. Книжки журнала читались нарасхватъ и отъ доски до доски. Мы уже видѣли, что, начиная со 2-й книжки, все первое изданіе разошлось, и журналъ пришлось печатать почти въ двойномъ количествѣ. Каждая книжка его ожидалась съ нетерпѣніемъ, вызывала толки и споры, и, въ продолженіе всѣхъ десяти лѣтъ своего существованія, „Телеграфъ“ не переставалъ быть любимымъ журналомъ образованнаго общества, передовымъ органомъ, который приносилъ несомнѣнную пользу обществу и способствовалъ его нравственному росту.

Значеніе «М. Телеграфа».

Самою привлекательною стороною „*Московскаго Телеграфа*“ была та постоянная, неизсякаемая прелесть свѣжести и новизны, которую неутомимый издатель вносилъ въ каждую статью каждой книжки своего журнала. Неутомимая энергія и настойчивая преданность дѣлу постоянно побуждала его развивать и пополнять планъ своего журнала—искать новыхъ и никѣмъ еще неисчерпанныхъ вопросовъ, вносить въ него новые отдѣлы, украшать и дополнять его новыми внѣшними прикрасами... Живой, разнообразный и подвижный, онъ не довольствовался достигнутымъ успѣхомъ, не представлялъ себѣ своего журнала послѣднимъ словомъ журнальной премудрости: онъ все стремился улучшать его и какъ можно шире старался раздвинуть стѣснительныя рамки его объема... Уже въ 1828 году онъ попытался измѣнить программу „*Московскаго Телеграфа*“ и вошелъ черезъ цензурный комитетъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ о дозволеніи ему издавать *не одинъ*, а *три журнала!* Въ своемъ прошеніи Полевой объясняетъ слѣдующее:

Новые планы.

„Несмотря на нѣкоторый успѣхъ предпріятія, я видѣлъ, что цѣль моя достигнута не вполнѣ, ибо обзоры иностранныхъ литературъ были въ „*Телеграфѣ*“ весьма недостаточны, обозрѣніе современныхъ происшествій неудовлетворительно, а также и обозрѣніе современной русской литературы. Главнѣйшимъ препятствіемъ былъ недостаточный размѣръ журнала, ибо, хотя число листовъ было увеличено мною, противъ обѣщаннаго въ программѣ, *почти вдвое*, я не могъ вмѣстить въ „Телеграфѣ“ ни одного отдѣленія вполнѣ и весьма часто любопытныя и важныя статьи при-

нужденъ былъ оставлять по недостатку мѣста. Многія извѣстія не могли имѣть цѣны новости, а желаніе ускорить сообщеніемъ вдругъ разнообразныхъ предметовъ замедляло появленіе книжекъ. Соображая все сіе, дабы составить *полное обозрѣніе современнаго просвѣщенія и настоящей лѣтописи современной исторіи*, нахожу я необходимымъ распространить и раздѣлить содержаніе моего журнала и предполагаю издавать три слѣдующаго содержанія изданія:

1) Газету по два раза въ недѣлю, въ которой немедленно и кратко должны быть сообщаемы новости политическія и литературныя;

2) Журналъ, въ которомъ должны заключаться ученаго и литературнаго содержанія статьи, сочиняемыя и переводимыя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ; критическіе разборы замѣчательныхъ произведеній, переводимые изъ иностранныхъ журналовъ, и критика отечественныхъ и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ временную занимательность. И, наконецъ,

3) Журналъ совершенно ученаго содержанія, который могъ бы образовать собою авторитетъ русской ученой критики.

Для выполненія такого полезнаго литературнаго предпріятія, предположено мною съ будущаго 1828 года, сверхъ „Телеграфа", еще изданіе газеты „*Компасъ*" и журнала „*Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературы*".

Къ программѣ были приложены подробныя „расположенія" различныхъ отдѣловъ по всѣмъ тремъ изданіямъ. Изъ нихъ „*Компасъ*" долженъ былъ выходить *два раза* въ недѣлю (104 №№ въ годъ), „Московскій Телеграфъ", попрежнему, *два раза въ мѣсяцъ*, „*Энциклопедическія лѣтописи*" — *четыре раза* въ годъ, по образцу англійскихъ ученыхъ обозрѣній (reviews).

Приводимъ эти факты для характеристики той неистощимой энергіи, той неутолимой жажды дѣятельности, которая составляла отличительную черту характера Н. А. Полевого. Но, рядомъ съ этими фактами, не можемъ обойти молчаніемъ и другихъ любопытнѣйшихъ фактовъ нашей общественной жизни 20-хъ годовъ, которые прекрасно характеризуютъ положеніе такого энергическаго дѣятеля, какъ Н. А. Полевой, среди современнаго ему общества.

Министръ народнаго просвѣщенія, Шишковъ, изъявилъ съ своей стороны полное согласіе на разрѣшеніе Полевому двухъ новыхъ изданій, *кромѣ политическихъ извѣстій и статей о театрѣ*. Но ему (даже и для себя самого неожиданно!) пришлось отмѣнить это рѣшеніе и отвѣчать на прошеніе издателя „Телеграфа" отказомъ и даже строгимъ „внушеніемъ". Дѣло это, какъ недавно выяснилъ академикъ Сухомлиновъ, разобравшись въ архивномъ

Доносы на Полевого.

матерьялѣ министерствъ, сложилось чрезвычайно курьезно... Едва только министръ успѣлъ изъявить согласіе и собирался его оформить бумагою, къ нему поступили отъ шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, три записки, *полученныя графомъ въ теченіе пяти дней*, и всѣ направленныя на обвиненіе Полевого въ его крайней неблагонадежности. Въ одной изъ этихъ записокъ, написанной умно и тонко, говорилось между прочимъ: „Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностью къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить—гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой, по происхожденію своему, принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ уравненіе въ правахъ съ привиллегированными классами: сей образъ его (Полевого) мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочинено Г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ, и Дидеротъ выведены на сцену для защиты правъ московскаго купечества..." [1]) Далѣе говорится о крайне либеральномъ направленіи „Московскаго Телеграфа" и добавляется весьма злорадно: „вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ говорить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ „Московскомъ Телеграфѣ"... Въ заключеніе записки, авторъ приходитъ къ категорическому выводу, что не только нельзя разрѣшить изданія политической газеты Полевому, но и вообще „издавать особую политическую газету въ Москвѣ *невозможно*".

Во второй запискѣ собраны были изъ „*Московскаго Телеграфа*" выписки, которыя прямо указывали на якобы зловредное направленіе журнала. Въ третьей запискѣ, чрезвычайно наивной и откровенной, шефа жандармовъ извѣщаютъ о томъ, что „вчера въ цензурномъ комитетѣ подписанъ журналъ о дозволеніи издавать въ Москвѣ: газету „*Компасъ*" (политическую) и журналъ „*Энциклопедія*"... „Какія заглавія одни!!" восклицалъ авторъ за-

---

[1]) Здѣсь доносчикъ намекаетъ на извѣстную рѣчь Н. А. Полевого, которая сказана была въ публичномъ собраніи и напечатана съ дозволенія цензуры.

писки, и даже прибавляетъ отъ себя толкованіе названія будущей газеты въ такомъ видѣ: „Компасъ“, т. е. указатель и руководитель мнѣній...“ Далѣе, въ той же запискѣ или уже прямыя клеветы и инсинуаціи, касавшіяся людей, близкихъ къ Н. А. Полевому и какъ бы составлявшихъ его кружокъ. Авторъ записки пишетъ прямо: „Полевому покровительствуютъ всѣ такъ-называемые *патріоты*, и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники „Телеграфа“. Покровители онаго—князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство [1]) пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованья на умы“. Далѣе въ запискѣ повторяется еще разъ, что, „по всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ *весьма дуренъ*“, что „партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. *Атаманы* ея: князь Вяземскій и Полевой; пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи...“ [2])

Кстати замѣтимъ, что въ одной изъ другихъ многихъ записокъ и доносовъ, полученныхъ за это время Бенкендорфомъ, такъ-называемые „русскіе патріоты“ являются еще и подъ другимъ любопытнымъ названіемъ „русскихъ *думниковъ*“... [3])

Какъ ни были наивны пріемы обвиненія и оклеветанія Полевого и его кружка въ этихъ запискахъ, однакоже онѣ сдѣлали свое дѣло. Шишковъ не рѣшился принять на себя отвѣтственности; можетъ быть онъ даже и прямо опасался того, чтобы и его не отнесли къ „русскимъ думникамъ“. И вотъ, онъ отвѣтилъ Полевому на его прошеніе не только отказомъ, но еще добавилъ къ своему отказу: „При семъ почитаю нужнымъ подтвердить Г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ, при выборѣ помѣщаемыхъ въ ономъ статей, дѣйствовалъ съ величайшею осторожностью“.

Враги Полевого торжествовали и полагали, что неудача угнетающимъ образомъ подѣйствуетъ на этого энергическаго человѣка. Они даже спѣшили рапортовать Бенкендорфу, что „литераторы здѣшніе и даже многіе москвичи чрезвычайно рады этому запрещенію“, а „патріоты, такъ-называемые думники, повѣсили

---

[1]) Шесть лѣтъ спустя—грустно подумать!—это же самое обвиненіе въ якобинствѣ было взведено на Полевого и его журналъ... Пушкинымъ!

[2]) Тутъ ужъ авторъ записки все перепуталъ, даже и кружки московскіе... Шевыревъ и Рожалинъ никогда не принадлежали къ кружку «Телеграфа» и даже относились къ нему (вмѣстѣ съ Погодинымъ) довольно враждебно.

[3]) Чрезвычайно любопытно это названіе извѣстной московской партіи *русскими думниками*, т. е. сторонниками «*боярской Думы*» или вообще сторонниками до-Петровскаго порядка государственнаго устройства, при которомъ сословія имѣли самостоятельное значеніе.

носъ". Въ добавленіе къ этимъ важнымъ извѣстіямъ, они, не безъ злорадства, доносили, что въ партіи Полевого образуется нѣкоторый расколъ, что „Вяземскій переходитъ къ другой партіи и поучаетъ молодыхъ людей—Михайлу Дмитріева, Писарева молодого и еще нѣсколькихъ—испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ"... [1])

Энергія Полевого. Но враги Полевого напрасно спѣшили радоваться; издатель „Телеграфа" не падалъ духомъ... По замѣчанію академика Сухомлинова, „несмотря на множество замѣчаній, выговоровъ, внушеній и совѣтовъ, имѣвшихъ обязательную силу приказаній, Полевой съ замѣчательною послѣдовательностью стремился къ достиженію намѣченной цѣли". Дѣйствительно, въ 1831 году онъ выступаетъ съ новымъ проэктомъ измѣненій въ изданіи своего журнала, и этотъ проэктъ указываетъ намъ, что, „несмотря на лестные отзывы и письменныя похвалы мужей ученыхъ и достойныхъ всякаго уваженія", несмотря на „постоянное вниманіе читающей публики"—издатель „Московскаго Телеграфа" недоволенъ своимъ журналомъ и находитъ, что онъ „не достигаетъ вполнѣ своей цѣли". Онъ говоритъ въ новомъ проэктѣ, что имѣлъ въ виду доставить въ журналѣ „разнообразное, пріятное и полезное чтеніе" читателямъ. Съ этою цѣлью онъ соединялъ въ каждой книжкѣ „Телеграфа" статьи самаго различнаго содержанія: ученыя, литературныя, сатирическія, стихотворенія, описанія модъ и проч. „Но сіе соединеніе — добавляетъ Н. А. Полевой,—представляло *болѣе пестроту, нежели систематическое разнообразіе*". Для доказательства своей мысли онъ приводитъ общій планъ книжекъ „Телеграфа" на 1831 годъ [2]), и заявляетъ о своемъ желаніи издавать въ будущемъ (1832) году „*Телеграфъ*" въ трехъ разныхъ отдѣленіяхъ: 1) четыре большія книжки въ годъ, каждая черезъ четыре мѣсяца, подъ названіемъ „*Московскій Телеграфъ*"; 2) 52 небольшія книжки въ годъ, каждая черезъ недѣлю, подъ названіемъ *Прибавленіе къ „Московскому Телеграфу"*; 3) 104 полулиста на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: „Journal des modes". Въ добавленіе къ этому общему плану, путемъ котораго неугомонный издатель „Телеграфа" добивался давнишней цѣли — какъ можно

---

[1]) Усердные доносители особенно налегали на то обстоятельство, что Вяземскому, будто бы, «непремѣнно хочется имѣть въ Москвѣ *частную* политическую газету». Въ сущности же дѣло шло, видимо, о предположеніяхъ Вяземскаго (порвавшаго съ «Телеграфомъ»)—издавать, вмѣстѣ съ Пушкинскимъ кружкомъ, какое бы то ни было повременное изданіе, которое бы могло блескомъ именъ и обиліемъ литературнаго матерьяла подорвать значеніе «Телеграфа». Мы уже знаемъ, что эти предположенія закончились неудачною попыткою—«*Литературною Газетою*» Дельвига, едва-едва просуществовавшею два года.

[2]) 1) Статьи ученаго содержанія; 2) Изящная словесность; 3) Рецензіи; 4) Библіографія; 5) Матерьялы для наукъ и знаній; 6) Статьи о театрѣ; 7) Отечественныя извѣстія; 8) Мелкія статьи и смѣсь; 9) Особое прибавленіе сатирическаго содержанія подъ названіемъ: «*Новый живописецъ общества и литературы*», и при немъ парижскія моды.

шире раздвинуть рамки своего журнала — за планомъ слѣдовали подробныя программы отдѣловъ, и все прошеніе заключалось, въ духѣ того времени, слѣдующими строками:

„Излишне было бы говорить здѣсь, что, какъ донынѣ священною обязанностью поставлялъ издатель глубокое благоговѣніе къ священнымъ истинамъ религіи и государственныхъ постановленій, такъ и впредь первымъ долгомъ себѣ поставилъ сію обязанность христіанина, гражданина и честнаго человѣка. Пламенное усердіе къ отечеству, руководствуемое вѣрноподданническою любовью къ престолу великаго монарха нашего, будетъ одушевлять все, что онъ мыслитъ и пишетъ".

Грозныя тучи.

Но въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, шипѣніе враговъ Полевого, подкрѣпляемое разными сплетнями и доношеніями, успѣло сдѣлать свое дѣло: о Полевомъ сложилось, въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, неблагопріятное для него мнѣніе. Отлично зная это, предсѣдатель московскаго комитета, препровождая проэктъ Полевого къ министру народнаго просвѣщенія (князю Ливену), счелъ долгомъ присоединить къ нему и свое личное мнѣніе. Это „личное мнѣніе" выражено было въ формѣ пожеланія или совѣта, чтобы „журналъ *Московскій Телеграфъ*, на предыдущее время, ограничивался одною только литературою, по той причинѣ, что неоднократно въ ономъ помѣщались такія статьи, которыя *не совсѣмъ-то были одобряемы* высшимъ начальствомъ, и что издатель онаго, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенною довѣренностью правительства". Слово было сказано кстати и во̀-время! Министръ народнаго просвѣщенія представилъ государю программу предполагаемыхъ Полевымъ изданій, и императоръ Николай I написалъ на докладѣ (7 ноября 1831 г.): „*Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго*".

Изъ вторичнаго запрета, наложеннаго на планы дальнѣйшаго расширенія и улучшенія журнала, Полевому не трудно было прійти къ заключенію, что на журналъ его, въ высшихъ сферахъ, смотрятъ неблагосклонно и что ему грозятъ бѣды въ близкомъ будущемъ. Онъ еще болѣе успѣлъ утвердиться въ этой печальной увѣренности, когда управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія перешло въ руки графа Уварова, питавшаго къ нему какую-то, до сихъ поръ недостаточно выясненную, личную непріязнь. Уваровъ привязался къ первому попавшемуся поводу— къ статьѣ о сочиненіи Вальтеръ-Скотта: „Жизнь Наполеона Бонапарте" — и вошелъ съ докладомъ къ государю о необходимости прекратить изданіе „Московскаго Телеграфа". Но на этотъ разъ суровый блюститель литературнаго и журнальнаго благочинія нѣсколько ошибся въ своихъ расчетахъ: государь самъ прочелъ

статью и не нашелъ въ ней достаточныхъ поводовъ къ тому, чтобы наложить запрещеніе на журналъ Полевого.

Тактика Уварова.

Такое мнѣніе государя поставило графа Уварова въ несовсѣмъ ловкое положеніе—и онъ не могъ забыть, что это положеніе „было создано для него неподатливымъ журналистомъ", который не спѣшилъ отказываться отъ своихъ правъ, и не заискивалъ ни въ чьей милости. Раздраженный вельможа рѣшился покончить съ издателемъ журнала „Телеграфъ" во что бы то ни стало; по выраженію академика Сухомлинова, „сталъ собирать матерьялы для обвинительнаго акта и, наученный опытомъ, заботился какъ о качествѣ ихъ, такъ и о количествѣ [1]). Работа шла успѣшно, и надо было выбрать удобную минуту, чтобы употребить въ дѣло собранный матерьялъ. Случай скоро представился..."

Профессоръ Сенковскій, редакторъ «Библіотеки для Чтенія».

Молодой поэтъ, Кукольникъ, въ началѣ 1834 года поставилъ на петербургской сценѣ патріотическую драму „Рука Всевышняго отечество спасла". Драма явилась очень кстати и поставлена была на сцену съ особенною торжественностью. Она удостоена была одобренія государя, и всѣ наперерывъ спѣшили превозносить мнимыя красоты произведенія, на долю котораго выпала такая завидная участь. „Присутствовать на ея представленіяхъ и восхищаться ея красотами служило какъ бы вывѣскою благонамѣренности", — говоритъ академикъ Сухомлиновъ. Полевой, въ Москвѣ, ничего этого не зналъ и, не вдаваясь ни въ какія постороннія соображенія, написалъ правдивый отзывъ о драмѣ Кукольника, и въ этомъ отзывѣ далъ полную и вѣрную характеристику произведенія съ точки зрѣнія чисто-литературной. По сло-

---

[1]) Эти матерьялы представляли собою толстую и объемистую тетрадь, въ которую, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, заносились выписки отдѣльныхъ мѣстъ изъ *Телеграфа* и различныхъ сочиненій Полевого. Эти выписки, по свидѣтельству Пушкина, велись Бруновымъ, сообща съ Блудовымъ.

вамъ Полевого, новая драма Кукольника производитъ печальное впечатлѣніе на рецензента, такъ какъ она слабѣе предшествующаго его же произведенія [1]), и представляетъ собою „прыжокъ назадъ". Книжка журнала, въ которой былъ помѣщенъ разборъ (февральская), еще не была выпущена въ свѣтъ, когда Полевой, пріѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ, увидѣлъ, какое значеніе пріобрѣло въ столицѣ новое произведеніе Кукольника—и нашелъ, что его статья, выпущенная въ свѣтъ, накличетъ неминучую бѣду на „Телеграфъ". Онъ поспѣшилъ дать знать въ Москву, чтобы февральскую книжку не выпускали, а роковую статью изъ нея вырѣзали... Но телеграфовъ между столицами тогда не было—письмо опоздало, и книжка вышла въ свѣтъ съ злосчастною статьею!..

Арестъ Полевой

Послѣдствія этой печальной неосмотрительности были очень плачевны... Едва только Полевой вернулся изъ Петербурга въ Москву, какъ за нимъ явился отправленный изъ Петербурга жандармъ съ приказаніемъ—немедленно ѣхать обратно въ сѣверную столицу и дать отвѣтъ грозному судьѣ...

А. Смирдинъ,
извѣстный книгопродавецъ-издатель.

Въ курьерской телѣжкѣ „съ голубымъ проводникомъ", Полевой былъ очень быстро доставленъ въ Петербургъ и посаженъ подъ арестъ при Третьемъ Отдѣленіи. Здѣсь у него потребовали объясненія по поводу критики на драму Кукольника и по поводу направленія „Московскаго Телеграфа" вообще. Главная суть обвиненія заключалась въ словахъ критической статьи Полевого: „Новая драма Кукольника весьма *печалитъ* насъ": имъ приданъ былъ весьма предосудительный смыслъ.

На требуемыя объясненія Полевой отвѣчалъ письмомъ на имя графа Бенкендорфа, — письмомъ, полнымъ достоинства (31 марта 1831 г.), и въ немъ чистосердечно заявилъ, что „судилъ о трагедіи по чтеніи, не видѣвъ ея на сценѣ, и говорилъ о ней въ чисто-литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ со-

[1]) Предшествующимъ твореніемъ Кукольника былъ его «Торквато Тассо», о которомъ Полевой далъ весьма лестный отзывъ.

зданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму: „*Торквато Тассо*“, исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ „*Тассо*“, его новая трагедія казалось мнѣ — повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи — прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова, въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ *не только словами, но и дѣйствіемъ;* что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно и произвесть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны, и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какимъ-то, по жребью, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастіе отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителѣ. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкѣ. Но смѣю увѣрить всѣмъ, что есть для меня святого и драгоцѣннаго, что никогда и въ мысль мнѣ не приходило что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое родного всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердца зрителей. По этому участію можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою — не болѣе...“

Доносъ Уварова. Такъ отвѣчалъ издатель „Московскаго Телеграфа“ на первый вопросъ своихъ судей; а на вопросъ объ общемъ направленіи его журнала было гораздо труднѣе отвѣтить, потому что въ данномъ случаѣ, во главѣ допроса, явился самъ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, который представилъ Бенкендорфу цѣлый обвинительный актъ, полный всякаго рода инсинуацій и клеветъ. Въ этомъ актѣ, весьма пространномъ, министръ народнаго просвѣщенія, не стѣсняясь, говорилъ, что „*Московскій Телеграфъ*“ давно и постоянно пополняется возвѣщеніями о необходимости преобразованій и похвалою революціямъ...“ Беззастѣнчиво утверждалъ онъ, что „революціонное направленіе мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразой, обнаруживается въ этомъ журналѣ“, и что даже „похвалы правительству, которыя по временамъ встрѣчаются въ „*Телеграфѣ*“, суть не что иное, какъ гнусное лицемѣріе...“

Въ подтвержденіе этихъ тяжкихъ и важныхъ обвиненій была представлена толстая тетрадь выписокъ изъ *Телеграфа* и *Исторіи русскаго народа* — выписокъ, очень ловко подтасованныхъ и приспособленныхъ къ произвольному перетолкованію.

Полевой не смутился и этимъ суровымъ, придирчивымъ допросомъ: отвѣчалъ смѣло и чистосердечно — и, кажется, пріобрѣлъ себѣ невольно сторонника въ графѣ Бенкендорфѣ. Объясненія Полевого были признаны вполнѣ удовлетворительными; Полевой былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и 1-го апрѣля 1834 г. отпущенъ въ Москву, къ своему перепуганному семейству... Но Дамокловъ мечъ уже висѣлъ надъ его головою, и 3-го апрѣля того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе — прекратить дальнѣйшее изданіе журнала „Московскій Телеграфъ“.

Запрещеніе «Московскаго Телеграфа».

Ударъ былъ жестокій — одинъ изъ тѣхъ, которые сокрушаютъ даже и самую пламенную, и самую неистощимую энергію, и невольно пригнетаютъ человѣка... У Полевого, однимъ почеркомъ пера, было отнято то поприще дѣятельности, къ которому онъ былъ рожденъ и которому всецѣло посвящалъ себя, все принося въ жертву своей кипучей, неутомимой дѣятельности... Въ то же время нанесенъ былъ непоправимый ударъ его матерьяльному положенію. Изданіе „Московскаго Телеграфа“ доставляло Н. А. Полевому хорошій заработокъ и было единственнымъ источникомъ его благосостоянія; но журналъ былъ сразу и внезапно прекращенъ, и это привело издателя къ полному раззоренію и къ неоплатнымъ долгамъ. Несмотря на всю свою изворотливость и на то, что изданіемъ журнала не ограничивалась его литературная дѣятельность [1]), Полевой, обремененный большой семьей, увидѣлъ себя на краю гибели. Ему не только на каждомъ шагу грозилъ полицейскій надзоръ и цензурныя стѣсненія,—на немъ, повидимому, лежала еще и другая, весьма тяжелая административная кара [2]): у него почти отнималась возможность самостоятельнаго занятія литературою. Ему пришлось искать литературнаго заработка на сторонѣ и подчинять свой трудъ произволу различныхъ издателей, которые ничего не имѣли общаго съ литературой, кромѣ желанія пріобрѣсти извѣстнаго рода выгоды. Сначала, по приглашенію Смирдина, онъ принялъ на себя дѣятельное сотрудничество въ журналѣ „Библіотека для чтенія“, который издавался Смирдинымъ, подъ редакціею профессора Сенковскаго. Оказалось, однакоже, что бывшему редактору „Телеграфа“ было мудрено ужиться съ Сенковскимъ, который смотрѣлъ на сотрудниковъ, какъ на своихъ подчиненныхъ, и позволялъ себѣ весьма

[1]) Одновременно съ изданіемъ журнала, Н. А. Полевой занимался и беллетристикой: писалъ романы и повѣсти, историческія и фантастическія, и со страстью предавался изученію отечественной исторіи, которую ему хотѣлось непремѣнно изложить по особому плану... Плодомъ этихъ занатій и была «Исторія русскаго народа». Какъ объ этомъ трудѣ, такъ и о беллетристическихъ опытахъ Н. А. Полевого будетъ подробнѣе сказано въ дальнѣйшихъ главахъ нашей книги.

[2]) Кара эта заключалась въ запрещеніи подписывать статьи своимъ именемъ и отъ своего имени предпринимать и редактировать какія бы то ни было періодическія изданія.

безцеремонно поправлять и даже передѣлывать ихъ статьи. Не болѣе удачны были попытки Н. А. Полевого въ сближеніи съ московскими издателями, которое выразилось его участіемъ въ журналахъ „Живописное Обозрѣніе“ и „Всемірный Путешественникъ“, издававшихся Семэномъ и Плюшаромъ. Послѣ долгихъ хлопотъ добившись, наконецъ, снятія съ себя тяжелаго административнаго запрета, Полевой, въ 1837 году, переѣхалъ, по приглашенію Смирдина, въ Петербургъ и здѣсь принялся за редактированіе „Сына Отечества“, который также перешелъ въ руки этого благодушнаго книгопродавца-издателя. Но дѣла журнала пошли плохо; издатель, разбросавшійся на множество различныхъ предпріятій, не могъ во-время поддержать „Сына Отечества— и Полевой опять очутился безъ средствъ и безъ работы... Вынужденный тяжкими обстоятельствами къ сближенію съ такими литературными дѣятелями, какъ Гречъ и Булгаринъ, отвлеченный отъ своего любимаго призванія, побуждаемый нуждою къ спѣшному исполненію литературныхъ заказовъ, Полевой болѣе и болѣе мельчалъ и оскудѣвалъ силами среди обременявшей его литературной поденщины. Нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ этой грустной дѣйствительности и даже утѣхою ему были, по временамъ, его драматическіе опыты.

А. А. Краевскій, издатель «Отечественныхъ Записокъ».

Драмы Полевого.

Къ этой дѣятельности онъ былъ вызванъ блестящимъ успѣхомъ „Гамлета“, котораго прекрасно обработалъ для сцены и поставилъ въ Москвѣ въ 1834 году. Впослѣдствіи, въ петербургскій періодъ своей жизни, онъ много и часто писалъ для сцены, и нѣкоторыя изъ его многочисленныхъ драматическихъ произведеній пріобрѣли ему большую извѣстность въ исторіи нашего театра. Но эти временные и мимолетные успѣхи нисколько не обманывали Полевого:—онъ сознавалъ вполнѣ отчетливо и ясно,

что его время уже прошло, что его мѣсто, какъ передового дѣятеля литературы, уже успѣли занять другіе — люди молодого поколѣнія, воспитавшіеся подъ вліяніемъ его же идей — и что имъ предназначено вести далѣе дѣло развитія русскаго общества...

Съ горькимъ разочарованіемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ сряду, онъ исключительно посвящалъ свое время разработкѣ популярныхъ историческихъ трудовъ [1]); однакоже, не вытерпѣлъ подъ конецъ жизни и рѣшился еще разъ испытать свои силы на поприщѣ журнальной дѣятельности. Въ 1845 году онъ принялся было, заодно съ А. А. Краевскимъ, за изданіе „Литературной Газеты“, работалъ и трудился надъ нею день и ночь, и этимъ послѣднимъ усиліемъ окончательно подорвалъ свою энергію и безъ того уже потрясенное здоровье... Газета не пошла, и Полевому грозило страшное разореніе, отъ котораго, однакоже, смерть успѣла его избавить. Въ концѣ января 1846 г. онъ заболѣлъ нервною горячкою и 22 февраля скончался на 49-мъ году отъ рожденія. Похороны его были очень торжественны; огромная толпа несла его гробъ на рукахъ до Волкова кладбища, и мостки, пролегающіе мимо его могилы, получили названіе „Литераторскихъ“.

Н. И. Надеждинъ, профессоръ и издатель «Телескопа».

На этихъ же самыхъ мосткахъ явились впослѣдствіи могилы другихъ весьма извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей послѣдующей эпохи: Бѣлинскаго, Добролюбова, Костомарова, Писарева... Глубокое сочувствіе общества къ почившему дѣятелю нашей литературы нашло себѣ отголосокъ въ прекрасной брошюрѣ Бѣлинскаго [2]),

---

[1]) Многократныя попытки Н. А. Полевого—приняться за болѣе серьезные труды и, главнымъ образомъ, за продолженіе «Исторіи русскаго народа»—разбивались о запрещеніе допускать его къ пользованью архивнымъ матерьяломъ. Тяготѣвшая надъ нимъ опала служила ему постояннымъ къ тому препятствіемъ.

[2]). «Н. А. Полевой». Сочиненіе Бѣлинскаго. СПБ. 1846 г.

который заплатилъ должную дань своему учителю и руководителю въ дѣлѣ литературной критики. Въ этой брошюрѣ, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, понесенной русскою литературою, Бѣлинскій говоритъ съ увлеченіемъ, почти съ восторгомъ, о заслугахъ Н. А. Полевого, и преимущественно о его журнальной дѣятельности.

Н. И. Надеждинъ.

Рядомъ съ Н. А. Полевымъ, на поприщѣ журналистики дѣйствовалъ и другой замѣчательный человѣкъ, оставившій по себѣ видный слѣдъ въ исторіи нашей критики.

Имя этого дѣятеля тѣсно связано съ наименованіемъ его журнала, которому онъ также умѣлъ придать извѣстнаго рода вѣсъ и значеніе, хотя ни онъ самъ, ни его журналъ никогда не пользовались такою популярностью, какою пользовался „Московскій Телеграфъ" и его издатель. Мы имѣемъ въ виду Н. И. Надеждина и журналъ Надеждина „*Телескопъ*".

Мы не коснемся здѣсь обширной научно-литературной дѣятельности Надеждина въ послѣдующую эпоху 40-хъ и 50-хъ годовъ, а будемъ говорить о немъ только какъ о редакторѣ „*Телескопа*", какъ объ участникѣ той борьбы между классицизмомъ и романтизмомъ, которая такъ ярко характеризуетъ конецъ 20-хъ и начало 30-хъ годовъ нашего вѣка у насъ на Руси. Выступленіе Надеждина на литературную арену было очень скромнымъ, почти незамѣтнымъ... Подъ псевдонимомъ „Никодима Надоумки" онъ выступилъ противъ романтиковъ въ „Вѣстникѣ Европы" Каченовскаго, который около этого времени (1828 г.) успѣлъ потерять всякій авторитетъ и значеніе. Но Надеждинъ былъ человѣкъ съ сильнымъ литературнымъ талантомъ и большой эрудиціей, и потому сразу выдвинулся изъ среды бездарностей, сотрудничавшихъ въ „*Вѣстникѣ Европы*", и обратилъ на себя вниманіе. Самъ Пушкинъ его замѣтилъ, и потомъ, когда Надеждинъ принялся за изданіе своего журнала, Пушкинъ относился къ нему весьма благосклонно, и даже, видимо, интересовался его критикою.

Талантливый критикъ, впрочемъ, недолго оставался сотрудникомъ чужого журнала: въ 1830 г., когда журналъ Каченовскаго покончилъ свое жалкое существованіе, Надеждинъ уже владѣлъ своимъ органомъ: онъ издавалъ журналъ „Телескопъ", къ которому приступилъ съ большой и серьезной научной подготовкой. О размѣрахъ и свойствахъ этой научной подготовки мы можемъ судить по тому, что самъ Надеждинъ сообщаетъ намъ о ней въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ.

Первоначальное воспитаніе и образованіе Надеждинъ получилъ въ Московской семинаріи и духовной академіи. Поступая въ академію на 16-мъ году, онъ обладалъ уже довольно солид-

нымъ запасомъ знаній философскихъ и могъ приступить къ чтенію Канта, а затѣмъ, въ академіи, сталъ заниматься философіею въ духѣ новыхъ нѣмецкихъ школъ, предшествовавшихъ Гегелю.

„Тутъ,—говоритъ онъ:—развился во мнѣ и общеисторическій взглядъ на развитіе рода человѣческаго... Тутъ я началъ понимать, что въ событіяхъ, составляющихъ содержаніе исторіи, есть мысль, что это не сцѣпленіе простыхъ случаевъ, а выработка идей, совершаемая родомъ человѣческимъ постепенно, согласно съ условіями мѣста и времени. Вслѣдствіе того, я началъ заниматься и вообще изученіемъ исторіи гражданской и церковной, хотя офиціально шелъ въ академіи не по историческому, а по математическому отдѣленію".

По окончаніи курса въ академіи Надеждинъ стремился продолжать свое образованіе и дополнять его расширеніемъ своего круга чтенія. По счастью, въ томъ богатомъ барскомъ домѣ, въ который онъ поступилъ домашнимъ наставникомъ, была отличная библіотека, „составленная преимущественно изъ новѣйшихъ французскихъ книгъ, такихъ, которыхъ я дотолѣ и въ глаза не видывалъ. Я принялся ихъ читать, и началъ, какъ теперь помню, съ Гиббонова „Упадка и разрушенія Римской Имперіи", во французскомъ переводѣ Гизо́... Я не могъ оторваться отъ него и прочелъ дважды отъ доски до доски, отъ первой страницы до послѣдней. Удивленіе мое было неописанное, когда я на каждой страницѣ или, лучше, на каждой почти строкѣ, видѣлъ имена и факты, совершенно мнѣ неизвѣстные, но въ свѣтѣ такомъ, который никогда не былъ мною и подозрѣваемъ. Весь образъ мыслей моихъ, который уже сомкнутъ былъ въ нѣкоторую систематическую цѣлость и стройность, *вдругъ перевернулся:* я понялъ, что одна и та же вещь совершенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ будешь ее разсматривать. Значительные интересы, которые я считалъ уже вполнѣ удовлетворенными академическимъ курсомъ, воскресли во мнѣ съ новою силою..."

За Гиббономъ послѣдовали Гизо́, Сисмонди и Галламъ, и это чтеніе оставляло глубокій слѣдъ въ душѣ впечатлительнаго и воспріимчиваго юноши... Оно дало ему способъ переработать прежній запасъ историческихъ свѣдѣній по новымъ взглядамъ. „Но и прежнее было во мнѣ заложено такъ прочно, что не разрушилось, а только просвѣтилось и украсилось новою, облагородствованною физіономіею... Вспоминая теперь минувшее, я сознался, какъ важна была, въ исторіи моего образованія, его первоначальная двойственность, шедшая путемъ правильнаго развитія. Не будь положенъ во мнѣ сначала школьный фундаментъ старой классической науки, я бы потерялся въ такъ-называемыхъ тогда *высшихъ взглядахъ* — новыхъ романтическихъ мечтаніяхъ,

Титульный листъ „Телескопа“—журнала, издаваемаго Надеждинымъ.

которыя были *à l'ordre du jour*. Теперь, напротивъ, эти новыя пріобрѣтенія вѣка настилались во мнѣ на прочное основаніе".

И вотъ, съ этимъ запасомъ свѣдѣній, съ этой научной подготовкой и съ большою любовью къ труду, Надеждинъ принялся за изданіе своего „Телескопа", въ которомъ, несмотря на всю свою тайную нелюбовь и непріязнь къ Полевому, старался подражать „Московскому Телеграфу", этому первообразу всей нашей новѣйшей журналистики [1]). Но при всей обширной образованности, при всей основательности научной подготовки Надеждина, ему недоставало талантливости Полевого, недоставало прирожденной умѣлости въ веденіи журнальнаго дѣла и выборѣ для журнала статей. „Телескопъ", довольно однообразный по составу, хотя и пополняемый дѣльными статьями по исторіи, по критикѣ, и вопросамъ философскимъ, казался скученъ для публики и не могъ похвалиться успѣхомъ до самаго того времени, когда его опасный соперникъ, „Московскій Телеграфъ", подвергся незаслуженной карѣ...

Въ началѣ 1834 г. „Телеграфъ" былъ запрещенъ, и публика стала обращать вниманіе на „Телескопъ", который съ 1835 года сталъ значительно улучшаться, можетъ-быть, потому, что и самый кругъ его сотрудниковъ расширился и сталъ пополняться новыми, отчасти и молодыми силами. Тутъ видимъ, кромѣ всякихъ псевдонимовъ, имена: Чаадаева, Полежаева, Галахова, Искандера-Герцена, Бѣлинскаго [2]). Въ 1835 г. и въ особенности въ 1836 г., замѣтенъ рѣзкій поворотъ въ общихъ взглядахъ и въ критическихъ статьяхъ журнала; при этомъ значительное мѣсто отводится статьямъ историческимъ. Въ тѣхъ же годахъ „Телескопа" появляются знаменитыя статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ...

Но оживленіе, внесенное въ журналъ молодыми силами, не очень понравилось въ высшихъ сферахъ, и въ концѣ 1836 года „Телескопъ" былъ запрещенъ, а Надеждинъ подвергся административной высылкѣ въ Устьсысольскъ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ не долѣе года, и, наученный горькимъ опытомъ, круто повернулъ на другую дорогу... [3]).

Надеждину—первому изъ русскихъ писателей—принадлежитъ

---

[1]) Подражаніе это выразилось не только въ помѣщеніи виньетки на заглавномъ листѣ журнала и въ самомъ избраніи его заглавія, но и въ приложеніи къ журналу «Парижскихъ Модъ», портретовъ и гравюръ, въ прибавленіи къ нему «Молвы» и т. д.

[2]) Онъ уже и въ 1834 г. печаталъ свои статьи въ «Молвѣ», прилагавшейся къ «Телескопу», и въ самомъ «Телескопѣ», подписываясь подъ статьями: то *В. Б.*, то *-нъ скій*, то—*онъ—инскій*.

[3]) Въ 1843 г. мы уже видимъ Надеждина усерднымъ служакой, дѣловымъ чиновникомъ и редакторомъ оффиціальнаго «*Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ*». Дальнѣйшая его дѣятельность, несомнѣнно полезная и замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, болѣе принадлежитъ русской наукѣ, нежели Русской Словесности.

особая и важная заслуга: онъ первый придалъ нашей критикѣ строгую научную основу, первый внесъ въ нее общія философскія начала, и тѣмъ положилъ предѣлъ прежней, чисто-личной критикѣ, расплывавшейся въ частностяхъ и не приходившей ни къ какому общему выводу. Одною изъ самыхъ выдающихся критическихъ статей Надеждина надо признать его прекрасный очеркъ подъ заглавіемъ: „*Европеизмъ и народность*“, помѣщенный въ „Телескопѣ“ 1836 года (ч. XXI). Можно сказать даже, что этотъ очеркъ, въ которомъ высказывается глубокое пониманіе потребностей нашей литературы и замѣчательно-ясный взглядъ Надеждина на рѣшеніе самыхъ спорныхъ литературныхъ вопросовъ, нашелъ себѣ блистательное оправданіе во всемъ дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы. Соображая всѣ условія времени, когда эта статья была писана, и припоминая господствовавшіе въ ту эпоху литературные взгляды и мнѣнія, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что если бы даже Надеждинъ и ничего не написалъ и не издалъ въ свѣтъ, кромѣ этой статьи, онъ, какъ авторъ ея, уже имѣлъ бы право на видное мѣсто въ ряду нашихъ критиковъ.

Въ ту эпоху еще не замолкнувшихъ споровъ и борьбы между классицизмомъ и романтизмомъ, когда у насъ еще былъ только одинъ вполнѣ самостоятельный писатель — Пушкинъ, а другой, такой же самобытный, Гоголь, еще только начиналъ свою дѣятельность, — Надеждинъ уже съ полною ясностью опредѣляетъ значеніе *народности* въ литературѣ и намѣчаетъ весьма разумно и правильно ея дальнѣйшій путь развитія и совершенствованья. „Жизненность литературы выражается ея *народностью*“ — говоритъ Надеждинъ, и очень наглядно противополагаетъ стремленіе къ народности—другому: стремленію къ *общности* (т. е. къ общенію съ другими литературами), сравнивая ихъ съ стремленіями физическихъ тѣлъ центробѣжнымъ и центростремительнымъ. Указывая на все еще преобладающее въ русской литературѣ подражательное направленіе, онъ замѣчаетъ:

„Развитіе литературной жизни, полное и успѣшное, не иначе возможно, какъ при гармоническомъ сліяніи обоихъ противоположныхъ направленій творящаго духа — что литература живая должна быть плодомъ *народности,* питаемой, но не подавляемой *общительностью*“.

Сопоставляя, затѣмъ, различныя современныя воззрѣнія на литературу, различныя требованія, предъявляемыя ей различными кружками, Надеждинъ совершенно справедливо высказываетъ свое, вполнѣ оригинальное воззрѣніе на литературу.

...„Никакое сословіе, никакой избранный кругъ общества не можетъ имѣть исключительной важности образца для литературы.

Литература есть гласъ народа: она не можетъ быть привилегiей одного класса, одной касты; она есть общiй капиталъ, въ которомъ всякiй участвуетъ, всякiй долженъ участвовать. Если можетъ быть какое-нибудь общенiе, какой-нибудь дружескiй, братскiй союзъ между разными сословiями, разными классами народа, такъ это въ литературѣ и черезъ литературу..."

Переходя потомъ къ разсмотрѣнiю вопроса о литературномъ языкѣ нашемъ, Надеждинъ съ одинаковымъ безпристрастiемъ относился и къ педантическимъ требованiямъ старой школы, и къ узкимъ воззрѣнiямъ тѣхъ молодыхъ писателей, которые старались доказать, что языкъ литературы долженъ быть языкомъ свѣтскимъ, языкомъ образованнаго общества. Открещиваясь отъ всякихъ заимствованiй изъ „сокровищницы церковно-славянскаго языка", предлагаемыхъ „бесѣдистами", онъ въ то же время доказываетъ и ихъ противникамъ, что „свѣтскiй языкъ", преобладающiй въ нашемъ обществѣ, есть языкъ французскiй, и говоритъ по этому поводу: „цивилизацiя нашего высшаго общества родилась не сама собой, а взята готовая съ чужого образца, она вытвержена наизусть съ чужого голоса. Мысли, формы, обычаи, вещи, все, что относится къ такъ называемой свѣтской, образованной жизни, все у насъ не свое, чужое! И оно перешло къ намъ вдругъ, нахлынуло внезапнымъ потокомъ, такъ что некогда было придумать названiй для всѣхъ этихъ небывалыхъ идей и вещей—некогда было переводить ихъ по-русски..."

Опровергая, затѣмъ, мнѣнiе „Брамбеуса" (Сенковскаго), требующаго, чтобы „языкъ письменный не различался отъ литературнаго", Надеждинъ доказываетъ всю невыполнимость подобнаго требованiя, и — едва ли не первый изъ нашихъ литераторовъ— указываетъ на важное значенiе изученiя славянскихъ нарѣчiй, въ которомъ онъ видитъ лучшiй способъ пополненiя и обновленiя лексическаго запаса нашей литературной рѣчи. Въ заключенiе своей статьи, Надеждинъ высказываетъ вполнѣ вѣрный взглядъ на то, что слѣдуетъ называть *народностью* [1]) въ литературѣ:

„Подъ *народностью* я разумѣю совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, физическихъ и духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ слагается физiогномiя русскаго человѣка, отличающая его отъ всѣхъ прочихъ людей..." И какъ бы для того, чтобы этой мысли его не было придано слишкомъ узкое или одностороннее толкованiе, онъ спѣшитъ добавить:

„Знаю, что теперь намъ надо еще учиться да учиться у

---

[1]) При этомъ онъ очень тонко опредѣляетъ понятiе о народности и указываетъ на различiе его отъ *простонародности*. Многiе, въ то время, еще не раздѣляли этихъ понятiй, и это смѣшенiе приводило къ нескончаемымъ спорамъ и недоразумѣнiямъ.

Европы: но не съ тѣмъ, чтобы потерять свою личность, а чтобы укрѣпить ее, возвысить!“

Вообще говоря, эта статья представляется намъ настолько замѣчательною, что служитъ какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей критики. Далѣе Надеждина (въ пониманіи важнѣйшихъ задачъ нашей литературы) пошелъ только Бѣлинскій и лучшіе изъ критиковъ послѣдующаго періода.

Автографы: Н. Надеждина, В. Панаева (идиллика), Сенковскаго, Н. Языкова и С. Полторацкаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гоголь.—Любопытныя этнографическія особенности его литературнаго типа.—Характеръ и направленіе его таланта.—Отголоски прошлаго во взглядѣ на свое назначеніе.—Печальное психическое настроеніе послѣднихъ лѣтъ жизни.

По слѣдамъ нашихъ первыхъ беллетристовъ, Карамзина и Пушкина, въ эпоху наибольшаго расцвѣта ихъ литературной дѣятельности, пошли многіе молодые и талантливые русскіе писатели. „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“ своимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ вызвали множество подражателей, расплодили

Васильевка—усадьба Гоголя.

массу сентиментальныхъ повѣстей и надолго опредѣлили направленіе и характеръ русской повѣсти. Въ литературѣ явился цѣлый рядъ произведеній, сюжеты которыхъ были заимствованы изъ нашей общественной жизни и отчасти изъ нашей отечественной исторіи. Повѣсти эти очень мало имѣли общаго съ нашею русскою дѣйствительностью и лишь въ весьма слабыхъ, поверхностныхъ очертаніяхъ передавали намъ картины русской исторической жизни въ ея отдаленномъ прошломъ. По отношенію къ этому прошлому, несовершенство и блѣдность очерковъ, характеровъ и образовъ не трудно себѣ объяснить тѣмъ, что наше прошлое еще не было достаточно изслѣдовано и изучено въ тѣхъ бытовыхъ и жизненныхъ подробностяхъ, которыя однѣ только и придаютъ краски картинѣ... Но повѣсти, для которыхъ сюжеты заимство-

вались изъ нашей общественной жизни, опредѣленно и ясно указываютъ намъ на то, что и у романтизма были свои предразсудки, своя признанная теорія и твердо-установившіяся правила, хотя и не такія безусловныя, какъ правила ложно-классической теоріи. Авторы новѣйшихъ повѣстей, явившихся въ свѣтъ въ концѣ первой и началѣ второй четверти XIX вѣка, совершенно незнакомые съ умѣньемъ наблюдать дѣйствительность и передавать ея явленія въ художественныхъ образахъ, чуждались этой дѣйствительности и замѣняли ее вымысломъ (кстати сказать—очень немудрымъ), который непремѣнно обставляли привычными для глаза и вполнѣ приличными условіями свѣтскаго круга и свѣтскихъ отношеній. Въ сущности, повторялось почти то же, что мы уже видѣли въ XVIII вѣкѣ на сценѣ, при постановкѣ ложно-классическихъ трагедій: тамъ дѣйствующими лицами, подъ именемъ классическихъ героевъ, выступали напудренныя маркизы и молодые щеголи; и здѣсь, также, единственными героями повѣстей и романовъ были князья и графы, богатые помѣщики и бѣдные, разоренные несчастіями, но непремѣнно благороднѣйшіе представители дворянскаго сословія [1]). Тамъ драматическое дѣйствіе, въ завязкѣ и развязкѣ, во всемъ ходѣ и развитіи его, было связано и стѣснено условіями знаменитыхъ „*единствъ*"; и здѣсь, также, дѣйствіе ставилось въ тѣсныя рамки свѣтскихъ условій жизни, въ которую неприличнымъ и неумѣстнымъ считалось—вводить лица другихъ сословій, кромѣ дворянскаго, и вообще — относиться къ чему бы то ни было съ порицаніемъ и осужденіемъ.

Украшенная дѣйствительность.

Жизнь, представляемая авторами-беллетристами, вращалась, въ ихъ произведеніяхъ, какъ въ какомъ-то заколдованномъ колесѣ: ни одного выдающагося характера, ни одного вѣрно-подмѣченнаго типа, ни одного живого, яркаго образа — все только одна скучная ежедневность, съ ея туманными образами, которые авторъ еще старался прикрасить и расцвѣтить для того, чтобы сдѣлать чтеніе своего произведенія какъ можно болѣе пріятнымъ для публики... Такъ писали всѣ модные въ то время беллетристы — Загоскины, Лажечниковы, Вельтманы и самый модный изо всѣхъ, Марлинскій, сумѣвшій очаровать всѣхъ своей серіей кавказскихъ очерковъ и повѣстей, въ которыхъ дикіе горскіе нравы Кавказа были почти приравнены къ утонченнымъ нравамъ свѣтскихъ салоновъ и гостиныхъ. Навыкъ къ этой облагороженной, прикрашенной дѣйствительности былъ настолько великъ и такъ сильно укоренился въ сознаніи большинства, что

---

[1]) Исключеніе составлялъ только одинъ писатель—*Нарѣжный*, но, къ сожалѣнію, онъ не обладалъ достаточнымъ талантомъ для того, чтобы привлечь на себя общее вниманіе.

всякое уклоненіе въ сторону настоящей правды и вѣрно-переданныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью уже поражало непріятно и представлялось всѣмъ фальшивою, неловко-взятою нотою въ аккордѣ. Мы уже упоминали выше, какія нареканія, укоры и прямыя порицанія посыпались на Пушкина и Грибоѣдова, едва коснувшихся русской дѣйствительности не съ обычной, казовой стороны, съ которой только и старались рисовать ее любимые публикою авторы. И нужно было обществу пережить много разочарованій, много тяжкихъ испытаній, многое передумать и перечувствовать, прежде чѣмъ явилась возможность изображать русскую дѣйствительность въ томъ будничномъ нарядѣ, въ которомъ мы ее видимъ, знаемъ и наблюдаемъ теперь... Писатель, который рѣшился въ такомъ неподкрашенномъ видѣ рисовать передъ нами знакомыя намъ черты быта и общественные типы, былъ представителемъ высоко-талантливаго южно-русскаго племени, страстно воспріявшій въ себя плодотворные задатки пушкинскаго реализма... То былъ Гоголь, котораго всѣ привыкли считать родоначальникомъ новаго направленія нашей литературы, главою такъ-называемой „натуральной школы“, но который, въ сущности, былъ только продолжателемъ *жизненнаго* движенія, внесеннаго въ нашу литературу Пушкинымъ.

Самъ Гоголь смотрѣлъ на Пушкина, какъ на своего учителя, какъ на руководителя первыхъ шаговъ своихъ на поприщѣ литературы, и въ этомъ именно смыслѣ съ восторгомъ вспоминаетъ о своихъ отношеніяхъ къ нему, какъ о „чудномъ сновидѣніи“... И Гоголь, дѣйствительно, по личному своему характеру и по всему направленію своего таланта, нуждался именно въ такомъ руководителѣ, какъ Пушкинъ, который очаровывалъ и покорялъ своему вліянію, съ поразительною увѣренностью указывая путь, вполнѣ соотвѣтствовавшій характеру и способностямъ молодого автора-художника. Пушкинъ и Гоголь.

Безъ этого руководительства, безъ этихъ указаній, Гоголь, слабый волею и неустойчивый въ своихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, едва ли выбрался бы на настоящую дорогу, едва ли рѣшился бы во всей силѣ проявить присущій ему юморъ и тонкую наблюдательность, способную одинаково вѣрно подмѣчать всѣ оттѣнки явленій природы и всѣ нѣжнѣйшія проявленія психическихъ дѣйствій, происходящихъ въ душѣ человѣка.

Многія стороны въ дѣятельности Гоголя стояли, несомнѣнно, въ тѣсной зависимости отъ его происхожденія: въ ней, несомнѣнно, выказалась, въ полной силѣ, его южно-русская натура, со всѣми ея высокими качествами и смѣшными слабостями, со всѣми достоинствами и недостатками. Личныя свойства Гоголя.

Чрезвычайная сила воображенія и живая, на все отзывчивая

впечатлительность, дающія Гоголю возможность воплощать образы прошлаго и живую дѣйствительность передавать въ яркихъ красках, въ вѣрныхъ очертаніяхъ; и при этомъ въ высшей степени развитая наблюдательность, разомъ охватывающая предметъ со всѣхъ сторонъ, вѣрно-постигающая всѣ его тѣневыя и свѣтлыя стороны, бойко и смѣло обрисовывающая типы и характеры людей, какъ они есть, во всей ихъ обыденной, будничной обстановкѣ... Картина выходила поразительная, въ особенности по сравненіи съ той красивой ложью, съ тѣмъ самообманомъ, который все въ окружающей дѣйствительности приглаживалъ и прикрашивалъ, добывая изъ нея типы и образы для литературныхъ произведеній. И немногимъ, очень немногимъ эта картина нравилась; немногимъ была понятна, немногими оцѣнивалась по достоинству; большинство-же, съ разными присяжными журнальными критиками во главѣ, отворачивалось отъ этой картины съ отвращеніемъ, не желая признавать правды и спѣша заклеймить ее названіемъ уродливой карикатуры.

М. И. Гоголь, мать извѣстнаго писателя.

И что же? Великій художникъ, въ живыхъ и яркихъ чертахъ набросавшій передъ нами поразительно вѣрную картину дѣйствительности, вдругъ самъ испугался созданнаго имъ произведенія, самъ впалъ въ сомнѣнія, самъ началъ смущать себя вопросами, болѣзненно сжимавшими его сердце. „Да такъ-ли это? Да правъ-ли я? Да точно-ли вѣренъ мой взглядъ? Точно-ли вѣрна дѣйствительности набросанная мною картина?“ И онъ начинаетъ смягчать и сглаживать ее; начинаетъ оправдываться въ томъ, что дерзнулъ писать сущую, неприкрашенную правду; начинаетъ отъ написаннаго открещиваться и отрекаться, начинаетъ подыскивать воображаемые поводы, будто бы понудившіе его къ созданію того или другого произведенія... И затѣмъ, эти искусственно-придуманные поводы, подъ непосредственнымъ вліяніемъ сильнаго, болѣзненно-развитого воображенія, выростаютъ у него въ цѣлые замыслы, въ обширные планы, будто бы за-

Автографъ Гоголя. Страничка изъ черновой рукописи «Мертвыхъ Душъ» (ч. I). Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

думанные еще задолго до начала самого произведенія, предшествовавшіе ему и положенные въ его основу. Геніальный авторъ боязливо прячется за этими кулисами, созданными его воображеніемъ и,—стараясь смягчить тягостное впечатлѣніе, произведенное на читателя его образами—манитъ его вдаль, задобривая тѣмъ, что „лучшее“ еще впереди, что изданное имъ въ свѣтъ не болѣе какъ „присказка“ къ сказкѣ, и что въ будущихъ томахъ произведенія читатель, за всѣ вынесенныя имъ непріятныя и тягостныя впечатлѣнія, будетъ вознагражденъ сторицею тѣмъ наслажденіемъ, которое онъ получитъ отъ чтенія, когда передъ нимъ предстанутъ типы идеальныхъ русскихъ людей и развернутся широкія картины дивной красоты и величія, въ которыхъ авторъ откроетъ передъ нимъ „Россію будущаго“... „Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти — читаемъ мы на одной изъ страницъ въ „Мертвыхъ Душахъ“—почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны—предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа—пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ“...

Мечты и жизнь.

Вотъ въ какую блестящую, сіяющую всѣми цвѣтами радуги даль манитъ Гоголь читателя, возбуждая и подстрекая его любопытство, повышая въ его глазахъ значеніе того, что̀ дано, и возвышая искусственно цѣну того, что̀ онъ еще собирается дать въ будущемъ... Онъ уже увѣренъ въ этомъ будущемъ, онъ уже почти осязаетъ его, благодаря чрезвычайной силѣ своего воображенія—онъ даже ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, что слова его могутъ оказаться не болѣе, какъ посуломъ, котораго онъ, можетъ быть, даже и не въ силахъ будетъ выполнить... Ему это такъ представляется—и онъ гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія, онъ говоритъ съ увѣренностью человѣка, обладающаго твердою, желѣзною волею, способною совладать даже съ вдохновеніемъ, даже съ творчествомъ!

Но вотъ недовольство слышится со стороны друзей, со стороны людей близкихъ, хорошо знающихъ автора и по достоинству оцѣнивающихъ его талантъ... Какъ съ ними быть? Чѣмъ бы имъ отвести глаза, какъ бы ихъ зачаровать? Какъ бы защититься отъ ихъ настойчивыхъ спросовъ и требованій, отъ ихъ назойливыхъ заглядываній въ самые тайники души автора? Гоголь и здѣсь выказываетъ себя находчивымъ: онъ вдругъ накидываетъ на себя

торжественную мантію величаваго мага и волшебника, и, почти отворачиваясь отъ своего произведенія, почти отрицая его, рѣшается даже близкихъ своихъ увѣрить въ грубомъ непониманіи написаннаго имъ:

„Вовсе не губернія и нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ *Мертвыхъ Душъ*. Это покамѣстъ еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу было угодно продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, что это —тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного только автора“.

Смолкаютъ друзья, преклоняющіеся передъ геніемъ и ожидающіе будущаго чуда! И Гоголь понимаетъ ихъ почтительное молчаніе, Гоголь цѣнитъ его, и воображеніе его еще шире раскидываетъ свои мощныя крылья, увлекая и его самого вдаль отъ суровой правды и дѣйствительности... Какъ бы просвѣтленный какимъ-то яркимъ лучомъ вдохновенія, онъ старается и себя самого подбодрить, приподнять надъ землею и всѣмъ земнымъ:

„Огрòмно, велѝко мое твореніе—пишетъ онъ друзьямъ своимъ въ половинѣ 1838 г.—и не скоро конецъ его“... Но и кромѣ того (по его словамъ): *„еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается“*... „Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него... Божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ *Мертвыя Души*“.

То же видимъ мы и по отношенію къ другому произведенію Гоголя—къ „Ревизору“. Превосходная комедія эта не имѣла того громаднаго успѣха, на который авторъ разсчитывалъ, и, конечно, имѣлъ полное право разсчитывать... Художникъ, никѣмъ не стѣсняемый въ своемъ творчествѣ, творилъ и творилъ превосходно: все, что вылилось изъ-подъ его пера, вышло новымъ, живымъ и прекраснымъ. Но его авторское самолюбіе не удовлетворено... И вотъ онъ выступаетъ съ своеобразнымъ комментаріемъ къ своему же творенію, съ комментаріемъ, предназначеннымъ на то, чтобы служить оправданіемъ автору, котораго, будто бы, публика не поняла, и его твореніе приняла въ прямомъ, а не въ томъ иносказательномъ смыслѣ, какой онъ самъ старался въ это твореніе вложить... Опять оказывается, что тутъ дѣло вовсе не въ тѣхъ живыхъ, сочно и ярко списанныхъ съ натуры типахъ Сквозника-Дмухановскаго, Хлестакова, Осипа, Ляпкина-Тяпкина и пр. Дѣло вовсе и не въ тѣхъ комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ, по прихоти автора, всѣ эти лица являются на сценѣ, въ силу драматической коллизіи: — дѣло тутъ опять-таки въ иносказаніи... Какъ въ „Мертвыхъ Душахъ“—для полнаго ихъ пониманія—надо

Объясненіе „Ревизора“.

было знать ту „тайну“, которую авторъ унесъ съ собою въ могилу, такъ и „Ревизоръ“ можетъ имѣть смыслъ и значеніе только для того, кто вполнѣ способенъ освоиться съ замысломъ автора: способенъ понять тотъ „смѣхъ сквозь слезы“, которымъ, будто бы, проникнута каждая строка комедіи Гоголя.

Двойственность Гоголя.

Въ душѣ Гоголя, очевидно, происходитъ какая-то чрезвычайно своеобразная борьба: геніальный художникъ, подавляемый силою своего дарованія, борется съ человѣкомъ, страдающимъ слабостью воли при мелочномъ, тщеславномъ, почти задорномъ самолюбіи. Геніальныя способности и громадный литературный

Городъ Нѣжинъ (по старой литографіи).

талантъ увлекаютъ его въ область широкаго, плодовитаго и размашистаго творчества, побуждаютъ набрасывать одинъ за другимъ превосходные планы будущихъ созданій и дополнить ихъ чудными образами, цѣликомъ выхваченными изъ живой дѣйствительности... Но недостатокъ характера и энергіи связываютъ ему руки, внушаютъ во всемъ сомнѣваться и всего опасаться, и все, начиная со своей личности и дѣятельности, подчинять кропотливому и мелочному анализу. Этотъ анализъ становился поперекъ дороги творчеству Гоголя, вносилъ въ его душу колебанія и доводилъ его до полнаго самоотрицанія и самоуниженія. При этомъ, смолоду еще предрасположенный къ мистицизму и къ религіозному экстазу, онъ окончательно сбивалъ себя съ толку тѣмъ, что во всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ, случайностяхъ своей жизни видѣлъ указанія Перста Божія, а въ самыхъ ни-

чтожныхъ проявленіяхъ, даже въ прихотяхъ и капризахъ своей слабой воли, хотѣлъ непремѣнно отыскать или уяснить себѣ предначертанія Промысла Божія. Такое душевное настроеніе приводило его къ цѣлому ряду печальныхъ разочарованій и еще болѣе печальныхъ увлеченій, и къ такой неустойчивости нравственной, при которой, даже и друзьямъ, даже и самымъ близкимъ людямъ мудрено было ужиться съ Гоголемъ.

Въ тѣхъ кружкахъ, которыхъ онъ постоянно держался и не покинулъ даже въ послѣдніе годы жизни, его видѣли то не-

Видъ Нѣжинскаго лицея (по старой литографіи).

удержимо-веселымъ и оживленнымъ, то мертвенно-скучнымъ и молчаливымъ; то онъ выступалъ рѣзкимъ обличителемъ чужихъ слабостей и пороковъ, то выказывалъ себя не по разуму усерднымъ проповѣдникомъ, навязывающимъ каждому свои вѣрованія, свои воззрѣнія и убѣжденія самаго крайняго свойства. Благодаря этой нравственной неустойчивости, Гоголь, подъ конецъ жизни, порвалъ почти всѣ свои связи, внушилъ ближайшимъ друзьямъ своимъ непріязнь и недовѣріе къ себѣ, и всѣхъ почитателей своихъ заставилъ разочароваться въ тѣхъ блестящихъ надеждахъ, которыя они на него возлагали...

И дѣйствительно, надеждамъ, видимо, не суждено было осуществиться. Гоголь, съ одной стороны, болѣе и болѣе поддавался Мистическое настроеніе.

тому мистико-религіозному настроенію, задатки котораго онъ носилъ въ себѣ уже смолоду; съ другой стороны, имъ болѣе и болѣе овладѣвалъ соблазнъ самомнѣнія, и онъ, мало-по-малу, окончательно освоился съ воззрѣніемъ на свою литературную дѣятельность, какъ на спеціальное „служеніе своимъ соотечественникамъ *словомъ для ихъ же нравственнаго блага*“. Не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что это „служеніе“ онъ понималъ не въ томъ простомъ и наивномъ смыслѣ, въ которомъ, во время оно, смотрѣли на свою дѣятельность Ломоносовъ, Тредіаковскій и Сумароковъ, воспитывавшіеся въ Петровской атмосферѣ общей, поголовной и обязательной службы всѣхъ гражданъ государству... Нѣтъ! Гоголь понималъ это „служеніе“ въ видѣ нѣкоего священнаго дѣйствія, въ смыслѣ идейнаго руководства и назиданія лучшихъ дѣятелей русскихъ; а на себя сталъ смотрѣть, какъ на орудіе, самимъ Промысломъ призванное направлять умственныя и нравственныя силы русскаго общества къ предопредѣленнымъ высшимъ цѣлямъ внутренняго совершенствованія...

«Переписка съ друзьями».

Слѣдуя этому ложному пути, Гоголь, избалованный общею любовью и вниманіемъ къ его произведеніямъ, попытался-было выступить въ качествѣ прорицателя и новаго пророка въ своей „Перепискѣ съ друзьями“—но встрѣтилъ, вмѣсто прежнихъ восторговъ, такой суровый отпоръ и такое единогласное осужденіе, какого и ожидать не могъ...

Книгѣ своей („Перепискѣ съ друзьями“) онъ имѣлъ слабость и неосторожность придавать слишкомъ большое значеніе и ожидалъ отъ нея какихъ-то необычайно благихъ результатовъ чуть ли не для всей Россіи. Онъ именно въ этомъ смыслѣ писалъ одному изъ друзей своихъ, высылая изъ-за границы оригиналъ своей книги:

„Ты долженъ выполнить мою просьбу, какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. *Всѣ свои дѣла въ сторону*, и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. *Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ:* вотъ что, покамѣстъ, могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга“.

Но книга, изувѣченная цензурой почти до неузнаваемости, поразила всѣхъ почитателей Гоголя и духомъ проповѣди, и содержаніемъ. Ближайшіе друзья Гоголя поникли головою, понимая, что отъ Гоголя, въ томъ психическомъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, нельзя уже ничего болѣе ожидать... Бѣлинскій вознегодовалъ и отвѣчалъ на книгу безпощаднымъ письмомъ, которое поразило Гоголя своею суровою правдивостью... Все общество отшатнулось отъ Гоголя въ недоумѣніи. И онъ самъ, въ своей вѣчной самоувѣренности не ожидавшій, что его книга вызоветъ такое непріязненное къ нему чувство, оробѣлъ и испу-

галея:—даже, по слабости характера, нашелъ нужнымъ оправдываться, давать объясненія, смягчать высказанное въ „Перепискѣ“.

Оправданія Гоголя.

Оправданіе вышло нѣсколько страннымъ и, такъ сказать, двойственнымъ. Чтобы заставить читателей измѣнить ихъ взглядъ на „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, Гоголь обвиняетъ себя и въ неумѣньѣ выражаться литературно, и въ томъ, что онъ за послѣднее время лишился умѣнья ясно понимать вещи, въ поясненіе чего ссылается на свое болѣзненное состояніе. Въ виду всего этого, онъ говоритъ: „Издавая (эту книгу) подъ вліяніемъ страха смерти своей, который преслѣдовалъ меня во все время болѣзненнаго моего состоянія, даже и тогда, когда я уже былъ внѣ опасности, я нечувствительно перешелъ въ тонъ, мнѣ несвойственный и уже вовсе неприличный еще живущему человѣку. Изъ боязни, что мнѣ не удастся окончить того сочиненія моего, которымъ занята была постоянно мысль моя въ теченіе десяти лѣтъ [1]), я имѣлъ неосторожность заговорить впередъ кое-о-чемъ изъ того, что должно было мнѣ доказать въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія. Это обратилось въ неумѣстную проповѣдь, странную въ устахъ автора, въ какія-то мистическія, непонятныя мѣста, невяжущіяся съ остальными письмами“. Высказывая все это и такъ рѣзко отрицаясь отъ мистицизма (который, несомнѣнно, владѣлъ его душою), Гоголь старается доказать, что въ „Выбранныхъ мѣстахъ переписки“ онъ вовсе и не хотѣлъ никому и ничего проповѣдывать, какъ учитель, а только поучать, „какъ собратъ“, наподобіе того, какъ это водилось въ древней христіанской общинѣ. Сверхъ того, въ оправданіе себя, высказываетъ чрезвычайно курьезный взглядъ на писателя, какъ на чиновника, и на литературныя занятія, какъ на службу государю и отечеству, причемъ, можетъ-быть, и самъ не сознаетъ, что, высказывая эту странную мысль, возвращается къ тѣмъ временамъ Ломоносовыхъ, Кантемировъ и Тредіаковскихъ, когда „польза отечества“ не сходила съ языка у писателей...

„Мысль о службѣ меня никогда не оставляла. Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей. Но и тогда, однакоже, я помышлялъ, какъ только кончу большое сочиненіе, вступить, по примѣру другихъ, въ службу и взять мѣсто...[2])“

---

[1]) Указаніе на «Мертвыя Души».

[2]) До какой степени эти помыслы о какой-то службѣ были далеки отъ всякой дѣйствительности (особенно русской), видно изъ дальнѣйшаго развитія той же мысли: «Я думалъ,—говоритъ Гоголь,—что хоть теперь и нѣтъ такихъ мѣстъ, но, что я получу послѣ того, какъ выйдетъ вполнѣ мое сочиненіе, и приготовлялъ уже въ мысляхъ и самый проэктъ, въ которомъ намѣревался изъяснить, какъ, вслѣдствіе тѣхъ способностей, какія у меня есть, *я могу быть нуженъ и полезенъ Россіи*».—Далѣе мы увидимъ, въ какой мѣрѣ Гоголь былъ «полезенъ Россіи», когда брался за службу...

Но и „службу“, и „мѣсто“ Гоголь понималъ по-своему: „назначенье человѣка — пишетъ онъ далѣе, въ той же „Авторской Исповѣди“ — служить; и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить на немъ Государю Небесному, и потому имѣть въ виду Его законъ. *Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: государю и народу, и землѣ своей*“.

Вся эта фантастическая теорія какой-то неземной службы пущена въ ходъ Гоголемъ только для того, чтобы оправдать чистоту его намѣреній при изданіи въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“. Онъ хочетъ доказать, что, издавая ее въ свѣтъ, онъ мечталъ принести пользу, предполагалъ, что эту пользу онъ принесетъ, и ни единымъ словомъ не вспоминаетъ о томъ самомнѣніи, которое диктовало ему вышеприведенныя нами строки въ его письмѣ къ Плетневу. Только въ самомъ концѣ своей „Исповѣди“ онъ старается отстоять за своею книгою хоть коекакія достоинства и рѣшается утверждать, что не все уже въ ней такъ дурно, какъ многимъ изъ его читателей могло показаться.

Графъ А. Безбородко, вельможа Екатерининскаго времени.

Но рядомъ съ этими, довольно слабыми попытками оправдать или выяснить тотъ неловкій и необдуманный шагъ, который былъ сдѣланъ при изданіи въ свѣтъ такой книги, какъ „Переписка съ друзьями“ (книги, въ которой, несомнѣнно, Гоголь хотѣлъ всему русскому обществу навязать свою проповѣдь) — рядомъ со всѣмъ этимъ, въ „Авторской Исповѣди“ заключается удивительно искреннее, почти трогательное, изложеніе всей исторіи развитія Гоголевскаго творчества. Онъ указываетъ намъ на всѣ переходы его отъ наивнаго и непосредственнаго творчества великаго художника, который творитъ такъ же беззаботно, какъ птица поетъ, и до возникновенія въ его душѣ рокового вопроса: *зачѣмъ?* —

того вопроса, съ котораго и начался разрушительный анализъ, непосильный для слабой воли художника и нарушившій навсегда все его счастіе, все равновѣсіе его духовнаго міра. Этотъ роковой вопросъ и привелъ его впослѣдствіи къ отрицанію всего созданнаго имъ, къ самоистязанію и къ самоуничтоженію... Привелъ къ тому, что онъ своими же руками сжегъ свое дорогое дѣтище, какъ изступленные изувѣры-самосожигатели сжигаютъ себя вмѣстѣ со своими семьями.

Сомнѣнія.

Въ отвѣтъ на „зачѣмъ?“ пошла ломка, передѣлка, перестановка... На мѣсто силы творчества явился разсудокъ, все разлагающій и расчленяющій своимъ скальпелемъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что художникъ „увидѣлъ ясно, что больше не можетъ писать безъ плана, вполнѣ опредѣленнаго и вполнѣ яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость“ и т. д. И въ этихъ объясненіяхъ, при своей крайней неспособности къ философскому мышленію, такъ запутался, что не зналъ, гдѣ найти выходъ изъ этого лабиринта—и погибъ, какъ художникъ.

Графъ Н. Н. Безбородко, основатель Нѣжинскаго лицея.

Печальная, много разъ повторявшаяся въ русской жизни исторія многихъ русскихъ писателей, одаренныхъ отъ природы громаднымъ талантомъ и погибавшихъ отъ того крайняго недостатка характера, отъ той крайней неразвитости воли, способной руководить богатымъ запасомъ творческой силы и направлять ее къ опредѣленнымъ цѣлямъ, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, безъ всякихъ разъѣдающихъ сомнѣній и вопросовъ, напоминающихъ самимъ же Гоголемъ осмѣянные пресловутые вопросы Моки Кифіевича.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Родъ и племя Гоголя. — Родовыя и племенныя черты типа въ Гоголѣ-юношѣ. — Годы ученія. — Гоголь въ кругу товарищей. — Первыя попытки писательства.

Гоголь, какъ писатель, представляетъ собою типъ въ высшей степени своеобразный и заслуживающій съ разныхъ сторонъ внимательнаго изученія. Намъ памятна та эпоха, когда южно-русская наука, въ лицѣ кіевскихъ ученыхъ, проникла въ Москву и стала во главѣ просвѣтительнаго движенія, мощно поддержаннаго впослѣдствіи Петромъ Великимъ. Памятны и тѣ, отчасти справедливые, укоры въ „польщизнѣ“, съ которыми обращались къ талантливымъ пришельцамъ закоренѣлые сторонники московскаго застоя. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что польская цивилизація наложила свою несмываемую печать на всѣхъ южноруссовъ, какъ воспитавшихся въ іезуитскихъ коллегіяхъ, такъ и прошедшихъ полный курсъ наукъ въ Кіевской академіи, скопированной съ образцовыхъ іезуитскихъ коллегій. Въ бытъ и воспитаніе, въ понятія и воззрѣнія образованныхъ классовъ южнорусскаго населенія уже издавна (еще съ XVII вѣка) входили въ весьма значительной степени польскіе элементы, которыхъ не могла вытравить даже и племенная борьба, даже и племенная ненависть... Кіевскіе ученые—все лица духовнаго званія—еще могли кое-какъ ужиться въ Москвѣ, среди чуждой имъ Руси; но малороссы, не принадлежавшіе къ духовному сословію и случайно занесенные какимъ-нибудь дѣломъ, службою, или иными обстоятельствами въ большіе русскіе центры, чувствовали себя непріютно на Сѣверѣ, не пускали корней—спѣшили, при первомъ удобномъ случаѣ, порвать всякія связи съ великорусскимъ Сѣверомъ и удалиться въ свой родной уголъ. Гоголь — первый изъ малороссовъ — воплотилъ собою, благодаря своей геніальности, тѣсное единеніе южно-русскаго элемента съ великорусскимъ и проявилъ болѣе тяготѣнія къ главнымъ центрамъ русской цивилизаціи, нежели къ своему малорусскому углу... Попавши въ школу такихъ учителей, какъ Пушкинъ и Жуковскій, онъ быстро освоился со всѣми сторонами и условіями русской жизни, вполнѣ проникся пониманіемъ художественныхъ задачъ, которыя могли возникать только на почвѣ Руси, въ самомъ обширномъ и пространномъ значеніи этого слова, и отъ художественно-набросанныхъ типовъ и очерковъ своего маленькаго малорусскаго мірка перешелъ къ широкимъ творческимъ замысламъ, обнимавшимъ весь строй и всѣ условія современной русской жизни. Однимъ словомъ, Гоголь — первый изъ малороссовъ — занялъ въ русской литературѣ положеніе, которое, если не ставитъ его на одну высоту съ Пуш-

кинымъ, то, во всякомъ случаѣ, въ значительной степени приближаетъ къ величайшему изъ русскихъ поэтовъ.

Итакъ, Гоголь, это первый малороссъ, который, восхищаясь и даже увлекаясь всѣми казовыми бытовыми сторонами своей родины, сумѣлъ, однакоже, настолько отрѣшиться отъ узкаго провинціальнаго патріотизма малороссовъ, что интересы всей Россіи стали ему ближе интересовъ родной Украйны. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы племенныя черты стерлись или исчезли въ томъ оригинальномъ типѣ художника, который развился въ Гоголѣ-писателѣ, такъ какъ онѣ сохранились въ Гоголѣ-человѣкѣ. Главною, преобладающею чертою въ характерѣ и личныхъ свойствахъ Гоголя было *воображеніе*, развитое до чрезвычайности, до болѣзненности, мы можемъ почти сказать до уродливости. Оно не давало ему покоя, утомляя, даже изнуряя его нескончаемою вереницею образовъ, которые безпрестанно возникали передъ его глазами въ самыхъ живыхъ и яркихъ формахъ; оно же способствовало нерѣдко и тому, что эти образы затуманивали дѣйствительность передъ глазами Гоголя-мыслителя и писателя, и вынуждали его принимать созданное силою его воображенія за дѣйствительность. Вслѣдствіе этого онъ могъ преувеличивать всѣ свои ощущенія, могъ воображать себя одареннымъ необычайною, необъятною силою и потомъ вдругъ переходить къ уничиженному сознанію своего ничтожества, своей бренности и грѣховности — и представить себя „ветхимъ сосудомъ, который весь въ трещинахъ и еле держится...“ Этого мало: преобладаніе воображенія надъ всѣми остальными способностями настолько сильно у Гоголя, что часто онъ самъ утрачиваетъ способность отличить ложь отъ истины и игру болѣзненно-настроеннаго воображенія отъ дѣйствительности.

Въ характерѣ и дѣятельности Гоголя, равно какъ и во всѣхъ отношеніяхъ его къ кругу читателей и къ близкимъ людямъ, сказывалась еще одна выдающаяся черта малороссійскаго типа: чрезвычайная скрытность въ связи съ нѣкоторымъ лукавствомъ. Лукавство это, въ большей части случаевъ, было довольно невинное и притомъ такое, которое не трудно было разгадать; но, въ сущности, оно, вмѣстѣ съ постоянною наклонностью Гоголя все преувеличивать и ко всѣмъ явленіямъ жизни относиться съ какою-то вычурною торжественностью — лукавство это въ значительной степени мѣшало всякой возможности простого и прямого отношенія къ Гоголю со стороны его друзей, близкихъ людей и даже родныхъ. Дальнѣйшее изложеніе біографіи Гоголя укажетъ намъ, какую именно роль играли въ его жизни и сношеніяхъ съ людьми вышеуказанныя племенныя его свойства. Но прежде, чѣмъ приступить къ этой біографіи, намъ придется сказать нѣсколько

словъ о предкахъ Гоголя и той обстановкѣ, въ которую онъ вступилъ съ дѣтства.

Предки Гоголя.

Знаменитый писатель нашъ происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода Гоголей, который на нѣкоторое время уклонялся въ католичество и примыкалъ къ польскому шляхетству, что и выразилось въ прибавленіи къ фамиліи Гоголей отличительнаго прозвища *Яновскіе* [1]). Но уже прадѣдъ Гоголя былъ православный, и воспитывался въ Кіевской академіи и былъ даже священникомъ; а дѣдъ его былъ полковымъ писаремъ при Запорожскомъ казачьемъ войскѣ, слѣдовательно, занималъ одну изъ почетныхъ служебныхъ должностей и былъ живымъ свидѣтелемъ недавно минувшей и бурной эпохи казачества. Вѣроятно, именно о немъ вспоминаетъ Гоголь въ повѣсти: „Вечеръ накануне Ивана Купала“, гдѣ говоритъ:

Портретъ Н. В. Гоголя съ его автографомъ (хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки).

„Дѣдъ мой умѣлъ чудно разсказывать... Бывало, поведетъ рѣчь—цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста, и все бы слушалъ... Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ и ляховъ не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь страшное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ

[1]) Гоголи стали прозываться *Яновскими* по имени прапрадѣда писателя—*Яна* Гоголя, которому въ Миргородскомъ повѣтѣ Полтавской губ. принадлежало помѣстье *Яновщина*.

страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ...“

Отецъ Гоголя.

Разсказы дѣда о старинѣ должны были глубоко запасть въ душу ребенка, тѣмъ болѣе, что и отецъ его, Василій Аѳанасьевичъ, былъ человѣкъ недюжинный и способный поддержать въ ребенкѣ нѣкоторую чуткость по отношенію къ впечатлѣніямъ,

Н. В. Гоголь, въ молодости (по извѣстной гравюрѣ).

которыя онъ могъ воспринять подъ домашнимъ кровомъ. Василій Аѳанасьевичъ, по тому времени, былъ человѣкомъ образованнымъ и начитаннымъ; онъ даже и самъ пописывалъ кое-какія комедійки въ подражаніе такимъ образцамъ, какъ „Москаль-Чарівникъ“ или „Наталка-Полтавка“. Комедійки эти игрались иногда на домашнемъ театрѣ въ Васильевкѣ, усадьбѣ Василія Аѳанасьевича, а иногда и въ сосѣдней великолѣпной усадьбѣ Кибинцы, гдѣ поселился на старости лѣтъ извѣстный вельможа Екатерининскихъ временъ, Трощинскій, съ которымъ жена Василія Аѳа-

насьевича, Марья Ивановна, состояла въ дальнихъ родственныхъ отношеніяхъ. Въ Кибинцахъ былъ настоящій театръ, занимавшій особый флигель громаднаго дома; была и труппа актеровъ, и оркестръ музыки, набранные изъ крѣпостныхъ. И вся жизнь этого роскошнаго барскаго угла складывалась на ладъ какого-то безконечнаго празднества, въ которомъ пиры, балы и театральныя представленія чередовались непрерывною нитью передъ толпою гостей, безпрестанно наѣзжавшихъ въ Кибинцы на поклонъ къ знатному сосѣду, ему на утѣху и себѣ на забаву. Здѣсь-то впервые и удалось Гоголю увидѣть настоящія, недурно обставленныя театральныя представленія и вынести тѣ впечатлѣнія, которыя дали ему возможность потомъ устраивать спектакли въ кругу своихъ товарищей, учениковъ Нѣжинскаго лицея. Да и вообще посѣщенія усадьбы Трощинскаго, куда родители возили Гоголя въ дѣтствѣ довольно часто, должны были остаться у него въ памяти на всю жизнь и, до нѣкоторой степени, отразились и на его дальнѣйшей судьбѣ.

Дѣтство Гоголя.

Нашъ великій писатель, *Николай Васильевичъ Гоголь*, родился въ 1809 году (19 марта), не въ родной Васильевкѣ, а въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, гдѣ случайно жила нѣкоторое время его мать. Росъ онъ туго, тщедушный и болѣзненный, и былъ предметомъ неусыпныхъ заботъ нѣжной матери, которая, при своемъ необычайно-развитомъ воображеніи и болѣзненной мнительности, черезчуръ берегла, холила и баловала своего любимаго сыночка.

Грамотѣ выучился Гоголь дома, отъ какого-то наемнаго семинариста, и только уже на десятомъ году отдали его, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, Иваномъ, къ одному изъ учителей Полтавской гимназіи для приготовленія къ поступленію въ эту гимназію. Но когда оба брата вернулись домой, на каникулы, братъ Иванъ заболѣлъ и умеръ, и родители оставили Гоголя дома, въ довольно неопредѣленномъ положеніи. По счастью, тогдашній черниговскій губернаторъ (Бажановъ) увѣдомилъ вскорѣ Гоголя-отца о предстоящемъ открытіи въ Нѣжинѣ „гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко“ и совѣтовалъ ему помѣстить сына въ пансіонъ, открытый при этомъ новомъ учебномъ заведеніи. Гоголь-отецъ послѣдовалъ данному совѣту и весною 1821 года Гоголь уже былъ опредѣленъ въ Нѣжинскую гимназію.

Годы ученья.

Пребываніе въ Нѣжинской гимназіи, почти семилѣтнее, не принесло большой пользы юному Гоголю. Онъ очень немногому въ гимназіи выучился, кажется, именно потому, что ученье давалось ему чрезвычайно легко. Въ теченіе года онъ только кое-какъ отдѣлывался отъ уроковъ и работалъ только передъ экзаменами, чтобы кое-какъ перевалить лишь изъ класса въ классъ. Въ ученьи у Гоголя не было даже никакихъ пристрастій, какъ это часто

бываетъ у многихъ способныхъ учениковъ, которые, напримѣръ, весьма охотно занимаются исторіей и географіей, но „ненавидятъ" математику и т. п. Гоголь не любилъ математики, но и языками (особенно классическими) не интересовался нимало. Даже и въ русской грамотѣ онъ оказывался очень плохъ. „Ученическія письма Гоголя", говоритъ его біографъ: „отличаются отсутствіемъ всякихъ правилъ ороографіи; чтобы сдѣлать ихъ болѣе ясными, я разставилъ какъ слѣдуетъ знаки препинанія, обратилъ прописныя буквы (на которыя онъ тогда былъ очень щедръ) въ строчныя и исправилъ неправильныя окончанія въ прилагательныхъ".

Однимъ словомъ, о Гоголѣ сложилось въ школѣ представленіе, какъ о лѣнтяѣ, и представленіе вполнѣ основательное. Но всѣ при этомъ отлично понимали, что Гоголь очень способный юноша, и даровитость его высказывалась во всѣхъ его шуткахъ и шалостяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ къ товарищамъ, среди которыхъ онъ слылъ остроумнымъ занозою, насмѣшливымъ и задорнымъ малымъ.

Гораздо болѣе чѣмъ къ наукамъ, онъ проявлялъ склонности къ искусствамъ: къ рисованью, къ сценическимъ представленіямъ, которыя онъ устраивалъ въ товарищескомъ кружкѣ, въ подражаніе тому, что видѣлъ у себя дома, въ Васильевкѣ, и на домашней сценѣ въ великолѣпной усадьбѣ Трощинскаго. Онъ самъ такъ хорошо исполнялъ на этой сценѣ нѣкоторыя роли (въ особенности роли старухъ) и такъ умѣлъ пріохотить товарищей къ этимъ представленіямъ, что ученики сложились, и на общую складчину устроили себѣ костюмы и кулисы, и даже обратили на свои представленія вниманіе начальства. Начальство воспользовалось гимназическою сценою для того, чтобы пріохотить учениковъ къ французскому языку, и ввело французскія пьесы. Мало-по-малу въ репертуаръ этой маленькой сцены вошли пьесы Мольера, Флоріана, Коцебу, Фонвизина, Княжнина; но болѣе нравились воспитанникамъ и публикѣ малороссійскія пьесы. Гимназическій театръ сталъ привлекать и городскихъ жителей, которые очень охотно съѣзжались посмотрѣть на представленія воспитанниковъ. И еще весьма недавно живы были нѣжинцы, которые помнили Гоголя на этой сценѣ въ роли Простакова, исполняемой имъ превосходно.

Школьная сцена.

Равнодушный къ ученью, Гоголь, тратившій очень мало времени на приготовленіе уроковъ, весьма охотно отдавалъ всѣ свои досуги чтенію. Читалъ онъ все и безъ разбора: журналы и альманахи, поэтовъ старыхъ и новыхъ. Особенно нравились ему произведенія Жуковскаго и Пушкина, которыя онъ перечитывалъ десятки разъ, которымъ подражалъ, передѣлывая на новые лады. Отъ этихъ подражаній онъ перешелъ уже къ попыткѣ издавать

самостоятельный рукописный журналъ, на который не жалѣлъ ни труда, ни усилій: самъ былъ тутъ и авторомъ, и иллюстраторомъ, и переписчикомъ, и переплетчикомъ. Когда книжка выходила въ свѣтъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, Гоголь бралъ на себя и роль чтеца своихъ и чужихъ произведеній. Журналу было присвоено названіе: „Звѣзда". Изъ произведеній Гоголя въ „Звѣздѣ" было помѣщены: повѣсть „Братья Твердославичи", трагедія „Разбойники", баллада „Двѣ рыбки" и разныя стихотворенія. Тамъ же явилось и нѣчто болѣе серьезное и значительное—пародія на мѣстное общество, подъ заглавіемъ: *„Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ"*.

Широкіе замыслы.

Въ 1828 году Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ Нѣжинской гимназіи по второму разряду съ правомъ на 14-й классъ. Но это скромное право совсѣмъ не согласовалось съ тѣми романтическими задатками и съ тѣми широкими замыслами, которые юноша носилъ въ своей головѣ. Онъ одновременно мечтаетъ о блестящей служебной карьерѣ и о какомъ-то трудѣ, который собирается навалить себѣ на плечи: трудъ этотъ такъ важенъ—замѣтимъ кстати,—что долженъ „осчастливить" всю Россію. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ важный трудъ, объ этомъ Гоголь, кажется, и самъ имѣлъ еще очень смутныя понятія, но это не мѣшало ему уже заранѣе гордиться и величаться будто бы предназначенной ему долей. И несмотря на юность и неопытность этого юноши, только что сорвавшагося со школьной скамейки, мы уже видимъ въ немъ ясно намѣчающіяся отличительныя черты его будущаго типа въ лѣта полной зрѣлости. Наиболѣе выдающеюся и наиболѣе замѣтною чертою его нравственнаго облика является передъ нами его полное отчужденіе отъ жизни и низменной дѣйствительности. Въ тѣ лѣта, когда голова молодежи бываетъ полна любовными грезами и всякими радостями и наслажденіями жизни, онъ, напротивъ, опасливо отдаляется отъ всѣхъ этихъ соблазновъ и постоянно уносится въ міръ религіозно-нравственныхъ созерцаній и общихъ отвлеченныхъ вопросовъ. Но его глубокая, прочувствованная и горячая религіозность никакъ не приводитъ его къ смиренію, къ самоуничиженію или самобичеванію; напротивъ, религіозный и глубоко-вѣрующій юноша Гоголь, въ душѣ своей, считаетъ себя какимъ-то избранникомъ, который отмѣченъ преимущественно передъ всѣми прочими людьми перстомъ Божіимъ. Онъ весьма наивно старается угадать въ событіяхъ своей жизни проявленія Промысла и задумывается надъ истиннымъ значеніемъ Его указаній. Идеалы въ головѣ у него вертятся довольно нескладные; понятія о жизни и общественности самыя ограниченныя, а онъ, между тѣмъ, глубоко вѣритъ въ непогрѣшимость своихъ идеаловъ, своихъ какихъ-то сложившихся взглядовъ, и

старается ко всему примѣнять свою мѣрку; а каждую неудачу или невзгоду, подобно древнему лѣтописцу, объясняетъ неповиновеніемъ волѣ Божіей и невниманіемъ къ указаніямъ Промысла.

Само собою разумѣется, что, при такомъ настроеніи, ему узокъ и тѣсенъ кажется горизонтъ провинціальной жизни. Тотчасъ по выходѣ изъ „гимназіи", онъ уже мечтаетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ, гдѣ, по его предположеніямъ, его должна была ожидать блестящая карьера. Послѣ краткаго пребыванія въ Васильевкѣ, Гоголь, вмѣстѣ со своимъ постояннымъ товарищемъ и сосѣдомъ по имѣнію, А. С. Данилевскимъ, отправился въ Петербургъ на поиски счастья и удачи. Кстати, между прочими своими бумагами, онъ захватилъ и свою идиллію „*Гансъ Кюхельгартенъ*", написанную во время пребыванія въ послѣднихъ классахъ школы; но, въ ту пору, онъ еще и не думалъ свое произведеніе печатать, придавая ему очень мало значенія, да и вообще менѣе всего мечтая о карьерѣ литературной.

Еще одинъ отрывокъ изъ черновой рукописи «Мертвыхъ Душъ»
(хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Первый періодъ литературной дѣятельности. — Жизнь въ Петербургѣ. Житейскія невзгоды и служебныя попытки. — «Вечера на хуторѣ». — Успѣхъ Гоголя и его связи съ петербургскими литературными кружками. — Вопросъ о каѳедрѣ и историческихъ трудахъ. — Московскія связи и знакомства.

Первые шаги въ литературѣ.

Біографы Гоголя, основываясь на томъ матерьялѣ, который представляютъ его письма къ роднымъ и друзьямъ, какъ будто согласились изображать первые годы пребыванія Гоголя въ Петербургѣ въ какихъ-то особенно мрачныхъ краскахъ и при этомъ говорить о какихъ-то разочарованіяхъ, о какомъ-то рядѣ пережитыхъ неудачъ, которыя будто бы повліяли на Гоголя и омрачили то свѣтлое настроеніе, съ которымъ онъ, полный надеждъ и упованій, пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Петербургъ. „Здѣсь, дѣйствительность, *рядомъ тяжкихъ ударовъ*“, говоритъ одинъ изъ біографовъ: „умѣряетъ горячій пылъ юношескихъ мечтаній...“ Но когда этотъ же біографъ начинаетъ перечислять „тяжкіе удары“, обрушившіеся на Гоголя, то онъ вызываетъ въ насъ невольную улыбку... „Вмѣсто квартиры окнами на Неву, приходится довольствоваться скромнымъ помѣщеніемъ во второмъ этажѣ густо-населеннаго дома...“ „Приходится испытать нужду и даже *отхватать* зиму въ лѣтней шинели, отказывать себѣ въ любимыхъ удовольствіяхъ, не бывать въ горячо-любимомъ театрѣ...“ и т. д. Оказывается, что всѣ эти „тяжкіе удары“ сводятся къ обыденной дѣйствительности, переживаемой въ столицѣ любымъ студентомъ и каждымъ „чающимъ“ службы и карьеры въ Петербургѣ. Притомъ же и нужды особенной Гоголь также испытывать не могъ, потому что, даже и въ то время, когда изсякали средства, присылаемыя изъ дома, у него подъ руками былъ товарищескій „малороссійскій“ кружокъ, съ которымъ онъ поддерживалъ оживленныя связи и, слѣдовательно, всегда могъ найти себѣ и помогу, и помощь. Напротивъ того, помимо мелкихъ неудачъ и обязательныхъ для каждаго въ началѣ жизни исканій пути, дѣятельности или дѣла по душѣ, Гоголь, въ первые годы своего пребыванія въ столицѣ, никакихъ неудачъ и невзгодъ серьезныхъ не видѣлъ, и на долю его даже выпали такія удачи, какихъ онъ вовсе не ожидалъ и ожидать не могъ. Къ тому же, нельзя не отмѣтить и еще одной важной черты, необходимой для правильной характеристики Гоголя въ этотъ періодъ: самъ Гоголь былъ еще очень юнъ, смотрѣлъ на жизнь легко и весело, вѣрилъ въ себя и въ свою будущую удачу (какую?—онъ этого еще и самъ не зналъ!) и потому очень бодро стучался во всѣ двери... Одновременно искалъ службы, пытался поступить въ актеры и пробовалъ свои силы на литературныхъ работахъ. Между прочимъ рѣшился напечатать свою

романтическую идиллію „Гансъ Кюхельгартенъ“ подъ псевдонимомъ *Алова*, и понесъ еще одинъ „тяжкій ударъ“—критика встрѣтила юношескій опытъ довольно сурово, и болѣзненно-самолюбивый авторъ поспѣшилъ изъять свое произведеніе изъ продажи и уничтожилъ его [1]).

Но эта неудача не отбила у него охоты и долѣе пробовать свои силы на томъ же поприщѣ. То въ „Сынѣ Отечества“, то въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 148, за 1830 г.), то въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ (за 1831 г.), то въ „Литературной Газетѣ“ (за 1831 г.) стали появляться отдѣльные разсказы и отрывки изъ будущаго сборника, вскорѣ вышедшаго подъ названіемъ: „*Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*“; помѣщены были въ журналахъ и отдѣльныя статьи болѣе или менѣе серьезнаго содержанія, отчасти оригинальныя, отчасти переводныя [2]). Имя Гоголя, благодаря этимъ первымъ опытамъ, стало извѣстно въ литературныхъ кружкахъ; завязалось знакомство съ Дельвигомъ, потомъ, при посредствѣ рекомендательнаго письма—съ Жуковскимъ, который вошелъ въ положеніе начинающаго талантливаго юноши и указалъ ему на Плетнева, какъ на надежнаго руководителя... Черезъ Плетнева, впослѣдствіи, познакомился Гоголь съ Пушкинымъ, и это знакомство, какъ мы увидимъ далѣе, составило цѣлую эпоху въ его жизни.

А покамѣстъ, ободренный своими первыми успѣхами и поощреніями нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятелей, Гоголь бодро и смѣло работалъ надъ малороссійскими сюжетами и ревностно собиралъ отовсюду—и черезъ родныхъ, на родинѣ, и черезъ посредство своихъ товарищей-хохловъ, въ С.-Петербургѣ,—всякія малороссійскія преданія, обычаи, повѣрья, пѣсни и всякаго рода бытовыя черты. На этой основѣ и на личномъ знакомствѣ со стариною и народностью малороссійскою, онъ создавалъ свои прелестные и граціозные разсказы, вошедшіе въ составъ „Вечеровъ“. И настроеніе доброе, живое не покидало его—онъ работалъ и работалъ плодотворно; онъ надѣялся на то, что его трудъ окупится успѣхомъ и дастъ ему громкое имя; онъ даже писалъ матери, что нисколько не падаетъ духомъ: „...если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому; въ другомъ—къ третьему и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью...“

Загадочная поѣздка.

Въ дѣйствительности, жизнь со своими мелочами и дрязгами, со своею дрянною нуждою, связывавшею руки и напоминавшею о заботахъ ежедневности, иногда лишала Гоголя этой бодрости духа

[1]) Вслѣдствіе этого, «Гансъ Кюхельгартенъ» составляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость.

[2]) Въ «Сѣверномъ Архивѣ» переводная съ французскаго «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка»; въ «Литературной Газетѣ» «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи».

и внушала ему странные замыслы... Начиная тяготиться своими неудачами [1]), онъ искалъ изъ нихъ исхода, и вдругъ вообразилъ себѣ, что можетъ его найти только внѣ предѣловъ Россіи. Въ августѣ 1829 г., онъ вдругъ рѣшился уѣхать за границу, воспользовавшись первыми деньгами, какія ему попались въ руки, и поѣхалъ изъ Петербурга на пароходѣ въ Любекъ. Но едва очутился на чужбинѣ, какъ уже почувствовалъ страшную тоску по родинѣ, и задумалъ тотчасъ вернуться въ Россію [2]). Почти не взглянувъ на Гамбургъ, взявъ нѣсколько ваннъ въ Травемюнде, Гоголь уже черезъ мѣсяцъ (въ мартѣ того же 1829 г.) вернулся въ Петербургъ.

ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ

ИДИЛІЯ

ВЪ КАРТИНАХЪ

Соч. В. Алова

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ Типографіи А. Плюшара
1829 года.

Титульный листъ Гоголевской идилліи (по экземпляру Имп. Публ. Библ.). Книжка эта составляетъ библіографическую рѣдкость.

Какъ ни была курьезна эта странная поѣздка за границу (загадочная для всѣхъ, потому

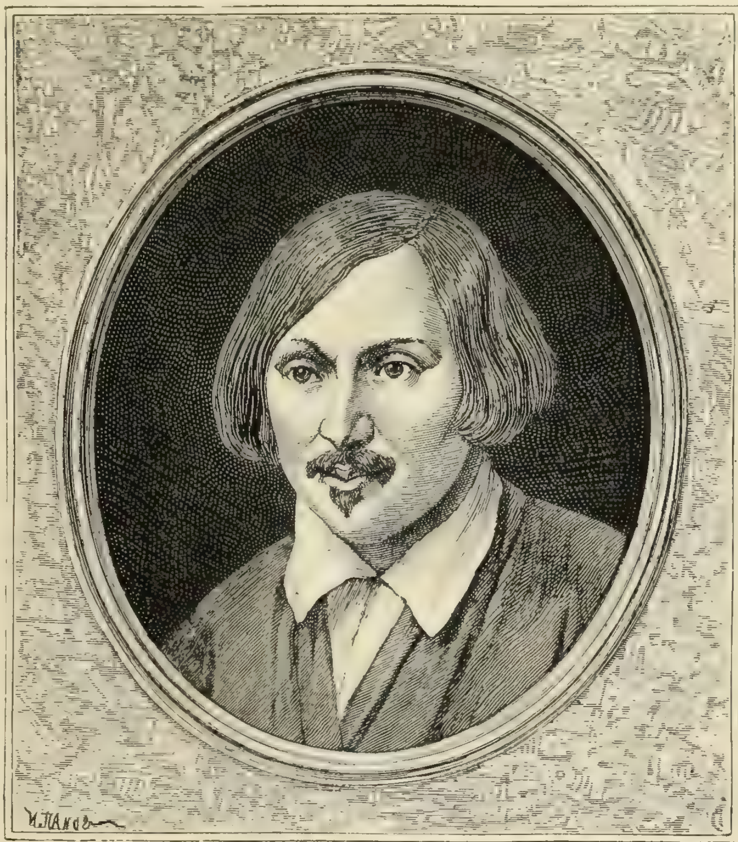
[1]) «Вездѣ совершенно,—пишетъ онъ матери: — я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть».

[2]) Одинъ изъ ближайшихъ друзей Гоголя, его товарищъ Данилевскій, утверждаетъ, что, при выѣздѣ Гоголя за границу, у него въ головѣ была мысль о томъ, чтобы бѣжать въ Америку.

что Гоголь никому не выяснилъ поводовъ, побудившихъ его къ ней), но она все же освѣжила Гоголя, и, до нѣкоторой степени, примирила его съ неблагопріятными условіями жизни, окружавшими его въ Петербургѣ. Онъ опять вернулся къ своимъ повѣстямъ, къ своему малорусскому товарищескому кружку, къ своимъ исканіямъ мѣста и занятій.

Первыя удачи.

А тутъ и обстоятельства его измѣнились къ лучшему: онъ почти одновременно получилъ мѣсто въ Департаментѣ Удѣловъ (мѣсто ничтожное и плохо оплачиваемое) и мѣсто учителя въ младшихъ классахъ Патріотическаго Института, которое доставилъ ему заботливый П. А. Плетневъ, прекрасно понимавшій, съ какимъ прихотливымъ ребенкомъ онъ имѣетъ дѣло Вскорѣ послѣ того, тотъ же самый Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома Балабина, Лонгинова и Васильчикова, и этимъ, съ одной стороны, значительно улучшилъ матерьяльное положеніе Гоголя, а съ другой—открылъ ему доступъ въ тотъ высшій кругъ, который въ послѣдующей біографіи Гоголя игралъ не послѣднюю роль.

Н. В. Гоголь—послѣ изданія въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ».

Для полной и правильной характеристики Гоголя нельзя не отмѣтить того любопытнаго психологическаго явленія, что даже эти небольшія удачи, которыя, вѣроятно, прошли бы незамѣченными у многихъ другихъ, произвели на Гоголя вполнѣ своеобразное впечатлѣніе. Онъ уже возгордился и возмечталъ, и сталъ строить какіе-то обширные планы. Чрезвычайно любопытно то,

что подобные планы все еще вращались у него около служебной карьеры, и онъ съ увѣренностью пишетъ матери въ одномъ изъ писемъ:

„....Выгоды по службѣ непремѣнно должны быть—для того, кто имѣетъ умъ, знающій извлечь пользу, предположившій впереди себя мѣру, ставши на которую, онъ въ состояніи дать обширный просторъ своимъ дѣйствіямъ, *сдѣлаться необходимымъ огромной массы государственной...*“ „Черезъ годъ, а можетъ быть и ранѣе—продолжаетъ онъ:—надѣюсь я получить штатное мѣсто. *Это составляетъ, покамѣстъ, единственное мое желаніе*“.

Мечтая о департаментской карьерѣ, Гоголь въ это время очень гордился даже своей учительской службой въ Патріотическомъ Институтѣ и въ письмѣ къ матери придавалъ своему положенію при институтѣ весьма важное значеніе, даже предлагалъ черезъ посредство матери свою протекцію тѣмъ изъ сосѣдей, у которыхъ были дочери въ учебномъ возрастѣ.

„Вечера на хуторѣ“.

Съ половины 1830 года Гоголь прекращаетъ собираніе матерьяловъ для своихъ малороссійскихъ разсказовъ и приступаетъ къ окончательной редакціи своего будущаго сборника. Въ половинѣ 1831 года онъ выпустилъ первый томъ своихъ „*Вечеровъ*“, подъ заглавіемъ: „*Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ близъ Диканьки („принадлежащей князю Кочубею“).*

Псевдонимъ „пасичника Рудого Панька“ придуманъ былъ Плетневымъ, во избѣжаніе всякихъ литературныхъ дрязгъ и пристрастій.

Изданіе имѣло громадный успѣхъ, какого и ожидать было невозможно... Къ концу того же года издана была вторая часть сборника, и обѣ разошлись не болѣе, какъ въ одинъ годъ.

Этотъ небывалый и давно-невиданный успѣхъ перваго литературнаго произведенія сразу далъ Гоголю опредѣленное и даже весьма видное положеніе въ высшемъ кругу петербургскаго литературнаго міра.

Уже и до выхода въ свѣтъ „Вечеровъ“, Гоголь былъ принятъ въ домѣ Жуковскаго и бывалъ на его литературныхъ вечерахъ (въ Шепелевскомъ дворцѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажа), гдѣ встрѣчался съ княземъ П. А. Вяземскимъ, А. И. Тургеневымъ, Пушкинымъ, Блудовымъ, В. Ѳ. Одоевскимъ, Ѳ. Глинкой, Хомяковымъ, графомъ Вьельгорскимъ и изъ „маститыхъ“—съ Крыловымъ и Гнѣдичемъ. И если прежде онъ только допускался, только былъ вхожъ въ это блестящее общество, какъ талантливый молодой человѣкъ, подающій надежды въ будущемъ, то теперь, послѣ громаднаго успѣха „Вечеровъ“, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе; въ немъ заискивали, его знакомства желали—онъ являлся въ кружкѣ Жуковскаго уже полноправнымъ

гражданиномъ литературной республики... Самъ Пушкинъ восхищался произведеніями Гоголя, и восхищался не ради ободренія и поощренія его, какъ это онъ нерѣдко дѣлалъ со своими друзьями-поэтами, а совершенно искренно, признавая въ молодомъ, начинающемъ авторѣ громадный талантъ и возлагая на него большія надежды въ будущемъ.

Положеніе Гоголя сразу круто измѣнилось... Онъ поправилъ и матерьяльныя обстоятельства свои: не только самъ перестал нуждаться, но могъ помочь даже семейству своему (т. е. матери и сестрамъ). Лѣто 1831 года онъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, въ близкомъ общеніи и частныхъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, и, поощряемый, побуждаемый Пушкинымъ къ новымъ и новымъ попыткамъ на поприщѣ литературы, отчасти даже руководимый имъ въ своихъ будущихъ замыслахъ, Гоголь еще болѣе поддался своему самомнѣнію, и оно стало уже видимо удручающимъ образомъ дѣйствовать на него. У него окончательно утратилось чувство мѣры: все невозможное стало ему казаться возможнымъ, все недостижимое — доступнымъ, все неуловимое—почти осязательнымъ...

Творить въ томъ же родѣ онъ уже не могъ: это казалось ему почти унизительнымъ... Ему хотѣлось создать нѣчто „увѣсистое, великое, художническое...“ Онъ начинаетъ мучиться сомнѣніями: „пошлетъ ли Всемогущій Богъ ему вдохновеніе“,—и кончаетъ тѣмъ, что вновь ощущаетъ желаніе вырваться изъ душнаго Петербурга и вернуться, хоть на время, въ тотъ родной уголокъ, гдѣ почерпнуты были первыя вдохновлявшія его впечатлѣнія. Поѣздка на родину.

...Гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ плететъ вѣнки Маруся,
О старинѣ поетъ сѣдой Грицько.

И вотъ, лѣто 1833 года Гоголь рѣшился провести въ Васильевкѣ, куда и направился черезъ Москву; и, хотя и говорилъ всѣмъ, и писалъ, что „онъ стоитъ въ бездѣйствіи, въ неподвижности... Мелкаго не хочется, великое не выдумывается...“ но, въ сущности, онъ, кажется, нѣсколько кривилъ душою и лукавилъ передъ пріятелями. Въ головѣ у него складывалось нѣчто большое и трудное, очень далекое отъ его первыхъ, юношески-пламенныхъ и юношески-игривыхъ твореній: онъ задумалъ комедію и уже вынашивалъ въ себѣ ея планъ и подробности... Отчасти, это доказывается даже и тѣми знакомствами, которыхъ онъ пожелалъ и сталъ искать въ Москвѣ. Онъ познакомился здѣсь съ М. П. Погодинымъ, съ Загоскинымъ, съ землякомъ своимъ, Максимовичемъ, и съ актеромъ Щепкинымъ—изъ четверыхъ, трое были близки къ сценѣ, писали для сцены или работали на сценѣ.

Біографъ Гоголя въ сопоставленіи этихъ знакомствъ справедливо угадываетъ нѣкоторую преднамѣренность. Онъ, видимо, искалъ сближенія съ людьми, близко знавшими сцену и условія, въ которыхъ создавался русскій сценическій репертуаръ. А изъ одного, весьма любопытнаго мѣста въ „Воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксакова, мы даже убѣждаемся въ томъ, что онъ серьезно и строго обду-

Иллюстрація къ «Мертвымъ Душамъ» Гоголя, исполненная художникомъ А. Агинымъ. Чичиковъ у Собакевича.

мывалъ значеніе комизма и пришелъ, въ этомъ отношеніи, къ очень важнымъ выводамъ и къ заключеніямъ, поражающимъ правильностью и строгостью своею [1])...

[1]) «Однажды у насъ (съ Гоголемъ)—пишетъ С. Т. Аксаковъ, — зашелъ разговоръ о Загоскинѣ; Гоголь хвалилъ его за веселость, но замѣтилъ, что онъ имѣетъ не то, что нужно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто... Но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что «это неправда, что комизмъ кроется вездѣ; что, живя посреди него,

Пріѣздъ въ Малороссію и пребываніе на родинѣ, въ это лѣто 1832 года, подѣйствовали на Гоголя очень неблагопріятно. Онъ не только нашелъ все въ большомъ упадкѣ и запустѣніи, но еще долженъ быть невольно притти къ тому убѣжденію, что въ три послѣдніе года онъ успѣлъ охладѣть къ тому, что̀ казалось ему такъ мило и дорого, что̀ когда-то было такъ близко его сердцу. Разочарованіе.

Иллюстраціи А. Агина: Чичиковъ у Манилова.

Не настолько измѣнились мѣстныя условія быта и отношеній, насколько измѣнился онъ самъ среди иныхъ условій столичной жизни, насколько поблекли и выцвѣли краски всего того, что такъ казалось свѣжо и ярко въ ранней юности. Какъ Петербургъ,

---

мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собою будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его...»

со всѣми его столичными приманками, казался ему теперь совсѣмъ не тѣмъ, какимъ онъ его представлялъ въ оное время, живя на родинѣ, такъ и родина явилась теперь передъ нимъ въ иномъ, будничномъ освѣщеніи, и навѣяла на него только довольно грустныя, довольно безотрадныя впечатлѣнія. Далѣе увидимъ мы, въ какой степени эти впечатлѣнія отразились въ ближайшихъ произведеніяхъ Гоголя; а въ заключеніе этой главы скажемъ два слова о „Вечерахъ"—этомъ раннемъ юношескомъ произведеніи Гоголя, которое доставило ему первыя наслажденія и словно разсѣяло его сомнѣнія насчетъ того, что „природа отвела ему черную квартиру неизвѣстности".

Значеніе «Вечеровъ»

На „Вечерахъ", прежде всего, лежитъ печать произведенія молодого и свѣжаго, въ которомъ, при романической основѣ, мощный талантъ вынуждаетъ автора быть вѣрнымъ дѣйствительности, быть реальнымъ. Въ нихъ все, начиная съ описаній природы и до очерка характеровъ, немного прикрашено юношескою фантазіею автора и его страстною привязанностью къ родинѣ, но ничто не искажено, не испорчено никакою фальшью, никакимъ вымысломъ, несообразнымъ съ описываемою народною жизнью. Юморъ, проникающій эти до высокой художественности красивые и привлекательные разсказы, дѣйствуетъ на читателя заразительно и вызываетъ его къ веселому, беззаботному смѣху. Этотъ юморъ—неподдѣльный, народный, чисто-малороссійскій. Онъ ничего не осмѣиваетъ, ни надъ чѣмъ не вынуждаетъ задумываться и не наводитъ ни на какія скорбныя мысли и разсудочные выводы, какъ тотъ „смѣхъ сквозь слезы", на который самъ Гоголь указываетъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ. Тутъ онъ еще не сумрачничаетъ: онъ самъ молодъ и смотритъ на жизнь легко и просто; ему весело жить на свѣтѣ, и онъ всѣмъ отъ души желаетъ, чтобы и имъ весело жилось. И сверхъ всего этого, всѣ разсказы проникнуты еще особымъ духомъ:—въ нихъ, кромѣ любви къ покинутой родинѣ, вѣетъ еще и глубокая тоска по ней, подъ вліяніемъ которой юный авторъ съ особенною нѣжностью вспоминаетъ о каждой мелочи, въ былое время, быть-можетъ, вовсе не привлекавшей его вниманія. Это именно и придаетъ разсказамъ особенную, невыразимую прелесть.

Характеръ „Вечеровъ" очень вѣрно опредѣляетъ, между прочимъ, академикъ Пыпинъ въ своей „Исторіи Русской Литературы", гдѣ онъ говоритъ:

„Смыслъ „Вечеровъ" былъ въ любящемъ отношеніи къ народу, въ жизни котораго писатель нашелъ столько поэтическихъ мотивовъ, сколько до него не находилъ никто изъ нашихъ писателей. Это не была идеализація въ чувствительномъ стилѣ; Гоголь не думалъ скрывать, что въ этомъ быту есть не мало гру-

баго, но онъ умѣлъ найти тонъ, въ которомъ онъ даетъ читателю видѣть эту грубость, но рядомъ даетъ видѣть и то поэтически-прекрасное, что̀ заключалъ этотъ бытъ, какъ народъ передалъ это въ своей пѣснѣ".

Не менѣе вѣрно и вполнѣ кстати тотъ же авторъ указываетъ и на живучесть разсказовъ Гоголя, сравнивая ихъ съ болѣе ранними попытками изображенія народной жизни, которую романтическая школа ввела въ моду въ литературѣ.

„Давно забыты, за немногими исключеніями, старые опыты изображенія народной жизни съ романтической искусственностью. „Вечера“ Гоголя уцѣлѣли, потому что, хотя и ихъ тэма также поэтизирована, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ несомнѣнно присутствуетъ здоровый реализмъ, который составилъ потомъ великую силу Гоголя. Этотъ реализмъ, въ соединеніи съ неподражаемымъ юморомъ, явился такой естественной, необходимой чертой этихъ произведеній, что его невозможно подвести ни къ какой литературной школѣ: это былъ самобытный элементъ, который былъ у Гоголя не только личной, но и племенною особенностью его дарованій“...

Нельзя упустить изъ виду и той важной стороны юношескаго произведенія Гоголя, что оно явилось какъ бы откровеніемъ, поразившимъ русское общество новостью и свѣжестью затронутой авторомъ тэмы. Въ то время Малороссія, со всѣми поэтическими и привлекательными сторонами ея быта, была совсѣмъ неизвѣстна въ нашей литературѣ, и понятія о малороссійскомъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ у большинства русскихъ людей (небывавшихъ въ Малороссіи) были весьма темныя и сбивчивыя. И съ научной стороны этотъ любопытный край Руси едва только еще начиналъ освѣщаться и выясняться: исторія Малороссіи только еще обращала на себя вниманіе ученыхъ, а богатѣйшій запасъ малорусской народной поэзіи былъ почти не тронутъ. Гоголь, своими „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“, несомнѣнно возбудилъ во всѣхъ интересъ къ изученію своей родины, самъ того не сознавая, и далъ сильный толчокъ русской наукѣ въ этомъ направленіи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Впечатлѣнія родины послѣ житья въ столицѣ.—Увлеченіе исторіей и мечты объ ученой карьерѣ. — Эпизодъ съ профессурой.—«Арабески» и «Миргородъ».—Прощаніе съ Малороссіей и переходъ къ болѣе крупнымъ задачамъ.

Впечатлѣнія поѣздки на родину въ 1832 году были очень неутѣшительны. Все то, что издали, изъ непривѣтно-встрѣтившаго Петербурга, казалось такъ заманчиво, такъ мило и дорого, такъ преисполнено всякихъ достоинствъ и качествъ—все это теперь, послѣ Петербурга и Москвы, послѣ аристократическихъ салоновъ, послѣ литературныхъ кружковъ столицы, показалось, конечно, мизернымъ и жалкимъ, низменнымъ и не заслуживающимъ вниманія. Въ скромную обстановку жизни не мудрой и довольно-таки причудливой семьи хуторянъ вернулся не прежній юноша, шутникъ и забавникъ, а серьезный литературный дѣятель, человѣкъ, занимавшій служебную должность, на виду у начальства, можетъ быть даже съ обезпеченной и открытой дорогой къ повышеніямъ и полученію виднаго положенія въ свѣтѣ... „Человѣкъ еще очень молодой, а уже и съ Пушкинымъ за панибрата, и съ Жуковскимъ друженъ — съ тѣмъ Жуковскимъ, которому самъ царь руку жмётъ, который у царя дѣтей обучаетъ“— вотъ что должны были говорить и думать около Гоголя его ближніе, родные и знакомые, а его мать, обладавшая необычайно пылкимъ и плодовитымъ воображеніемъ, должна была еще болѣе раздувать и преувеличивать всякіе толки и слухи о ея „знаменитомъ“ сынѣ.

Гоголь не видѣлъ около себя прежней простоты, и самъ не могъ ни къ кому относиться такъ же просто, какъ прежде... Это уже наводило его на нѣкоторую скуку, заставляло его тяготиться пребываніемъ въ средѣ своей семьи и сосѣдей и стремиться поскорѣе къ возвращенію въ тѣ условія, въ какія онъ былъ поставленъ своею петербургскою жизнью. Въ душѣ своей онъ, казалось, уже носилъ то, что немного позже выразилъ въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу:

„Оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставляю? Здѣсь все, что̀ дорого, что́ было мило моему сердцу; люди, съ которыми сдружилась, которыхъ алчетъ душа, все—что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивши все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску...“

Впечатлѣнія родины.

И вотъ, именно эту-то сердечную тоску Гоголь и почувствовалъ среди нѣкогда близкихъ ему условій жизни: эта тоска и отразилась на его наблюденіяхъ надъ тою дѣйствительностью,

которая окружала его на родинѣ, надъ тѣми типами и лицами, которыми тамъ эта дѣйствительность была полна. Въ томъ запасѣ образовъ, которые онъ вывезъ съ собою съ родины, предъ нами, какъ живые, выступили типы, прямо заимствованные изъ жизни— прелестные старички-помѣщики, жизнь которыхъ обратилась въ нескончаемую идиллію супружескаго счастья въ крошечномъ захолустномъ уголкѣ; неугомонные тяжебщики, упорно доискивающіеся и добивающіеся истины въ сѣтяхъ опутывающаго ихъ беззаконія и безправія; смѣлые до дерзости юноши, выступающіе на неравный бой съ нечистой силой... И вдали, въ глубинѣ художественнаго горизонта Гоголя—туманная, но строго и прекрасно задуманная и художественно-набросанная картина прошлаго Малороссіи, съ его героями, съ кровавой борьбой за вѣру и независимость, съ безшабашнымъ разгуломъ Сѣчи и раздольемъ степи. Эта послѣдняя картина, еще не принявшая опредѣленнаго образа въ воображеніи Гоголя, представляется ему то въ видѣ повѣсти, то въ видѣ драмы.

Карикатура на Гоголя, рис. П. А. Каратыгинымъ.

Какъ это и всегда за нимъ водилось, Гоголь разомъ набрасывается на все, что запало ему въ душу, къ чему онъ устремился своей неистощимо-богатой творческой фантазіей... Онъ набрасываетъ повѣсти, начинаетъ историческій романъ, создаетъ планъ драмы изъ казацкаго быта, хватается за исторію. Онъ живо передаетъ впечатлѣнія своей отзывчивой души въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ писемъ къ Шевыреву, гдѣ говоритъ:

„Передо мной выясняются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена козачества, и если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія-ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само-собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается“.

Въ результатѣ является новый сборникъ повѣстей, подъ общимъ заглавіемъ: „*Миргородъ*“—„*повѣсти, служащія продолженіемъ Ве-* „Миргородъ“.

черовъ на хуторѣ близъ „Диканьки" [1]). Поясненіе это, въ сущности, излишнее, справедливо только въ одномъ смыслѣ: сюжеты „Миргорода" заимствованы изъ той же общей сокровищницы малороссійскихъ преданій, быта и старины; но между „Вечерами" и „Миргородомъ" — цѣлый періодъ въ развитіи писательскаго таланта Гоголя, въ его понятіяхъ объ обработкѣ литературныхъ сюжетовъ, даже въ его наблюдательности. Одинъ изъ критиковъ и истолкователей Гоголя справедливо замѣчаетъ, что въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя вошли въ составъ „Миргорода" Гоголя, вѣетъ совсѣмъ инымъ духомъ, нежели въ его первыхъ юношескихъ произведеніяхъ. Въ нихъ нѣтъ той обворожительной и ясной веселости и бодрости духа, которыми такъ переполнены, такъ проникнуты „Вечера на хуторѣ". Здѣсь, напротивъ, все сумрачно, все полно трагизма, все печально, какъ тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ Гоголь со своей родины при своемъ послѣднемъ посѣщеніи Васильевки. Каждая изъ четырехъ повѣстей, составляющихъ „Миргородъ", послѣ цѣлаго ряда превосходно написанныхъ и художественно набросанныхъ картинъ малороссійскаго быта въ отдаленную старину и въ болѣе близкое къ намъ время, наводитъ насъ на грустныя размышленія о бренности всего земного, о суетности человѣческихъ усилій и стремленій, о безполезности борьбы съ злою судьбиною, которая всѣмъ намъ одинаково предназначена — всѣхъ насъ, рано или поздно, должна встрѣтить на пути жизни... Изъ чтенія „Вія", „Тараса Бульбы", „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ" и „Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ" читатель выноситъ одинаково безотрадное впечатлѣніе. Видно, что авторъ, создавшій эти произведенія, быстро созрѣвалъ, быстро и смѣло переходилъ, въ своемъ творчествѣ, тѣ стадіи развитія, которыя ему предстояло пройти по пути совершенствованія, возможнаго для его таланта. Періодъ былъ переходный, но важный... Видно было, что крупный художникъ отъ первыхъ, порывистыхъ опытовъ непосредственнаго творчества переходитъ къ творчеству сознательному. Чрезвычайно любопытно, что въ этомъ періодѣ проявился у Гоголя зачатокъ его временныхъ увлеченій исторіею и историческою наукою, которыя привели его къ чрезвычайно курьезнымъ абсурдамъ и крайностямъ.

Исканіе каѳедры.

Такъ какъ громадное и совершенно необузданное воображеніе составляло одну изъ преобладающихъ сторонъ гоголевскаго нравственнаго типа, то всякіе чрезвычайные выводы и соображе-

[1]) Нѣкоторыя части «Миргорода», и до появленія сборника въ свѣтъ, напечатаны въ отдѣльности въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ; такъ, напр., «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» была напечатана въ альманахѣ Смирдина «Новоселье».

нія, ничего не имѣвшіе общаго съ простою логикою, были у Гоголя явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Такъ, въѣзжая въ Петербургъ безусымъ юношей, онъ уже мечталъ о служебной карьерѣ, да не о какой-нибудь, а о крупной, видной и слышной на всю Россію; такъ точно, получивъ мѣсто преподавателя въ младшихъ классахъ Патріотическаго Института, онъ уже смотрѣлъ на себя, какъ на лицо, власть имущее, и предлагалъ свою протекцію сосѣдямъ, у которыхъ были дочки въ учебномъ возрастѣ. Такъ и теперь, едва коснувшись историческаго матерьяла, едва сдѣлавъ первыя попытки къ возсозданію минувшей жизни, минувшей малороссійской старины, онъ уже возмечталъ о возможности „написать исторію Малороссіи“ — да не сухую, не скучную, а полную жизни и красокъ, такую, какую еще до него никто и никогда не писывалъ. И едва только онъ закончилъ первый небольшой отрывокъ этого „будущаго“ труда, какъ онъ уже пишетъ, славитъ и благовѣститъ о немъ во всѣ стороны — всѣмъ пріятелямъ, друзьямъ и покровителямъ своимъ, въ томъ числѣ и Пушкину, и Погодину. Послѣднему онъ пишетъ даже такъ:

„Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всеобщую; *и та, и другая уже начинаютъ двигаться* [1]). Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ... Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! Да какихъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что я сдѣлаю кое-что *не общее во всеобщей исторіи.* Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!“

Отъ этой мысли, отъ этого заданія—уже только одинъ шагъ до мысли о профессурѣ, до вполнѣ искренняго, сознательнаго убѣжденія въ томъ, что онъ можетъ не только написать исторію лучше другихъ, но даже и съ каѳедры преподать ее такъ, что его преподаваніе всѣхъ очаруетъ, и онъ затмитъ цѣлую толпу „вялыхъ профессоровъ“. И вотъ, со свойственною ему страстностью и со смѣлостью, достойною лучшаго дѣла, Гоголь, пользуясь своими связями, берется хлопотать о полученіи каѳедры исторіи (да еще всеобщей!) въ С.-Петербургскомъ университетѣ, и, что всего удивительнѣе — ни въ комъ изъ своихъ именитыхъ покровителей не встрѣчаетъ ни отпора, ни возраженій, ни препятствій къ осуществленію своей совершенно необдуманной затѣи. Да! Жуковскій, Пушкинъ, Погодинъ, Плетневъ, Максимовичъ — не видѣли въ этой затѣѣ ничего страннаго: Гоголь—способный, та-

[1]) Онѣ двигались настолько быстро, что отъ всей работы надъ обѣими исторіями сохранилось всего 3—4 отрывка. Это не помѣшало, однако, Гоголю сдѣлать даже извѣстное объявленіе объ исторіи Малороссіи и о томъ, что половина (!) ея уже написана.

лантливый человѣкъ, живой и бойкій разсказчикъ, на ихъ взглядъ, могъ быть и хорошимъ профессоромъ. Они совершенно позабывали при этомъ, что у него не было къ этой спеціальности ни достаточной образованности, ни надлежащей эрудиціи—не только научной подготовки! Такъ еще слабы и не зрѣлы были въ ту пору представленія даже и лучшихъ представителей русскаго общества о достоинствѣ и значеніи ученаго званія вообще и профессуры въ частности...

Мечты о Кіевѣ.

Хлопоты о полученіи каѳедры въ С.-Петербургскомъ университетѣ (съ званіемъ адъюнкта) уже почти заканчивались въ благопріятномъ для Гоголя смыслѣ, когда воображеніе вдругъ метнуло его въ совсѣмъ другую сторону. Обнадеженный на полученіе каѳедры въ Петербургѣ, Гоголь вдругъ захотѣлъ получить каѳедру въ Кіевѣ, гдѣ (около 1834 г.) собирались учредить университетъ. Туда его поманила возможность совмѣстнаго служенія съ Максимовичемъ, которому тамъ предложена была каѳедра словесности [1]; а съ Максимовичемъ за это время Гоголь успѣлъ очень близко сойтись и вступилъ въ тѣсную дружбу. Начались новыя хлопоты; ради успѣха ихъ Гоголь ни передъ чѣмъ не стоялъ: пущены были въ ходъ всякаго рода лукавства и ухищренія — Гоголь не побрезгалъ даже ни лицемѣріемъ, ни явною ложью [2], хотя и самъ смѣялся въ письмахъ къ пріятелямъ надъ этими неказистыми пріемами. Такъ, напр., въ письмѣ къ Максимовичу онъ пишетъ:

Изъ Гоголевскихъ типовъ Боклевскаго: Начальникъ.

„...Когда будешь писать къ Брадке [3]), намекни ему вотъ какимъ образомъ, что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя; что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, для характеристики современной университетской науки, что самъ Максимовичъ былъ спеціалистомъ по ботаникѣ; ему предложили занять каѳедру словесности—и онъ ее принялъ.

[2]) Прося Пушкина о ходатайствѣ передъ Уваровымъ, Гоголь проситъ «представить его даже больнымъ въ такой степени, что и самый климатъ кіевскій долженъ былъ благотворно подѣйствовать на его здоровье».

[3]) Брадке былъ назначенъ кураторомъ новоучреждаемаго кіевскаго университета.

языкомъ преподаванія—и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе Булгарина къ грамматикѣ Греча, или—Греча—къ романамъ Булгарина".

Въ то же самое время, Пушкинъ, по соглашенію съ Гоголемъ, хлопоталъ о перемѣщеніи Гоголя на кіевскую каѳедру „по его разстроенному и слабому здоровью". Увѣренность Гоголя въ успѣхѣ всѣхъ ходатайствъ, пущенныхъ въ ходъ изъ-за него, до такой степени велика, что онъ уже „всѣхъ мыслей бѣгъ" направляетъ на Кіевъ. Такъ онъ пишетъ Пушкину:

„Я восхищаюсь заранѣе, когда вообразу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ же я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, которыя я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и юга Россіи, и напишу всеобщую Исторію, *которой въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ нѣтъ*. А сколько соберу тамъ преданій, повѣстей, пѣсенъ и проч!"

Изъ Гоголевскихъ типовъ Боклевскаго: Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Заносчивость Гоголя при этихъ хлопотахъ о кіевской каѳедрѣ всеобщей исторіи проявляется въ размѣрахъ почти курьезныхъ. Къ числу не малыхъ курьезовъ принадлежитъ, напр., и слѣдующій эпизодъ. Когда Гоголю удалось добиться того, что ему, наконецъ, предложено было занять каѳедру въ Кіевѣ въ званіи адъюнкта, Гоголь явился къ тому высокопоставленному лицу, отъ котораго это приглашеніе исходило. Съ первыхъ словъ онъ очаровалъ это лицо своею умною и увлекательной бесѣдой... Въ концѣ бесѣды, Гоголю было предложено принести документы и подать прошеніе. Черезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни прошенія не принесъ. Когда же, въ концѣ третьяго посѣщенія, ему напомнили объ этомъ, онъ, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, вынулъ изъ кармана свой аттестатъ объ окончаніи курса въ „Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ", съ правомъ на чинъ 14-го класса—и прошеніе объ опредѣленіи его *ординарнымъ профессоромъ*. Само собою разумѣется, что его требованія показались непомѣрными, и ему предложили ѣхать въ Кіевъ адъюнктомъ. Гоголь

обидѣлся, вознегодовалъ — и опять пошелъ хлопотать и ходатайствовать черезъ Жуковскаго, Дашкова, Блудова, Пушкина... Въ досадѣ, онъ даже и пишетъ Максимовичу:

„Слышу увѣренія, ласки и больше ничего. Сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно потому, что мнѣ нужно, мнѣ очень нужно: мое здоровье, мое занятіе, мое упрямство требуютъ этого“.

Благодаря ходатайству всякихъ высокопоставленныхъ лицъ, дѣло дошло до того, что Брадке предложилъ Гоголю занять не каѳедру всеобщей, а каѳедру русской исторіи. Въ сущности, для Гоголя не было бы, при этомъ выборѣ, никакой разницы, потому что онъ былъ равно не подготовленъ ни къ той, ни къ другой изъ этихъ двухъ каѳедръ. Но Гоголь уже воображалъ себя спеціалистомъ по всеобщей исторіи, и потому опять вознегодовалъ и возмутился:

„Странно они воображаютъ, что различіе предметовъ — это такая маловажность, и что кто читаетъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку!“ — пишетъ онъ Максимовичу, и добавляетъ въ другомъ письмѣ къ нему же:

„Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели русскую исторію!“

До какой необычайной степени доходило въ это время самомнѣніе Гоголя и его крайняя мелочность, можно видѣть, напр., изъ такихъ выходокъ, которыя мы находимъ въ его письмахъ къ Максимовичу:

„...Если бы какія особенныя препятствія преграждали мнѣ путь—но ихъ нѣтъ! Я имѣю чинъ коллежскаго асессора, не новичекъ въ преподаваніи [1]), между тѣмъ какъ *всѣхъ учителей Кременецкаго Лицея произвели прямо въ ординарные*“.

Гоголь забываетъ при этомъ, что Кременецкій лицей изстари славился какъ прекрасное учебное заведеніе, и что преподаватели его были старые и опытные въ наукѣ люди... Но—какъ ни хлопотали, какъ ни старались пріятели Гоголя—ему не удалось попасть въ Кіевъ на каѳедру; зато, вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ, пришлось на каѳедрѣ петербургскаго университета доказать всю тщету его чаяній и упованій на ученую карьеру, и всю неспособность къ профессурѣ.

Гоголь—профессоръ.

Ему, послѣ хлопотъ о каѳедрѣ въ Кіевѣ, удалось, благодаря его связямъ и отношеніямъ, получить въ званіи адъюнкта ка-

[1]) До этого времени онъ, много-много, годъ—полтора занимался преподаваніемъ въ Патріотическомъ институтѣ.

ѳедру средней исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Конечно, и по поводу этой небольшой удачи гиперболизмъ Гоголя разыгрался въ полной силѣ, какъ и всегда; едва приготовивъ двѣ лекціи для будущаго курса, Гоголь уже писалъ Максимовичу (1833 г.): „я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ восьми, если не изъ девяти“... И, несмотря на приготовленія къ многотомной исторіи, въ результатѣ оказалось, что знаній Гоголя не хватило даже и на составленіе нѣсколькихъ лекцій. Начало, какъ и слѣдовало ожидать, было блистательное: первую лекцію [1]) Гоголь читалъ въ самой торжественной обстановкѣ. На лекцію извѣстнаго писателя-профессора съѣхались его знаменитые друзья-покровители—Пушкинъ и Жуковскій, начальствующія лица и представители избраннаго свѣтскаго общества. Гоголь прочелъ лекцію живо, увлекательно. Пушкинъ, Жуковскій и Плетневъ осыпали его похвалами; студенты были въ восторгѣ и съ нетерпѣніемъ ждали второй лекціи... Но ихъ ожидало разочарованіе. Одинъ изъ современниковъ-слушателей Гоголя въ своихъ „воспоминаніяхъ“ передаетъ намъ впечатлѣніе этой второй и всѣхъ послѣдующихъ лекцій. Онъ разсказываетъ, что „Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ лекцію фразой: „Азія была какимъ-то народовержущимъ вулканомъ“; потомъ говорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ — тотъ ли это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блистательную лекцію? Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ“. Слѣдующія лекціи были не лучше, и слушатели очень скоро охладѣли къ своему преподавателю. Аудиторія стала пустѣть; Гоголь не могъ не замѣтить, что его слушателямъ скучно его слушать, и ему стало тоже скучно читать имъ лекціи, къ которымъ онъ самъ окончательно охладѣлъ. Онъ сталъ манкировать подъ предлогомъ болѣзни; не являлся на лекціи по двѣ недѣли и болѣе—и едва дотянулъ до весны...

Опять разочарованія.

Послѣ еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ такого томительнаго преподаванія, Гоголь, конечно, и думать забылъ о многотомной исторіи среднихъ вѣковъ [2]) и, въ концѣ-концовъ, вынужденъ былъ отказаться отъ профессуры. Въ 1835 году онъ вышелъ въ отставку и предался литературѣ, какъ единственному поприщу, къ которому онъ былъ способенъ... Однакоже, ему было очень

[1]) Она была позднѣе напечатана въ «Арабескахъ» подъ заглавіемъ «О среднихъ вѣкахъ».

[2]) Плодомъ всего этого увлеченія осталось лишь нѣсколько статеекъ въ «Арабескахъ», да отрывки изъ трагедіи *Альфредъ* (изъ эпохи вторженія норманновъ въ Англію), доказывающіе полное отсутствіе трагическаго таланта у Гоголя.

досадно, когда ему пришлось одновременно покинуть и педагогическое поприще, т. е. то мѣсто учителя при Патріотическомъ институтѣ, которымъ онъ когда-то такъ гордился и величался. Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что къ этой своей должности онъ относился такъ же небрежно, какъ и къ профессурѣ, и начальство института, съ самимъ Плетневымъ во главѣ, вынуждено было хлопотать объ удаленіи Гоголя „для пользы дѣла", такъ какъ онъ иногда не ходилъ въ классы по „цѣлымъ мѣсяцамъ..." Гоголь не могъ не сознавать, что онъ самъ накликалъ на себя эту непріятность, и что, удаляя его, начальство поступало съ нимъ по всей справедливости; но самолюбіе у него было огромное и притомъ чрезвычайно кичливое, и онъ не побрезгалъ никакими хлопотами, ходатайствами и ухаживаньями за Жуковскимъ, лишь бы поставить на своемъ и удержать за собою положеніе во что бы то ни стало. Онъ даже рѣшается писать Жуковскому:

„...Если Императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому поводу я прибѣгаю къ вамъ,—нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы Императрица не согласилась. Она добрая, и, вѣрно, *не согласится меня обидѣть (!)*..."

Эта изумительная наивность пониманія между-людскихъ отношеній, нерѣдко доводившая Гоголя, въ теченіе его жизни, до смѣшныхъ крайностей и ставившая его въ крайне-неловкія положенія, представляетъ собою одну изъ основныхъ и весьма характерныхъ сторонъ его характера. Благодаря такому своеобразному пониманію своихъ обязанностей, Гоголь, весьма снисходительный къ себѣ, избалованный удачами въ первой молодости, способенъ былъ считать каждую небольшую неудачу великимъ несчастіемъ, хотя бы даже это несчастіе и было вызвано его собственными ошибками... Онъ нимало не воспитывалъ въ себѣ и не развивалъ той нравственной силы, которая даетъ намъ возможность вступать въ борьбу съ жизнью и ея невзгодами и выходить изъ этой борьбы побѣдителемъ. Напротивъ того, при громадномъ своемъ самомнѣніи, Гоголь, въ оправданіе своимъ заблужденіямъ и ошибкамъ, мало-по-малу создавалъ себѣ цѣлую особую теорію будто бы насылаемыхъ на него Провидѣніемъ испытаній, которыя всѣ только должны способствовать его нравственному совершенствованью. „Все, что ни дѣлалось со мною, — пишетъ онъ друзьямъ своимъ:—все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и *нынѣ я чувствую*, что не земная воля направляетъ путь мой:—онъ, вѣроятно, необходимъ для меня..." [1]).

[1]) Въ томъ же духѣ пишетъ онъ позднѣе Жуковскому, уже изъ-за границы: «Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни; и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно *послано свыше*, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое».

Изъ этой теоріи „насылаемыхъ свыше испытаній“ позднѣе народились тѣ мистическія начала, которыя совершенно извратили всѣ воззрѣнія Гоголя и загубили его талантъ... Но въ половинѣ тридцатыхъ годовъ они проявлялись еще довольно слабо, а жизненная сила и сила таланта, присущаго Гоголю, были настолько велики, что мнимыя „оскорбленія и непріятности, посылаемыя высокимъ Провидѣніемъ“, еще скользили по душѣ его, не оставляя въ ней глубокаго и печальнаго слѣда...

Такъ случилось и теперь, послѣ неудачныхъ попытокъ профессуры и учительства: въ 1835 году Гоголь вышелъ въ отставку, оставивъ и профессорское, и педагогическое поприще, и весь предался литературной дѣятельности, съ жаромъ и увлеченіемъ молодости. Новые и быстрые успѣхи, достигнутые имъ на этомъ поприщѣ, скоро заставили его забыть объ „оскорбленіяхъ и непріятностяхъ“, которыя на время исчезли въ лучахъ его быстро нарождавшейся славы.

Изъ Гоголевскихъ типовъ Боклевскаго: Кувшинное рыло.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Увлеченіе театромъ. — Какъ создавался «Ревизоръ»? — Наброски, которые этой пьесѣ предшествовали. — Хлопоты о постановки ея на сцену. — Успѣхъ пьесы и разочарованіе автора.—«Письмо», приложенное къ «Ревизору». — Разъѣздъ послѣ «Ревизора».—Остальныя драматическія сочиненія и наброски Гоголя.

Театръ издавна, отъ самой ранней юности, составлялъ одно изъ любимѣйшихъ увлеченій Гоголя... Онъ выросталъ и развивался подъ впечатлѣніемъ тѣхъ домашнихъ спектаклей, которые постоянно бывали однимъ изъ украшеній блестящихъ праздниковъ и родственныхъ съѣздовъ въ роскошной усадьбѣ Трощинскаго. Онъ восхищался на этихъ спектакляхъ произведеніями своего отца; онъ старался впослѣдствіи подражать ему, ставя на лицейской сценѣ его произведенія и свои первые опыты сценическихъ постановокъ и передѣлокъ. Онъ уже отъ юности пристрастился къ сценѣ и, при своей поразительно-развитой наблюдательности, даже еще на школьной скамьѣ, успѣлъ уже хорошо ознакомиться со сценой и ея условіями. Можно почти удивляться тому, что первымъ его произведеніемъ была какая-то романтическая блажь лиро-эпическаго характера, а не драматическое произведеніе, не бытовая пьеска изъ малороссійской народной жизни [1].

Попытки писать для сцены. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ „Вечеровъ" и того значительнаго успѣха ихъ, который порядочно вскружилъ голову юноши-автора, онъ именно обратилъ вниманіе на драматическую литературу, къ которой чувствовалъ въ себѣ и способность, и охоту... Во второй половинѣ 1833 года онъ писалъ къ матери своей, прикрываясь своею обычною таинственностью: „врядъ ли будетъ у меня что-нибудь въ этомъ или даже въ слѣдующемъ году... Пошлетъ ли Всемогущій Богъ мнѣ вдохновеніе — не знаю..." А между тѣмъ, всѣмъ близкимъ къ нему людямъ было уже извѣстно, что онъ въ это время былъ занятъ комедіей, причемъ не оставлялъ и другихъ своихъ художественныхъ замысловъ, о которыхъ совѣщался съ Пушкинымъ и Одоевскимъ. Комедія эта, извѣстная изъ отрывковъ, сохранившихся въ бумагахъ Гоголя, носила или должна была носить при появленіи въ свѣтъ заглавіе: „*Владиміръ 3-й степени*"; но въ свѣтъ она не появилась, и впослѣдствіи изъ нея напечатаны были авторомъ только три, значительно-переработанныя Гоголемъ отрывка, подъ отдѣльными заглавіями: „*Тяжба*", „*Лакейская*" и „*Утро дѣловою человѣка*". Гоголь, по нѣсколько лѣтъ сряду работавшій надъ своими произведеніями, надъ тщательною отдѣлкою ихъ, вѣроятно, раз-

---

[1]) Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что въ его «*Вечерахъ*» очень много драматическихъ элементовъ, чѣмъ и объясняется та легкость, съ которою отдѣльныя части ихъ много разъ передѣлывались для сцены.

очаровался въ избранномъ для комедіи сюжетѣ и отбросилъ его обработку въ сторону, тѣмъ болѣе, что живая струя сильнаго, молодого вдохновенія увлекала его (въ половинѣ 30-хъ годовъ) къ различнымъ и разнообразнымъ проявленіямъ его творческой энергіи... Въ его головѣ уже зарождались планы и другихъ комедій, которымъ суждено было вскорѣ явиться на сценѣ, и за обработку которыхъ онъ урывками принимался, не доводя ее до конца. Такъ мы знаемъ, напримѣръ, что въ томъ же 1833 году написаны были первые наброски комедіи „Женихи", названной впослѣдствіи „Женитьба" [1]), обработанной для сцены въ 1836 г. [2]), а въ окончательно переработанной и отдѣланной по новому плану редакціи явившейся уже только въ 1841—1842 году [3]). Но сила творчества, въ эту пору жизни, была такъ изумительно велика у Гоголя, что одновременно съ неудовлетворявшими его набросками будущихъ крупныхъ произведеній, онъ уже начиналъ работать надъ своею знаменитою комедіею, составившей эпоху въ его жизни, въ развитіи его таланта, и, съ другой стороны, несомнѣнно составившей эпоху въ исторіи нашей русской сценической литературы. Мы разумѣемъ его комедію „*Ревизоръ*", сюжетъ которой, по свидѣтельству самого Гоголя, былъ ему данъ Пушкинымъ [4]).

Впослѣдствіи, въ „Авторской Исповѣди", написанной въ концѣ жизни, Гоголь, подъ извѣстнымъ настроеніемъ, давалъ особое и ужъ слишкомъ серьезное значеніе замыслу „Ревизора" и старался внушить всѣмъ, что имъ, при написаніи этой комедіи, руководила извѣстная цѣль, извѣстная настроенность—что въ основу комедіи было положено опредѣленное намѣреніе, опредѣленная нравственная цѣль.

„Въ „Ревизорѣ"—говоритъ онъ:—я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ; всѣ несправедливости, какія дѣлались въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости—и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣми..." Другими словами: много лѣтъ спустя, авторъ старается всѣхъ убѣдить, что въ основу „Ревизора" была имъ нѣкогда положена какая-то огром-

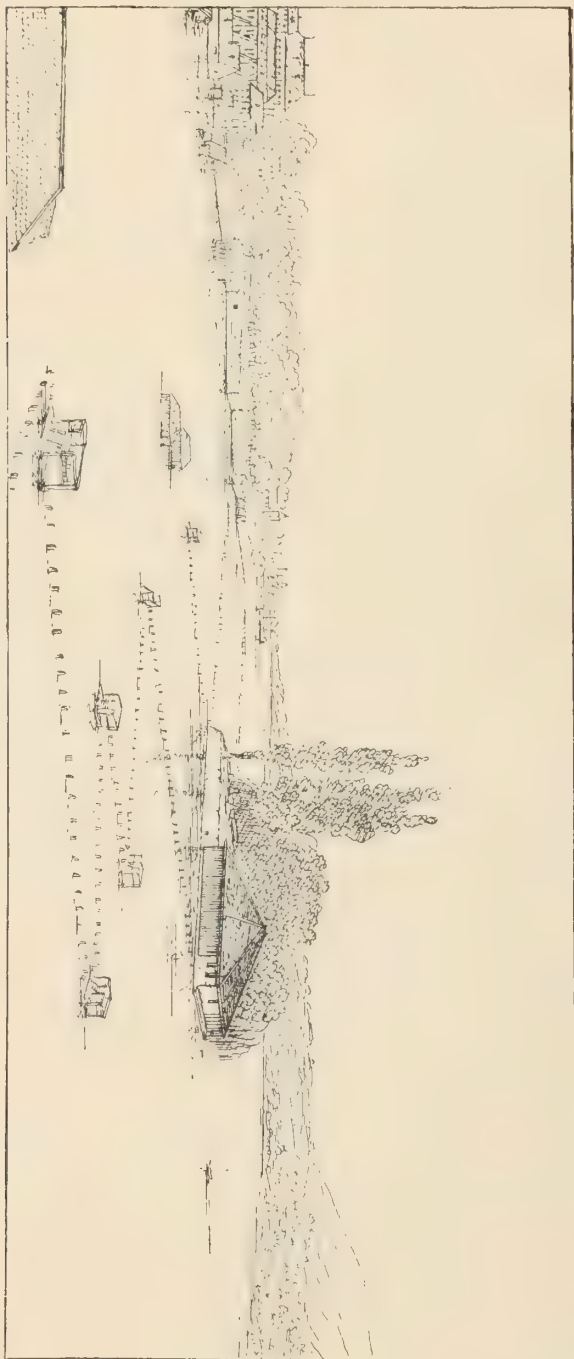
[1]) До какой степени эта первая редакція отличалась отъ послѣдующихъ обработокъ можно судить уже потому, что въ ней вовсе не было главной и первенствующей роли «Подколесина».

[2]) Это доказывается намъ письмомъ Гоголя къ Щепкину отъ 29 апрѣля 1836 г., въ которомъ онъ пишетъ въ заключеніе: «Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я назначаю вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, и т. д.»

[3]) Въ такомъ видѣ явилась она въ первомъ изданіи сочиненій Гоголя.

[4]) Въ «Авторской Исповѣди» онъ именно говоритъ: «Мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему (т. е. Пушкину)...» И далѣе поясняетъ побужденія, которыя привели его къ созданію комедіи въ той формѣ, въ которой она появилась на сценѣ.

ная задача, которой никто не можетъ заставить себя увидѣть въ этой прекрасной и высокохудожественной картинѣ нравовъ нашего захолустья николаевскихъ временъ.

Изъ гравюръ поэта Жуковскаго. Любимые швейцарскіе виды Гоголя.

По сравненіи съ этимъ мѣстомъ „Авторской Исповѣди“ особенно любопытенъ для насъ отрывокъ письма къ Погодину, которое Гоголь писалъ уже въ то время, когда „Ревизоръ“ ставился на петербургской сценѣ и самъ Гоголь усиленно работалъ надъ его постановкой. Въ этомъ письмѣ, извѣщая Погодина о своей отставкѣ и о томъ, что онъ снова „вольный козакъ“, Гоголь, по обычаю своему, нѣсколько драпируется и фальшивитъ въ передачѣ фактовъ [1]), а потомъ говоритъ и правду о той внутренней перемѣнѣ, которая въ немъ совершилась за послѣдніе полтора года... „Въ эти полтора года—годы моего безславія, потому-что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и

[1]) Вмѣсто того, чтобы сказать: «ничего не зная взошелъ я на каѳедру и, убѣдившись въ своемъ незнаніи, вынужденъ былъ ее покинуть...» онъ говоритъ такъ: «Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея...» (?)

ужасающаго величія мысли волновали меня... Я тебѣ одному говорю это: другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышелъ на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. *Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!*"

Основа комедіи.

Изъ этихъ заключительныхъ словъ мы ясно видимъ, какое значеніе Гоголь придавалъ своей комедіи. Осмѣяніе — было ея цѣлью; то художественное осмѣяніе, которое, вызывая и возбуждая здоровый смѣхъ толпы, пользуется имъ, какъ карающимъ бичомъ для общественныхъ пороковъ, какъ цѣлительнымъ бальзамомъ для язвъ, позорящихъ общественную совѣсть. Чрезвычайно характернымъ и важнымъ, по отношенію къ комедіи Гоголя, является для насъ и то, что, въ противоположность всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Гоголя, эта комедія какъ-то разомъ вылилась изъ-подъ его пера, была написана удивительно быстро и, до постановки на сцену, не подвергалась никакимъ важнымъ поправкамъ или измѣненіямъ въ общемъ составѣ. Уже это обстоятельство должно насъ навести на мысль о томъ, что онъ совершенно безотчетно предался мощному порыву вдохновенія, охватившему все его существо въ тотъ моментъ, когда ему представилась такая богатая тэма для сценической обработки... Ни символическое значеніе этой тэмы, ни тѣсная связь ея съ общерусскими государственными вопросами, ни тотъ „смѣхъ сквозь слезы", который потомъ онъ самъ захотѣлъ увидѣть въ своемъ созданіи — ничто подобное не приходило автору въ голову въ то время, когда онъ съ лихорадочною поспѣшностью писалъ своего „Ревизора". Съ такою же точно поспѣшностью и съ невѣроятнымъ упорствомъ сумѣлъ онъ провести свою пьесу черезъ всякія цензурныя затрудненія, и потомъ принялся ставить на сцену, слѣдя за каждымъ словомъ, за каждымъ шагомъ актеровъ на

А. О. Смирнова.
Изъ кружка друзей Гоголя.

сценѣ и безпрестанно вступая въ борьбу съ тою сценическою рутиною, которая обезображивала и преувеличивала выведенные имъ типы, то не достаточно оттѣняя ихъ, то обращая ихъ въ жалкія карикатуры. Наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, тревогъ и усилій, 19 апрѣля 1836 года, въ воскресный день, „Ревизоръ" былъ впервые разыгранъ на сценѣ Александринскаго театра въ С.-Петербургѣ, и чрезвычайный успѣхъ пьесы превзошелъ всѣ ожиданія.

Недовольство автора.

Но Гоголь—прихотливый, нервный, избалованный ребенокъ, всегда заносившійся за облака при малѣйшемъ успѣхѣ и падавшій духомъ при самой ничтожной неудачѣ — Гоголь былъ всѣмъ и всѣми недоволенъ: и пьесою своею, и самимъ собою, и игрою актеровъ... Онъ очень картинно и вѣрно выразилъ свои впечатлѣнія отъ перваго представленія въ письмѣ къ „одному литератору" [1]) (А. С. Пушкину?):

„Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,— и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила, по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшного..."

Недовольство собою и дурно-разыгранною пьесой возрастало въ душѣ Гоголя день ото дня, и въ первые же дни очень рѣзко выразилось въ письмѣ Гоголя къ знаменитому московскому актеру М. С. Щепкину, которому онъ поручилъ всѣ хлопоты о постановкѣ „Ревизора" на московской сценѣ. „Всѣ противъ меня, — пишетъ онъ уже 29 апрѣля 1836 года: — чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ!.. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что́ же было бы, если бъ я взялъ что-нибудь

[1]) Письмо это, во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Гоголя, обыкновенно печатается тотчасъ вслѣдъ за «Ревизоромъ».

изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ, между тѣмъ, братскою любовью".

Недовольство Гоголя и пьесою, и самимъ собою вызывалось, въ значительной степени, дурною игрою актеровъ, которая, отчасти, указывала ему и на его собственныя недомолвки, и на нѣкоторую невыясненность выведенныхъ имъ типовъ. По этому поводу, въ письмѣ „къ одному литератору“, онъ даетъ превосходное объясненіе типа Хлестакова, на которомъ, собственно говоря, и основанъ весь замыселъ пьесы. Приводимъ здѣсь эту замѣчательную характеристику. Гоголь о поля ѣ въ «Ревизоръ».

„...Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно, и, говоря ложь, выказываетъ въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать: они воображаютъ, что *лгать* значитъ просто нести болтовню. Лгать, значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; — и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи... У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характера, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны... Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ и людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій, хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ,

дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ". Для характеристики Хлестакова немаловажны также тѣ указанія, которыя относительно исполненія этой роли Гоголь даетъ въ своемъ письмѣ къ Щепкину, отъ 10 мая 1836 года:

Княгиня З. А. Волконская.
(Изъ кружка друзей Гоголя).

„Труднѣйшая роль во всей пьесѣ—роль Хлестакова... И Боже сохрани, если ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина. Вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, т. е., фраза или реченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должны выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что, къ концу этой сцены, начинаетъ его, мало-по-малу, разбирать; но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе, и чѣмъ дальше—громче и громче"...

Письмо заключается сожалѣніемъ о томъ, что онъ самъ не можетъ руководить постановкою своей пьесы на сценѣ московской, при чемъ ссылается на свое нравственное переутомленіе и вызванное имъ тревожное состояніе духа, при которомъ онъ „врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ". Дѣйствительно, въ то время, когда „Ревизоръ", поставленный на сценѣ московскаго Малаго театра Щепкинымъ и С. Т. Аксаковымъ, дожилъ, наконецъ, до перваго представленія [1]), Гоголь былъ уже на отлетѣ за границу...

[1]) Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ происходило 25 мая 1836 г.

Прежде, чѣмъ мы подробнѣе скажемъ объ этомъ важномъ моментѣ въ жизни Гоголя, мы должны воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о другихъ пьесахъ Гоголя, которыя оказались, вмѣстѣ съ „Ревизоромъ“, настолько живучими, что

Могила Гоголя на кладбищѣ Данилова монастыря, въ Москвѣ.

и до сихъ поръ не покидаютъ русской сцены и привлекаютъ вниманіе и симпатіи публики.

Самою крупною, по объему и по внутреннимъ достоинствамъ своимъ, послѣ „Ревизора“, является „Женитьба“, которая, какъ мы видѣли выше, была написана почти одновременно съ „Ревизоромъ“. Первоначальные наброски ея относятся еще къ 1833 году. Другія пьесы Гоголя.

Позднѣе, въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 года, пьеса была переработана авторомъ по новому плану, и въ окончательной редакціи напечатана уже только на страницахъ перваго изданія сочиненій Гоголя. Основанная на богатомъ запасѣ тонкой наблюдательности автора, пьеса эта явилась живою картиною нравовъ, прямо выхваченною изъ быта среднихъ классовъ петербургскаго населенія и изъ чиновничьяго міра. Но Гоголь сумѣлъ еще болѣе оттѣнить и закончить набросанную имъ картину, вставивъ въ пеструю фалангу *жениховъ* неподвижную и неповоротливую фигуру невозмутимаго *Подколесина*, который является, въ своемъ родѣ, такимъ же общерусскимъ типомъ, какъ и типъ *Хлестакова*. Если мы станемъ внимательно наблюдать окружающихъ насъ людей, то мы точно также во многихъ изъ нихъ увидимъ *Подколесиныхъ* (въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ), какъ Гоголь во многихъ русскихъ людяхъ указывалъ проявленія Хлестаковскаго типа. Эта нерѣшительность и неподвижность, эти вѣчныя колебанія и сомнѣнія въ самомъ себѣ, эта дряблость натуры, избалованной бездѣйствіемъ и лѣнью—все это тѣ чисто-русскія черты, которыя позднѣе, съ такою поразительною силою, другой великій русскій художникъ выразилъ въ тщательно разработанномъ типѣ „Обломова“.

Третья, по объему и литературному достоинству, пьеса Гоголя—„Игроки“—писалась, повидимому, урывками и медленно подвигалась къ концу въ теченіе многихъ лѣтъ. Начатая въ половинѣ лѣта 1836 года, она окончательно была приготовлена къ печати въ теченіе августа 1842 года.

Объ остальныхъ драматическихъ отрывкахъ и набросReferences Гоголя мы уже говорили выше, какъ о первыхъ пробахъ пера въ этомъ родѣ и какъ объ обломкахъ недописанной и уничтоженной имъ комедіи „Владиміръ 3-й степени“.

Но, сверхъ всего этого, былъ и еще одинъ сюжетъ, надъ которымъ Гоголь долгое время трудился, обдумывая и обрабатывая его тщательно и упорно. То была драма изъ малороссійской жизни, съ которою Гоголь носился нѣсколько лѣтъ, да такъ и не сладилъ со своимъ замысломъ. Но упоминанія объ этой драмѣ, болѣе или менѣе подробныя, мы находимъ во многихъ изъ его писемъ. Такъ, еще до отъѣзда за границу, онъ пишетъ Щепкину: „я доро̀гой буду сильно обдумывать одну замышляемую мною пьесу. Зимою въ Швейцаріи буду писать, а весною причалю съ нею прямо въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать“... Наканунѣ возвращенія своего изъ перваго пребыванія за границей—въ Россію, Гоголь о той же самой пьесѣ пишетъ Шевыреву:

„Трудъ мой нейдетъ, а чувствую, вещь можетъ быть слав-

ная! Или для драматическаго творенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны? Я надѣюсь на дорогу. Дорогою обыкновенно у меня развивается и приходитъ на умъ содержаніе; всѣ сюжеты почти я обдѣлываю въ дорогѣ".

Трудно, при всемъ обиліи біографическихъ матерьяловъ, рѣшить окончательно и вполнѣ выяснить себѣ, что̀ именно произвело на Гоголя такое тяжелое впечатлѣніе во время его работы надъ постановкою „Ревизора" на петербургской сценѣ и потомъ, послѣ первыхъ его представленій? Утомился ли онъ нравственно безплодною и непосильною борьбою съ тѣми стѣснительными условіями, въ которыя вынужденъ былъ становиться каждый авторъ, отдававшій свое произведеніе въ распоряженіе театральнаго начальства? Былъ ли онъ болѣзненно и непріятно пораженъ грубымъ непониманіемъ многихъ сторонъ его прекраснаго произведенія, въ которомъ большинство видѣло грубо-намалеванную и смѣшную карикатуру, а не картину нравовъ, набросанную съ ужасающей правдой?.. Или же онъ, взыскательный къ себѣ художникъ, ожидалъ бо̀льшаго отъ своей пьесы, и дѣйствительно въ ней разочаровался? Всѣ эти вопросы трудно рѣшить на основаніи существующихъ данныхъ, и несомнѣнно выясняется намъ только одно: Гоголь вдругъ упалъ духомъ, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, сталъ искать выхода изъ своего положенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Россіи, въ удаленіи отъ окружавшихъ его условій—въ дальнемъ путешествіи, полномъ новыхъ впечатлѣній. Въ концѣ мая 1836 года онъ пишетъ Пушкину:

„...Я усталъ и душою, и тѣломъ... Клянусь, никто не знаетъ и нѐ слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда"...

Къ тому же, „Ревизоръ", такъ удачно̀ поставленный на сцену, и второе изданіе „Вечеровъ", только-что вышедшее въ свѣтъ, дали Гоголю матерьяльныя средства, на которыя онъ могъ пуститься въ путь, и вотъ, очертя голову, онъ рѣшается на путешествіе за границу, безъ всякаго опредѣленнаго плана, хотя и не безъ цѣли.

Одинъ изъ раннихъ біографовъ Гоголя [1]) довольно наивно объясняетъ овладѣвшую Гоголемъ тоску чисто-физическимъ утомленіемъ, и говоритъ: „(тоска) тѣмъ сильнѣе одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій, *трудами* (?) *по службѣ* и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ „Исторія Малороссіи" въ шести и „Исторія среднихъ вѣковъ" въ девяти томахъ (?!)" и т. д. Но мы зна-

---

[1]) Кулишъ, въ «Запискахъ о жизни Гоголя», стр. 186.

емъ цѣну этимъ приготовленіямъ Гоголя къ историческимъ трудамъ, знаемъ также, каковы были его „труды по службѣ“ и потому никакъ не можемъ объяснить одолѣвшей его тоски только однимъ физическимъ переутомленіемъ. Поводы къ этой „тоскѣ“ хоронились гораздо глубже, въ основныхъ началахъ Гоголевскаго типа. Онъ самъ, въ письмѣ къ Погодину, отъ 10 мая 1836 г., довольно ясно высказываетъ тѣ внутреннія побужденія, которыя влекутъ его за границу, и отчасти выясняетъ намъ значеніе овладѣвшей имъ тоски. „Ѣду за границу:—пишетъ онъ, — тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ *долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ*“. (Затѣмъ слѣдуютъ почти дословныя повторенія тѣхъ же жалобъ, которыя были незадолго передъ тѣмъ высказаны въ письмѣ къ Щепкину. „Я не оттого ѣду за границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ бо́льшимъ размышленіемъ“...

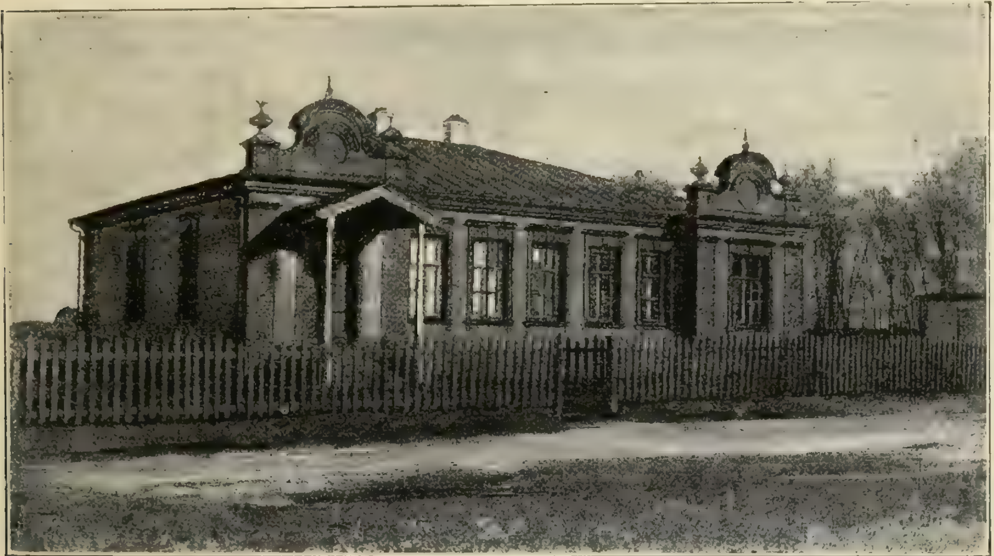
Стремленіе въ Европу.

Въ позднѣе написанной „Авторской Исповѣди“ мы находимъ у Гоголя прямое указаніе на то, что́ именно побудило его отправиться такъ поспѣшно за границу. Главнымъ побужденіемъ къ этой поѣздкѣ былъ тотъ трудъ, который уже сосредоточивалъ на себѣ все его вниманіе даже и въ то время, когда онъ еще заканчивалъ „Ревизора“... Этотъ новый трудъ былъ ничто иное, какъ планъ „Мертвыхъ Душъ“, уже созрѣвавшій въ душѣ Гоголя. Громадный успѣхъ „Ревизора“ и тотъ переполохъ, какой былъ вызванъ имъ въ современномъ русскомъ обществѣ и въ литературѣ, уже успѣлъ окончательно убѣдить Гоголя въ томъ, что онъ обладаетъ громадною силою таланта, — настолько громадною, что ею слѣдуетъ пользоваться съ нѣкоторою осторожностью: „съ размышленіемъ“ — какъ выразился онъ самъ въ вышеприведенномъ письмѣ... Онъ вполнѣ ясно созналъ, что онъ можетъ все осмѣять, на что́ бы ни направилъ онъ мѣткія стрѣлы своей сатиры; но, что эти стрѣлы слѣдуетъ направлять лишь на то, что дѣйствительно достойно осмѣянія... Ему захотѣлось ограничить область своего осмѣянія — поставить его себѣ въ извѣстную обязанность, исполненіемъ которой онъ могъ бы принести общую пользу всѣмъ, всему отечеству своему! Обязанности автора онъ старался приравнять къ обязанностямъ честнаго служаки-гражданина, и собирался приступить, именно съ этой стороны, къ выполненію задуманнаго имъ новаго и обширнаго плана „Мертвыхъ Душъ“. Съ нѣкоторымъ паѳосомъ и преувеличеніями, столь обычными у Гоголя, вотъ какъ онъ самъ объясняетъ это настроеніе въ „Авторской Исповѣди“:

Автографъ Гоголя. Страница изъ черновой рукописи «Тараса Бульбы» (хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки).

Стре
въ Е

„Я не зналъ еще тогда, что тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила уже всѣ другія чувства, — нужно имѣть много любви къ человѣку вообще и сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, во всемъ смыслѣ этого слова. А потому и не мудрено, что, не имѣя этого въ себѣ, я не могъ служить такъ, какъ хотѣлъ, несмотря на то, что сгоралъ, дѣйствительно, желаніемъ служить честно. Но какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ

Народная школа въ память Гоголя, на его родинѣ, въ с. Васильевкѣ.

писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности [1]), и Петербургъ, и общество близкихъ душѣ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, *чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать—какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей*".

Проще сказать, онъ чувствовалъ, что вынашиваетъ въ себѣ крупное, важное произведеніе и что для обработки его ему необходимо на время оторваться отъ той русской обыденщины, которая его постоянно окружала,—замкнуться въ строгое, вынужденное уединеніе. Онъ уѣхалъ за границу и вступилъ въ тотъ долгій періодъ скитаній и странствованій на чужбинѣ, о которомъ намъ еще придется говорить.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на то, что въ послѣдующій періодъ жизни Гоголь уже никогда болѣе не возвращался къ произведеніямъ сценическимъ — ни къ комедіи, ни къ драмѣ. Своими двумя пьесами онъ далъ сильный толчокъ нашей драма-

[1]) Изъ предыдущаго мы знаемъ, напримѣръ, въ какой степени справедливо это указаніе «о должностяхъ», которыя Гоголь не бросалъ и не хотѣлъ бросать, но вынужденъ былъ покинуть.

тической литературѣ, низведя нашу драму окончательно на почву реальной дѣйствительности съ тѣхъ ходульныхъ высотъ, на которыхъ она держалась еще въ тридцатыхъ годахъ, подъ вліяніемъ ложно-классическихъ традицій. Героями своихъ произведеній онъ избралъ самыхъ обыкновенныхъ людей; поприщемъ для нихъ—самую обыденную жизнь, во всей ея неказистой будничной обстановкѣ... Онъ сблизилъ нашу сцену съ живою дѣйствительностью, и положилъ предѣлъ той лжи и фальши, которая воплощалась на русской сценѣ мишурными героями современной русской драмы и комедіи, съ ихъ вымышленными характерами, вымышленными положеніями и интригами.

Въ этомъ смыслѣ Гоголь долженъ быть названъ отцомъ современной русской драмы, такъ какъ именно ему мы обязаны позднѣйшимъ появленіемъ крупныхъ драматическихъ писателей для русской сцены и тѣмъ реальнымъ направленіемъ, которое приняла русская драма подъ непосредственнымъ вліяніемъ его произведеній.

Изъ гравюръ поэта Жуковскаго. Любимые швейцарскіе виды Гоголя.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Отъѣздъ Гоголя за границу и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ пребыванія въ Европѣ.—«Мертвыя Души», какъ главный трудъ всей жизни Гоголя.—Обстановка, въ которой «Мертвыя Души» создавались. — Значеніе, которое постепенно сталъ придавать авторъ своему произведенію. – Печальная исторія этихъ авторскихъ увлеченій.

Покинувъ Россію вскорѣ послѣ первыхъ представленій „Ревизора“ и всего того шума, который онъ надѣлалъ, Гоголь надолго удалился за границу: съ мая 1836 по сентябрь 1839 г., онъ слишкомъ три года провелъ за границей. Сначала побывалъ вездѣ, заглянулъ въ разные уголки Европы, пожилъ въ Германіи, въ Швейцаріи и затѣмъ уже окончательно основался въ Римѣ. Первыя впечатлѣнія Италіи привели его въ неописанный восторгъ, и онъ очень образно выразилъ эти впечатлѣнія въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ, въ началѣ 1837 года.

Впечатлѣнія Италіи.

„Если бы вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ее не отниметъ у меня! Я родился здѣсь.—Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ, и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этого сна—вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминаній въ душѣ моей, не перешла въ дѣйствительность... Еще одно безвозвратное... О, Пушкинъ, Пушкинъ! [1]) Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Что бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ! Но какъ будто съ цѣлью, всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все... Гляжу, какъ изступленный, на нее и не нагляжусь до сихъ поръ“...

Дѣйствительно, онъ тѣсно сжился съ Римомъ, въ которомъ все ему было по нутру и по душѣ: и климатъ, и тишина уединенія, и окружавшіе его отовсюду дивные памятники древности и искусства. Ему жилось здѣсь легко и привольно. Онъ былъ здоровъ и почти постоянно всѣ видѣли его въ отличномъ расположеніи духа, веселымъ и спокойнымъ... Не ссобенно напрягая силы, не утруждая себя чрезмѣрной работой, онъ, однакоже, работалъ постоянно надъ выполненіемъ той задачи, которую ему завѣщалъ исполнить Пушкинъ—надъ сюжетомъ „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь самъ совершенно опредѣленно упоминаетъ объ этомъ въ своей „Авторской Исповѣди“:

---

[1]) Письмо было писано вскорѣ послѣ полученія извѣстія о трагической смерти поэта.

Сюжетъ „М. Душъ".

„...Пушкинъ давно уже склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе? Это, просто, грѣхъ!" Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за „*Донкишота*", никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, — и въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ".

За обработку этого сюжета Гоголь принялся съ восторгомъ и предался ему всею душою; а послѣ смерти Пушкина обработка его обратилась для Гоголя въ нѣчто священное: онъ писалъ „Мертвыя Души" какъ бы во исполненіе воли безвременно-погибшаго великаго поэта. Но, насколько всѣ свидѣтельства близкихъ къ Гоголю людей даютъ намъ возможность заглянуть въ область его творческой дѣятельности за эти три года, работа Гоголя надъ его знаменитымъ произведеніемъ, въ теченіе этого періода, не представляла собою ничего ненормальнаго. Онъ работалъ съ увлеченіемъ и былъ, видимо, доволенъ ходомъ своей работы; изрѣдка онъ читалъ отрывки своей будущей „поэмы" своимъ близкимъ, своимъ товарищамъ (напр. Данилевскому), своимъ друзьямъ-женщинамъ (А. О. Смирновой) и пріѣзжавшимъ въ Римъ московскимъ друзьямъ (Шевыреву, Погодину), требовалъ отъ нихъ замѣчаній, хотѣлъ слышать ихъ мнѣнія о прочитанномъ; но все это дѣлалъ просто, естественно, не обставляя никакими причудами, не придавая своему труду никакого преувеличеннаго значенія [1]). Можно сказать почти съ увѣренностью, что вся первая часть „Мертвыхъ Душъ" была написана подъ наитіемъ того же непосредственнаго вдохновенія, которому мы обязаны бо̀льшею и лучшею частью его произведеній. Сомнѣнія, умствованія и разсужденія явились уже впослѣдствіи, когда вся первая часть *Мертвыхъ Душъ* уже вылилась изъ творческой души автора въ видѣ совершеннаго и прекраснаго цѣлаго. Но, прежде, чѣмъ мы скажемъ подробнѣе объ этихъ сомнѣніяхъ и умствованіяхъ, намъ

[1]) По свидѣтельству Данилевскаго, большая часть текста первой части *Мертвыхъ Душъ* была написана Гоголемъ въ Парижѣ, на углу площади Биржи и улицы Вивьенъ.

необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ кружкѣ, въ которомъ Гоголь постоянно вращался за границей, тѣмъ болѣе, что этотъ кружокъ, несомнѣнно, оказалъ сильное и далеко не благотворное вліяніе на Гоголя и даже на ходъ развитія его таланта.

Кружокъ Гоголя.

Еще до поѣздки на житье за границу (въ 1836 г.) Гоголь, бывшій постояннымъ завсегдатаемъ въ кружкѣ Пушкина и Жуковскаго, мало-по-малу, при ихъ посредствѣ и покровительствѣ, вступилъ въ тотъ слой общества, съ которымъ эти кружки стояли въ тѣсномъ и непосредственномъ соприкосновеніи. То былъ слой богатой, образованной знати и отчасти придворныя сферы. Молодого чудака-писателя тамъ приняли радушно, и ему тамъ полюбилось... Съ легкой руки Пушкина онъ вошелъ въ аристократическихъ кружкахъ въ моду, а быстро возраставшая его литературная извѣстность окончательно упрочила его положеніе въ этихъ кружкахъ. Высокое мнѣніе Гоголя о себѣ самомъ и чрезмѣрное его самолюбіе побуждали его находить удовольствіе въ сношеніяхъ съ людьми, съ которыми, въ сущности, у него не было положительно ничего общаго; въ глубинѣ души онъ это, конечно, сознавалъ, но эти связи льстили его самолюбію, съ одной стороны, а съ другой — подавали надежду на устройство своего положенія въ будущемъ, и вотъ онъ, не обладавшій ни достаточною воспитанностью, ни достаточною образованностью, чтобы стать на равную ногу съ представителями этого высшаго круга, сумѣлъ создать себѣ въ немъ особое, довольно своеобразное положеніе. Отъ природы скрытный и лукавый, какъ всѣ его земляки-малороссы, онъ принялъ на себя, среди аристократовъ, роль прихотливаго чудака, который никогда не является, въ сношеніяхъ съ людьми, ни ровнымъ, ни одинаковымъ, которому необходимо извинить нѣкоторыя его рѣзкости, угловатости и

Профессоръ А. В. Никитинъ, цензоръ сочиненій Гоголя.

странности, съ которыми необходимо примириться въ нѣкоторыхъ крайностяхъ, потому что онъ, какъ и всѣ люди геніальные, младенецъ въ жизни и т. п. И вотъ, Гоголь, на много лѣтъ покинувъ Петербургъ и Москву, гдѣ онъ могъ постоянно встрѣчаться съ людьми, способными болѣе или менѣе вѣрно оцѣнить его произведенія и направленіе его литературной дѣятельности, вдругъ, на много лѣтъ, отрѣшился и отъ этихъ людей, и отъ всѣхъ интересовъ русской жизни и очутился въ кругу людей праздныхъ, сытыхъ, обезпеченныхъ, способныхъ посвящать жизнь исключительно заботамъ о своемъ здоровьѣ, о своихъ развлеченіяхъ, о пополненіи своего нескончаемаго досуга всякими эстетическими наслажденіями... Среди этого кружка русскихъ заграничныхъ гостей, Гоголь сумѣлъ себя поставить въ положеніе непогрѣшимаго авторитета, имѣя полную возможность посвящать массу времени на безконечныя бесѣды обо всякихъ отвлеченныхъ вопросахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ практической жизни и къ русской дѣйствительности; а затѣмъ вовлеченъ былъ и въ нескончаемую переписку съ этими заграничными друзьями своими, преимущественно друзьями-женщинами и даже барышнями. Всѣ эти заграничные друзья Гоголя, для которыхъ онъ, со своею умною и завлекательною бесѣдою, со всѣми приманками своего громаднаго таланта, составлялъ истинный кладъ, образовали около него тѣсно-сплоченный, заколдованный кругъ, изъ-за котораго онъ не видѣлъ и не могъ видѣть и знать того, что совершалось въ покинутой имъ Россіи, и, мало-по-малу, далеко отсталъ отъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ назрѣвало на его далекой родинѣ и составляло существеннѣйшую потребность всѣхъ русскихъ людей. Но отставая отъ русской жизни, отставая отъ тѣхъ насущнѣйшихъ идей и интересовъ, которые волновали русское общество въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, Гоголь не только не замѣчалъ этого, а еще, напротивъ, болѣе и болѣе проникался сознаніемъ своей прозорливости, своего лучшаго пониманія нуждъ и потребностей Россіи „изъ прекраснаго далёка" и впослѣдствіи достигъ въ этомъ отношеніи такой степени самомнѣнія, которая привела его къ явленіямъ ненормальнымъ и къ полному нравственному обезличенію.

Въ результатѣ постояннаго пребыванія Гоголя среди его заграничныхъ друзей проявилось одно, существенно-важное явленіе: пристрастіе къ вопросамъ отвлеченнымъ, преимущественно религіознымъ и нравственнымъ, рѣшенію которыхъ Гоголь сталъ предаваться какъ-то особенно нервно, и притомъ еще не въ общемъ, философскомъ смыслѣ, а въ частномъ — въ постоянномъ примѣненіи къ развитію собственной личности, къ собственной жизни, даже къ частнымъ случаямъ изъ нея. Уже въ концѣ

30-хъ годовъ, отчасти въ связи съ его болѣзненностью и постоянно возраставшею нервностью, въ немъ стала проявляться какая-то особенно-восторженная религіозность въ связи съ чисто-мистическими воззрѣніями. Но противовѣсомъ ей еще являлась сильно бившая струя художественной настроенности, струя творческая, манившая Гоголя къ славѣ и увлекавшая его къ значенію выдающагося, руководящаго литературнаго дѣятеля. „Мертвыя Души“, созданію которыхъ онъ предался всею душою, овладѣли всѣмъ его существомъ, и желаніе поскорѣе выпустить въ свѣтъ свое излюбленное произведеніе сильно сдерживало болѣзненныя проявленія нервно-потрясеннаго организма Гоголя. Однакоже и тутъ уже московскіе друзья замѣтили въ Гоголѣ нѣкоторую перемѣну и довольно рѣзкія проявленія религіозной экзальтаціи, когда онъ вернулся въ Россію въ сентябрѣ 1839 г. для устройства нѣкоторыхъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Онъ въ ту пору пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Погодинымъ и прожилъ въ его домѣ (на Дѣвичьемъ полѣ) до новаго выѣзда за границу (18 мая 1840 г.). „Мертвыя Души“—т. е. первая ихъ часть—были уже въ ту пору закончены; онъ читалъ въ тѣсномъ кружкѣ Погодина и Аксаковыхъ (Сергѣя Тимоѳеевича и Константина Сергѣевича) отрывки изъ своего произведенія, просилъ ихъ мнѣній и замѣчаній; но не рѣшался еще выпустить свое произведеніе въ свѣтъ...

Въ томъ же 1840 г., осенью, въ Римѣ, Гоголь выдержалъ одну изъ тѣхъ весьма тяжелыхъ нервныхъ болѣзней (не вполнѣ выясненныхъ врачебной наукой), которыя много разъ повторялись у него и, въ концѣ-концовъ, свели его въ могилу. Всѣ люди, близко знавшіе Гоголя, утверждаютъ единогласно, что именно эта болѣзнь повліяла сокрушительно на нравственную сторону нашего великаго писателя и окончательно способствовала его повороту къ мистико-религіознымъ увлеченіямъ. Такъ, напр., описывая мучительные припадки своей послѣдней болѣзни, онъ уже прямо приписываетъ выздоровленіе свое „дивной силѣ Бога, воскресившаго его“; а затѣмъ уже доходитъ и до утвержденія, что ему остается только благодарить „Невидимую Руку, ведущую его“, за всѣ тѣ неудачи въ жизни, которыя его привели къ „чуднымъ пользамъ“ [1]). Затѣмъ, начинается цѣлый рядъ писемъ Гоголя къ С. Т. Аксакову, которыя касаются работы надъ „Мертвыми Душами“ (надъ готовою уже первою частью), въ смыслѣ ихъ переработки или даже приспособленія къ новому воззрѣнію, зародившемуся въ душѣ Гоголя, на его произведеніе—воззрѣнію, которое,

Первая болѣзнь Гоголя.

[1]) «Я радъ всему, всему, что ни случается со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить Невидимую Руку, ведущую меня». (Изъ письма къ С. Т. Аксакову.)

кстати сказать, привело впослѣдствіи это произведеніе и самого автора къ гибельному крушенію. Въ декабрѣ 1840 года, Гоголь писалъ изъ Рима къ С. Т. Аксакову:

„Мертвыя Души“.

„Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. Перемѣняю, перечищаю, много перерабатываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ, дальнѣйшее продолженіе его(?) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть современемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете... Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ[1]), котораго значеніе я даже не понималъ въ началѣ, заключалось много, много для меня. Да! чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно...“

Немного позже, 5-го марта того-же 1841 г., Гоголь пишетъ тому-же другу:

„Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно...

„...Теперь я вашъ; Москва моя родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею волею — и мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ; все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь — словомъ, ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять...“

---

[1]) Тутъ идетъ рѣчь о недавнемъ его пребываніи въ Москвѣ, въ началѣ 1840 года.— «Перемѣны, перестановки и переработки», о которыхъ Гоголь упоминаетъ въ этомъ письмѣ, относятся къ его работѣ надъ готовымъ уже текстомъ «Мертвыхъ Душъ» (первой части) и, вѣроятно, имѣютъ отношеніе къ тому новому взгляду на «дальнѣйшее продолженіе» *Мертвыхъ Душъ*, который въ эту пору зародился въ душѣ Гоголя. Въ эту пору, вѣроятно, и были внесены въ текстъ первой части тѣ лирическія вставки, которыя нѣсколько нарушаютъ цѣльность произведенія и сулятъ въ будущемъ что-то новое и необычайное въ направленіи всей «поэмы».

Милостивой Государь

Михаилъ Николаевичъ.

Препроводивъ къ Вамъ моего Ревизора смѣю льстить себя надеждою что окажете ему Ваше покровительство въ постановкѣ на Московскую сцену. — Въ разсужденіи многихъ обстоятельствъ сценическихъ, уполномочиваю Щепкина, которому я передалъ свои замѣчанія на щетъ распредѣленія ролей костюмовъ и прочаго. — Снизходите къ моей убѣдительной просьбѣ. Вы много обяжете

пребывающаго къ Вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью.

Вашъ Милостивой Государь

Покорнѣйшій слуга

Николай Гоголь

1836. Спб.
Мая 10. —

Автографъ Гоголя. Письмо къ М. Н. Загоскину, директору Московскаго театра.
(Изъ собранія автографовъ П. Я. Дашкова).

И фантазія Гоголя разыгрывается какъ фантазія прихотливаго, избалованнаго ребенка! Онъ рѣшается просить С. Т. Аксакова, чтобы тотъ прислалъ за нимъ сына своего, Константина Сергѣевича, и М. С. Щепкина, въ качествѣ провожатыхъ ему по пути изъ-за границы въ Россію. Для того, чтобы убѣдить своего друга въ необходимости этого баловства, онъ даже добавляетъ:

„Меня теперь нужно лелѣять не для меня — нѣтъ! Друзья сдѣлаютъ не безполезное дѣло! Они привезутъ съ собою глиняную вазу; конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище!“

Возвращеніе въ Россію.

Все случилось наперекоръ желаніямъ Гоголя: провожатые не могли къ нему выѣхать, и пришлось отложить увлекательную мысль о совмѣстномъ путешествіи въ Россію. Но въ эту пору Гоголь находился въ такомъ неудержимомъ экстазѣ по поводу усиленной окончательной отдѣлки первой части „Мертвыхъ Душъ“, что онъ даже не обратилъ вниманія на эту маленькую неудачу. Какъ бы поясняя прежде выраженное имъ желаніе, онъ пишетъ С. Т. Аксакову новое письмо, еще болѣе восторженное, и въ немъ уже высказываетъ такія воззрѣнія на свой трудъ, которыя, пожалуй, должны были заставить призадуматься даже и самыхъ рьяныхъ поклонниковъ его таланта въ средѣ его московскихъ друзей:

„Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого труда своего для меня уже бѣда... Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочного... Богъ милостивъ! Дорóга! Дорóга! Я сильно надѣюсь на дорóгу. Она же такъ теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна. Я увижу моихъ друзей, моихъ родныхъ друзей... Не говорите о моемъ пріѣздѣ никому... Ничего также не сказывайте о моемъ трудѣ...“

Тутъ, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи автора къ своему произведенію, сказывалось уже нѣчто ненормальное, неестественное, нездоровое... И точно такое же повышенное настроеніе, но уже съ оттѣнкомъ укоризны и строгаго назиданія, сказалось около того же времени въ письмѣ къ ближайшему пріятелю Гоголя, Данилевскому, котораго онъ прямо-таки учитъ, какъ ему слѣдуетъ жить и устроить свою жизнь, и къ этимъ наставленіямъ добавляетъ съ поразительною наивностью, почти съ угрозой:

„Слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!..—О, вѣрь словамъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ—но не измѣнитъ мое слово!“

„Какъ путешественникъ, который уложилъ уже всѣ свои вещи въ чемоданъ и, усталый, но спокойный, ожидаетъ только подъѣзда кареты, понесущей [1]) его въ далекій, вѣрный, желанный путь, такъ я, перетерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготовясь внутреннею, удаленною отъ міра жизнью, покойно, неторопливо, по пути, *начертанному свыше*, готовъ идти, укрѣпленный и мыслью, и духомъ".

Но этого пресловутаго спокойствія и бодрости духа хватило не надолго. 18 октября 1841 года, въ то время, когда уже всѣ давно перестали его ожидать въ Москвѣ — Гоголь внезапно явился туда и, какъ и прежде, остановился въ домѣ Погодина. Онъ привезъ съ собою готовую рукопись 1-го тома *Мертвыхъ Душъ* и тотчасъ отправилъ ее въ Петербургъ, въ цензурный комитетъ. Въ разсмотрѣніи рукописи и въ самой пересылкѣ ея обратно въ Москву произошли нѣкоторыя прискорбныя недоразумѣнія, и Гоголь, совершенно растерявшійся и смущенный, выказалъ по этому поводу почти дѣтское малодушіе... Но этого мало: наблюдательные друзья его, и помимо всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, чисто-случайныхъ, замѣтили въ Гоголѣ—въ его общемъ настроеніи—весьма значительную перемѣну. Въ наружности онъ сталъ худъ и блѣденъ; въ настроеніи духа сказывалась какая-то унылость и угнетенность, которую онъ старался прикрыть невозмутимою покорностью волѣ Божіей; прежней веселой, даже задорной шутливости—какъ не бывало; юморъ иногда еще слышался въ рѣчахъ его, но смѣхъ, возбуждаемый имъ, уже смущалъ Гоголя и вынуждалъ его или замолкать, или перемѣнять разговоръ, переводя его на другія тэмы.

Изъ современныхъ писемъ Гоголя убѣждаемся даже, что онъ уже чувствовалъ себя въ это время чужаниномъ въ Россіи и, живя въ Москвѣ, даже тосковалъ по чужбинѣ... Онъ прямо высказываетъ это въ письмахъ къ Максимовичу:

„Голова у меня одеревенѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать,—не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Если бы ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь!.."

И еще яснѣе, еще настойчивѣе описываетъ то же нравственное состояніе въ письмѣ къ своей ученицѣ:

„Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ. А не хотѣлъ,—право, не хотѣлъ браться за перо. Изъ этой ли снѣжной берлоги выставлять носъ, и еще писать!? Медвѣди обыкновенно въ это

[1]) Любопытная неправильность, допускаемая Гоголемъ «*понесущая*»—т. е. *которая его понесетъ*—нѣчто въ родѣ не существующаго у насъ причастія буд. времени.

время заворачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что̀ попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ... И много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудятся въ моей ошеломленной головѣ..."

Почти то же, хотя нѣсколько и въ иномъ духѣ, пишетъ Гоголь Плетневу, посылая ему (для помѣщенія въ „Современникѣ") новую редакцію повѣсти „Портретъ", нѣкогда уже напечатанной въ „Арабескахъ":

...„О Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ передо мной..."

Наконецъ процензурованная рукопись перваго тома „Мертвыхъ Душъ" возвратилась изъ Петербурга въ Москву, и началось усиленное, быстрое печатанье ея, въ которомъ К. С. Аксаковъ принималъ самое дѣятельное участіе, помогая Гоголю въ исправленіи корректуръ и во всѣхъ хлопотахъ по изданію [1]).

Казалось бы, что излюбленный трудъ шелъ къ окончанію: предстоялъ вскорѣ его торжественный выходъ въ свѣтъ... Достигалась желанная цѣль! Но всѣ эти благопріятныя условія не проливали уже свѣта и радости въ душу великаго писателя, который все становился мрачнѣе и мрачнѣе, и, видимо, страдалъ физически и нравственно отъ совершавшейся въ немъ какой-то непосильной работы. Религіозное настроеніе, заботы о непрерывномъ совершенствованіи—поглощали все его вниманіе. Печатаніе перваго тома еще не было окончено, какъ вдругъ между друзьями Гоголя распространился слухъ, что онъ уѣзжаетъ. „Куда? какъ? почему?" На эти вопросы Гоголь отвѣчалъ торжественно, что преосвященный Иннокентій на прощаніе благословилъ его образомъ Спасителя, и что онъ видитъ въ этомъ указаніе свыше:

— „Теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню".

Друзья, щадя настроеніе и нравственное состояніе Гоголя, ничего не возражали ему на это; но Гоголь, видимо, самъ потомъ одумался и осуществилъ свой замыселъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго порыва.

Наконецъ, 21 мая 1842 г., печатанье перваго тома было

[1]) Книга печаталась въ 2500 экземплярахъ; обертка къ изданію была нарисована самимъ Гоголемъ.

окончено и первые экземпляры его вручены Гоголю; а 23 мая друзья уже провожали его за границу [1]). Есть свѣдѣнія, будто бы при этомъ отъѣздѣ Гоголь обѣщалъ пріѣхать въ Россію черезъ два года и привезти съ собою готовый къ печати второй томъ „Мертвыхъ Душъ".

Но этому обѣщанію не суждено было осуществиться. По пріѣздѣ за границу возобновились прежнія сомнѣнія и колебанія; Гоголь жаловался на недостатокъ матерьяловъ, необходимыхъ ему для изученія Россіи, требовалъ отъ друзей своихъ присылки самыхъ разнообразныхъ сочиненій, преимущественно статистическихъ; друзья его небрежничали и не спѣшили исполненіемъ его порученій, оцѣнивая ихъ со своей точки зрѣнія... Гоголь досадовалъ и сѣтовалъ на нихъ, а самъ, между тѣмъ, все болѣе и болѣе отдалялся отъ труда своего и отъ Россіи. Вскорѣ онъ уже сталъ приходить къ убѣжденію, что ему самому слѣдовало за̀-ново перевоспитать себя и преобразовать духовно, а потомъ уже приняться за довершеніе труда. Такой взглядъ выраженъ имъ дословно въ письмѣ къ Плетневу (октябрь 1843 г.), въ которомъ онъ жалуется на свое дурное матерьяльное положеніе, заявляетъ о желаніи просить пособія у правительства, и выражаетъ надежду на то, что Плетневъ будетъ ему въ этомъ способствовать. Сумракъ и сомнѣнія.

„Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отъ чего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: „ну, что̀ бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ „Мертвыя Души"— онъ могъ бы доставить себѣ 20.000 годового дохода". А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, сто̀итъ почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и по̀томъ. *Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого ещё не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій*".

---

[1]) Его душевное состояніе очень ярко выражается въ письмѣ, писанномъ къ его другу Данилевскому, незадолго до отъѣзда:

«Я не писалъ тебѣ... не въ силахъ! Ничего не могу дѣлать. Если бы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я ужъ нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? Покоя нѣтъ въ душѣ моей».

Или въ другомъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому:

«Мой бѣдной душѣ нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненія. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской...»

Одновременно съ этими неопредѣленными блужданіями въ области творчества и самосознанія, Гоголь все болѣе и болѣе вдается въ свои религіозно-мистическія увлеченія, и, постоянно вращаясь въ Римѣ въ кружкѣ мистиковъ и піэтистовъ, начинаетъ доходить до крайнихъ границъ экстаза, который подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на окружающихъ его людей, подпадающихъ по его внушенію тому же настроенію. Біографы Гоголя приводятъ цѣлый рядъ писемъ его приближенныхъ, ясно характеризующихъ намъ тотъ ограниченный и совершенно отвлеченный міръ мистическихъ мудрствованій, въ которомъ фантазія Гоголя находила себѣ удовлетвореніе. Немаловажную роль въ этихъ личныхъ и письменныхъ сношеніяхъ Гоголя, въ началѣ 40-хъ годовъ, играетъ его знакомство и сближеніе съ поэтомъ Языковымъ, съ которымъ Гоголь сошелся за границей. Въ сохранившейся намъ перепискѣ Гоголя съ Языковымъ, Гоголь то принимаетъ на себя роль руководителя и проповѣдника, свыше одареннаго неземною силою, и побуждаетъ своего друга идти намѣченнымъ путемъ [1]); то признается ему въ своей полной непригодности для жизни мірской, съ которою онъ уже давно порвалъ всѣ связи [2]); то, наконецъ, учитъ его тому, что вдохновеніе для творческой дѣятельности можно найти только въ молитвѣ [3]). Но—увы!—на дѣлѣ оказывается, что давать эти совѣты друзьямъ гораздо легче, нежели примѣнять ихъ сущность на своей личной дѣятельности... Сколько ни взывалъ Гоголь о вдохновеніи—оно не сходило къ нему, и работа его надъ излюбленнымъ трудомъ становилась часъ отъ часа болѣе и болѣе похожею на нескончаемую работу Пенелопы... Отчасти онъ выясняетъ намъ въ „Авторской Исповѣди“ тотъ нравственный процессъ, который становился поперекъ дороги его творчеству и неминуемо долженъ былъ его привести къ самоуничтоженію...

Тамъ объясняетъ онъ намъ, что началъ свою „поэму“ безъ всякаго опредѣленнаго плана, т. е. по внушенію того горячаго и сильнаго стремленія къ непосредственному творчеству, которому

---

[1]) «Твердъ путь твой, и залогомъ словъ сихъ недаромъ оставленъ тебѣ посохъ. О, вѣрь словамъ моимъ! Ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только: вѣрь словамъ моимъ! Я самъ не смѣю не вѣрить словамъ моимъ. Есть чудное и непостижимое... Никакая мысль человѣческая не въ силахъ себѣ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ человѣку! Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ. Для сего была наша встрѣча».

[2]) «Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ. Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе... Я не рожденъ для треволненій и чувствую, съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха».

[3]) «Остается испросить вдохновенія. Какъ это сдѣлать? Нужно послать изъ души нашей къ Нему стремленье. «Чего не поищешь, того не найдешь», говоритъ пословица. Стремленіе есть молитва. Молитва не есть словесное дѣло: она должна быть отъ всѣхъ силъ души и всѣми силами души; безъ того она не возьметь» и т. д.

мы обязаны всѣми лучшими произведеніями Гоголя. „Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: „зачѣмъ? къ чему это?..“ Спрашивается, что̀ нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ; но неотразимые вопросы стояли передо мною...“ „Я увидѣлъ ясно, что больше не могу писать безъ плана, вполнѣ опредѣлительнаго и яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего... чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя твореніе свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, онъ служитъ въ то же самое время такъ же государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился на государственной службѣ“. „Словомъ, я видѣлъ ясно, какъ дважды два четыре, что прежде, покамѣстъ не опредѣлю себѣ самому опредѣлительно, ясно—высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступить (къ дѣлу); а чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще: безъ этого не станешь на ту точку воззрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа. Съ этихъ поръ человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюденій“ и т. д.

Другими словами, съ этихъ поръ положено было начало разрушенію великаго труда! Порывами, скачка̀ми двигался онъ впередъ, въ краткія минуты вдохновенія, все рѣже и рѣже слетавшаго въ сурово-уединенную келью писателя-отшельника, и затѣмъ все уничтожалось безпощадно въ долгіе часы мрачнаго раздумья, горестныхъ сокрушеній о своемъ несовершенствѣ и грѣховности, которыя почти непрерывно омрачали душу великаго художника и писателя... Мало-по-малу эта безплодная Сизиѳовская работа начинала тяготить его, надоѣдать ему: онъ самъ начиналъ относиться съ ненавистью и „скрежетомъ зубовнымъ“ къ своему излюбленному произведенію, избѣгая съ особеннымъ искусствомъ и сноровкой всякихъ напоминаній и разспросовъ о продолженіи „*Мертвыхъ Душъ*“ или о томъ, что должно было явиться въ послѣдующихъ томахъ. Одной изъ ближайшихъ своихъ друзей-женщинъ онъ отвѣчалъ даже такъ на вопросы и разсужденія, касавшіеся этой наболѣвшей стороны его души: **Начало конца.**

„Вовсе не губерніи и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ“. Это покамѣстъ еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась!), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу было угодно продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ.

Повторяю вамъ вновь, что это тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного только автора. Многое, многое изъ того, что, повидимому, было обращено ко мнѣ самому, было принято вовсе въ другомъ смыслѣ. Была у меня точно гордость, но не моимъ *настоящимъ*, не иными свойствами, которыми владѣлъ я,—гордость *будущимъ* вселилась въ груди, тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди: счастливымъ открытіемъ, которымъ угодно было, вслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу—открытіемъ, что можно быть далеко *лучше* того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что я хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ настоящемъ состояніи моемъ я дрянь, и все дрянь, что ни дѣлается мною, кромѣ того, что Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать, да и то было сдѣлано далеко не такъ, какъ слѣдуетъ".

Гоголь, въ послѣдній годъ жизни. По наброску Э. Мамонова.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Послѣдніе годы жизни Гоголя. Религіозно-мистическія увлеченія его. Неудачныя притязанія на роль пророка и руководителя русскаго общества. «Переписка съ друзьями» и ея полнѣйшій неуспѣхъ. - Общее разочарованіе въ Гоголѣ.—Тягостное состояніе нравственное, постепенно-переходящее въ психическое разстройство.— «Авторская Исповѣдь».—Тщетныя попытки творчества надъ второю частью «Мертвыхъ Душъ».—Печальный конецъ.

Разставшись со своими московскими друзьями, тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ первой части „Мертвыхъ Душъ", Гоголь не сдержалъ своего слова, даннаго друзьямъ: не окончилъ второй части „Мертвыхъ Душъ" и не вернулся въ Москву въ назначенный срокъ. Обѣщаніе было имъ дано очень опрометчиво, и выполненіе его отъ него самого не зависѣло, потому что около этого времени онъ уже былъ серьезно боленъ одною изъ весьма тяжкихъ и совершенно неизлѣчимыхъ болѣзней воли. Въ письмахъ къ друзьямъ Гоголь жалуется на усиленіе болѣзни и осложненіе ея новыми припадками, ему незнакомыми:

„Болѣзнь моя выражается такими странными припадками, какихъ никогда со мною еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль—тяжкую, мучительную печаль; и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно-сомнамбуллистическое состояніе..." Недуги Гоголя.

Это описаніе болѣзни, оставленное намъ самимъ Гоголемъ, многое объясняетъ намъ въ его современной литературной дѣятельности. Подъ вліяніемъ ея тяжкихъ припадковъ, онъ то вдругъ впадалъ въ уныніе и самоуничиженіе, то начиналъ ощущать какую-то неестественную бодрость духа и такой приливъ творческой силы, который возбуждалъ въ немъ самыя радужныя надежды и побуждалъ его къ такимъ литературнымъ предпріятіямъ, которыя онъ даже не въ состояніи былъ здраво обсудить и соразмѣрить со своими силами. Отвернувшись съ пренебреженіемъ отъ всякихъ проявленій непосредственнаго творчества, отрицая все, что было имъ создано до тѣхъ поръ, даже и первую часть „Мертвыхъ Душъ", болѣзненно разстроенный писатель рѣшился въ будущемъ творить только сознательно, творить только такое, что могло бы „принести пользу его согражданамъ" и „выполнить

долгъ по отношенію къ отечеству". А такъ какъ, по теоріи Гоголя, необходимо было прежде, чѣмъ вносить въ общество свои творенія, самому достигнуть извѣстнаго нравственнаго совершенства, самому вполнѣ перевоспитать себя, то онъ исключительно и посвятилъ все свое время на это перевоспитаніе въ смыслѣ мистико-религіозномъ. Чтеніе Св. Писанія, житій святыхъ и твореній Отцовъ Церкви, въ связи съ постоянными и долгими молитвенными упражненіями, съ тяжкимъ и изнурительнымъ постомъ—вотъ чему посвятилъ онъ весь досугъ своей уединенной и одинокой жизни за границей. Сообразно съ такимъ настроеніемъ избиралъ онъ и знакомства свои среди того круга, который могъ, подобно ему, болѣе заниматься созерцаніями и умозрѣніями, нежели дѣйствительными нуждами и потребностями ежедневной жизни... Вся переписка его (въ 40-хъ годахъ) сплошь наполняется сокрушеніями о своей грѣховности, горячими воззваніями къ милосердію Творца или еще болѣе горячею проповѣдью о ничтожествѣ человѣка и всѣхъ земныхъ начинаній. Его письма обращаются то въ исповѣдь, то въ проповѣдь; онъ то самъ кается друзьямъ своимъ въ своихъ мнимыхъ проступкахъ, въ своемъ малодушіи и маловѣріи, то ихъ старается обратить на путь истины и вынудить къ покаянію и сокрушеніямъ [1]).

Новая задача.

Отъ такого крайняго и исключительнаго душевнаго настроенія весьма нетруденъ былъ уже и переходъ къ прямой проповѣди, къ прямому и открытому желанію назидать и поучать, къ весьма естественному желанію подѣлиться со всѣми своими собратіями-соотечественниками тѣми результатами внутренней своей работы, которые были добыты постомъ и молитвою и тяжкимъ путемъ самоуничиженія. Результаты эти всѣмъ было необходимо знать, потому что они ему доставили въ извѣстной степени душевное спокойствіе, и, слѣдовательно, могли быть душеполезны другимъ. И вотъ у Гоголя зарождается пламенное желаніе сослужить службу всѣмъ русскимъ людямъ—дать имъ въ руки ключъ къ рѣшенію тѣхъ многоразличныхъ и разнообразныхъ задачъ и вопросовъ, которые ихъ такъ безплодно волнуютъ тамъ, на Руси, а здѣсь—изъ тихаго „прекраснаго далека" разрѣшаются такъ легко, такъ просто! Позабывъ и отложивъ на время всѣ заботы о своемъ главномъ трудѣ, онъ спѣшитъ собрать отовсюду всю свою огромную переписку съ друзьями (накопившуюся въ теченіе долголѣтняго пребыванія за границей) и изъ нея добываетъ матерьялъ для назиданія всѣхъ своихъ соотечественниковъ, для поученія и руко-

[1]) При этомъ нельзя не отмѣтить того, что нѣкоторые изъ друзей не поддавались этому настроенію Гоголя и относились къ нему очень реально. Съ такими друзьями Гоголь не рѣшался вступать въ споръ и на ихъ прямые вопросы отвѣчалъ весьма уклончиво.

водства ихъ во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ ихъ общественнаго положенія, ихъ служебныхъ занятій, ихъ вкусовъ, ихъ нравственныхъ и духовныхъ потребностей... Онъ неутомимо работаетъ надъ этой своей новой затѣей, убѣжденный въ томъ, что она будетъ для всѣхъ полезна и необходима; подъ впечатлѣніемъ недавно перенесенной имъ тяжкой болѣзни, онъ даже старается придать своей новой книгѣ видъ какого-то торжественнаго завѣта грядущимъ поколѣніямъ, вслѣдствіе чего и самую книгу свою начинаетъ съ „завѣщанія", которое помѣщено въ ней тотчасъ вслѣдъ за краткимъ предисловіемъ. Въ концѣ іюля 1846 г. онъ пишетъ Плетневу изъ Швальбаха:

.....Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ: „*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*". Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ — вотъ что покамѣстъ могу сказать: все прочее объяснитъ тебѣ сама книга"...

Когда Плетневъ получилъ отъ Гоголя первыя тетради его сочиненія, онъ пришелъ въ недоумѣніе, котораго, вѣроятно, не могъ скрыть отъ другихъ друзей и почитателей нашего великаго писателя. Многіе узнали о странной книгѣ, которую Гоголь собирается выдать въ свѣтъ; съ разныхъ сторонъ стали писать Гоголю, желая предостеречь его, остановить его... Но все было тщетно! Съ твердостью убѣжденія, достойною лучшаго дѣла, Гоголь настойчиво писалъ Плетневу: „Переписка съ друзьями".

„...Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книги. Это нужно, нужно для меня и для другихъ; словомъ—нужно для общаго добра. Мнѣ говоритъ это мое сердце и необыкновенная милость Божья, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я не смѣлъ уже и думать о томъ, не смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной. И все мнѣ далось вдругъ на то время: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства къ работѣ—и продолжалось все это по тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка труда. Это просто чудо и милость Божія, и мнѣ будетъ грѣхъ тяжкій, если буду жаловаться на возвращеніе трудныхъ болѣзненныхъ моихъ припадковъ. Другъ мой! Я дѣйствовалъ твердо, во имя Бога, когда составлялъ эту книгу; во славу Его святого имени взялъ перо, а потому и разступились передо мною всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, какъ бы дѣлалъ симъ дѣло на прославленіе имени Его, позабывши всѣ свои личныя отношенія къ кому бы то ни было, имѣя въ виду одно только общее добро,— и передъ тобой разступятся также всѣ препятствія".

Въ составъ книги вошли только тѣ письма Гоголя, которыя были писаны послѣ 1843 года, т. е. послѣ того времени, когда въ

Явленіе

тѣже Кочкаревъ и Подколесинъ

Кочкаревъ (ведя Подколесина)

Ты братъ помни только куражъ; куражъ и больше ничего (...)

~~Подколесинъ~~

Да ~~(...)~~ это-то я самъ знаю что куражъ. —

Кочкаревъ

Здравствуйте Господа (в сторону) Набито битковъ у Невѣсты ворота знать не назаперъ. ~~(...)~~ (увидя Феклу) А, а! ты ужъ здѣсь съ которыхъ сторонъ понабирала воронъ? а?

~~Подколесинъ~~ Фекла

Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ все честные люди —

Кочкаревъ

А вѣдь гости-то и щипанные, кафтаны общипанные —

Фекла.

Гляди пальтъ на свой полетъ. А и похвастать та нечѣмъ: шапка въ рубль а щи безъ крупъ. —

Кочкаревъ

~~Небось у твоихъ (...) напиханно~~

А и прибыльно ~~(...)~~ напиханно. —

Кочкаревъ

разказывай ~~(...)~~ (...) не тако повѣр...

Отрывокъ изъ черновой рукописи Гоголевской комедіи «Женитьба».

Ну что не вышла а? еще не выходила [подойдя к дверям смотрит в замочную скважину]

Фекла.

Бесстыдник! говорят тебе еще одевается.

Кочкарев.

~~Что ж такое что невеста одевается~~ [illegible] теперь то лучше всего и можно высмотреть [продолжает смотреть]

~~Горшков~~

Позвольте ~~взглянуть~~ [подходит к дверям]

Жевакин.

Позвольте полюбопытствовать [придирается] [illegible]

Кочкарев.

[illegible]

Горшков [illegible]

Потерпите хоть одну минуточку только [illegible]

Кочкарев.

Идут, идут [все в торопливости летят прочь от двери толкая друг друга]

Явление

те же и тетка

Похлопывает [illegible]

Горшков [оправляется]

а. ч. ~~Избавьте~~ сударыня ~~признаться~~ [illegible] ~~в дверях~~ ~~по одному делу~~ ~~и надежде~~ по газетам ~~читал~~ узнал! что вы желаете вступить в подряды на поставку лесов и дров а так как я от полиции ~~части~~ будучи экзекутором при казенной палате так я решился теперь

Отрывокъ изъ «Женитьбы». Подлинникъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

немъ совершился уже указанный нами выше крутой и сильный переломъ нравственный. Нѣкоторыя изъ писемъ, внесенныхъ въ книгу Гоголя, были уже и прежде напечатаны, но подверглись значительнымъ передѣлкамъ и дополненіямъ; многія были измѣнены до неузнаваемости: всѣ заново просмотрѣны и проредактированы. Составилось нѣчто въ родѣ весьма пестраго сборника, въ которомъ читатель могъ найти отвѣтъ на множество вопросовъ, въ то время волновавшихъ наше русское общество. Тутъ были письма, касавшіяся женскаго вопроса, какъ напр., „Женщина въ свѣтѣ", „Что такое губернаторша?", „Чѣмъ можетъ быть жена для мужа?" Были другія, на чисто-литературныя тэмы: „Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикой"; „о лиризмѣ нашихъ поэтовъ", „объ Одиссеѣ Жуковскаго", „о Карамзинѣ", „ о театрѣ". Въ иныхъ разбирался вопросъ о Церкви и христіанствѣ („Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ"; „Христіанинъ идетъ впередъ"): иныя посвящены были разбору общихъ нравственныхъ вопросовъ („Что такое слово?", „О помощи бѣднымъ", „Совѣты", „Просвѣщеніе", „Чей удѣлъ на землѣ выше?" и т. д.). Наконецъ, нѣкоторыя письма касались и самыхъ наболѣвшихъ струнъ русской современности: отношеній общества къ власти и закону („Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время", „Занимающему важное мѣсто"), и отношеній общества къ народу вообще и къ крестьянскому сословію—въ частности („Русскій помѣщикъ", „Сельскій судъ и расправа", „Страхи и ужасы Россіи").

Книга вышла въ свѣтъ въ сильно искаженномъ и искалѣченномъ цензурою видѣ; но общій характеръ ея и поразительная, почти наивная смѣлость, съ которою Гоголь брался за разрѣшеніе самыхъ запутанныхъ и трудныхъ вопросовъ, не могли быть стерты никакою цензурою... Поводъ къ изданію книги былъ указанъ авторомъ уже въ первыхъ строкахъ ея:

„...Чувствую слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, и, приготовляясь къ отдаленному путешествію по Св. Мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разставаньи что-нибудь отъ себя моимъ соотечественникамъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, ...съ исключеніемъ всего, что могло имѣть значеніе только для немногихъ".

За краткимъ предисловіемъ, которое заканчивается просьбою со стороны Гоголя о томъ, чтобы всѣ соотечественники помолились за него такъ же усердно, какъ онъ будетъ за нихъ молиться у Гроба Господня—слѣдуетъ „Завѣщаніе", къ засвидѣтельствованію котораго онъ призываетъ всѣхъ своихъ читателей.

Этотъ торжественный актъ не заключаетъ въ себѣ ничего

важнаго, кромѣ упоминанія объ одномъ изъ его сочиненій —объ „Авторской Исповѣди“—которое онъ „завѣщаетъ всѣмъ своимъ соотечественникамъ“ [1]). Затѣмъ, безъ всякой видимой системы въ расположеніи и безъ всякихъ признаковъ какой бы то ни было внутренней связи, размѣщены въ книгѣ письма, касающіяся различныхъ вышеуказанныхъ тэмъ.

Для того, чтобы нѣсколько ближе ознакомить читателей съ общими пріемами въ разсужденіяхъ Гоголя, мы должны будемъ привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этой злосчастной книги, которая такъ много испортила ему крови и заставила его пережить цѣлый рядъ волненій и тревогъ. Для начала беремъ отрывокъ изъ его статьи: „Христіанинъ идетъ впередъ“. Вотъ какъ онъ здѣсь разсуждаетъ со своей особой точки зрѣнія о способностяхъ человѣка, конечно, пренебрегая всякими философскими системами:

„Умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что̀ у насъ уже есть. Онъ самъ не двигнется впередъ, покуда не двигнутся въ насъ двѣ другія способности, отъ которыхъ онъ умнѣетъ... Разумъ есть несравненно высшая способность; но она пріобрѣтается не иначе, какъ побѣдою надъ страстьми... Но и разумъ не даетъ полной возможности человѣку стремиться впередъ. Есть высшая еще способность; имя ей—мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ. ...Тотъ, кто уже имѣетъ умъ и разумъ, можетъ не иначе получить мудрость, какъ молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога, возводя душу свою до голубинаго незлобія и убирая все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, чтобы принять эту небесную гостью, которая пугается жилищъ, гдѣ не пришло въ порядокъ душевное хозяйство и нѣтъ полнаго согласія во всемъ“...

Въ другой статьѣ, „Совѣты“, онъ даетъ такое курьезное разрѣшеніе трудному нравственному вопросу: слѣдуетъ ли давать совѣты или, напротивъ, воздерживаться отъ нихъ?.. „Не останавливайся: учи и давай совѣты! Но, если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я, и какъ положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда. Всякій совѣтъ и наставленіе, какое бы ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія (съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго), обрати въ то же

---

[1]) «IV. Завѣщаю всѣмъ моимъ соотечественникамъ,—основываясь единственно на томъ, что всякій писатель долженъ оставить послѣ себя какую-нибудь благую мысль въ наслѣдство читателямъ, — завѣщаю имъ лучшее изъ всего, что̀ произвело перо мое, — завѣщаю имъ мое сочиненіе, подъ названіемъ: «*Прощальная повѣсть*».

время къ самому себѣ, и то же самое, что посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому"...

Въ статьѣ „Просвѣщеніе", онъ рѣшается допустить въ этомъ вопросѣ существованіе рѣзкой грани между Востокомъ и Западомъ, видитъ даже „всю мудрость Божію, попустившую временному раздѣленію Церквей", и рѣшается утверждать, что „если бы седмерицею кратъ были запутаннѣе нынѣшнія обстоятельства (политическія)—все примиритъ и распутаетъ наша Церковь". Далѣе, онъ смѣется надъ словомъ „просвѣщеніе" и называетъ его „безсмысленнымъ" въ томъ общемъ значеніи, которое придаютъ ему всѣ. Онъ пытается дать ему свое, особое толкованіе:

„Просвѣтить не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ,—пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь"...

Прямой выводъ изъ этого тотъ, что просвѣщеніе можетъ исходить только отъ Церкви.

Въ статьѣ „Занимающему важное мѣсто", Гоголь, или предавъ забвенію своего „Ревизора", или просто закрывъ глаза на дѣйствительность, восхваляетъ наши провинціальные порядки и рѣшается утверждать, что они никакой реформы не требуютъ. Онъ говоритъ прямо:

„...Чѣмъ больше всматриваешься въ организмъ управленія губерній, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей: слышно, что Самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все полно, достаточно, все устроено именно такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ, подавая руку другъ другу, и останавливать только на пути къ злоупотребленіямъ. Я даже и придумать не могу, для чего тутъ нуженъ какой-нибудь прибавочный чиновникъ; всякое новое лицо тутъ не у мѣста, всякое нововведеніе—ненужная вставка".

Но самымъ больнымъ, самымъ слабымъ мѣстомъ всей этой злосчастной книги были тѣ статьи, которыя были въ ней посвящены отношеніямъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и выказали въ Гоголѣ полное незнаніе того положенія, въ какомъ находился народъ, и дѣтски-наивное непониманіе отношеній, установившихся испоконъ вѣку между барами и крестьянами.

Такъ, въ своемъ назиданіи барину (статья „Русскій помѣщикъ"), Гоголь совѣтуетъ ему утверждать, въ глазахъ народа, свою власть на Евангеліи и всѣ отношенія свои къ крѣпостнымъ основывать на текстахъ Св. Писанія: „прочти имъ — говоритъ Гоголь,—да еще и пальцемъ укажи прочтенное мѣсто". Онъ совѣтуетъ барину отличать хорошаго крестьянина отъ дурного, радиваго отъ нерадиваго, и даже поучаетъ барина, какъ ему дѣй-

ствовать и что именно говорить въ томъ или въ другомъ случаѣ. Такъ, напр., если онъ замѣтитъ въ младшихъ неуваженіе къ старикамъ или къ хорошимъ, исправнымъ хозяевамъ, то Гоголь совѣтуетъ „распечь его тутъ же, при всѣхъ"—и вотъ какъ:

„Ахъ ты, невымытое рыло! Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему въ ноги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ—собакой пропадешь".

А съ нерадивымъ на работу крестьяниномъ слѣдуетъ обращаться вотъ какъ:

„Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ. Держи у себя въ запасѣ всѣ синонимы *молодца* для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы *бабы* для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже; словомъ—назови всѣмъ, чѣмъ только не хочетъ быть русскій человѣкъ".

Даже и по вопросу о распространеніи грамотности въ народѣ Гоголь высказался отрицательно:

„Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ.

...По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть-ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ".

Само собою разумѣется, что „*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*" должны были вызвать въ русскомъ обществѣ цѣлую бурю негодованія, порицаній, насмѣшекъ, ожесточенія и брани противъ автора. Никто не понялъ, да и не захотѣлъ понять того душевнаго порыва, который побудилъ Гоголя „для общей пользы" напечатать рядъ разсужденій и общихъ мѣстъ на тэму примиренія съ дѣйствительностью, безусловнаго преклоненія передъ волей Божіей и т. д. Впечатлѣніе «Переписки».

Никто не могъ себѣ представить, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Гоголь свернулъ съ реальнаго пути зоркаго наблюденія и изученія дѣйствительности, зарылъ талантъ свой въ землю и заблудился въ лѣсу отвлеченныхъ умствованій и туманныхъ мистическихъ фантазій. Многимъ казалось, что онъ прикидывается смиреннымъ и кроткимъ, что онъ старается своимъ словомъ и назиданіемъ сослужить службу тѣмъ, кто стоялъ во главѣ русскаго общества; многіе думали даже, что онъ лукавитъ и лицемѣритъ, и не вѣрили тому, что онъ наивно не знаетъ настоящаго положенія общества и народа, и утратилъ способность наблюдать и понимать его.

Критики, одна другой задорнѣе и безпощаднѣе, посыпались на автора „Переписки съ друзьями“; литературные враги его возликовали; лучшіе изъ друзей его отвернулись отъ него съ негодованіемъ... К. С. Аксаковъ написалъ ему горячее, озлобленное посланіе; Бѣлинскій обратился къ нему съ частнымъ письмомъ, въ которомъ съ поразительною послѣдовательностью доказалъ ему всю безполезность, безцѣльность и безтактность проповѣди, обращенной къ русскому обществу, и самымъ нагляднымъ образомъ доказалъ, кому именно, самъ того не зная, авторъ „Переписки“ сыгралъ въ руку. Даже сдержанный Плетневъ выразилъ ему неблагопріятное мнѣніе о его книгѣ, и Гоголь довольно слабо возразилъ ему въ своемъ отвѣтномъ письмѣ:

Попытки оправдать себя.

„...Очень понимаю, что нѣкоторыхъ друзей и самого тебя нѣсколько смущаетъ нѣкоторая многосторонность, выражающаяся въ моей книгѣ, и какъ бы желаніе заниматься многимъ, намѣсто одного. Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства—т. е. въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и т. п. Въ ней скажу, чѣмъ я почитаю искусство, что я хотѣлъ сдѣлать съ даннымъ мнѣ на долю искусствомъ, развивалъ ли я точно самого себя изъ данныхъ мнѣ матерьяловъ, или хитрилъ и хотѣлъ переломить свое направленіе—чтобы и не литераторъ могъ видѣть, я ли виноватъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ, и противъ Кого идти трудно человѣку“.

Противъ такихъ доводовъ возражать, конечно, было мудрено... Но оказалось, что Гоголь и самъ не долго могъ за ними укрываться, потому что направленныя противъ него стрѣлы критики глубоко язвили его сердце... Онъ не могъ отрицать того, что въ критикѣ людей, ему близкихъ и всегда относившихся къ нему сочувственно, было много вполнѣ справедливыхъ укоровъ и осужденій; и онъ напрасно старался отъ нихъ защититься щитомъ христіанскаго смиренія... Это въ особенности высказалось въ его отвѣтѣ на жестокую, безпощадную критику Бѣлинскаго, который разразился противъ него извѣстнымъ письмомъ, ненапечатаннымъ по цензурнымъ условіямъ того времени и вообще неудобнымъ для печати по крайней рѣзкости укоровъ, выраженныхъ въ немъ безъ всякаго стѣсненія. Отвѣтъ Гоголя, сохранившійся только въ весьма неполномъ и сильно-искаженномъ чернякѣ,—отвѣтъ, вѣроятно не отправленный къ Бѣлинскому,—полонъ возбужденія, горечи, болѣзненно-затронутаго чувства авторскаго самолюбія... Онъ не похожъ ни на что, одновременно выходившее изъ-подъ пера Гоголя:—это настоящій вопль души, возмущенной противъ тѣхъ

толкованій, какія оказывалось возможнымъ примѣнять къ „Выбраннымъ мѣстамъ переписки“...

Вообще говоря, тотъ взрывъ негодованія и то общее охлажденіе къ автору „Мертвыхъ Душъ“, которое, по его же волѣ, было вызвано его книгой въ современномъ русскомъ обществѣ—сильно повліяли на Гоголя. Онъ еще болѣе замкнулся въ себѣ самомъ, еще болѣе ограничилъ свой кругъ сношеній съ близкими людьми и еще глубже погрязъ въ своихъ религіозно-мистическихъ мечтаніяхъ и созерцаніяхъ. Однимъ изъ весьма усердныхъ его корреспондентовъ за послѣдніе годы его жизни былъ какой-то ржевскій священникъ, отецъ Матвѣй, сильно-дѣйствовавшій на его воображеніе своею сурово-аскетическою проповѣдью. Преобладающимъ стремленіемъ Гоголя за эти годы явилось желаніе осуществить свое давно уже задуманное странствованье ко Гробу Господню, которое онъ и совершилъ наконецъ въ 1848 г., преодолѣвъ ради этой цѣли весьма значительныя затрудненія. Изъ Іерусалима Гоголь возвратился въ Россію черезъ Одессу и, посѣтивъ свою родину, окончательно поселился въ Москвѣ, которую уже и не покидалъ до конца жизни. Не даромъ говаривалъ онъ, что „послѣ Рима, только въ Москвѣ и можетъ жить“. Еще до поѣздки своей въ Іерусалимъ, онъ писалъ Жуковскому: Охлажденіе общества.

„....Благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что́ касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть достойнымъ сколько-нибудь того), хочу заняться крѣпко „Мертвыми Душами...“ Съѣзжу въ Іерусалимъ; поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее, помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы—и съ Богомъ за дѣло“.

Онъ и дѣйствительно принялся въ Москвѣ за свое излюбленное дѣло, и дѣйствительно трудился надъ нимъ въ потѣ лица, посвящая ему все свое время, всѣ помыслы и силы души и ума въ тѣ часы, когда его не терзалъ все возраставшій недугъ и онъ могъ быть полнымъ хозяиномъ своего сознанія. Но періоды омраченія посѣщали его все чаще и чаще; здоровье слабѣло; силы измѣняли. Онъ еще болѣе подрывалъ послѣдній запасъ своихъ силъ изнурительными постами и всѣмъ складомъ и строемъ своей отшельнической жизни, противной всякимъ законамъ гигіены. Пугливое воображеніе его, передъ которымъ почти непрерывно являлся грозный призракъ смерти, уже близкой, уже наступающей—не давало покоя его душѣ... Само-собою разумѣется, что, при такомъ настроеніи, творчество его бездѣйствовало или побуждало его создавать такіе образы, такія страницы въ его излюбленномъ твореніи, которыя онъ спѣшилъ уничтожить въ минуты рѣдкаго просвѣтлѣнія и полнаго самообладанія.

Послѣдніе годы жизни.

Мысль о близкомъ концѣ постоянно наводила его на заботы о благотвореніи и помощи всѣмъ неимущимъ; ограничивая свои личныя потребности до крайняго предѣла возможности, доводя себя почти до самоистязанія, Гоголь, въ то же время, щедрою рукою раздавалъ направо и налѣво тѣ средства матерьяльныя, которыя подъ конецъ жизни давали ему полную возможность жить безбѣдно, такъ какъ, кромѣ дохода отъ сочиненій своихъ, онъ получалъ еще и ежегодную пенсію, назначенную ему государемъ [1]).

На масленой недѣлѣ 1852 г., онъ почувствовалъ себя особенно дурно—говѣлъ и пріобщился Св. Тайнъ. Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли поста онъ сжегъ свои рукописи, которыя за нѣсколько дней передъ тѣмъ предполагалъ раздать друзьямъ своимъ. На другой день онъ опомнился и горько раскаивался въ своемъ поступкѣ одному изъ близкихъ пріятелей своихъ, приписывая сожженіе ихъ „вліянію нечистаго духа". Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, почти не покидалъ постели и никого къ себѣ не допускалъ, особенно упорно отвергая всякую медицинскую помощь, предлагаемую друзьями. Онъ, видимо для всѣхъ, медленно угасалъ... Его біографъ сообщаетъ намъ о его послѣднихъ дняхъ слѣдующее:

„Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ согласился съ радостью и выслушалъ всѣ Евангелія, держа свѣчу въ рукахъ и проливая слезы. Во вторникъ ему какъ будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, и утромъ въ четвергъ, 21 февраля, его не стало".

Отпѣваніе Гоголя происходило 24 февраля въ церкви Московскаго университета въ присутствіи всѣхъ почетнѣйшихъ представителей города и всей московской интеллигенціи. Профессора университета вынесли гробъ изъ церкви; студенты и толпа сопровождавшаго процессію народа на рукахъ несла гробъ до могилы, на кладбищѣ Данилова монастыря, гдѣ Гоголь былъ похороненъ подлѣ друга своего, поэта Языкова. На могильномъ камнѣ его вырѣзаны слова, заимствованныя изъ пророка Іереміи: „*Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся*".

Гоголь о самомъ себѣ.

О Гоголѣ было писано такъ много, что критика его сочиненій и теперь уже составляетъ цѣлую литературу. Лучшимъ истол-

---

[1]) Съ 1845 года Гоголь получалъ назначенную государемъ ежегодную пенсію въ размѣрѣ 1,000 рублей сер. И до этого времени онъ дважды получилъ отъ императора Николая I единовременныя пособія по 5,000 рублей ассигнаціями.

кователемъ его явился, конечно, такъ вѣрно-оцѣнившій его Бѣлинскій.

Со своей стороны, мы можемъ отмѣтить только одну любопытную черту: Гоголь былъ первымъ и талантливѣйшимъ послѣдователемъ Пушкина, окончательно освоившимъ литературное творчество съ реальнымъ направленіемъ и живою дѣйствительностью, и въ то же время онъ былъ, кажется, послѣднимъ изъ русскихъ писателей, который еще рѣшался видѣть въ своей литературной дѣятельности „исполненіе долга передъ отечествомъ...“

Въ заключеніе всего припомнимъ, что онъ самъ совершенно вѣрно оцѣнивалъ достоинство своего литературнаго таланта и „опредѣлялъ себя самого, какъ писателя“; въ одномъ изъ своихъ писемъ (въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки“) онъ говорилъ:

„Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей“.

И какъ бы въ дополненіе къ этому опредѣленію, еще яснѣе и ярче выражаетъ тотъ же взглядъ въ извѣстномъ письмѣ къ Жуковскому (отъ января 1848 года):

„...Не мое дѣло поучать проповѣдью: искусство и безъ того уже поученіе. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить *жизнь лицомъ*, а не трактовать о жизни. Истина очевидная“.

Гоголь, незадолго до кончины.
По современному наброску.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Пушкина въ поэзіи. — Краткій обзоръ біографіи Лермонтова. – Ранніе проблески таланта. — Байронизмъ и увлеченіе имъ. — Вліяніе Кавказа. — Первый, не вполнѣ самостоятельный, періодъ въ развитіи поэтическаго дара. — Университетъ и школа подпрапорщиковъ.

Въ то время, когда Гоголь спѣшилъ уѣхать за границу изъ Москвы, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Россіи, въ концѣ 30-хъ годовъ, московскіе друзья устроили ему прощальный обѣдъ и нѣчто въ родѣ торжественныхъ проводовъ. Много гостей собралось тогда въ саду при домѣ Аксаковыхъ, и всѣ съ трепетнымъ уваженіемъ и затаенными надеждами смотрѣли на отъѣзжающаго писателя, на котораго обращены были въ то время взоры всей читающей Россіи. Сохранилось извѣстіе, что при этихъ проводахъ не послѣднюю роль игралъ юный поэтъ, только-что выступившій на литературное поприще, но о которомъ, однакоже, шелъ уже въ обществѣ говоръ, что онъ обѣщаетъ быть преемникомъ Пушкина. Этотъ молодой поэтъ былъ Лермонтовъ; и онъ, не стѣсняясь присутствіемъ авторитетныхъ критиковъ, смѣло, звучно и громко прочелъ передъ Гоголемъ отрывокъ изъ своей новой восточной поэмы „Мцыри“.

Никто еще тогда не зналъ Лермонтова, очень немногимъ успѣли попасться въ руки нѣкоторые изъ напечатанныхъ имъ стихотвореній, которыя, кстати сказать, онъ и не торопился печатать, въ противоположность многимъ и многимъ своимъ славолюбивымъ собратіямъ. Никому, конечно, и въ голову не приходило, что ему суждено промелькнуть въ русской жизни мимолетнымъ и яркимъ метеоромъ и оставить по себѣ въ литературѣ такой дивный, такой свѣтлый слѣдъ... Но онъ самъ сознавалъ и силу, и размѣры своего творческаго дара, онъ жаждалъ славы, жаждалъ ею насладиться, тѣмъ больше, что въ душѣ своей, сумрачной и гордой, онъ носилъ какое-то странное предвѣдѣніе своего близкаго конца— кратковременность своей земной карьеры. Недаромъ, сравнивая себя со своимъ любимымъ поэтомъ-избранникомъ, съ Байрономъ, онъ сказалъ о себѣ:

«Я раньше началъ, кончу ранѣ;
Мой умъ немного совершитъ».

Но когда его предчувствія сбылись, когда онъ, дѣйствительно, закончилъ свое земное поприще на 27-мъ году; когда вскрыта была та богатая сокровищница поэтическихъ произведеній, которыя онъ оставилъ въ наслѣдіе потомству — только тогда поняли вполнѣ и оцѣнили по достоинству громадный талантъ этого едва расцвѣтшаго юноши, который такъ много унесъ съ собою въ

свою безвременную могилу. Дѣйствительно, не только въ нашей литературѣ, но даже и во всѣхъ литературахъ европейскихъ не много найдется поэтовъ, которые, будучи равносильны Лермонтову въ размѣрахъ и высокихъ достоинствахъ таланта, успѣли бы произвести такъ много прекраснаго, покончивъ жизнь въ лѣта такой ранней, такой цвѣтущей молодости!

Родъ Лермонтова.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ [1]) родился 2 октября 1814 года, въ Москвѣ. Біографы Лермонтова много фантазируютъ на тэму древности его рода, возводя его, на основаніи какихъ-то сомнительныхъ данныхъ, даже до XI вѣка, и желаютъ непремѣнно вывести этотъ родъ изъ Шотландіи. Но, въ сущности, оказывается, что вполнѣ достовѣрный предокъ нашего поэта, Юрій Лермонтъ (или Лермантъ) выѣхалъ въ Россію съ Запада Европы, сначала въ Польшу, а потомъ и въ Московскую Русь. Это былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ „выѣзжихъ" людей, питавшихся военнымъ ремесломъ. Не найдя себѣ никакого дѣла въ Польшѣ, онъ переѣхалъ за русскій рубежъ, въ 1621 году, и пригодился царю Михаилу Ѳеодоровичу, который „указалъ ему обучать ратниковъ рейторскому строю" и за эту службу наградилъ его помѣстьемъ въ Галицкомъ уѣздѣ. Отъ этого выходца-иноземца, конечно, впослѣдствіи обрусѣвшаго, пошелъ русскій дворянскій родъ Лермонтовыхъ, изъ которыхъ, однакоже, ни одинъ, въ теченіе XVII и XVIII вв., не выдѣлился никакими выдающимися заслугами и не поднялся выше уровня многихъ и многихъ мелкопомѣстныхъ захолустныхъ дворянскихъ родовъ.

Однимъ изъ весьма заурядныхъ представителей такого дворянскаго рода средней руки былъ и отецъ Лермонта, Юрій Петровичъ, получившій воспитаніе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ, въ незавидномъ положеніи „корпуснаго офицера", дослужившійся до капитана. Съ этимъ чиномъ онъ и вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ маленькомъ тульскомъ имѣніи [2]), окруженный пятью незамужними сестрами. Черезъ этихъ сестеръ онъ познакомился съ сосѣдями, у которыхъ встрѣтилъ свою будущую невѣсту, Марью Михайловну Арсеньеву. Онъ былъ красивъ и ловокъ, умѣлъ понравиться молодой дѣвушкѣ, и она, единственная дочь у матери и богатая невѣста, захотѣла непремѣнно быть его женою. Сколько ни противилась этому гордая и родовитая мать Марьи Михайловны (урожденная Столыпина) и вся ея родня, бракъ этотъ состоялся, и бѣдный, не родовитый офицеръ всту-

[1]) Самъ поэтъ держался иной ороографіи въ написаніи своей фамиліи; онъ часто писалъ *Лермантовъ*, и подъ многими своими стихотвореніями подписывался даже просто *Лерма*. Этой ороографіей онъ, повидимому, старался поддержать традиціи о якобы древнемъ происхожденіи своего рода отъ какихъ-то шотландскихъ бардовъ.

[2]) Сельцѣ Кроптовкѣ, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губ.

пилъ въ богатую и аристократическую семью. Этимъ фактомъ положено было начало тѣмъ ненормальнымъ отношеніямъ, которыя неизбѣжно должны были установиться между Юр. П. Лермонтовымъ и всею роднею его жены. Эти-то отношенія и привели впослѣдствіи къ тому разрыву, который долженъ былъ такъ печально отразиться на всемъ ходѣ развитія единственнаго сына, происшедшаго отъ этого неравнаго брака.

Семейная драма.

Само собою разумѣется, что молодая чета новобрачныхъ не

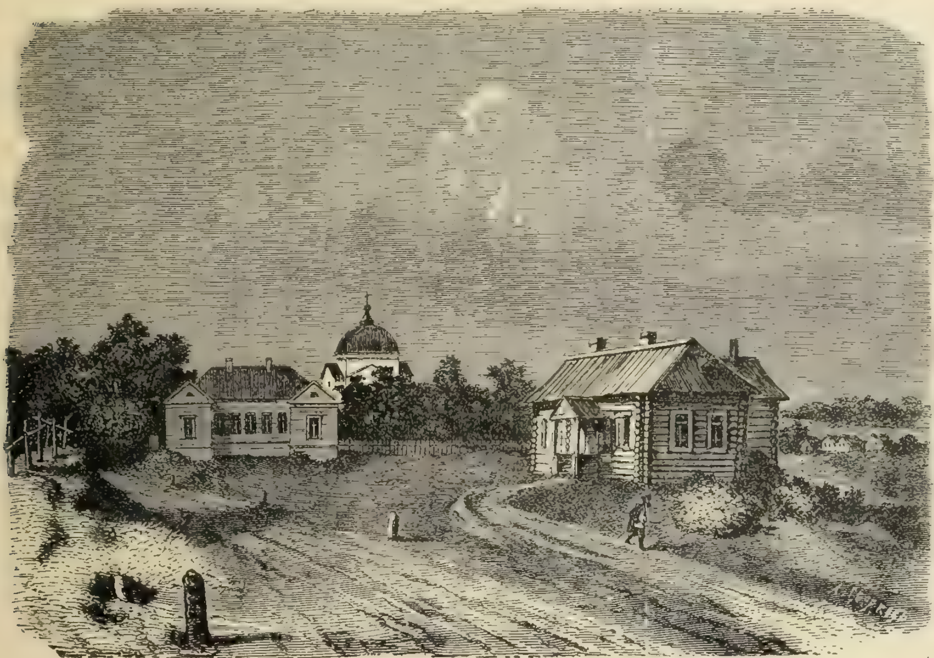

М. Ю. Лермонтовъ (вскорѣ послѣ выхода изъ училища).

могла оставаться въ болѣе чѣмъ скромной Кроптовкѣ, и вынуждена была противъ воли переселиться въ богатые Тарханы, подъ строгій надзоръ и наблюденіе матери новобрачной, Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой. По всѣмъ отзывамъ, дошедшимъ до нашего времени, это была женщина очень умная, очень добрая, но характерная и властная и по природѣ своей, и по весьма видному общественному положенію, по множеству связей и знакомствъ въ большомъ свѣтѣ. Ю. П. Лермонтову жилось не особенно весело въ Тарханахъ: жутко приходилось ему и отъ суровой тещи, и отъ всей жениной родни. Эта родня смотрѣла на него свысока, какъ на человѣка и не родовитаго, и не богатаго, кото-

рый, будто бы, непрошенный втерся въ семью. Здоровье Марьи Михайловны оказалось также очень слабымъ, и вскорѣ вынудило всю семью перебраться изъ Тарханъ въ Москву, гдѣ и родился будущій поэтъ. Грудным ребенкомъ вернулся онъ въ Тарханы, гдѣ его молодая мать стала хирѣть отъ чахотки, еще усиливавшейся подъ вліяніемъ постояннаго, непрекращавшагося разлада въ семьѣ. Она умерла, когда сыну ея пошелъ третій годъ и онъ болѣе всего нуждался въ ласкахъ матери.

Само собою разумѣется, что смерть дочери не примирила Елисавету Алексѣевну съ зятемъ. Отношенія ихъ все болѣе и болѣе

Село Тарханы—вотчина Столыпиныхъ—въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ.

обострялись и разражались такими бурными семейными сценами, которыя ставили ребенка въ очень тяжелое положеніе: онъ иногда терялся и положительно не зналъ, къ которой сторонѣ ему примкнуть, куда приклонить голову? Кого держаться: бабушки, которая его боготворила, или отца, котораго онъ самъ любилъ искренно и горячо? Эта семейная распря кончилась, какъ и должна была кончиться, полнымъ разрывомъ между тещею и зятемъ, который уѣхалъ, наконецъ, изъ богатыхъ Тарханъ въ свою бѣдную Кропотовку; а поживъ въ ней немного и стосковавшись по сынѣ, сталъ его требовать къ себѣ, заявляя на него свои отеческія права. Завязалась долгая тяжба, которая много разъ доходила до суда и до высшихъ инстанцій правительственной власти, и, наконецъ, привела Ю. П. Лермонтова къ убѣжденію, что ему не подъ силу тягаться съ богатою тещей, у которой вездѣ были связи и зна-

комства; онъ увидѣть, что ему надо, такъ или иначе, примириться съ своею участью.

Впечатлѣнія дѣтства.

Не слѣдуетъ забывать, что вся эта семейная ссора, длившаяся много лѣтъ сряду, происходила на глазахъ у подраставшаго мальчика, который не все еще понималъ и сознавалъ, но все видѣлъ и слышалъ, и наполнялъ душу свою впечатлѣніями и воспоминаніями, которыя вносили въ нее мало радости и утѣшенія. Инстинктивно, онъ въ равной степени чувствовалъ привязанность и расположеніе и къ той, и къ другой изъ враждующихъ сторонъ; но и та, и другая, не щадя другъ друга, вносили въ его сердце недовѣріе и сомнѣніе и уже очень рано побуждали его къ разрѣшенію такихъ нравственныхъ вопросовъ, которые были ему не подъ силу... Все это способствовало очень раннему развитію мальчика и привело къ тому, что, уже будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ размышлялъ и судилъ обо многомъ, какъ взрослый. Притомъ, воспитательныя условія не могли быть хороши: бабушка, для которой этотъ единственный внукъ являлся единственнымъ утѣшеніемъ всей ея жизни, не могла относиться къ нему съ разумною строгостью и баловала его, въ виду исключительности его положенія, до самозабвенія. Онъ росъ почти вполнѣ самостоятельнымъ съ дѣтства, не подчиняясь никому, не зная никакого стѣсненія въ своихъ прихотяхъ, исполненію которыхъ никто и не думалъ препятствовать. И несмотря на ту роскошь и на тѣ удобства, которыя его окружали въ богатомъ домѣ бабушки, онъ чувствовалъ себя тамъ пришлецомъ, чужаниномъ, который никому не милъ и которому тоже никто не можетъ быть милъ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ никакой горячей привязанности къ бабушкѣ, которая его баловала и любила безъ памяти; его сердце болѣе тяготѣло къ отцу, отъ котораго онъ былъ насильственно отдаленъ... А въ общемъ, среди своей богатой обстановки, онъ носилъ въ сердцѣ постоянное недовольство окружающими и чувство какой-то сиротливости, которая очень рано возбуждала въ немъ тоску и даже озлобленіе противъ людей. Къ тому же, его положеніе „яблока раздора“ между двумя ближайшими къ нему людьми, рано развило въ немъ осторожность въ сношеніяхъ съ людьми, которая потомъ обратилась въ чрезвычайную скрытность и замкнутость, какъ преобладающую черту его характера.

Вотъ подъ какими впечатлѣніями своего семейнаго очага выросталъ будущій поэтъ въ домѣ бабушки. Ко всему этому вскорѣ прибавилось и еще одно, очень сильное впечатлѣніе внѣшнее, оставившее по себѣ неизгладимый слѣдъ на всемъ его развитіи и даже ускорившее быстрый ростъ его замѣчательнаго поэтическаго дара. Мы имѣемъ въ виду ту поѣздку къ Кавказ-

скимъ водамъ, которую Лермонтовъ тогда 11-ти-лѣтній мальчикъ — совершилъ со своею бабушкою въ 1825 году. Кавказъ, съ его необъятнымъ просторомъ, съ его громадными горами, упирающимися въ облака, съ его пестрымъ, вольнолюбивымъ населеніемъ, наполнявшимъ эту горную, дикую страну славою своей удали и своихъ воинскихъ подвиговъ — обаятельно подѣйствовалъ на Лермонтова. Онъ не могъ забыть Кавказа, сильно возбудившаго его воображеніе, онъ посвятилъ ему всѣ первые порывы своего дѣтскаго вдохновенія — онъ навсегда сохранилъ въ душѣ желаніе еще разъ побывать на Кавказѣ, еще разъ насладиться его красотами.

Раннее развитіе высокоталантливаго мальчика доставило ему возможность вникать въ такія между-людскія отношенія, которыя, въ сущности, еще не могли бы быть доступны его возрасту. Въ тѣ годы, когда его сверстниковъ занимали игры и учебныя книжки, онъ уже наблюдалъ людей; онъ различалъ въ нихъ пороки и добродѣтели, онъ уже зналъ порывы чувства, которыя умѣлъ выражать въ звучныхъ строфахъ, обращенныхъ къ предмету его юношескихъ увлеченій. Юная поэзія Лермонтова, еще болѣе возбужденная величавыми впечатлѣніями Кавказа, выливается въ сильныхъ и жгучихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ дивныя, неподражаемыя красоты Кавказа и тѣ высокія чувства, которыя возбуждены въ душѣ поэта видомъ этихъ красотъ. Недаромъ восклицаетъ онъ: Раннее развитіе.

«Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,—
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ:
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!»

Иногда тѣ же мотивы, вмѣсто строфъ, выражаются въ гармонической прозѣ Лермонтовскихъ воспоминаній, которыя такъ и просятся въ мирныя строфы:

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ! Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордился онъ ею!..“

Затѣмъ, въ громадной массѣ стиховъ, написанныхъ 16-тилѣтнимъ юношей, мы уже видимъ очень много очень сильныхъ пьесъ, направленныхъ противъ лживости и злобы людей, которыхъ этому подрастающему юношѣ удалось узнать—увы!—слишкомъ рано. Онъ не только узналъ ихъ, онъ научился ихъ пре- Первые опыты поэзіи.

зирать, научился съ одинаковымъ равнодушіемъ относиться и къ ихъ любви, и къ ихъ ненависти... Строфы многихъ его стихотвореній этого времени дышатъ искреннимъ и глубокимъ разочарованіемъ. Вотъ что находимъ мы въ одномъ изъ весьма раннихъ его стихотвореній („*Монологъ*“ 1829 г.):

«Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?

М. Ю. Лермонтовъ (въ формѣ Селенгинскаго полка).

Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ,
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой.
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ».

М. Ю. Лермонтовъ (до удаленія на Кавказъ).

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!

Автографъ Лермонтова.

...«передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои:
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви...
Живу для сердца своего;
Живу безъ цѣли, беззаботно,
Для счастья глухъ, для горя нѣмъ,
И людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ».

(*Прелестницѣ*, 1829).

И рядомъ съ этимъ, такъ осязательно высказаннымъ разочарованіемъ и презрѣніемъ къ толпѣ, первые порывы горячаго чувства любви, слишкомъ рано закравшейся въ душу юнаго поэта, быть-можетъ, подъ вліяніемъ той крайней распущенности, которая была неразлучна съ барствомъ, обставленнымъ обширной дворней... Множество стихотвореній, посвященныхъ „встрѣчамъ" и „разлукамъ", „прощаніямъ" и „свиданіямъ" — первые вздохи души, взволнованной страстью, которая временами овладѣваетъ всѣмъ существомъ Лермонтова. Онъ совершенно искренно сознается и кается въ томъ, что „любитъ мракъ земли могильной съ ея страстями" [1]; но и къ чувству любви у него уже примѣшивается какая-то горечь, какія-то сомнѣнія и тяжкія думы:

«Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено;
Но, по волѣ того же Творца,
Все, что любитъ меня, то погибнуть должно,
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ,
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ.»

Онъ „страшится", и въ то же время ищетъ любви, и увлекается только ея призывами и блескомъ славы, которой ищетъ и жаждетъ страстно, хотя и сознаетъ, что въ славѣ нѣтъ блаженства [2]), и эта мысль, постепенно развиваясь, выражается наконецъ въ такомъ превосходномъ стихотвореніи, какъ „*Чаша жизни*".

«Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

---

[1]) «Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя,
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ *на* груди моей» и т. д.

[2]) «Къ чему ищу такъ славы я?
Извѣстно, въ славѣ нѣтъ блаженства:
Но хочетъ все душа моя
Во всемъ дойти до совершенства...»

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ.
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,
Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ —мечта,
И что она—не наша!»

И рядомъ съ этимъ высоко-художественнымъ, поэтическимъ замысломъ, видимъ другія стихотворенія, въ которыхъ ясно выражено желаніе удовлетворить своему чувству личной гордости и тщеславія мечтами о происхожденіи отъ какихъ-то древнихъ, прославленныхъ предковъ. Такъ въ одномъ изъ нихъ („*Могила Оссіана*") онъ вспоминаетъ о томъ, что „среди степей стоитъ могила Оссіана, въ горахъ *Шотландіи моей*"... Въ другомъ, болѣе извѣстномъ, онъ развиваетъ ту же мысль полнѣе и рельефнѣе:

«Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной.
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На Западъ, на Западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.
И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ.»

„Но тщетны мечты, безполезны мольбы"—„послѣдній источникъ отважныхъ бойцовъ" осужденъ увядать „среди чуждыхъ снѣговъ", мучась сознаніемъ того, что хотя онъ и „здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой"... Само собою разумѣется, что въ огромномъ стихотворномъ запасѣ, написанномъ Лермонтовымъ въ ранній періодъ юности (съ 15 до 17 лѣтъ)—далеко не все „перлы". Есть много произведеній слабыхъ, не выдержанныхъ, не самостоятельныхъ, навѣянныхъ Байрономъ, Т. Муромъ, Пушкинымъ, Шиллеромъ, Гёте—въ особенности Байрономъ, которому юная душа Лермонтова подчинилась въ гораздо бо̀льшей степени, нежели душа Пушкина, менѣе мрачно настроенная обстановкою и условіями жизни въ ранній періодъ юности. Но рядомъ съ этими слабыми и подражательными произведеніями, есть удивительныя вспышки дарованія, есть дѣйствительные „перлы" вдохновенія, отъ которыхъ бы ни одинъ поэтъ не отказался даже и въ періодъ полной

зрѣлости таланта [1]). Есть въ этой массѣ стиховъ и такія проявленія поэтическаго чутья, которыя слишкомъ ясно указываютъ намъ силу и достоинство таланта, если не въ настоящемъ, то въ близкомъ будущемъ его развитіи. Стóитъ припомнить, для примѣра, „*Поле Бородина*" — этотъ остовъ будущаго прекраснаго произведенія—или „*Пѣсню*", проникнутую удивительно тонкимъ и вѣрнымъ пониманіемъ народности [2]), которое гораздо позже (лѣтъ

Домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ, въ Пятигорскѣ.

восемь спустя) проявилось такъ ярко въ знаменитой „пѣснѣ про царя Ивана Васильевича".

Вліяніе Байрона.

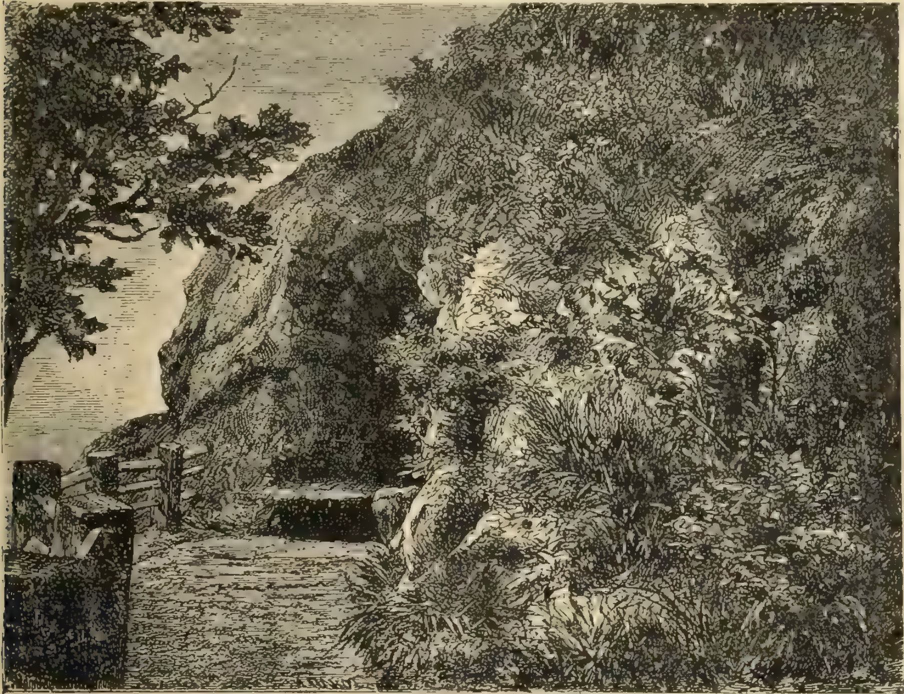
Мы сказали выше, что вліяніе Байрона выказалось въ поэзіи Лермóнтова особенно сильно, особенно ясно; въ противуположность вліянію Пушкина, чисто внѣшнему, вліяніе Байрона, напротивъ того, отразилось на внутреннемъ строѣ и складѣ произведеній Лермонтова. Насколько онъ подражалъ (въ раннемъ юноше-

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что къ этому первому періоду относятся такія прекрасныя вещи, какъ «*Звуки*», «*Волны и люди*», «*Мой домъ*», «*Нищій*», оба посвященія къ «*Демону*» и т. д.

[2]) Вотъ начало этой пѣсни:

«Что въ полѣ за пыль пылитъ?..
Что за пыль пылитъ—столбомъ валитъ?..
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему—по добру коню,
А какъ зятю теща доставалася.
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло—гусей пасти,
А второе дѣло—бѣлъ кудель прясти,
А третье дѣло—дитя качать.»

скомъ періодѣ) Пушкину въ фактурѣ стиха, въ подборѣ риомъ и разнообразіи стихотворныхъ размѣровъ, даже въ выборѣ одинаковыхъ темъ и сюжетовъ для поэтической обработки; настолько же онъ подражалъ Байрону въ общемъ начертаніи характеровъ для своихъ эпическихъ опытовъ — характеровъ мрачныхъ, необщительныхъ, вольнолюбивыхъ и недоступно-гордыхъ. Но этотъ „байронизмъ" Лермонтова — по справедливому замѣчанію одного изъ его біографовъ—вовсе не былъ накиднымъ, внѣшнимъ, несу-

Гротъ Лермонтова (близъ Пятигорска).

щественно-связаннымъ съ общею манерою его творчества. Онъ былъ только формою, наиболѣе подходившею къ душевному настроенію поэта, къ тому сумраку, который отъ самыхъ раннихъ лѣтъ тяготѣлъ надъ его душою, къ тѣмъ проявленіямъ вдохновенія, которыя такъ мощно изъ нея выливались уже при самомъ вступленіи его въ жизнь... Излюбленный имъ „байронизмъ" вполнѣ соотвѣтствовалъ и тѣмъ роковымъ условіямъ гордаго одиночества, въ которомъ протекло все его дѣтство и отрочество; это вполнѣ уясняется намъ тѣмъ трогательнымъ и прекраснымъ по искренности стихотвореніемъ, которымъ онъ почтилъ кончину своего отца—любимаго имъ и отдаленнаго отъ него семейной распрей:

«Ужасная судьба отца и сына -
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть

На родинѣ съ названьемъ гражданина!
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной;
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ! Я-ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однакожъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить—виновенъ ты иль нѣтъ!..
Ты свѣтомъ осужденъ... Но что такое свѣтъ [1])?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ...»

Лермонтовъ студентъ.

Въ то время, когда онъ писалъ эти строки, вызванныя извѣстіемъ о кончинѣ отца, онъ уже былъ въ московскомъ университетѣ, куда поступилъ изъ Благороднаго Пансіона. Но это время пребыванія въ приготовительномъ къ университету заведеніи и въ самомъ университетѣ скользнуло безслѣдно для Лермонтова. Обезпеченный и независимый въ средствахъ матерьяльныхъ, гордый и необщительный въ сношеніяхъ съ товарищами, которыхъ онъ почти не зналъ, Лермонтовъ не испыталъ и не пережилъ самаго важнаго періода въ развитіи каждаго юноши: того школьнаго возраста, когда онъ развивается не въ одиночку, а одновременно и совмѣстно съ цѣлымъ поколѣніемъ подобныхъ же юношей, съ которыми дѣлитъ и труды, и впечатлѣнія жизни, и всѣ явленія своего ежедневно-возрастающаго кругозора умственнаго и нравственнаго. По сохранившимся, достовѣрнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, Лермонтовъ держалъ себя въ сторонѣ отъ товарищей, не входилъ ни въ какія сношенія ни съ кѣмъ; а по отношенію къ профессорамъ держалъ себя очень надменно и не упускалъ случая блеснуть передъ ними своимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и литературъ, своею начитанностью и самостоятельностью своихъ воззрѣній. Въ результатѣ получилось то, что онъ, среди толпы своихъ сверстниковъ, оставался одинокимъ, чуждымъ ихъ интересовъ; а профессора смотрѣли на него холодно и относились къ нему равнодушно, не особенно добиваясь

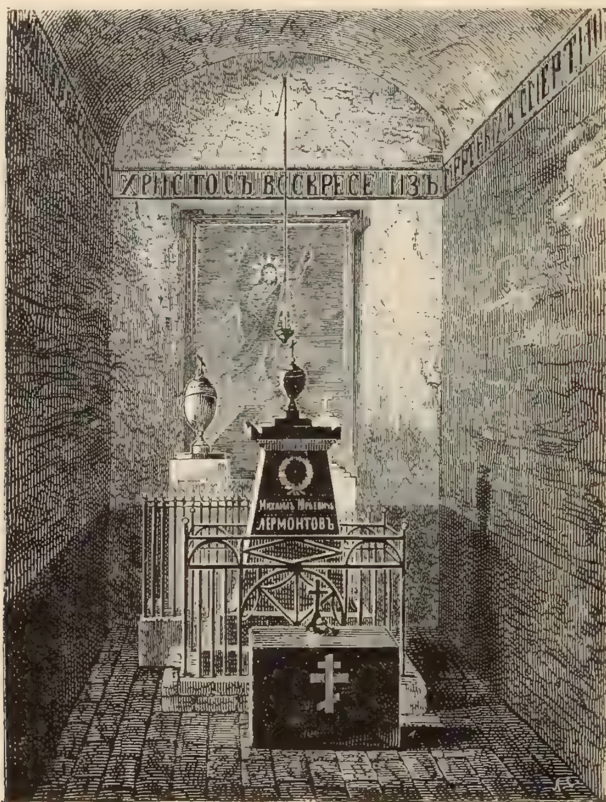
[1]) Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ:
«Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта; *но не свѣтъ*»... (*«Желанія»* 1831).
Впослѣдствіи мы еще вернемся къ этому знаменательному стихотворенію.

возможности разъяснить себѣ эту загадочную натуру... Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Лермонтова, упоминая о томъ, что въ 1830—31 гг. онъ написалъ огромное количество произведеній, добавляетъ, что „въ этихъ произведеніяхъ высказаны, въ существенныхъ чертахъ, всѣ тѣ идеи, которыя онъ позже выражалъ только съ большею силой и опредѣленностью...“ Біографъ называетъ эти годы „годами самосознанія Лермонтова, когда онъ опредѣлилъ для себя все свое внутреннее содержаніе“—и какъ бы въ доказательство высказаннаго воззрѣнія, напоминаетъ, что „тогда уже, въ первоначальныхъ очеркахъ, ясно была выражена имъ даже идея „Демона“. Намъ кажется такой выводъ нѣсколько одностороннимъ... Внутреннее содержаніе поэзіи Лермонтова, выраженное его стихотвореніями 1830—31 гг., весьма ограниченно и кругъ его идей нейдетъ далѣе предѣловъ, положенныхъ ему байронизмомъ, тяготѣвшимъ надъ его сознаніемъ, которымъ навѣянъ былъ ему, несомнѣнно, и мрачный образъ „Демона“. Но этимъ узкимъ кругозоромъ нравственнымъ, въ его примѣненіи къ русской дѣйствительности, не исчерпывался внутренній міръ юнаго поэта, и въ послѣдующій (увы!—послѣдній!) періодъ своего развитія онъ, несомнѣнно, расширилъ этотъ кругозоръ и внесъ въ него много новаго, много самостоятельнаго, чего не могъ заимствовать и перенять у сумрачнаго англійскаго поэта... Можно даже сказать, что онъ готовъ былъ выступить на совершенно самостоятельную дорогу въ то время, когда безвременная кончина такъ нежданно похитила его...

Лермонтовъ юнкеръ.

Въ университетѣ Лермонтовъ не окончилъ курса: — почему именно, это остается не разъясненнымъ. Вѣрнѣе всего будетъ предположить, что и самъ Лермонтовъ (и еще болѣе—его знатная родня) сознавалъ, что университетъ не можетъ доставить ему, человѣку съ состояніемъ и связями, никакихъ выгодъ. И онъ, и его родня, какъ и всѣ люди высшихъ слоевъ общества въ то время, мечтали о быстрой и блестящей карьерѣ—а такая карьера въ ту пору открывалась только для тѣхъ, кто поступалъ въ военную службу. При такомъ взглядѣ, прыжокъ изъ университета въ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ не представлялся никому чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, и вотъ мы видимъ Лермонтова въ той „школѣ“, о которой онъ впослѣдствіи не могъ вспомнить иначе, какъ съ нѣкоторымъ содроганіемъ... Два года, проведенные въ непрестанныхъ кутежахъ, попойкахъ и гулянкахъ, онъ называетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—„двумя ужасными годами“ (deux années terribles). Ужасные годы и въ поэзіи Лермонтова оставили „ужасный“ слѣдъ въ томъ рядѣ произведеній, которымъ бы не слѣдовало являться въ собраніяхъ сочиненій Лермонтова, на ряду съ остальными его произведеніями, какъ

недостойнымъ его пера и недостойнымъ печати. Такія произведенія, какъ „Петергофскій праздникъ", „Госпиталь", „Уланша" и т. п. могутъ служить только любопытнымъ и поучительнымъ свидѣтельствомъ той крайней распущенности и испорченности нравовъ, которая въ 30-хъ годахъ могла существовать въ кругу нашей школьной молодежи, подъ обманчивымъ покровомъ строгой выдержки и дисциплины. Мы твердо увѣрены въ томъ, что Лермонтовъ недаромъ и вполнѣ сознательно называлъ свои школьныя годы „ужасными": они, дѣйствительно, не внесли въ его душу ни одного благотворнаго луча и въ значительной степени способствовали усиленію въ немъ его недовѣрія и презрительнаго отношенія къ людямъ.

Могила Лермонтова (въ часовнѣ), въ с. Тарханахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Второй, блестящій періодъ въ развитіи таланта Лермонтова. — Его поэтическія и прозаическія произведенія этой эпохи. Самостоятельныя тэмы его поэзіи. Дальнѣйшее развитіе типовъ, намѣченныхъ Пушкинымъ. Трагическая судьба поэта. — Общій выводъ о значеніи Лермонтова, какъ писателя.

Въ 1834 году, весною, Лермонтовъ былъ выпущенъ изъ „Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ“ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Богатый, по бабкѣ своей, и, черезъ нее же, обладая связями и имѣя доступъ въ большой свѣтъ, Лермонтовъ могъ, въ ту пору, многаго ожидать отъ жизни и, конечно, въ короткое время добиться блестящей карьеры. Таковъ былъ вѣкъ! При страшномъ преобладаніи военнаго элемента въ обществѣ, всѣ должны были обязательно пройти черезъ военную службу, чтобы добиться виднаго положенія въ свѣтѣ. Изъ военнаго сословія вербовались всѣ высшіе сановники: даже попечители учебныхъ округовъ, даже министры просвѣщенія, даже оберъ-прокуроры Святѣйшаго Сѵнода! Но, въ смыслѣ карьеры, большимъ препятствіемъ для него былъ его характеръ — гордый, недоступный, сумрачный и нелюдимый. Выйдя на ту дорогу, на которой всѣ быстро выдвигались впередъ и достигали „степеней извѣстныхъ“, онъ менѣе всего мечталъ о карьерѣ. Онъ все носился со своими поэтическими думами, жилъ въ своемъ отдѣльномъ мірѣ мечтаній, видѣній и вожделѣній, далекихъ отъ практической жизни; попрежнему вращался въ кружкѣ своихъ школьныхъ товарищей, растрачивая силы и средства въ непрерывныхъ кутежахъ, шалостяхъ и шумныхъ забавахъ. Даже о славѣ литературной онъ не заботился, не придавая ей большого значенія и относясь къ ней почти съ пренебреженіемъ. Дѣйствительно, нельзя не отмѣтить въ характеристикѣ Лермонтова тотъ знаменательный и рѣдкій фактъ, что онъ—чуть ли не единственный изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ, который, въ юношескіе годы, обладая крупнымъ талантомъ и большимъ запасомъ готовыхъ къ печати произведеній, не спѣшилъ, однакоже, „печататься“... Въ его портфелѣ уже лежали готовыми, кромѣ огромной массы лирическихъ произведеній, такіе эпическіе опыты, какъ: „Литвинка“, „Исповѣдь“, „Азратъ“, „Ангелъ Смерти“, „Каллы“, „Аулъ Бастунджи“, „Измаилъ-бей“; а онъ и не думалъ, и не собирался ничего печатать—онъ даже никому не навязывался съ чтеніемъ своихъ произведеній, и совершенно равнодушно относился къ той нелестной репутаціи автора „непечатныхъ“ произведеній, которую создавалъ ему близкій товарищескій кружокъ.

Вступленіе въ жизнь.

Появленіе въ печати.

Безцеремонная нескромность товарища, который взялъ да и отвезъ (безъ вѣдома Лермонтова) его поэму „Хаджи-Абрекъ“ къ редактору „Библіотеки для чтенія“ Сенковскому—побудила наконецъ Лермонтова выступить на литературное поприще. Только тогда, когда это юношеское произведеніе Лермонтова обратило на себя вниманіе публики, юный поэтъ рѣшился свести знакомство съ людьми, прикосновенными къ литературѣ, однакоже въ средѣ того кружка, къ которому принадлежалъ онъ самъ. Къ этому времени относится его знакомство съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ и княземъ Одоевскимъ. Вѣроятно, при посредствѣ послѣдняго онъ впослѣдствіи нѣсколько расширилъ кругъ своихъ литературныхъ знакомствъ, потому что домъ князя В. Ѳ. Одоевскаго былъ центромъ, въ которомъ весьма охотно собиралось довольно разнообразное общество художниковъ, литераторовъ и журналистовъ.

Развитіе таланта.

Можетъ-быть, что это знакомство съ литературнымъ кружкомъ и даже приманка литературной извѣстности до нѣкоторой степени возбуждающимъ образомъ подѣйствовали на творчество Лермонтова, которое именно въ этотъ періодъ, между 1833 и 1837 годомъ, начинаетъ быстро возрастать и развиваться, не только въ смыслѣ качественномъ, но и въ смыслѣ чрезвычайнаго разнообразія сюжетовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе молодого автора. Мы не говоримъ уже о лирикѣ, въ которой творчество Лермонтова выразилось такими перлами, какъ „*Ангелъ*“ („*По небу полуночи*“), какъ „*Умирающій гладіаторъ*“, „*Парусъ*“, „*Молитва странника*“, „*Вѣтка Палестины*“; не говоримъ о работѣ Лермонтова надъ такимъ труднымъ драматическимъ сюжетомъ, какъ „*Маскарадъ*“ [1]), который въ такой степени занималъ Лермонтова, что онъ успѣлъ его разработать даже въ двухъ редакціяхъ, существенно-отличныхъ одна отъ другой; мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду его весьма замѣчательный опытъ исторической поэмы „*Бояринъ Орша*“, и одновременно съ нею задуманныя и отчасти написанныя произведенія: „*Сашка*“, „*Княгиня Лиговская*“ и въ особенности „*Вадимъ*“. Въ „Княгинѣ Лиговской“ уже довольно ясно намѣчается и обрисовывается намъ будущій „*Герой нашего времени*“; въ двухъ другихъ — „Сашка“ и „Вадимъ“—содержаніе поражаетъ насъ новостью и оригинальностью въ выборѣ сюжетовъ и обстановки и въ выборѣ типовъ, прямо заимствованныхъ изъ дѣйствительности нашего крѣпостного быта

[1]) Драма «Маскарадъ» по сравненію съ другими драмами Лермонтова (Menschen u. Leidenschaften, «Странный человѣкъ»), представляетъ большой шагъ впередъ, какъ со стороны плана, такъ и со стороны внѣшней обработки. Здѣсь видимъ и самостоятельные характеры, и совершенно новыя драматическія положенія.

и набросанныхъ очень ярко и реально. Въ такой степени ярко, правдиво и реально, что авторъ, повидимому, и самъ созналъ неудобство, почти невозможность довести эти произведенія до конца и тѣмъ болѣе издать ихъ въ свѣтъ. А между тѣмъ, въ обоихъ этихъ произведеніяхъ (которымъ, кстати сказать, біографы Лермонтова до сихъ поръ придаютъ еще очень мало значенія), талантъ Лермонтова проявляется съ совершенно особой и новой стороны—со стороны умѣнья наблюдать дѣйствительность, тонко вникая во всю ея будничную неряшливость и безнарядье, и передавать эти бытовыя черты такъ живо и рельефно, какъ, собственно говоря, нельзя было бы и ожидать отъ поэта, постоянно преданнаго мечтамъ... Нельзя не отмѣтить и еще одной важной и характерной черты творчества Лермонтова, насколько оно выразилось въ двухъ упоминаемыхъ нами произведеніяхъ: и въ „Вадимѣ“, и въ „Сашкѣ“: онъ вполнѣ ясно и открыто выражаетъ свое отвращеніе къ крѣпостничеству и къ тому разврату, который вносили въ жизнь ненормальныя отношенія барства къ низшему слою народа. Это отвращеніе Лермонтовъ не скрываетъ и не старается ослабить никакими прикрасами, какъ многіе другіе изъ современныхъ ему русскихъ авторовъ; можно даже сказать, что если бы ему удалось когда-нибудь довести разбираемыя нами произведенія до конца и до полнаго совершенства внѣшней формы, они бы явились сильнымъ и энергическимъ протестомъ противъ того печальнаго положенія народа, которое уже начинало привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ лучшихъ представителей современной русской интеллигенціи.

Пушкинъ и Лермонтовъ.

Но эти произведенія остались подъ спудомъ и стали извѣстны лишь много лѣтъ спустя послѣ кончины Лермонтова, и быстрому его прославленію при жизни, быстрой популяризаціи его имени способствовало то прекрасное лирическое произведеніе, которое вызвано было трагическою смертью Пушкина („*Погибъ пѣвецъ, невольникъ чести...*“). Едва успѣло оно вылиться изъ-подъ пера Лермонтова, какъ въ первые же дни разошлось по Петербургу въ тысячѣ списковъ и сдѣлало имя поэта болѣе извѣстнымъ, нежели все то, что онъ до той поры успѣлъ написать и напечатать. Особенная случайность еще подлила масла въ огонь... Одинъ изъ родственниковъ Лермонтова (по его бабкѣ), принадлежавшій къ высшему кругу, пріѣхалъ навѣстить его, въ то время страдавшаго отъ нервнаго припадка, и выразилъ ему неодобреніе по поводу выпущеннаго имъ стихотворенія, которое онъ находилъ слишкомъ рѣзкимъ... Лермонтовъ, раздраженный его доводами, при немъ же сѣлъ и написалъ къ своему стихотворенію послѣднія добавочныя строки:

«А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!—
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда -все молчи!..
Но есть, есть Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судъ: онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью,
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!»

Это яркое дополненіе къ стихотворенію на смерть Пушкина такъ же быстро распространилось по всѣмъ кружкамъ столицы и навлекло грозу на Лермонтова. Дѣло въ томъ, что всему столичному обществу были во всѣхъ подробностяхъ извѣстны тѣ жестокія нравственныя муки, которыя пришлось вынести нашему великому поэту, прежде чѣмъ онъ рѣшился на поединокъ съ Дантесомъ. Извѣстны были поименно и тѣ лица изъ среды знати, которые приняли на себя позорную роль клеветниковъ и подстрекателей, разжигавшихъ зарождавшуюся непріятность между поэтомъ и Дантесомъ, и постоянно преслѣдовавшихъ Пушкина то сплетнями, то инсинуаціями, то анонимными письмами самаго возмутительнаго содержанія. Всѣ знали также и о полномъ бездѣйствіи всевидящихъ властей, которымъ порученъ былъ надзоръ за Пушкинымъ. И вотъ Лермонтовъ былъ арестованъ по приказанію высшаго начальства, подвергся строгому выговору по службѣ и, по волѣ государя, былъ переведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, на Кавказъ.

Лермонтовъ на Кавказѣ.

Этотъ переводъ на службу на Кавказъ, нѣкоторыми изъ біографовъ называемый ссылкой, едва ли можетъ быть къ ней приравненъ. Такія высылки и переводы на службу въ кавказскія войска, въ теченіе Николаевскаго царствованія, были дѣломъ весьма обыкновеннымъ—обычною мѣрою взысканія за легкіе проступки и шалости военной молодежи. Существовалъ даже и такой взглядъ на эти высылки въ высшихъ сферахъ общества, что онѣ должны служить на пользу молодежи: „послужитъ въ настоящей военной службѣ: пороху понюхаетъ—образумится!“ Никого подобныя высылки не только не позорили, но даже не ставили въ

Журналистъ Писатель
и Читатель.

Журналистъ.

Я очень радъ, что вы больны
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны
Среди различныхъ впечатлѣній
На мелочь душу размѣнявъ
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній!
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье
За то какая благодать
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье
Иль даже долгую болѣзнь
Тотъ часъ въ его уединеньи
Раздастся сладостная пѣснь
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль....
Ну чтожъ вы пишете?... Нельзя ль
Узнать

Пис.
Да ничего

Ж.
Напрасно!

Пис.
О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты,
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ
Всѣ на войну неслись душою
Взывали съ тайною тоскою
Къ N. N. невѣдомой красѣ
И страшно надоѣли всѣ.

Чит.
И я скажу. Нужна отвага
Чтобъ открыть — хоть вашъ Журналъ
Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ
Во первыхъ сѣрая бумага.
Она быть можетъ и чиста
Но какъ то страшно безъ перчатокъ
Читаешь. — Сотни опечатокъ
Стихи — такая пустота.
Слова безъ смысла, чувства нету
Натянутъ каждый оборотъ
Притомъ сказать ли по секрету
И въ рифмахъ часто недочетъ.
Откроешь прозу — переводъ
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ
То вѣрно надъ Москвой смѣются
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они Портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ
А если и случалось имъ
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ
Когдаже на Руси безплодной
Разставшись съ ложной мишурой
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный

Журн.
Я точно тоже говорю
Какъ вы открыто негодую
На музу русскую смотрю я...
Прочтите Критику мою.

Чит.
Читалъ я.. Мелкія нападки
На шрифтъ виньетки, опечатки
Намеки тонкіе на то
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя забавно было свѣту!..
Въ чернилахъ вашихъ, Господа
И желчи едкой даже нету
А просто грязная вода.

Журн.
И съ этимъ надо согласиться
Но вѣрьте мнѣ. Душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться
Да какъ же быть? — Меня бранятъ
Войдите въ наше положенье
Читаетъ насъ и низшій кругъ
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякой оскорбляетъ слухъ.
Приличье, вкусъ — все такъ условно
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно.

Автографъ Лермонтова. Стихотвореніе «Журналистъ, писатель и читатель». Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

Повѣрьте мнѣ. Судьбою несть
Даны намъ горькія вериги
Скажите?.. Каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги
И все зачѣмъ?.. Чтобъ вамъ сказать
Что ихъ не надобно читать.

Чит.

За то какое наслажденье
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь
Коль попадется какъ нибудь
Живое, свѣжее творенье
Вотъ напримѣръ пріятель мой
Владѣетъ онъ пріятнымъ слогомъ
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ Всевышнимъ Богомъ.

Жур.

Все это такъ. – Да вотъ бѣда
Не пишутъ эти Господа. –

Пис.

О чемъ писать. – Бываетъ время
Когда заботъ спадаетъ бремя
Дни вдохновеннаго труда
Когда и умъ и сердце полны.. –
И рифмы дружныя какъ волны
Журча одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва
На мысли дышащія силой
Какъ жемчугъ нижутся слова.
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ
И ими послѣ безъ зазрѣнья
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства
Воздушный, безотчетный бредъ?
Достойны строгаго искусства?..
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ..

. . . .

Бываютъ тягостныя ночи
Безъ сна горятъ и плачутъ очи
На сердцѣ жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ
Невольный страхъ власы подъемлетъ
Болезненный безумный крикъ
Изъ груди рвется и языкъ
Лепечетъ громко безъ сознанья
Давно забытыя названья; –
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ
Но снова вѣришь имъ невольно
И какъ то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ.
Тогда пишу. – Диктуетъ совѣсть
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ
Картины хладныя разврата
Преданья глупыхъ юныхъ дней
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ
Среди обманщицъ и невѣждъ
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный
Не дорожа чужою тайной
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору
Неумолимъ я и жестокъ.
Но право этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать –
Скажите жъ мнѣ.. О чемъ писать?

К чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь?..
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ ядъ пылающей страницы
Нарушилъ сонъ отроковицы,
И сердце юное увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?..
О нѣтъ! — преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю.

М. Лермонтовъ

С.Петербургъ
20 Марта 1840.
Подъ арестомъ, на
Арсенальной Гауптвахтѣ

неловкое положеніе въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что каждый высылаемый (особенно человѣкъ со связями) пріобрѣталъ, путемъ своей невзгоды, возможность „отличиться, выслужиться“ на Кавказѣ и вернуться съ торжествомъ, съ повышеніемъ чина или орденомъ... А все это въ эпоху 30-хъ и 40-хъ годовъ имѣло огромное значеніе въ глазахъ общества! Понятно, что и самъ Лермонтовъ, не имѣвшій никакихъ прочныхъ связей въ Петербургѣ (кромѣ привязанности къ бабушкѣ), уѣзжалъ очень охотно изъ столицы, уѣзжалъ даже вполнѣ довольный тѣмъ протестомъ противъ высшихъ слоевъ общества, который онъ такъ открыто и

Зданіе бывшей школы подпрапорщиковъ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ воспитывался Лермонтовъ. Нынѣ здѣсь-же помѣщается «Музей Лермонтова».

смѣло бросилъ извѣстной партіи, враждебной Пушкину, какъ отмщеніе за безвременно погибшаго поэта. Притомъ онъ издавна, еще съ дѣтства, любилъ Кавказъ какою-то особенною любовью, испытывалъ къ нему постоянно какое-то „влеченье, родъ недуга...“ Кавказъ освѣжилъ его, оживилъ своими яркими красками его творчество, наложилъ особую печать на все, что стало появляться изъ-подъ его пера — и, вѣроятно, Лермонтову очень не хотѣлось съ нимъ разставаться, когда хлопоты бабушки и знатной ея родни привели къ тому, что, мѣсяцевъ черезъ семь, Лермонтову опять разрѣшено было вернуться на Сѣверъ и зачислиться въ прежній, гвардейскій полкъ. Среди прелестныхъ

лирическихъ пьесъ, которыя въ этотъ тревожный годъ были написаны, мы даже встрѣчаемъ одну („Казбеку"), въ которой выражено сомнѣніе:

«Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!
Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?..»

Видимо, что ему самому какъ-то странно и неловко такъ скоро вернуться на Сѣверъ послѣ своей высылки...

Несомнѣнно, однакожъ, то, что даже и это краткое пребываніе среди обаятельныхъ условій природы и жизни Кавказа оказало важное вліяніе на одно изъ лучшихъ произведеній Лермонтова. Въ душѣ его уже давно носилась основная идея „Демона", и отдѣльныя части поэмы уже были не только вполнѣ выяснены въ сознаніи поэта, но даже написаны имъ: но мѣсто дѣйствія поэмы еще не было вполнѣ ясно опредѣлено и пріурочено къ какой-нибудь странѣ... Послѣ пребыванія на Кавказѣ, Лермонтову пришло въ голову—именно Кавказъ избрать фономъ для своей роскошной поэмы, и съ той поры его „Демонъ" тѣсно и неразрывно слился съ его любимымъ Кавказомъ.

Лучшій періодъ Лермонтова. Почти три года пробылъ Лермонтовъ въ С.-Петербургѣ, до новаго отправленія на Кавказъ, и въ эти три года имъ были закончены лучшія и важнѣйшія изъ его произведеній, составляющія славу его имени. Мы разумѣемъ „*Пѣсню о царѣ Иванѣ Васильевичѣ и купцѣ Калашниковѣ*" и „*Мцыри*" въ поэзіи, и рядъ прозаическихъ повѣстей и разсказовъ, входящихъ въ составъ „*Героя нашего времени*". „*Демона*", за это время, онъ, можетъ-быть, и закончилъ, но не довелъ до той степени совершенства внѣшней отдѣлки, до какой ему хотѣлось довести это излюбленное имъ дѣтище, которое онъ холилъ и лелѣялъ почти десять лѣтъ. Но имя Лермонтова, теперь тѣсно связанное съ воспоминаніями о Пушкинѣ, пользовалось уже широкою извѣстностью, и всѣ литературные кружки, такъ или иначе, заискивали въ немъ, желая его привлечь къ участію въ своихъ изданіяхъ и журналахъ. Однакоже Лермонтовъ относился къ этимъ заискиваньямъ довольно равнодушно и велъ, попрежнему, разсѣянную свѣтскую жизнь, ни съ кѣмъ не сближаясь, ни съ кѣмъ не входя въ тѣсныя пріятельскія отношенія. Изрѣдка появляясь въ салонѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, иногда посѣщая Краевскаго, издателя „Отечественныхъ Записокъ", онъ держалъ себя въ кругу литераторовъ такъ сдержанно, непривѣтливо и гордо, что никто не пытался съ нимъ вступить въ ближайшія сношенія [1]). Даже объ участи своихъ

[1]) Кажется, только одному Бѣлинскому удалось, при случайномъ его знакомствѣ съ Лермонтовымъ, ближе другихъ подойти къ этому въ высшей степени недоступному человѣку и получить о немъ болѣе правильное представленіе, какъ мы увидимъ далѣе.

произведеній онъ, повидимому, заботился очень мало, и, передавъ ихъ въ руки избраннаго имъ лица, тому лицу и предоставлялъ уже всѣ хлопоты о выходѣ ихъ въ свѣтъ [1]).

Несмотря, однакоже, на все это внѣшнее равнодушіе и спокойствіе, Лермонтовъ, по всей вѣроятности, переживалъ за это время очень тягостную для него внутреннюю борьбу, которая вызывалась отчасти его желаніемъ выйти на какую-нибудь опредѣленную дорогу и, главнымъ образомъ, желаніемъ избавиться отъ тягостной для него родственной опеки. Внутреннее настроеніе его за этотъ періодъ 1837—1839 гг. очень ярко выражается въ весьма искреннихъ письмахъ его къ одной московской пріятельницѣ, изъ которыхъ нельзя не привести здѣсь нѣкоторые отрывки, въ біографическомъ смыслѣ важные для пониманія личности Лермонтова.

Колебанія Лермонтова.

....„Признаюсь вамъ, каждый день болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что никогда ни на что не буду годенъ, несмотря на всѣ мои прекрасныя мечты и плохіе опыты на жизненномъ пути... потому что, либо случая не встрѣчаешь, либо смѣлости не хватаетъ!.. Мнѣ говорятъ: случай со временемъ встрѣтится, а время придастъ вамъ смѣлости!.. А кто знаетъ,—когда все это сбудется—останется ли у меня хоть тѣнь той пламенной и юной души, которою Богъ надѣлилъ меня такъ некстати? И не будетъ ли сила моей воли истощена постоянною сдержанностью? Кто знаетъ, наконецъ,—не буду ли я тогда и вовсе разочарованъ во всемъ, что побуждаетъ насъ къ поступательному движенію въ жизни... Вѣрите ли: я до такой степени не способенъ увлекаться собой, что когда случайно понравится мнѣ какая-нибудь моя же мысль, я стараюсь припомнить, откуда я ее вычиталъ?—и вслѣдствіе этого я теперь ничего не читаю, чтобы не думать. Я и въ свѣтъ выѣзжаю теперь... чтобы дать себя знать, чтобы показать, что я могу находить удовольствіе и въ порядочномъ обществѣ...“

....„До настоящей минуты“—пишетъ Лермонтовъ въ другомъ письмѣ—„все ожидалъ, не случится-ли со мною хоть что-нибудь пріятное, о чемъ бы я могъ и васъ извѣстить; и я рѣшаюсь писать вамъ, что умираю здѣсь съ тоски. Первые дни по пріѣздѣ сюда (съ Кавказа) все приходилось рыскать: представлялся разнымъ лицамъ, дѣлалъ церемонные визиты всякіе, потомъ каждый день сталъ ѣздить въ театръ... Хорошъ театръ, да только ужъ понадоѣлъ-таки мнѣ. Да къ тому же еще и добрые то родственники мнѣ покою не даютъ! Не хотятъ, чтобы я выходилъ въ

[1]) Такъ, напр., когда цензура (очень строгая по отношенію къ Лермонтову, послѣ эпизода съ его стихотвореніемъ на смерть Пушкина) не пропускала его «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», Лермонтовъ предоставилъ всѣ хлопоты о своемъ произведеніи Краевскому, который, черезъ Жуковскаго, выхлопоталъ письмо къ Уварову. «Пѣснь» была дозволена къ печати, но безъ имени автора.

отставку... Однимъ словомъ, я порядочно упалъ духомъ и даже очень бы хотѣлъ поскорѣе покинуть Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ или къ чорту; тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ хоть какой-нибудь поводъ къ жалобамъ: а вѣдь это все-таки утѣшеніе, не хуже другого..." (15 февр. 1838).

«Герой нашего времени». Въ то время, когда онъ писалъ это письмо, онъ уже создавалъ тотъ рядъ разсказовъ въ прозѣ, которые потомъ вышли подъ общимъ заглавіемъ: „*Герой нашего времени*". Эти разсказы увлекли всѣхъ и приняты были чрезвычайно горячо: въ короткое время все первое изданіе было раскуплено, и явилась необходимость во второмъ изданіи. Въ предисловіи къ этому изданію, Лермонтовъ счелъ своимъ долгомъ выяснить публикѣ значеніе своего главнаго героя (Печорина), о которомъ въ обществѣ шелъ говоръ, будто бы въ лицѣ его авторъ изобразилъ самого себя. Въ отвѣтъ на всѣ подобныя предположенія Лермонтовъ отвѣчалъ, что въ лицѣ Печорина онъ старался представить „портретъ, составленный изъ пороковъ всего современнаго ему поколѣнія"; изображая его, онъ „рисовалъ современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ нашему общему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ". Лермонтовъ даже и прямо сознается, что, создавъ характеръ Печорина, онъ пытался указать на нравственную „болѣзнь", проявившуюся въ современномъ русскомъ обществѣ. Этими, весьма цѣнными объясненіями и указаніями, Лермонтовъ, конечно, не могъ вполнѣ опровергнуть высказанныя въ обществѣ соображенія относительно близкой связи его собственнаго типа съ Печоринымъ, и, по этому поводу, одинъ изъ его біографовъ справедливо замѣтилъ, что „въ чертахъ характера (Печорина), съ любовью описанныхъ авторомъ, слѣдуетъ видѣть именно признаки извращенія, которые дала таланту эпоха".

Вліяніе эпохи. Эпоха, конечно, играла тутъ не послѣднюю роль:—эпоха тягостная, гнетущая, полная стѣсненій на всѣхъ путяхъ жизни, все подводившая подъ запретъ власти, обязывавшая каждаго къ куреніямъ и восторгамъ патріотическаго характера... Но „признаки извращенія", о которыхъ говоритъ біографъ Лермонтова, отчасти, стояли въ прямой зависимости отъ той формы, въ которую байронизмъ облекался на русской почвѣ. Не слѣдуетъ забывать, что русскій байронизмъ, существенно и во многихъ отношеніяхъ, разнился отъ байронизма Западнаго. Дѣйствительно, на Западѣ Европы байронизмъ являлся громкимъ и смѣлымъ протестомъ личности противъ стѣснявшихъ ее историческихъ условій европейской жизни, наслѣдованныхъ обществомъ отъ далекаго прошлаго; у насъ же байронизмъ представлялся не болѣе, какъ энергическимъ протестомъ личности противъ тягости временныхъ условій нашей общественной жизни, противъ небольшого избраннаго

меньшинства, мѣшавшаго прогрессу, или же противъ апатіи и неразвитости всей массы общества. Видоизмѣняясь такимъ образомъ на русской почвѣ, байронизмъ утрачивалъ существеннѣйшую долю своего значенія, и преобладающею чертою его являлось „разочарованіе“, пренебрежительное равнодушіе къ добру и злу, вѣра въ фатализмъ, будто бы ясно проявляющійся во всемъ, что съ нами происходитъ въ жизни... Понятно, что въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ, байронизмъ долженъ былъ проявляться въ видѣ характеровъ совершенно безцвѣтныхъ и туманныхъ (въ родѣ „Кавказскаго плѣнника“ и „Алеко“ Пушкина, въ родѣ „Демона“ Лермонтова), либо въ видѣ характеровъ, представлявшихъ собою смѣсь нашихъ національныхъ недостатковъ съ чер-

Я кончилъ — и въ груди невольное сомнѣнье!
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?!
Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты только мертваго, пустаго вдохновенья
Найдешь на ней холодную печать;—

Автографъ Лермонтова: «Посвященіе къ Демону».— Листокъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

тами, болѣе или менѣе чуждыми намъ и заимствованными отъ байроновскихъ героевъ. Такимъ именно явился „Печоринъ" въ „Героѣ нашего времени" — эта смѣсь всевозможныхъ противорѣчій нравственныхъ съ личными свойствами автора, невольно присвоенными имъ Печорину.

Типъ Печорина.

Отмѣтимъ, однакоже, одну весьма важную черту въ типѣ „Печорина", который Лермонтовъ создалъ. Онъ не придумалъ его, не изобрѣлъ: онъ взялъ его изъ жизни и только дополнилъ, оттѣнилъ... Лѣтъ 60 тому назадъ этотъ типъ былъ не вымышленною, а дѣйствительною принадлежностью нашей общественности, особенно въ средѣ обезпеченной матерьяльно и въ то же время (болѣе другихъ слоевъ общества) стѣсненной опредѣленными, общепринятыми условіями свѣтской жизни и своего положенія въ обществѣ. Эти люди, тонко образованные и развитые, способные болѣе другихъ чувствовать всю ложь окружавшей ихъ жизни, и въ то же время — не обладали достаточной нравственной силой, достаточной силой воли, чтобы отстраниться отъ этой лжи и избрать себѣ иной путь. Къ числу такихъ-то людей принадлежалъ—увы!—и самъ Лермонтовъ, такой же „невольникъ чести", какъ и Пушкинъ. До какой степени онъ поддавался этой неволѣ, до какой степени считалъ для себя обязательною какую-то противную свѣтскую маску, которой всѣхъ отъ себя отталкивалъ, это мы можемъ видѣть изъ свидѣтельства правдивѣйшаго современника его, Бѣлинскаго, разсказъ котораго сохраненъ намъ записками Панаева.

Бѣлинскій и Лермонтовъ.

Надо замѣтить, что Бѣлинскій, который такъ восторгался поэзіею Лермонтова, пробовалъ не одинъ разъ заводить съ нимъ серьезные разговоры; но изъ этого ничего не выходило. Лермонтовъ отстранялся и отшучивался, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе, и говаривалъ не разъ, что Лермонтовъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою. Но вотъ, когда, послѣ дуэли съ Барантомъ, Лермонтовъ былъ посаженъ подъ арестъ, Бѣлинскій, по весьма искреннему побужденію, пошелъ навѣстить его подъ арестомъ, и прямо изъ ордонансъ-гауза пришелъ къ Панаеву, которому и передалъ свой разговоръ съ Лермонтовымъ подъ живымъ впечатлѣніемъ ихъ бесѣды.

„Я былъ у Лермонтова", — сказалъ онъ: — „и попалъ очень удачно. У него никого не было; и въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ... Я было вошелъ и сконфузился по обыкновенію. Мы едва знакомы; общихъ интересовъ у насъ нѣтъ; я буду его женировать—а онъ меня. Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству; но онъ не подается на такіе разговоры. Я, признаться, досадовалъ на себя

и рѣшился пробыть у него не болѣе ¼ часа [1]). Но завязался разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. „Я не люблю Вальтеръ-Скотта: въ немъ мало поэзіи!“—сказалъ Лермонтовъ:—„онъ сухъ!“ Онъ началъ развивать свои мысли, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе:—онъ былъ въ эту минуту самимъ собою. Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. И онъ перешелъ отъ В.-Скотта къ Куперу и говорилъ о немъ съ жаромъ, доказывая, что въ Куперѣ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ В.-Скоттѣ, и доказывалъ съ тонкостью, съ умомъ, и, что удивительно, даже съ увлеченіемъ... И сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ! Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему — и, наконецъ, удалось-таки его увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ! А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что далъ себѣ хоть на минуту быть самимъ собою—я увѣренъ въ этомъ“.

Описанное свиданіе Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ, происходившее въ ордонансъ-гаузѣ, было вызвано тѣмъ, что Лермонтовъ опять попалъ въ бѣду. Онъ дрался (изъ-за пустяковъ) на дуэли съ сыномъ барона де-Баранта—извѣстнаго французскаго историка и посланника при нашемъ Дворѣ. За эту дуэль, послѣ довольно продолжительнаго ареста, онъ былъ тѣмъ же чиномъ переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, стоявшій на Кавказѣ [2]).

Послѣдній отъѣздъ на Кавказъ.

И вотъ, „Герой нашего времени“ еще не былъ оконченъ, а его авторъ уже въ третій разъ въ жизни ѣхалъ на Кавказъ, весною 1840 года.

Въ дорогѣ было имъ, между прочимъ, написано прелестное стихотвореніе „*Тучки небесныя*“ — одно изъ лучшихъ въ этомъ году полной зрѣлости Лермонтовскаго таланта, — году, изобилующемъ лучшими перлами лирики поэта. Изъ этого стихотворенія, въ которомъ Лермонтовъ называетъ себя „изгнанникомъ *съ милаго Сѣвера* въ сторону южную“—видно, что онъ уже не съ прежнимъ равнодушіемъ покидалъ столицу и не слишкомъ усердно стремился на свой излюбленный Кавказъ; видно, что въ немъ уже пробудились симпатіи къ этому Сѣверу, который прежде онъ такъ не любилъ; завязались живыя связи и съ литературой, которой онъ начиналъ придавать все болѣе и болѣе значенія. И, дѣйствительно, онъ чувствовалъ, что тутъ онъ нашелъ, наконецъ, настоящее поприще для своего безпокойнаго духа... Ему, конечно,

---

[1]) А провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ часа четыре, по свидѣтельству Панаева.

[2]) На этотъ разъ наказаніе было болѣе тяжкимъ: — очевидно, что первая вина при этомъ была принята въ соображеніе, какъ отягчающее обстоятельство.

Вчера я её встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала
чудесный персидскій коверъ: княжна упрашивала свою маменьку
не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!...
Я перекупилъ его за это я былъ вознагражденъ взглядомъ,
гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство; — около
обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкескую
лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ
у нихъ въ это время, и говорилъ мнѣ что эффектъ этой
сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ
проповѣдывать противъ меня ополченіе: я даже замѣтилъ
что два адъютанта при ней
со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у нихъ
обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ закинувъ
руки назадъ и никого не узнаетъ. Онъ нашелъ случай вступить
въ разговоръ съ княгиней, и сказалъ какой-то комплиментъ

Автографъ Лермонтова. Страница изъ «Героя нашего времени». Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

гораздо пріятнѣе было бы остаться въ Петербургѣ, гдѣ, вскорѣ послѣ его отъѣзда, вышелъ въ свѣтъ „*Герой нашего времени*“ и первое собраніе его стихотвореній... И, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни на сердцѣ его шевельнулось сожалѣніе о томъ, что онъ такъ шутитъ жизнью и судьбою [1])!

По прибытіи на Кавказъ, Лермонтовъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ Чечнѣ, и далъ намъ превосходное, высокопоэтическое и вполнѣ жизненное описаніе одного изъ „дѣлъ“ въ стихотвореніи „*Валерикъ*“.

Только уже въ концѣ 1840 года — и то послѣ долгихъ хлопотъ—онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, въ Петербургъ. Кажется, что онъ ѣхалъ туда съ положительнымъ намѣреніемъ выйти въ отставку и окончательно поселиться въ Петербургѣ. Но этому намѣренію его не суждено было исполниться: оно встрѣтило непреодолимыя препятствія къ осуществленію своему все въ тѣхъ же предразсудкахъ свѣта, для котораго дивный поэтическій даръ Лермонтова не имѣлъ никакого значенія, а выходъ въ отставку въ маленькихъ чинахъ представлялся неприличіемъ... Поэту пришлось, скрѣпя сердце, выѣхать весною на Кавказъ.

И на этотъ разъ какія-то мрачныя, странныя предчувствія волновали душу поэта: одно изъ нихъ даже вылилось у него въ форму лирическаго отрывка, глубоко проникнутаго предвидѣніемъ близкаго конца и какой-то угрожающей, наступающей бѣды... Вотъ оно:

«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ: ударъ судьбы меня не обойдетъ...
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти.—Настанетъ часъ кровавый...
И я паду, и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,—
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый...»

Кончина Лермонтова.

Дѣйствительно, роковой ударъ ждалъ Лермонтова на пути... Подъ предлогомъ болѣзни, онъ задумалъ остановиться на нѣкоторое время въ Пятигорскѣ, и тамъ произошла та ссора съ однимъ изъ его сослуживцевъ, майоромъ Мартыновымъ, которая привела

[1]) Это отчасти видно изъ его современной переписки, отчасти же изъ того, что онъ, черезъ годъ вернувшись въ Петербургъ, усиленно настаивалъ на отставкѣ, и уступилъ только настойчивымъ просьбамъ бабушки, все еще мечтавшей о карьерѣ внука.

ихъ обоихъ къ дуэли. 15 іюля Лермонтовъ былъ на дуэли убитъ... Онъ погибъ въ той самой обстановкѣ и тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ описалъ смерть Грушницкаго на дуэли съ Печоринымъ.

Одинъ изъ очевидцевъ сохранилъ намъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о погребеніи Лермонтова, котораго первоначально похоронили близъ Пятигорска. „Человѣкъ 10—12 пріятелей, — разсказываетъ очевидецъ: — военные въ мундирахъ, невоенные во фракахъ (въ числѣ ихъ случайно оказался и родной братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ)—понесли гробъ на могилу. Надъ гробомъ священникъ прочиталъ молитву. Когда стали опускать гробъ, оказалось, что онъ не можетъ войти въ боковую пещеру, сдѣланную на днѣ могилы; тогда какой-то стоявшій вблизи черкесъ спрыгнулъ въ могилу и кинжаломъ пооббилъ землю. Могила, вырытая у подножія величаваго Машука, на небольшомъ склонѣ, освѣщенномъ кавказскимъ солнцемъ, казалась лучшимъ для поэта монументомъ...“ Но не такъ думали родные поэта, и вскорѣ прахъ его былъ потревоженъ. По желанію бабушки Лермонтова, его смертные останки были вырыты и отвезены въ Чембарскій уѣздъ Пензенской губерніи, въ то самое село Тарханы, гдѣ онъ провелъ большую часть своего дѣтства. Тамъ могила поэта находится рядомъ съ могилою его матери и бабушки, въ особой часовенкѣ. Скромный памятникъ возвышается надъ гробомъ поэта, который уже на двадцать-седьмомъ году жизни успѣлъ стяжать себѣ громкую славу своимъ дивнымъ даромъ.

Вѣсть о смерти Лермонтова, быстро облетѣвшая всю Россію, тягостно поразила всѣхъ. Поразила въ особенности потому, что именно послѣдній годъ его жизни былъ особенно изобиленъ въ его творчествѣ, и у всѣхъ на памяти и на устахъ были еще такъ недавно напечатанныя имъ произведенія...

Бѣлинскій вполнѣ справедливо замѣтилъ, по поводу его кончины, что нить жизни его порвалась какъ разъ въ то время, когда „кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни...“

Характеристика Лермонтова.

Лермонтовъ, какъ поэтъ, представляетъ собою явленіе въ высокой степени замѣчательное, не только по отношенію къ нашей литературѣ, но и по сравненію нашей литературы съ литературою Европейскаго Запада. Дѣйствительно, пробѣгая въ памяти важнѣйшія изъ этихъ литературъ и припоминая ихъ выдающихся дѣятелей, мы едва ли встрѣтимъ среди нихъ поэта, равнаго Лермонтову по силѣ, и который бы, начавъ писать съ 15—16 лѣтъ и закон-

чивъ свою литературную карьеру на 27-мъ году, успѣлъ создать то, что, въ этотъ краткій періодъ, создалъ Лермонтовъ! Сила творчества и громадное обиліе его производительности просто изумительны, если принять въ соображеніе возрастъ поэта... Единственнымъ объясненіемъ такого, поистинѣ поразительнаго явленія можетъ служить тотъ чрезвычайный подъемъ духа народнаго, который былъ вызванъ въ концѣ XVIII вѣка славнымъ царствованіемъ Екатерины и поддержанъ событіями начала XIX вѣка, давшими сильной толчокъ русской народной и общественной жизни, который и отразился тѣмъ, что вызвалъ къ дѣятельности цѣлый рядъ высоко-талантливыхъ поэтовъ и писателей. Во главѣ ихъ явился геніальный Пушкинъ, и, вскорѣ вслѣдъ за нимъ, имъ же воспитанный и введенный въ литературу—Гоголь... Но ни тотъ, ни другой изъ этихъ великихъ писателей и не подозрѣвали, что тутъ же, рядомъ съ ними, поднимается и подрастаетъ юноша, которому, быть-можетъ, современемъ, суждено было сравниться съ ними въ славѣ... Юноша этотъ, отъ дѣтскихъ лѣтъ росшій одиноко и развивавшійся самостоятельно, страстно преданъ былъ поэзіи, и его любимымъ, восторженнымъ идеаломъ былъ Пушкинъ, какимъ онъ проявлялся въ первый періодъ своей дѣятельности, какъ авторъ „Бахчисарайскаго фонтана“, „Кавказскаго плѣнника“, „Братьевъ-Разбойниковъ“ и т. п. Этого Пушкина, преклонявшагося передъ Байрономъ и его идеалами (до Наполеона включительно), Лермонтовъ съ дѣтства зналъ, прочелъ и перечелъ десятки разъ, изучилъ наизусть и воспринялъ въ плоть и кровь. Едва научился онъ механизму стиха, какъ уже сталъ слагать стихотворныя подражанія Пушкину, въ которомъ, очевидно, все ему нравилось, все его привлекало и увлекало. Въ то время, когда Пушкинъ, съ конца 20-хъ годовъ, подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ русскою жизнью, отрѣшился отъ байроновскихъ идеаловъ своей молодости и, слѣдуя этому новому пути, приступилъ къ созданію своихъ лучшихъ произведеній,—Лермонтовъ, уже 15—16-лѣтній юноша, получилъ возможность ознакомиться съ первообразомъ Пушкинской поэзіи (юношескаго періода)—съ Байрономъ, и пришелъ въ такой восторгъ отъ англійскаго поэта, что совершенно подчинился его вліянію. Надо замѣтить, что въ то время (въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ) мрачные, безотрадные, все отрицающіе герои Байрона вообще пользовались большимъ успѣхомъ въ нашемъ молодомъ поколѣніи, и значительная доля его увлекалась имъ до самозабвенія, затрачивая свои лучшія жизненныя силы на подражаніе имъ, твердо вѣруя въ то, что сочувствіе имъ есть единственная форма оппозиціи тому мраку и застою, который начиналъ преобладать въ современномъ русскомъ обществѣ. И вотъ, въ лицѣ Лермонтова, среди нашего молодого

поколѣнія 30-хъ годовъ, является такой поэтъ, который и въ стихахъ своихъ, и въ жизни старается олицетворить тотъ мрачный и непривѣтный байронизмъ, въ которомъ современная молодежь искала себѣ идеаловъ или только удовлетворенія своему отрицательному направленію. Этотъ поэтъ у Пушкина научается пониманію Байрона, и отъ подражаній Пушкину переходитъ къ подражаніямъ его оригиналу, Байрону; восхищенный Кавказомъ, который произвелъ на него неизгладимое впечатлѣніе, онъ переноситъ мрачные образы англійскаго поэта въ роскошную и полную яркихъ красокъ обстановку дикой кавказской жизни и природы, и самъ до такой степени увлекается этимъ сопоставленіемъ, что надолго, почти до конца своей кратковременной жизни остается подъ его обаяніемъ... Это обаяніе до нѣкоторой степени опредѣляетъ кругъ поэтическихъ образовъ Лермонтова и вредитъ ему только въ одномъ смыслѣ: вноситъ значительное однообразіе въ выводимые поэтомъ характеры—однообразіе, которое сильно отзывается на эпическихъ произведеніяхъ Лермонтова. Эти произведенія, богатыя красками, чарующія красотою внѣшней формы и красотою стиха, удивительно бѣдны характерами и типами выведенныхъ поэтомъ героевъ. Во всѣхъ поэмахъ, оставленныхъ намъ Лермонтовымъ, мы встрѣчаемъ тѣхъ же желѣзныхъ людей, ни передъ чѣмъ не преклоняющихся, страстно привязанныхъ къ свободѣ, ради которой они готовы на все, необузданныхъ въ гнѣвѣ и мщеніи, одинаково равнодушныхъ и къ жизни, и къ смерти—одинаково пламенныхъ и изступленныхъ въ порывахъ страстной, всепоглощающей любви. Всѣ эти герои равно презираютъ людей и уважаютъ только свой произволъ и свои необузданные порывы... Типъ такихъ героевъ проходитъ у Лермонтова черезъ всѣ его поэмы, начиная отъ первыхъ и довольно наивныхъ опытовъ, въ родѣ „Литвинки", и затѣмъ черезъ болѣе зрѣлыя, въ родѣ „Аула Бастунджи", „Измаилъ-бея", „Хаджи-Абрека" и даже „Боярина Орши". Наиболѣе сильно и правдиво тотъ же типъ выраженъ въ лучшей и самой цѣльной изъ поэмъ Лермонтова—въ „Мцыри", и въ высокопоэтическомъ образѣ „Демона", который, какъ неотвязная тѣнь, всюду преслѣдовалъ поэта въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ и до самаго конца его жизни не былъ имъ доведенъ и вылитъ въ ту окончательную форму поэтическаго совершенства, которую онъ намѣренно отодвигалъ въ далекое будущее, какъ бы опасаясь того, что онъ не сумѣетъ совладать съ этимъ сюжетомъ.

Типы поэзіи Лермонтова.

Недалеко отъ того же основного типа ушелъ Лермонтовъ и въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ, которыя сгруппированы и связаны между собою тѣмъ, что ихъ содержаніе вращается около одного и того же героя—*Печорина*. Объ этомъ героѣ намъ

уже пришлось говорить выше и здѣсь придется только добавить, что онъ уже изобличаетъ наступающую зрѣлость таланта Лермонтова: въ немъ видимъ мы уже много живыхъ чертъ, видимъ сильно отразившійся личный элементъ, въ видѣ приданныхъ ему чертъ характера самого автора, видимъ, наконецъ, не туманное созданіе фантазіи автора, а живого человѣка и русскаго офицера 30-хъ годовъ XIX вѣка. „Печоринъ", какъ герой послѣдней повѣсти Лермонтова, уже могъ въ свое время подать надежду на то, что герои будущихъ повѣстей будутъ еще реальнѣе, естественнѣе и ближе къ дѣйствительности. На это отчасти указываетъ начало его превосходной „Сказки для дѣтей", въ которой слышатся новые, живые звуки, выступаютъ новые образы, набросанные рукою мастера. Но—увы!—онъ уже не могъ докончить своей „Сказки"...

Единственнымъ въ своемъ родѣ между всѣми произведеніями Лермонтова представляется намъ его „*Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ*"—это высокохудожественное воспроизведеніе народнаго эпоса въ его высшемъ развитіи и неподражаемомъ совершенствѣ простоты и спокойнаго теченія разсказа. Было бы въ высшей степени любопытно прослѣдить отъ начала и до конца всю исторію этого чуднаго Лермонтовскаго произведенія, заглянуть въ тѣ источники, которыми онъ пользовался, или въ тотъ кругъ памятниковъ народнаго творчества, которые навѣяли ему вдохновеніе—внушили ему и основную мысль, и высокохудожественныя подробности его „Пѣсни". Но объ этой предварительной работѣ творчества, сколько намъ извѣстно, молчатъ и матерьялы Лермонтовской поэзіи, и изучавшіе ихъ біографы и издатели, и „Пѣсня" остается единичнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ геніальности поэта, который былъ способенъ такъ глубоко проникнуться духомъ народной поэзіи и въ такой высокохудожественной формѣ передать мастерски-набросанную бытовую картину изъ нашего прошлаго.

Поэзія Лермонтова.

Принято было когда-то учеными теоретиками и почти установлено за правило, что крупный поэтическій талантъ не можетъ довольствоваться какою-нибудь одною формою поэтическаго творчества, и потому, послѣдовательно, испытываетъ себя и въ лирикѣ, и въ эпосѣ, и въ драмѣ; совершеннѣйшимъ и наиболѣе сильнымъ въ творчествѣ признавался тотъ, кто оставилъ по себѣ память во всѣхъ трехъ родахъ поэзіи. Теорія эта находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ творческой дѣятельности нашихъ двухъ первоклассныхъ поэтовъ: Пушкина и Лермонтова. И тотъ, и другой, обладая огромнымъ поэтическимъ даромъ, испытали его во всѣхъ трехъ родахъ поэзіи и по каждому изъ трехъ родовъ дали образцы, достойные ихъ таланта. Мы знаемъ драматическіе опыты

Лермонтова, преимущественно-юношескія, хотя и заслуживающія вниманія; знаемъ его поэмы, отъ первыхъ и слабыхъ набросковъ и до такихъ высоко-художественныхъ произведеній, какъ „Демонъ" и „Мцыри"; знаемъ лирику его, разнообразную, богатую смѣлыми образами, блистающую всѣми красками мощнаго таланта, увлекающаго насъ, вслѣдъ за поэтомъ, и вширь, и вдаль, по волѣ его неудержимой и прихотливой фантазіи. И мы должны сказать, что именно лирика и служитъ Лермонтову самымъ яркимъ выраженіемъ его таланта. Если бы до насъ дошли его драмы и поэмы—мы бы не знали Лермонтова вполнѣ, и многія стороны его поэтической души оставались бы для насъ темными и непонятными. Но сильная, яркая и выразительная лирика его вскрываетъ передъ нами всѣ тайники его души, вводитъ насъ въ міръ его завѣтныхъ думъ, убѣжденій и вѣрованій... Всегда и со всѣми скрытный, недоступный стороннему наблюденію, прикрывающійся маскою холоднаго пренебреженія къ окружающему обществу, въ лирикѣ своей Лермонтовъ является и вѣрующимъ, и любящимъ, и простодушно, искренно способнымъ относиться къ людямъ, и открыто, свободно предающимся всему, что можетъ волновать, печалить и радовать каждаго человѣка съ отзывчивой душой и тонко развитымъ чувствомъ. Для ближайшаго ознакомленія съ главными, преобладающими въ лирикѣ Лермонтова направленіями, бросимъ общій бѣглый взглядъ на постепенный ходъ развитія ея, на выдающіеся моменты, въ которые она проявлялась ярче и опредѣленнѣе, и на тѣ мотивы, которые чаще находили себѣ отзывъ въ тревожной душѣ поэта.

Если мы заглянемъ въ стихотворенія 1829 года, т. е. тѣ, которыя были писаны 15-ти-лѣтнимъ Лермонтовымъ, то только еще здѣсь, въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, пьесахъ мы еще найдемъ шероховатости языка и слога, и слѣды дѣтскихъ пріемовъ въ оборотахъ рѣчи, и слѣды подражанія какому-то отжившему, архаическому складу лирики, въ которомъ „тирсы", „цѣвницы" и „золотыя лиры" были неизбѣжными атрибутами поэзіи. Въ головѣ юноши еще носятся какія-то попытки что-то сдѣлать изъ слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ сказаній о разбойникахъ и ихъ подвигахъ въ Поволжьѣ. Но преобладаютъ подражанія Шиллеру: отдѣльными блестками мелькаютъ воспоминанія о Кавказѣ и Наполеонѣ... Все недурно и гладко; но двѣ-три вещи очень хороши (напр., *Монологъ*, *Молитва*) и даже трудно повѣрить, чтобы эти произведенія вылились изъ-подъ пера 18-ти-лѣтняго мальчика.

1830 годъ можно считать самымъ плодовитымъ и самымъ плодотворнымъ годомъ въ развитіи Лермонтовской поэзіи. Около полутораста отдѣльныхъ лирическихъ произведеній относится къ этому году! Если мы припомнимъ, что къ тому же году принадлежатъ

два драматическихъ произведенія и два эпическихъ („Литвинка“ и „Исповѣдь“), то мы придемъ къ тому заключенію, что 16-тилѣтній Лермонтовъ писалъ, почти не отрываясь, и что поэзія уже съ этихъ поръ сдѣлалась главною стихіею его жизни. Главною, преобладающею частью лирики этого года, какъ и ближайшихъ двухъ лѣтъ, является любовь и впечатлѣнія, возбужденныя ею; но внѣ этой области видимъ постоянно возрастающее вліяніе Байрона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ, и возрастаніе значенія Наполеона, котораго Лермонтовъ воспѣваетъ во многихъ пьесахъ. Въ одной изъ нихъ онъ даже рѣшается сравнить свою судьбу съ судьбою Байрона, и говоритъ:

«Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки;
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно;
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.»

Многое, написанное въ этомъ году, такъ хорошо, что Лермонтовъ, строгій къ себѣ, цѣликомъ внесъ ихъ въ свои зрѣлыя произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни (напр., „Прелестницѣ“ явилось въ 1841 г. подъ названіемъ „Договоръ“). Многія пьесы замѣчательны по мысли и духу своему, какъ напр., „О, полнс извинять развратъ...“, „Измученный тоскою и недугомъ...“, „Она была прекрасна, какъ мечта ребенка...“, „Мой домъ...“, „Совѣтъ“ и т. д. Два стихотворенія, которыя мы приведемъ здѣсь, составляютъ украшеніе всей Лермонтовской поэзіи! Первое изъ нихъ „Волны и люди“; второе—„Звуки“.

«Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Волна̀мъ ихъ неволя и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!»

———

«Что за звуки! Неподвиженъ внемлю
Сладкимъ звукамъ я.

Забываю вѣчность, небо, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ опять они рождаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ,
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужъ нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милой мнѣ;
Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно упиваюсь
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.»

Въ заключеніе сказаннаго о 1830 годѣ, замѣтимъ, что къ этому же году относится и первый набросокъ „Бородина", подъ заглавіемъ „*Поле Бородина*".

Очень богатъ лирикой и слѣдующій, 1831 годъ (около 70 пьесъ). Увлеченія Байрономъ и Наполеономъ еще даютъ себя чувствовать, хотя юный поэтъ все болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать свои силы, все сознательнѣе относится къ своему творчеству [1]), которое уже достигаетъ высокаго совершенства, какъ это можно видѣть изъ такихъ стихотвореній, какъ „*Слова*", „*Чаша жизни*", какъ два посвященія къ „Демону", какъ „*Ангелъ*". Но насъ особенно поражаетъ, по глубинѣ мысли, одно изъ менѣе извѣстныхъ стихотвореній Лермонтова, которое мы и приводимъ здѣсь:

«Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ.
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что̀ не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.
Но чувство есть у насъ святое —
Надежда, богъ грядущихъ дней;

[1]) Это особенно ясно видно изъ его извѣстнаго стихотворенія:
«Нѣтъ, я не Байронъ, я иной,
Еще невѣдомый избранникъ» и т. д.

Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ,
На небѣ иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.»

Съ 1832 г. лирика на время смолкаетъ, уступая мѣсто эпосу и буйной Музѣ школьныхъ вдохновеній, и потому очень немногія лирическія пьесы относятся къ этому періоду жизни Лермонтова [1]): а по выходѣ изъ школы, Лермонтовъ вступилъ въ жизнь уже вполнѣ сложившимся поэтомъ, и дальнѣйшая дѣятельность его всѣмъ извѣстна.

Въ заключеніе всего, что намъ пришлось сказать о Лермонтовѣ, мы не можемъ обойти молчаніемъ очень часто и многими повторяемаго вопроса: кто изъ двухъ нашихъ поэтовъ выше — Пушкинъ или Лермонтовъ? На это мы должны сказать, что считаемъ этотъ вопросъ совершенно празднымъ, такъ какъ для рѣшенія его недостаетъ очень многихъ данныхъ, да и самое сравненіе юнаго, начинающаго поэта, съ поэтомъ зрѣлымъ и совершившимъ весь свой жизненный путь—не можетъ быть названо правильнымъ. Несомнѣнно, что Лермонтовъ обладалъ мощнымъ и громаднымъ поэтическимъ даромъ, и, что если мы станемъ сравнивать ранній періодъ его дѣятельности литературной съ соотвѣтствующимъ періодомъ у Пушкина, то нѣкоторый перевѣсъ, можетъ-быть, получится на сторонѣ Лермонтова... Но не слѣдуетъ забывать, что Лермонтовъ воспитался и выросъ на поэзіи Пушкина и получилъ изъ его рукъ готовую, превосходно выработанную технику стиха; слѣдовательно—ему не пришлось трудиться надъ внѣшностью его поэзіи — пришлось только заботиться о ея внутреннихъ достоинствахъ... И, можетъ-быть, вопросъ объ отношеніи Лермонтовской поэзіи къ Пушкинской всего легче было бы рѣшить такъ: безъ Пушкина у насъ не было бы и Лермонтова. Нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ, превосходно передавшій поэзію Лермонтова на нѣмецкомъ языкѣ, познакомился съ Лермонтовымъ въ Москвѣ, подъ конецъ 1840 и въ началѣ 1841 гг. Умный и наблюдательный, онъ присмотрѣлся къ характеру и къ общему типу русскаго поэта и, въ предисловіи къ своему переводу стихотвореній Лермонтова, далъ прекрасную характеристику его. Онъ говоритъ:

---

[1]) Отмѣтимъ въ 1832 г. пьесы «Новгородъ», «Что толку жить...», «Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ». (Эта послѣдняя пьеса, нѣсколько измѣненная, явилась въ 1839 г. подъ заглавіемъ: «Памяти А. И. Одоевскаго).

„Вѣрнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ высказывается вполнѣ такимъ, *какимъ былъ*, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, *чѣмъ хотѣлъ казаться*. Не надо этого истолковывать въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ... Характеръ его былъ самаго крѣпкаго закала; и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ. Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей и покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя... Вотъ почему и укрывалъ онъ свои страданія подъ личиною веселости, а самыя ѣдкія остроты его отзываются горечью слезъ“...

Чрезвычайно любопытнымъ подтвержденіемъ этой прекрасной характеристики можетъ служить одно изъ раннихъ, юношескихъ произведеній Лермонтова, гдѣ, между прочимъ, онъ, если и не предсказываетъ, то очень вѣрно предугадываетъ трагическую развязку своей жизни:

«Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я.»

Портретъ Боденштедта, переводчика Лермонтова.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Кольцовъ и его поэзія. — Его связь съ литературными кружками. — Его значеніе, какъ перваго писателя изъ народа. — Полежаевъ и его скорбная муза. — Поэзія, беллетристика и театръ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX вѣка.

Весьма важнымъ признакомъ того поступательнаго движенія, которое, незримо ни для кого, совершалось въ русскомъ просвѣщеніи и въ общественномъ развитіи, служитъ, конечно, быстро и постоянно возраставшая во всѣхъ концахъ Россіи любовь къ чтенію и къ литературнымъ занятіямъ. Эта любовь проявилась у насъ въ провинціи, впервые, въ послѣдней четверти XVIII вѣка, когда, благодаря просвѣщенной дѣятельности Новикова и его друзей, книга стала въ провинціи доступною роскошью. Затѣмъ, въ высшей степени плодотворною, въ смыслѣ размноженія читателей и цѣнителей литературы „по всему лицу обширной земли Русской“, явилась журнальная дѣятельность Карамзина и патріотическая литература эпохи ожесточенной борьбы Россіи съ Наполеономъ. Возникновеніе новыхъ университетовъ въ различныхъ концахъ Россіи при Александрѣ I много способствовало прогрессу, въ смыслѣ усиленія типографской и книгопродавческой дѣятельности въ областяхъ и мѣстностяхъ, значительно отдаленныхъ отъ столичныхъ центровъ. Вслѣдствіе взаимодѣйствія различныхъ, весьма сложныхъ условій нашей исторической жизни, литература наша, съ Карамзинскихъ временъ, начинаетъ также весьма быстро возрастать въ значеніи и замѣтно измѣнять свой общій характеръ. Она пріобрѣтаетъ вѣсъ въ обществѣ, вынуждаетъ хотя изрѣдка прислушиваться къ ея голосу и внушаетъ къ себѣ уваженіе; въ то же время она перестаетъ быть исключительно дворянскимъ занятіемъ и во многихъ случаяхъ проявляетъ себя въ качествѣ живой, движущей общественной силы, удовлетворяющей насущнымъ потребностямъ общества. Послѣ Карамзина, болѣе всего повліялъ въ этомъ смыслѣ Пушкинъ, который успѣлъ такъ высоко поставить значеніе писателя въ глазахъ всего общества и указалъ литературѣ и поэзіи цѣли и идеалы повыше отжившаго свой вѣкъ „служенія Музамъ“.

Въ первой четверти XIX вѣка, сѣмена, посѣянныя Новиковымъ и Карамзинымъ, начинаютъ уже давать богатую жатву: вліяніе литературы проникаетъ глубоко и въ низшіе слои общества, и оттуда начинаютъ выступать на литературное поприще талантливые литераторы и поэты, блестящіе журналисты и серьезные критики. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія и стѣсненія,

А. В. Кольцовъ. По современному портрету.

въ 30-хъ годахъ, литература все же достигаетъ первенствующаго значенія въ русскомъ обществѣ и становится однимъ изъ наиболѣе сильныхъ цивилизующихъ началъ, воспитывающихъ ближайшія поколѣнія. Весьма осязательнымъ доказательствомъ этого значенія можетъ служить появленіе въ нашей литературѣ такого замѣчательнаго поэта изъ народа, какъ Кольцовъ.

Въ то время, когда Пушкинъ находился въ апогеѣ своей славы, а Гоголь успѣлъ уже достигнуть громкой литературной

извѣстности, въ петербургскихъ и московскихъ литературныхъ салонахъ явился молодой и скромный писатель, только что успѣвшій выпустить въ свѣтъ небольшой сборничекъ своихъ стихотвореній. Этотъ юноша, котораго вездѣ принимали съ болѣе или менѣе искреннею ласкою и съ любезнымъ снисхожденіемъ и выставляли, какъ диковинку, былъ никто иной, какъ воронежскій мѣщанинъ, сынъ простого прасола [1]), *Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.*

А. В. Кольцовъ.

Біографія его крайне проста и немногосложна. Родился онъ въ Воронежѣ (въ 1809 г.), въ богатой мѣщанской средѣ, которая занималась довольно крупными торговыми оборотами. Нужды матерьяльной онъ не зналъ, но росъ и воспитывался „по простотѣ“, какъ растутъ и поднимаются всѣ юноши въ этой низменной средѣ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о какихъ-нибудь высшихъ, духовныхъ потребностяхъ, внѣ окружавшей его грубой и грязной обыденщины. Какъ смотрѣли его родители на воспитаніе своего сына, лучше всего видно изъ того, что, обучивъ сына грамотѣ (при помощи одного воспитанника воронежской духовной семинаріи), они, для вида, отдали-было сына въ уѣздное училище, однакоже продержали тамъ не долѣе четырехъ мѣсяцевъ: на ихъ взглядъ сынъ оказался вполнѣ подготовленнымъ къ той дѣятельности, на которую они его предназначали... Но судьба распорядилась иначе...

Въ нѣжной и неиспорченной душѣ полуграмотнаго юноши пробудились потребности болѣе возвышенныя, которыя никто изъ окружающихъ не могъ въ немъ предполагать. Онъ пристрастился къ чтенію книгъ, доступныхъ его пониманію, а потомъ, при помощи мѣстнаго книгопродавца Д. А. Кашкина, сталъ и расширять кругъ своего чтенія, знакомясь постепенно съ русскими писателями, изъ которыхъ особенно сильно подѣйствовалъ на него Дмитріевъ со своими стихотворными сказками и баснями. Кольцову въ ту пору было уже 16 лѣтъ, но его литературныя понятія были въ такой степени ограниченны, что онъ всякіе стихи принималъ „за пѣсню“, а потому и *не читалъ ихъ, а пѣлъ.* Начитавшись стиховъ, Кольцовъ почувствовалъ желаніе подражать имъ и тоже сталъ складывать какіе-то не то пѣсни, не то стихи. Его пріятель и покровитель, Д. А. Кашкинъ, прознавши объ опытахъ юноши-стихотворца, и тутъ помогъ ему, подаривъ „Русскую Просодію“, изданную нѣкогда для воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, и по ней-то получилъ Кольцовъ нѣкоторое понятіе о стихотворномъ размѣрѣ. Послѣ „Просодіи“, Кашкинъ постепенно сталъ вводить Кольцова въ болѣе серьезный кругъ чтенія и знакомить его съ новѣйшими русскими поэтами: Пуш-

[1]) Прасолъ—гуртовщикъ, торгующій степными гуртами скота.

кинымъ, Жуковскимъ и др., по ихъ сочиненіямъ. По мѣрѣ того, какъ Кольцовъ входилъ въ этотъ кругъ чтенія, какъ въ какой-то очарованный міръ, страсть къ писанію стиховъ одолѣвала его все болѣе и болѣе, особенно когда онъ на этомъ поприщѣ былъ еще вызванъ къ соревнованію: онъ подружился съ воспитанникомъ мѣстной духовной семинаріи, Серебрянскимъ, тоже большимъ охотникомъ до стихотворства, и друзья стали между собою соперничать въ этомъ искусствѣ. Повидимому, Кольцовъ именно Серебрянскому былъ обязанъ тѣмъ, что уразумѣлъ наконецъ стихотворную премудрость и сталъ свободно владѣть стихотворнымъ размѣромъ.

Изъ всѣхъ этихъ встрѣчъ и подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ вышло нѣчто такое, чего никогда никто изъ окружающихъ Кольцова не могъ ожидать. Въ душѣ юноши сталъ постепенно зрѣть и развиваться поэтическій даръ, и, мало-по-малу, внятно и громко отзываться на всѣ впечатлѣнія жизни, все возвышая и украшая... Бродя по степи, вслѣдъ за гуртами скота, которыми промышлялъ его отецъ, юный Кольцовъ воспѣвалъ чудную красоту степной природы и необъятное раздолье степного простора, раскинувшагося въ ширь и въ даль, отъ моря и до моря; онъ находилъ прелесть и въ случайныхъ, краткихъ привалахъ около огня, разложеннаго чумаками, и въ удалой, широко разносившейся по степи пѣсни косаря, передъ которымъ широкими рядами ложился роскошный степной ковыль... Къ этимъ юношески-чистымъ и простымъ, непосредственнымъ впечатлѣніямъ природы и быта вскорѣ примѣшалась еще и горячая привязанность къ дѣвушкѣ, которую онъ любилъ и съ которою его разлучили злые люди,—и поэтическая душа юноши вся вылилась въ прекрасныхъ и чистыхъ звукахъ пѣсенъ его, заунывныхъ и щемящихъ сердце...

Станкевичъ и Кольцовъ.

Какъ разъ въ этотъ періодъ жизни судьба свела Кольцова съ прекраснымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ цѣнителемъ всего оригинальнаго въ нашей литературѣ. То былъ землякъ его, сынъ воронежскаго помѣщика, *Н. В. Станкевичъ* — молодой человѣкъ, около котораго группировался (какъ мы увидимъ далѣе) тѣсный кружокъ молодыхъ ученыхъ и будущихъ литераторовъ. Станкевичъ проводилъ лѣто въ воронежскомъ помѣстьѣ, а оттуда заглядывалъ иногда и въ Воронежъ — и, конечно, долженъ былъ ранѣе всѣхъ узнать о поэтѣ-прасолѣ, который, подобно Роберту Бёрнсу, писалъ вдохновенныя пѣсни свои, кочуя по степи съ гуртами отца своего. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ кое-что изъ написаннаго имъ и ободрилъ его къ дальнѣйшимъ шагамъ на томъ же поприщѣ. Года два-три спустя, Станкевичъ побудилъ Кольцова напечатать его избранныя стихотворенія въ видѣ маленькаго сборника, и принялъ на себя

издержки и хлопоты по этому изданію (1833 г.). Книжка, въ которую входило всего восемнадцать стихотвореній изъ всего, что было до этого времени написано Кольцовымъ, обратила на себя вниманіе знатоковъ поэзіи; по ней можно было видѣть, что юный поэтъ обладаетъ самороднымъ поэтическимъ даромъ, никому не подражаетъ и ни отъ кого не заимствуетъ ни образы, ни темы, ни своеобразные обороты своего поэтическаго языка.

Н. В. Станкевичъ.

Въ то время, чуткое ко всякому новому литературному явленію, книжка Кольцова доставила ему нѣкоторую извѣстность, возбудила въ литературныхъ кружкахъ желаніе поближе съ нимъ познакомиться, узнать этого новаго, оригинальнаго поэта. Понятно, что и самъ Кольцовъ, узнавъ, что ему открытъ доступъ въ литературные кружки, о которыхъ онъ не дерзалъ даже мечтать у себя въ Воронежѣ, тоже стремился поскорѣе добиться этого счастья. Въ 1835 году ему наконецъ удалось вырваться изъ Воронежа и пожить нѣкоторое время въ обѣихъ столицахъ. Здѣсь ему пришлось перезнакомиться со множествомъ новыхъ лицъ, побывать въ различныхъ литературныхъ кружкахъ и увидѣть вблизи такія знаменитости литературнаго міра, какъ Пушкина, Жуковскаго и Гоголя; войти въ сношенія съ журналистами различныхъ литературныхъ лагерей и съ литераторами средней руки. Очарованный всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, отуманенный свѣтскими любезностями и преувеличенными похвалами, Кольцовъ вернулся домой, что называется, „самъ не свой“. Въ первое время онъ даже не могъ себѣ отдать полнаго и правильнаго отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ: онъ былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ всѣмъ, что̀ пришлось ему видѣть и пережить въ столицахъ, что онъ даже и къ окружавшей его средѣ относился съ благодушнымъ снисхожденіемъ, хотя и чув-

Автографъ А. Бестужева (Марлинскаго). Письмо къ К. А. Полевому. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

ствуя и глубоко сознавая свое нравственное и умственное превосходство надъ нею. Это настроеніе прекрасно выразилось въ одномъ изъ его писемъ къ пріятелю (за это время):

„На душѣ тепло, покойно! Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно — и я жизнію живу и тону всею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта...“ „Степь опять очаровала меня; я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша̀ показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ „*Пора любви*“ — она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало по ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то ненадолго. Къ ней пріѣхалъ погостить — и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она, сама по себѣ, слишкомъ однообразна и молчалива...“

Борьба со средою.

Но такое спокойное, примиряющее направленіе, конечно, не могло быть продолжительнымъ; дѣйствительность, среди которой приходилось вращаться нашему поэту, предъявляла ему такія требованія, которыя ничего не имѣли общаго съ поэзіей. Приходилось хлопотать „отъ зари до полуночи“, то закупая свиней, то продавая быковъ, то разъѣзжая по селамъ для закупокъ и найма рабочихъ—и все время дрожать надъ отцовскимъ грошомъ и нести отвѣтственность за каждый шагъ. А въ головѣ носились привлекательные образы московскихъ друзей, далекихъ отъ практической жизни и постоянно витавшихъ въ мірѣ фантазіи, въ мірѣ отвлеченныхъ теорій и высшихъ нравственныхъ вопросовъ! И голова не выдержала... Начался разладъ во всемъ, и выразился въ жизни тягостными отношеніями къ окружающей роднѣ и пріятелямъ. Кольцовъ, простой и прямой, неспособный хитрить и лицемѣрить, ясно сталъ всѣмъ высказывать, что онъ не цѣнитъ никакими связями, кромѣ своихъ связей съ далекимъ міромъ московскихъ друзей... Весьма естественно, что онъ встрѣтилъ въ своей средѣ суровый отпоръ; поднялась борьба въ самой семьѣ его, и борьба оказалась ему не по силамъ. „Тѣсенъ мой кругъ,— пишетъ онъ своимъ друзьямъ въ 1840 г.: — грязенъ мой міръ, горько мнѣ жить въ немъ“ — и ни словомъ не проговорился о томъ, что онъ невольно преувеличиваетъ темныя стороны окружающихъ его условій жизни. Сблизившись съ другимъ міромъ, выбившись изъ своей колеи, онъ уже не могъ себя заставить вновь примириться съ условіями жизни своей среды—не видѣлъ и выхода изъ этихъ условій, потому что сознавалъ свое безсиліе и непригодность для вступленія въ ту, иную жизнь, которая такъ манила и привлекала его издали. Горькимъ разочарованіемъ звучатъ его письма къ друзьямъ въ послѣдній годъ его жизни. „Талантъ мой—надо говорить правду,—особенно теперь, въ рѣшительное время,—талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ—дрянь! За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ 33 года. Вотъ мое положеніе...“ Черезъ

нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого письма (въ октябрѣ 1842 г.) — поэта не стало. Онъ скончался на тридцать четвертомъ году, изнуренный долгимъ и тяжкимъ недугомъ...

Кольцовъ написалъ немногое; лучшимъ періодомъ его литературной дѣятельности, въ теченіе котораго онъ написалъ наиболѣе удачныя изъ своихъ произведеній, слѣдуетъ считать время отъ 1834 по 1842 г. Онъ самъ указываетъ на 1838 годъ, какъ на одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ въ своей дѣятельности. Произведенія Кольцова стоятъ въ нашей литературѣ одиноко, и потому самому занимаютъ положеніе совершенно самостоятельное и оригинальное. Онъ никому не подражаетъ, ни за кѣмъ не гонится: онъ облекаетъ свою мысль и чувство въ форму, близкую къ народной пѣснѣ, внося въ нее и ту же образность, и ту же лаконическую сжатость выраженія, и ту же мощную выразительность языка. Обаяніе народной основы, вложенной Кольцовымъ въ его пѣсни, такъ велико и сильно, что ихъ почти нельзя читать—ихъ хочется пѣть... А между тѣмъ онѣ нисколько не подражаютъ народной пѣснѣ и ея пѣсенному складу—онѣ сложены стихотворнымъ размѣромъ (и даже довольно прихотливымъ) и составляютъ только естественное звено, связующее произведенія народной поэзіи съ искусственной лирикой.

Оригинальность Кольцова.

Этотъ характеръ поэзіи Кольцова, занимающей середину между безыскусственной поэзіей народной и искусственной поэзіей книжной, придалъ ей огромное распространеніе. Она проста и доступна, она всѣмъ одинаково понятна, и внятно говоритъ сердцу каждаго русскаго человѣка. Многія „пѣсни" Кольцова, такія, какъ „*Лѣсъ*", „*Пѣсни Лихача Кудрявича*", „*Измѣна суженой*", „*Пѣсня пахаря*", „*Косарь*", „*Раздумье селянина*" — извѣстны всѣмъ со школьной скамьи и свободно переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, не старѣясь и не утрачивая своей прелести и свѣжести. И всѣ послѣдующія попытки воспроизведенія народной поэзіи нашими поэтами, даже высокоталантливыми, по сравненію съ „пѣснями" Кольцова, представляются чѣмъ-то блѣднымъ и слабымъ, чѣмъ-то вполнѣ искусственнымъ и часто даже фальшивымъ... И не удивительно: они стараются подражать тому, что даетъ народъ, выростающій и развивающійся въ непосредственной близости къ природѣ и къ такимъ условіямъ быта, которыя на нѣсколько столѣтій отстали отъ быта нашего общества. А Кольцовъ вышелъ изъ среды общества, близко стоящей къ народу, и выросъ съ самаго ранняго дѣтства въ той же близости къ природѣ и въ тѣхъ же простыхъ, далекихъ отъ всякой культуры условіяхъ быта, въ которыхъ донынѣ растетъ и развивается вся масса народа. Отсюда и почерпнулъ онъ ту неподражаемую простоту, ту удивительную свѣжесть чувства и то глубокое, вос-

торженное отношеніе къ природѣ, которымъ дышитъ вся его поэзія.

А. И. Полежаевъ.

Рядомъ съ Кольцовымъ, по достоинству и значенію поэтическаго дара, долженъ быть поставленъ только одинъ поэтъ, несчастный *Александръ Ивановичъ Полежаевъ*. Онъ родился въ 1805 г., въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губ., въ селѣ Покрышкинѣ. Отецъ его, Струйскій, владѣлецъ этого села, прижилъ его со своею крѣпостною дѣвушкой, которую потомъ выдалъ за саранскаго мѣщанина, Полежаева. Отецъ Полежаева былъ впослѣдствіи сосланъ въ Сибирь и поручилъ его заботамъ своихъ близкихъ, которые отвезли 10-лѣтняго Александра Ивановича въ Москву и помѣстили тамъ въ одномъ изъ модныхъ приготовительныхъ пансіоновъ. Пять лѣтъ спустя, онъ поступилъ въ университетъ, гдѣ и записался въ студенты по словесному факультету.

А. И. Полежаевъ.

Еще будучи студентомъ, Полежаевъ сталъ уже помѣщать свои стихотворенія въ журналахъ (въ „*Вѣстникѣ Европы*“, Каченовскаго, 1825 и 1826 гг.). Въ 1826 году Полежаевъ даже читалъ свое стихотвореніе „Геній“, написанное имъ по порученію начальства. До выхода изъ университета оставалось всего нѣсколько недѣль, какъ вдругъ надъ головою юноши разразилась страшная, нежданная гроза. Его шуточная и несовсѣмъ приличная поэма „Сашка“, въ которой онъ слишкомъ развязно и откровенно описывалъ свои кутежи съ товарищами-студентами, разошлась во множествѣ списковъ по Москвѣ и, Богъ вѣсть какими путями, дошла до императора Николая, въ то время пребывавшаго въ

Москвѣ. Государь, еще находившійся подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ декабрьскихъ событій и подозрительно относившійся къ молодому поколѣнію, былъ сильно разгнѣванъ неприличною поэмой Полежаева. Онъ захотѣлъ на немъ показать примѣръ строгости и приказалъ отдать его въ военную службу; онъ былъ зачисленъ въ Бутырскій полкъ унтеръ-офицеромъ...

Несчастный юноша совсѣмъ растерялся и никакъ не могъ свыкнуться ни съ военнымъ складомъ жизни, ни съ суровою дисциплиной. За первое нарушеніе ея онъ былъ разжалованъ въ Печальная судьба.

А. И. Полежаевъ въ гробу (по современному рисунку).

рядовые безъ выслуги... Доведенный до полнаго отчаянія, Полежаевъ запилъ и вслѣдствіе этого совершилъ новое нарушеніе дисциплины, которое грозило ему полною гибелью... И всѣ считали за особенное счастье, что несчастный поэтъ поплатился за свою вину годовымъ арестомъ, въ кандалахъ. Но онъ уже былъ надломленъ судьбой-мачихой—и густой мракъ отчаянія, ожесточенія и озлобленія овладѣлъ его душой, въ которой было много силы, много прекрасныхъ задатковъ и дарованій. Онъ недаромъ взываетъ къ своей долѣ:

«Разлюби меня, покинь меня,
Доля-долюшка желѣзная!
Опротивѣла мнѣ жизнь моя,
Молодая, безполезная!

Не припомню я счастливыхъ дней—
Не знавалъ я ихъ съ младенчества!
Для измученной души моей
Нѣтъ въ подсолнечной отечества!»

Между тѣмъ, какъ „долюшка желѣзная“ такъ донимала своего избранника, имя его пріобрѣтало нѣкоторую извѣстность въ литературѣ, такъ какъ его стихи, подписанные неполнымъ именемъ автора, печатались въ журналахъ... Печальная участь, постигшая его въ такомъ юношескомъ періодѣ развитія, еще больше располагала всѣхъ къ несчастному поэту и прибавляла нѣкоторый ореолъ мученичества къ его имени... Всѣ восхищались его „*Грѣшницей*“, его „*Пѣснью плѣннаго Ирокезца*“, его „*Валтасаромъ*“ и „*Погребеніемъ*“, его чудными романсами, которые сами просились на музыку...

Въ 1829 году Московскій полкъ, въ которомъ Полежаевъ служилъ, былъ отправленъ на Кавказъ и участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ. Тревоги боевой жизни оживили Полежаева и пробудили въ груди его поэтическій пылъ. Онъ въ стихахъ описалъ картину походовъ и жестокія, кровавыя битвы въ горахъ Чечни и Дагестана. Въ приложеніи къ одному изъ этихъ заключительныхъ стихотвореній онъ дѣлаетъ любопытную приписку, въ видѣ записки къ пріятелю (1832 г.):

„Среди ежедневныхъ стычекъ и сраженій при разныхъ мѣстахъ въ Чечнѣ, въ шумѣ лагеря, подъ кровомъ одинокой палатки, въ 12 и 15 градусовъ мороза, на снѣгу, воспламенялъ я воображеніе свое подвигами прошедшей битвы и въ 11 дней написалъ посылаемый тебѣ „*Чиръ-Юртъ*“.

„*Чиръ-Юртъ*“—названіе посылаемаго стихотворенія, въ которомъ около 1200 стиховъ!.. Можно по этому образцу судить о силѣ дарованія поэта, который въ вышеописанныхъ условіяхъ способенъ былъ писать по 100 и болѣе стиховъ въ день.

Но военныя тревоги окончились; Полежаевъ, за отличіе произведенный въ унтеръ-офицеры, долженъ былъ съ полкомъ вернуться съ Кавказа въ Москву (1833 г.), гдѣ опять для него потянулась та же тяжелая служебная лямка—тѣ же ученья, караулы, ружейные пріемы и мелочная дисциплина. Полежаевъ опять впалъ въ уныніе и опять предался своей несчастной слабости. Къ этому времени относится его извѣстное (и превосходное!) стихотвореніе, такъ живо и осязательно передающее всѣ оттѣнки его тяжкихъ душевныхъ мукъ:

«Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій—
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильонамъ твореній.

Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой —
Повсюду встрѣчаемъ несчастное *я*,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ, въ то время, сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы;
Тоска роковая, убійца-тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ, какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы...»

Годъ спустя, судьба какъ будто улыбнулась ему: онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую полюбилъ—и она готова была ему отвѣчать тѣмъ же... Нашлись и добрые люди, которые взялись хлопотать о помилованіи несчастнаго поэта... Онъ со страстнымъ нетерпѣніемъ, съ замираніемъ сердца ждалъ рѣшенія своей участи—и долженъ былъ въ своихъ надеждахъ разочароваться. Ходатайства не привели ни къ чему: передъ нимъ открывалась та же безконечная, безпросвѣтная тьма солдатчины, и приходилось убѣдиться, что „преданъ рòку неизбѣжному онъ на жизненномъ пути"... Это окончательно его сломило и подорвало его послѣднія силы: злая чахотка забрала его въ свои желѣзные когти и не выпускала изъ нихъ... Въ 1835 г., вполнѣ ясно сознавая свое положеніе, онъ написалъ свое „Прощаніе съ жизнью". Вскорѣ послѣ того онъ слегъ окончательно и умеръ въ военномъ госпиталѣ (16 янв. 1838 г.), 32-хъ лѣтъ отъ роду. На смертномъ одрѣ получилъ онъ извѣстіе о производствѣ его въ офицеры, и обновилъ свой офицерскій мундиръ и эполеты—уже въ гробу.

Бѣлинскій, въ своей статьѣ о Полежаевѣ, совершенно вѣрно и справедливо ратуетъ противъ тѣхъ издателей, которые въ собраніе его стихотвореній вносятъ все имъ написанное; онъ совѣтуетъ издавать стихотворенія Полежаева съ строгимъ выборомъ и даже намѣчаетъ тѣ произведенія, которыя должны войти въ составъ этого небольшого собранія. Строго разбирая все написанное Полежаевымъ, Бѣлинскій, однакоже, приходитъ къ заключенію, „что изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время послѣ Пушкина (исключая геніальнаго Грибоѣдова, который образуетъ въ нашей литературѣ особую школу), несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти:—Полежаевъ и Веневитиновъ"... Бѣлинскій о Полежаевѣ.

Въ общемъ выводѣ о характерѣ поэзіи Полежаева, талантливый

критикъ нашъ говоритъ, что „отличительную черту поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства и необыкновенная сила сжатаго выраженія“.

Кольцовъ и Полежаевъ, которыхъ мы въ Пушкинскомъ періодѣ выдвинули на видъ, какъ поэтовъ особенно талантливыхъ и оригинальныхъ, жили и дѣйствовали уже среди весьма значительнаго литературнаго движенія, которому много способствовало развитіе и оживленіе журналистики, проявившееся въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Мощный геній Пушкина вызвалъ многихъ къ поэтической дѣятельности, и около его геніальнаго ученика, Лермонтова, уже видимъ цѣлый рой поэтовъ, которые—увы!—болѣе отличаются плодовитостью, чѣмъ талантливостью и оригинальностью поэтическаго замысла... Гораздо большую плодовитость проявляетъ наша беллетристика, вызванная къ жизни подражаніемъ западнымъ образцамъ, сначала французскимъ, затѣмъ нѣмецкимъ и англійскимъ, которые, мало-по-малу, получили у насъ преобладающее значеніе. Значительно оживляется и наша сцена, на которой являются произведенія, имѣющія уже гораздо болѣе связи съ русскою жизнью, нежели все, что предшествовало имъ въ первое двадцатилѣтіе XIX вѣка, хотя смѣлыя, геніальныя попытки реальной комедіи, данныя Грибоѣдовымъ и Гоголемъ, еще не находятъ себѣ подражателей. Бросимъ сначала бѣглый взглядъ на поэзію 1830-хъ годовъ, въ которой среди именъ, уже извѣстныхъ намъ изъ предыдущихъ главъ нашей книги, явилось и нѣсколько новыхъ, которыя временно вспыхивали очень ярко и пріобрѣтали громкую извѣстность, но вскорѣ, благодаря уже народившейся у насъ серьезной и осмысленной критикѣ, такъ же быстро меркли и забывались уже въ ближайшемъ поколѣніи...

Автографъ Полежаева.

Во главѣ группы поэтовъ этого періода стоятъ уже вполнѣ зрѣлые и вполнѣ определившіеся представители трехъ совершенно различныхъ родовъ поэзіи:—поэтъ-воинъ Д. Давыдовъ, поэтъ-мистикъ Ѳ. Глинка и поэтъ-идилликъ В. И. Панаевъ, еще въ 1820 году удостоенный Россійскою Академіею золотой медали за свои „Идилліи".

Д. В. Давыдовъ (по современному портрету).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (род. 1784, ум. въ 1839 г.) былъ истиннымъ сыномъ своего воинственнаго вѣка. Воинъ по плоти и по духу, онъ уже въ самомъ началѣ царствованія Александра I былъ кавалергардскимъ офицеромъ, и съ этого времени до самой своей кончины былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ всѣхъ войнъ и походовъ, въ какихъ пришлось сражаться русскимъ вой- **Поэтъ-воинъ.**

скамъ. Особенно прославился онъ своими превосходными партизанскими дѣйствіями въ Отечественную войну. Неустрашимый воинъ на поляхъ битвъ, онъ—человѣкъ прекрасно образованный—любилъ посвящать свои досуги перу и создалъ совсѣмъ особый родъ гусарской поэзіи, въ которой любилъ крупными и рѣзкими чертами обрисовывать типъ стараго гусара, кутилы и гуляки, всегда готоваго отъ пѣнящихся ковшей перейти къ битвѣ и съ поля битвы вернуться вновь къ ковшамъ. Его шутливая и удалая Муза приходилась очень по вкусу его воякамъ-современникамъ: пришлось по вкусу и тому вѣку, который былъ полонъ бряцанія оружіемъ и бредилъ только о военной славѣ... Теперь Д. Давыдовъ давно забытъ, и чтобы дать понятіе о его поэзіи мы должны привести здѣсь отрывки изъ его наиболѣе извѣстныхъ стихотвореній:

«Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской:
Сабля, водка, конь гусарскій,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
    Станемъ, братцы, вѣчно жить
    Вкругъ огней, подъ шалашами;
    Днемъ—рубиться молодцами,
    Вечеркомъ горѣлку пить.
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ, господиномъ!
Ждать конца подъ балдахиномъ
И всечасно умирать!
    То ли дѣло средь мечей!
    Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
    Смерти въ когти попадаешь
    И не думая о ней!»

А вотъ и полная картина гусарскаго быта, того самаго, о которомъ безъ ужаса не могъ вспомнить Грибоѣдовъ, между тѣмъ какъ Д. Давыдовъ вспоминаетъ о немъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ:

«Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?
Гдѣ гусары коренные?
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?
    Дѣды! Помню васъ и я,
    Испивающихъ ковшами
    И сидящихъ вкругъ огня
    Съ красносизыми носами...
На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ—копна сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ.
Всѣ безмолвны, дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И усы перебѣгаетъ.
Ни полслова,—дымъ столбомъ...
Ни полслова—всѣ мертвецки
Пьютъ; и преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.
Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ,
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.
Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ—и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.»

(*«Пѣснь стараго гусара».*)

„Съ отрадой многимъ незнакомой“ вспоминая о такихъ временахъ гусарства, Д. Давыдовъ съ пренебреженіемъ и досадой обрисовываетъ намъ типъ „полусолдата“, подразумѣвая подъ нимъ каждаго военнаго, который обзаводится семейнымъ очагомъ:

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! Полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!
Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца:
Лечу стремглавъ, не дуя въ усъ,
На ножъ и шашку кабардинца...
Все такъ;—но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями.
И хохотъ обуялъ толпой,
И крики вторятся горами.
И все кипитъ, и все гремитъ;
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмѣю грустію убитъ,
Душой и мыслію далеко.
И не внимаю стуку чашъ
И спорамъ вкругъ солдатской каши,
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши...
Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?
Бывало слово: другъ, явись!
И ужъ Денисъ съ коня слѣзаетъ;

Лишь чашей стукнуть и Денисъ
Какъ тутъ—и чашу осушаетъ.
На скачку, на борьбу готовъ;
И, чтимый «выродкомъ» глупцами,
Онъ, расточитель острыхъ словъ,
Имъ хлещетъ прозой и стихами.
Нѣтъ, братцы, нѣтъ! Полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой.»

Кромѣ этой своеобразной поэзіи, Д. В. Давыдовъ писалъ много и прозою, по различнымъ военнымъ и военно-историческимъ вопросамъ; оставилъ намъ свои воспоминанія о многихъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ личное участіе—но все это не имѣетъ отношенія къ его поэтической дѣятельности. Въ жизни, въ службѣ и въ отношеніи ко всѣмъ окружающимъ онъ пользовался извѣстностью человѣка прямого, безукоризненно честнаго и весьма самостоятельнаго въ своихъ взглядахъ и мнѣніяхъ.

Поэтъ-мистикъ.

Совершенную противоположность Д. Давыдову составляетъ отчасти уже извѣстный намъ *Ѳедоръ Николаевичъ Глинка* [1])—соратникъ поэта-гусара, по своему участію въ Отечественной войнѣ и въ кампаніяхъ 1813, 1814 и 1815 гг. Начавъ свою литературную карьеру „Письмами русскаго офицера" изъ-за границы, онъ, по возвращеніи изъ похода въ Россію, исключительно предался поэзіи религіозной и религіозно-мистической, и, послѣ „*Гимна величію и всемогуществу Божію*" (1818), издалъ въ свѣтъ „*Опыты священной поэзіи*" (1826), „*Опыты аллегорій въ стихахъ и въ прозѣ*" (1826), „*Духовныя стихотворенія*" (1839 г.) и, наконецъ, два объемистыхъ тома стихотворнаго изложенія Евангелія въ связи съ апокрифическими и народными преданіями, подъ общимъ заглавіемъ: „*Таинственная капля*" (1871 г.). И всѣ эти сборники стихотвореній Ѳ. Н. Глинки, переполненные его туманными произведеніями, въ родѣ „*Блаженство праведнаго*", „*Тщета суемудрія*", „*Желаніе Неба*", „*Молитва души*", „*Жажда покоя*", „*Минута въ лучшемъ мірѣ*", „*Вѣнецъ временъ*" — нимало не трогаютъ насъ своей однообразной, скучной, напыщенной и фразистой поэзіей. Холоднымъ и сухимъ резонерствомъ и догматизмомъ вѣетъ отъ этихъ нескончаемыхъ возгласовъ о грѣховности и стремленій въ „выспреннія, надзвѣздныя области". А тамъ, гдѣ поэтъ доходитъ до паѳоса и старается насъ увлечь за собою въ своемъ восторженномъ настроеніи — тамъ поэзія его становится запутанною и темною, и непріятно поражаетъ безпорядочностью своихъ образовъ и способовъ выраженія, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго отрывка:

[1]) Родной братъ С. Н. Глинки, извѣстнаго патріота и издателя «Русскаго Вѣстника».

«И въ глубинѣ моей души. -
Хоть не былъ то обычный сонъ,-
Мнѣ снилось, что сошелъ на землю Дивный Онъ
И человѣчество, воскреснувъ, обновилось,
И небо на людей спустилось,
Какъ жизненосная роса!..
«Хвалите жъ Божьи чудеса!»
(Воспѣлъ я вдругъ, облитый весь зарями)
«Земля—съ поющими, подъ бурею, морями,
«И шатровидныя ночныя небеса,
«Съ ихъ неугасными огнями!..
«Летящій ангелъ, чрезъ эѳиръ,
«И солнцевидный горній міръ,
«Кипящій силой искрометной;
«Орелъ за облакомъ, и червь едва примѣтный,
«Въ срединной глубинѣ земной:
«Хвалите Господа со мной!!!»

В. И. Панаевъ.

О третьемъ изъ поэтовъ, упомянутомъ нами выше, рядомъ съ Ѳ. Глинкой и Д. Давыдовымъ, о *Владимірѣ Ивановичѣ Панаевѣ* (р. 1792 г., ум. 1859 г.), приходится сказать очень немногое. Знаемъ, что онъ происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи и получилъ воспитаніе сначала въ Казанской гимназіи, а затѣмъ въ Казанскомъ университетѣ; что онъ первые свои стихотворные опыты помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества" Глинки и въ „Благонамѣренномъ" Измайлова. Поступивъ на службу въ С.-Петербургѣ, онъ познакомился съ Державинымъ и пользовался его совѣтами и указаніями на поэтическомъ поприщѣ. Державинъ главнымъ образомъ указалъ ему на Геснера (идилліями котораго онъ и самъ увлекался въ это время), какъ на образецъ, достойный подражанія. Почтительный ученикъ маститаго поэта и не пошелъ дальше этого подражанія, хотя и примѣшалъ къ своимъ идилліямъ нѣкоторый оттѣнокъ классической поэзіи [1]). Его произведенія, въ двадцатыхъ годахъ, очень цѣнились; ихъ ставили на одну доску съ произведеніями Нелединскаго-Мелецкаго [2]), несомнѣнно болѣе талантливаго и болѣе разнообразнаго въ своемъ творчествѣ, а главное—несомнѣнно обладавшаго чутьемъ народности болѣе всѣхъ своихъ современниковъ.

[1]) Кромѣ идиллій, В. И. Панаевъ писалъ рѣчи на разные торжественные случаи, разсказы и повѣсти, давно уже забытые и не отличавшіеся никакими достоинствами.

[2]) *Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій* (р. 1751 г., ум. 1828 г.), по своему положенію при Дворѣ, состоялъ отчасти придворнымъ поэтомъ; его несомнѣнный поэтическій даръ растрачивался на пустяки: на заказныя стихотворенія ко всякимъ придворнымъ празднествамъ и торжествамъ, для которыхъ онъ писалъ «хоры», «марши» и «польскіе». Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ ставилъ его «выше И. И. Дмитріева», а Батюшковъ называлъ «Анакреономъ и Шольё нашего времени». Нелединскому-Мелецкому принадлежитъ извѣстное подражаніе народной пѣснѣ: «Выйду-ль я на рѣченку».

ИДИЛЛИИ

Владимира Панаева

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1820

Титульный листъ къ «Идилліямъ» В. Панаева.

Въ тридцатыхъ годахъ выступаютъ на литературное поприще новыя поэтическія силы: но отличаются скорѣе плодовитостью, нежели достоинствами своего поэтическаго дара. Между ними на первомъ планѣ являются весьма громкія, въ свое время, имена Бенедиктова, графини Ростопчиной и Мятлева; но весь запасъ оставленныхъ ими поэтическихъ произведеній (многое въ нихъ едва ли заслуживаетъ этого названія?) ничѣмъ не обогатилъ нашу литературу и служитъ только довольно печальнымъ признакомъ времени, когда печатное слово было стѣснено до крайности и когда поэзія должна была ограничиваться весьма узкимъ горизонтомъ... Впрочемъ, и самые интересы общественной жизни были тоже до такой степени узки, что весьма значительное большинство такъ-называемаго образованнаго общества вполнѣ довольствовалось блестящею внѣшностью въ произведеніяхъ новыхъ поэтовъ и

не возмущалось пустотою ихъ содержанія, отчасти понимая, что содержаніе ихъ стояло въ полной зависимости отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, въ которыя была поставлена вся литература, а въ особенности поэзія.

Среди этихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтовъ очень видное мѣсто занимаютъ три имени: графини Ростопчиной, Мятлева и Бенедиктова, о которыхъ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ, а въ подтвержденіе этихъ словъ необходимо привести и нѣсколько отрывковъ изъ этой весьма своеобразной поэзіи конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ.

Иллюстрація къ «Идилліямъ» В. Панаева.

Е. П. Ростопчина.

Графиня *Евдокія Петровна Ростопчина*, урожденная Сушкова (р. 1805 г., ум. 1858 г.), стала извѣстна въ концѣ тридцатыхъ годовъ своими „*Очерками большого свѣта*“, къ которому принадлежала и по происхожденію, и по положенію; затѣмъ напечатала сначала небольшой сборникъ своихъ избранныхъ стихотвореній, а потомъ издано было въ свѣтъ и полное собраніе ихъ, въ четырехъ томахъ.

Поэзія Ростопчиной представляетъ собою рядъ весьма гладко и тщательно отдѣланныхъ стихотвореній, въ которыхъ всѣ ощущенія, впечатлѣнія и чувства облечены въ самую приличную форму и какъ разъ соотвѣтствуютъ узкой рамкѣ взглядовъ, пріемовъ, обычаевъ и предразсудковъ того круга, въ которомъ писательница прожила всю свою жизнь. Это все „посланія“ и „привѣты“, „воспоминанія“ и „предчувствія“; все описанія разныхъ

„встрѣчъ“ и „разлукъ“ —и все это восиѣто торжественно, громко, восторженно и очень неправильно, въ смыслѣ языка и способа выраженія. Ростопчина не скупится на сравненія и эпитеты, щедро расточаетъ „пылъ“ своего пламеннаго чувства; но ея поэзія, какъ осеннее солнце, „свѣтитъ, а не грѣетъ“. Чтобы ознакомить съ ея общей манерой, приведемъ нѣсколько отрывковъ. Вотъ напримѣръ начало стихотворенія „*Сестрѣ по сердцу*“:

«Чиста, какъ слезы состраданья,
Свѣтла, какъ думы упованья,
И пламенна, какъ духъ пѣвца;
Въ тебѣ горитъ душа младая!..
Ты Серафимъ святого рая,
Подъ ликомъ дольняго жильца!..»

Графиня Е. П. Ростопчина.

А вотъ привѣтъ „*Отъѣзжающей*“:

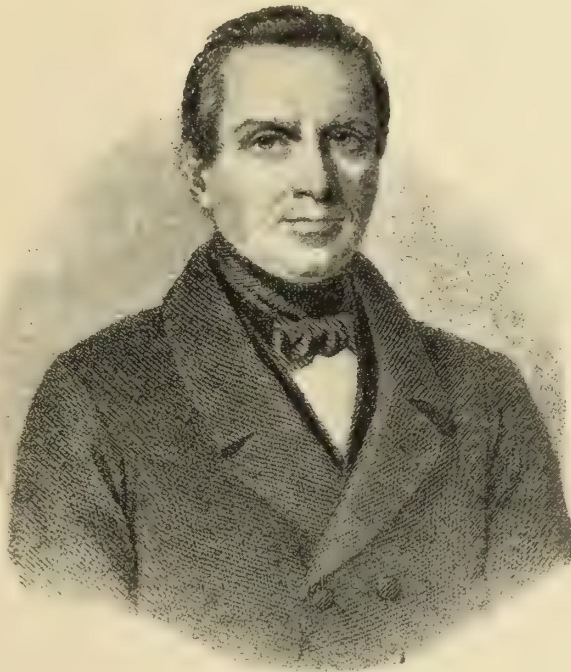
«Итакъ, мой милый другъ, мой ангелъ кроткій, нѣжный,
Итакъ, враждебный рокъ караетъ снова насъ:
По бурнымъ прихотямъ судьбы твоей мятежной
Ударитъ скоро намъ разлуки вѣщій часъ;
И ты предпримешь путь таинственный и дальній,
И я прощусь съ тобой!.. Навѣки, можетъ быть?
Навѣки!.. Да, дай Богъ, чтобъ факелъ погребальный
Мнѣ предреченный гробъ скорѣй могъ освѣтить!»

Но лучшимъ мѣриломъ для оцѣнки Ростопчиной можетъ служить одна изъ капитальнѣйшихъ ея пьесъ, подъ заглавіемъ: „*Кто поэтъ?*“ Въ этомъ стихотвореніи она пытается нарисовать намъ свой идеалъ поэта и выказываетъ полную несостоятельность въ передачѣ своего представленія, которое, очевидно, сложилось въ ея сознаніи очень несовершенно и туманно.

«Не тотъ поэтъ, кто въ очеркѣ обычномъ,
Въ общественномъ быту спокойно взросъ;
Кто вскормленъ былъ разсѣяньемъ столичнымъ,
Кто крестъ тоски на раменахъ не несъ!..
Не тотъ поэтъ, кто роскошью и счастьемъ
Взлелѣянъ былъ отъ колыбельныхъ дней,
Кто не знавалъ бунтующихъ страстей
Съ ихъ промежуточнымъ безстрастьемъ; и т. д.

...Поэтъ прямой... кто съ раннихъ лѣтъ обжился
Съ грозой небесъ и съ бурею души!..
Кто чистому кумиру поклонился,
Но одинокъ провелъ младые дни...
Кто выгорѣлъ возвышенной любовью,
Кто выплакалъ свой вдохновенный стихъ,
Кто призывалъ къ ночному изголовью
Рой свѣтлыхъ сновъ и чувствъ неподкупныхъ;
Кто былъ не скупъ младой и жаркой кровью
За край родной и за друзей своихъ!» и т. д.

Приведеннаго отрывка совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о весьма расплывчатомъ идеалѣ поэта, какимъ онъ представляется Ростопчиной — идеалѣ, который она, вѣроятно, и сама не могла бы привести ни къ какому опредѣленному образу.

И. П. Мятлевъ.

И. П. Мятлевъ.

Рядомъ съ Ростопчиной очень кстати будетъ упомянуть о другомъ ея современникѣ-поэтѣ, *Иванѣ Петровичѣ Мятлевѣ* (р. 1796 г., ум. 1854 г.), также принадлежавшемъ къ высшему петербургскому обществу. Человѣкъ знатный, богатый и независимый, онъ охотно посвящалъ свои обширные досуги поэтическимъ упражненіямъ. Онъ былъ уменъ, остеръ и даже не лишенъ наблюдательности, и почти исключительно писалъ въ сатирическомъ жанрѣ; но сатиру свою направлялъ на такія мелочныя стороны свѣтской и столичной жизни, которыя едва ли и заслуживали серьезнаго вниманія... Главнымъ предметомъ его осмѣянія являлась внѣшняя мишурная сторона общественной жизни, стремленіе тянуться за высшимъ обществомъ и неуклюжее подражаніе ему въ пріемахъ и обычаяхъ, а главнымъ образомъ тотъ ломаный языкъ—„смѣсь французскаго съ нижегородскимъ", — которымъ говорило все полуобразованное общество столицы. Этимъ языкомъ Мятлевъ владѣлъ въ совер-

Разговоръ въ дружной компаніи

Воусъ ву [illegible] мадамъ
Е сейчасъ [illegible] вамъ.
[illegible] [illegible] Наполеонъ
[illegible] [illegible] [illegible]
и [illegible] [illegible] [illegible] друга.
[illegible] [illegible] [illegible] де [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] ле [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] Наполеонъ буле
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] Росъ ле [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
и буле, не буле [illegible]
и бате бати бата
не буле-[illegible] и буле
и бати бати бате
и бати бати батузи
и Наполеонъ Батузи
а Рус [illegible] [illegible] Парижъ
[illegible] французы [illegible] [illegible]

И. Мятлевъ

Автографъ И. П. Мятлева. Изъ собранія П. Я. Дашкова

Бояринъ.

Бояринъ!... Много въ словѣ этомъ,
И не забыли мы его,
Хотя въ нашъ вѣкъ цифръ передъ свѣтомъ
Оно не значитъ ничего...
А жалко!.. Право, наши дѣды
Лихіе были молодцы;
Не даромъ недруги-сосѣды
Про нихъ твердили: „Гордецы!"

Пусть джентельменъ въ короткомъ фракѣ
Дурацкой шляпою вертитъ, —
Съ презрѣніемъ къ жалкому кривлякѣ
Бояринъ холодно глядитъ;
Бояринъ голову сѣдую
Не обнажитъ передъ врагомъ
Онъ ломитъ шапку меховую
Лишь предъ Крестомъ, да предъ Царемъ!

Онъ платье носитъ царское
Быть можетъ, дорого оно,
Да то, оно вѣковое, —
И будетъ въ родъ передано.
Въ немъ и привольно и широко
Оно не жметъ и не тѣснитъ,
Грудь дышетъ ровно и высоко,
И богатырскій станъ развитъ. . . .

Бояринъ любитъ хлѣбосолье;
Для гостя домъ его открытъ;
Столъ ломятъ брашна, пиръ-раздолье, —
Притомъ и нищій не забытъ!...
Сердецъ веселье, чародѣйка
Гуляетъ чарка по рукамъ, —

Автографъ Е. П. Ростопчиной. Изъ того же собранія.

шенствѣ и имъ написалъ большую часть своихъ сатирическихъ стихотвореній, между которыми извѣстностью пользовались его „*Коммеражи*", „*Петергофскій праздникъ*", „*Гроссфатеръ*" и въ особенности „*Сенсація госпожи Курдюковой*"—цѣлая поэма, описывающая приключенія русской барыни-помѣщицы во время ея странствованій за границей. Чтобы ознакомить съ общей и постоянной манерой Мятлева, приведемъ здѣсь стихотвореніе его: „Разсказъ о русской кампаніи", которое мы прилагаемъ въ видѣ его автографа на ближайшей страницѣ:

«Вое-ву, дескать, мадамъ,
Я сейчасъ разскажу вамъ,
Какъ мусье Наполеонъ
Изъ Россіи выгнанъ вонъ,
И какъ встрѣтили мы друга,
Комъ-са ла виль де Калуга—
Тутъ віё шеменъ лежитъ,
Тутъ ле-женъ шеменъ бѣжитъ.
Ну, Наполеонъ вуле
На віе шеменъ але...
Мусье Рюсъ ле-женъ избравъ,
Вдругъ изъ пушки—пафъ, пифъ, пафъ—
И вуле, не вуле-па,
И бате, бати, бата,
Не вуле-па и вуле,
И батя, бати, бате,
И бати, бато, батутъ,
И Наполеонъ—капутъ,
А Русъ марширъ нахъ Парижъ,
Такъ французы взяли шишъ.»

Само собою разумѣется, что подобный способъ изложенія можетъ на время понравиться и посмѣшить, но повторенный на десяткахъ страницъ и во многихъ десяткахъ произведеній—онъ прискучаетъ, набиваетъ оскомину и даже становится невыносимъ. Дешевое остроуміе подобной сатиры не могло быть долговѣчнымъ; оно способно было вызывать только „сенсаціи" и нравиться только очень небольшому кругу читателей... Вотъ почему и Мятлевъ, и его остроуміе были быстро забыты при первыхъ „новыхъ вѣяньяхъ"...

Въ Бенедиктовѣ мы встрѣчаемся съ совершенно инымъ типомъ стихотворца, который былъ нѣкоторое время весьма моднымъ—нравился всѣмъ любителямъ „краснословія", въ смыслѣ вычурнаго, неестественнаго и кудревато-украшеннаго языка и способа изложенія мысли. Это былъ по-истинѣ поэтъ, къ которому смѣло можно было примѣнить Грибоѣдовскую фразу: „словечка въ простотѣ не скажетъ—все съ ужимкой".

В. Г. Бенедиктовъ.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ (р. 1807 г., ум. 1883 г.) происходилъ, по всѣмъ вѣроятіямъ (особенно, судя по фамиліи), изъ духовнаго званія, хотя его отецъ уже не былъ духовнымъ лицомъ и служилъ въ гражданской службѣ. Воспитаніе и образованіе онъ получилъ очень плохое, сначала въ Петрозаводской гимназіи, потомъ въ одномъ изъ столичныхъ корпусовъ, откуда и вышелъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; но вскорѣ послѣ Польской кампаніи перешелъ изъ военной службы

въ гражданскую, весьма прозаически дослужился до крупнаго чина и крупной пенсіи и вышелъ въ отставку.

Написалъ онъ невѣроятно много и еще болѣе перевелъ иностранныхъ классиковъ... Но главную, преобладающую долю извѣстности пріобрѣлъ онъ своими юношескими стихами, которые отличались такимъ напускнымъ жаромъ, такимъ искусственно-приподнятымъ паѳосомъ, что даже опытные писатели на первыхъ порахъ были удивлены и озадачены его неудержимымъ порывомъ. Особенною страстностью отличались его воспѣванія любви, женской красоты, пыла увлеченій и нескончаемаго вихря наслажденій. Во всѣхъ подобныхъ пьесахъ Бенедиктовъ теряетъ всякое самообладаніе, всякую мѣру благоразумія... Онъ молитъ свою обворожительницу, чтобы она „сожгла его въ живомъ огнѣ своихъ объятій“ и дополняетъ эту мольбу еще болѣе странными пожеланіями:

«Палящій зной мнѣ въ очи вдуй,
И, обуздавъ мой страстный трепетъ,
Въ уста мои, сквозь жаркій лепетъ,
Вонзи смертельный поцѣлуй!»

В. Г. Бенедиктовъ.

Любовь и страсть— одну любовь и страсть и ихъ проявленія — видимъ у него вездѣ, видимъ и чувствуемъ во всемъ, даже въ явленіяхъ природы, даже въ стихійныхъ бѣдствіяхъ! Такъ, напр., даже пожаръ, охватившій домъ, представляется ему обольстителемъ и красавцемъ, захватившимъ домъ въ свои мощныя объятья!

«Надъ зданьемъ громадой онъ бурно возсталъ,
Къ ней жадною грудью прильнулъ сладострастно,
Червонныя кудри свои разметалъ,
И пышутъ объятья, дымятся лобзанья...
Могучій прельститель во мракѣ ночномъ,
На млѣющихъ грудахъ роскошнаго зданья
Сверкаетъ побѣднымъ любви торжествомъ».

Образъ совершенно неестественный и ни съ чѣмъ не сооб-

разный, но у Бенедиктова весьма обыкновенный и болѣе доступный пониманію, нежели многіе другіе, еще болѣе дикіе и чудовищные... Какъ бы то ни было, успѣхъ перваго изданія „Стихотвореній“ Бенедиктова, въ 1835 г., былъ поразительный—громадный: первое изданіе было расхватано публикою, и уже въ концѣ года потребовалось второе. Обаяніе этого „новаго таланта“ было даже въ такой степени прочнымъ, что и второй сборникъ стихотвореній Бенедиктова, изданный въ 1838 г., разошелся быстрѣе и шире, нежели лучшія изъ произведеній Пушкина, Лермонтова и даже Гоголя (онъ былъ изданъ въ количествѣ 3000 экз.)! И только уже голосъ серьезныхъ критиковъ—сначала Н. А. Полевого, а потомъ Бѣлинскаго—образумилъ публику и заставилъ ее поглубже вглядѣться въ необузданный поэтическій паѳосъ Бенедиктова. Но даже и тогда, когда публика перестала восторгаться поэзіею Бенедиктова, когда она вышла изъ моды, онъ все еще пользовался значительною литературною извѣстностью, и, при своей чрезвычайной плодовитости, поставлялъ свои стихотворенія чуть не во всѣ журналы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, начиная отъ „Малка“ и „Отечественныхъ Записокъ“ и до „Русскаго Міра“ и „Иллюстраціи“.

Если къ вышепомянутымъ поэтамъ мы добавимъ гораздо болѣе скромныя и болѣе достойныя извѣстности имена *Красова*, *Клюшникова* [1]), *Павловой* и *Губера*[2]), то мы исчерпаемъ весь кругъ дѣятелей нашего русскаго Парнаса, явившихся въ литературѣ при жизни Пушкина и Лермонтова и бывшихъ ближайшими преемниками этихъ истинно-вдохновенныхъ творцовъ.

Беллетристы. Гораздо болѣе посчастливилось, за тотъ же періодъ, русской беллетристикѣ, которая проявила съ конца 20-хъ годовъ нѣкоторое оживленіе и, подъ сильнымъ вліяніемъ подражанія Вальтеръ-Скотту и В. Гюго, обратилась, главнымъ образомъ, къ разработкѣ историческихъ сюжетовъ. Изъ десятка именъ писателей-беллетристовъ, который можетъ быть приведенъ нами, отъ конца 20-хъ и до начала 40-хъ годовъ, бо́льшая половина принадлежитъ авторамъ историческихъ повѣстей и романовъ [3]). Первое мѣсто между ними принадлежитъ, безъ сомнѣнія, *Михаилу Николаевичу Загоскину* (р. 1789, у. 1852 г.).

---

[1]) *Красовъ*, Василій Ивановичъ (р. 1810, у. 1854), происходитъ изъ духовнаго званія. Былъ въ 1847 г. въ кіевскомъ университетѣ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской словесности. Писалъ немного, но его сборникъ стихотвореній обратилъ на себя вниманіе критики простотою и смиренностью поэзіи. Клюшниковъ, еще болѣе талантливый, писалъ еще менѣе.

[2]) *Павлова*, Каролина Карловна, писала довольно много. Особенно извѣстна была ея поэма «Двойная жизнь» и «Разговоръ въ Тріанонѣ». *Губеръ, Эдуардъ Ивановичъ* (р. 1814, у. 1848 г.) извѣстенъ прекраснымъ переводомъ *Фауста Гёте*.

[3]) Булгаринъ, Вельтманъ, Загоскинъ, Лажечниковъ, Масальскій и Н. А. Полевой писали романы и повѣсти на историческія темы; Бестужевъ (Марлинскій), Ушаковъ, Погорѣльскій и Зинаида Р—ва избирали другіе сюжеты.

М. Н. Загоскинъ.

Уроженецъ Пензенской губерніи, мѣстный дворянинъ и помѣщикъ, Загоскинъ получилъ весьма ограниченное образованіе, и уже 14-ти лѣтъ началъ служебное поприще по гражданской части. Въ 1812 году побывалъ въ ополченіи, потомъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ сначала былъ библіотекаремъ въ Публичной библіотекѣ, а потомъ поступилъ въ дирекцію театровъ. Въ 1831 г. мы уже видимъ его директоромъ театра въ Москвѣ, а впослѣдствіи — на видномъ, выдающемся по значенію мѣстѣ директора Оружейной Палаты. Благополучно совершая такую блестящую и спокойную служебную карьеру, Загоскинъ весьма усердно посвящалъ свои досуги занятіямъ литературою, и тутъ также счастіе, неизмѣнно служившее ему всю жизнь, въ значительной степени способствовало его успѣхамъ съ перваго шага... Въ 1829 году, въ самый разгаръ увлеченія историческими романами Вальтеръ-Скотта, вышелъ въ свѣтъ историческій романъ Загоскина, извѣстный каждому грамотному русскому человѣку—„*Юрій Милославскій*“. Весьма слабый со стороны исторической правды и бытовой разработки древне-русской жизни, этотъ романъ былъ живо написанъ и по сюжету своему относился къ чрезвычайно-любопытной эпохѣ (1612 г.), отчасти напоминавшей недавно-пережитыя Россіею событія Наполеоновскаго нашествія. Успѣхъ романа былъ громадный; его покупали на-расхватъ; имъ зачитывались... Имя автора прославлялось всѣми и на всѣ лады! Романъ выдержалъ девять изданій при жизни автора. Такой успѣхъ, конечно, увлекъ автора къ дальнѣйшей дѣятельности на томъ же самомъ поприщѣ: онъ издалъ въ свѣтъ цѣлую серію романовъ того же характера, въ которыхъ сюжеты тѣсно связаны съ русскою стариною и бытомъ, то удаляясь въ глубь вѣковъ, то останавливаясь на памятной всѣмъ эпохѣ Отечественной войны— но ни одинъ изъ этихъ романовъ не могъ соперничать въ успѣхѣ съ его первымъ произведеніемъ, надѣлавшимъ столько шума [1]... Къ тому же, у Загоскина явились подражатели и послѣдователи въ обработкѣ историческихъ сюжетовъ, не менѣе его талантливые и болѣе точные въ передачѣ нашего историческаго прошлаго, болѣе знакомые съ историческимъ матерьяломъ.

Рядомъ съ именемъ Загоскина въ той же области исторической беллетристики слѣдуетъ поставить *Лажечникова, Н. А. Полевого* и *Масальскаго*, которые значительно двинули впередъ этотъ жанръ во всѣхъ отношеніяхъ.

И. И. Лажечниковъ.

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ (р. 1791 г., ум. 1869 г.) происходилъ изъ дворянъ Коломенскаго уѣзда Московской губ., гдѣ

---

[1]) Послѣ «*Ю. Милославскаго*» были имъ написаны: „*Рославлевъ или Русскіе въ 1812 году*», «*Аскольдова могила*», «*Кузьма Петровичъ Мирошевъ*». «*Москва и Москвичи*», »*Брынскій Лѣсъ*», «*Кузьма Рощинъ*», «*Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія*».

у отца его было помѣстье. Служилъ и въ военной, и въ гражданской службѣ; а потомъ, въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ былъ директоромъ училищъ въ Пензенской, Казанской и Тверской губерніяхъ. Страсть къ литературнымъ занятіямъ проявилась въ Лажечниковѣ очень рано, когда ему не было еще и 17-ти лѣтъ; а въ 1817 г. онъ уже успѣлъ издать „Первые опыты“. Въ 1832 г. вышелъ въ свѣтъ его историческій романъ „*Послѣдній Новикъ*“, а за нимъ вскорѣ послѣдовали два другіе романа: „*Ледяной домъ*“ (1835 г.) и „*Бусурманъ*“ (1838 г.). Послѣдній изъ этихъ трехъ романовъ былъ лучшимъ, какъ по общему описанію эпохи, такъ и по тонкой, отчетливой обрисовкѣ характеровъ. Этотъ романъ составляетъ главную и наиболѣе существенную заслугу Лажечникова и болѣе всего способствовалъ его литературной извѣстности [1]).

И. И. Лажечниковъ.

Историческому роману удѣлялъ часть своихъ досуговъ и Н. А. Полевой, написавшій „*Клятву при Гробѣ Господнемъ*“ — романъ изъ періода борьбы между суздальскими и московскими князьями, и историческую повѣсть „*Симеонъ Кирдяпо*“ — также изъ переходной эпохи отъ удѣльной системы къ полному преобладанію Москвы. Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ проглядываетъ близкое и основательное знакомство съ источниками и съ народнымъ бытомъ. Въ послѣднемъ смыслѣ заслуживаетъ вниманія и еще одна, чисто-бытовая повѣсть Полевого, „*Мѣшокъ съ золотомъ*“—едва ли не первая у насъ попытка писать на сюжетъ изъ народнаго быта.

К. П. Масальскій. Одновременно съ Н. А. Полевымъ и И. И. Лажечниковымъ на томъ же самомъ поприщѣ дѣйствовалъ и *Константинъ Петровичъ Масальскій* (р. 1802, ум. 1861), который выступилъ сначала

[1]) Лажечниковъ писалъ также и для сцены: — извѣстны его драмы «Дочь Еврея», «Горбунъ» и «Опричникъ». Собраніе его сочиненій въ 8 томахъ вышло въ 1858 г.

въ литературѣ, какъ стихотворецъ, потомъ работалъ для сцены и помѣщалъ въ журналахъ переводныя повѣсти, и наконецъ, вѣроятно увлеченный успѣхомъ историческихъ повѣстей, между 1832 и 1834 гг. издалъ въ свѣтъ три историческихъ романа: „*Стрѣльцы*", „*Черный ящикъ*" и „*Регентство Бирона*". Романы эти нравились и читались съ удовольствіемъ въ 30-хъ годахъ, въ періодъ особеннаго пристрастія публики къ историческому чтенію, но успѣхъ ихъ былъ далеко не такъ проченъ, какъ успѣхъ „Юрія Милославскаго" и романовъ Лажечникова.

Вельтманъ и Булгаринъ.

Въ томъ же историческомъ родѣ писали еще два литератора: *Александръ Ѳомичъ Вельтманъ* (р. 1800, ум. 1870), весьма плодовитый авторъ археологическихъ изслѣдованій и директоръ Оружейной Палаты; и *Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ* (р. 1789, ум. 1859), извѣстный журналистъ и дѣятель Николаевскаго времени, о которомъ намъ еще придется говорить далѣе. Вельтманъ старался избирать для своихъ романовъ и повѣстей (которыя онъ писалъ то въ стихахъ, то въ прозѣ) такія отдаленныя эпохи русской и общеславянской исторіи, гдѣ его пылкому воображенію открывался полный просторъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, въ родѣ, напр., „*Кощей Безсмертный. Былины стараго времени*", или „*Святославичъ, вражій питомецъ — диво временъ Краснаго Солнца Владиміра*", или „*Троянъ и Ангелица — повѣсти, разсказанныя Свѣтлой Денницей Ясному Мѣсяцу*". О Вельтманѣ вообще можно сказать, что онъ въ своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ былъ очень часто романистомъ, а въ свои повѣсти и романы вносилъ много археологическаго тумана. Болѣе другихъ его произведеній пользовалась успѣхомъ его извѣстная повѣсть „*Муромскіе лѣса*" (1831 г.), изъ которой „пѣсня разбойника" („Что затуманилась, зоренька ясная...“), положенная на музыку, полу-

К. П. Масальскій.

чила весьма обширную извѣстность. Булгаринъ написалъ на историческія темы два романа, которые, въ свое время (1830—1834 гг.), пользовались большимъ успѣхомъ и настолько нравились публикѣ, что расходились двумя изданіями въ годъ. Романы эти — „*Дмитрій Самозванецъ*“ и „*Мазепа*“ — могутъ, однакоже, быть названы историческими только по заглавію, а никакъ не по достоинствамъ внутреннимъ и не по связи съ извѣстною историческою эпохою.

Бестужевъ-Марлинскій.

Несравненно большимъ успѣхомъ и значеніемъ пользовался въ то же время весьма плодовитый и талантливый писатель, *Александръ Александровичъ Бестужевъ* (р. 1797 г., ум. 1837 г.), болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*[1]). Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и, вмѣстѣ со своими братьями, Николаемъ и Михаиломъ, получилъ съ дѣтства прекрасное и весьма основательное образованіе. Отецъ ихъ былъ человѣкъ просвѣщенный, даже ученый, и усердно заботился о томъ, чтобы развить въ своихъ дѣтяхъ расположеніе не только къ наукамъ, но и къ искусствамъ. Но Александру Бестужеву все это пошло, что называется, не въ прокъ. Проявляя съ дѣтства чрезвычайную живость и подвижность, и большую горячность темперамента, онъ очень быстро схватывалъ во всемъ только верхи, всему учился кое-какъ и понемногу, и учебную карьеру свою закончилъ юнкерствомъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, которое скорѣе всего привело его къ желанной цѣли. Талантливый, веселый, ловкій и остроумный юноша вступилъ въ кругъ свѣтской молодежи, и очаровалъ всѣхъ, особенно когда у него явились первые проблески литературнаго таланта.

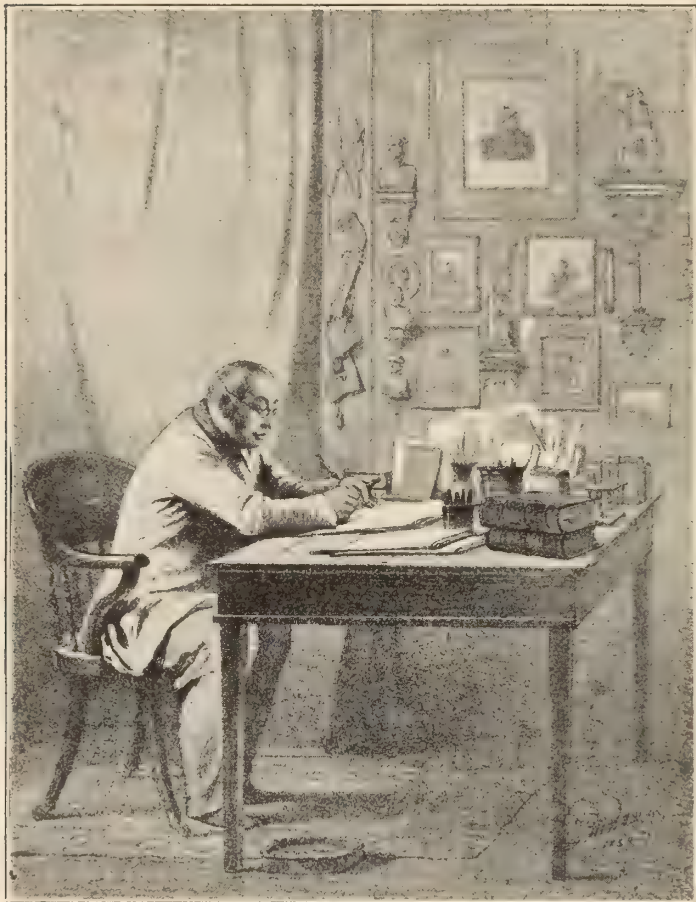
Съ 1819 г. онъ уже входитъ во всѣ литературные кружки и одновременно помѣщаетъ свои статьи и статейки въ полудюжинѣ современныхъ журналовъ: „Сынѣ Отечества“, „Сѣверномъ Архивѣ“, „Невскомъ Зрителѣ“ и т. д. Мы видимъ его нѣсколько позже въ связяхъ и дружескихъ сношеніяхъ съ самыми противоположными литературными дѣятелями—съ Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ, съ Гречемъ и Рылѣевымъ, съ Жуковскимъ и Вяземскимъ, съ Плетневымъ и братьями Полевыми. Еще болѣе значенія пріобрѣло его имя, когда, въ 1823 г., онъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ издалъ въ свѣтъ изящный альманахъ „*Полярная Звѣзда*“, и къ участію въ немъ сумѣлъ привлечь всѣ лучшія силы и отживающаго, и дѣйствующаго, и нарождающагося литературнаго поколѣнія. Но болѣе всего, въ этомъ новомъ альманахѣ, всѣхъ привлекла и озадачила очень смѣлая новинка, — крошечная статейка самого А. А. Бестужева: „*Взглядъ на русскую словесность*“ —

[1]) Этотъ псевдонимъ онъ заимствовалъ отъ *Марли*, извѣстной мѣстности Петергофа; близъ нея онъ стоялъ съ драгунскимъ эскадрономъ, въ которомъ былъ юнкеромъ.

этотъ первый, зачаточный опытъ будущихъ критическихъ обзоровъ, уже намѣчавшій пути, по которымъ надлежало идти русской словесности въ ближайшемъ будущемъ. Успѣхъ альманаха былъ огромный, рѣдкій и поразительный, и въ 1823, и при вторичномъ его появленіи, въ 1824 году, и вызвалъ вслѣдъ за собою массу подражаній; но въ особенности эти „Взгляды“ Бестужева на русскую словесность подняли значеніе его неимѣрно высоко при тогдащнемъ полномъ отсутствіи критическаго отношенія къ произведеніямъ авторовъ. Юнаго критика и романиста ожидала въ будущемъ блестящая литературная карьера и, вѣроятно, такая же карьера служебная, потому что онъ, въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, успѣлъ достигнуть блестящаго служебнаго положенія—но онъ увлеченъ былъ въ декабрьское движеніе, и жизнь его въ самыя цвѣтущія лѣта была загублена тяжкою, постигнувшею его карою. Отсидѣвъ около двухъ лѣтъ въ крѣпости, Бестужевъ былъ отправленъ на поселеніе въ Якутскъ, а оттуда въ 1829 году, „по особой милости“, зачисленъ рядовымъ на Кавказъ, въ дѣйствующую армію. Здѣсь, много лѣтъ подърядъ участвуя во всевозможныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ, онъ былъ, наконецъ, въ 1836 году произведенъ въ офицеры за отличіе, а годъ спустя (въ концѣ іюня 1837 г.) погибъ въ одной изъ безчисленныхъ схватокъ съ горцами, на побережьи Чернаго моря, близъ Сухумъ-Кале.

Этой романической біографіи, полной всякихъ неожиданныхъ эпизодовъ и приключеній, вполнѣ соотвѣтствуетъ обширная область романическихъ произведеній А. А. Бестужева, который, послѣ своихъ несчастій, постоянно являлся въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*. Въ кругу напечатанныхъ имъ произведеній видимъ и романы, и повѣсти, и очерки, и воспоминанія о скитаніяхъ и странствованіяхъ, вольныхъ и невольныхъ. Страстный романтикъ не только по призванію литературному, но и по природнымъ наклонностямъ своимъ, онъ, въ началѣ своей литературной карьеры, принялся-было за разработку сюжетовъ историческихъ изъ древне-русскаго быта („Романъ и Ольга“, „Андрей, князь Переяславскій“), потомъ перешелъ къ сюжетамъ изъ рыцарскихъ временъ („Замокъ Нейгаузенъ“, „Замокъ Эйзенъ“ и т. д.), далъ нѣсколько весьма живыхъ очерковъ изъ морского быта („Лейтенантъ Бѣлозоръ“, „Фрегатъ Надежда“) и, въ заключеніе, окончательно сосредоточился на сюжетахъ изъ близко знакомой ему кавказской военной жизни, которую имѣлъ возможность внимательно наблюдать, такъ какъ ему удалось изучить важнѣйшія изъ кавказскихъ нарѣчій. На Кавказѣ и были написаны лучшія произведенія Бестужева, яркими красками изображающія бытъ, нравы, обычаи и характеры кавказцевъ—„*Амма-*

лятъ-Бекъ", „*Мулла-Нуръ*", „*Кавказскіе очерки*", „*Разсказъ офицера*", „*Месть*", „*Красное покрывало*" и т. д. Эти кавказскія повѣсти всѣхъ приводили въ восторгъ новизною и заманчивостью той бытовой обстановки, въ которую талантливый авторъ такъ живо и ярко вносилъ то любовь, то воинскіе подвиги, то удалыя приключенія своихъ героевъ. Позднѣйшая критика справедливо ставила въ укоръ черезчуръ горячему и увлекающемуся автору его преувеличенія, его восторженныя чувства и порывы, нѣкоторую (впрочемъ, и отъ природы свойственную ему) вычурность и манерность выраженія; но, несмотря на все это, невозможно отрицать и большихъ литературныхъ достоинствъ Бестужева, какъ живого и талантливаго повѣствователя, произведеніями котораго зачитывались три поколѣнія.

Ѳ. В. Булгаринъ.

Изъ остальныхъ беллетристовъ той же эпохи заслуживаютъ краткаго упоминанія еще только трое: В. А. Ушаковъ, Погорѣльскій и Зинаида Р—ва.

В. А. Ушаковъ.

Первый изъ нихъ, *Василій Аполлоновичъ Ушаковъ* (р. 1789, ум. 1838 г.), дворянинъ-помѣщикъ Тверской и Новгородской губ., написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ, не безъ юмора и таланта, и даже пытался одному изъ своихъ разсказовъ придать обликъ историческаго („*Матушка*-мадамъ" — изъ временъ Екатерины II); но болѣе всего прославился своими повѣстями въ родѣ „*Киргизъ-Кайсакъ*", „*Разсказы инвалида*" и „*Котъ-Бурмоська*". Въ нихъ авторъ наивно и просто рисуетъ передъ нами картины провин-

ціальнаго и столичнаго помѣщичьяго быта, при чемъ очень любитъ выяснять читателю въ предисловіи незамысловатое содержаніе своихъ повѣстей.

Погорѣльскій является псевдонимомъ *Антона Алексѣевича Перовскаго* (р. 1789, ум. 1839 г.), который участвовалъ въ литературѣ, какъ диллетантъ, и въ тридцатые годы получилъ извѣстность своимъ романомъ „*Монастырка*“, въ которомъ очень живо изобразилъ кругъ понятій и развитія наивной молодой дѣвушки, только-что покинувшей школьную скамью въ закрытомъ заведеніи, гдѣ она воспитывалась много лѣтъ сряду, въ полномъ удаленіи отъ семьи и общества.

Подъ псевдонимомъ *Зинаиды Р—вой*, стала писать въ 30-хъ годахъ и обратила на себя общее вниманіе *Елена Андреевна Ганъ* (р. 1814 г., ум. 1842 г.), урожденная Ѳадѣева. Она помѣщала свои небольшія повѣсти въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и привлекла къ нимъ всѣхъ любителей изящнаго чтенія. Эти повѣсти: „*Идеалъ*“, „*Утбалла*“, „*Джелаледдинъ*“, „*Медальонъ*“, „*Судъ свѣта*“, „*Напрасный даръ*“ и др.—вращались, преимущественно около вѣчной и неистощимой исторіи женскаго сердца, при чемъ женщина-авторъ, всецѣло преданная эмансипаціоннымъ идеямъ Жоржъ Зандъ, ратовала уже за права женщинъ и ихъ „освобожденіе отъ ига мужчины“. Въ этомъ-то, вѣроятно, и заключалась разгадка успѣха этихъ повѣстей, главнымъ образомъ, въ женскомъ кругу. Е. А. Ганъ.

Въ кругу беллетристовъ, обильно проявившихся въ нашей литературѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ и началѣ сороковыхъ, слѣдуетъ упомянуть еще два имени писателей, весьма плодовитыхъ и пользовавшихся поэтому широкою извѣстностью. Одинъ изъ нихъ, Гребенка, кончаетъ свою литературную карьеру въ концѣ 40-хъ годовъ; другой, графъ Сологубъ, переходитъ въ 50-е годы и доживаетъ до новой эры и до новаго поколѣнія дѣятелей въ нашей литературѣ. Оба они, несмотря на существенную разницу въ занимаемыхъ ими общественныхъ положеніяхъ, въ воспитаніи и образованіи—стоятъ какъ разъ на грани старой нашей романической школы и новаго романическаго нарождающагося направленія, внесеннаго въ нашу литературу Гоголемъ. Оба они,—и Гребенка, и Сологубъ,—въ большей или меньшей степени уже и поддаются вліянію Гоголя въ изложеніи своихъ произведеній и въ общемъ характерѣ своихъ наблюденій надъ обществомъ и окружающей дѣятельностью.

Евгеній Павловичъ Гребенка (р. 1812 г., ум. въ 1848 г.)—землякъ Гоголя и также воспитанникъ Нѣжинскаго Лицея. По воспитанію и обученію былъ другомъ Квитки, Кулиша и Шевченки—извѣстныхъ малороссійскихъ писателей и дѣятелей. Точно такъ же, какъ и они, онъ писалъ почти одинаково хорошо и по-русски, и по- Е. П. Гребенка.

малороссійски, и нѣкоторые изъ его незатѣйливыхъ, просто разсказанныхъ повѣстей и очерковъ (наприм., *„Записки студента“*, *„Разсказы пѣхотинца“*) и въ особенности *„Чайковскій“*—романъ изъ старинныхъ семейныхъ преданій о малороссійской старинѣ — заслужили одобрительнаго отзыва даже отъ такого суроваго и безпристрастнаго критика, какъ Бѣлинскій.

В. А. Сологубъ.

Графъ *Владиміръ Александровичъ Сологубъ*, вѣрнѣе: *Соллогубъ* (род. 1814 г.), былъ человѣкомъ независимымъ и занималъ довольно видное положеніе въ свѣтѣ, успѣшно посвящая свои досуги и литературѣ, и журналистикѣ, и театру. Графъ В. А. Сологубъ получилъ весьма основательное образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, и свой небольшой, но пріятный талантъ направилъ главнымъ образомъ на описаніе тѣхъ явленій жизни и быта, которыя были наиболѣе близки къ довольно тѣсному кругу наблюденій этого утонченнаго свѣтскаго дѣятеля. Въ 1837 году появились его первые опыты, а въ 1842 г. онъ уже собралъ ихъ въ одинъ довольно объемистый сборникъ, подъ заманчивымъ и весьма скромнымъ заглавіемъ: *„На сонъ грядущій—отрывки изъ вседневной жизни“* [1]). Обо всемъ, написанномъ этимъ авторомъ, можно сказать, что его произведенія могли, въ свое время, доставлять пріятное и легкое чтеніе обществу, не оставляя ни въ чьей душѣ ни живыхъ образовъ, ни рѣзкихъ впечатлѣній. Едва ли не главнымъ и выдающимся достоинствомъ произведеній Сологуба является то, что онъ самъ не придаетъ имъ никакого существеннаго значенія.

ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ.

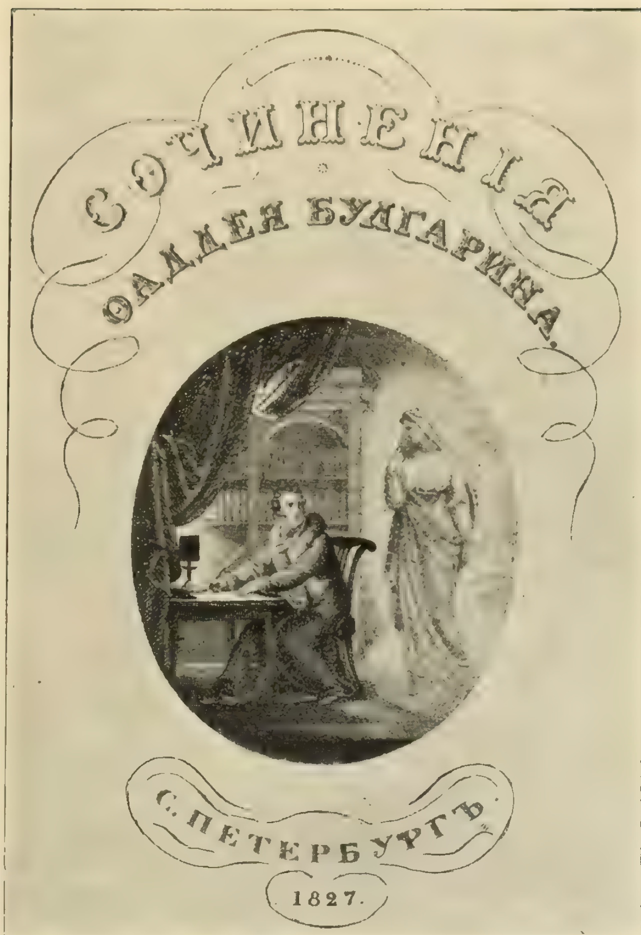
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1829

Титульный листъ къ «Ивану Выжигину» Булгарина.

---

[1]) Въ составъ этого сборника вошли мелкіе разсказы: *«Приключенія на желѣзной дорогѣ»*, *«Аптекарша»*, *«Ямщикъ»*, *«Левъ»*, *«Медвѣдь»* и т. д.

Одновременно съ этимъ быстрымъ и достаточно изобильнымъ развитіемъ лирики и беллетристики, не представлявшихъ собою, впрочемъ, ничего ни важнаго, ни новаго въ смыслѣ литературнаго прогресса, подъ тѣми же стѣснительными цензурными условіями времени, пополнялась и наша сцена новыми произведеніями — новыми комедіями, трагедіями и драмами... Но оригинальныя произведенія, въ родѣ „*Горя отъ ума*“, „*Ревизора*“ и „*Бориса Годунова*“—оставались одинокими, недосягаемыми, хотя и вызывали массу подражаній всякаго рода. Понимая важное, воспитывающее значеніе сцены, надъ нею зорко наблюдали двѣ цензуры, и пропускали на подмостки только то, что было совершенно заурядно или никому не могло быть ни вредно, ни полезно. Надо замѣтить, что ложно-классическая трагедія совсѣмъ отжила свой вѣкъ къ концу 20-хъ годовъ; одинъ Озеровъ возникалъ еще иногда изъ мрака давно минувшаго и поддерживался на сценѣ благодаря тому, что около этого времени и петербургская, и московская труппа славились цѣлымъ рядомъ выдающихся сценическихъ талантовъ. На смѣну Озеровскихъ трагедій явилась уже пестрая, шумливая и полная трескучихъ эффектовъ французская мелодрама и нѣмецкія подражанія ей, которыя такъ спѣшно и алчно стремился переносить на нашу сцену князь А. А. Шаховской. Большою заслугою Н. А. Полевого была его постановка на московскую сцену Шекспировскаго „Гамлета“ въ такой обработкѣ, которая упрочила на нашей сценѣ эту пьесу на полвѣка, въ томъ видѣ, какой былъ ей приданъ талантливымъ переводчикомъ. Изъ весьма извѣстной

Титульный листъ къ сочиненіямъ Ѳ. Булгарина.

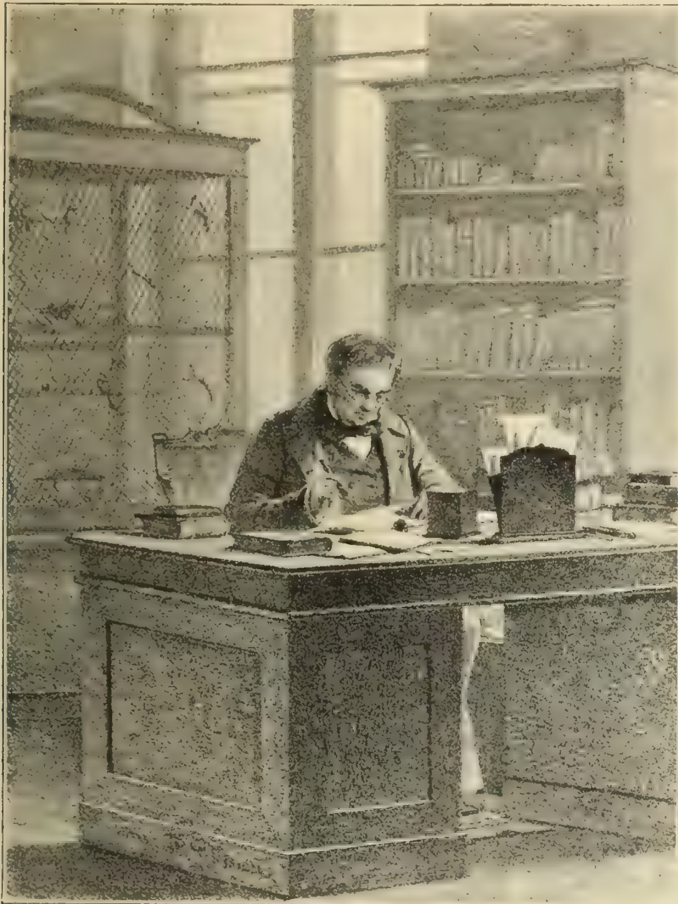
статьи Бѣлинскаго о первомъ представленіи „Гамлета" на московской сценѣ и объ игрѣ знаменитаго Мочалова въ этой роли всѣмъ извѣстно то впечатлѣніе, которое это великое произведеніе оставило въ публикѣ: и мы, съ своей стороны, можемъ добавить только одно: успѣхъ „Гамлета" на сценѣ облегчилъ доступъ на нашъ театръ другимъ произведеніямъ великаго англійскаго трагика, и въ этомъ смыслѣ первое представленіе „Гамлета" на московской сценѣ, въ обработкѣ Н. А. Полевого, можетъ быть названо эпохою въ исторіи нашей сцены. Но великія произведенія нашихъ русскихъ авторовъ, съ трудомъ проникая на нашу сцену и еще съ бо̀льшимъ трудомъ на ней устанавливаясь и прививаясь, въ первое время своего появленія въ свѣтъ оказывали гораздо менѣе вліянія на публику, нежели въ настоящее время. Преобладалъ все же репертуаръ пустой и ничтожный, преимущественно переводный; а съ теченіемъ времени къ этому репертуару сталъ все болѣе и болѣе примѣшиваться репертуаръ нравственно-назидательный и патріотическій, въ самомъ исключительномъ смыслѣ этого слова. Мода на патріотическія пьесы повелась отъ знаменитой трагедіи Кукольника *„Рука Всевышняго отечество спасла"*, и такъ какъ эта пьеса, по извѣстной намъ эпиграммѣ: „ходъ автору дала" — то и подражателей у Кукольника нашлось очень много. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Е. П. Гребенка.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (р. 1809 г., ум. 1868 г.) былъ сынъ профессора В. Кукольника, перваго директора Нѣжинскаго Лицея. Здѣсь Н. В. Кукольникъ былъ товарищемъ Гоголя, и окончилъ курсъ въ 1829 г. Первые годы по выходѣ изъ школы занимался учительствомъ, но въ 1831 г. оставилъ педагогію и задумалъ посвятить себя исключительно литературѣ и журналистикѣ. Въ это время онъ напечаталъ въ „Невскомъ альманахѣ" отрывокъ своей драматической поэмы *„Торквато Тассо"*, который поразилъ всѣхъ своими внѣшними красотами. Даже и въ „Московскомъ

Телеграфѣ", относившемся не очень снисходительно къ первымъ опытамъ молодыхъ, начинающихъ авторовъ, произведеніе Кукольника заслужило похвальнаго отзыва; выражена была даже и надежда на то, что многаго можно ожидать въ будущемъ отъ молодого автора... Онъ блистательно и доказалъ это своею трескучею и эффектною трагедіею, которая, однакоже, очень понравилась въ высшихъ сферахъ по своему патріотическому духу и, что называется, пришлась кстати. Авторъ былъ осыпанъ наградами и прославленъ на всѣ лады. Незадолго передъ тѣмъ поступивъ на службу по одному изъ министерствъ, онъ былъ повышенъ мѣстомъ и упрочилъ своимъ сценическимъ успѣхомъ свое служебное положеніе. Этотъ первый и весьма громкій успѣхъ повліялъ, какъ это часто бываетъ, самымъ неблагопріятнымъ образомъ на его дальнѣйшую литературную карьеру. Вообразивъ себя необычайно-талантливымъ и предназначеннымъ на необычайное, Кукольникъ окружилъ себя музыкантами и художниками, сталъ стремиться къ рѣшенію важныхъ эстетическихъ задачъ—и въ этихъ видахъ въ 1836 году издавалъ даже „*Художественную Газету*", а литературѣ посвящалъ свои досуги между дѣломъ. Въ результатѣ ничего необычайнаго и великаго не вышло, а написалось только нѣсколько историческихъ драмъ („*Князь Скопинъ-Шуйскій*", „*Князь Даніилъ Холмскій*", „*Денщикъ Петра Великаго*" и т. д.) и фантастическихъ трагедій на сюжеты, которые Кукольникъ особенно охотно заим-

Н. И. Гречъ.

ствовалъ изъ итальянской жизни въ виду эффектной ея бытовой обстановки („*Джакобо Санназаръ*", „*Джуліо Мости*" и т. п.). Публика охотно смотрѣла эти пьесы; онѣ пользовались большимъ или меньшимъ успѣхомъ на сценѣ; но нароставшая и назрѣвавшая критика журнальная, съ Бѣлинскимъ во главѣ, судила всѣ эти произведенія строго и наглядно доказывала заносчивому автору всю пустоту и безсодержательность его творческихъ замысловъ. Однакоже, Кукольникъ не унывалъ, не терялъ въ себѣ увѣренности, и, не оставляя сцены, пробовалъ свои силы и въ другихъ родахъ (помѣщалъ свои повѣсти и разсказы въ журналахъ); а въ началѣ 50-хъ годовъ издалъ въ свѣтъ свое „Полное собраніе сочиненій" въ 10 томахъ... Но тогда уже пѣсня его давно была спѣта.

Съ половины 30-хъ и до половины 40-хъ годовъ ревностно работали для сцены и другіе наши авторы, уже упомянутые нами выше—Загоскинъ, Лажечниковъ, Масальскій, Н. А. Полевой и графъ Сологубъ. Многія изъ ихъ пьесъ, какъ и пьесы Кукольника, пользовались временнымъ успѣхомъ, нравились публикѣ, но русская драма все же ни на шагъ не двигалась впередъ въ смыслѣ совершенствованія, въ смыслѣ сближенія ея съ правдою и дѣйствительностью, съ жизнью народа и ея насущными потребностями.

Иллюстрація къ «Идилліямъ» В. И. Панаева.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Успѣхи просвѣщенія во второй четверти XIX вѣка.— Университеты и другія высшія учебныя заведенія.—Россійская Академія и другія ученыя общества.—Научное движеніе.—Возрастаніе журналистики.—Литературные кружки.

Мы уже видѣли выше, въ началѣ Александровскаго царствованія, тотъ пышный расцвѣтъ просвѣщенія, который проявился въ Россіи въ первые годы XIX вѣка и вызвалъ учрежденіе новыхъ университетовъ и, около нихъ, новыхъ учебныхъ округовъ со всей ихъ обстановкой и администраціей. Видѣли за-

Университетъ св. Владиміра, въ Кіевѣ.

тѣмъ, какъ въ періодъ реакціи, многое, сдѣланное на пользу русскаго просвѣщенія, обращено было во вредъ и въ прямой ущербъ ему. Но... несмотря на тяжелыя времена конца царствованія Александра I и начала царствованія Николая I, время все же брало свое, и зубчатое колесо прогресса (по замѣчанію Лэкки, никогда не двигающееся назадъ), хотя и замедляло на время свой ходъ, но все же продолжало его въ опредѣленномъ, намѣченномъ направленіи.

Когда минули грозныя времена Магницкихъ и Руничей,

университеты вновь ожили, всюду вновь и еще сильнѣе сказалась потребность въ новыхъ высшихъ учебныхъ центрахъ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ низшихъ школахъ. По губернскимъ городамъ, одна за другою, стали возникать гимназіи; два лицея—Ришельевскій въ Одессѣ и Безбородкинскій въ Нѣжинѣ[1]) развились и окрѣпли, обратившись въ прочные образовательные центры. Сверхъ того, вслѣдствіе совершенно особыхъ мѣстныхъ и отчасти историческихъ условій, въ первые же годы царствованія императора Николая I, русское просвѣщеніе нежданно и негаданно завоевало себѣ новую и весьма обширную окраину... Польская смута въ началѣ 30-хъ годовъ вынудила правительство покончить съ Виленскимъ университетомъ, который и былъ закрытъ. А между тѣмъ потребность въ высшемъ учебномъ заведеніи давно уже сказывалась на нашемъ Западѣ и Юго-Западѣ. Не слѣдуетъ забывать, что, еще въ первоначальномъ Екатерининскомъ и Александровскомъ планѣ университетовъ, многіе голоса уже поднимались за Кіевъ или Черниговъ, какъ центры, подходящіе для университета... Но поляки, стоявшіе на этой окраинѣ во главѣ просвѣщенія, всѣми силами старались затормозить учрежденіе русскаго университета на малорусско-польской окраинѣ и, такимъ образомъ, вмѣсто его, въ 1805 году открыто было въ Кременцѣ нѣчто въ родѣ „гимназіи высшихъ наукъ“, весьма эклектической по характеру и разнообразію преподаванія, и притомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ польско-католической. Въ 1818 году эта высшая Кременецкая гимназія была нѣсколько измѣнена въ общемъ планѣ и переименована въ *Волынскій лицей*, при томъ же направленіи, а затѣмъ, когда рѣшено было учредить „*Университетъ св. Владиміра*“ въ Кіевѣ, Волынскій лицей былъ закрытъ и нѣкоторые лучшіе его преподаватели получили каѳедры въ новомъ университетѣ, открытомъ въ іюнѣ 1834 года. Въ то же время измѣненъ весь планъ преподаванія во всемъ Юго-Западномъ краѣ, и *русскому* просвѣщенію былъ тамъ открытъ широкій просторъ. Вскорѣ послѣ открытія Кіевскаго университета, около него, какъ и около другихъ, подобныхъ же научныхъ центровъ, стали сосредоточиваться научные интересы мѣстнаго края и явились ученые кружки и общества, о которыхъ намъ еще придется упоминать впослѣдствіи.

Ученые журналы.

Въ тотъ же самый періодъ времени сильно развилась и возросла дѣятельность прежнихъ ученыхъ обществъ, особенно въ управленіе графа Уварова Министерствомъ народнаго просвѣщенія: явились и новыя общества, вызванныя быстро-возрастающею

[1]) Первый изъ нихъ былъ открытъ въ 1817 г., а второй въ 1820, хотя, конечно, ни тотъ, ни другой не сложились сразу, а постепенно.

потребностью изученія Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ. Сильно развилась дѣятельность Московскаго Общества „Исторіи Древностей“ при Московскомъ университетѣ, которое въ своихъ „Чтеніяхъ“ и „Временникѣ“ напечатало и обнародовало множество драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей рукописной эпохи, важныхъ въ историческомъ отношеніи, и много прекрасныхъ изслѣдованій, основанныхъ на памятникахъ. Стали появляться и, кромѣ академическихъ и университетскихъ, спеціальные ученые журналы, въ родѣ „*Библіографическихъ Листовъ*“, издаваемыхъ П. И. Кеппеномъ, и во многихъ журналахъ общихъ, такихъ, какъ „*Вѣстникъ Европы*“, издаваемый Каченовскимъ, „*Сѣверный Архивъ*“, издаваемый Ѳ. Булгаринымъ, и, позднѣе, „*Москвитянинъ*“, издаваемый Погодинымъ,—весьма видное мѣсто удѣлялось научному отдѣлу [1]). Нельзя не упомянуть и о томъ, что съ 1834 года, по мысли графа Уварова, сталъ издаваться (и понынѣ существующій) „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“—органъ, предназначенный на то, чтобы знакомить публику съ общимъ ходомъ развитія науки и съ распространеніемъ просвѣщенія въ различныхъ концахъ нашего обширнаго отечества.

Ученыя общества.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и весьма большихъ, крупныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Россіею во второй четверти XIX вѣка въ области наукъ историческихъ и подробнаго, всесторонняго изученія нашего прошлаго, т. е. въ области наиболѣе близкой къ литературѣ. Еще въ 1823 г., въ кружкѣ, собиравшемся около канцлера Н. П. Румянцева, извѣстный археографъ и библіографъ П. М. Строевъ подалъ мысль объ археографическомъ путешествіи по различнымъ мѣстностямъ Россіи для розысканія и собиранія рукописныхъ сокровищъ, еще уцѣлѣвшихъ по провинціальнымъ архивамъ, по древнимъ обителямъ и т. п. Мысль его была одобрена; Академія Наукъ дала средства на учрежденіе „Археографической экспедиціи“ и во главѣ ея были поставлены П. М. Строевъ и его помощникъ Я. И. Бередниковъ. Шесть лѣтъ подъ-рядъ продолжалось ихъ въ высокой степени любопытное и поучительное путешествіе по Россіи, и въ результатѣ получилась громада древнихъ рукописныхъ памятниковъ—лѣтописей, актовъ, грамотъ, договоровъ, записей всякаго рода. Для разбора всей этой массы драгоцѣннаго матерьяла была учреждена въ 1835 г. „*Постоянная Археографическая Комиссія*“, которая издала въ свѣтъ цѣлый рядъ весьма важныхъ въ научномъ отношеніи изданій, памятниковъ, и до настоящаго времени продолжаетъ въ

[1]) «Библіографическіе Листы» издавались Кеппеномъ въ теченіе 1825 и 1826 гг.; «Сѣверный Архивъ» — съ 1822—1828 г.; «Москвитянинъ» — съ 1841—1853 г. Много научныхъ, серьезныхъ и важныхъ статей вошли въ составъ «Московскаго Вѣстника» (1827—1830 г.).

той же области свою полезную дѣятельность. Нельзя не отмѣтить и того, что около этого же времени цѣлый рядъ талантливыхъ и усердныхъ тружениковъ посвящалъ себя изученію и описанію важнѣйшихъ нашихъ библіотекъ и отчасти добросовѣстному и тщательному изданію древнихъ памятниковъ нашей письменности: въ ряду этихъ тружениковъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ именъ Востокова, Строева, Калайдовича и Кеппена, мы должны припомнить также имена Бодянскаго, Григоровича, Сахарова и Бычкова. Въ концѣ 40-хъ годовъ, во главѣ быстро возраставшей и богатѣвшей Императорской Публичной Библіотеки явился директоромъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей Николаевской эпохи, баронъ М. А. Корфъ, и по мысли его было положено при библіотекѣ (въ 1849 г.) начало одному изъ полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ ея отдѣловъ, а именно: отдѣлу „*Rossica*", т. е. всѣхъ иностранныхъ и иноземныхъ сочиненій о Россіи, начиная отъ первопечатныхъ книгъ и до произведеній новѣйшей литературы.

Закрытіе Россійской Академіи.

Но въ началѣ тѣхъ же 40-хъ годовъ покончило свое существованіе одно изъ тѣхъ ученыхъ учрежденій, которое весьма кстати возникло при Академіи Наукъ по мысли великой Екатерины, въ концѣ XVIII вѣка. Мы говоримъ объ Академіи „Россійской", первымъ президентомъ которой была знаменитая Екатерина Романовна Дашкова, а послѣднимъ такъ долго и такъ некстати былъ адмиралъ Шишковъ. Академія Россійская, не связанная съ дѣятельностью Академіи Наукъ ни въ научномъ, ни въ хозяйственномъ, ни въ административномъ отношеніи, обезпеченная матерьяльно при самомъ началѣ своего существованія и весьма осторожная въ своихъ научныхъ предпріятіяхъ, составляла нѣкоторую противоположность съ Академіею Наукъ въ томъ отношеніи, что постоянно богатѣла и увеличивала свои капиталы, между тѣмъ какъ Академія Наукъ постоянно нуждалась въ средствахъ. Эта финансовая сторона, съ одной стороны, а съ другой стороны — преобладаніе нѣмецкаго элемента въ составѣ ученой коллегіи Академіи Наукъ—способствовали тому, что между обѣими академіями постоянно существовала извѣстнаго рода рознь, которая, между прочимъ, навлекла на Россійскую Академію немилость императора Павла I: — по его приказанію у нея отняты были и взяты въ казну принадлежавшіе ей дома и отчислены нѣкоторыя статьи дохода. При императорѣ Александрѣ все это было возвращено, и Академія Россійская получила отъ юнаго императора новыя приращенія своего матерьяльнаго богатства. Но его наслѣднику, императору Николаю I, не полюбилось раздвоеніе академической дѣятельности и слишкомъ опредѣленное русско-славянское направленіе Россійской Академіи. Онъ уже высказалъ ей свое нерасположеніе въ томъ, что однимъ по-

черкомъ пера отчислилъ отъ капиталовъ Россійской Академіи 400,000 р. на постройку Пулковской обсерваторіи, къ которой эта академія, по своей спеціальной дѣятельности, не имѣла никакого отношенія. Затѣмъ государю угодно было соединить обѣ академіи въ одно учрежденіе, причемъ Академія Россійская должна была занять, по отношенію къ Академіи Наукъ, положеніе второстепенное и подчиненное, подъ названіемъ „*Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности*“. Въ этомъ проэктѣ нельзя было не видѣть вліянія весьма сильной при Дворѣ императора Николая I нѣмецкой партіи.

Уваровъ долгое время не рѣшался на этотъ шагъ и всѣми силами старался оттянуть рѣшеніе вопроса, вѣроятно признавая дѣятельность Россійской Академіи во многихъ отношеніяхъ полезною и еще бо̀льшаго ожидая отъ ея будущаго развитія. Но императоръ настаивалъ, и Уваровъ вынужденъ былъ представить на его усмотрѣніе проэктъ о сліяніи двухъ ученыхъ учрежденій въ одно цѣлое, хотя и въ далеко неравныхъ и неравнозначущихъ частяхъ. 19 октября 1841 г. государь утвердилъ Положеніе объ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности. Въ первомъ параграфѣ Положенія говорится: „*Императорская Россійская Академія* присоединяется къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ особаго „*Отдѣленія Русскаго языка и Словесности*“. Вслѣдствіе сего, вся собственность первой, состоящая въ зданіяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества послѣдней“.

Подводя общій итогъ дѣятельности Россійской Академіи, ея безпристрастный историкъ, академикъ Сухомлиновъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что, несмотря на многіе пробѣлы и недочеты, эта дѣятельность, по своимъ результатамъ, заслуживаетъ глубокаго уваженія и признательнаго воспоминанія въ потомствѣ. „Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи, — замѣчаетъ историкъ Россійской Академіи,—необходимо припомнить, что она принимала на себя обязанности, которыя впослѣдствіи были раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работая надъ словаремъ, расположеннымъ по азбучному порядку, составившимъ славу академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одинъ за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, академія занималась вмѣстѣ съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ“... [1]).

---

[1]) «На пособіе и снабженіе едва возникавшихъ тогда мѣстныхъ библіотекъ, въ различныхъ краяхъ Россіи, Академія Россійская истратила около семидесяти тысячъ руб. сер.» (Зам. академика Сухомлинова).

..Нельзя забыть также, что Россійской Академіи принадлежитъ почииъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ и важнѣйшими представителями науки и литературы славянъ — съ Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ,

Отдѣленіе «Rossica» Императорской Публичной Библіотеки.

Ганкою, Караджичемъ и др. Важные научные труды на пользу славянства явились въ свѣтъ только благодаря щедрымъ пособіямъ со стороны Россійской Академіи; она же давала весьма обильныя средства славянскимъ ученымъ и писателямъ на собираніе и изданіе памятниковъ ихъ устной и письменной словесности, на изученіе славянскихъ народностей и т. д. Важною особенностью Россійской Академіи, какъ учрежденія, было именно

то, что она сплотила русскихъ ученыхъ въ одно цѣлое. Сознавая свое значеніе и свои обязанности по отношенію къ Россіи, они постоянно имѣли въ виду поднятіе уровня русской образованности и, въ то же время, были горячими защитниками русскихъ дарованій, почему и отстаивали права русскихъ ученыхъ на избраніе въ академики. Многіе изъ членовъ Россійской Академіи

Посѣщеніе Императорской Публичной Библіотеки императоромъ Николаемъ I.

служили живою связью между академіею и образованною частью русскаго общества. Они принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ университетовъ, въ устройствѣ и пополненіи ихъ ученой коллегіи и въ другихъ важныхъ вопросахъ нашей умственной и общественной жизни. Одинъ изъ самыхъ уклончивыхъ и тонкихъ нашихъ литераторовъ-дипломатовъ не даромъ замѣтилъ въ своемъ отзывѣ о преобразованіи Россійской Академіи: „кажется, *лучше было бы не трогать Академіи*, не нарушать личныхъ преимуществъ ея“..

Въ связи съ быстрымъ и усиленнымъ ростомъ русской науки и просвѣщенія, въ связи съ неудержимымъ, несмотря ни на какія неблагопріятныя условія, развитіемъ литературы, развивалась у насъ и журналистика, пріобрѣтая все болѣе и болѣе почвы и все тѣснѣе и тѣснѣе сближаясь съ общественною жизнью, ея потребностями и преобладающими въ ней направленіями. Въ этомъ именно смыслѣ, самый бѣглый, самый поверхностный взглядъ на исторію нашей журналистики во второй четверти XIX вѣка уже объясняетъ намъ многое въ исторіи нашей общественной жизни и нашего самосознанія.

Журналистика. Выше мы уже видѣли, что, когда наступилъ періодъ реакціи, вызванной въ Европѣ Священнымъ союзомъ и отразившейся у насъ въ Россіи преобладаніемъ мистицизма надъ всѣми остальными направленіями, и въ просвѣщеніи, и въ литературѣ— у насъ существовали, съ грѣхомъ пополамъ, только три главныхъ журнала, удовлетворявшихъ такъ или иначе потребностямъ общества въ чтеніи научномъ и литературномъ. Журналы эти были: „*Сынъ Отечества*“ Н. И. Греча, „*Русскій Вѣстникъ*“ С. Н. Глинки и „*Вѣстникъ Европы*“ М. Т. Каченовскаго. Но когда миновала эпоха Наполеоновскихъ войнъ, когда Россія опять стала влачить ту же пасмурную, будничную жизнь, при которой вершителемъ судебъ являлся Аракчеевъ, а всѣ умственные интересы, всѣ духовныя потребности общества отодвинуты были на второй планъ — журналистика наша какъ бы замерла на время... Существовавшіе уже журналы утратили всякое значеніе, потускнѣли и выцвѣли; количество подписчиковъ ихъ сократилось до самаго ограниченнаго минимума. Новые журналы не появлялись, не возникали среди старыхъ литературныхъ кружковъ; а кружки молодые, изъ которыхъ они могли бы возникнуть, еще только складывались и опредѣлялись. Съ 1818 г., правда, сталъ выходить новый журналъ—„*Отечественныя Записки*“ П. П. Свиньина; но этотъ — не то журналъ, не то сборникъ, едва ли могъ удовлетворить народившимся новымъ потребностямъ русской жизни. Все содержаніе „Отечественныхъ Записокъ“, и по формату, и по объему помѣщеннаго въ нихъ матерьяла, и по тэмамъ статей — напоминало скорѣе дѣтскія книжки и сборники для назиданія юношества, нежели журналъ, пригодный для чтенія образованнаго общества. Описаніе разныхъ „россійскихъ достопамятностей“ и „россійскихъ героевъ“, восхваленіе геніальныхъ самоучекъ изъ народа и безъ всякой послѣдовательности и умѣнья печатаемые сырые историческіе матерьялы — вотъ что въ первые три-четыре года составляло все содержаніе „Отечественныхъ Записокъ“, въ которыхъ П. П. Свиньинъ являлся и издателемъ, и редакторомъ, и авторомъ, и даже иллюстраторомъ. Четыре года спустя, болѣе

Свиньина талантливый и болѣе ловкій, Булгаринъ затѣялъ издавать въ С.-Петербургѣ „*Сѣверный Архивъ*“—журналъ, также исключительно посвященный изученію Россіи—и привлекъ къ себѣ очень ограниченный кружокъ читателей. Типъ этого журнала такъ же точно не удовлетворялъ русскую публику 20-хъ годовъ, какъ и типы уже отживавшихъ свой вѣкъ старыхъ журналовъ, съ „Вѣстникомъ Европы“ Каченовскаго во главѣ. Любопытнымъ и немаловажнымъ явленіемъ литературнымъ въ это время было появленіе „*альманаховъ*“ — чисто-литературныхъ сборниковъ, пополняемыхъ, преимущественно, произведеніями молодыхъ поэтовъ и писателей... Эти литературныя, опрятно отпечатанныя книжки, съ красивой заглавной виньеткой и двумя-тремя картинками въ текстѣ—очень понравились публикѣ. Онѣ внесли какую-то свѣжую, оживляющую струю въ затхлую атмосферу скуки и педантизма надоѣвшихъ журналовъ. Съ легкой руки Бестужева и Рылѣева, выпустившихъ въ свѣтъ два года подъ-рядъ свой альманахъ „Полярная Звѣзда“, этотъ родъ публикацій такъ понравился публикѣ, что альманахи стали являться ежегодно десятками. Вслѣдъ за ними на то же поприще выступилъ Дельвигъ со своими „*Сѣверными Цвѣтами*“, которые ежегодно являлись въ свѣтъ въ теченіе 5-ти лѣтъ, принося съ собою, дѣйствительно, цвѣтъ русской современной поэзіи и прозы. Въ 1827 году, кромѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, мы видимъ еще полдюжины другихъ, вызванныхъ на свѣтъ успѣхомъ Дельвигова альманаха: „*Невскій Альманахъ*“, „*Драматическій Альманахъ*“, „*Московскій Альманахъ*“, „*Евтерпу*“, „*Терпсихору*“, „*Памятникъ отечественныхъ музъ*“.

Почти одновременно съ „Полярной Звѣдой“, въ Москвѣ, нежданно для всѣхъ, явился новый журналъ, „*Московскій Телеграфъ*“, Полевого. Мы уже имѣли выше случай говорить о немъ въ біографіи Н. А. Полевого, и потому теперь только вскользь припомнимъ, что, по тому времени, журналъ этотъ былъ явленіемъ необычайнымъ, выходящимъ изъ ряда и не похожимъ нимало на все, что подъ названіемъ журналовъ было у насъ до тѣхъ поръ извѣстно. Два очень умныхъ человѣка, изъ совершенно различныхъ слоевъ общества, сошлись въ этомъ журнальномъ предпріятіи съ изумительнымъ, почти необъяснимымъ единодушіемъ, повели его по совершенно новому пути, и создался новый типъ журнала на много и много лѣтъ, сохранившійся за нашими русскими журналами почти до настоящаго времени. Главнымъ лозунгомъ обоихъ руководителей журнала—князя П. А. Вяземскаго и Н. А. Полевого—было „разнообразіе и живость интереса“ во что бы то ни стало, и на этой основѣ они построили такую программу журнала, которая всѣхъ привела въ изумленіе. Князь Вяземскій внесъ въ него свой тонко-развитый вкусъ и глубокое знаніе иностранныхъ

литературъ; а Н. А. Полевой—знаніе Россіи и народа, знакомство съ бытовыми сторонами народной жизни и съ ея экономическими условіями. Въ результатѣ получился такой органъ, который свободно и положительно занимался рѣшеніемъ самыхъ противоположныхъ, практическихъ и отвлеченныхъ задачъ и вопросовъ, и всѣхъ умѣлъ заинтересовать въ этомъ рѣшеніи. Черезъ три-четыре года существованія, „Московскій Телеграфъ“ занялъ такое видное и такое твердо-обоснованное положеніе, что всѣ старые журналы должны были передъ нимъ стушеваться, смолкнуть, присмирѣть. Даже распаденіе союза Полевого съ Вяземскимъ не могло поколебать его; не могла поколебать его и та ненависть и злоба, которою отовсюду окружили его неисчислимые враги, возстановленные во всѣхъ литературныхъ лагеряхъ рѣзкою правдивостью и безцеремонностью сужденій критики „Телеграфа“, — первой разумной журнальной критики, которая старалась подвести литературныя произведенія подъ уровень извѣстныхъ эстетическихъ и философскихъ требованій. Чрезвычайно любопытнымъ и поучительнымъ фактомъ въ исторіи нашей журналистики является, конечно, то, что всѣ литературные враги, противники и порицатели „Телеграфа“, негодуя, критикуя и осуждая его на всѣ лады, все же вынуждены были признать, что Н. А. Полевой далъ имъ въ своемъ журналѣ образецъ, которому надо было подражать и, по возможности, слѣдовать. И дѣйствительно — подражали и старались слѣдовать; но долго, очень долго никто не могъ замѣнить „Телеграфъ“ и добиться его (по тому времени) замѣчательнаго успѣха въ публикѣ.

Баронъ М. А. Корфъ.

Уже въ самый разгаръ успѣховъ „Телеграфа“, въ концѣ 20-хъ годовъ, явились новые журналы, которые, при участіи многихъ молодыхъ силъ и почти всѣхъ литературныхъ знаменитостей, сулили удачу смѣлымъ предпринимателямъ. Такъ въ 1827 г. появился „Московскій Вѣстникъ“, журналъ издаваемый Погоди-

нымъ, при участіи Пушкина, Жуковскаго, Веневитинова, Языкова, Дельвига и т. д.—явился съ большими претензіями на значеніе и съ задатками успѣха, съ громами и молніями, направленными на „невѣжество и верхоглядство“ издателя „Московскаго Телеграфа“; но съ первыхъ же шаговъ его редакторъ-издатель выказалъ свою полную несостоятельность въ журнальномъ дѣлѣ. Отдѣлъ поэзіи оказался у него богатымъ; отдѣлъ прозы наполнялся больше переводами и компиляціями, и во всемъ журналѣ царила скука и безсодержательная пустота. Онъ еле-еле просуществовалъ два года, отвадилъ отъ себя всѣ лучшія силы, такъ что изъ поэтовъ на страницахъ его, наконецъ, оказался одинъ Шевыревъ; и уже на третій годъ журналъ Погодина обратился въ простое „собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ“, которое съ концомъ 1829 г. и прекратило свое существованіе.

П. Чаадаевъ.

Точно такъ же, въ подрывъ „Московскому Телеграфу“, затѣяна была кружкомъ Пушкина, съ дѣятельнымъ участіемъ князя Вяземскаго, „*Литературная Газета*“ Дельвига; но не имѣла успѣха и прекратилась на другой же годъ за смертью Дельвига и полнымъ неуспѣхомъ [1]). Гораздо болѣе устойчивымъ и опаснымъ соперникомъ „Московскаго Телеграфа“ явился „*Телескопъ*“ Надеждина, который, благодаря уму, обширной образованности и большой изворотливости своего издателя, просуществовалъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ и пользовался въ обществѣ значеніемъ и нѣкоторымъ успѣхомъ, въ особенности послѣ прекращенія „Телеграфа“. Но пережилъ его не надолго, и былъ запрещенъ въ началѣ 1836 г. за первое „*Философское письмо*“ Чаадаева, которое, какъ мы увидимъ далѣе, имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи развитія нашихъ литературныхъ партій.

---

[1]) Мы не упоминаемъ въ числѣ журналовъ «Европейца» И. В. Кирѣевскаго, который сталъ выходить въ 1832 г., и былъ запрещенъ на 3-мъ №, за статью «Девятнадцатый вѣкъ».

Въ то время, когда наша московская журналистика переживала, одну за другою, такія тяжкія невзгоды, въ журналистикѣ петербургской проявился новый органъ, „*Библіотека для Чтенія*“, во главѣ котораго сталъ извѣстный профессоръ С.-Петербургскаго университета, Сенковскій, по спеціальности своей оріенталистъ, человѣкъ чрезвычайно заносчивый и самомнительный, а потому и позволявшій себѣ относиться ко всѣмъ явленіямъ нашей литературы съ осмѣяніемъ и свысока. Не будучи русскимъ ни по душѣ, ни по происхожденію, онъ ни къ чему русскому не относился горячо и сочувственно, не задавался никакою идеею, и во всемъ, что писалъ, ограничивался только отрицаніемъ и насмѣшками, которыя выказывали его полную пустоту и несостоятельность нравственную и полное отсутствіе всякихъ убѣжденій. При такомъ руководителѣ, журналъ, конечно, не могъ имѣть никакого направленія и былъ не болѣе, какъ періодически появлявшимся сборникомъ статей, ни для кого не нужнымъ и менѣе всего нужнымъ для современной русской публики. Такого же направленія держались и другіе петербургскіе журналы— „Русскій Архивъ“ Булгарина, соединившійся съ „Сыномъ Отечества“ Греча, и „Отечественныя Записки“, издаваемыя Свиньинымъ (о нихъ мы уже говорили выше). Немного выиграла петербургская журналистика и тогда, когда за изданіе журнала взялся Пушкинъ, такъ долго и настойчиво добивавшійся возможности выступить со своимъ органомъ и создать журналъ здравой и строго-обоснованной критики, въ родѣ англійскихъ „обозрѣній“ (reviews). Его „*Современникъ*“, которымъ онъ,—увы!—руководилъ такъ недолго—вышелъ едва-ли не самымъ блѣднымъ изо всѣхъ безцвѣтныхъ петербургскихъ журналовъ! Вообще говоря, наблюдался очень любопытный фактъ существеннаго различія между общимъ направленіемъ журналистики петербургской и московской. Различіе заключалось въ томъ, что Москва, болѣе удаленная отъ административнаго центра и тѣснѣе Петербурга связанная со всею остальною Россіею, видимо пыталась создать такой органъ, который бы могъ служить болѣе или менѣе вѣрнымъ выраженіемъ той возрастающей работы мысли, которая усиленно искала себѣ отвѣтовъ и рѣшеній на вопросы и задачи, предлагаемые жизнью и дѣйствительностью. А Петербургъ, не гоняясь ни за какими идеалами, искалъ въ журналистикѣ только одного: дать всѣмъ въ руки въ журналѣ такое занимательное чтеніе, которое было бы всѣмъ по вкусу и служило бы пріятнымъ развлеченіемъ, не задавая мысли никакой трудной работы. Въ Петербургѣ, въ средѣ литературной 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, не было никакихъ партій, а были только кружки, связанные между собою финансовыми расчетами и личными отношеніями. Въ Москвѣ,

напротивъ того, общество страстно было увлечено идейною жизнью, философскія ученія поглощали все вниманіе образованнаго общества, и никакія отношенія или расчеты не въ силахъ были поколебать преданность опредѣленной идеѣ или предвзятой теоріи. Московскіе литературные и просто интеллигентные кружки были вполнѣ готовы къ тому, чтобы всецѣло и съ полнымъ усердіемъ предаться той или другой доктринѣ и на основаніи ея образовать рѣзко-опредѣленныя партіи. Но, до 1836 года, такихъ рѣзко-опредѣлившихся партій въ Москвѣ еще не было; многіе кружки, въ составъ которыхъ входили молодые ученые, профессора университета и образованнѣйшіе представители лучшаго общества, были еще чрезвычайно пестры по составу своему. Въ этихъ кружкахъ еще сходились люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ, и даже находили большое наслажденіе въ нескончаемыхъ спорахъ на тэмы совершенно отвлеченнаго, чисто-философскаго содержанія. Такъ, напр., въ весьма извѣстномъ кружкѣ Станкевича, который стоялъ въ центрѣ всей московской интеллигенціи, сходились еще люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ: Катковъ и Грановскій, Константинъ Аксаковъ и Бѣлинскій—люди, которые, нѣсколько лѣтъ спустя, стали во главѣ совершенно опредѣленныхъ литературно-общественныхъ партій и не могли хладнокровно слышать другъ о другѣ... Рознь чувствовалась, сказывалась въ ожесточенныхъ спорахъ, въ болѣе или менѣе продолжительныхъ размолвкахъ; но, при стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась печать и всѣ проявленія общественной жизни—не представлялось никакого повода, достаточно выдающагося и рѣзко-опредѣленнаго, который бы способенъ былъ порвать старыя связи, существовавшія въ кружкѣ.

Письмо Чаадаева.

И вдругъ—такой именно поводъ явился, въ видѣ рѣзкой статьи Чаадаева, который задумалъ помѣстить въ „Телескопѣ“ цѣлый рядъ „философскихъ писемъ“, и въ нихъ подвергнуть критикѣ всѣ основы русской общественной жизни; но успѣлъ помѣстить *только одно письмо*, потому что журналъ Надеждина за помѣщеніе этого письма воспретили, самого издателя услали „въ не столь отдаленныя мѣста“, а Чаадаеву посовѣтовали уѣхать за границу. Это „первое письмо“, въ которомъ Чаадаевъ высказывался очень рѣзко противъ нашего историческаго прошлаго и горевалъ о томъ, что мы приняли исповѣданіе вѣры отъ Византіи, а не отъ Рима, было преисполнено всякаго рода порицаній и отрицаній, которыя должны были задѣть за живое каждаго мыслящаго русскаго человѣка и привести его къ необходимости откровенно высказаться относительно своихъ воззрѣній на русскую жизнь и дѣйствительность. Въ виду той исторической важности, которую имѣетъ это знаменитое „письмо“ Чаадаева, мы приведемъ здѣсь изъ него

пространныя выписки, чтобы ознакомить нашихъ читателей съ сущностью этого документа. Вотъ эти выписки:

„Одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія—что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ... у насъ только что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества—ни къ Западу, ни къ Востоку—не имѣемъ преданій ни того, ни другого... Всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія — не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія...

...„Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали—не усвоивъ себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго... Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ... Все есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ и развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго... Мы растемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать: возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго... Мы, почти можно сказать—народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя, кажется, не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того, чтобы современемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру“.

Высказавъ это далеко не лестное мнѣніе о славянской народности, Чаадаевъ подходитъ къ тому же вопросу съ другой стороны—со стороны общихъ идей, связующихъ всѣ европейскія общества въ одно цѣлое, и говоритъ:

„Теперь сравните: много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя могли бы руководствовать насъ въ жизни?.. Хотите-ли знать, что̀ это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка... Онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада! Это — болѣе, чѣмъ исторія, болѣе, чѣмъ психологія: это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?“

...„Чужестранцы ставили намъ въ достоинство безпечную отважность, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ... Но они не видятъ, что это равнодушіе къ матерьяльнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ

самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія; не видятъ, что по милости этой-то безпечной отваги, у насъ, и въ высшихъ классахъ, существуютъ пороки, которые, въ другихъ странахъ, принадлежатъ только низшимъ... Не замѣчаютъ, что, имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще не образованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ.“

...„Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ... Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что̀ сообщило намъ это совершенствованіе... Мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей... Ничего не выдумали сами, и изъ всего, что̀ выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.“

...„Что̀ дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ, съ высокою мыслью религіи, возникало величественное зданіе новаго образованія? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія у растлѣнной, презираемой всѣми народами, Византіи. Мелкая суетность только-что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстью...“

Суровый пессимистъ, закрывая глаза на все, что̀ было сдѣлано Россіею въ теченіе полутора вѣка, протекшаго послѣ Петровской реформы, не признавая никакого прогресса въ русской исторической жизни, отрицаетъ даже и ту славу, которою такъ гордились еще его современники—славу борьбы съ Наполеономъ за̀ освобожденіе Европы.

...„Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать,—говоритъ Чаадаевъ, — и, чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ къ своему великому посланію (призванію?), проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта, и что же принесли домой? Однѣ дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтія.“

Эта жестокая и безпощадная критика русской жизни, въ которой, впрочемъ, нельзя отрицать нѣкоторыхъ, совершенно справедливыхъ укоровъ—болѣзненно поразила многихъ людей, искренно и горячо преданныхъ основнымъ началамъ русской жизни и возлагавшихъ всѣ свои упованія на лучшее будущее, которое каза-

лось имъ и близкимъ, и возможнымъ. Ихъ оскорбило и несправедливое отношеніе къ православію, и преувеличенное преклоненіе передъ западною цивилизаціей, и тотъ безнадежный сумракъ, которымъ Чаадаевъ облекалъ все свое, родное, не затрудняя себя даже болѣе внимательнымъ, болѣе вдумчивымъ разборомъ русской жизни, которую онъ огуломъ отрицалъ и признавалъ какъ бы не существующею... Напротивъ того, это отрицаніе, этотъ сумрачный взглядъ и на наше прошлое, и на наше будущее — пришлись по-сердцу людямъ, которые исключительно расчитывали и надѣялись на наше тѣсное общеніе съ Западомъ, какъ на единственный якорь спасенія, на которомъ мы могли основывать всѣ свои надежды въ будущемъ. Поднялись споры и борьба:— все общество московское раздѣлилось на партіи, которыя между собою вступили въ долгую и упорную распрю. „Давно извѣстныя истины", о которыхъ говоритъ Чаадаевъ, еще разъ сдѣлались предметомъ яростныхъ споровъ и всестороннихъ обсужденій, и привели къ рѣшительному разрыву и распаденію на два противоположныя лагеря—„западниковъ" и „славянофиловъ". Эти партіи внесли свой споръ и распрю въ область литературы и обоюдно много способствовали разработкѣ различныхъ вопросовъ русской жизни и русскаго самосознанія. Славянофилы пошли направо, западники налѣво; и тѣ, и другіе, упорно слѣдуя по своему пути, съ теченіемъ времени впали въ большія крайности и пришли къ выводамъ, съ которыми, въ концѣ концовъ, трудно было бы вполнѣ согласиться; но и тѣ, и другіе, въ одинаковой степени способствовали поступательному движенію русской мысли и русскаго самосознанія.

Ваш Ив. Аксаков

5 Окт. 78.

Варварина

Автографъ И. С. Аксакова. Изъ коллекціи С. Н. Шубинскаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Славянофилы, какъ партія литературная.—Основы, изъ которыхъ развилось славянофильство. Его важнѣйшія цѣли, стремленія и надежды.— Семья Аксаковыхъ. Братья Кирѣевскіе. Хомяковъ и Самаринъ.— Славянофильство въ литературѣ, въ наукѣ и въ жизни.

Важнымъ признакомъ зрѣлости общества всегда служитъ появленіе въ немъ отдѣльныхъ партій, представляющихъ собою отдѣльныя мнѣнія, отдѣльныя воззрѣнія на извѣстныя стороны и условія общественнаго быта и жизни. То же самое бываетъ и въ литературѣ. По мѣрѣ того, какъ она становится дѣйствительнымъ отраженіемъ умственной и духовной жизни народа, въ средѣ людей, посвящающихъ себя литературной дѣятельности, также являются сначала отдѣльные кружки, а потомъ и цѣлыя партіи, исключительно придерживающіяся въ своей литературной дѣятельности одной какой-нибудь руководящей идеи—одного какого-нибудь воззрѣнія на дѣятельность поэта и писателя. Возникаютъ споры и даже распри литературныя; является, повидимому, раздоръ и борьба; но изъ этой борьбы, мало-по-малу, вырабатывается живое и сознательное литературное движеніе, которое въ весьма значительной степени способствуетъ общему прогрессу каждаго народа.

Чрезвычайно любопытно наблюдать у насъ въ литературѣ, даже еще въ 20-хъ годахъ, полное отсутствіе литературныхъ партій, которое ясно выражается и въ полномъ отсутствіи критики. Литература еще представляется занятіемъ, болѣе или менѣе пріятнымъ, весьма почетнымъ; но ни литература, ни журналистика еще не связываются ни съ какой идейной основой, не служатъ еще выраженіемъ никакого опредѣленнаго направленія, никакой предвзятой теоріи, которая бы связывала разрозненныя литературныя явленія въ одно цѣлое. Журналы были просто наборомъ статей, которыя печатались въ видѣ отдѣльныхъ, періодически являвшихся въ свѣтъ книжекъ, и статьи эти ничѣмъ не были между собою связаны, а главною и единственною цѣлью сопоставленія ихъ являлось желаніе доставить публикѣ занимательное чтеніе... Только у Полевого, въ „Московскомъ Телеграфѣ“, каждая книжка журнала стала представлять уже нѣчто цѣльное и связное, и, изо всѣхъ ближайшихъ послѣдователей и подражателей Полевого въ дѣлѣ журналистики, только одному Надеждину, въ его „Телескопѣ“, до нѣкоторой степени удавалось достигнуть такой же связности и цѣльности. Но всѣ,—одновременно съ „Телеграфомъ“ и „Телескопомъ“,—являвшіеся журналы (и даже лучшіе между

Кружки и партіи

ними, въ родѣ „Литературной Газеты“, „Московскаго Сборника“ и даже „Современника“ Пушкина) не шли далѣе элементарной формы случайныхъ сборниковъ, въ которыхъ статьи къ тому же часто бывали лишь очень поверхностно и чисто внѣшнимъ образомъ связаны между собою. Это происходило въ значительной степени отъ того эклектизма, который допускался въ самомъ составѣ литературныхъ кружковъ, такъ какъ эти кружки основывались болѣе на отношеніяхъ—дружескихъ, родственныхъ, свѣтскихъ—нежели на общей принадлежности кружка къ опредѣленной партіи, желающей въ своемъ органѣ проводить свои опредѣленныя идеи, воззрѣнія и мнѣнія. Оттого и пестрота въ составѣ сотрудниковъ журнала, и пестрота въ составѣ статей, и отсутствіе въ нихъ единства идеи. Эта разрозненность интересовъ и направленій въ литературной средѣ стала, мало-по-малу, сглаживаться только подъ вліяніемъ университетской науки и проникнувшихъ въ нее черезъ университетъ идей нѣмецкой философіи. Университетская среда и философскія ученія способствовали общенію и даже тѣсному сближенію между людьми, принадлежавшими къ самымъ различнымъ классамъ общества, но связаннымъ одними общими интересами научными и идейными. Это общеніе на такой отвлеченной основѣ приводило къ оживленному обмѣну мыслей и мнѣній, къ спорамъ, въ которыхъ вырабатывались общія воззрѣнія, и, въ концѣ концовъ, къ выдѣленію изъ общей массы выдающихся личностей, около которыхъ группировались постепенно образующіяся партіи. Но до 30-хъ годовъ, повторяемъ, опредѣленныхъ партій не было, какъ не было въ литературѣ никакой настоящей борьбы, потому что „партіями“, въ строгомъ смыслѣ слова, нельзя назвать ни шишковистовъ съ карамзинистами, ни бесѣдчиковъ съ арзамасцами. Вотъ почему и болѣе опредѣленнымъ направленіемъ отличались только тѣ журналы, въ которыхъ, какъ въ „Телеграфѣ“ и „Телескопѣ“, все дѣло велось однимъ главнымъ дѣятелемъ, при двухъ-трехъ подручныхъ помощникахъ, а не кружкомъ лицъ, какъ въ „Литературной Газетѣ“ и въ „Московскомъ Сборникѣ“, въ которомъ мы, въ числѣ участниковъ, видимъ людей, принадлежавшихъ къ самымъ противоположнымъ литературнымъ лагерямъ. Такъ, напр., одинъ изъ современниковъ, описывая намъ торжественное собраніе литераторовъ въ домѣ Хомяковыхъ по поводу рѣшенія издавать „Московскій Вѣстникъ“, говоритъ, что на этомъ собраніи присутствовали, кромѣ братьевъ Хомяковыхъ и Погодина (избраннаго редакторомъ) — Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій... Нѣсколько позже, въ одномъ изъ выдающихся интеллигентныхъ кружковъ Москвы, въ весьма извѣстномъ

кружкѣ Станкевича [1])—видимъ такое же поразительное разнообразіе лицъ и характеровъ: Сатинъ и Красовъ, Клюшниковъ и Кетчеръ, Е. Коршъ, В. Пассекъ, Бѣлинскій и Константинъ Аксаковъ, и рядомъ съ ними — Кольцовъ и В. Боткинъ, Герценъ и Грановскій, Катковъ и др. При самомъ бѣгломъ обзорѣ этихъ московскихъ литературныхъ кружковъ, мы видимъ въ нихъ уже готовую почву для нарождающихся въ близкомъ будущемъ литературныхъ партій самаго рѣзкаго и опредѣленнаго характера; но въ началѣ 30-хъ годовъ мы еще застаемъ эти партіи въ зачаточномъ состояніи... Люди, уже почти готовые вступить въ борьбу и разойтись по совершенно противоположнымъ путямъ, еще могутъ составлять *одинъ* кружокъ, могутъ мечтать объ изданіи *одного* органа и даже воображать себѣ, что они способны работать для одной и той же общей цѣли. Нельзя не отмѣтить (ради характеристики этого неопредѣленнаго общественнаго настроенія) того любопытнаго явленія, что люди, впослѣдствіи совершенно искренно примкнувшіе къ славянофиламъ, въ началѣ 30-хъ годовъ еще и не мечтали о возможности принадлежать къ этой партіи и даже выступали на поприще журналистики съ чисто-западническими стремленіями. Такъ, напр., И. В. Кирѣевскій въ 1832 г. принялся за изданіе журнала „*Европеецъ*", который

С. Т. Аксаковъ.

[1]) *Николай Владиміровичъ Станкевичъ* (р. 1813 г., ум. въ 1840 г.) родился въ деревнѣ отца своего Удеревкѣ, Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда. Воспитывался въ Острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Воронежскомъ благородномъ пансіонѣ Ѳедорова, откуда и поступилъ въ 1832 г. въ Московскій Университетъ. Здѣсь, изъ профессоровъ, самое сильное вліяніе оказалъ на него Н. И. Надеждинъ; а затѣмъ—только что выступившій на литературное поприще Бѣлинскій. Тутъ-то и образовался вокругъ Станкевича, всѣхъ привлекавшаго къ себѣ своимъ умомъ, образованностью и высокими душевными качествами, *его* кружокъ, занимающій видное, выдающееся мѣсто въ исторіи развитія русскаго самосознанія.

былъ встрѣченъ очень радушно Жуковскимъ, Баратынскимъ, Языковымъ, Хомяковымъ и А. И. Тургеневымъ.

Западники и славянофилы.

Чрезвычайно курьезно именно то, что возникновенію рѣзко-противоположныхъ двухъ литературныхъ партій — западниковъ и славянофиловъ—способствовало крайнее увлеченіе всестороннимъ изученіемъ философской системы Гегеля. Молодыя силы, входившія въ составъ кружка Станкевича, предавались этому увлеченію со страстью, о которой трудно дать ясное понятіе въ настоящее время. Юные философы вполнѣ отрѣшались отъ жизни и всякихъ житейскихъ отношеній, посвящая свои досуги на изученіе тонкостей Гегелевской системы, проводя дни и ночи въ спорахъ по поводу этихъ тонкостей и постоянно витая мыслью въ туманной области философскихъ отвлеченій.

Но настало время неизбѣжнаго столкновенія съ дѣйствительностью, и теоріи стали разбиваться о суровую практику обыденной жизни при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась современная литература. Однимъ изъ первыхъ толчковъ, внесшихъ разладъ въ молодые литературные кружки 30-хъ годовъ, было извѣстное уже намъ „письмо" Чаадаева, послужившее поводомъ къ запрещенію „Телескопа" и къ ссылкѣ его издателя, Н. И. Надеждина. Всѣ были поражены крайнимъ пессимизмомъ Чаадаева и его суровымъ, огульнымъ осужденіемъ всѣхъ коренныхъ началъ русской жизни. Многіе были возмущены, многіе оскорблены въ своихъ симпатіяхъ къ родинѣ и родному, и на почвѣ національности проявилось новое литературное направленіе, подвергавшее, въ свою очередь, строгой критикѣ всѣ основы западно-европейской цивилизаціи.

Между тѣсно-сплоченными московскими кружками произошла рознь, все болѣе и болѣе опредѣленно высказывавшаяся, и окончилась разрывомъ между людьми, которые, расходясь во взглядахъ на существенные вопросы, нѣкоторое время еще оставались въ дружескихъ отношеніяхъ, но потомъ разстались навсегда и никогда болѣе не сходились до смерти.

Такъ Бѣлинскій (въ 1839 г. переселившійся въ С.-Петербургъ), Грановскій, Герценъ и др. составили крайнюю лѣвую партію ярыхъ западниковъ, ярыхъ сторонниковъ европейской цивилизаціи; а Константинъ Аксаковъ съ Хомяковымъ, Кирѣевскими и впослѣдствіи Самаринымъ—крайнюю правую, выступившую на защиту національно-русскихъ и обще-славянскихъ основъ цивилизаціи. Эти-то люди, составившіе тѣсный кружокъ и безкорыстно посвятившіе всю свою жизнь на служеніе идеѣ народности во всѣхъ проявленіяхъ русской жизни и русскаго духа, стали извѣстны подъ названіемъ *славянофиловъ* [1]); и, несмотря на то, что

[1]) Самое это названіе въ 40-хъ годахъ было не новостью: *славянофилами* или *славенофилами* еще въ 20-хъ годахъ часто называли сторонниковъ Шишкова.

они принесли весьма существенную пользу и русскому обществу, и русской литературѣ, и даже русской государственной жизни, они долгое время (вслѣдствіе различныхъ, чисто-внѣшнихъ условій и вліяній) не были и не могли быть оцѣнены по достоинству. Въ настоящее время, когда значительная доля ихъ научныхъ трудовъ и ихъ литературныя произведенія напечатаны, а біографіи ихъ и переписка стали болѣе извѣстными, заслуги ихъ очевидны и не отрицаются даже тѣми изъ ихъ противниковъ, которые до сихъ поръ не могутъ примириться съ нѣкоторыми увлеченіями славянофильства.

Главою и родоначальникомъ славянофильской партіи слѣдуетъ, конечно, признать *Константина Сергѣевича Аксакова* (р. 1817 г., ум. 1860 г.)—одного изъ членовъ семьи Аксаковыхъ, которая по достоинству пользуется въ русской литературѣ весьма почетною и весьма распространенною извѣстностью.

Но прежде, чѣмъ говорить о К. С. Аксаковѣ, намъ необходимо будетъ нѣсколько уклониться въ сторону, чтобы хотя вкратцѣ охарактеризовать замѣчательную личность его отца, *Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова*, хотя онъ не имѣетъ, какъ писатель, никакого отношенія къ дѣятельности славянофиловъ. С. Т. Аксаковъ.

С. Т. Аксаковъ (р. 1721 г., ум. 1860 г.) родился въ Уфѣ, воспитаніе получилъ въ Казанской гимназіи, а на 14-мъ году уже попалъ въ только что основанный въ ту пору Казанскій университетъ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, С. Т. Аксаковъ, какъ человѣкъ родовитый и богатый, проводилъ жизнь весьма пріятно и весело, не особенно стѣсняя себя службой и страстно предаваясь двумъ главнымъ увлеченіямъ, которымъ и посвящалъ бо̀льшую часть своей молодости, обильной досугомъ. Увлеченія эти были: во время пребыванія въ обширныхъ оренбургскихъ помѣстьяхъ—охота во всѣхъ видахъ; во время житья въ столицѣ—театръ и декламація. Около этихъ двухъ увлеченій сосредоточивалось все счастье и всѣ блага жизни для Сергѣя Тимоѳеевича, не отличавшагося никакою серьезностью взгляда на жизнь, на ея цѣли и стремленія. Около тѣхъ же увлеченій вращались и всѣ связи С. Т. Аксакова, всѣ знакомства его, вся небольшая, тѣсно-ограниченная и весьма однообразная его литературная дѣятельность (20-хъ годовъ). Чрезвычайно любопытно, что онъ, въ первый, почти 40-лѣтній періодъ своей жизни, тяготѣлъ преимущественно къ сторонникамъ Шишкова и архаическимъ традиціямъ псевдо-классицизма. Въ разгаръ борьбы карамзинистовъ-арзамасцевъ съ бесѣдистами, онъ стоялъ на сторонѣ послѣднихъ, и, весь погруженный въ интересы театральные во время пребыванія въ Петербургѣ, дружилъ съ Шишковымъ и Шаховскимъ, а въ періодъ московскаго житья—съ Кокошкинымъ,

Загоскинымъ и А. А. Писаревымъ, передъ геніемъ котораго преклонялся безусловно. Литературныя пристрастія и вкусы С. Т. Аксакова за этотъ періодъ его литературной дѣятельности лучше всего выражаются въ томъ, что онъ, кромѣ нѣсколькихъ, довольно неуклюжихъ посланій къ друзьямъ, занимался весьма охотно переводомъ сатиръ Буало и комедій Мольера [1]), и переводилъ ихъ довольно плохо, да притомъ еще и такимъ языкомъ, который ничуть не лучше Шатровыхъ, Лобановыхъ, Шаликовыхъ и другихъ представителей отживающей школы поэтовъ начала нынѣшняго вѣка.

Но русская жизнь идетъ впередъ. Является Гоголь и въ ли-

С. Т. Аксаковъ, по современному рисунку.

тературѣ, и на сценѣ. Въ домѣ С. Т. Аксакова подрастаетъ молодое поколѣніе его высоко-талантливыхъ сыновей, и этотъ домъ становится однимъ изъ видныхъ московскихъ литературныхъ центровъ. Слабохарактерный и легко поддающійся стороннимъ вліяніямъ, С. Т. Аксаковъ, прислушиваясь и присматриваясь къ тому, что̀ около него совершается, вновь молодѣетъ и свѣжѣетъ душой и, увлекаясь новыми литературными идеалами, усвоиваетъ проявившееся у насъ въ литературѣ послѣ Гоголя направленіе. Отрекшись отъ всѣхъ преданій псевдо-классицизма, преклоняясь передъ геніальностью Гоголя, онъ проникается желаніемъ писать просто и естественно, не придумывая себѣ для авторскихъ

[1]) Въ 1819 г. онъ переводитъ стихами «*Школу мужей*», а въ 1828—«*Скупого*» прозою. До этого онъ ставитъ на сцену стихотворную передѣлку Софокловой драмы «*Филоктетъ*», въ бенефисъ своего пріятеля, актера Шушерина. *Филоктетъ* былъ напечатанъ въ 1816 г.

упражненій, ни напыщеннаго языка, ни ходульной настроенности. И вотъ С. Т. Аксаковъ, позабывая обо всемъ томъ, что когда-то способствовало ему пріобрѣсти нѣкоторую литературную извѣстность въ опредѣленномъ и весьма ограниченномъ кружкѣ, начинаетъ свою литературную дѣятельность (послѣ 20-лѣтняго перерыва) зàново. Наблюденію историка литературы представляется явленіе рѣдкое, небывалое: сильный и замѣчательный литературный талантъ проявляется въ человѣкѣ уже старомъ, сумѣвшемъ сознать всю ложность того литературнаго направленія, которому онъ слѣдовалъ въ молодости, и перейти къ простому, естественному изложенію своихъ впечатлѣній и воспоминаній...

Домъ и церковь въ «Знаменскомъ-Аксаковѣ», описанные въ «Семейной хроникѣ».

Публика впервые ознакомилась съ этимъ новымъ направленіемъ таланта переродившагося литератора изъ его трехъ книгъ, исключительно посвященныхъ охотѣ во всѣхъ ея видахъ. То были: „*Записки объ уженьѣ рыбы*“ (1847 г.), „*Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи*“ (1852 года) и „*Разсказы и воспоминанія охотника*“, явившіеся три года спустя. Авторъ этихъ книгъ задавался очень простою и незамысловатою цѣлью: онъ хотѣлъ подѣлиться своимъ долгимъ и разнообразнымъ охотничьимъ опытомъ съ другими, такими же страстными охотниками, какъ онъ самъ. Но онъ сумѣлъ внести столько любви къ дѣлу и проявить столько поэтическаго чутья къ природѣ въ этихъ своихъ книгахъ, что привлекъ къ чтенію ихъ массу публики, никогда не занимавшейся никакими охотами.

Книги Аксакова, несмотря на свое спеціальное назначеніе, разошлись во многихъ послѣдовательныхъ изданіяхъ, а внесенныя въ нихъ описанія природы признаны были классическими, и

впослѣдствіи, въ качествѣ образцовъ, вошли въ составъ всѣхъ хрестоматій и учебниковъ русскаго языка.

Обрадованный и поощренный неожиданнымъ успѣхомъ своихъ книгъ, С. Т. Аксаковъ выпустилъ въ свѣтъ еще два прекрасныхъ произведенія: одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ „*Семейная Хроника*“ (1856 г.), заключаетъ въ себѣ воспоминанія о предкахъ—дѣдѣ, родственникахъ и сосѣдяхъ — преимущественно по семейнымъ преданіямъ, „о добромъ старомъ времени“; другое, подъ заглавіемъ „*Дѣтскіе годы Багрова внука*“ (1858 г.) — рисуетъ намъ картину дѣтства Сергѣя Тимоѳеевича, типы его родителей и картины помѣщичьяго быта въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX. Обѣ эти книги (можетъ быть потому, что онѣ были написаны С. Т. Аксаковымъ въ глубокой старости) отличаются удивительно ровнымъ, эпически-спокойнымъ изложеніемъ и большою красотою и силою языка. Картины, которыя приходится рисовать автору—непривлекательны; хотя онѣ нѣсколько смягчены и прикрашены, однакоже не скрываютъ неказистой дѣйствительности, которая широко развертывается передъ читателемъ и привлекаетъ къ себѣ его живѣйшее вниманіе. По замѣчанію одного современника (Хомякова), обѣ книги замѣчательны и тѣмъ, что въ эпоху всякихъ порицаній и отрицаній русскаго прошлаго, онѣ рисуютъ намъ это прошлое съ *положительной* стороны и вынуждаютъ любого, даже предубѣжденнаго читателя, находить въ немъ много добраго и хорошаго.

Этимъ небольшимъ кругомъ произведеній, собственно говоря, и исчерпывается все то, что̀ составляетъ литературную заслугу С. Т. Аксакова, и полное собраніе его сочиненій, включающее въ себя *все имъ написанное*, ничего не прибавляетъ къ его почетной литературной извѣстности. Внимательное знакомство съ этимъ „полнымъ собраніемъ“ только убѣждаетъ насъ въ томъ, что (по весьма тонкому замѣчанію біографа С. Т. Аксакова) „въ Сергѣѣ Тимофеичѣ сидѣло два существа, весьма мало похожихъ другъ на друга: весьма *посредственный литераторъ*, выросшій въ очень дурной литературной школѣ, и чрезвычайно замѣчательный *человѣкъ*—умный, талантливый и впечатлительный. Сто̀ило ему только забыть о своемъ литераторствѣ и стать *самимъ собою*, и, точно по мановенію волшебнаго жезла, *скучный литераторъ превращался въ первостепеннаго художника*“.

У этого писателя-художника было два замѣчательныхъ сына: *Константинъ Сергѣевичъ* (род. 1817 г., ум. 1860 г.) и *Иванъ Сергѣевичъ* (род. 1823 г., ум. 1885 г.) — имена которыхъ пріобрѣли гораздо болѣе широкую извѣстность, нежели имя С. Т. Аксакова. Первый изъ нихъ былъ, главнымъ образомъ, ученый, занимавшійся разработкою вопросовъ по русскому языку, русской лите-

ратурѣ и русской исторіи; въ то же время, онъ былъ и поэтомъ, и писателемъ; однакоже, главною долею своей извѣстности обязанъ не своимъ драматическимъ и лирическимъ произведеніямъ. Второй сынъ Сергѣя Тимоѳеевича, И. С. Аксаковъ, хотя былъ и поэтомъ (и даже довольно замѣчательнымъ), однакоже, прославился, главнымъ образомъ, какъ публицистъ и ораторъ, обладавшій необыкновеннымъ даромъ убѣжденія и силою рѣчи.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, порвавъ связи со своими друзьями, принадлежавшими къ кружку Станкевича, образовалъ около себя другой кружокъ, и къ участію въ немъ привлекъ Хомякова, Кирѣевскихъ и Самарина; позднѣе къ тому же кружку примкнули: Валуевъ, Венелинъ, Кошелевъ и др. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ и выработалась та строго-опредѣленная доктрина славянофильскаго воззрѣнія на русскую жизнь (государственную и общественную) во всѣхъ ея проявленіяхъ—въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ — доктрина, которая, несмотря на всѣ свои заблужденія и отвлеченія, повліяла въ самомъ благотворномъ смыслѣ на развитіе нашего самосознанія и нашла себѣ отзывы въ нашей литературѣ изящной и ученой. Славянофильство, въ формѣ строго выработаннаго ученія, ведетъ свое начало отъ Константина Аксакова, который посвятилъ всю свою жизнь разработкѣ этого ученія и проводилъ его всюду въ своихъ ученыхъ статьяхъ, въ своей критикѣ, въ своихъ чисто-литературныхъ произведеніяхъ. К. С. Аксаковъ.

Въ противоположность западничеству, искавшему осуществленія своихъ идеаловъ въ философскихъ и соціальныхъ теоріяхъ западной Европы, славянофилы, съ К. С. Аксаковымъ во главѣ, отвергали не только необходимость, но даже и возможность какихъ бы то ни было заимствованій съ Запада, доказывая, что мы уже слишкомъ далеко зашли по пути этихъ заимствованій и что намъ пора уже „вернуться домой“. Отвергая въ прошломъ полезность и значеніе Петровской реформы, они утверждали, что именно въ до-петровскомъ прошломъ должны мы искать идеаловъ для нашего будущаго роста и развитія. Признавая главными устоями нашей народной жизни православіе и единодержавіе, славянофилы указывали на необходимость сближенія образованныхъ классовъ съ народомъ, который, будто бы, гораздо менѣе нуждается въ нашемъ культурномъ вліяніи на него, нежели мы— въ заимствованіи отъ него различныхъ, присущихъ ему, высокихъ доблестей. Увлеченіе нашимъ до-петровскимъ прошлымъ доходило у славянофиловъ до того, что они даже не признавали значеніе Петербурга — новой столицы государства—и утверждали, что въ Россіи значеніемъ можетъ пользоваться только Москва [1],

[1]) Это прославленіе Москвы и предпочтеніе ея Петербургу находило себѣ оправда-

Издатель газеты "Парусъ," по обстоятельствамъ
о которыхъ распространяться было бы здѣсь
неумѣстно, не можетъ издавать ее. По этому
изданіе выходившей еженедѣльно, по субботамъ,
газеты подъ именемъ "Парусъ" прекращается.
Съ ... Февраля сего года будетъ выходить
еженедѣльно, по субботамъ, газета подъ именемъ
"Народъ." Она будетъ служить идеѣ Русской
народности. Одною изъ существенныхъ задачъ ея
будетъ духовное и умственное общеніе съ Славян-
скими народами.

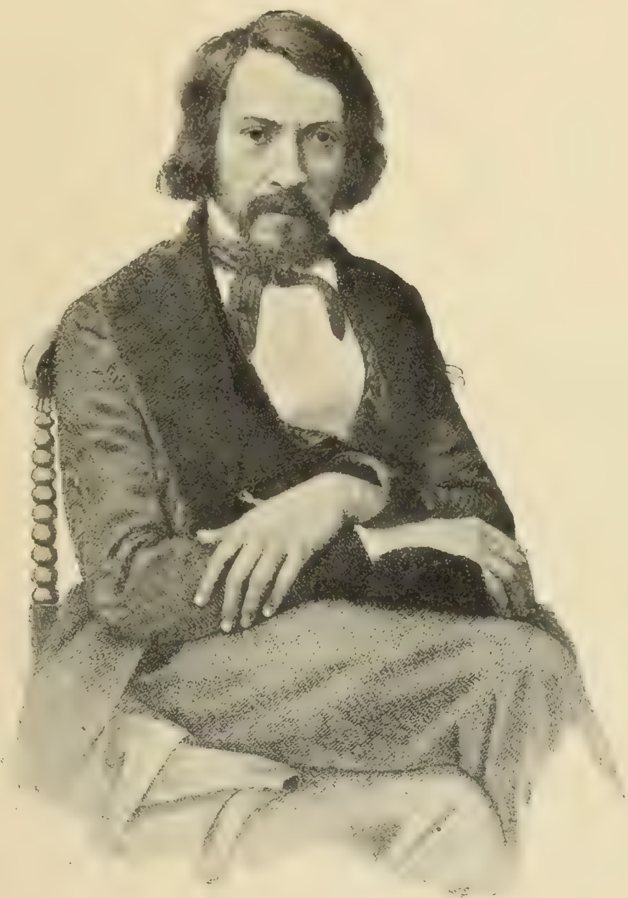
Автографъ И. С. Аксакова. Черновикъ объявленія о прекращеніи газеты «Парусъ». Изъ собранія П. Я. Дашкова.

которую они на всѣ лады воспѣвали и прославляли въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній на эту излюбленную тему, К. С. Аксаковъ восклицаетъ восторженно:

ніе въ томъ, что въ то время Москва еще была важнымъ литературнымъ центромъ, и Петербургъ тогда еще не могъ съ нею тягаться въ этомъ отношеніи.

«Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго, столица, торжества,
Опять, полна значеніемъ глубокимъ,
Является великая Москва.

Постыдное, безчестное презрѣнье,
Скорѣе въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятенья,
И душу всю наполнила любовь!
Друзья, друзья! Тѣснѣе въ кругъ сомкнемся,
Покорные движенью своему,
И радостно, и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремяся къ одному!
Землѣ родной—все, что намъ небо дало,
Мы посвятимъ! Пускай заблещетъ мечъ,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь... и т. д.,

А. С. Хомяковъ.

Стараясь всѣми силами отвлечь русскихъ людей отъ Запада, отъ подражаній ему и заимствованій у него, славянофилы, въ то же время, сильно увлекались мечтами о сближеніи съ славянскимъ міромъ и о томъ грядущемъ величіи, которое ожидаетъ Россію въ будущемъ. Увлеченія эти доходили до того, что, напримѣръ, К. С. Аксаковъ рѣшался утверждать, будто бы „древне-русская (до-петровской эпохи) исторія представляетъ собою картину высоко-идеальныхъ общественныхъ отношеній"; а русскій народъ, по его представленію, является „народомъ Богоизбраннымъ", „носителемъ ему одному присущихъ высокихъ доблестей", вслѣдствіе чего ему, будто бы, и предстоитъ занять „особое, высокое положеніе во всемірной исторіи".

Неутомимо трудясь всю жизнь надъ разработкою идей славянофильства и примѣненіемъ славянофильскихъ воззрѣній къ разрѣшенію всевозможныхъ вопросовъ науки и жизни, Константинъ Сергѣевичъ съ одинаковою охотою занимался и поэзіей, и литературой (въ самомъ обширномъ и разнообразномъ значеніи этого слова), и наукой. Въ концѣ 30-хъ годовъ, побывавъ за границей, К. С. Аксаковъ, по возвращеніи въ Москву, защитилъ диссертацію на магистра, подъ заглавіемъ: „*Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка*", и затѣмъ (можетъ быть готовясь къ профессурѣ) усиленно предался занятіямъ грамматикою русскаго языка. Въ концѣ 1850 г. онъ поставилъ на сцену драму „*Освобожденная Москва*", которую, однакоже, на второе же представленіе сняли съ репертуара, такъ какъ въ этой драмѣ успѣхъ дѣла совершенно правильно приписывался народному движенію, а не боярамъ; а въ высшихъ сферахъ такой взглядъ считался непростительнымъ вольнодумствомъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ К. С. Аксаковъ занялся изданіемъ возобновленнаго славянофилами „Московскаго Сборника", помѣстилъ здѣсь одну изъ своихъ историческихъ статей [1]) — и опять потерпѣлъ неудачу: „Московскій Сборникъ" на второмъ же томѣ былъ запрещенъ, а его редакторъ и сотрудники (Хомяковъ, Кирѣевскій и князь Черкасскій)—отданы подъ надзоръ полиціи.

Послѣ этого, конечно, пришлось славянофиламъ на время примолкнуть, пока не минулъ періодъ наибольшихъ цензурныхъ строгостей (1848 — 55 г.), закончившійся въ первый же годъ вступленія на престолъ Императора Александра II. Въ этотъ тяжелый періодъ К. С. Аксаковъ чаще всего искалъ себѣ утѣшенія въ поэзіи, и въ своихъ стихотвореніяхъ постоянно вращался около нѣсколькихъ излюбленныхъ темъ, то напоминая о необходимости установленія тѣсной связи съ Землею и народомъ, то стараясь вызвать въ обществѣ симпатіи къ далекому прошлому, то горько сѣтуя на разрозненность нашего общества и на „оторванность" нашей интеллигенціи отъ народа. Къ тому же сумрачному періоду относится, вѣроятно, и его восторженное стихотвореніе, восхваляющее „свободу слова", которую онъ цѣнилъ выше всего на свѣтѣ и за которую ратовалъ безуспѣшно въ теченіе всей своей жизни. Приводимъ его здѣсь, какъ образецъ его пылкаго протеста противъ всякихъ стѣсненій въ выраженіи мысли.

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ.
Ты гонишь невѣжества ложь.

[1]) «О родовомъ бытѣ у славянъ вообще, и у русскихъ въ частности»; другая статья К. С. Аксакова «О богатыряхъ князя Владиміра» не была пропущена цензурою.

Ты вѣчною жизнію ново.
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь—
Свободное слово!
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода,
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей:
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!
О, слово—даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ—
Свободное слово!

Убѣжденіе въ важномъ значеніи „свободнаго слова“ побудило К. С. Аксакова даже къ очень смѣлому шагу: въ запискѣ, черезъ графа Блудова поданной Императору Александру II, вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ, Константинъ Сергѣевичъ болѣе всего настаивалъ на необходимости „полной свободы слова устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно“, какъ и на необходимости возстановленія „земскихъ соборовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство пожелаетъ спросить мнѣнія страны“...

На другой же годъ по вступленіи Императора Александра II на престолъ, славянофилы, опять-таки съ К. С. Аксаковымъ во главѣ, принялись снова за прерванную въ предшествующее царствованіе публицистическую дѣятельность, и стали издавать одновременно журналъ „Русская Бесѣда“ и газету „Молва“, которыя пополнялись почти исключительно статьями тѣснаго кружка славянофиловъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, К. С. Аксаковъ написалъ два драматическихъ произведенія: комедію „*Князь Луповицкій*“ и „*Олегъ подъ Константинополемъ*“. Послѣднее изъ нихъ было написано еще во время пребыванія въ университетѣ, подъ впечатлѣніемъ лекціи Каченовскаго, все подвергавшаго систематическому анализу, и представляетъ собою пародію на скептиковъ. Второе произведеніе—„Князь Луповицкій“—гораздо сложнѣе и серьезнѣе по замыслу. Герой этой комедіи—человѣкъ, воспитавшійся за границей, взрощенный на иноземной почвѣ и крайне увлеченный всѣми прелестями европейской цивилизаціи, порывается выступить въ Россіи просвѣтителемъ своихъ крестьянъ и является съ этою

цѣлью въ свои помѣстья. Онъ думаетъ встрѣтить тамъ полу-дикихъ олуховъ и въ полномъ смыслѣ слова темныхъ людей —и, къ крайнему своему изумленію, вынужденъ убѣдиться въ томъ, что мужики многое понимаютъ лучше его, что они обладаютъ массою практическихъ знаній, которыхъ у него самого нѣтъ: а главное—онъ встрѣчаетъ у нихъ твердую основу нравственную и религіозную, которая и служитъ имъ прочною опорою въ жизни... Короче сказать, вся комедія является прямымъ отвѣтомъ на увлеченія западниковъ, признававшихъ только то, что̀ заимствовалось нами съ Запада и отрицавшихъ многія прекрасныя свойства, присущія простому русскому человѣку. Эта комедія — по внутреннему своему значенію—прототипъ будущихъ „Плодовъ просвѣщенія“ графа Л. Н. Толстого, хотя и нельзя не признать, что она серьезнѣе по замыслу.

И. С. Аксаковъ.

Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ разборъ научной дѣятельности К. С. Аксакова, мы должны признать, что его литературная дѣятельность, сама по себѣ, еще не даетъ ему права на ту громкую извѣстность, какою онъ пользуется въ средѣ русской интеллигенціи. Стихотворенія его не отличаются никакими особенными достоинствами, кромѣ искренности и теплоты; драматическія произведенія его тоже не поднимаются выше средняго уровня; въ его научныхъ изслѣдованіяхъ, рядомъ съ большою ерудиціею, проявляются иногда такія стороны его существа, которыя менѣе всего пригодны въ ученомъ трудѣ. Гораздо важнѣе то, что онъ явился носителемъ идеи сближенія съ народною почвою, отъ которой образованные классы были нѣкогда насильственно оторваны. Онъ первый рѣшился говорить и писать, что „русскіе

должны быть русскими", что они не должны гоняться за иностранными образцами въ литературѣ и въ жизни; а напротивъ того, должны, изъ уваженія къ собственному достоинству, строить все на тѣхъ основахъ, какія искони служили краеугольными камнями русской исторической жизни.

Та горячая страстность и та чрезвычайная искренность, съ которою К. С. Аксаковъ, въ теченіе всей своей жизни, проводилъ въ литературу и проповѣдывалъ свои идеи, съ одной стороны, придали этимъ идеямъ значительную силу и устойчивость и воспитали дѣятелей, которые позднѣе провели значительную долю славянофильскихъ идей и убѣжденій въ различныя формы нашей народной жизни и общественнаго устройства; но зато, съ другой стороны, та же горячность и страстность главы славянофильства навлекли на славянофиловъ массу преслѣдованій, гоненій и притѣсненій всякаго рода, сильнѣйшимъ образомъ стѣснявшихъ ихъ дѣятельность. Въ верхнихъ слояхъ нашего общества, въ особенности при Императорѣ Николаѣ I, былъ весьма силенъ и вліятеленъ нѣмецкій элементъ, который съ полнымъ основаніемъ опасался развитія славянофильскаго движенія и возможности его преобладанія въ правительственныхъ сферахъ. На этомъ основаніи, о славянофилахъ, преимущественно въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, враги ихъ распространяли всякія небылицы и старались придать ихъ идеямъ и способу дѣйствій оттѣнокъ движенія революціоннаго... Такое нелѣпое и ни на чемъ не основанное возрѣніе на славянофиловъ, къ сожалѣнію, находило себѣ под-

Ю. Ө. Самаринъ.

твержденіе съ внѣшней стороны въ томъ, что они пренебрегали нѣкоторыми свѣтскими обычаями и въ самой внѣшности своей старались приравняться къ народу — носили длинные волосы и бороды, одѣвались въ рубахи-косоворотки и поддевки, обувались въ высокіе сапоги. И все это въ такое время, когда всѣ брились и стриглись коротко и считали для себя обязательнымъ хотя бы какое-нибудь форменное платье!

А. С. Хомяковъ. Но несмотря на стѣсненія со всѣхъ сторонъ, на всякаго рода цензурныя запрещенія и затрудненія, славянофилы продолжали работать въ своемъ московскомъ уединеніи, и, словно заранѣе уговорившись, какъ бы распредѣлили между собою тѣ вопросы русской жизни, которые входили въ область ихъ наблюденія и изслѣдованія. Такъ, рядомъ съ К. С. Аксаковымъ, другой такой же ярый славянофилъ, *Алексѣй Степановичъ Хомяковъ* [1]) (род. 1804 г., ум. 1860 г.) обратилъ преимущественное и самое сосредоточенное вниманіе на религіозную сторону въ воззрѣніяхъ славянофиловъ— и большую часть своей жизни посвятилъ глубокому и всестороннему изученію основъ православія и выясненію его соотношеній съ другими христіанскими религіями. Въ нашей литературѣ онъ извѣстенъ какъ авторъ двухъ драмъ: „*Ермакъ*" и „*Дмитрій Самозванецъ*"; извѣстенъ и какъ авторъ нѣсколькихъ десятковъ стихотвореній и критическихъ статей, разсѣянныхъ по современнымъ журналамъ; но важнѣйшею долею своей извѣстности—не только въ Россіи, но и въ Европѣ—Хомяковъ обязанъ своимъ богословскимъ и философскимъ сочиненіямъ, которыя не могли быть напечатаны при жизни его, а въ посмертномъ изданіи составляютъ толстые томы.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ двухъ старшихъ представителей славянофильства воспитались двое младшихъ и весьма замѣчательныхъ дѣятелей той же самой партіи: *Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ* и *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*.

Ю. Ѳ. Самаринъ. Ю. Ѳ. Самаринъ (род. 1819 г., ум. 1875 г.), одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сторонниковъ и проповѣдниковъ славянофильства, отличается отъ своихъ старшихъ собратій тѣмъ, что онъ не довольствовался одними мечтаніями, одними отвлеченными теоріями и выводами, а напротивъ того, всѣми силами старался примѣнять идеи славянофильства на практикѣ, при разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни. Отмѣтимъ и еще одну мелкую, но характерную черту Ю. Ѳ. Самарина: онъ былъ, ка-

[1]) Біографія А. С. Хомякова не изобилуетъ фактами. Получивъ блестящее образованіе, онъ, по обычаю того времени, долженъ былъ вступить въ военную службу, и служилъ въ Кавалергардскомъ полку до 1825 года. Выйдя въ отставку, онъ вторично вступилъ въ военную службу во время турецкой кампаніи (1828—1829 гг.). По окончаніи ея еще разъ вышелъ въ отставку и всю остальную жизнь провелъ въ усиленныхъ ученыхъ трудахъ, занимаясь самостоятельною разработкою вопросовъ философскихъ и богословскихъ.

жется, единственнымъ изъ славянофиловъ, который никогда не занимался стихотворствомъ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ родовитой и богатой знати: отецъ его занималъ весьма видное положеніе при дворѣ вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны, и самъ онъ былъ названъ Юріемъ въ честь дѣда (по матери), извѣстнаго придворнаго поэта Ю. Нелединскаго-Мелецкаго. Первоначально ему дано было превосходное домашнее воспитаніе (хотя и на французскій ладъ); затѣмъ, съ 1826 г. воспитателемъ его является извѣстный намъ Н. И. Надеждинъ, который и подготовилъ его къ вступленію въ московскій университетъ. Въ 1834 году, шестнадцатилѣтній Самаринъ является студентомъ словеснаго отдѣла, товарищемъ будущихъ свѣтилъ публицистики и науки—Каткова и Буслаева. Еще на студенческой скамьѣ познакомился онъ съ К. С. Аксаковымъ, который, конечно, и его подчинилъ своей горячей проповѣди и необходимости проведенія въ жизнь *русскихъ началъ*. Въ 1844 г. Ю. Θ. Самаринъ защитилъ магистерскую диссертацію („*Стефанъ Яворскій и Θ. Прокоповичъ*"), надъ которою работалъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Вѣроятно, по поводу различныхъ церковныхъ и богословскихъ вопросовъ, связанныхъ съ темою его диссертаціи, онъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ А. С. Хомяковымъ и окончательно вступилъ въ кружокъ славянофиловъ. Чрезвычайно любопытно, что онъ, какъ и всѣ они, пришелъ къ усвоенію ихъ доктрины тѣмъ же путемъ страстныхъ увлеченій философіею Гегеля. Увлеченія эти доходили до того, что, по собственному признанію Самарина, онъ начиналъ думать, будто „внѣ философіи Гегеля православная Церковь существовать не можетъ..." Изъ этой-то путаницы философскихъ увлеченій Самарина вывелъ Хомяковъ, глубоко изучившій богословскія основы православія и превосходно знакомый съ твореніями христіанскихъ философовъ—Отцовъ Церкви. Вскорѣ послѣ того онъ поступилъ въ гражданскую службу и явился однимъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей въ „Комитетѣ по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ", а потомъ наиболѣе дѣятельнымъ, наиболѣе разумнымъ и опытнымъ дѣльцомъ въ „Редакціонной комиссіи по освобожденію крестьянъ (1859—1860 гг.) и по устройству быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ". Въ концѣ жизни онъ оказалъ величайшую услугу Россіи, поднявъ вопросъ „объ окраинахъ" государства [1]), который сначала навлекъ на автора неудовольствіе Императора Александра II, но зато въ послѣдующее

[1]) Въ царствованіе Императора Александра II вопросъ этотъ являлся настолько жгучимъ, что Самаринъ не могъ печатать въ Россіи свою извѣстную книгу: «*Окраины Россіи*». Первые два выпуска ея были напечатаны за границей въ 1867 году; затѣмъ, до 1875 года было тамъ же отпечатано еще три выпуска; 6-й и послѣдній вышелъ въ свѣтъ въ 1876 году, послѣ смерти Самарина.

царствованіе послужилъ одною изъ основъ внутренней политики Императора Александра III.

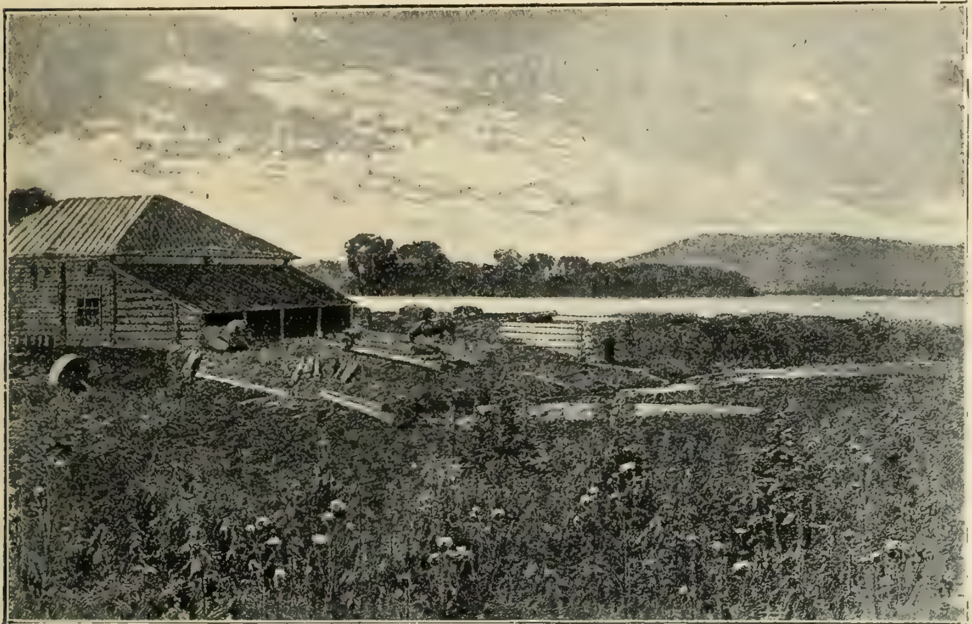
И. С. Аксаковъ.

Младшимъ, но зато и самымъ рьянымъ изъ кружка славянофиловъ, былъ *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ* (род. 1823 г., ум. въ январѣ 1886 г.). Проведя раннее дѣтство въ Уфимской губерніи, въ родовомъ помѣстьѣ Аксаковыхъ, Иванъ Сергѣевичъ, послѣ домашняго воспитанія, получилъ образованіе въ только-что основанномъ тогда училищѣ Правовѣдѣнія. Но и по окончаніи этого спеціальнаго училища, онъ носилъ въ себѣ всѣ задатки того кружка, среди котораго онъ воспитался и выросъ: онъ это доказалъ на дѣлѣ. Начавъ службу въ московскомъ сенатѣ, онъ продолжалъ ее въ глуши—въ Калужской и Астраханской губерніи—и всюду проявлялъ себя дѣятельнымъ и самостоятельнымъ. Но, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ убѣдиться, что борьба съ старыми порядками невозможна, и перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Здѣсь, въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ, онъ имѣлъ полную возможность выказать свою дѣловитость, умѣнье и страстное желаніе работать на пользу общую; но все же вынужденъ былъ притти къ убѣжденію, что слишкомъ усердные и добросовѣстные люди тутъ не нужны — и вышелъ въ отставку (въ 1852 г.). Онъ думалъ обратить всю свою энергію на журнальную дѣятельность, но та неудача, которая постигла „Московскій Сборникъ“ на второй же книжкѣ, заставила его призадуматься и притти къ убѣжденію, что въ „данное время“ никакая литературная дѣятельность, никакая самостоятельность мнѣній и убѣжденій—невозможны.

Не зная, куда обратить богатый запасъ своихъ силъ и энергіи, И. С. Аксаковъ принялъ на себя исполненіе порученія Императорскаго Географическаго Общества, и, послѣ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій, представилъ ему объемистый трудъ подъ заглавіемъ: „*Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ*“. Годъ спустя мы его видимъ начальникомъ ополченской дружины во время Крымской войны (1855) и строгимъ разслѣдователемъ злоупотребленій по снабженію войскъ продовольствіемъ... По вступленіи на престолъ Императора Александра II является, наконецъ, возможность вернуться къ излюбленной дѣятельности литературной и публицистической. Въ 1858 году славянофилы приступили къ изданію журнала „*Русская Бесѣда*“ [1]), а въ слѣдующемъ Ивану Сергѣевичу удалось выхлопотать для себя разрѣшеніе на изданіе газеты „*Парусъ*“ — которая была запрещена на 2-мъ №. Затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, тяжкія семейныя утраты (смерть отца и

[1]) «Русская Бесѣда» издавалась подъ редакціей А. И. Кошелева (также члена кружка славянофиловъ), потому что ни одному изъ Аксаковыхъ, ни Хомякову не было дозволено редактировать какой бы то ни было органъ.

смерть брата, Константина Сергѣевича, 1859 и 1860) отвлекли Ивана Сергѣевича отъ всякой дѣятельности; но уже въ 1861 г. мы видимъ его издателемъ газеты „*День*", которую онъ съ большимъ успѣхомъ издаетъ до 1863 г., проводя въ ней излюбленныя славянофильскія идеи, занимаясь разработкою частностей по устройству только-что освобожденныхъ крестьянъ и по другимъ вопросамъ, вызваннымъ этою важною реформою. Затѣмъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, И. С. Аксаковъ пытается опять выступить на то же публицистическое поприще: затѣваетъ сначала изданіе газеты „*Москва*", потомъ газеты „*Москвичъ*"; но наступающія времена реакціи не

Мельница на р. Бугурусланѣ, описанная въ «Семейной Хроникѣ» С. Т. Аксаковымъ.

даютъ ему возможности правдиво и прямо высказывать свои воззрѣнія на существующій порядокъ вещей—и оба органа гибнутъ въ самомъ началѣ.

Рьяный публицистъ и горячій патріотъ, И. С. Аксаковъ видитъ себя, однакоже, вынужденнымъ отречься окончательно отъ всякой публицистики и ограничиться одною своею дѣятельностью въ Славянскомъ Комитетѣ, гдѣ около этого времени начинаютъ назрѣвать важные вопросы. Здѣсь онъ тратитъ массу силъ и энергіи на возбужденіе въ русскомъ обществѣ сочувствія къ положенію славянъ, угнетаемыхъ турками, на поддержку славянскаго движенія и т. д. Эта дѣятельность заключилась знаменитою рѣчью Ивана Сергѣевича, направленною противъ Берлинскаго конгресса; рѣчью, за которую Московское Отдѣленіе Славянскаго Комитета было закрыто, а И. С. Аксаковъ, его предсѣдатель, на время удаленъ изъ Москвы.

Въ послѣдніе годы жизни И. С. Аксаковъ издавалъ газету „Русь“, которая далеко не пользовалась такимъ успѣхомъ, какъ его прежнія изданія и, можетъ-быть, даже свидѣтельствовала о нѣкоторомъ нравственномъ утомленіи этого сильнаго и настойчиваго борца за самостоятельность и свободу мнѣнія.

Поэзія И. С. Аксакова.

И. С. Аксаковъ—единственный изъ славянофиловъ, оставившій замѣтный слѣдъ въ нашей поэзіи своими произведеніями поэтическими. Имъ онъ охотно посвящалъ досуги своей молодости, въ нихъ изливалъ свою любовь къ родинѣ, къ народу и ко всѣмъ лучшимъ проявленіямъ его жизни, его духовной дѣятельности. Все, что̀ имъ внесено въ нашу поэзію, носитъ на себѣ яркій отпечатокъ глубокаго чувства и тонкаго пониманія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка. Не лишены своеобразной прелести и тѣ описанія природы и внѣшнихъ сторонъ русской народной жизни, которыя Иванъ Сергѣевичъ весьма охотно вноситъ во многія изъ своихъ произведеній. Произведенія эти давно уже всѣмъ извѣстны со школьной скамьи: — они вошли въ составъ классныхъ хрестоматій. Кромѣ значительнаго запаса лирическихъ пьесъ, въ произведеніяхъ И. С. Аксакова видимъ и неоконченную поэму „*Бродяга*“, свидѣтельствующую о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи, которое, вѣроятно, съ теченіемъ времени, привело бы поэта къ произведеніямъ еще болѣе замѣчательнымъ, если бы онъ самъ болѣе способенъ былъ оцѣнить свой даръ. Но онъ относился къ нему довольно равнодушно, не придавалъ ему особаго значенія и видѣлъ въ немъ скорѣе отдохновеніе отъ дѣла, скорѣе благородную забаву, нежели дѣйствительное дѣло. Всякій другой трудъ и заботу объ общественныхъ нуждахъ и потребностяхъ онъ ставилъ выше своихъ стиховъ, и— когда вполнѣ предался своей кипучей публицистической дѣятельности—то совершенно отказался отъ поэзіи. Общій характеръ своей поэзіи онъ прекрасно выразилъ въ извѣстномъ „*Отвѣтѣ*“ (Я. П. Полонскому), въ которомъ говоритъ:

«... тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной
Вступилъ въ воинственный союзъ!
Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть празднаго мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,
Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко-молодая
Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй...»

Но „строгая и гнѣвная муза“ И. С. Аксакова умѣла находить и радостные, ободряющіе звуки въ тѣ моменты высокаго вдохновенія, когда его душа была полна ожиданій, волновавшихъ все русское общество радостными надеждами. Яркимъ доказатель-

ствомъ можетъ служить, въ данномъ случаѣ, его прекрасное стихотвореніе на наступающій 1858 годъ:

«День встаетъ, багрянъ и пышенъ;
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О затратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвремѐнности могилъ!..»

Чрезвычайно скромный и безпритязательный взглядъ на свою поэтическую дѣятельность и на вызывавшія ее побужденія, И. С. Аксаковъ очень хорошо выразилъ въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ (за 1877 г.):

„Если стихи мои имѣютъ какое-либо значеніе, то вовсе не ради ихъ поэтическаго достоинства,—ради лишь того, что трактуютъ не о какихъ-либо сердечныхъ увлеченіяхъ, не о моей внѣшней жизни, а о внутренней жизни духа, объ его стремленіяхъ, тоскѣ и борьбѣ въ данную историческую минуту. То была тяжкая година, когда приходилось тяготиться молодостью и спрашивать:

«Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О, молодость! о, тягостное бремя!»

Эти ощущенія и чувства раздѣляли со мною лучшіе люди моего времени и вотъ почему стихи мои, въ свою пору, пользовались успѣхомъ и находили себѣ сочувственный отзвукъ.“

Даниловъ монастырь, въ Москвѣ. Мѣсто погребенія Гоголя и славянофиловъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Западники и главный представитель ихъ, В. Г. Бѣлинскій.—Біографическія подробности и характеръ.—Увлеченія философскими теоріями.—Первыя попытки литературной дѣятельности.—Три періода въ дѣятельности Бѣлинскаго.—Бѣлинскій, какъ критикъ и истолкователь Пушкина, Гоголя и Лермонтова.—Его вліяніе и значеніе въ послѣдующемъ поколѣніи.

Мы уже ознакомились въ предыдущихъ главахъ съ московскими литературными кружками и присмотрѣлись довольно близко къ тому, чрезвычайно симпатичному кружку Станкевича, въ которомъ впервые зародилась борьба двухъ противоположныхъ направленій, и изъ-за этой борьбы распался самый кружокъ на два рѣзко-отдѣльныхъ лагеря—ярыхъ западниковъ и ярыхъ славянофиловъ. Собственно говоря, раздоръ и распаденіе, въ значительной степени, обусловливались какимъ-то крупнымъ недоразумѣніемъ. Обѣ партіи произошли изъ однихъ и тѣхъ же началъ; обѣ основывались на одномъ и томъ же весьма понятномъ чувствѣ недовольства современною русскою дѣйствительностью; обѣ представляли собою готовую оппозицію существующему порядку вещей, хотя эта оппозиція и задавалась различными цѣлями, и готова была дѣйствовать различными средствами. Западникамъ представлялось, что Россія идетъ слишкомъ медленно по пути прогресса, и что этому движенію ея слѣдуетъ непремѣнно придать болѣе скорости внесеніемъ въ него новыхъ жизненныхъ элементовъ съ Запада; славянофиламъ, напротивъ того, казалось, что Россія идетъ слишкомъ быстро путемъ прогресса, который не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ русскою жизнью, а потому ходъ прогресса слѣдуетъ не ускорять, а замедлять, всѣми мѣрами сближая его съ русскою народною жизнью... Но и тѣ, и другіе—одинаково хотѣли добра и пользы своей родной землѣ; и тѣ, и другіе—одинаково признавали существующіе порядки невыносимо-дурными и подлежащими измѣненію. Во главѣ славянофиловъ, какъ мы уже видѣли, главнымъ провозвѣстникомъ ихъ идей, явился Константинъ Аксаковъ; западники, нѣсколько позднѣе, сгруппировались около Бѣлинскаго. Собственно говоря, ихъ разрывъ, ихъ ссора и послужили первымъ шагомъ на пути образованія двухъ новыхъ, рѣзко обозначившихся въ нашей литературѣ направленій.

Мы уже видѣли, какъ плодотворно удалось славянофиламъ примѣнить къ потребностямъ русской жизни свои воззрѣнія; теперь намъ предстоитъ взглянуть на то, что успѣлъ сдѣлать для развитія русскаго самосознанія Бѣлинскій, всецѣло посвятившій себя изученію и критической оцѣнкѣ произведеній русской литературы, какъ „отраженія духовной и умственной жизни народа“.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (род. 1811 г., ум. 1848 г.) былъ уроженцемъ далекаго Востока Россіи—города Чембара, Пензенской губерніи. Отецъ его занималъ скромное положеніе уѣзднаго штабъ-лѣкаря и, конечно, не могъ особенно много тратить средствъ на воспитаніе и обученіе своего сына. Мальчикъ росъ, какъ и всѣ дѣти въ подобныхъ же условіяхъ бѣдноты и

В. Г. Бѣлинскій и его автографъ.

глухого захолустья—и шелъ тѣмъ путемъ, какимъ шли въ то время его сверстники. Сначала онъ попалъ въ чембарское уѣздное училише, потомъ, на 14-мъ году, перешелъ въ Пензенскую гимназію (4-хъ-классную, какъ и всѣ гимназіи того времени); а изъ нея, въ 1829 году, Богъ вѣсть какими судьбами, попалъ въ число студентовъ Московскаго университета—и притомъ еще *казенныхъ студентовъ*, содержавшихся чрезвычайно дурно при университетѣ на „казенный коштъ“. Здѣсь, отчасти подъ гнетомъ очень

дурныхъ и тягостныхъ условій жизни, Бѣлинскій рѣшился попытать счастья въ литературѣ...

Первая драма.

Задатки къ занятію литературою онъ выказывалъ очень уже рано—по свидѣтельству людей, близко знавшихъ его на школьной скамьѣ. И самъ Бѣлинскій, въ одномъ изъ откровенныхъ писемъ своихъ, сознается, что писалъ стихи во 2-мъ классѣ гимназіи. Сознается и въ томъ, что они никогда ему не удавались. „Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы—и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу“... Но, при пылкомъ и порывистомъ темпераментѣ Бѣлинскаго, проза его могла недолго оставаться „смиренной“. Его наблюдательный умъ, чуткій и податливый къ впечатлѣніямъ совершавшейся около него жизни, не могъ примириться съ тѣмъ, что̀ около него происходило, и невольно юный, начинающій писатель, выросшій въ провинціальной глуши и насмотрѣвшійся печальныхъ картинъ крѣпостного быта, пришелъ къ тому, что избралъ изъ этого быта сюжетъ для своего перваго произведенія. Это произведеніе была драма—„*Дмитрій Калининъ*“, написанная въ прозѣ и написанная бойкимъ, смѣлымъ перомъ. Онъ читалъ ее товарищамъ, и тѣ одобрили его произведеніе; и вотъ онъ рискнулъ представить свое произведеніе въ цензуру (состоявшую изъ университетскихъ профессоровъ), предполагая отдать ее на сцену или помѣстить въ какомъ-нибудь журналѣ. Но произошло нѣчто совершенно неожиданное: профессоры-цензоры призвали автора въ свой комитетъ, сдѣлали ему строжайшій выговоръ за его литературную продерзость, пригрозили даже ссылкою; но затѣмъ предпочли другой способъ дѣйствія... Воспользовавшись какими-то мелочными неисправностями студента Бѣлинскаго, они исключили его изъ университета „по слабому здоровью и „*притомъ по ограниченности способностей*“. И такимъ образомъ, въ сентябрѣ 1832 года, Бѣлинскій очутился на улицѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію... [1]).

Но онъ этого не испугался. Нужда преслѣдовала его съ дѣтства, и онъ уже свыкся съ ней... Притомъ, горькій опытъ съ драмой довольно ясно указывалъ ему, что онъ можетъ искать себѣ литературнаго заработка, и онъ пристроивается при журналѣ Надеждина, сначала переводчикомъ, потомъ начинаетъ въ немъ пописывать небольшія рецензійки и статьи о книгахъ, подъ скромнымъ псевдонимомъ „*—онъ—инскій*“, а затѣмъ подъ иниціалами „*В. Б.*“

[1]) Драма Бѣлинскаго, если бы ему удалось ее поставить на сцену, вѣроятно, доставила бы ему нѣкоторую извѣстность. По своимъ литературнымъ достоинствамъ, по яркости красокъ и опредѣленности выведенныхъ авторомъ характеровъ, эта драма стоитъ ни чуть не ниже драматическихъ опытовъ Лермонтова и обнаруживаетъ въ Бѣлинскомъ недюжинный драматическій талантъ,

Появленіе Бѣлинскаго въ „Телескопѣ" совпадаетъ съ другимъ важнымъ событіемъ въ московской журналистикѣ — съ запрещеніемъ „Московскаго Телеграфа" (1834 г.)... Это событіе побудило Надеждина обратить особенное вниманіе на улучшеніе своего журнала, который былъ такъ неожиданно избавленъ отъ опаснаго соперника: — съ 1834 года онъ начинаетъ давать къ своему журналу прибавленіе въ видѣ „Молвы" и даже прилагать къ нему „Парижскія Моды". Въ слѣдующемъ году „Телескопъ" круто поворачиваетъ къ серьезности: въ немъ значительно улучшается отдѣлъ критики (между прочимъ въ этомъ году появляются первыя статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ) и печатается много историческихъ статей. Бѣлинскій и Надеждинъ.

Въ это время Бѣлинскій сходится съ Н. А. Полевымъ [1]) и дружится съ кружкомъ Станкевича (въ его первоначальномъ смѣшанномъ составѣ), въ которомъ всѣ члены кружка до полнаго самозабвенія увлекались изученіемъ философскихъ теорій Гегеля, усиленно стараясь примѣнять ихъ къ условіямъ современной русской дѣйствительности и даже къ фактамъ личной жизни. Увлеченіе Гегелемъ было такъ велико и такъ глубоко проникало въ душу членовъ кружка, что между ними даже создался свой условный языкъ, на основаніи котораго члены кружка то допускали себя до *„гемюта"*, то *„отдавались пантеистическому чувству единства съ космосомъ"*, то *„опредѣляли субстанцію народности въ ея проявленіи"*.

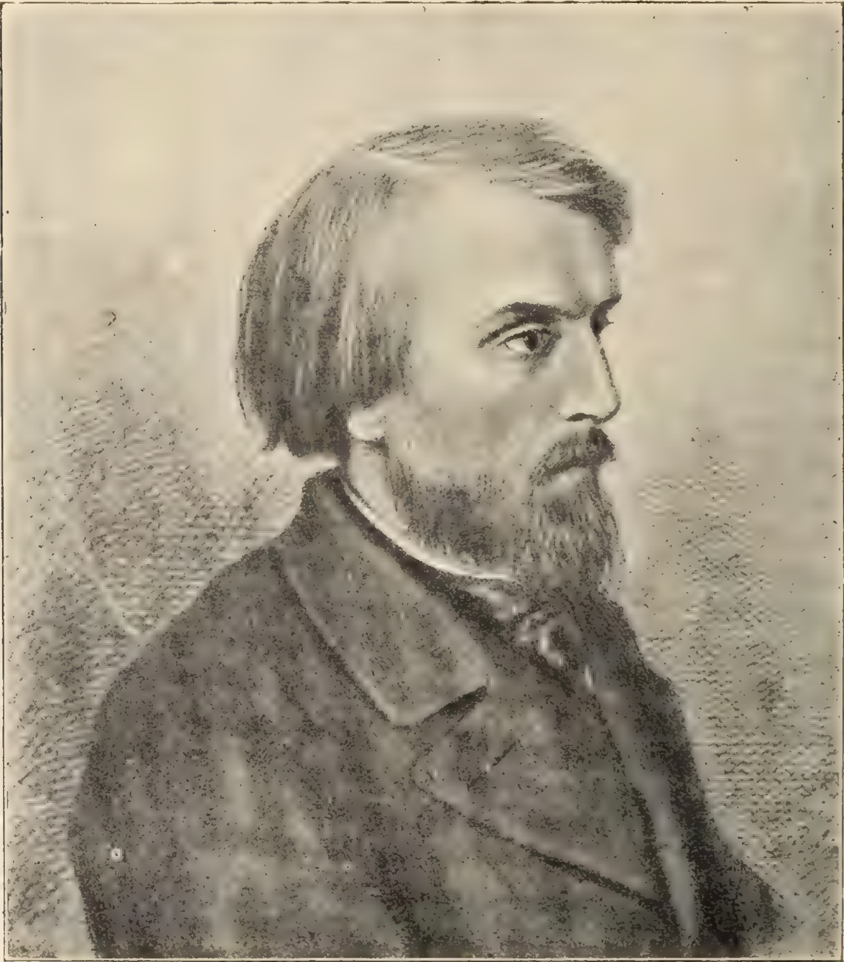
Эти увлеченія философскими теоріями особенно занимали Бѣлинскаго въ тѣ два года вынужденнаго досуга, которые послѣдовали за прекращеніемъ „Телескопа". Бѣлинскій въ эти два года бѣдствовалъ жестоко, не имѣя никакого опредѣленнаго заработка; но не придавалъ своему положенію никакого значенія и относился къ нему съ такимъ стоическимъ равнодушіемъ, что о положеніи Бѣлинскаго не знали даже и ближайшіе его друзья. Можно было подумать, что для него существуетъ на землѣ только міръ отвлеченнаго мышленія и заботы о пополненіи своего разума новыми наблюденіями и идеями.

Въ 1838 году, послѣ двухлѣтняго перерыва въ своемъ писательствѣ, Бѣлинскій принялъ на себя редактированье журнала „Московскій Наблюдатель" (покинутое С. П. Шевыревымъ) и рьяно принялся за дѣло, хотя и совсѣмъ не обладалъ ни способностями, ни подготовкою, необходимыми для веденія журнала, къ которому уже начинали, въ данное время, примѣняться довольно строгія и разборчивыя требованья. Но Бѣлинскій и не думалъ заботиться о матерьяльномъ успѣхѣ журнала: ему хотѣлось по- Бѣлинскій редакторъ.

---

[1]) По сохранившимся отъ этого времени дневникамъ Н. А. Полевого, Бѣлинскій былъ въ это время ежедневнымъ вечернимъ гостемъ въ семьѣ бывшаго издателя «Московскаго Телеграфа».

скорѣе дѣйствовать, писать, излагать свои литературныя мнѣнія и воззрѣнія подъ тѣмъ новымъ освѣщеніемъ, которое придавала имъ страстно увлекавшая Бѣлинскаго философія Гегеля. Предавшись ей всей душой, онъ позабылъ о прежнихъ увлеченіяхъ Шеллингомъ, въ тотъ первый періодъ своей литературной дѣятельности, когда онъ отчасти подчинялся вліянію Полевого и его

В. Г. Бѣлинскій (молодой типъ).

романтическихъ воззрѣній на поэзію и значеніе поэта. Въ наступившемъ теперь второмъ періодѣ своей литературной дѣятельности (1838—1841 гг.), Бѣлинскій вдался въ отвлеченность, отрѣшился отъ жизни и въ пониманіе изящнаго внесъ односторонность и исключительность. Благодаря довольно узкому пониманію основныхъ положеній гегелевской философіи, Бѣлинскій сталъ доказывать, что истинно-художественными произведеніями могутъ быть названы лишь такія, въ которыхъ ясно высказывалось объективное, олимпійское, вполнѣ спокойное созерцаніе жизни.

При такомъ воззрѣніи, Бѣлинскому пришлось выкинуть изъ области поэзіи чуть не всю лирику (въ особенности сатиру) и отрицать всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ проявлялись увлеченія поэта живыми вопросами общественной жизни и дѣйствительности. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Бѣлинскій выступилъ на болѣе правильный путь въ своей критикѣ, онъ съ досадою вспоминалъ о своихъ увлеченіяхъ этого періода. Но „Московскій Наблюдатель“ былъ не долговѣченъ, и въ 1839 году прекратилъ свое существованіе на 5-й книжкѣ.

Бѣлинскій въ Петербургѣ.

Видя полный неуспѣхъ журнальныхъ предпріятій въ Москвѣ за это время, притомъ порвавъ связи со многими сочленами своими въ кружкѣ Станкевича, Бѣлинскій задумалъ попытать счастья въ Петербургѣ, гдѣ около этого времени начинала усиливаться и разростаться журналистика. Въ виду этого, Бѣлинскій очень обрадовался, когда со стороны новаго издателя „*Отечественныхъ Записокъ*“, А. А. Краевскаго—получилъ приглашеніе принять на себя веденіе отдѣла критики и библіографіи въ его журналѣ [1]). Быстро собрался онъ и безъ всякаго сожалѣнія покинулъ Москву, къ которой давно успѣлъ охладѣть, которая ему порядкомъ понадоѣла своей апатіей и однообразіемъ общественной жизни. Его манилъ Петербургъ, съ которымъ онъ совсѣмъ не былъ знакомъ и въ которомъ, по его предположеніямъ, онъ могъ скорѣе, чѣмъ въ Москвѣ, найти сочувствіе своимъ взглядамъ и свободу высказывать свои мнѣнія. А потребность высказываться была въ немъ уже настолько сильна въ это время, что онъ не могъ даже и представить себѣ жизнь внѣ того круга дѣятельности, который ему открывала журналистика.

В. Г. Бѣлинскій (незадолго до кончины).

„Я—литераторъ!“—пишетъ онъ одному изъ друзей своихъ

[1]) Какъ разъ около этого времени А. А. Краевскій купилъ «Отечественныя Записки» у Свиньина, призвалъ къ участію въ нихъ новыя силы и придалъ журналу иное направленіе.

въ 1839 г.—„говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и горькимъ убѣжденіемъ,—и литература россійская моя жизнь и моя кровь. Я привыкъ къ литературѣ, отдалъ ей всего себя, т. е. сдѣлалъ ее главнымъ интересомъ своей жизни...“

Лучшіе годы Бѣлинскаго.

Непоколебимо честный въ своихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ и постоянно искренній, Бѣлинскій нимало не рисовался и не обманывалъ себя, когда высказывалъ такой взглядъ на себя. Ему, дѣйствительно, всею душою хотѣлось всецѣло посвятить себя и всю свою жизнь той литературной дѣятельности, къ которой онъ все болѣе и болѣе начиналъ привязываться, отрицаясь отъ всѣхъ другихъ земныхъ благъ. По двумъ-тремъ опытамъ онъ успѣлъ разочароваться въ своемъ литературномъ дарованіи, и не пытался болѣе вернуться къ самостоятельной обработкѣ литературныхъ произведеній; но, по своей долгой и разнообразной практикѣ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ точнѣе и правильнѣе другихъ понимать значеніе литературы въ нашемъ обществѣ и оцѣнивать важнѣйшихъ дѣятелей въ этой области. И чѣмъ внимательнѣе онъ къ нашей литературѣ присматривался, чѣмъ глубже изучалъ онъ ея прошлое, тѣмъ болѣе начиналъ приходить къ тому убѣжденію, что литературу невозможно отдѣлить отъ жизни и что разсматривать и оцѣнивать ея произведенія можно только въ тѣсной связи и взаимномъ соотношеніи съ исторіею общества въ его прошломъ и настоящемъ. Есть основаніе предполагать, что этотъ поворотъ въ его воззрѣніяхъ на литературу и критику совершился еще въ послѣдніе годы его пребыванія въ Москвѣ; но окончательно онъ повернулъ на новый путь въ своей критикѣ послѣ своего переселенія въ Петербургъ, которое объяснило ему многое и на многое заставило смотрѣть иначе, нежели онъ смотрѣлъ изъ своего московскаго „прекраснаго далека“. Бѣлинскій самъ это подтверждаетъ въ своей извѣстной статьѣ „*Москва и Петербургъ*“; онъ въ ней признаетъ, что „Петербургъ оказываетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее дѣйствіе... Сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ-быть, съ тяжелою грустью, но и въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго...“

Къ вліянію, оказанному Петербургомъ, добавилось еще вліяніе новыхъ встрѣчъ и знакомствъ, и того молодого кружка талантливыхъ людей, которые, только еще собираясь выступить на литературное поприще, конечно, весьма охотно сходились около человѣка, восторженно преданнаго служенію нашей литературѣ.

Несмотря на то, что въ началѣ своей дѣятельности, по переходѣ въ „Отечественныя Записки", Бѣлинскій еще печаталъ статьи довольно отвлеченнаго характера, написанныя имъ еще въ Москвѣ, — всѣ вскорѣ увидѣли, что онъ начинаетъ переходить отъ туманныхъ теорій и отвлеченій къ болѣе осязательному и болѣе глубокому пониманію истинныхъ потребностей нашей литературы и къ болѣе строгому опредѣленію ея цѣлей и значенія. Одна за другою являются его прекрасныя характеристики „Горя отъ ума", „Ревизора" и дѣятельности Лермонтова, и въ нихъ Бѣлинскій выступаетъ уже не сухимъ эстетикомъ, прикладывающимъ свою однообразную теоретическую мѣрку ко всѣмъ произведеніямъ: онъ является передъ нами всестороннимъ критикомъ и публицистомъ, который разсматриваетъ литературныя произведенія въ связи со всею окружающею ихъ жизнью и дѣйствительностью. Бѣлинскій, видимо, съ полнымъ сознаніемъ отрекается отъ того юношескаго періода своей критической дѣятельности, когда онъ отрицалъ самое существованіе у насъ литературы и „въ сей истинѣ видѣлъ залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ". Появленіе Гоголя и внимательное, всестороннее, безпристрастное изученіе Пушкина вынудили его серьезно и строго вникнуть въ изученіе всего хода развитія нашей литературы и придти, относительно ея, къ болѣе строгимъ и болѣе положительнымъ выводамъ. Уже начиная съ обзора Русской литературы за 1840 годъ, Бѣлинскій высказываетъ новыя воззрѣнія, совершенно противоположныя московскимъ, а въ 1844 г., въ теченіе цѣлаго года занимается разборомъ произведеній Пушкина, и этотъ разборъ до сихъ поръ не утратилъ своего классическаго значенія [1]). Въ то же время Бѣлинскій—первый между русскими критиками—является истолкователемъ произведеній Гоголя, которыя, на первыхъ порахъ, были поняты очень немногими. Онъ первый разъяснилъ публикѣ, что произведенія Гоголя — вовсе не разсказы веселаго балагура и шутника, а драгоцѣнные перлы художественнаго творчества въ самомъ возвышенномъ значеніи этого слова. Онъ первый, съ поразительною смѣлостью, опредѣлилъ высокое мѣсто Гоголя въ нашей послѣ-Пушкинской литературѣ и съ полною ясностью показалъ, что кромѣ идеальной поэзіи есть еще поэзія реальная, поэзія жизни и дѣйствительности, поэзія ничѣмъ не скрываемой и не прикрашиваемой истины. Заслуги Бѣлинскаго.

Вообще говоря, въ половинѣ 40-хъ годовъ, характеръ критики Бѣлинскаго вполнѣ опредѣлился, и вліяніе, и значеніе его въ нашей современной литературѣ и журналистикѣ выяснились

[1]) Въ первомъ, Солдатенковскомъ, изданіи сочиненій Бѣлинскаго статьи о Пушкинѣ занимаютъ цѣлый (VIII) томъ.

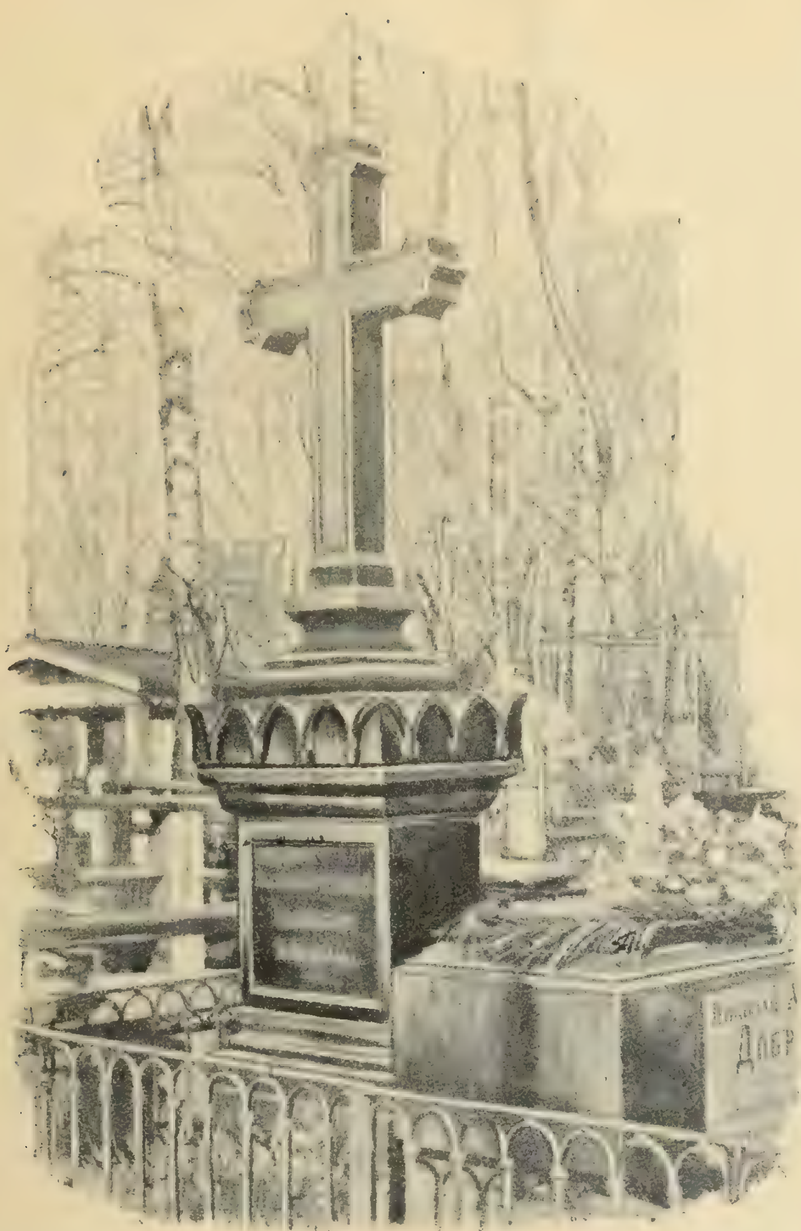
вполнѣ. Въ своихъ „обзорахъ“ литературы онъ давалъ полную и правдивую картину нашего литературнаго роста и успѣховъ просвѣщенія въ связи съ различными вопросами общественными, которые постоянно назрѣвали и, волей-неволей, требовали разрѣшенія. Произведеніямъ замѣчательнымъ и выходящимъ изъ ряда онъ удѣлялъ особые, спеціальные критическіе очерки и статьи, не упуская изъ вида ни одного выдающагося явленія. Сверхъ того, онъ успѣвалъ еще вести обширный библіографическій отдѣлъ, въ которомъ каждую, даже и небольшую книжку характеризовалъ и оцѣнивалъ въ десяти строкахъ своего отзыва. Не упускалъ онъ также случая полемизировать со своими многочисленными литературными противниками, къ которымъ, однакоже, относился съ большимъ разборомъ—безпощадный къ представителямъ литературной пошлости, онъ совсѣмъ иначе относился къ тѣмъ противникамъ, которыхъ могъ уважать, хотя и расходился съ ними во взглядахъ на существеннѣйшіе вопросы русской жизни (напр., съ славянофилами).

Вліяніе Бѣлинскаго.

Мало-по-малу, благодаря этой своей неутомимой и безукоризненно-честной дѣятельности, Бѣлинскій пріобрѣлъ весьма обширный кругъ читателей и почитателей, для которыхъ его слово было закономъ; и этому вліянію, этой нравственной силѣ своей онъ былъ обязанъ тѣмъ, что всѣ вступавшія въ литературу новыя силы относились къ нему со страхомъ и надеждою, какъ къ рѣшителю своихъ судебъ. И вотъ мы видимъ, что всѣ писатели послѣдующей эпохи 50-хъ годовъ проходятъ, такъ сказать, черезъ его руки: онъ ихъ ободряетъ, поощряетъ и направляетъ на тотъ путь, къ которому провидитъ въ нихъ задатки. Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Н. Некрасовъ, Ап. Майковъ, Ѳ. Достоевскій и многіе другіе развились на его глазахъ и съ гордостью признавали себя его учениками; они и дѣйствительно были воспитаны критикою Бѣлинскаго, ею вызваны къ творческой дѣятельности и ей обязаны многими совершенствами своего таланта.

Къ концу своей литературной карьеры, болѣе, чѣмъ когда-либо твердо убѣжденный въ томъ, что „искусство можетъ имѣть значеніе только для жизни“, а не для иныхъ какихъ-либо цѣлей, Бѣлинскій выражалъ уже свои воззрѣнія на этотъ вопросъ въ слѣдующей, всѣмъ доступной формѣ:

„Свобода творчества, — такъ говоритъ онъ въ разборѣ „Рѣчи о критикѣ“ Никитенко, — легко согласуется со служеніемъ современности; для этого не нужно принуждать себя писать на тэмы, насиловать фантазію; для этого нужно быть только гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи... для этого нужны симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни.“

Могилы Бѣлинскаго и Добролюбова, на Литературныхъ мосткахъ, на петербургскомъ Волковомъ кладбищѣ.

Семилѣтняя, непрерывная, утомительная и сложная работа надъ критическимъ и библіографическимъ отдѣломъ „Отечественныхъ Записокъ" сильно расшатала и безъ того уже слабое здоровье Бѣлинскаго. Онъ захотѣлъ облегчить лежавшую на немъ обузу работы, и встрѣтилъ къ тому большія препятствія со стороны издателя журнала, А. А. Краевскаго. По этому поводу между Бѣлинскимъ и Краевскимъ начались пререканія и обоюдныя неудовольствія, которыя кончились тѣмъ, что въ 1846 году Бѣлин- Разрывъ съ Краевскимъ.

скій отказался отъ сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Его здоровье требовало продолжительнаго отдыха и тщательнаго лѣченія. Въ этихъ именно видахъ онъ провелъ въ тотъ годъ лѣто и часть осени на югѣ Россіи. По возвращеніи въ Петербургъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ былъ приглашенъ постояннымъ сотрудникомъ въ новый, только-что возникавшій журналъ „*Современникъ*“, за изданіе котораго принялись тогда двое молодыхъ литераторовъ: *Н. А. Некрасовъ* и *И. И. Панаевъ*. Матерьяльное положеніе Бѣлинскаго въ этомъ новомъ журналѣ было значительно улучшено предложенными ему условіями. Онъ очень охотно и усердно принялся за работу; но его сотрудничество въ „Современникѣ“ продолжалось не болѣе одного года. Лучшею его статьею въ этомъ періодѣ его дѣятельности можно считать „*Взглядъ на русскую литературу 1847 года*“; онъ посвящаетъ эту статью характеристикѣ романа вообще, и въ частности—всестороннему разбору „Обыкновенной исторіи“ Гончарова.

Дни его, однакоже, были уже сочтены. Злая чахотка не давала ему возможности работать попрежнему—силы его были окончательно подорваны. Весною 1847 г., по настоянію докторовъ и при помощи друзей, Бѣлинскій побывалъ за границей, лѣчился тамъ, и на нѣкоторое время получилъ облегченіе; но, вернувшись въ Петербургъ, въ прежнія условія жизни, онъ не прожилъ и года: онъ умеръ 28 мая 1848 года и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

Нужно ли говорить, что Бѣлинскій,—и какъ человѣкъ, какъ общественный дѣятель, и какъ писатель,—оставилъ глубокій и видный слѣдъ въ нашей литературѣ. Онъ первый положилъ прочныя основанія русской критикѣ. Онъ первый изъ русскихъ критиковъ выступилъ проповѣдникомъ поэзіи для жизни, поэзіи, глубокопроникнутой общественными интересами. Съ полнымъ сознаніемъ правоты своихъ взглядовъ и мнѣній онъ первый превознесъ Гоголя, какъ родоначальника „натуральной школы“ и привѣтствовалъ въ немъ вполнѣ разумное низведеніе поэзіи изъ заоблачныхъ высей на землю, въ міръ обыденной дѣйствительности... По его слѣдамъ пошли, въ 50-хъ годахъ, его ученики и продолжатели, и русская критика заняла въ нашей литературѣ положеніе, независимое отъ личныхъ отношеній и отъ стѣсненій теоретическаго умствованія.

